

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (55)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2017

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
проф. *Д. Бошкович* (Крагуевац), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаилов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулешкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (55)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2017

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Dragan Bošković* (Kragujevac), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroeov* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 5–18
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 5–18
© Автор(ы) 2017

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА «ПРОРОЧЕСТВО НЕФЕРТИ»¹

Р.А. Орехов

*Центр египтологических исследований РАН, Москва,
radamant67@mail.ru*

Аннотация. В статье затрагивается тема прогнозирования египтянами важных событий их истории по первому восходу звезды Сириус. В частности, исследуется знаменитый литературный памятник Среднего царства (1991–1785 гг. до н.э.), папирус № 1116 В recto Государственного Эрмитажа, более известный как «Пророчество Неферти». Многие древние народы, испытавшие на себе влияние Египта, использовали восход этой звезды для предсказания крупных социальных бедствий, неурожая, мора, природных катаклизмов. Большинство этих свидетельств сохранилось от античной эпохи. Однако египетская цивилизация, создавшая первый солнечный календарь, положила в его основу именно циклы Сириуса. Поэтому очевидно, что египтяне могли быть именно тем народом, где данные предсказания появлялись впервые. В частности, подобный прогноз влагается в уста жреца богини Бастет Неферти, с которым он обращается к царю Снофру (2613–2589 гг. до н.э.). Однако почему в таком случае памятник Среднего царства упоминает имя царя более древней эпохи – строительства великих пирамид? Автор приходит к заключению, что трагические события, описанные в данном произведении, являются своеобразной калькой с событий начала периода Древнего царства (2767 г. до н.э.), когда впервые была установлена практика наблюдения за Сириусом в Мемфисе. Важная роль в этом процессе принадлежала знаменитому архитектору царя Джосера Имхотепу, который и послужил прообразом главного героя пророчества Неферти.

Орехов Роман Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН

¹ Текст статьи подготовлен на основе доклада, сделанного автором на международной конференции «Випперовские чтения» в ГМИИ им. А.С. Пушкина 3 февраля 2016 г., посвященной 160-летию со дня рождения В.С. Голенищева.

Ключевые слова: Древний Египет, религия, пророчество Неферти, Сириус, Имхотеп, Джосер, Снофру

*«Бог для ночных паломников в Могребе
Зажег огни – святые звезды Пса»
(И. Бунин. «Путеводные знаки»)*

Введение

Литература, посвященная исторической и филологической интерпретации знаменитого папируса № 1116 В recto Государственного Эрмитажа, более известного, как «Пророчество Неферти», настолько обширна, что ее обзор мог бы стать предметом специального исследования². Однако сегодня мне хотелось бы остановиться на ряде аспектов данного памятника, которые в силу определенных причин оставались египтологами не распознанными.

Современные исследователи, рассматривая данный памятник преимущественно как документ идеологической пропаганды, упустили из виду его визионерскую направленность. Идеологический подход исходит, прежде всего, из убеждения, что пророчество – это не столько факт египетского религиозного сознания (опыта), сколько литературный прием, призванный обосновать через обращение к прошлому какое-то важное знаковое событие. Например, академик М.А. Коростовцев пишет, что «Пророчество Неферти» – своеобразное литературное произведение, имеющее целью возвеличить и оправдать основателя XII династии (т.е. Аменемхета I (1991 г. до н.э.) или «царя Имени», как это имя приводится в памятнике – Р.О.), узурпировавшего трон, и узаконить его власть³. Или: «Речение Ипусера и Пророчество Неферти пропагандировали с позиций фараоновского государственного чиновничества государственный централизм, и именно им объясняется многовековая популярность произведений среди служилых людей, среди тех, кто был связан с фараоновской государственной администрацией и фараоновским государственным хозяйством», – пишет И.А. Стучевский⁴.

Суть визионерского подхода принципиально иная. Выявление его египетской специфики стало возможным благодаря замечательному наблюдению академика В.В. Струве⁵. Исследователь пришел к выводу, что с точки зрения египтянина, будущее – это отрицание настоящего момента времени, поэтому настоящее призрачно и едва уловимо: «О чем поведать (тебе), о настоящем или о будущем, о, царь, ..., владыка мой? – О будущем – ведь настоящее проходит, минуя себя» (Е. 15–16). Эта максима, вложенная автором «Пророчества Неферти» в уста царя

² Здесь мы упомянем только наиболее важные работы по данной теме, включая собственно саму публикацию памятника В.С. Голенищевым: Golénischeff 1913 (далее – Е.); Струве 1926; Стучевский 1976, 144–155; Вассоевич 1998, 416–426; Демидчик 2005, 5–13; Posener 1956; Gödicke 1977; Blumenthal 1982, 381–382; Blumenthal 1996, 105–135. Иероглифический текст, используемый в исследовании, см.: Helck 1992.

³ Коростовцев 1978, 283. См. также похожую оценку: Blumenthal 1982, 381.

⁴ Стучевский 1976, 152–153.

⁵ Струве 1926, 3–4.

IV династии Снофру, свидетельствует, что будущее – это уже в некотором смысле момент настоящего, ведь между ними нет строгой грани!

Развивая мысль В.В. Струве, А.Л. Вассоевич замечает: «Истолковывая значение 15-ой и 16-ой строк иератического текста, В.В. Струве вплотную подошел к сути древнеегипетских представлений о времени, когда будущее рассматривалось как реальное *послесуществование*, прошлое как реальное *предсуществование*, а настоящее, т.е. “сегодня”, как нечто, что “совершается, минув себя”. Этот вывод дает ключ к пониманию сути всей философии древневосточных пророчеств. Ведь если то, что мы именуем будущим, является вполне реальным *послесуществованием*, то пророчество о нем, пользуясь нашими современными понятиями, есть либо краткосрочный, либо долгосрочный прогноз»⁶. Но на чем основывается данный прогноз?

Исследователь полагает, что в основу долгосрочного вполне может быть положено наблюдение регулярных закономерностей типа солнечных или лунных затмений, краткосрочное – скорее факт образа мышления, даже религиозного сознания (например, вера в предопределение)⁷. Однако удивительно, что текст «Пророчества Неферти» содержит на этот счет вполне готовый ответ. Речь идет именно о прогнозе по восходу Сириуса⁸.

Собирая материал об астрономической (астрологической) роли Сириуса в древних культурах, я столкнулся с интересным фактом. Оказывается, многие древние народы использовали восход этой звезды для предсказания крупных социальных бедствий, неурожаев, мора, природных катаклизмов и мн. др. Ниже я хочу привести несколько примеров, которые хотя и разнятся между собой, но обладают, тем не менее, некоей общей основой.

Так, римский астролог Марк Манилий сохранил свидетельство о наблюдении за Сириусом жрецов в области Тавра:

*«Те, кто с крутых пиков Тавра наблюдает её возвращение, по первому её восходу судят о мере согласия и здоровья, погоде и урожае. Она начинает войны и восстанавливает мир, возвращаясь по-разному. Так она движется, смотрит, взглядом управляет миром. Верным знаком её силы служат цвет и движение огня на её лице»*⁹.

Указание на первый восход Сириуса также содержится в корпусе «Авесты»:

*«Мы приносим жертву Тиштрий [т.е. Сириусу. – Р.О.], потому что согласно тому, как она восходит, таким будет год в стране. Будет ли в странах ариев хороший год?»*¹⁰.

⁶ Вассоевич 1998, 424.

⁷ Вассоевич 1998, 424–425.

⁸ Автор выражает в этой связи искреннюю благодарность д-ру ист. наук А.Е. Демидчику за возможность ознакомления с его материалами по данному вопросу, неизвестными мне ранее (Демидчик 2005, 5–13). Удивительно, что в своем поиске мы схожим образом обозначили проблему памятника, однако разошлись в путях ее решения. Это еще раз свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки данного аспекта.

⁹ Manilius. *Astronomica* I. 401–406 (пер. Е.М. Штаерман).

¹⁰ «Яшт» 8, 36–39, цит. по: Ван-дер-Варден 1991, 185. Свидетельство «Авесты» представляется важным, т.к., согласно древнеиранским представлениям, Сириус являлся главной звездой небосвода и непосредственно управлял жизнью земли (Зороастрийские тексты 1997, 112).

Следующее интересное свидетельство принадлежит Овидию и содержится в его знаменитой поэме «Фасты». Напомним, что данная поэма представляет собой календарь, в котором описываются праздники и священные дни Рима. Именно в четвертой книге мы находим сведения о древнем обряде принесения в жертву внутренностей рыжей собаки *augurium canāgium*, совершавшемся у *Catulāria porta* при раннем восхождении Сириуса:

*«А на вопрос мой, зачем эта новая, странная жертва,
Фламин ответил: “Узнай, что за причина ее.
В небе есть пес, Икарий по имени; лишь он восходит,
Мучится в жажде земля и засыхает посев.
Ради небесного пса на алтарь возлагают собаку,
И лишь название “пес” к смерти приводит ее”»*¹¹.

Как следует из текста, обряд был необходим, чтобы нейтрализовать негативное иссушающее воздействие Сириуса (!) на посевы¹². Как полагает Вяч. Вс. Иванов, описанный выше ритуал правомерно трактовать в контексте общеиндоевропейского мифа об убийстве культурным героем пса или волка. Исследователь полагает, что данный миф и его модификации были распространены на достаточно обширном пространстве обитания индоевропейских племен¹³. Отсюда – некая общая основа во всех трех сюжетах.

В этой связи представляется странным, что цивилизация, подарившая миру календарь, кладущий во главу угла такое важное астрономическое явление, как гелиакический восход Сириуса, как будто не сохранила сведений о подобных прогнозах-предсказаниях. Поэтому представляется важным обратить внимание на некоторые аспекты «Пророчества Неферти».

1. Богиня *B3st* (Убасте)¹⁴ и звезда Сириус.

Интерпретируя титулатуру главного героя произведения, значительная часть исследователей читает в тексте папируса имя богини, жрецом которой являлся Неферти, как Бастет¹⁵. Это представляется справедливым. Однако необходимо принять во внимание, что существует два варианта написания данного имени.

Первый – это относительное прилагательное (нисба), $\overline{\text{B3st.t}}$ ¹⁶, подчеркивающее принадлежность богини к определенному культовому центру восточной

¹¹ Ovid. Fasti IV, 937–942 (пер. Ф.А. Петровского).

¹² В этой связи представляется странным, что робигалии справлялись 25 апреля, а восход Сириуса падает на сезон дождей, т.е. конец марта (Ovid. Fasti IV, 904). Следовательно, воздействие Сириуса в данном случае никак не было связано с активностью солнца. Более вероятно, что речь в тексте идет о воспоминании неких событий, связанных с аномальной активностью Сириуса, намек на которые, в частности, содержится в мифе об Аристее. Именно в данном мифе фигурирует собака Икария, которая при своем восходе погубила поля и нивы острова Кеос (Hygin. Astronomia. II. 4. 6; Diod. IV. 82. 1.).

¹³ Иванов 2009, 103–104.

¹⁴ Греческая передача имени первого царя XXXIII династии Таниса *P3-dj-B3st(.t)* как Πετοῦβᾶστις (Manetho. Fr. 62) предполагает наличие начального w в имени *B3st(.t)*, буквально Убасте(т). См. Lacaue, Lauer 1965, 35, № 45. Богиня, почитавшаяся в образах львицы (в позднее время – кошки). Расцвет культа Бастет приходится на время правления XXII ливийской династии (945–715 гг. до н.э.).

¹⁵ Lichtheim 1975, 140; Simpson 1973, 214. Ср.: Демидчик 2005, 7.

¹⁶ В данном случае в ж.р. ед.ч. относительное прилагательное получает окончание не -jt, а -t, см. Edel 1955, 146–147; Hannig 2006, 3058.

дельты, буквально, «Бастетская» («Та, которая из Басты»)¹⁷. Второй – о котором идет речь в тексте «пророчества», – выписывается и читается иначе – ¹⁸ (вар.) – B3st. Большой Берлинский словарь определяет данное сокращенное написание (т.е. без второго «t») как «нижнеегипетское» и также предлагает читать как B3st.(t), что представляется не совсем корректным¹⁹.

Учитывая данное разночтение, шведский исследователь Я. Бергман, предложил интерпретировать данное имя как «Душа Исида». Культ богини B3st, по его мнению, восходил ко временам Древнего царства и был связан с празднованием Нового года²⁰. Соответственно, и название города – B3st – он переводит как «город Души Исида»²¹. Этот момент представляется важным, т.к. с древнейших времен «Душа Исида» воспринималась египтянами как звезда Сириус, являясь главным мерилем Новогодних торжеств²².

Однако первым на связь богини Убасте (B3st) и Сириуса обратил внимание наш отечественный исследователь Н.С. Петровский, который дал отличное от общепринятого прочтение интересующего нас фрагмента текста:

Dd.jn.sn hft hm.f'nh wd3 snb

j[w] hr-h3b 3 n B3st jtj nb.n Nfritj rn.f

«И они [т.е. пришедшие на доклад к царю сановники – Р.О.] сказали его величеству – да будет он жив, невредим, здоров! – «Есть великий маг души Исида»²³, государь, наш владыка, его имя Неферти»²⁴.

¹⁷ B3st (греч. Βούβαστις или Βούβαστος), первоначально часть 13, впоследствии столица 18-го нома Нижнего Египта (Hannig 2006, 2967).

¹⁸ – очевидно детерминатив к имени богини. Применительно к Сириусу данный детерминатив засвидетельствован с эпохи Нового царства – или (Leitz 2002, 291–292). Заметим, что изображение кобры как детерминатива богини не случайно, т.к. яд змеи очень опасен и вызывает у жертвы сильное жжение.

¹⁹ Wb. I, 423. Несмотря на то, что в ранних написаниях имени Бастет часть корня (радикал) «b», а также женское окончание часто могли опускаться, мы можем предполагать наличие краткой версии уже на ранних памятниках. Например, можно сравнить идентичные фонетические написание города – Dreyer 1998, 17–18, Taf. 124, 125, Abb. 78, Nr. 103, 104, 139, Taf. 31, Nr. 103–104 – и самой богини – Kaplony 1963, 699. Поэтому можно предположить, что данные имена отражают разные аспекты культа Бастет. Здесь правомерно привести аналогии с именами других богов – Бехдети («Тот, кто из Бехдета», т.е. Хор-солнце) или Небути («Тот, кто из Небута», т.е. Сет-златоградский). Если употребление имени божества было нежелательным, то о нем могли говорить иносказательно. Другими словами, относительное прилагательное (нисба) – только один из аспектов сущности божества, подчеркивающий его роль резидента того или иного места.

²⁰ Bergman 1968, 123–131, 39–40, 267–268; 1970, 45.

²¹ От эпохи Древнего царства сохранилось два варианта написания данного центра – , а также знаков (Hannig 2003, 1553). Последнее написание имени Бастет сближает ее с богиней Исидой. Название центра может быть истолковано в таком случае как «город души Исида» (Bergman 1970, 31). В этой связи следует заметить, что написание города через восходит к древнейшим памятникам Абидоса (рубеж IV – III тыс. до н.э.), см. прим. 19.

²² Bergman 1970, 41. Расстояние между двумя гелиакическими восходами звезды Сириус составляло «год» египетского календаря.

²³ В тексте стоит – Xr-HAb aA – букв. «великий херихеб», т.е. жрец-чтец, «тот, кто с ритуальным письменным текстом» (Hannig 2006, 1998).

²⁴ Хрестоматия по истории древнего Востока 1963, 74.

ности, речь может идти о знаменитом храме «Вершина Анх-тауи» (*thnj.t ʿnh-t3wj*). Сведения о нем сохранились в демотическом архиве мемфисского жреца Хора и ряде других памятников³⁰. Как следует из текстов архива, «храм вершины» был тесно связан с культами богов Белых стен – Бастет, Анубиса, Осириса и Имхотепа, прославленного (в данном случае обожествленного) архитектора Джосера³¹. Особенно интересен в этой связи эпитет Имхотепа – «создание того, кто южнее своей стены (т.е. сын бога Птаха), (тот, кто) на (храмовой) вершине, господин Анх-тауи в Мемфисе» (*km3 rsnfy t3 thn nb ʿnh-t3wy n Mn-nfr*)³².

В связи с функциональным назначением данного храма представляется важным свидетельство Элиана³³. Этот храм, скорее всего, располагался в непосредственной близости от гробницы Яхима/Имхотепа и был учрежден в воспоминание одного события, а именно укрощения огненной силы Сириуса в момент его предутреннего восхода. Как убедительно доказал О.Д. Берлев, произошло это событие именно при царе Джосере³⁴. Элиан уточняет, что в храме находился священный алтарь, с которого жрецы брали огонь и при первом появлении звезды проводили специальные ритуалы, предотвращавшие эпидемии и моры.

В титулатуре видного представителя XXVII династии Яхмеса подчеркивается, что он был не только жрецом храма Бастет, владычицы Анх-тауи, не только жрецом богов Белых стен и богов храма Вершины (*t3 dhn.t*) в Анх-тауи, но и (чтимым) пред Птахом и Сотис солнечным оком , а также жрецом Нечерихета-Джосера и Имхотепа³⁵. То, что этот человек был одновременно служителем Имхотепа и Джосера, Бастет и Сотис в Анх-тауи, только более убеждает нас, что он мог являться именно наблюдателем за Сириусом³⁶. Последняя работа английских археологов позволяет с достаточной степенью вероятности локализовать «храм Вершины» на территории Бубастейона, в непосредственной близости от пирамиды Джосера³⁷. Этот момент представляется важным. Литературный Неферти мог наблюдать Сириус именно из Мемфиса.

3. Сириус и засуха.

Если теперь, после нашего небольшого отступления, мы внимательно рассмотрим характер бедствий, о которых визионер упоминает в своем обращении к Снофру, то обнаружим в них определенную логическую последовательность: «река (Нил) станет сушей Египта, через воду будут переправляться пешком» (Е. 26–27); «не будут искать воду для судна, чтобы дать ему плыть, ибо его путь станет берегом, а берег – водою» (Е. 27); «южные ветры будут отвращать северные» (Е. 28–29);

³⁰ Ray 1976, 150–151; Wildung 1977, 34, 48.

³¹ Ray 1976, 151.

³² Ray 1976, 67.

³³ Suidae II, 616.

³⁴ Берлев 1999.

³⁵ Wildung 1977, 33–34; 1969, 79–83, Dok. XVI. 120.

³⁶ Примечательно, что Яхмес был также «великим уабом Сатис», богини, первые сведения о которой мы черпаем из надписей ступенчатой пирамиды Джосера. В более позднее время Сатис читалась как «владычица наводнения» и «всепоглощающая змея, владычица звезд». В этом смысле ее функция тесно смыкалась с Сириусом (Lacau, Lauer 1959. № 115, 58; 1965. № 48, 36, pl. 22, fig. 57).

³⁷ Ray 1976, 152–153, Fig. 3–4; Smith, Andrews, Davies 2011. Fig. A.

«дикие звери будут пить из потока Египта» (Е. 35)³⁸; «будет повергнута страна в несчастье из-за недостатка пищи» (Е. 30); азиаты (Е. 19, 33, 63, 67)³⁹.

Итак, логика перечисляемых событий позволяет предположить, что их источник может быть возведен к сильной аномальной засухе. В свою очередь неурожай порождает голод и социальную смуту, когда «один будет убивать другого». На протяжении своей истории Египет неоднократно подвергался засухам, но та, которая оставила наиболее значимый след в памяти Египта, вероятнее всего, произошла в правление упоминаемого выше царя III династии Сену/Джосера. Эта значимость определяется в первую очередь тем фактом, что природная аномалия стала причиной появления знаменитого календаря в 365 дней. О.Д. Берлев пришел к этому выводу на основе сопоставления трех памятников – надписи пьедестала Нечерихета/Сену, сообщения Элиана и текста Сехельской стелы, которая упоминает о семи годах великих бедствий⁴⁰. Примечательно в этой истории и то, что засуха связывалась египтянами именно с Сириусом, вокруг которого наблюдалось огненное свечение. Египтяне в силу своего мышления воспринимали это явление не просто как природную аномалию, а как болезнь (со всеми вытекающими последствиями!) солнечного ока (т.е. дочери бога Ра). Исцеление же Сириуса в свою очередь связывалось с личностью писца священных книг Имхотепа-Яхима⁴¹. Поэтому появление личности Имхотепа в связи с культом Бастет в Анх-тауи представляется не случайным. Вероятно, именно он стоял у истоков этого культа и был первым наблюдателем за Сириусом⁴². А если это так, то не стал ли Имхотеп прообразом литературного героя – Неферти?

Собранный на основе этого факта материал позволил мне прийти к выводу, что египтяне и контактировавшие с ними народы связывали с Сириусом некие катастрофические события, впервые зафиксированные именно в эпоху Джосера⁴³. Так как звезда воспринималась как источник потенциальной опасности для страны, ее появления не только ждали, но и научились предсказывать, пытаясь пред-

³⁸ Даже в современной Африке во время аномальной жары дикие звери в большом количестве скапливаются у пересыхающих водоемов. При этом между ними стоит удивительное перемирие – бывшие враги мирятся с присутствием друг друга. Поэтому автор «Пророчества» подмечает этот интересный факт – пересыхающая саванна заставляет зверей спускаться к Нилу и не обращать внимания на человека.

³⁹ Заметим, что вторжение азиатов, о которых памятник говорит неоднократно, можно рассматривать в некотором смысле как последствие засухи, которой охвачены соседние с Египтом регионы. Вспомним знаменитый сюжет Библии о приходе Иакова и его сыновей в Египет, когда визиром там был младший сын Иакова Иосиф (Быт. 41–42).

⁴⁰ Основополагающая работа – Берлев 1999.

⁴¹ «Он (т.е. Имхотеп) останавливал распространение заразных болезней и – τὴν ἀμφὶ τὸν κύνα τὸν Σεῖριον πρωτίστην ἐπιτολὴν καὶ τὴν ὀρμὴν τὴν ἐμπύρον ἡμέρωσε τοῦ ἀστέρος – укротил первое появление огненного свечения вокруг собачьей звезды, Сириуса» (Suidae II, 616). В Греции эта же роль приписывалась Аристею (см. прим. 11). И если Имхотеп побеждал огненную силу Сириуса при помощи огня (см. выше), то греческий герой Аристей учредил при первом появлении звезды боевые пляски (Кереньи 2007, 64–65).

⁴² Нельзя не упомянуть и тот факт, что Имхотеп также стоял у истоков культа бога Птаха, учредив его верховное жречество – «величайшего из управляющего ремесленниками» (Берлев, Ходжаши 2004, 389–390).

⁴³ Орехов 2014, 324–329, 348–353. Вероятно, Сириус в начале III тыс. до н.э. мог взорваться как «новая» звезда, что и стало причиной появления вокруг нее светящегося ореола. К активности солнца это явление не имело никакого отношения.

угадать последствия, т.е. делать прогноз, который и описывается в «Пророчестве Неферти».

4. Почему Снофру?

И наконец, последнее. Рассматриваемый текст, относящийся по времени к эпохе Среднего царства, относит действие сюжета ко времени легендарного правителя Древнего царства Снофру (2613–2589 до н.э.). Почему?

Так, к примеру, Ж. Познер полагал, что в глазах своих потомков легендарный основатель IV династии стал восприниматься как идеальный правитель. Последнее отразилось в сюжете «Пророчества», где рисуется «компанейский и бесцеремонный» (*groi bon vivant et sans façon*) образ древнего царя⁴⁴. Так, после приветствия сановников, пришедших к нему с докладом, Снофру поднимает их и ласково обращается не просто как к подчиненным, а как к «товарищам» (*rhw*). Неферти, которого Снофру видит впервые, сразу удостоивается чести стать «царским другом» (*hnms*), в присутствии которого Снофру садиться за письменный прибор и записывает текст предсказания. Обстановка рисуется почти домашней.

Однако если задуматься, то идеальные отношения подобного рода – это не плод безудержной фантазии автора, они вполне могли практиковаться в ту эпоху, когда и царствовал Снофру. Например, трудно представить родного брата Снофру, верховного сановника Нефермаата⁴⁵, в роли униженного просителя, к которому царь обращается со словами – «да не целуешь ты землю, (отныне) целуй мою ногу»⁴⁶. Подобная чрезмерная ритуализация вошла в практику позже, когда кровные узы, связывающие правящую элиту, стали постепенно распадаться и при дворе выдвинулось служилое сословие.

Последнее замечание приобретает дополнительный вес в нашей ситуации, т.к. Нефермаат и его сын, Хемиуну, строитель знаменитой пирамиды в некрополе Гизы, а также «дахшурский принц», «сын Снофру», Канефер были не только близкими родственниками, верховными сановниками, но и жрецами богини Бастет⁴⁷. Соединение вместе титулов верховного сановника и жреца Бастет позволяет нам предположить, что в данную эпоху эти люди могли иметь прямое отношение к контролю за восходом Сириуса. Ведь не случайно, что и знаменитый текст «О служебных предписаниях верховному сановнику» содержит знаковую для нас фразу: «Ему [т.е. верховному сановнику – Р.О.] будут сообщать о первом появлении Сириуса и уровне (разлива) Нила»⁴⁸.

⁴⁴ Posener 1956, 33. Ж. Познер полагал, что реального Неферти следует искать в окружении Аменемхета I (Posener 1956, 33–34).

⁴⁵ О родословной Нефермаата см.: Strudwick 1985, 111; Harpur 2001, 26–29.

⁴⁶ Urk. I, 41, 12–17; Шэхаб Эль-Дин 1993, 159–160.

⁴⁷ Strudwick 1985, 110–111, 117. Впрочем, несмотря на столь громкий титул, Канефер мог жить в более позднее время. Исследователи полагают достаточно большой временной разброс от конца IV до начала V династий, вплоть до конца VI и начала VIII (Begelsbacher-Fischer 1981, 36).

⁴⁸ Текст сохранился в гробницах верховных сановников XVIII династии Рехмира и Усера. Sethe 1984, 1116. Подчеркнем, что словосочетание *pri Crdt* – «выхождение Сотис» в данной инструкции подразумевает именно первое появление звезды на утреннем небе. Традиция Среднего царства, т.е. времени составления текста «Пророчества» отводит роль наблюдателя за Сириусом принцу (?) Небкаура, современнику Сенусерта III: «Принц (НАтj-а) и начальник храма Небкаура главе херихебов Пепихотеу: “(Вам) надлежит знать относительно того, что выходение Сотис произойдет...”» (Claggett 1995, Fig. III. 92a). Однако «скрытый»/ «тайный» царь Имени (Аменемхет I), приход которого предрекает Неферти, был также верховным сановником при Ментухотепе III. Возглавляя

Как жрец богини Бастет он наблюдает за восходом Сириуса и по его появлению, цвету и прочим визуальным характеристикам дает своеобразный прогноз развития страны. Ведь все угрозы и вызовы, которые содержатся в тексте, для египтянина вполне очевидны, а источник у них один – вызванная звездой засуха. Можно предположить, что верховный сановник в момент появления Сириуса приходил к царю на доклад и делал прогноз паводковой ситуации и, исходя из этого, описывал возможный сценарий развития событий в стране и на ее периферии. Скорее всего, во времена Снофру это закрепилось в своеобразном придворном ритуале, который и лег в основу произведения, дошедшего до нас под условным названием «Пророчества Неферти». Но вместе с тем это первый текст, который показывает, что предсказания по восходу Сириуса в Египте существовали с глубокой древности.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлев, О.Д. 1999: Два периода Сотиса между годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и годом 2 фараона Антонина Пия. В кн.: *Древний Египет: язык, культура, сознание*. М., 42–62.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. 2004: *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина*. М.
- Ван-дер-Варден, Б. 1991: *Пробуждающаяся наука. Рождение астрономии*. Ч. 2. (пер. Г.Е. Куртика). М.
- Вассоевич, А.Л. 1998: *Духовный мир народов классического востока (историко-психологический метод в историко-философском исследовании)*. СПб.
- Демидчик, А.Е. 2005: Древнейшее астрологическое пророчество. *Вестник Новосибирского государственного университета* 4/3, 5–13.
- Зороастрийские тексты* 1997: пер. с пехлеви О.М. Чунаковой. М.
- Иванов, Вяч. Вс. 2009: Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое – убийце пса и евразийские параллели. В кн.: *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т.V. Мифология и фольклор. М.
- Кереньи, К. 2007: *Дионис: прообраз неиссякаемой жизни*. М.
- Коростовцев, М.А. 1978: *Повесть Петеусе III: древнеегипетская проза*. М.
- Орехов, Р.А. 2014: *Мир строителей пирамид: эпоха Древнего царства*. СПб.
- Струве, В.В. 1926: *Заметки к папирусам эрмитажного собрания. Государственный Эрмитаж*. Вып. III. Л.
- Стучевский, И.А. 1976: Пропаганда государственного централизма в художественной литературе древнего Египта (по данным «Пророчества Неферти» и «Речения Ипусера»). В сб.: *Тутанхамон и его время*. М., 144–155.
- Струве, В.В. *Хрестоматия по истории древнего Востока*. М.
- Штаерман, Е.М. 1993: Манилий и его время. В кн.: *Астрономика: наука о гороскопах*. М.
- Шэхаб Эль-Дин, Т.М. 1993: *Автобиография в древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*: дис. ... канд. ист. наук. СПб.

экспедиции в пустыню, он оставлял на скалах надписи о являвшихся ему знамениях воли богов. Так не поступал ни один чиновник (Демидчик 2005, 6). Мог ли он подобным образом подводить идеологическую базу под свое воцарение? Думается, что да. Впрочем, данный аспект «Пророчества» мы оставляем вне рамок исследования. Отметим дополнительно, что в более позднюю эпоху за Сириусом мог наблюдать специальный жрец – «пророк-провозвестник Убасте, госпожи гор». Эта редкая ипостась имеет параллели только у Хатхор, Сехмет и ряда других богинь, отождествляемых с солнечным оком (Берлев, Ходжаш 2004, 211–215).

- Begelsbacher-Fischer, B. 1981: *Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches. Im Spiegel der Privatgräber der IV und V. Dynastie*. Göttingen.
- Bergman, J. 1968: *Ich bin Isis. Studien zum memphitischen Hintergrund der griechischen Isisaretalogien*. Uppsala.
- Bergman, J. 1970: *Isis-Seele und Osiris-Ei. Zwei ägyptologische Studien zu Diodorus Siculus I 27, 4–5*. Uppsala–Stockholm.
- Blumenthal, E. 1982: Neferti, Prophezeiung des. In: *Lexikon der Ägyptologie*. Wiesbaden, 381–382.
- Blumenthal, E. 1996: Die literarische Verarbeitung der Übergangszeit zwischen Altem und Mittlerem Reich. In: A. Loprieno (Hg.), *Ancient Egyptian Literature. History and Forms (Probleme der Ägyptologie 10)*. Leiden–New York–Köln, 105–135.
- Borchardt, L. 1913: *Das Grabdenkmal des Königs Sahure*. Bd. II: Die Wandbilder. Leipzig.
- Clagett, M. 1995: *Ancient Egyptian Science: Calendars, Clocks and Astronomy*. Vol. II. Philadelphia.
- Dreyer, G. 1998: *Umm El-Qaab I: Das prädynastische Königsgrab U-j und seine frühen Schriftzeugnisse*. Mainz am. Rheine.
- Edel, E. 1955: *Altägyptische Grammatik I*. Roma.
- Golénischeff, W. 1913: *Les papyrus hiératiques no. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Impérial à St.-Petersbourg*. Saint-Petersburg.
- Gödicke, H. 1977: *The Protocol of Neferyt – The Prophecy of Neferti (The Johns Hopkins Near Eastern studies)*. Baltimore–London.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz am. Rheine.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 2*. Mainz am. Rheine.
- Harpur, Y. 2001: *The tombs of Nefermaat and Rhotep at Rhotep at Maidum: discovery, destruction and reconstruction*. Oxford.
- Helck, W. 1992: *Die Prophezeiung des Nfr.ti*. Wiesbaden.
- Hoernes, S.-E. 1976: *Untersuchungen zu Wesen und Kult der Göttin Sachmet*. Bonn.
- Kaplony, P. 1963: *Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit*. Bd. I–III. Wiesbaden.
- Lacau, P., Lauer, J.-Ph. 1959: *La Pyramide à Degrés. T. IV / IFAO*. Le Caire.
- Lacau, P., Lauer, J.-Ph. 1965: *La Pyramide à degrés. T. V. Inscriptions à l'encre sur les vases*. Le Caire.
- Leitz, Ch. 2002: *Lexikon der Ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. II. *Orientalia Lovaniensia Analecta* 111. Leuven–Paris–Dudley.
- Lichtheim, M. 1975: *Ancient Egyptian Literature: The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Posener, G. 1956: *Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe Dynastie*. Paris.
- Ray, J. 1976: *The archive of Hor. Egypt Exploration Society*. London.
- Sethe, K. 1984: *Urkunden der 18. Dynastie. Text der Hefte 13–16*. Berlin.
- Simpson, W.K. (ed.) 1973: *An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry*. Yale.
- Smith, H.S., Andrews, C.A.R., Davies, S. 2011: *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. The Mother of Apis Inscriptions. Vol. II: Commentaries and Plates. Egypt Exploration Society*. London.
- Strudwick, N. 1985: *The Administration of Egypt in the Old Kingdom*. London.
- Vinson, S. 2009: The names Naneferkaptah, Ihweret, and Tabubue in the First tale of Setne Khaemwas. *JNES* 4, Vol. 68, 283–304.
- Wildung, D. 1969: *Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. Teil I. Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien*. Berlin.
- Wildung, D. 1977: *Imhotep und Amenhotep. Gottwerdung im alten Ägypten*. München–Berlin.

REFERENCES

- Begelsbacher-Fischer, B. 1981: *Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches. Im Spiegel der Privatgräber der IV und V. Dynastie*. Göttingen.
- Bergman, J. 1968: *Ich bin Isis. Studien zum memphitischen Hintergrund der griechischen Isisaretalogien*. Uppsala.
- Bergman, J. 1970: *Isis-Seele und Osiris-Ei. Zwei ägyptologische Studien zu Diodorus Siculus I 27, 4-5*. Uppsala-Stockholm.
- Berlev, O.D. 1999: Dva perioda Sotisa mezhdum godom 18 tsaria Senu, ili Tosortrosa, i godom 2 faraona Antonina Piya. In: *Drevniy Egipet: yazyk, kul'tura, soznanie*. Moscow, 42–62.
- Berlev, O.D., Hrodzhash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina*. Moscow.
- Blumenthal, E. 1982: Neferti, Prophezeiung des. In: *Lexikon der Ägyptologie*. Wiesbaden. 381–382.
- Blumenthal, E. 1996: Die literarische Verarbeitung der Übergangszeit zwischen Altem und Mittlerem Reich. In: A. Loprieno (Hg.), *Ancient Egyptian Literature. History and Forms (Probleme der Ägyptologie 10)*. Leiden–New York–Köln, 105–135.
- Borchardt, L. 1913: *Das Grabdenkmal des Königs Sahure*. Bd. II: Die Wandbilder. Leipzig.
- Clagett, M. 1995: *Ancient Egyptian Science: Calendars, Clocks and Astronomy*. Vol. II. Philadelphia.
- Demidchik, A.E. 2005: Drevneishee astrologicheskoe prorochestvo. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* 4/3, 5–13.
- Dreyer, G. 1998: *Umm El-Qaab I: Das prädynastische Königsgrab U-j und seine frühen Schriftzeugnisse*. Mainz am. Rheine.
- Edel, E. 1955: *Altägyptische Grammatik I*. Roma.
- Gödicke, H. 1977: *The Protocol of Neferyt – The Prophecy of Neferti (The Johns Hopkins Near Eastern studies)*. Baltimore–London.
- Golénischeff, W. 1913: *Les papyrus hiératiques no. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Impérial à St.-Pétersbourg*. Saint-Petersburg.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz am. Rheine.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 2*. Mainz am. Rheine.
- Harpur, Y. 2001: *The tombs of Nefermaat and Rahotep at Rahotep at Maidum: discovery, destruction and reconstruction*. Oxford.
- Helck, W. 1992: *Die Prophezeiung des Nfr.ti*. Wiesbaden.
- Hoenes, S.-E. 1976: *Untersuchungen zu Wesen und Kult der Göttin Sachmet*. Bonn.
- Ivanov, Vyach. Vs. 2009: Drevnebalkanskiy i obshcheindoevropskiy tekst mifa o geroe – ubiytse psa i evraziyskie paralleli. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Tom V. *Mifologiya i fol'klor*. Moscow.
- Kaplony, P. 1963: *Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit*. Bd. I–III. Wiesbaden.
- Keren'i, K. 2007: *Dionis: proobraz neissyakaemoy zhizni*. Moscow.
- Korostovtsev, M.A. 1978: *Povest' Peteise III: drevneegipetskaya proza*. Moscow.
- Lacau, P., Lauer, J.-Ph. 1959: *La Pyramide à Degrés*. T. IV / IFAO. Le Caire.
- Lacau, P., Lauer, J.-Ph. 1965: *La Pyramide à degrés*. T. V. *Inscriptions à l'encre sur les vases*. Le Caire.
- Leitz, Ch. 2002: *Lexikon der Ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. II. *Orientalia Lovaniensia Analecta* 111. Leuven–Paris–Dudley.
- Lichtheim, M. 1975: *Ancient Egyptian Literature: The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley–Los Angeles–London.

- Orehrov, R.A. 2014: *Mir stroiteley piramid: epohra Drevnego tsarstva*. Saint-Petersburg.
- Posener, G. 1956: *Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIIe Dynastie*. Paris.
- Ray, J. 1976: *The archive of Hor*. Egypt Exploration Society. London.
- Sethe, K. 1984: *Urkunden der 18. Dynastie. Text der Hefte 13–16*. Berlin.
- Shehrab El'-Din, T.M. 1993: *Avtobiografiya v drevnem Egipte v epohru IV–VIII dinastii*: dis. ... kand. ist. nauk. Saint-Petersburg.
- Shtaerman, E.M. 1993: Manilii i ego vremya. In: *Astronomika: nauka o goroskopahr*. Moscow.
- Simpson, W.K. (ed.) 1973: *An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry* Yale.
- Smith, H.S., Andrews, C.A.R., Davies, S. 2011: The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. The Mother of Apis Inscriptions. Vol. II: *Commentaries and Plates*. Egypt Exploration Society. London.
- Strudwick, N. 1985: *The Administration of Egypt in the Old Kingdom*. London.
- Struve, V.V. 1926: *Zametki k papirusam ermitazhnogo sobraniya*. Gosudarstvennyy Ermitazh. Vyp. III. Leningrad.
- Struve, V.V. 1963: *Hrrestomatiya po istorii drevnego Vostoka*. Moscow.
- Stuchevskiy, I.A. 1976: Propaganda gosudarstvennogo tsentralizma v hrudozhestvennoy literature drevnego Egipta (po dannym «Prorochestva Neferti» i «Recheniya Ipusera»). In: *Tut-anhramon i ego vremya*. Moscow, 144–155.
- Van-der-Varden, B. 1991: *Probuzhdayushchayasya nauka. Rozhdenie astronomii*. Ch. 2. (per. G.E. Kurtika). Moscow.
- Vassoevich, A.L. 1998: *Duhrovnyy mir narodov klassicheskogo vostoka (istoriko-psihrologicheskiy metod v istoriko-filosofskom issledovanii)*. Saint-Petersburg.
- Vinson, S. 2009: The names Naneferkaptah, Ihweret, and Tabubue in the First tale of Setne Khaemwas. *JNES* 4, Vol.68, 283–304.
- Wildung, D. 1969: *Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. Teil I. Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien*. Berlin.
- Wildung, D. 1977: *Imhotep und Amenhotep. Gottwerdung im alten Ägypten*. München–Berlin.
- Zoroastriyskie teksty* 1997: per. s pehrlevi O.M. Chunakovoy. Moscow.

RE-EXAMINATION OF “THE PROPHECY OF NEFERTI”

Roman A. Orekhov

Center for Egyptological Studies RAS, Russia,
radamant67@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the forecasting by the Egyptians of the important events of their history by means of the first rising of Sirius. In particular, the author examines the papyrus 1116 B recto (The Prophecy of Neferti), a well-known literary work dated to the Middle Kingdom (1991–1785 BC), which is kept in the Hermitage Museum. Having experienced the influence of Egypt, ancient people used the rising of this star to predict the major social disasters, crop failure, pestilence and natural disasters. The greater part of the evidence is known from ancient times. However, the Egyptian civilization created the first solar calendar based on the Sirius cycles. Therefore, it is evident that the Egyptians could have been the ones where these predictions could appear for the first time. In particular, such a forecast was presented by a priest of the goddess Bastet Neferti to appeal to the king Snofru (2613–2589 BC). However why, in that case the Middle Kingdom monument mentions the name of the king of more ancient era, the era of construction of the great pyramids?

The author concludes that tragic events described in this text resemble those that happened at the beginning of the Old Kingdom (2767 BC), when the practice of observations over Sirius' rising was established in Memphis for the first time. Imhotep, a famous Djoser's architect, played an important part in this event and became a prototype of the prophecy's main character.

Key words: Ancient Egypt, religion, Nefertiti's Prophecy, Sirius, Imhotep, Djoser, Snofru

---

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 19–34
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 19–34
©Автор(ы) 2017

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ. I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА¹

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва,
isurikov@mail.ru*

Аннотация. Данная статья задумана как первая в цикле, посвященном прозвищам известных людей у греков доэллинистического времени. В ней высказываются в основном общие соображения о роли прозвищ в человеческих обществах (включая древнегреческое), о соотношении прозвищ с личными именами и с эпитетами божеств, о терминологии прозвищ у греков, о возможных причинах не слишком большого распространения прозвищ в Элладе рассматриваемой эпохи.

Прозвище – фундаментальный феномен истории культуры, и его истинное значение пока не оценено по достоинству. Прозвища, в частности, выступали в качестве средства различения индивидов внутри любого социума. Имена древних греков уже изначально в максимальной степени напоминали прозвища. Ономастические единицы в греческих полисах являлись в основном значащими.

Прозвища могут относиться – не с семантической, а с эмоциональной точки зрения – к трем основным типам. Мы имеем дело с прозвищами: а) позитивного, возвышающего характера («Олимпиец» применительно к Периклу); б) негативного, уничижительного характера («Коалем» – «простак» применительно к Кимону Старшему); в) нейтрального характера; таковые просто фиксируют некую характерную черту внешности индивида (например, «Одноглазый») либо какую-то запомнившуюся подробность его биографии (Гиппоник «Аммон» в Афинах на рубеже VI–V вв. до н.э.).

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант 16-01-00297).

В доэллинистическое время имела место еще вот такая небезынтересная черта. Пожалуй, прозвища мы чаще встречаем не у политиков и государственных деятелей, а у лиц, подвизавшихся в сфере культуры – поэтов, философов.

Ключевые слова: Греция, архаическая и классическая эпохи, прозвища, имена, ономастика, культовые эпитеты

В рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен» (руководитель – О.Л. Габелко) задачей автора является анализ употребления таковых прозвищ в Греции и греческом мире доэллинистического времени. Материал по указанной теме не слишком обилен (ведь и вправду в Элладе до Александра Великого политикам гораздо реже, чем после него, давались прозвища, особенно если к политикам относить и монархов, почти каждый из которых в период эллинизма был снабжен, помимо полученного при рождении имени, каким-нибудь дополнительным идентификационным обозначением), но достаточно показателен: он отчетливо порождает определенные оригинальные идеи и побуждает написать цикл статей на соответствующую тему. Данная, начальная из них, является и предварительной, и в самом широком смысле первичной: на мысли, высказываемые в ней, неизбежно придется опираться в ходе дальнейшей работы.

1. Прозвище – феномен, мы бы сказали, фундаментальнейший для истории культуры, и его истинное значение, полагаем, пока еще не оценено по достоинству, это когда-то предстоит сделать. Прозвища, в частности, выступали в качестве средства различения индивидов внутри любого социума; если идти, как говорится, к самым истокам, то можно констатировать, что по большому счету вся ономастическая номенклатура, без которой просто невозможна жизнь разумных существ, возникла – в глубинах первобытных обществ – именно из прозвищ. Прозвища появляются раньше, чем имена, и само прозвище является тогда именем (или имя – прозвищем, это уж как угодно); именно из прозвищ вырастают со временем личные имена в той форме, в которой они привычны для нас. Здесь мы, подчеркнем, говорим о вещах совершенно безусловных и даже банальных, однозначно подтверждаемых данными и этимологии, и этнографии, и фольклористики... Но в такую стародавнюю древность нам, конечно, в рамках данной работы углубляться не резон.

2. Прозвища и в дальнейшем продолжали максимально активную жизнь во всех, практически без исключений, человеческих коллективах – социумах, этносах, цивилизациях... И не только продолжали, но и продолжают: сплошь и рядом и поныне личность внутри своей референтной группы обозначается не в меньшей степени прозвищем, нежели официальным, «паспортным» именем. В особенной степени эта тенденция проявляется в группах детей и подростков (у которых ввиду их меньшей, чем у взрослых, степени социализации, вообще многие элементы культуры общения выступают в менее завуалированных, более откровенных формах). Мало кто в свои школьные годы не имел прозвища, придуманного одноклассниками.

Во многих европейских странах именно прозвища породили фамилии (фамилию следует определить, как тот элемент официального имени человека, который не является индивидуальным для него, а наследуется и показывает его принадлежность к той или иной семье). Таких стран в Европе, пожалуй, даже большинство. От прозвищ происходит множество фамилий французов или итальянцев, чехов или украинцев... (и пр., и пр., и пр.).

Впрочем, в отдельных странах восторжествовала иная традиция – формировать фамильные имена от патронимиков, отчеств. В наиболее полном виде эта традиция присутствует у скандинавов: среди шведов, датчан, норвежцев трудно встретить людей, чья фамилия не оканчивалась бы на «-son» или «-sen». Исландцы, заметим, даже и по сей день не имеют фамилий как таковых, а только «отчества».

Фамилии-«отчества» мы найдем (хотя не как решительно преобладающую норму) и у англосаксов (опять же, все, что на «-son»), и у современных греков (все, что на «-ou»). Из славянских народов та же традиция фамилий-отчеств особенно последовательна у русских. Большинство традиционных русских фамилий оканчиваются на «-ов» или «-ин», и это представляет собой усеченные варианты отчеств в строгом смысле слова: Иванов – «сын Ивана», Ильин – «сын Ильи», Смирнов – «сын Смирного» (Смирной – распространенное древнерусское мирское, не-крестильное имя) и т.п.

Эта достаточно уникальная черта, отдаляющая русских от остальных славян и в то же время сближающая их со скандинавами, была рассмотрена Ф.Б. Успенским², который пришел к однозначному выводу о действительном наличии норманнского влияния на зарождение подобной реалии.

Фамилии, коль скоро о них зашла речь, в ряде стран могли образовываться также от топонимов³. Такое явление нередко во Франции, Германии. Кто не знает о компонентах *de*, *von*, служивших, между прочим, маркерами аристократического происхождения носителя фамилии – в отличие, скажем, от практики голландцев, у которых *van* или, опять же, *de* ни на какую сугубую знатность не указывают.

Если уже непосредственно обратиться к эпохе древнего мира, которая в рамках данного цикла статей должна нас преимущественно интересовать, напомним о том, что было принято у римлян (берем республиканскую эпоху их истории, поскольку в период Империи стройная ранее ономастическая система поступательно искажалась произвольными вторжениями в нее – вначале со стороны правителей и членов их семей, но со временем это превратилось уже и в общий обычай).

Пока что мы еще не ушли из сферы тривиального, но тривиальное – никак не синоним неверного. Всякий знает, что официальное «тройственное» имя римского гражданина времени Республики, помимо личного имени (*praenomen*), включало родовое имя (*nomen* или *nomen gentis*), обязательно наследуемое, а также третий элемент – *cognomen*. И всем известно, что эти самые когномены и есть не что иное, как прозвища, которые стали наследственными. Скажем, многочислен-

² Успенский 2001.

³ Об обратном процессе – происхождении топонимов от антропонимов применительно к древнегреческой истории (принимается в расчет прежде всего деятельность ойкистов колоний) см.: Malkin 1985 (впрочем, выкладки И. Малкина применительно ко времени до середины IV в. до н.э. крайне уязвимы, что мы аргументируем в работе: Суриков 2012).

ные Сципионы были таковыми постольку, поскольку первый представитель патрицианского рода Корнелиев, получивший это прозвание, так бережно помогал своему престарелому отцу, что стал для него как бы посохом (*scipio*); знаменитый Цицерон (который по-русски был бы примерно Гороховым) именовался так потому, что опять же у какого-то его предка из малородовитых тускуланских Туллиев была на носу заметная бородавка, по форме напоминавшая горошину (*cicer*). Примеры можно было бы множить и множить, особенно учитывая, что к когноменам в особенно разросшихся семьях добавлялись еще агномены да иногда не по одному (взять хотя бы такое полное имя: Публий Корнелий Сципион Назика Серапион – когномен и два агномена, иными словами, три последовательно возникших прозвища, притом причину появления каждого из них источники зафиксировали).

Вообще говоря, римское общество (как республиканского, так и имперского времени) – чрезвычайно благодатная почва для изучения разного рода неофициальных и официальных прозвищ, служивших для идентификации индивидов. Но о реалиях Рима, надеемся, детальнее напишут те коллеги, которые разрабатывают связанную с ним проблематику в рамках вышеуказанного проекта. А нам сейчас предстоит «вернуться к своим баранам», то бишь к грекам.

3. Переходя же конкретно к Элладе (сразу оговорим, что под нею будет пониматься весь эллинский мир, включая колонии), необходимо ответить, что имена ее обитателей (личные имена, поскольку фамилий или чего-либо очень близкого к ним у античных греков, как известно, не было) уже изначально в максимальной степени напоминали прозвища. Ономастические единицы в греческих полисах являлись в основном значащими⁴. Они были с точки зрения корневых морфем либо односоставными («Фидон», «Лампон» и т.п.), либо двусоставными (наиболее распространенный случай – «Аристотель», «Демосфен», «Евбул», «Калликл»), либо – чрезвычайно редко – даже трехсоставными («Евксенипп» и др.)⁵. Не столь уж редко, отметим, встречались имена, восходящие к патронимикам, «имена-отчества» (их специфика была в том, что они оканчивались на *-ίδης* или *-άδης*)⁶.

Может быть, именно потому, что имена греков сами по себе были столь близки к прозвищам (автор этих строк, читая студентам лекции по истории Древней Греции и в какой-то момент касаясь вопросов антропонимии, обычно вполухотку говорит студентам, что у греков-де с именами было почти так, как у североамериканских индейцев, практика имянаречения которых всем нам памятна с детских лет: «Могучий Бык», «Зоркое Око» и т.п.), у них не была широко распространена (во всяком случае, в доэллинистическое время) практика дополняющего наречения индивидов прозвищами *stricto sensu*. Дорожили именно именами: их писали на надгробных памятниках⁷, вводили в их состав элементы важного для имя-

⁴ Значащий характер древнегреческих имен неоднократно «обыгрывал» в юмористических целях хотя бы Аристофан в своих комедиях. См. Kanavou 2011. Наша оговорка «в основном» связана с тем, что нередко в древнегреческие ономастические комплексы попадали иноземные имена, которые по-гречески уже ничего не означали (Habicht 2000; чаще всего это было связано с ксеническими контактами эллинских аристократов с «варварскими» правителями, см. Herman 1990).

⁵ Dubois 2000, 43.

⁶ См.: Duplouy 2010.

⁷ Barbantani 2014.

нарекателей характера – теофорные⁸, географические или этнические⁹, имена привлекали внимание прорицателей¹⁰, историков¹¹. Ныне же древнегреческими именами, конечно, занимаются по большей части специалисты в области лингвистики¹², делая на ономастическом материале порой достаточно ответственные выводы¹³.

В Афинах (а нам и в дальнейшем придется в наибольшей степени привлекать, конечно, афинский материал ввиду его относительной обильности и показательности), начиная со времени реформ Клисфена в самом конце VI в. до н.э., сформировалось официальное имя гражданина¹⁴, включавшее в себя три элемента (в чем-то, таким образом, наблюдается сходство с римской практикой, но только в этом, чисто формальном отношении): личное имя, патронимик и демотик (например, «Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга», «Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки», «Фемистокл, сын Неокла, из Фреарр» и т.п.). Именно так обычно обозначались афинские граждане на остраконах – черепках-«бюллетенях» для остракизма¹⁵. Никаких прозвищ мы здесь не наблюдаем. Разве что могли быть таковыми (но это очень гипотетично) «предатель» по отношению к Калликсену, сыну Аристони-ма¹⁶, и «мидянин» по отношению к Каллию, сыну Кратия¹⁷.

4. Необходимо затронуть в контексте данной тематики и проблему терминологии. Как, собственно, будет по-древнегречески «прозвище»? Ответ, напрашивающийся в первую очередь (поскольку мы ведь во многом неосознанно мыслим кальками с греческого), будет, как ни странно, верен: ἐπίκλησις, от ἐπικαλέω, и это более чем ожидаемо. Сверх того, лексиконы фиксируют слово той же этимологии *ἐπῖκλη, в историческую эпоху употреблявшееся только в аккузативе ἐπῖκλην в обстоятельственном значении – «по прозвищу».

Встречаем также προσωυμία, но словари упорно подчеркивают «позд.» и подчеркивают справедливо. Однако самое интересное в том, что чаще всего древнегреческие авторы применительно к интересующему нас времени, желая выразить ту мысль, что такой-то индивид носил такое-то прозвище, пользуются иными синтаксическими средствами.

Дабы было понятно, о чем идет речь, приведем несколько примеров из источников. Plut. Cim. 4: «Кимон... прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом (Κοάλεμον προσαγορευθῆναι – в оригинале конструкция асс. с. inf.). Plut. Pericl. 8: «По этой причине, говорят, ему (Периклу – И.С.) и было дано его известное прозвище (τὴν ἐπῖκλησιν). Впрочем, некоторые думают, что он был прозван

⁸ Parker 2000.

⁹ Knoepfler 2000; Fraser 2000; Tataki 2011.

¹⁰ Crawford 2000; Lateiner 2005.

¹¹ Hornblower 2000.

¹² Например: Morpurgo Davies 2000. Отметим, что А. Морпурго-Дэвис внесла во второй половине XX в. колоссальный вклад в наше понимание языковой ситуации в Эгеиде в первой половине I тыс. до н.э.: Morpurgo Davies 1986; 1992.

¹³ Например: Hatzopoulos 2000 (антропонимия привлекается Хадзопулосом как аргумент в пользу принадлежности древних македонян к греческому этносу); Суриков 2009а.

¹⁴ Winters 1993. Об общегреческом контексте см.: Hansen 2004.

¹⁵ См. сводку: Суриков 2006, 542–552.

¹⁶ Stamires, Vanderpool 1950.

¹⁷ Shapiro 1982; Brenne 2001, 119.

(προσαγορευθῆναι) “Олимпийцем” за те сооружения, которыми украсил город... (далее приводятся иные возможные причины, эту часть текста мы опускаем как иррелевантную для нашего основного сюжета – И.С.) Однако из комедий того времени¹⁸... видно, что это прозвище (προσωνυμία) было дано ему главным образом за его дар слова». Aristodem. FGrHist. 104. F1. 13: «И избирают стратегом Каллия, по прозвищу (ἐπίκλην) Лаккоплут...». Suid. s.v. Καλλίας: «Каллий, прозванный (ἐπικληθεὶς) Лаккоплутом...».

Специально оговорим: все цитаты в предыдущем абзаце были даны чисто *exempli gratia*. В дальнейших статьях предполагаемого цикла и они будут разобраны куда более подробно (с анализом контекста), и много новых будет к ним добавлено. А пока нас интересуют только терминологические вопросы, в связи же с ними в приведенных цитатах – из авторов весьма «разномастных» и разновременных – можно заметить следующее. Попадают *ἐπίκλησις*, аккузатив *ἐπίκλην*, а также *προσωνυμία*. Пожалуй, более важно, что не раз встречается *προσαγορευθῆναι* – пассивный аористный инфинитив¹⁹ от *προσαγορεύω*. Казалось бы, более чем естественно ожидать и наличие соответствующего существительного в «техническом» значении; однако, как ни странно, такового нет. Словарь LSJ, правда, дает *προσαγόρευμα* как “*appellation, name*”, но проверка по тезаурусу TLG демонстрирует, что это чрезвычайно редкая лексема, встречающаяся только трижды (два раза в номинативе у Аппиана и Юстина Мученика и один раз в дативе у Дионисия Галикарнасского), и это при том, что исходный глагол *προσαγορεύω* весьма употребителен²⁰.

Итак, часто античные авторы, желая показать, что такого-то индивида сопровождало такое-то прозвище, употребляли не только существительные, но и конструкцию *асс. с. inf.* с введением *προσαγορευθῆναι* в качестве инфинитива. Вообще говоря, из вышецитированных пассажей наиболее рельефен тот, который взят из плутархова жизнеописания Перикла: в нем мы встречаем, буквально одно за другим и *ἐπίκλησις*, и *προσαγορευθῆναι*, и *προσωνυμία*.

5. Теперь обратимся к вопросу, который может быть воспринят и как частный, относящийся к Греции (поскольку примеры будут приводиться именно из ее истории), и как имеющий более общий (чуть ли не «общечеловеческий») характер. Прозвища, как нам представляется, могут относиться – не с семантической, а с эмоциональной точки зрения – к трем основным типам. Мы имеем дело с прозвищами: *а)* позитивного, возвышающего характера («Олимпиец», то есть фактически «Зевс» – применительно к Периклу); *б)* негативного, уничижительного характера («Коалем» – «простак» или, пожалуй, даже «кретин» – применительно к Кимону Старшему); *в)* нейтрального характера; таковые просто фиксируют некую характерную, бросающуюся в глаза черту внешности индивида (например,

¹⁸ Наиболее фундаментальной работой об образе Перикла в древней аттической комедии и поныне остается Schwarze 1971.

¹⁹ Встречается также и пассивное аористное причастие *προσαγορευθείς* от того же глагола (т.е. «прозванный»). Например: Ael. Var. hist. XII. 43: «Антигон, сын Филиппа, кривой на один глаз (ἑτερόφθαλμος) и потому прозванный Циклопом (Κύκλωψ προσαγορευθείς)...».

²⁰ Однокоренное *προσαγόρευσις* здесь даже не рассматриваем, поскольку это существительное означает «приветствие», а не «прозвище».

«Одноглазый»²¹), либо какую-то запомнившуюся подробность его биографии (Гиппоник «Аммон» в Афинах на рубеже VI–V вв. до н.э.; как мы предполагаем²², этот аристократ стал главой первого или одного из первых афинского священного посольства к оракулу Аммона в Ливии²³ – тем более ему это и пристало, ведь он принадлежал к древнему и авторитетнейшему жреческому роду Кериков²⁴, – и именно этим, а не чем иным, данный третьестепенный политик вошел в историческую память афинян).

Не сомневаемся в том, что первыми возникли у греков (и возникают в любом социуме) прозвища нейтральные, служащие просто различению индивидов друг с другом, особенно в тех случаях, когда они носят одинаковые личные имена. Достаточно припомнить хотя бы такую деталь из мифов о Троянской войне, как наличие Аякса Большого и Аякса Меньшего. Этих тезок (кстати, даже не являвшихся близкими родственниками) нужно было как-то не путать при обращении; подобной цели, безусловно, часто служили неодинаковые патронимы («сын Теламона» и «сын Оилея», или «Теламонид» и «Оилид»), но не во всех жизненных ситуациях социальный этикет допускает обращение по отчествам. Особенно если говорить о некоторых конкретных референтных группах. Здесь нормы диктуются целым рядом различных обстоятельств. Вспоминается чисто житейский эпизод из собственной биографии. Когда автор этих строк учился в средней школе, из мужской половины класса (16 человек) 8 носили имя «Игорь». Так уж вот неудачно сложилось, «спасибо» веяниям моды в ономастике. Как же нам было друг друга различать? Обращаться по фамилиям? Но это было бы уж как-то чрезмерно формально для детей и подростков. Вот и приходилось прибегать к прозвищам («Длинный», «Пача»²⁵ и т.п.).

Из нейтральных же прозвищ постепенно и закономерно кристаллизовались прозвища эмоционально окрашенные. Причем окраска заведомо позитивная – это подчас «обманка», в чистом виде проявление иронии. Так, из Игорей нашего класса самый худой и низкорослый прозывался «Мощным» (а *contrario*), и доводилось слышать или читать о других примерах абсолютно аналогичного рода. Пользовались ли подобной практикой античные греки? С этим еще предстоит разобраться.

Впрочем, хорошо известно, что иногда уничижительные прозвища намеренно давались родителями детям даже в качестве личных имен, – естественно, в апотропеических целях²⁶, чтобы злые силы не позарились на «убогонького». От таких имен происходит даже какое-то количество распространенных русских фа-

²¹ Впрочем, «дьявол кроется в деталях». Обратим внимание на тонкий анализ О.Л. Габелко (Габелко 2014), демонстрирующий, как применительно к знаменитому полководцу-диадوخу Антигону Одноглазому нейтральный эпитет *ἑτέρωφθαλμος* со временем изменяется на явно издевательский – *μονόφθαλμος*, напоминающий о существе, у которого один глаз не в силу утраты второго, а «по природе», т.е. о циклопе (именно «Циклопом» его в конце концов и начали дразнить). Упомянем здесь заодно и общую работу того же автора по проблеме прозвищ: Габелко 2015.

²² Суриков 2000, 103.

²³ О котором см.: Parke 1967.

²⁴ Об афинских родах как прежде всего жреческих родах см. фундаментальное исследование (и поныне не устаревшее): Bourriot 1976.

²⁵ От «пачки» сигарет. Этот мальчик отличался тем, что уже с первого класса начал курить.

²⁶ Другой апотропеический прием – дать отпрыску теофорное имя. Но этого нюанса мы здесь не касаемся.

милый типа «Некрасов», «Нелюбов» и т.п.²⁷ Поневолe припоминается в данной связи, как греки из простых семей часто нарекали сыновей «Смикр», «Смикрин» и т.п. Дескать, маленький он, неказистый, пусть он не привлекает внимания высоких сверхъестественных существ.

6. Характерная особенность древнегреческой цивилизации – наличие многочисленных прозвищ даже у богов и богинь. Разумеется, «прозвище» применительно к божеству звучит как-то несообразно, чрезмерно низко; поэтому чаще в науке употребляют термины «культовые эпитеты» или «эпikleзы». Последний наиболее релевантен, но подчеркнем, что это и есть греч. ἐπίκλησις, а не что-либо иное. Иными словами, та самая лексема, которая применительно к людям означает именно «прозвище».

Впрочем, эпikleзы в религиозной сфере – это отдельный интереснейший предмет, здесь мы коснемся его лишь мельком²⁸. Каждый/ая из эллинских богов и богинь имел/а практически обязательно по несколько эпikleз, подчас – в немалом количестве. Пожалуй, скажем даже так: количество эпikleз божеств было колоссальным, почти безграничным. Сплошь и рядом мы и поднесь узнаём о новых эпikleзах, которые ранее известны не были²⁹.

Эпikleзы в культовой практике весьма часто служили полноценными заместителями имен божеств как таковых. Говоря «Паллада» или, скажем, «Алалкомена», эллин имел в виду абсолютно то же самое, как если бы он говорил просто «Афина».

Точнее всего будет сказать так: эпikleзы были чем-то бóльшим, чем простые культовые эпитеты, они порождали как бы самостоятельные сущности, отдельные, не совпадающие друг с другом «ипостаси» божества. Для массового религиозного сознания подобный ход мысли вообще очень характерен, что показывает даже и знакомая нам всем практика православного христианства. Так, различные чтимые иконы Богородицы воспринимаются многими рядовыми верующими (не имеем здесь в виду, конечно, ученых богословов) в какой-то мере как самостоятельные сущности, Богоматерь Казанская – не вполне то же самое, что Богоматерь Владимирская, или Федоровская, или Донская... «Ты какой Богородице свечку ставишь?» – приходилось нам слышать подобного рода вопросы в православном храме.

В античном язычестве с его традиционной множественностью божеств описанное тут дальнейшее разделение а fortiori уместно встретить. Так, в Дельфах почитался Аполлон Пифийский, на Делосе – Аполлон Делосский, скажем, в Пантикапее – Аполлон Иатрос (что, видимо, все-таки наиболее резонно понимать как «Врач») и т.д., и т.п. Аркадская Артемида весьма сильно отличалась от Артемиды Эфесской: в изображениях первой подчеркивались ее девственность, стройный юный облик, а вторую наиболее адекватно воплощает стоявший в ее эфесском

²⁷ Унбегаун 1989, 164–165.

²⁸ С опорой, в частности, на более раннюю свою разработку: Суриков 2015а, 127 сл.

²⁹ См. хотя бы: Цымбурский 1990, с опорой на данные Ликофрона. Кстати, что касается Ликофрона: в свое время, занимаясь переводом и комментированием его «темной» поэмы (Ликофрон 2011), мы постоянно сталкивались с редчайшими эпikleзами, которые притом явно были не изобретены самим поэтом, а почерпнуты этим эрудитом в процессе изучения культовой практики многочисленных греческих полисов.

храме древний идол, представлявший богиню многогрудой, – таким символом материнства³⁰.

Принципиально важным моментом (хотя в большинстве случаев лишь с трудом поддающимся изучению) являются именно эпиклезы со статуей с конкретным святилищем, храмом. Рискнем даже предположить, что часто – с храмовой статуей божества как первичным артефактом. Храм воспринимался как жилище бога (богини), где он (она) обитал(а) именно в облике своей храмовой статуи. Каждая такая статуя была, естественно, единичной и уникальной, из чего выросло и представление об уникальности данной «ипостаси» самого божества.

Вот конкретный пример. В Афинах с незапамятных времен чтился древний кумир Афины, именовавшийся Палладием. В связи с ним бытовало предание, что это тот самый палладий, который вывезли из Трои победители-греки, а потом он-де некими окольными путями попал в Афины (некоторые другие полисы, заметим, тоже претендовали на обладание «истинным» палладием). С течением времени этот палладий стал пониматься как Афина Полиада («Градохранительница»), возник соответствующий культ. В Афинах и Аттике возникли и другие культы Афины с разными эпиклезами. Так, в Парфеноне почиталась Афина Парфенос – покровительница Архэ, в аттическом местечке Паллена – Афина Палленида³¹... Примеры опять же можно было бы множить и множить. И все эти Афины, – если можно так выразиться, не вполне конгруэнтные фигуры³².

Этот пример парадигматичен. Возникали полисы; в них создавались храмы – именно как вместилища чтимых статуй. Сама по себе постройка храма была в некоторой степени легитимацией полиса. Полис выступал в данной связи не только как коллектив граждан, но и как коллектив лиц, коллективно же почитающих конкретное божество в его конкретной ипостаси (воплощенной конкретным идолом), например, Афины Полиады, Артемиду Эфесскую, Аполлона Амиклейского (его архаическая статуя огромного размера была все время видна спартанцам и тем самым постоянно напоминала о себе) и др.

Коль скоро речь зашла об Аполлоне, то упомянем еще, помимо затрагивавшихся выше (да и то ни в коей мере не претендуя на сколько-нибудь репрезентативный характер перечисления) культы – и соответствующие эпиклезы – достаточно известного Аполлона Птоийского в Беотии³³ и менее известных Аполлона Малеата в Эпидавре³⁴, Аполлона Сикионского³⁵, более позднего Аполлона Дафнийского³⁶, загадочного Аполлона Гиперборейского³⁷, – да имя им легион!³⁸).

³⁰ Ср. Burkert 1999 – со странной теорией, согласно которой это не груди, а “Stierhoden”; См. Суриков 2009б с опровержением этой теории. В связи с этим «разнообразием» Артемиды см. также: Cole 1998; Petrovic 2010; Rogers 2012; McInerney 2015; Budin 2016; Кузьмина 2007.

³¹ Harrison 2005.

³² Об Афине в целом см. монографию: Deacy 2008.

³³ Schachter 1994.

³⁴ Trümper 2014.

³⁵ Krystalli-Votsi, Østby 2014.

³⁶ Fowler 2006.

³⁷ Boutouropoulou 2009.

³⁸ В частности, автор этих строк не столь давно высказал идею о новых, ранее неизвестных эпиклезах Аполлона и Артемиды (соответственно, «Фанагор» и «Фанагора». См.: Суриков 2012; 2015б; 2015в).

Но, собственно, с чего мы так подробно заговорили об эпиклезах древнегреческих божеств? Просто нам хочется довести до читателя простую мысль: в мире, где прерогативой носить прозвища наделены боги, самая идея дать прозвище человеческому существу выглядела в какой-то степени эпатажем. Снабдить индивида эпиклезой означало, не преувеличиваем, возвести его отчасти в «сверхчеловеческий мир» – а сие уже было чревато пресловутым $\phi\theta\acute{o}\nu\omicron\varsigma\ \theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ ³⁹. Не потому ли эллины, повторим, не столь уж давали прозвища даже своим известным людям?

И ведь не случайно, что «расцвет» прозвищ у греков приходится на эллинистический период, а носителями этих прозвищ (и неофициальных, и таких, которые можно сказать, были официальными, воспринимаясь как «почти имена», порой даже из без «почти», то есть заменяя имена⁴⁰) преимущественно выступали монархи. А ведь феномен эллинистического монарха достаточно хорошо известен, в данной статье нет совершенно никакого резона говорить о нем подробно, но абсолютно необходимо напомнить, что они репрезентировали себя и воспринимались своими «гражданами-подданными» в качестве существ сверхчеловеческого статуса, где-то просто на грани с миром божественного, а подчас и за этой гранью. Так, те же египетские Птолемеи были предметом прямого апофеоза. Не потому ли правителям подобного ранга и подобали прозвища-эпиклезы, как богам?

Что же касается доэллинистического времени (а именно оно нас интересует и будет интересовать), отметим в заключение еще вот какую небезынтересную черту. Пожалуй, прозвища мы чаще встретим не у политиков и государственных деятелей, а у лиц, подвизавшихся в сфере культуры – поэтов, философов. И это, кажется нам, тоже закономерно. Не политик, погрязший в перипетиях повседневности, а именно человек, «общающийся с музами», виделся грекам как $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\eta\rho$, как персонаж, достойный эпиклезы. Платон, Стесихор – это ведь не при рождении данные имена, а прозвища. Не исключено, что так же обстоят дела даже с именами Гомер и Гесиод. Однако подобного рода материал уже должен стать (и станет) предметом отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Габелко, О.Л. 2014: Антигон Монофтальм и Антигон Фуск: к интерпретации двух прозвищ эллинистических монархов. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
 Габелко, О.Л. 2015: Неофициальные прозвища эллинистических правителей: предварительная характеристика феномена. В кн.: Ю.В. Куликова (ред.), *Древний мир: история и археология*. М., 62–66.

³⁹ Эта категория древнегреческого религиозного сознания подробно разобрана в работе: Ranulf 1933–1934.

⁴⁰ Так, все цари из династии александрийских Лагидов носили тронное имя Птолемеи, и уже поэтому необходимы были прозвища – хотя бы для того, чтобы различать их между собой (Птолемей Филадельф, Птолемей Еввергет, Птолемей Филопатор и т.д.). Поскольку эти официальные прозвища с какого-то момента тоже уже начали повторяться, то возникла потребность в новых, неофициальных. В чем-то аналогичная картина (может быть, не столь же ярко выраженная) встречается применительно к многочисленным селевкидским Антиохам, менее многочисленным македонским Антигонам.

- Кузьмина, Ю.Н. 2007: Синкретичность культа Артемиды Эфесской. В кн.: Е.В. Смыков, А.В. Мосолкин (ред.), *Antiquitas iuventae: Сборник научных трудов студентов и аспирантов*. Саратов, 63–68.
- Ликофрон 2011: Александра (перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова). *ВДИ* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Суриков, И.Е. 2000: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 1. Казань, 95–112.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2009а: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2009б: Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях). *Адам и Ева* 17, 7–39.
- Суриков, И.Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы). *Древности Боспора* 16, 440–469.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.
- Суриков, И.Е. 2015б: Афинские Фанагоры. *Древности Боспора* 19, 340–350.
- Суриков, И.Е. 2015в: Еще раз о происхождении названия Фанагории. *Боспорские исследования* 31, 325–333.
- Унбегаун, Б.О. 1989: *Русские фамилии*. М.
- Успенский, Ф.Б. 2001: К вопросу о происхождении русских отчеств. В кн.: Е.А. Мельникова (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти*. М., 182–186.
- Цымбурский, В.Л. 1990: Лаомедонт – эпikleза Посейдона? (к разночтениям в ст. 157 «Александры» Ликофрона). В кн.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (ред.), *Античность в контексте современности*. М., 66–75.
- Barbantani, S. 2014: “Déjà la pierre pense où votre nom s’inscrit”: Identity in Context in Verse Epitaphs for Hellenistic Soldiers. In: R. Hunter, A. Rengakos, E. Sistakou (eds.), *Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. Berlin–Boston, 301–334.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d’histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Boutouropoulou, I. 2009: Le voyage d’Apollon au pays des hypervoréens ou la fascination d’un mythe culturel. In: S. Tzitzis, M. Protopapas-Marneli, B. Melkevik (éds.), *Mythe et justice dans la pensée grecque*. Québec, 59–69.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Budin, S.L. 2016: *Artemis*. London–New York.
- Burkert, W. 1999: Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin. In: H. Friesinger, F. Krinzinger (Hgg.), *100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos*. Wien, 59–70.
- Cole, S.G. 1998: Domesticating Artemis. In: S. Blundell, M. Williamson (eds.), *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. London–New York, 24–38.
- Crawford, M. 2000: Mirabilia and Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 145–148.
- Deacy, S. 2008: *Athena*. London–New York.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἰππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.

- Duplouy, A. 2010: Observations sur les noms en -ίδης et en -άδης aux époques archaïque et classique. In: L. Capdetrey, Y. Lafond (éds.), *La cité et ses élites: Pratiques et représentation des formes de domination et de contrôle social dans les cités grecques*. Paris, 307–344.
- Fowler, R. 2006: 'This Tart Fable': Daphne, and Apollo in Modern Women's Poetry. In: V. Zazjko, M. Leonard (eds.), *Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought*. Oxford, 381–398.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Habicht, Chr. 2000: Foreign Names in Athenian Nomenclature. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 119–127.
- Hansen, M.H. 2004: The Use of Sub-Ethnics as Part of the Name of a Greek Citizen of the Classical Period: The Full Name of a Greek Citizen. In: T.H. Nielsen (ed.), *Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 117–129.
- Harrison, E.B. 2005: Athena at Pallene and in the Agora of Athens. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 119–131.
- Hatzopoulos, M. 2000: 'L'histoire par les noms' in Macedonia. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 99–117.
- Herman G. 1990: Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond. *Classical Quarterly* 40, 2, 349–363.
- Hornblower, S. Personal Names and the Study of Ancient Greek Historians. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 129–143.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin–New York.
- Knoepfler, D. 2000: Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krystalli-Votsi, K., Østby, E. 2014: The Temples of Apollo at Sikyon. In: B. Alroth, C. Scheffer (eds.), *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities*. Stockholm, 191–200.
- Lateiner, D. 2005: Signifying Names and Other Ominous Accidental Utterances in Classical Historiography. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45, 35–57.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- McInerney, J. 2015: "There will be Blood...": The Cult of Artemis Tauropolos at Halai Araphenides. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 289–320.
- Morpurgo Davies, A. 1986: Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World. In: G. Baumann (ed.), *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxford, 51–76.
- Morpurgo Davies, A. 1992: Mycenaean, Arcadian, Cyprian and Some Questions of Method in Dialectology. In: J.-P. Olivier (éd.), *Mykenaiika: Actes du IXe Colloque international sur les textes mycéniens et égéens organisé par le Centre de l'Antiquité Grecque et Romaine de la Fondation Hellénique des Recherches Scientifiques et l'École française d'Athènes*. Paris, 415–432.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 15–39.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Parker, R. 2000: Theophoric Names and the History of Greek Religion. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 53–79.
- Petrovic, I. 2010: Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 209–227.

- Ranulf, S. 1933–1934: *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens*. Vol. 1–2. Copenhagen.
- Rogers, G.M. 2012: *The Mysteries of Artemis of Ephesos: Cult, Polis, and Change in the Graeco-Roman World*. New Haven–London.
- Schachter, A. 1994: The Politics of Dedication: Two Athenian Dedications at the Sanctuary of Apollo Ptoieus in Boeotia. In: R. Osborne, S. Hornblower (eds.), *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxford, 291–306.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Tataki, A.B. 2011: Frequent Names and Local History. *Tekmeria* 10, 233–247.
- Trümper, M. 2014: Bathing in the Sanctuaries of Asklepios and Apollo Maleatas at Epidauros. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin–Boston, 211–231.
- Winters, T.F. 1993: Kleisthenes and Athenian Nomenclature. *Journal of Hellenic Studies* 113, 162–165.

REFERENCES

- Barbantani, S. 2014: “Déjà la pierre pense où votre nom s’inscrit”: Identity in Context in Verse Epitaphs for Hellenistic Soldiers. In: R. Hunter, A. Rengakos, E. Sistakou (eds.), *Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. Berlin–Boston, 301–334.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d’histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Boutouropoulou, I. 2009: Le voyage d’Apollon au pays des hypervoréens ou la fascination d’un mythe culturel. In: S. Tzitzis, M. Protopapas-Marneli, B. Melkevik (éds.), *Mythe et justice dans la pensée grecque*. Québec, 59–69.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Budin, S.L. 2016: *Artemis*. London–New York.
- Burkert, W. 1999: Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin. In: H. Friesinger, F. Krinzinger (Hgg.), *100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos*. Wien, 59–70.
- Cole, S.G. 1998: Domesticating Artemis. In: S. Blundell, M. Williamson (eds.), *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. London–New York, 24–38.
- Crawford, M. 2000: Mirabilia and Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 145–148.
- Deacy, S. 2008: *Athena*. London–New York.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἰππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Duploux, A. 2010: Observations sur les noms en -ίδης et en -άδης aux époques archaïque et classique. In: L. Capdetrey, Y. Lafond (éds.), *La cité et ses élites: Pratiques et représentation des formes de domination et de contrôle social dans les cités grecques*. Paris, 307–344.
- Fowler, R. 2006: ‘This Tart Fable’: Daphne, and Apollo in Modern Women’s Poetry. In: V. Zazko, M. Leonard (eds.), *Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought*. Oxford, 381–398.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnic as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.

- Gabelko, O.L. 2014: Antigon Monoftal'm i Antigon Fusk: k interpretatsii dvuhr prozvishch ellinisticheskikh monarhrov. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Gabelko, O.L. 2015: Neofitsial'nye prozvishcha ellinisticheskikh praviteley: predvaritel'naya hrarakteristika fenomena. In: Yu.V. Kulikova (red.), *Drevniy mir: istoriya i arhreologiya*. Moscow, 62–66.
- Habicht, Chr. 2000: Foreign Names in Athenian Nomenclature. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 119–127.
- Hansen, M.H. 2004: The Use of Sub-Ethnics as Part of the Name of a Greek Citizen of the Classical Period: The Full Name of a Greek Citizen. In: T.H. Nielsen (ed.), *Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 117–129.
- Harrison, E.B. 2005: Athena at Pallene and in the Agora of Athens In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 119–131.
- Hatzopoulos, M. 2000: 'L'histoire par les noms' in Macedonia. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 99–117.
- Herman G. 1990: Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond. *Classical Quarterly* 40, 2, 349–363.
- Hornblower, S. Personal Names and the Study of Ancient Greek Historians. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 129–143.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin–New York.
- Knoepfler, D. 2000: Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krystalli-Votsi, K., Østby, E. 2014: The Temples of Apollo at Sikyon. In: B. Alroth, C. Scheffer (eds.), *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities*. Stockholm, 191–200.
- Kuz'mina, Yu.N. 2007: Sinkretichnost' kulta Artemidy Efesskoy. In: E.V. Smykov, A.V. Mosolkina (red.), *Antiquitas iuventae: Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov*. Saratov, 63–68.
- Lateiner, D. 2005: Signifying Names and Other Ominous Accidental Utterances in Classical Historiography. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45, 35–57.
- Likofron 2011: Aleksandra (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova). *Vestnik drevney istorii* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- McInerney, J. 2015: "There will be Blood...": The Cult of Artemis Tauropolos at Halai Araphenides. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 289–320.
- Morpurgo Davies, A. 1986: Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World. In: G. Baumann (ed.), *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxford, 51–76.
- Morpurgo Davies, A. 1992: Mycenaean, Arcadian, Cyprian and Some Questions of Method in Dialectology. In: J.-P. Olivier (éd.), *Mykenaiika: Actes du IXe Colloque international sur les textes mycéniens et égéens organisé par le Centre de l'Antiquité Grecque et Romaine de la Fondation Hellénique des Recherches Scientifiques et l'École française d'Athènes*. Paris, 415–432.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 15–39.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Parker, R. 2000: Theophoric Names and the History of Greek Religion. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 53–79.
- Petrovic, I. 2010: Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 209–227.

- Ranulf, S. 1933–1934: *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens*. Vol. 1–2. Copenhagen.
- Rogers, G.M. 2012: *The Mysteries of Artemis of Ephesos: Cult, Polis, and Change in the Graeco-Roman World*. New Haven–London.
- Schachter, A. 1994: The Politics of Dedication: Two Athenian Dedications at the Sanctuary of Apollo Ptoieus in Boeotia. In: R. Osborne, S. Hornblower (eds.), *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxford, 291–306.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Surikov, I.E. 2000: Dva ocherka ob afinskoy vneshney politike klassicheskoy epochi. In: O.L. Gabelko (red.), *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti*. Ch. 1. Kazan', 95–112.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2009a: Novye nabludeniya v svyazi s onomastiko-prosopograficheskim materialom afinskihr ostrakonov. *Voprosy epigraphiki* 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2009b: Udalyayushchiesya amazonki (Gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskihr potestarnyhr predstavleniyahr). *Adam i Eva* 17, 7–39.
- Surikov, I.E. 2012: Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Germonassy (k postanovke problemy). *Drevnosti Bospora* 16, 440–469.
- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsia: Mentalnost', religiya, kultura*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: Afinskie Fanagory. *Drevnosti Bospora* 19, 340–350.
- Surikov, I.E. 2015v: Eshche raz o proishozhdenii nazvaniya Fanagorii. *Bosporskie issledovaniya* 31, 325–333.
- Tataki, A.B. 2011: Frequent Names and Local History. *Tekmeria* 10, 233–247.
- Trümper, M. 2014: Bathing in the Sanctuaries of Asklepios and Apollo Maleatas at Epidauros. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin–Boston, 211–231.
- Tsyburskiy, V.L. 1990: Laomedont – epikleza Poseidona? (k raznochteniyam v st. 157 “Aleksandry” Likofrona). In: A.A. Takho-Godi, I.M. Nakhov (red.), *Antichnost' v kontekste sovremennosti*. Moscow, 66–75.
- Unbegaun, B.O. 1989: *Russkie familii*. Moscow.
- Uspenskiy, F.B. 2001: K voprosu o proishozhdenii russkihr otchestv. In: E.A. Mel'nikova (red.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti I srednevekov'e. Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati*. Moscow, 182–186.
- Winters, T.F. 1993: Kleisthenes and Athenian Nomenclature. *Journal of Hellenic Studies* 113, 162–165.

NICKNAMES AMONG GREEKS OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: I. PRELIMINARY THOUGHTS OF GENERAL THEORETICAL NATURE

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
isurikov@mail.ru

Abstract. The article is the first one in a series devoted to nicknames of well-known people in Greece of pre-Hellenistic time. It is mainly expressed general considerations about the role

of nicknames in human societies (including Ancient Greek), relations of nicknames to personal names and divine epithets, terminology of nicknames among the Greeks, possible reasons of not very wide development of the practice of nicknaming in Greece of this period.

A nickname is a fundamental phenomenon of the history of culture, and its real significance has not been appreciated yet. Nicknames, in particular, served as means of distinction of individuals within any society. The names of the ancient Greeks always initially reminded nicknames as much as possible. Onomastic units in Greek poleis were mainly meaningful.

Nicknames can relate –not from a semantic, but from an emotional point of view – to three basic types. We deal with nicknames of *a*) a positive, glorious character (“Olympian” as to Pericles); *b*) a negative, conjuring character (“Koalemos” – “Simpleton” as to Cimon the Elder); *c*) a neutral character – those just shows a certain characteristic appearance of an individual (e.g., “One-Eyed”), or some kind of memorable detail of his biography (Hipponicus the “Ammon” in Athens at the turn of the 6th and 5th centuries BC).

In pre-Hellenistic time one more interesting thing took place. Nicknames are more often connected not with politicians but with people from cultural spheres – poets, philosophers.

Key words: Greece, Archaic and Classical periods, nicknames, names, onomastic studies, cult epithets

---

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЕВРОПЕЙСКИХ СКИФОВ И МАКЕДОНСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ

А.А. Клейменов*, А.Ю. Бутовский**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
alek-klejmenov@yandex.ru

** Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
mrvip76@mail.ru

Аннотация. Исследователями отмечается, что ключевыми чертами скифского военного дела являлись ведущая роль кавалерии как рода войск, использование лука в качестве основного элемента вооружения и хорошее владение навыками «малой войны». Вместе с тем, некоторые «скифские» приемы ведения военных действий в V–IV вв. до н.э. были характерны и для фракийцев. Это обстоятельство может быть объяснено прямыми заимствованиями и сходным развитием военно-политических институтов. Македонский царь Филипп II, проводя свои знаменитые военные реформы, ориентировался, в том числе, на необходимость ведения боевых действий против фракийцев. Благодаря этому македонское войско было способно эффективно противодействовать противнику, военное искусство которого было схоже со скифским. Данное обстоятельство позволило Филиппу II одержать победу в сражении с войском скифского царя Атея в 339 г. до н.э. Следующий македонский царь Александр в период военной кампании 335 г. до н.э. сумел в бою на берегах Дуная разгромить войско гетов, в военном деле особо много перенявших у скифов. Этот опыт подготовил македонскую армию к военным действиям против среднеазиатских кочевников и способствовал успешному завершению кампании по покорению Бактрии и Согдианы. Указывается, что победа скифов над войском македонского военачальника Зопириона, неудачный поход диадоха Лисимаха против гетов Дромихета и разгром македонского корпуса в сражении при Политимете не могут быть расценены как доказательство общей неспособности македонской армии противостоять врагу, воюющему в скифской манере.

Ключевые слова: военное дело, скифы, фракийцы, Филипп II, Александр Македонский

Клейменов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Бутовский Александр Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры правовых дисциплин Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Введение

Военное дело европейских скифов не выходит из поля зрения отечественных исследователей уже в течение долгого времени. В результате многолетних исследований были выявлены основные черты вооружения и военного искусства скифов, создана масса теорий и предположений, связанных с развитием военного дела в этом уголке древней Ойкумены. Не останавливаясь на результатах данных изысканий излишне пространно, укажем, что ведущая роль кавалерии как рода войск, использование лука в качестве основного элемента вооружения, высокая мобильность и тактическая гибкость определяются как наиболее характерные черты скифского военного дела¹. Прекрасно владели скифы навыками «малой войны». Судя по известному рассказу Геродота, во время войны с армией Дария I скифы, уклоняясь от генерального сражения, противопоставили численно превосходящему противнику стратегическое отступление, тактику «выжженной земли» и налеты конницы, которая атаковала фуражиров неприятеля, постоянно обращала в бегство персидскую кавалерию, избегая при этом столкновений с пехотой (IV, 120–142). Конечно, следует согласиться с Е.В. Черненко, отмечающим, что скифам не удалось уничтожить персидскую армию и их действия привели лишь к вытеснению противника со скифской территории². Впрочем, кампания против персов закончилась для скифов в целом успешно – истощенная персидская армия вынуждена была отступить, не достигнув никаких результатов³. Примечательно, что не умение сражаться в ближнем бою, а ведение «мобильной войны» посредством конницы, которая обстреливала врага на расстоянии, в случае необходимости отступала или, наоборот, преследовала противника, воспринимается как характерная черта скифов в древнегреческой литературе (См. Plato. Laches, 191 a, b). Подобные действия были мало характерны для армий античных государств, где традиционно основным родом войск, как правило, являлась пехота. Все эти факторы привели к приобретению скифами особой репутации: в античной письменной традиции они изображаются как доблестные, не знающие поражений воины⁴.

В IV в. до н.э. в военном искусстве древнего Средиземноморья произошел настоящий прорыв, связанный с деятельностью македонских царей Филиппа II и Александра III Великого. Главными составляющими этого прорыва, как справедливо отмечает Д. Лонсдейл, являлись трансформация организации армии, изменение целей войны, отказ от шаблонных методов предшествующего времени, а не какие-либо новшества технического характера⁵. Поиск ответа на вопрос о возможных точках соприкосновения нового «нешаблонного» македонского военного искусства с одной из самых необычных военных систем того времени, созданной скифами, необходимо начать с рассмотрения сходных черт в облике военного дела

---

¹ Подробнее см.: Блаватский 1950; Мелюкова 1964; Черненко 1968; 1981; Виноградов, Горончаровский 2008, 17–26.

² Черненко 1984в, 114.

³ Блаватский 1954, 25.

⁴ Подробнее о специфике изображения европейских скифов в античной литературе см. Козулин 2015.

⁵ Lonsdale 2007, 44.

скифов и фракийцев, являвшихся в равной степени соседями и македонян, и номадов Причерноморья.

Если говорить о прямом влиянии скифов на характер защитного и наступательного вооружения фракийцев, то его всесторонний анализ представлен в классической работе А.И. Мелюковой⁶, где отмечено активное использование фракийцами луков и стрел скифского типа, а также несколько более умеренное применение акинаков и скифских чешуйчатых панцирей. Эти воспринятые от скифов элементы вооружения фракийцами употреблялись наряду с оружием иного происхождения⁷. В наибольшей степени скифы повлияли на характер военного дела северных фракийцев – гетов. Фукидид сообщает, что геты пограничны со скифами и имеют сходное с ними вооружение: все они конные стрелки (II, 96, 1). Возможно, следует согласиться с выводами А.И. Мелюковой об абсолютизации Фукидидом роли конных лучников в гетском войске⁸, однако замечание греческого автора нельзя полностью игнорировать, так как широкое использование в гетской среде скифского лука и стрел подтверждается археологическими данными⁹. Очевидно, Фукидид старался подчеркнуть, прежде всего, несвойственное для греков или южных фракийцев распространение лука как предмета экипировки всадников¹⁰.

Некоторые сходные черты можно обнаружить в облике военного дела скифов и южных фракийцев. Последние являлись в основной массе легковооруженными пехотинцами-пелтастами, однако большое значение имела и конница, комплектовавшаяся как за счет знати, так и за счет простых ополченцев¹¹. К V в. до н.э. во фракийских племенах выделились военные дружины, для которых война стала постоянным ремеслом¹². По мнению Д. Попова, тяжеловооруженных всадников-аристократов следует считать основной ударной силой фракийского войска¹³. А.И. Мелюкова констатировала наличие общих черт в использовании кавалерии у скифов и фракийцев, заметив, что тяжеловооруженные конные дружинники были ядром войска у обоих древних народов. Сходным было и построение войска, при котором конница находилась перед пехотой, обеспечивая внезапность нападения и стремительность удара. Автор отмечает, что основной удар скифы наносили в дальнем бою с помощью лука и стрел, а фракийцы действовали метательными копьями, преимущественно сражаясь при этом в ближнем бою¹⁴. Впрочем, параллели между скифской и южнофракийской методикой использования конницы гораздо шире. Так, в отечественной научной литературе, начиная с В.Д. Блаватского, отмечается, что скифам было известно применение компактного построения конницы. Во главе этого «ударного кулака», направленного в середину неприятельской боевой линии, помещались, как предполагается, тяжеловооруженные

⁶ По сути, этот труд до сих пор остается главным исследованием по проблемам скифо-фракийского взаимодействия. См.: Braund 2015, 352.

⁷ См. Мелюкова 1979, 196–209.

⁸ Мелюкова 1979, 246.

⁹ Мелюкова 1965, 35.

¹⁰ Никулицэ 1977, 95.

¹¹ Stoyanov 2015, 426.

¹² Златковская 1971, 253.

¹³ Попов 2009, 188.

¹⁴ Мелюкова 1979, 247–248.

дружинники, возглавляемые царем, а за ними следовала хуже снаряженная масса всадников, причем решающее значение приобретал уже не дальний, а рукопашный бой¹⁵. О возрастании значения в скифском военном деле экипированной для ближнего боя дружины к IV в. до н.э. свидетельствуют данные археологии и, прежде всего, увеличение количества разнообразного защитного вооружения¹⁶. К этому следует присовокупить и факт появления у скифов к IV в. до н.э. длинных копий, эффективных в бою против вражеских всадников и пехотинцев¹⁷. Возможно, тяжеловооруженная конница стала костяком скифского войска еще раньше, в VI в. до н.э.¹⁸. Известный скифам способ использования тяжеловооруженной конницы оказал влияние на развитие фракийского военного дела. Обратим внимание на широко известный фрагмент «Тактики» Арриана, в котором указано, что клиновидный строй больше всего употребляют скифы и фракийцы, перенявшие его от скифов (Tact., 16, 6). В данном случае под клиновидным строем, очевидно, подразумевается глубокое построение скифской тяжеловооруженной конницы, игравшей в бою роль «ударного кулака»¹⁹. Как и скифы, фракийцы могли воевать не только большими массами войска в формате открытых сражений. Они хорошо умели вести боевые действия на пересеченной местности, в том числе в формате «малой войны», организуя засады, осуществляя обходные маневры и внезапные атаки²⁰.

Как верно отметил Г.Т. Гриффитс, Филипп II, создавая македонскую армию нового образца, готовил ее, прежде всего, к ведению мобильных боевых действий в условиях горной местности, населенной беспокойными племенами фракийцев и иллирийцев²¹. Эта задача в значительной степени была облегчена тем, что характер македонского войска дофилипповского времени был схож с фракийским: македонская пехота состояла из пельтастов²², а главной ударной силой армии являлась тяжеловооруженная конница дружинников-гетайров²³. Македонский взгляд на цели и методы ведения войны также мало отличался от фракийского или иллирийского²⁴. В случае необходимости македоняне могли прибегнуть и к тактике малой войны, как это было в 429 году до н.э., во время вторжения войска одрисского царя Ситалка в Македонию. Согласно Фукидиду, вражескому численному превосходству македоняне противопоставили стратегию, подразумевавшую неожиданные налеты небольших отрядов конницы (Thuc. II, 100, 5–6). Это традиционное для македонян умение вести мобильную войну не было потеряно в результате знаменитых реформ середины IV до н.э. Следует согласиться с предположением Р. Гебриела, согласно которому Филипп боролся с подвижными отрядами балканских племен в условиях горной местности, используя мобильные авто-

¹⁵ Блататский 1954, 24; см. также Мелюкова 1964, 84; Черненко 1968, 168; 1971, 37; 1984а, 63–69; 1984в, 103; Хазанов 1968, 186.

¹⁶ Мелюкова 1964, 85; Черненко 1968, 168.

¹⁷ Черненко 1984б, 234.

¹⁸ Черненко 1971, 37.

¹⁹ Черненко 1984а, 63.

²⁰ Попов 2009, 189–190; Ashley 1998, 167.

²¹ Griffith 1979, 424.

²² Секунда 2004, 5.

²³ Hammond 1998, 12; Griffith 1980, 58–59; Billows 1997, 19–20.

²⁴ Hammond 1979, 166.

номные корпуса смешанного состава²⁵. Конечно, македонская армия в результате реформ Филиппа сильно изменилась. Для увеличения боеспособности войска царь-реформатор перенес на македонскую почву военные достижения соседних народов. В научной литературе широко отмечается, что в процессе своих военных преобразований Филипп активно заимствовал наиболее передовые достижения греческого военного искусства IV в. до н.э.²⁶. Впрочем, македонский царь считал нужным перенять некоторые из черт «варварского» военного дела, в том числе и скифского. Предположение Р. Гебриела о включении в состав македонской армии при Филиппе скифских конных лучников вместе с другими «специализированными подразделениями»²⁷, конечно, следует признать малообоснованным, однако определенное влияние скифов на македонское военное дело все же имело место. Сохранились прямые указания авторов древних «Тактик», согласно которым клиновидный строй конницы позаимствовали у скифов фракийцы, а Филипп Македонский, в свою очередь, обучил ему македонян (Arr. Tact. 16, 6; ср.: Ael. Tact. 18, 4; Asclep. Tact. 7, 3). Предположение В.Д. Блаватского о появлении в тактическом арсенале скифов приема «ударного кулака» под влиянием эллинистического военного искусства следует, вслед за Е.В. Черненко, признать мало обоснованным²⁸. Античная традиция говорит скорее о наличии обратного влияния, хотя и его, конечно, не стоит преувеличивать. Гораздо важнее то, что Филипп II с самого начала готовил свое войско для противодействия противнику, который по облику развития военного искусства в некоторой степени был близок скифам.

Это обстоятельство, без всякого сомнения, оказало влияние на исход единственного известного боевого столкновения армии Филиппа II с европейскими скифами. Оно имело место в 339 г. до н.э., во время войны со скифским царем Атея. Ввиду того, что данному вооруженному конфликту в историографии уделено немало внимания, остановимся лишь на основных его аспектах. Царство Атея, видимо, являлось относительно небольшим политическим образованием в Западном Причерноморье, в районе Буджакской степи и Добруджи²⁹, а не обширнейшей державой, объединившей все скифские земли от Придунавья до Приазовья, как указывается некоторыми исследователями³⁰. Весьма убедительным представляется вывод об ограниченности военного потенциала царства Атея, который вынужден был в ряде случаев включать в войско «нестроевых», а накануне конфликта с Филиппом просить у того же македонского царя помощи в борьбе с истрианами³¹. В научной литературе высказано мнение, согласно которому Филипп двинулся на скифов вдоль берега моря во главе небольшого мобильного корпуса, не отягощенного обозом³². Это предположение хорошо соотносится с ходом военной кампании 340–339 гг. до н.э. в Восточной Фракии, в рамках которой македон-

²⁵ Gabriel 2015, 149–150.

²⁶ Griffith 1980, 59; Hammond 1997, 371–372; Sekunda 2010, 449.

²⁷ Gabriel 2010, 53.

²⁸ Черненко 1985а, 72–73.

²⁹ Каллистов 1968, 219; Полин 1992, 84–85; Андрух 1995, 76–80; Алексеев 2003, 239; Уортингтон 2014, 191.

³⁰ Шелов 1971, 55–56. Граков 1971, 29–30.

³¹ Андрух 1995, 79–80.

³² Glotz, Cohen 1936, 345.

ская армия использовалась разделенной на несколько самостоятельных частей³³. О македоно-скифской войне известно, к сожалению, немного. По-сути, уверенно говорить можно лишь об одном сражении³⁴. Согласно Лукиану Самосатскому, оно произошло у реки Истр и закончилось смертью девяностолетнего скифского царя (Macrob. 10). Юстин, эпиноматор Помпея Трога, рассказывая об этой же битве, пишет, что скифы превосходили доблестью и числом (*virtute et numero*), но были побеждены хитростью Филиппа (*astu Philippi*) (IX, 2, 14)³⁵. Сообщение Помпея Трога, учитывая общую ограниченность сил Атея, можно считать косвенным подтверждением оправданности предположения об участии в кампании против скифов лишь небольшой части македонского войска³⁶. Согласимся с выводом В.Д. Блаватского о том, что под «хитростью Филиппа» у Юстина подразумеваются особенности македонской тактики IV в. до н.э., прежде всего – координированные действия различных родов войск³⁷. В отечественной литературе озвучено оправданное предположение, согласно которому сражение Атея с Филиппом проходило в формате открытого боя, в том числе с применением оружия ближнего действия³⁸. Зарубежные специалисты также приходят к выводам о близком контакте противоборствующих сторон, полагая, что подобный сценарий был скифам навязан Филиппом³⁹. Вместе с тем косвенные данные дают возможность допустить, что сам Атей предпочел встретиться с врагом в ближнем бою. Прежде всего, это указанное Помпеем Трогом превосходство скифов в доблести⁴⁰, а также описание сражения Филиппа со скифами, оставленное Фронтином в одной из своих стратегем. Согласно последнему источнику, Филипп, опасаясь, что его воины не выдержат натиска скифов (*impetum Scytharum*), поместил наиболее надежных всадников в тылу, приказав не позволять никому бежать из строя и убивать наиболее упорных из убежавших. Указывается, что эти меры возымели действие и скифы были побеждены (II, 8, 14). Конечно, рассказ Фронтинуса вызывает сомнения. Так, по мнению Н. Хаммонда, античный автор в этом фрагменте путает действия македонской конницы и пехоты⁴¹. Однако, как бы то ни было, перед нами описание яростного сражения, в ходе которого скифы осуществили натиск на македонян. Возможно, в начальной фазе боя имела место атака возглавляемой Атеем отборной конницы. Ее успешное отражение вместе с гибелью скифского царя стало переломным моментом в битве. Как справедливо предполагает В.Д. Блаватский, Атей прибег к использованию обычных тактических приемов скифов, не достаточно эффективных для сокрушения сомкнутого строя македонской тяжеловооруженной пехоты⁴².

³³ Подробнее см. Клейменов 2015.

³⁴ Уортингтон 2014, 192.

³⁵ Видимо, информация Юстина о борьбе Филиппа с Атеем восходит к Феопомпу. См.: Hammond 1991, 503.

³⁶ По данным Диодора, в период проведения военной кампании в Восточной Фракии Филипп располагал армией в тридцать тысяч солдат (XVI, 74, 5).

³⁷ Блаватский 1950, 26; см. также Шелов 1971, 63.

³⁸ Мелюкова 1964, 84.

³⁹ Gaebel 2002, 153; Ray 2012, 130.

⁴⁰ Сложно представить, что оно было продемонстрировано в ходе сражения, где ближний бой скифам навязал противник.

⁴¹ Hammond 1994, 136.

⁴² Блаватский 1950, 26.

Юстин описывает богатую добычу, захваченную македонским царем, и приводит рассказ о событиях, связанных с возвращением Филиппа из скифского похода. Указывается, что трибаллы потребовали от Филиппа, идущего из Скифии через их земли, отдать часть добычи. Произошло вооруженное столкновение, в котором Филипп был ранен, а взятая у скифов добыча потеряна (IX, 2, 15–16 – 3, 3). Согласно верному замечанию Д.Б. Шелова, скифский поход Филиппа в литературе нередко рассматривается как неудачный именно из-за печально закончившейся для македонского царя схватки с трибаллами. Как указывает исследователь, эта оценка поверхностна: главная цель похода, несмотря на досадный инцидент с трибаллами, была Филиппом достигнута – скифы потерпели решительное поражение, а их царь был убит⁴³.

Приспособленность македонской армии к противодействию фракийцам, использующим элементы скифской тактики, а также успешный опыт войны со скифами Атея не могли не повлиять на военные события, развернувшиеся после смерти Филиппа. Уже в рамках своей первой самостоятельной кампании в 335 г. до н.э. новый македонский царь Александр сумел разгромить войско гетов, которые, как было отмечено выше, в военном деле многое переняли у скифов. Сражение Александра с гетами известно преимущественно из текста Арриана. Согласно его данным, войско гетов, собравшееся на северном берегу Истра, насчитывало 4 тысячи всадников и более 10 тысяч пехотинцев⁴⁴. Александр, используя подсобные средства, ночью переправил через Истр полторы тысячи всадников и 4 тысячи пехотинцев. На рассвете полководец двинул пехоту через хлебное поле, приказав всадникам идти следом. Когда войско оказалось на открытой местности, Александр лично повел кавалерию на правый фланг, а Никанору приказал построить фалангу в плаисион. Геты не выдержали и первого натиска всадников, потрясенные смелостью Александра, переправившего в одну ночь войска через одну из самых великих рек. Указывается, что подействовали и напор всадников, и устрашающе сомкнутая фаланга. Геты бежали в город, расположенный на расстоянии одного парасанга от Истра. Увидев, что Александр спешно движется со своей фалангой вдоль берега, дабы избежать ее окружения, а кавалерия движется в авангарде, геты покинули свой плохо укрепленный город. Александр захватил город и все оставленное гетами имущество, после чего вернулся в лагерь (Arr. Anab. I, 3, 5–4, 5).

На основании этих данных можно сделать вывод, что Александр для разгрома гетов, помимо фактора неожиданности, использовал комбинированные действия конницы и пехоты, причем первая составляла почти треть от общего состава сформированного корпуса. Без сомнения, главную опасность полководец видел в гетской коннице, для чего фалангу сначала построил в плаисион. Это боевое построение было особенно эффективно для отражения атак многочисленных вражеских всадников⁴⁵. Молодой македонский царь применил наиболее подходящие в данных обстоятельствах греческие наработки в области военного искусства. Плаисион как тип построения был известен в греческом военном деле со времен Ксенофонта и представлял собой каре из гоплитов, в центре которого размещались

⁴³ Шелов 1971, 63.

⁴⁴ Возможно, численность гетского войска преувеличена Птолемеем. См. Никулицэ 1977, 125.

⁴⁵ Hammond 1988, 37.

обоз и легковооруженные. Эллинские наемники в период «Анабасиса» применяли плаисион для противодействия персидской коннице⁴⁶. События, развернувшиеся в 335 г. до н.э. на северном берегу Дуная, показывают, что Александр хорошо понимал, чего можно ждать от врага, воюющего в скифской манере, и знал, что следует этому противопоставить.

Приведенная информация заставляет с известной долей критичности подойти к озвученным в литературе выводам, согласно которым македонская армия на момент вторжения в пределы Средней Азии была не знакома с манерой ведения войны, характерной для местных кочевников⁴⁷. Известно, что ведущим родом войск у среднеазиатских скифов, как и у других кочевников, была кавалерия. Большинство местных кочевников были легковооруженными конными лучниками, экипированными луками «скифского» типа⁴⁸, но в их войсках присутствовала и тяжелая кавалерия⁴⁹. Обычно среднеазиатские кочевники начинали бой нападением лавой, когда на скаку засыпали строй противника стрелами и копьями, затем следовала решительная атака и ближний бой⁵⁰. Применялись ими и притворное отступление, и атаки малыми группами при последующем введении резервов⁵¹. Тактика бактрийцев во многом была схожа⁵². Конечно, Александр гораздо чаще сталкивался с противниками, воюющими в другой манере, однако, как справедливо указывает Д. Лонсдейл, еще до столкновения со среднеазиатскими скифами Александр и его отец имели опыт борьбы со скифской тактикой, полученный в Европе⁵³. Стратегии налетов подвижных конных отрядов, которую применял противник, завоеватель противопоставил использование мобильных соединений смешанного состава, однако было бы ошибкой, вслед за некоторыми из исследователей, воспринимать подобную практику как нововведение времен среднеазиатской кампании⁵⁴. Ее применение являлось одной из характерных черт полководческого искусства Александра на протяжении всего Восточного похода⁵⁵. Без сомнения, в данном случае используемый завоевателем Азии прием восходил к методам, которые позволяли его отцу бороться с подвижными отрядами балканских племен⁵⁶. Все это не могло не сказаться на общем ходе военной кампании македонского царя в Бактрии и Согдиане, к трудным условиям которой армия завоевателя оказалась в целом готова.

Конечно, справедливости ради надо отметить, что был и менее удачный опыт столкновений представителей македонской армии с противником, использующим скифские методы ведения войны. Прежде всего, необходимо вспомнить печально известный поход Зопириона в Северо-Западное Причерноморье. Письменные источники, сообщающие о походе Зопириона, достаточно скудны. Судя по ним,

⁴⁶ Подробнее см. Lee 2008, 155–163.

⁴⁷ Garneau 2013, 5; см. также Holt 2005, 66; Smith 2009, 67.

⁴⁸ Иванов 2012, 644.

⁴⁹ Head 1992, 49.

⁵⁰ Гафуров 1972, 93.

⁵¹ Гафуров, Цибукидис 1980, 245.

⁵² См. Nikonogov 1997, 20–25.

⁵³ Lonsdale 2007, 92.

⁵⁴ Шофман 1976, 294–295; Шахермайр 1986, 215; Smith 2009, 67; Holt 2005, 67; Lonsdale 2007, 152.

⁵⁵ Gaebel 2002, 194–195.

⁵⁶ Gabriel 2015, 149–150.

вторжение армии, насчитывающей до 30 тысяч человек (Just. XII, 2, 16; XXXVII, 3, 2), затронуло город борисфенитов (Macr. Sat. I, 11, 33) и закончилось неудачей из-за действий скифов, которые полностью уничтожили войско Зопириона (Just. XII, 2, 16–17; Oros. Hist. III, 18, 1; 4). По версии Курция Руфа, войско Зопириона погибло во время похода на гетов из-за грозы и бури (X, 1, 44). Существует мнение, что поход Зопириона всецело соответствовал замыслам Александра, уделявшего большое значение Северному Причерноморью в своей политике⁵⁷. Вместе с тем эти выводы плохо соотносятся с имеющимися в распоряжении современного исследователя сведениями. Помпей Трог через своего эпитоматора прямо указывает, что действия Зопириона основывались на его самостоятельном решении, проистекающем из желания совершить подвиги (XII, 2, 16–17). Это утверждение античного автора не так уж невероятно. Локальные войны предпринимались наместниками на завоеванных территориях в эпоху Восточного похода неоднократно, что в конечном счете позволяло Александру решать первостепенные задачи, не затрачивая время на окончательное покорение тех или иных земель и расширение сферы влияния⁵⁸. Очевидно, поход Зопириона имел такой же характер и был организован для замирения северной границы и захвата добычи⁵⁹. Многочисленность армии, собранной Зопирионом, не может являться прямым свидетельством тому, что Александр уделял большое значение данному военному предпринятию. Столь большую численность войска вполне можно объяснить участием в походе подвластных Зопириону фракийцев⁶⁰. Зопирион, безусловно, рассчитывал на успех, что, следует признать, было не так уж обосновательно. Оборонительный потенциал Ольвии, крупнейшего греческого города региона, был относительно невысоким⁶¹. Вдобавок к этому, македонская армия уже имела опыт успешного ведения войн против скифов и гетов – своих возможных противников в Северо-Западном Причерноморье. Повторить этот удачный опыт Зопириону не удалось, что, прежде всего, было связано со стратегическими просчетами. Наиболее убедительной является версия В.Д. Блаватского, согласно которой изнуренная продолжительной безуспешной осадой Ольвии македонская армия поздней осенью двинулась обратно на Балканы. Обессиленное войско подверглось нападению скифов и было ими истреблено⁶². Возможно, полное уничтожение войска Зопириона произошло благодаря тому, что скифы применили стратегию, нацеленную на окружение противника⁶³.

Таким образом, скифы смогли одержать верх над большим смешанным македоно-фракийским войском Зопириона, прежде всего, благодаря хорошо продуманной стратегии. По схожим причинам катастрофой закончился поход диадоха Лисимаха против гетов Дромихета. Как известно, геты избегали открытого сражения с противником и сумели обманом завести его в безводную и пустынную местность, вынудив в итоге капитулировать⁶⁴. Возвращаясь ко времени правления

⁵⁷ Виноградов, Карышковский 1983, 24; Яйленко 2007, 85.

⁵⁸ Ефремов 2008, 127.

⁵⁹ Граков 1971, 30.

⁶⁰ Крыкин 2008, 77.

⁶¹ Виноградов 2006, 100.

⁶² Блаватский 1954, 25. Иное мнение см.: Блаватская 1952, 90; Никулицэ 1977, 125.

⁶³ Черненко 1984в, 114.

⁶⁴ Делев 2004, 214.

Александра, заметим, что и в рамках среднеазиатской кампании великого полководца имело место крупное поражение завоевателей в бою с носителями военных традиций, схожих с теми, что были характерны для европейских скифов. Речь идет о сражении при Политимете, в рамках которого отряд Спитамена, состоявший преимущественно из бактрийских всадников и среднеазиатских скифов-дахов, практически полностью уничтожил корпус македонской армии, укомплектованный наемниками. Причиной этого являлись как умелые действия Спитамена, так и целая череда стратегических ошибок, допущенных самим Александром и его военачальниками⁶⁵.

Отметим, что упомянутые эпизоды ни в коей мере не могут быть расценены как доказательство неспособности македонской армии противостоять врагу, воюющему в скифской манере. В тех случаях, когда македонское командование не допускало больших стратегических просчетов, ему удавалось одержать верх над столь опасным противником. Это было обеспечено не только грамотным использованием элементов греческого военного искусства, заимствованных в ходе реформ Филиппа II, но и тем, что македонская армия изначально создавалась как инструмент, способный противостоять фракийцам, чье военное дело имело немало общих черт со скифским благодаря прямым заимствованиям и сходным развитием военно-политических институтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.Ю. 2003: *Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э.* СПб.
 Андрух, С.И. 1995: *Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э.* Запорожье.
 Блаватская, Т.В. 1952: *Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э.* М.
 Блаватский, В.Д. 1950: О стратегии и тактике скифов. *КСИИМК* 34, 19–30.
 Блаватский, В.Д. 1954: *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.* М.
 Виноградов, Ю.А. 2006: *Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.).* СПб.
 Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2008: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.).* СПб.
 Виноградов, Ю.Г., Карышковский, П.О. 1983: Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. *ВДИ* 1, 21–39.
 Гафуров, Б.Г. 1972: *Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.* М.
 Гафуров, Б.Г., Цибукидис, Д.И. 1980: *Александр Македонский и Восток.* М.
 Граков, Б.Н. 1971: *Скифы.* М.
 Делев, П. 2004: *Лизимах.* София.
 Ефремов, Н.В. 2008: К истории южнопонтийского региона в эллинистическое время. *ВДИ* 1, 112–128.
 Златковская, Т.Д. 1971: *Возникновение государства у фракийцев.* М.
 Иванов, С.С. 2012: Военное дело ранних кочевников Средней Азии в евразийском контексте. *Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. Тр. ИИМОП*, 644–649.
 Каллистов, Д.П. 1968: Рабство в Северном Причерноморье V–III вв. до н.э. В кн.: Д.П. Каллистов (ред.), *Рабство на периферии античного мира.* Л., 193–221.

⁶⁵ Подробнее об этом см. Клейменов 2014.

- Клейменов, А.А. 2014: Битва при Политимете: крупнейшее поражение армии Александра Македонского. *ВИ* 12, 84–97.
- Клейменов, А.А. 2015: К вопросу о стратегии Филиппа II в военной кампании 340–339 гг. до н.э. *Социология* 3, 216–220.
- Козулин, В.Н. 2015: *Образ скифов в античной литературной традиции*. Барнаул.
- Крыкин, С.М. 2008: Держава Одрисов: базис ранней «варварской» государственности. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки* 2, 74–88.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов*. М.
- Мелюкова, А.И. 1965: Скифские элементы в гетской культуре. *КСИА* 105, 32–41.
- Мелюкова, А.И. 1979: *Скифия и фракийский мир*. М.
- Никулицэ, И.Т. 1977: *Геты IV–III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях*. Кишинев.
- Полин, С.В. 1992: *От Скифии к Сарматии*. Киев.
- Попов, Д. 2009: *Древня Тракия. История и культура*. София.
- Секунда, Н. 2004: *Армия Александра Македонского*. М.
- Уортингтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб.–М.
- Хазанов, А.М. 1968: Катафрактарии и их роль в истории военного искусства. *ВДИ* 1, 180–191.
- Черненко, Е.В. 1968: *Скифский доспех*. Киев.
- Черненко, Е.В. 1971: О времени и месте появления тяжёлой конницы в степях Евразии. *МИА* 177, 35–38.
- Черненко, Е.В. 1981: *Скифские лучники*. Киев.
- Черненко, Е.В. 1984а: Битва при Фате и скифская тактика. В сб.: Е.В. Черненко (ред.), *Вооружение скифов и сарматов*. Киев, 59–75.
- Черненко, Е.В. 1984б: Длинные копья скифов. В сб.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко (ред.), *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 231–235.
- Черненко, Е.В. 1984в: *Скифо-персидская война*. Киев.
- Шахермайр, Ф. 1986: *Александр Македонский*. М.
- Шелов, Д.Б. 1971: Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. *МИА* 177, 54–63.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. Казань.
- Яйленко, В.П. 2007: Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н.э. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор*. М. – Киев – Запорожье, 61–118.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Billows, R.A. 1997: *Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Braund, D. 2015: Thracians and Scythians: Tensions, Interactions and Osmosis. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 352–365.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Garneau, A. 2013: “The Heads of Hydra which ever grew again”: Alexander the Great’s failed counterinsurgency in Afghanistan. *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Glötz, G., Cohen, R. 1936: *Histoire grecque, III*. Paris.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford, 201–646.

- Griffith, G.T. 1980: Philip as a General and the Macedonian Army. In: M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.), *Philip of Macedon*. Athens, 58–77.
- Hammond, N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford, 1–200.
- Hammond, N.G.L. 1988: From the Death of Philip to the Battle of Ipsus. In: N.G.L. Hammond, F.W. Walbank, *A History of Macedonia. Vol. III: 336–167 BC*. Oxford, 3–96.
- Hammond, N.G.L. 1991: The Sources of Justin on Macedonia to the Death of Philip. *CQ* 41, 2, 496–508.
- Hammond, N.G.L. 1994: *Philip of Macedon*. L.
- Hammond, N.G.L. 1997: What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? *GRBS* 38, 4, 355–372.
- Hammond, N.G.L. 1998: *The Genius of Alexander the Great*. L.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Lee, J.W. 2008: *A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis*. Cambridge.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in Strategy*. London–New York.
- Nikonorov, V.P. 1997: *The Armies of Bactria 700 BC–450 AD*. Vol. I. Stockport.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC*. Jefferson.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Stoyanov, T. 2015: Warfare. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 426–442.

REFERENCES

- Alekseev, A.Yu. 2003: *Hronografia Evropejskoj Skifii VII–IV vv. do n.e.* Saint-Petersburg.
- Andruh, S.I. 1995: *Nizhnedunajskaya Skifiya v VI – nachale I v. do n.e.* Zaporozhia.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Billows, R.A. 1997: *Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Blavatskaya, T.V. 1952: *Zapadnopontijskie goroda v VII–I vv. do n.e.* Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1950: O strategii i taktike skifov. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoj kul'tury* 34, 19–30.
- Blavatskiy, V.D. 1954: *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow.
- Braund, D. 2015: Thracians and Scythians: Tensions, Interactions and Osmosis. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 352–365.
- Chernenko, E.V. 1968: *Skifskij dospeh*. Kiev.
- Chernenko, E.V. 1971: O vremeni i meste poyavleniya tyazholoj konnicy v stepyakh Evrazii. *Materialy i issledovaniya po arheologii* 177, 35–38.
- Chernenko, E.V. 1981: *Skifskie luchniki*. Kiev.
- Chernenko, E.V. 1984a: Bitva pri Fate i skifskaya taktika. In: E.V. Chernenko (red.), *Vooruzhenie skifov i sarmatov*. Kiev, 59–75.

- Chernenko, E.V. 1984b: Dlinnye kop'ya skifov. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko (red.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow, 231–235.
- Chernenko, E.V. 1984c: *Skifo-persidskaya voyna*. Kiev.
- Delev, P. 2004: *Lysimach*. Sofia.
- Efremov, N.V. 2008: K istorii yuzhnopontijskogo regiona v ellinisticheskoe vremya. *Vestnik drevney istorii* 1, 112–128.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Gafurov, B.G. 1972: *Tadzhiki. Drevnejshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoria*. Moscow.
- Gafurov, B.G., Tsibukidis, D.I. 1980: *Aleksandr Makedonskij i Vostok*. Moscow.
- Garneau, A. 2013: "The Heads of Hydra which ever grew again": Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan. *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Glötz, G., Cohen, R. 1936: *Histoire grecque, III*. Paris.
- Grakov, B.N. 1971: *Skify*. Moscow.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith, *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford, 201–646.
- Griffith, G.T. 1980: Philip as a General and the Macedonian Army. In: M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.), *Philip of Macedon*. Athens, 58–77.
- Hammond, N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford, 1–200.
- Hammond, N.G.L. 1988: From the Death of Philip to the Battle of Ipsus. In: N.G.L. Hammond, F.W. Walbank (eds.), *A History of Macedonia. Vol. III: 336–167 BC*. Oxford, 3–96.
- Hammond, N.G.L. 1991: The Sources of Justin on Macedonia to the Death of Philip. *CQ* 41, 2, 496–508.
- Hammond, N.G.L. 1994: *Philip of Macedon*. London.
- Hammond, N.G.L. 1997: What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? *GRBS* 38, 4, 355–372.
- Hammond, N.G.L. 1998: *The Genius of Alexander the Great*. London.
- Hazanov, A.M. 1968: Katafraktarii i ihr rol' v istorii voennogo iskusstva. *Vestnik drevney istorii* 1, 180–191.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Ivanov, S.S. 2012: Voennoe delo rannih kochevnikov Srednej Azii v evrazijskom kontekste. *Vestnik Kyrgyzskogo nacionalnogo universiteta im. Zh. Balasagyna. Tr. IIMOP*, 644–649.
- Kallistov, D.P. 1968: Rabstvo v Severnom Prichernomor'e V–III vv. do n.e. In: D.P. Kallistov (red.), *Rabstvo na periferii antichnogo mira*. Leningrad, 193–221.
- Kleymenov, A.A. 2014: Bitva pri Politimete: krupneyshee porazhenie armii Aleksandra Makedonskogo. *Voprosy istorii* 12, 84–97.
- Kleymenov, A.A. 2015: K voprosu o strategii Philippa II v voennoy kampanii 340–339 gg. do n.e. *Sociologiya* 3, 216–220.
- Kozulin, V.N. 2015: *Obraz skifov v antichnoj literaturnoj tradicii*. Barnaul.
- Krykin, S.M. 2008: Derzhava Odrisov: bazis rannej "varvarskoy" gosudarstvennosti. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* 2, 74–88.

- Lee, J.W. 2008: *A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis*. Cambridge.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in Strategy*. London–New York.
- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov*. Moscow.
- Melyukova, A.I. 1965: Skifskie ehlementy v getskoy kulture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* 105, 32–41.
- Melyukova, A.I. 1979: *Skifiya i frakiyskiy mir*. Moscow.
- Nikonorov, V.P. 1997: *The Armies of Bactria 700 BC–450 AD*. Vol. I. Stockport.
- Nikulitse, I.T. 1977: *Gety IV–III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskiy zemlyahr*. Kishinev.
- Polin, S.V. 1992: *Ot Skifi k Sarmatii*. Kiev.
- Popov, D. 2009: *Drevna Trakiya. Istoriya i kultura*. Sofia.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC*. Jefferson.
- Shahrermayr, F. 1986: *Aleksandr Makedonskiy*. Moscow.
- Sekunda, N. 2004: *Armiya Aleksandra Makedonskogo*. Moscow.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Shelov, D.B. 1971: Skifo-makedonskiy konflikt v istorii antichnogo mira. *Materialy i issledovaniya po arheologii* 177, 54–63.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo*. Kazan.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Stoyanov, T. 2015: Warfare. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 426–442.
- Vinogradov, Yu.A. 2006: *Shchastlivyy gorod v voyne. Voennaya istoriya Olvii Pontiyskoy (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)*. Saint-Petersburg.
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2008: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)*. Saint-Petersburg.
- Vinogradov, Yu.G., Karyshkovskiy, P.O. 1983: Kallinik, syn Evksena. Problemy politicheskoy i social'no-ekonomicheskoy istorii Olvii vtoroy poloviny IV v. do n.e. *Vestnik drevney istorii* 1, 21–39.
- Worthington, I. 2014: *Philipp Makedonskiy*. Saint-Petersburg–Moscow.
- Yaylenko, V.P. 2007: Ocherki etnicheskoy i politicheskoy istorii Skifi v V–III vv. do n.e. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk (red.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Olviya. Skifiya. Bospor*. Moscow–Kiev–Zaporozhia, 61–118.
- Zlatkovskaya, T.D. 1971: *Vozniknovenie gosudarstva u frakiycev*. Moscow.

EUROPEAN SCYTHIANS' WARFARE AND MACEDONIAN MILITARY ART OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT'S REIGN: TO THE ISSUE OF THE COMMON GROUND

Alexander A. Kleymenov*, Alexander Y. Butovskiy**

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
alek-klejmenov@yandex.ru

**Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
mrvip76@mail.ru

Abstract. Some researchers noted that the key features of Scythian warfare were the use of the bow as the main armed element and a good command of the skills of “small war”. The leading

role was assigned to the cavalry. However, some of the “Scythian” methods of warfare in 5th – 4th centuries BC were typical as well as for the Thracians. This fact can be explained by direct borrowings and similar development of the military and political institutions. The Macedonian king Philip II, performing his military reforms, focused his attention on the necessity of fighting against the Thracians. Due to this, the Macedonian army was able to counteract the enemy effectively, whose military art was similar to Scythian. This circumstance allowed Philip II to win the battle against Scythian king Ateas in 339 BC. The next Macedonian king Alexander at the period of military campaign of 335 BC was able to defeat the army of Getae in the battle on the banks of the Danube, who had adopted the Scythians’ military methods. This experience prepared the Macedonian army to the military actions against the nomads of Central Asia and contributed to the successful completion of the conquest of Bactria and Sogdiana campaign. It is stated that the Scythians’ victory over the Macedonian commander Zopyrion, unsuccessful campaign of the diadochos Lysimachus against Getae of Dromichaetes and the defeat of the Macedonian corps in the battle at the Polytimetos River cannot be regarded as an evidence of the total inability of the Macedonian army to confront the enemy, fighting in the Scythian tactics.

Key words: warfare, Scythians, Thracians, Philip II, Alexander the Great

---

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОДНОМ СООБЩЕНИИ КТЕСИЯ КНИДСКОГО

Т.Ю. Шашлова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов,
tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одного известного фрагмента Ктесия Книдского, греческого автора второй половины V – начала IV вв. до н.э. В своем труде «Персика» он рассказывает о морском походе сатрапа Каппадокии Ариарамна в земли Европейской Скифии, в ходе которого было захвачено некоторое количество пленных, в том числе и брат скифского царя Марсагет. Согласно Ктесию, действия Ариарамна предшествовали походу Дария I против скифов в 512 г. до н.э. Сведения Ктесия об экспедиции Ариарамна являются уникальными, об этом событии не упоминает больше ни один античный автор. Геродот, подробно рассказывающий о попытке персов завоевать Скифию, также ничего не говорит о действиях Ариарамна. В то же время рассматриваемый пассаж Ктесия имеет ряд параллелей с содержанием стк. 20–30 V столбца Бехистунской надписи, где речь идет о завоевании Дарием среднеазиатских саков-массагетов. Это обстоятельство уже отмечалось в науке, и было высказано предположение, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии. Однако текст Ктесия и Бехистунская надпись имеют не только сходства, но и различия. Это обстоятельство, а также общая репутация Ктесия как автора ненадежного, стремившегося постоянно «исправить» Геродота, дополнить его рассказ неизвестными грекам событиями, позволяет предположить, что его сообщение о походе Ариарамна скорее представляет собой искаженную передачу текста Бехистунской надписи, которую он вставил в другой исторический контекст, изменив при этом некоторые детали.

Ключевые слова: Ктесий, Ариарамн, Бехистунская надпись, скифы, саки

Введение

Ктесий Книдский, живший около 440–380 гг. до н.э. был придворным врачом царя Артаксеркса II. Прожив в Персии 17 лет, он вернулся в Грецию, где занялся написанием исторических сочинений. Одним из главных его произведений была «Персика», посвященная истории ассирийского, мидийского и персидского царств (до конца V в. до н.э.). Она дошла до нас во фрагментах, сохранившихся у Диодора, Юстина, Полиэна, Николая Дамасского и особенно подробно – в изложении византийского патриарха Фотия.

Шашлова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В «Персике» Ктесия сохранилось сообщение о морской экспедиции сатрапа Каппадокии Ариарамна в земли Европейской Скифии, которая, согласно ему, предшествовала знаменитому скифскому походу Дария. Сообщение Ктесия выглядит следующим образом (Ctes., fr. 13 (20)): «Дарий приказал сатрапу Каппадокии Ариарамну выступить против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись на тридцати пентеконтерах, взял скифов в плен, причем захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок».

После этого, как пишет Ктесий в изложении Фотия, Дарий и скифский царь Скифарб обменялись гневными письмами, и, собрав огромную армию, Дарий совершил свой знаменитый поход против скифов (Ctes., fr. 13 (21)).

Ктесий как историк еще в древности имел дурную репутацию. Многие античные авторы (Аристотель, Страбон, Феопомп, Плутарх) отмечали, что его сведения часто носят недостоверный, а то и баснословный характер. Особенно много таких сведений в его произведении «Индика». Патриарх Фотий, в изложении которого до нас дошли наиболее значительные отрывки «Персики» Ктесия, несколько раз указывает, что его сообщения противоречат Геродоту и Ксенофону¹.

Современная наука в целом разделяет скептическое отношение к Ктесию как к историку. Хорошую характеристику этого автора дал И.В. Пьянков, один из немногих отечественных исследователей, занимавшихся изучением его сочинений². Он отмечает, что труд Ктесия, по-видимому, был задуман уже после его возвращения из Персии. Ктесий как очевидец решил написать что-то оригинальное, расходящееся с сообщениями его предшественников. Он критиковал Гелланика Митиленского и Геродота, называя последнего «лжецом» и «баснописцем». Однако, как показывает анализ его текстов, именно этими авторами он в наибольшей степени и пользовался, искажая и перевирая их сведения. Ктесий иногда меняет имена действующих лиц, названия народов; события, рассказанные предшественником в одном контексте, он переносит на другой³.

Сам Ктесий в качестве своих источников называет собственные наблюдения, разговоры с очевидцами, царские анналы, а также царицу Парисатиду, мать Артаксеркса II⁴. Наиболее ценную и достоверную часть его труда составляют те сведения, которые основаны на его личных наблюдениях. Так, Ктесий хорошо осведомлен об интригах в семье Артаксеркса II (вражда между матерью царя Парисатидой и его главной женой Статирой), ему знакомы обычаи и судебная практика персов, многие иранские имена в его изложении гораздо ближе к оригиналу, чем у Геродота. Также в труде Ктесия можно встретить следы устной исторической традиции разных народов, с представителями которых он общался⁵.

Для нашей темы более важное значение имеют два других вопроса: пользовался ли Ктесий царскими анналами и была ли ему известна Бехистунская надпись.

¹ Дандамаев 2013, 36–37.

² Пьянков 1975, 52–57.

³ Пьянков 1975, 54.

⁴ Пьянков 1975, 54–55.

⁵ Дандамаев 1963, 125.

Современная наука отрицательно отвечает на вопрос о том, был ли Ктесий знаком с царскими анналами Ахеменидов⁶. До нашего времени эти документы не дошли (имеются только хозяйственные архивы из Персеполя), однако в Библии и у Диодора Сицилийского содержатся сведения о том, что такие анналы в Персидской державе действительно существовали⁷. Вероятно, Ктесий владел персидским языком на уровне устной речи, однако клинописные виды письменности вряд ли были ему доступны⁸.

Важным является и вопрос о том, был ли Ктесий знаком с Бехистунской надписью. Он знал саму Бехистунскую скалу, но в сохранных Диодором отрывках (II. 13, 1–2) приписывает сооружение надписи на ней царице Семирамиде. И.М. Дьяконов, основываясь на этой, на первый взгляд, грубой ошибке, а также на том, что Ктесий не упоминает ее при изложении персидской истории, отрицает знакомство Ктесия с этой надписью⁹.

Однако то обстоятельство, что Ктесий приписывает надпись на Бехистунской скале Семирамиде, может и не быть ошибкой с его стороны. Известно письмо Саргона II к богу Ашшуру, в котором речь идет о его действиях в ходе кампании против Урарту в 714 г. до н.э. В нем упоминается место, которое предположительно можно отождествить с Бехистунской скалой. Саргон называет ее «гора Симирия». «Симирия» вполне может быть поздней формой наименования касситской богини Шималии, которая продолжала почитаться в Персии в ахеменидское время. Имя Симирия (арамейский вариант этого имени – Шамирам) вполне могло быть воспринято Ктесием как Семирамида. В позднее время образ этой царицы был мифологизирован, в нем слились черты реально жившей женщины и вавилонской богини Иштар, которая, в свою очередь, имела ряд общих черт с касситской богиней Шималией¹⁰. Поэтому тот факт, что Ктесий считает автором надписи на Бехистунской скале Семирамиду, может не быть результатом ошибки с его стороны, а отражает следы аутентичной персидской информации.

Однако подлинного содержания Бехистунской надписи Ктесий не знал. Текст, который он приписывает легендарной ассирийской царице, выглядит следующим образом: «Семирамида собрала весь обоз и всех выючных животных своей армии для того, чтобы с ними подняться с равнины на вершину этой горы» (Diod. II. 13, 1–2). Это не имеет ни малейшего отношения к действительному содержанию Бехистунской надписи, и потому возникает сомнение, знал ли Ктесий вообще, что было написано на этом памятнике¹¹. В то же время М.А. Дандамаев отмечает, что при изложении истории убийства Бардии и прихода Дария к власти Ктесий гораздо ближе к Бехистунской надписи, чем Геродот¹². Так, Ктесий единственный из

⁶ Stronk 2010, 21–22; Дандамаев 2013, 37.

⁷ Stronk 2010, 16–21; Дандамаев 2013, 37.

⁸ Как известно, в Персидской державе использовалось сразу несколько письменных языков. Монументальные надписи Ахеменидов вырезаны на древнеперсидском, эламском, аккадском. Хозяйственные архивы (Таблички крепостной стены и Таблички сокровищницы) – на эламском. А официальным канцелярским языком Персидской державы был арамейский. Нам неизвестно, на каком языке писались царские анналы Ахеменидов. Об этом подробно см.: Stronk 2010, 22.

⁹ Дьяконов 1956, 22–23.

¹⁰ Об этом подробно с лит.: Stronk 2010, 23–25.

¹¹ Здесь следует отметить, что надпись вырезана на большой высоте, и она недоступна для чтения с земли.

¹² Дандамаев 1963, 123–124.

всех греческих авторов знает официальную дату убийства Бардии. Он, как и Бехистунская надпись, называет одного только мага-узурпатора, тогда как у остальных греческих авторов личность этого мага раздваивается. Наконец, Ктесий верно определяет и время царствования Бардии – 7 месяцев, что, опять же, соответствует официальной информации¹³. В этих условиях представляется вероятным, что Ктесий, видимо, был знаком в общих чертах с содержанием Бехистунской надписи (которое представляет собой официальную персидскую традицию), скорее всего, из устных разговоров при дворе.

Сведения о походе Ариарамна против европейских скифов содержатся только в труде Ктесия Книдского, о нем нет данных в других источниках. Многие исследователи, несмотря на общую скептическую оценку Ктесия как историка, признают достоверной его информацию об этом походе¹⁴. Данное сообщение иногда используется для построения других далеко идущих выводов. Так, ряд исследователей предполагает, что в ходе этого похода персы установили контроль над греческими городами Боспора Киммерийского¹⁵.

Не так давно В.П. Яйленко выдвинул интересную гипотезу. Сопоставив текст Ктесия с содержанием стк. 20–30 V столбца Бехистунской надписи, он обнаружил ряд совпадений между ними¹⁶. В этом фрагменте содержится информация о покорении Дарием одного из сакских племен и о пленении их вождя Скунхи. Согласно традиционной интерпретации, речь идет о среднеазиатском племени саков-массагетов¹⁷. Столбец был добавлен в Бехистунскую надпись уже после завершения основных работ над надписью, для чего строителям пришлось разрушить часть первоначального текста на эламском языке.

Содержание интересующего нас фрагмента следующее (DB, стб. V стк. 20–30):

Говорит Дарий-царь: «Затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать бой. Когда прибыл к морю, я со всем войском на пароме перешел на другую сторону. Потом я наголову разбил одну часть саков, а другая была захвачена и приведена ко мне в окопах. Вождя их по имени Скунха они (воины Дария) взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого сделал (их) вождем, как на то была моя воля. Затем страна стала моей»¹⁸.

В.П. Яйленко выявил следующие совпадения между сообщением Ктесия Книдского и текстом Бехистунской надписи. В обоих случаях речь идет о походе против одного из скифских племен¹⁹. Дарий в Бехистунской надписи говорит о пересечении моря, и у Ктесия сатрап Ариарамн с 30 кораблями переправляется через Черное море. Дарий захватил какое-то количество пленных, в том числе и сакского вождя, и Ариарамн, согласно Ктесию, пленил брата скифского вождя Марсагета.

¹³ Дандамаев 1963, 123–124.

¹⁴ Дандамаев 1985, 109; Черненко 1984, 81–82; Briant 2002, 143; Nieling 2010, 125.

¹⁵ Кошеленко 1999, 139–140; Nieling 2010, 125.

¹⁶ Яйленко 2010, 7–11.

¹⁷ Дандамаев 1985, 100–103.

¹⁸ Кузищин (ред.) 2002, 397.

¹⁹ Яйленко 2010, 9. Племена скифов, жившие в северном Причерноморье, как известно, были родственны среднеазиатским сакам-кочевникам.

Эти наблюдения натолкнули В.П. Яйленко на мысль, что в V столбце Бехистунской надписи и сообщении Ктесия Книдского речь идет об одном и том же событии. Вскоре после подавления мятежей, на третьем году своего правления (датировка приведена в самой надписи), Дарий задумал покорить племена европейских скифов. Вначале он отправил туда каппадокийского сатрапа Ариарамна, которому, видимо, удалось одержать победу и захватить некоторое количество пленных. Это вызвало негативную реакцию со стороны скифского царя. Дарий, собрав крупные войска, отправился в поход против скифов, о котором рассказывает уже Геродот.

Однако в изложении Бехистунской надписи и в «Персике» Ктесия имеются отличия. Так, в Бехистунской надписи Дарий говорит, что поход против саков совершил он лично. У Ктесия же речь идет о приказе каппадокийскому сатрапу Ариарамну выступить против скифов. Отличается имя и статус плененного представителя верхушки: в Бехистунской надписи это вождь Скунха, а Ктесий называет его Марсагетом, братом вождя. Главным же отличием является то, что Ктесий говорит о походе против европейских скифов, тогда как, по общепризнанному мнению, в V столбце Бехистунской надписи речь идет о покорении саков-массагетов, обитавших в степях Средней Азии.

Наблюдения В.П. Яйленко представляются довольно любопытными. Однако параллелизм между текстом Бехистунской надписи и изложением Ктесия Книдского, как нам кажется, позволяет сделать и другой вывод. Сообщение Ктесия вполне может быть искаженной передачей содержания стк. 20–30 V столбца Бехистунской надписи. Здесь речь идет, как уже указывалось, о походе против среднеазиатского племени саков-массагетов. Ктесий не отличался добросовестностью в отношении исторической информации, к тому же постоянно стремился исправить Геродота, дополнить его неизвестными грекам подробностями. Поэтому нам кажется вероятным, что он мог использовать известную ему информацию о завоевании Дарием среднеазиатских саков-массагетов, однако вставил ее в контекст повествования о войне против европейских скифов, исказив при этом некоторые детали. Так, командующим вместо самого царя становится сатрап Ариарамн, меняется статус и имя пленника. Впервые такое предположение было высказано еще В.В. Струве²⁰.

В 519 г., когда, согласно надписи, был совершен поход против «страны саков», в Персидской державе был только-только установлен мир, и скифы Северного Причерноморья вряд ли представляли для Дария существенный интерес в тот момент. К тому же небольшая победа (на 30 кораблях) над отдаленным племенем вряд ли стоила бы занесения в Бехистунскую надпись, а тем более разрушения части первоначального текста ради нее. О том, что в сообщении Ктесия отразилось завоевание именно среднеазиатских массагетов, косвенно может свидетельствовать и имя плененного, согласно ему, вождя – Марсагет. За этим именем легко можно угадать искаженное этническое «массагет»²¹.

Еще одно обстоятельство необходимо принять во внимание. Ктесий указывает, что Ариарамн отправился в Европейскую Скифию из Каппадокии. Возможно, это предполагает использование краткого пути через Черное море по маршруту

²⁰ Струве 1946, 15–16.

²¹ Струве 1946, 16.

Карамбий – Бараний Лоб. Употребленный здесь Ктесием глагол διαβαίνω имеет значение «пересекать, переплывать, переправляться». Более вероятно, что в данном случае имеется в виду пересечение большого водного пространства на прямую, а не каботажное плавание. Морской поход Ариарамна из Каппадокии прямым путем или каботажным способом вряд ли был бы возможен без участия кораблей из греческих городов Южного Понта. Поэтому данное сообщение Ктесия иногда используется как доказательство раннего влияния Ахеменидов на этот регион²².

Вопрос о том, когда греками был освоен путь Карамбис – Бараний Лоб, периодически поднимался в науке. М.И. Максимова предполагала, что это произошло в первой половине IV в. до н.э.²³ В.Ф. Гайдукевич относил это событие к V в. до н.э.²⁴ В настоящий момент большинство исследователей считают, что этот путь начал активно эксплуатироваться греками во второй половине V в. до н.э.²⁵ Поэтому использование этого пути каппадокийским сатрапом Ариарамном в конце VI в. до н.э. представляется маловероятным и выглядит, скорее, как интерполяция Ктесием реалий его времени на более ранний период.

Заключение

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что экспедиция каппадокийского сатрапа Ариарамна не имела места в действительности, а сообщение Ктесия Книдского о ней является искаженной передачей текста Бехистунской надписи, где речь идет о совсем другом походе – завоевании Дарием родственного скифам сакского племени массагетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агбунов, М.В. 1987: *Античная лоция Черного моря*. М.
 Гайдукевич, В.Ф. 1969: О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. *КСИА* 116, 11–19.
 Дандамаев, М.А. 1963: *Иран при первых Ахеменидах*. М.
 Дандамаев, М.А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
 Дандамаев, М.А. 2013: *Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб.
 Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии*. М.–Л.
 Кошеленко, Г.А. 1999: Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства. В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997*. М., 130–141.
 Кузищин, И.В. (ред.) 2002: *История древнего Востока. Тексты и документы*. М.

²² Summerer 2003, 17–18; Descat 1990, 542.

²³ Максимова 1954, 45–57; 1956, 145–148.

²⁴ Гайдукевич 1969, 11–19.

²⁵ Агбунов 1987, 55; Сапрыкин 1986, 55–56; Суриков 1999, 106. Соглашаясь с предложенной Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым ранней датой основания Херсонеса Таврического, он считает, что и в этом случае гераклеоты также воспользовались кратким путем через Черное море, поскольку «иной вариант просто трудно представить». Однако мы думаем, что во второй половине VI в. до н.э. плавание греками из Гераклеи в Крым каботажным способом по западному берегу Черного моря не представляется столь уж невероятным.

- Максимова, М.И. 1954: Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами. *МИА* 33, 45–57.
- Максимова, М.И. 1956: *Античные города Юго-Восточного Причерноморья*. М.–Л.
- Пьянков, И.В. 1975: Ктесий как историк. В сб.: *Античная древность и средние века* 11. Свердловск, 52–57.
- Сапрыкин, С.Ю. 1986: *Геракля Понтийская и Херсонес Таврический*. М.
- Струве, В.В. 1946: Дарий I и скифы Причерноморья. *ВДИ* 2, 15–28.
- Суриков, И.Е. 1999: Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла. *ВДИ* 2, 98–113.
- Черненко, Е.В. 1984: *Скифо-персидская война*. Киев.
- Яйленко, В.П. 2010: Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре. В кн.: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М., 7–11.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Descat, R. 1990: Remarques sur les rapports entre les Perses et la mer Noire à l'époque achéménide. In: *Congrès international sur la mer Noire I–3 juin 1988 à Samsun*. Samsun, 539–548.
- Nieling, J. 2010: Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC. In: J. Nieling, E. Rehm (ed.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus, 123–136.
- Stronk, J.P. 2010: *Ctesias' Persian History. Part 1. Introduction, Text and Translation*. Düsseldorf.
- Summerer, L. 2003: Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope. *ACSS* 9, 1–2, 17–42.

REFERENCES

- Agbunov, M.V. 1987: *Antichnaya lotsiya Chernogo morya*. Moscow.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Chernenko, E.V. 1984: *Skifo-persidskaya vojna*. Kiev.
- Dandamaev, M.A. 1963: *Iran pri pervykh Achemenidakh*. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Achemenidskoj derzhavy*. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 2013: *Achemenidskaya imperiya. Sotsial'no-administrativnoe ustroystvo i kul'turnye dostizheniya*. Saint-Petersburg.
- Descat, R. 1990: Remarques sur les rapports entre les Perses et la mer Noire à l'époque achéménide. In: *Congrès international sur la mer Noire I–3 juin 1988 à Samsun*. Samsun, 539–548.
- D'yakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii*. Moscow–Leningrad.
- Gaydukevich, V.F. 1969: O putyakh prokhozhdeniya drevnegrecheskikh korably v Ponte Evksinskoy. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* 116, 11–19.
- Koshelenko, G.A. 1999: Ob odnom svidetel'stve Diodora o ranney istorii Bosporskogo tsarstva. In: A.V. Podosinov (red.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1996–1997*. Moscow, 130–141.
- Kuzishchin, I.V. (red.) 2002: *Istoriya drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty*. Moscow.
- Maksimova, M.I. 1954: Kratkiy put' cherez Chernoe more i vremya ego osvoeniya grecheskimi morehodami. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 33, 45–57.
- Maksimova, M.I. 1956: *Antichnye goroda Yugo-Vostochnogo Prichernomor'ya*. Moscow–Leningrad.
- Nieling, J. 2010: Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC. In: J. Nieling, E. Rehm (ed.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus, 123–136.

- P'yankov, I.V. 1975: Ktesiy kak istorik. In: *Antichnaya drevnost' i srednie veka* 11. Sverdlovsk, 52–57.
- Saprykin, S.Yu. 1986: *Gerakleya Pontiyskaya i Hersones Tavricheskiy*. Moscow.
- Stronk, J.P. 2010: *Ctesias' Persian History. Part 1. Introduction, Text and Translation*. Düsseldorf.
- Struve, V.V. 1946: Dariy I i skify Prichernomor'ya. *Vestnik drevney istorii* 2, 15–28.
- Summerer, L. 2003: Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9, 1–2, 17–42.
- Surikov, I.E. 1999: Istoriko-geograficheskie problemy Pontiyskoy ekspeditsii Perikla. *Vestnik drevney istorii* 2, 98–113.
- Yaylenko, V.P. 2010: Voennaya aktsiya Dariya I na Kimmeriyskom Bospore. In: *Tysyacheletniy Bosporskiy reyhr. Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* Moscow, 7–11.

SOURCE STUDY REMARKS ON ONE CTESIAS OF CNIDUS' MESSAGE

Tatyana Yu. Shashlova

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Russia,
tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of one known fragment of Ctesias of Cnidus, Greek author of the second half of the 5th – the beginnings of the 4th century BC. In his work “Persica”, he talks about a sea raid of the satrap of Cappadocia Ariaramnes to the lands of European Scythia, during which a number of captives including the brother of the Scythian king Marsaget was taken. According to Ctesias, the Ariaramnes' action preceded a campaign of Darius I against the Scythians in 512 BC. Ctesias' information about Ariaramnes' expedition is unique; any other ancient author does not mention this event. Herodotus who describes in detail the attempt of the Persians to conquer Scythia also says nothing about the Ariaramnes' action. At the same time, the considered passage of Ctesias has a number of parallels with the content of line 20–30 of column V of the Behistun inscription, where it is spoken about Darius' conquest of the Central Asian Saka-Massagetae. Scientists have already noted this fact, and it has been suggested that in both cases this is about the same event. However, there are not only similarities but also differences in the text of Ctesias and the Behistun inscription. This fact, as well as the general reputation of Ctesias as an unreliable author, constantly attempting to “correct” Herodotus, to add to his story unknown to the Greeks events, allows us to assume that his report about the campaign of Ariaramnes is rather a distorted transmission of the text of the Behistun inscription, which he put in a different historical context, having changed at the same time some details.

Key words: Ctesias, Ariaramnes, the Behistun inscription, Scythians, Saka

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 58–69
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 58–69
© Автор(ы) 2017

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ В V в.н.э.

Е.В. Литовченко

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
litovchenko@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные общественные праздники римского мира с целью определения изменений в практике их проведения и актуальности для западной части империи в V в. н.э. В фокусе исследования находятся массовые увеселения нехристианского характера, рассматривающиеся на примере Луперкалий, консульских и преторских игр, а также церемонии въезда императора в город (*adventus*). Проблема исследования заключается в выявлении оснований консервации практики проведения традиционных (нехристианских) массовых мероприятий увеселительного характера на фоне утвердившегося христианства в V в. Основными источниками послужили сочинения латинских авторов IV–V вв. – Сальвиана, Макробия, Флавия Меробавда, Симмаха, Сидония, папская корреспонденция, календари. При помощи методов историко-филологического анализа (лексико-терминологический, герменевтический), способствующих адекватной интерпретации текстов с учетом специфики рассматриваемых сочинений, автор приходит к выводу о том, что указанные выше, языческие в своей основе, праздники не утратили своей привлекательности для представителей различных категорий населения не только интересующего нас периода, но и за его рамками. Основаниями для практики их длительного бытования являлись, во-первых, модель поведения представителей привилегированных слоев общества, подразумевавшая устройство увеселительных общественных мероприятий с целью подтверждения своего высокого статуса (преимущественно, при вступлении в должность); попытки имперской администрации согласовать привычки большей части позднеримского общества и официальную позицию Церкви; отношение большинства римлян к зрелищам как к средству временного отвлечения от проблем разного характера, сопутствующих жизни позднеримского общества.

Ключевые слова: общественные праздники, язычество, христианство, Западная Римская империя

Введение

Несмотря на активное распространение христианства на территории Римской империи после 313 г. язычество еще долго не сдавало своих позиций как на Западе, так и (в большей степени) на Востоке (в Афинах и малоазийских провинциях),

---

Литовченко Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета.

чему есть достаточное количество свидетельств современников, кропотливо собранных и проанализированных исследователями¹.

Позднеантичные источники V в. – сочинения Сальвиана, Макробия, Флавия Меробавда, письма Симмаха, Сидония, папская корреспонденция, календари – сообщают нам сведения о формах и способах проведения досуга в латинском мире этого периода. В данном случае нас в большей степени интересуют массовые увеселения нехристианского характера, поскольку в последнее столетие существования Западной Римской империи отправление языческих культов и связанных с ними ритуалов официально было запрещено², однако многие мероприятия такого рода глубоко укоренились в повседневной жизни и воспринимались по большей части как проявления светской культуры. Таким образом, проблема настоящего исследования заключается в выявлении оснований консервации практики проведения традиционных (нехристианских) массовых мероприятий увеселительного характера на фоне утвердившегося христианства в V в. н.э.

Праздники в Риме были важной составляющей религиозной жизни. Сам термин «*feriae*» или «*dies ferialis*» имел сакральный характер и употреблялся в том же значении, что и выражение *dies festus*, причем из определения Макробия явствует, что *dies festi* были посвящены богам и считались общественными, в отличие от *dies profesti*, предназначавшимся для отправления частных дел.

Игры (*ludi*) собственно праздниками не являлись, но сами дни, в которые они проводились, были *dies festi* и считались выходными, при этом игры часто устраивались за счет средств частных лиц, заинтересованных в их проведении, как, например, преторские игры (Symm. VII. 121; VIII. 14, 71, 72; IX. 6, 132–142; Olymp. 44).

О типах общественных праздников интересующего нас периода наиболее подробно рассуждает Макробий в «Сатурналиях»: «Общественных же праздников есть четыре рода. Ведь они суть или постоянные, или подвижные, или чрезвычайные, или нундины. Постоянные [праздники] являются общими у всего народа, имеют определенные и установленные дни и месяцы и отмечены в фастах благодаря постоянному соблюдению. Среди них преимущественно сохраняются Агоналии, Карменталии, Луперкалии. Подвижные [праздники] суть [те], которые ежегодно возвешаются начальствующими лицами или жрецами либо в [заранее] определенные, либо, даже в [заранее] не определенные дни, как, [например], Латины, Сементивы, Паганалии, Компиталии. Чрезвычайными [праздниками] являются [те], которые властным решением назначают консулы или преторы. Нундины – [это праздники] жителей сел и деревень, в которые они собираются по личным делам или намереваясь запастись товарами. Есть, кроме того, собственные праздники семей, как, [например], [праздники] семьи Клавдиев, или Эмилиев, либо Юлиев, либо Корнелиев, если [только] каждая семья соблюдает какие-нибудь собственные праздники по обычаю домашнего торжества. Существуют [торжественные обряды у] отдельных [людей], как, [например], празднование [дней] рождений и успехов, а равно похорон и искупительных жертв»³ (Macr. Sat. I. 16, 5–6).

¹ Barnes 1995; Lee 2000; Salzman 2004; Ведешкин 2014; Казаков 2002; Уколова 2010.

² Император Феодосий Великий (379–395) в 380 г. провозгласил христианство господствующей религией, а также издал множество эдиктов, запрещающих распространение языческих культов (CTh. XVI. 10).

³ Перевод Звиревича В.Т. (Звиревич 2009).

В рамках данного микроисследования, разумеется, невозможно охватить весь массив светских общественных увеселений, поэтому речь пойдет лишь о некоторых из них, так или иначе упоминающихся в источниках V в.: регулярных (Луперкалии) и экстраординарных (консульские и преторские игры, традиция *adventus*), связанных с императорским культом и знаменательными датами, в основном являющимися неотъемлемым элементом городской жизни, которая, разумеется, была более активной и разнообразной по видам увеселений, а также могла представить всевозможные формы массового досуга. В позднеантичное время традиционные светские развлечения претерпели значительные изменения: сохранились далеко не все из них. Соответственно, утратилось былое разнообразие. Спортивные игры и бои гладиаторов больше не проводились, однако театральные зрелища продолжались, а гонки колесниц распространились повсеместно, став, кажется, основным развлечением городского населения⁴.

Трансформация общественного сознания – от языческого к христианскому – проявлялась во всех сферах общественного бытия, в том числе и в организации времени. Эти изменения хорошо прослеживаются по календарям, в которых отражены праздничные дни как одной, так и другой религий. Календари Филокала (*Chronographus anni CCCLIII*⁵, 354 г.) и Полемиа Сильвия (*Laterculus*⁶, 448/9 гг.)⁷ составлены по сходному принципу: в них эклектично сочетаются и языческие праздники (Компиталии, Карменталии, Квириналии, Луперкалии и пр.), и христианские (как главные – Рождество, Пасха, так и дни рождения святых). Хронологически эти календари отстоят друг от друга на сто лет, вместивших множество событий, важных и часто весьма печальных для Рима, например, захват Рима вестготами в 410 г. или событие, имеющее непосредственное отношение к предмету нашего исследования – последние гладиаторские бои 404 г., известные тем, что монах Телемах, вмешавшись в сражение гладиаторов, сумел прекратить его ценой собственной жизни. Это событие инициировало официальный запрет гладиаторских игр императором Гонорием⁸ (*Theod. Cyt. Hist. Eccl.* 5. 26). Впоследствии Валентиниан III в 438 г. также повторил запрет, хотя, скорее всего, в тот период речь уже шла только о звериных боях (*venationes*), которые продолжались вплоть до 536 г. (*Cod. Iust.* 3. 12. 9).

В отличие от календаря Полемиа Сильвия календарь 354 г. содержал информацию о цирковых увеселениях (*ludi et circenses*) и насчитывал от ста до ста двадцати праздничных дней в году, когда можно было посещать амфитеатры и цирки.

Календарь Полемиа Сильвия был составлен в 448/9 гг. христианским писателем из Галлии и посвящен Евхерию, епископу Лиона. Так же, как и в предыдущем календаре, в нем неоднократно употребляются термины «*ludi*» и «*circenses*»,

⁴ Liebeschuetz 2008, 208.

⁵ *Monumenta Germaniae Historica* 1892/IV,V,VI,VII (I), 13–148, daten.digital-sammlungen.de

⁶ *Monumenta Germaniae Historica* 1892/I, 511 ff., 335–357.

⁷ Подробнее об этом см. Jones 1934; Salzman 1991.

⁸ Игры давались Гонорием во время торжественного посещения им Рима (*adventus*) в честь его шестого консульства. Языческий поэт Клавдиан приветствовал решение императора запретить кровавые зрелища, т.к. считал, что «только кровь животных может обогатить песок арены» (*Claud. Pan. sex. cons. Hon. Aug.*)

но обозначают они исключительно разного рода театральные представления или гонки колесниц⁹.

Таким образом, очевидны изменения в интересующем нас явлении, но эта динамика не выглядит вполне завершенной, как в конце IV в., так и в середине V в. Традиционные праздничные дни, такие, например, как 1 января, и привычный годовой ритм в целом сохранялись.

Верность античной праздничной традиции была неприемлема для многих Отцов Церкви, поскольку она была тесно связана с языческими культами, а также с развлечениями типа зрелищ в театрах, амфитеатрах и цирках, отвергаемых церковной моралью. Христианские писатели и учителя, такие, как Иоанн Хризостом, Августин¹⁰, Сальвиан пытались разъяснить пастве, почему нужно избегать развлечений подобного рода, но обычные христиане (особенно неофиты) продолжали наслаждаться традиционными развлечениями, в том числе и потому, что их патроны организовывали такие мероприятия¹¹.

Имперское законодательство пыталось найти компромисс между наиболее категоричными деятелями Церкви и обычаями и желаниями простых людей, например, Гонорий писал в 399 г.: «Когда мы запретили языческие культы, мы не желали запретить и праздничные собрания граждан, и общее удовольствие от них. Следовательно, мы предписываем, что развлечения для граждан должны проводиться в соответствии со старыми обычаями, но без элементов языческого культа и мерзких суеверий» (C.Th. XVI. 10. 17). Церковные иерархи склонны были соглашаться с такой позицией, сетуя на всеобщее невежество и отсутствие религиозного рвения, во всяком случае, когда папа Лев I организовал праздник в годовщину избавления Рима от готов, он констатировал: «Если люди [Рима] предпочли цирковые увеселения церковной службе в честь избавления Рима от готов, их грех свидетельствует, скорее, о недостаточной приверженности вере, чем о явном отступничестве» (Leo. Sermon. 84. 1) и ниже: «помешательство на играх порождает гораздо большую толпу, чем святыни мучеников» (Leo. Sermon. 84. 2). Следовательно, предпринимаемые администрацией попытки согласовать привычки большей части позднеримского общества и официальную позицию Церкви можно рассматривать в качестве одного из оснований сохранения традиционных празднеств.

Что же касается упомянутых нами «привычек», то их можно расценивать как сформировавшийся веками стереотип поведения, который проявлялся в среде привилегированных слоев общества в качестве одного из утвердившихся способов распоряжения богатством, выражавшегося в устройении увеселительных общественных мероприятий с целью подтверждения своего высокого статуса (об этом свидетельствует практика организации консульских и преторских игр, которые будут рассмотрены ниже), тогда как для населения это была обычная форма организации досуга. Данное явление, на наш взгляд, является одним из главных ос-

⁹ Lee 2000, 145.

¹⁰ Например, Св. Августин в 395 г. настаивал, что всякие неумеренные пиршества, даже если они устраиваются по поводу дня поминовения святого, должны быть запрещены, аргументируя это тем, что «пиршества в честь святых есть языческий обычай, поддерживаемый толпами недавно обращенных» (Ep. 29).

¹¹ Ward-Perkins 2008, 399.

нований приверженности языческой традиции в организации праздничных мероприятий.

Помимо прочего, страсть к зрелищам в интересующий нас период может расцениваться и как средство временного отвлечения людей от проблем разного характера, сопутствующих жизни позднеримского общества. Так, в одном из сочинений Сальвиана, церковного писателя первой половины V в., повествуется об уцелевших жителях Трира, несколько раз подряд разграбленного варварами, которые признавались, что совершенно примирились бы со своей участью, если бы им оставили их привычные зрелища (Salv. De Gub. Dei. VI. 13, 15).

Таким образом, многие языческие праздники продолжали значиться в римских фастах, но чаще всего представляли собой безобидные зрелища, не имеющие религиозной подоплеки и используемые в качестве средства отдыха, отвлечения от насущных вопросов. Британский историк Нил Маклин разделяет мнение о том, что многие языческие праздники имели место в V в., что отражено, в первую очередь, в календаре Полемия Сильвия и уже упоминалось выше. Так, Луперкалии помещаются между «переменой ветра» 14 февраля и «днем рождения Фаустины, жены Антония» 16 февраля. Маклин считает такое постоянство «рудиментарной памятью»¹².

Документальным свидетельством существования в конце V в. традиции празднования Луперкалий является письмо папы Геласия, известного своей активной борьбой с пережитками язычества, оно датируется 495 г. (Gel. Sermon. Adv. Andr.). В данном послании «Против Андромаха и других римлян»¹³ папа обращается к целой группе лиц, *patroni* Луперкалий, поддерживающих старую языческую традицию и представляющих позднеантичную элиту (*nobiles*). Геласий безоговорочно осуждает приверженность старине.

Мотивом к поддержанию этой традиции служила идея стимулирования плодородия земли и ее защиты от злых сил (название *Februarius* происходит от *februum* – предметов, оберегающих от зла), что особенно важно в конце января и начале февраля, т.к. в данное время засеивались озимые. Именно этот мотив, помимо перечисленных выше, видимо, объясняет сохранение практики организации Луперкалий.

Луперкалии (*Lupercalia*) – первоначально праздник пастухов в честь Фавна-Луперка, бога стад, соответствующего греческому Пану, – справляли в месяце ритуальных очищений, которым и считался февраль. Очистительные жертвы (в качестве таковых, как правило, использовались собаки) нужны были для того, чтобы оживить плодородие земли, стад и самих людей – их приносили в гроте Луперкаль у подножия Палатинского холма, где, по преданию, жила некогда волчица (*lupa*), вскормившая Ромула и его брата Рема. После жертвоприношений юные жрецы Луперка начинали свой ритуальный бег вокруг Палатинского холма, держа в руках ремни из козьих шкур и хлеща всех, кто попадется им на пути, – в этом

¹² McLynn 2008, 16. Также об этом см. North 2008.

¹³ Андромах – *magister officiorum et consiliarius* при Одоакре (489 г.), являлся папским легатом в Константинополе во времена акакианской схизмы. Геласий называл его «*filius meus vir inlustris Andromachus*». И первое, и второе свидетельствовало о том, что Андромах был добрым христианином, что, однако, не мешало ему выступать вместе с другими представителями нобилитета в качестве организатора языческих Луперкалий (Martindale 1980, 89).

также состоял обряд очищения. Молодые женщины охотно подвергали себя ударам в дни Луперкалий, веря, что очистительные удары ремней исцеляют от бесплодия и способствуют легким родам и вынашиванию плода¹⁴ (Plut. Vit. paral. Romul, 21.3; Quaes. Rom. 68; Virgil. Aen. 8. 342–344; Ovid. Fast. II, 265–470; Hor. Od. III, 18; Dion. Hal., Rom. Antiq. 1. 32. 3–5, 1. 80; Iust. Hist. Phil. 43. 6; Macr. Sat. I. 16, 5–6; Joan. Lyd. De Mens. 4. 25).

Такими Луперкалии предстают перед нами на страницах классической римской литературы, при этом в позднеантичную эпоху ожидаемо должны были произойти значительные изменения. Однако Сервий, римский грамматик конца IV – нач. V вв. н.э., в комментариях к Энеиде упоминает, что луперки продолжают отмечать свой праздник обнаженными (Serv. Gram. Verg. Aen. Com.), хотя Нил Маклин считает это свидетельство неубедительным¹⁵, и мы склонны с ним согласиться, поскольку речь идет о деятельности языческих жреческих коллегий, к тому времени находящихся под запретом, а ссылки на Сервия в «Сатурналиях» Макробия и письма Симмаха говорят о том, что Сервий был язычником, следовательно, мог выдавать желаемое за действительное.

Трудно сказать что-то определенное о позднеантичной версии Луперкалий. Геласий, разумеется, описывает этот праздник исключительно с негативной точки зрения, при этом он говорит о том, что нобили больше не бегают обнаженными, а раздетых донага на всеобщее обозрение женщин больше не бьют (Gel. Sermon. Adv. Andr. 16). Тем не менее он готов признать, что мероприятие все еще носит унижительный характер, и именно по этому признаку можно определить его классическую форму: по-прежнему атмосфера всеобщего веселья поддерживается бегущими обнаженными (более или менее) мужчинами, и женщин также бьют согласно обычаю.

Видимо, здесь имеется в виду, что представители элиты, значительная часть которой в этот период была христианской, действительно, больше не принимали участие в Луперкалиях, являясь исключительно их организаторами, а вот обычные люди, для кого и устраивалось действо, охотно в нем участвовали. Христианская сенаторская аристократия не видела вреда в том, чтобы погрузить людей в привычную развлекательную атмосферу на фоне нестабильного, кризисного бытия. Самих жрецов, луперков, разумеется, уже не было, но праздник прекрасно обходился и без них. Более того, к V в. праздник луперкалий приобрел «профессиональный» характер. Так, Маклин считает, что в качестве бегунов выступали актеры и актрисы, т.е. действо представляло собой, скорее, театральное представление, что делало его безвредным (для христиан) зрелищем (*imago* (Gel. Sermon. Adv. Andr. 27)).

Разумеется, существуют все основания полагать, что сохранение праздника зависело от средств, которыми располагала администрация Рима, чтобы финансировать подобные шоу¹⁶. Его живучесть следует объяснять не всенародной ностальгией или приверженностью суевериям, не желанием элиты снизить до чаяний простого народа, но стремлением римской аристократии поддерживать свой имидж путем инвестирования средств в подобные мероприятия.

¹⁴ Винничук 1988, 414.

¹⁵ McLynn 2008, 167.

¹⁶ McLynn 2008, 175.

Также неизменным поводом для устройства праздничных мероприятий служили даты официального вступления в должность консула или претора. По традиции это событие должно было сопровождаться пышными торжествами. Так, 1 января новые консулы облачались в триумфальные одежды, чтобы участвовать в *processus consularis* – праздничной процессии на Капитолийском холме, что все еще в достаточном объеме имела место в позднеантичное время. Сохранились некоторые консульские диптихи (в том числе и V века), дающие представление о том, кто вступал в консульство, а также свидетельства авторов, так или иначе упоминающих торжества, посвященные данному событию.

Известно о трех консульствах Констанция III – в 414, 417 и 420 гг. Олимпиадор отмечает, что после 417 г. Констанций стал жаждать денег, которые он собирал для того, чтобы богато обставить сначала свое третье консульство, а затем и вступление на престол. После его смерти в Равенну со всех сторон стали стекаться жалобы от людей, которых он обидел, отобрав у них деньги (Olymp. 39). Флавий Меробавд в своем панегирике Аэцию (446 г.) (Merob. Paneg. II) сообщает, в частности, о его *processus consularis*. Меробавд отмечает использование древней атрибутики (*lituus, sella curulis, fascies et al.*) и говорит, что праздник Аэция затмевает своим размахом все подобные мероприятия (Merob. Paneg. 32–49)¹⁷.

В ряде письменных источников имеются сведения о процессиях консулов. Так, вынос курульного кресла (*sella curulis*) был обычным для торжественной процессии по случаю избрания консула, но только в IV в. появляется обычай нести консула, сидящего в курульном кресле, с помощью носилок. Консульские носилки (*lectica consularis*), упоминаемые Мамертином (Pan. Lat. XII. 30, 2), очевидно, были приспособлением для выноса *sella curulis*. Данное приспособление состояло из шестов, подводимых под курульное кресло. В этом отношении особенно примечательно описание консульской процессии у Иоанна Лиды: «...кроме того, подложив длинные шесты, граждане несли, выставив вперед, кресло (которое они называют *sella*) из слоновой кости с восседавшим консулом» (Joan. Lyd. Demag. I. 32). Здесь речь идет уже о событиях VI в., что означает еще более длительное бытование данной традиции. Из свидетельства Аполлинария Сидония (Epist. VIII. 8, 8) можно сделать вывод, что такие шесты имели различные металлические украшения. Сидоний, описывая атрибуты консула, упоминает *eboratas curules et gestatorias bratteatas*, т.е. различает курульное кресло, украшенное слоновой костью (*eboratas*), и приспособление для его несения (*gestatorias*), декорированное металлом (*bratteata*)¹⁸.

В другом своем послании (VIII. 6, 5) Сидоний упоминает церемонию инаугурации консула Астерия¹⁹, имевшую место в 449 г.: «Я слушал его в молодости и чуть ли не мальчиком, когда мой отец как префект претория ведал судами в Галлии, именно в то время, облаченный в трабею, консул Астерий торжественно отворил двери года. Я находился у курульного кресла и, хотя не стоя в стороне, по

¹⁷ Clover 1971, 55.

¹⁸ Залеская 1973, 197–198.

¹⁹ Fl. Astyrius – тесть поэта Флавия Меробавда. В Льеже сохранился консульский диптих из слоновой кости, изображающий сидящего на *sella curulis* консула, отягощенного полными консульскими регалиями. Диптих также содержит надпись: «Flavius Astyrius vir clarissimus and inlustris comes ex magistro ustriusque militiae consul ordinarius» (Martindale 1980, 174–175).

своей знатности, но, конечно, не сидя, по своему возрасту; и, вмешавшись в толпу ближайших к консулу простых граждан, был очень от него близко. И вот, как только, ни мало не помедлив, раздали немалую спортулу и были вручены фасции, все собрание галлов обратилось к виднейшим ораторам с просьбой выступить в эти предшествующие празднеству утренние часы...».

В 494 г. другой Астерий²⁰ также в честь своего консульства организовал для публики бои диких животных и театральные представления в перерывах между гонками колесниц (Anth. Lat. I. 1, 3). Это нововведение шокировало римлян, поскольку тем самым нарушало устоявшуюся традицию, согласно которой определенные зрелища соответствовали каждому отдельному праздничному дню и никогда не смешивались, что, в частности, подтверждается календарями Филокала и Полемия Сильвия²¹.

Театр аккумулировал множество развлечений: выступления мимов и акробатов, постановки комедий и трагедий, шутейные морские баталии (навмахии). Все это, как правило, сопровождалось игрой на музыкальных инструментах.

Та часть обычной зрелищной программы, которая была связана с травлей зверей, продержалась в пределах ранее единой империи еще несколько десятилетий, поскольку отношение общества к «охотам» было достаточно терпимым. Последние выступления венаторов в уже начавшем разрушаться Колизее состоялись в 523 г. при остготском короле Теодорихе²².

Наконец, упомянем консульство императора Юстиниана в 521 г., которое начиналось с церемонии инаугурации с великолепными консульскими играми (*fasti consulares*) (Procop. SH 18. 33; 23. 1; 24. 29; 6. 27–28; Суг. Scyth. V. Sabae 68), хотя, безусловно, здесь речь идет о континуальных процессах в Византии.

Что касается преторских празднеств, то из писем Симмаха мы знаем, что он готовился несколько лет, чтобы достойно обставить начало претуры его сына Меммия (Symm. VII. 121; VIII. 14, 71, 72; IX. 6, 132–142). Так, он переписывался с коннозаводчиком из Испании, чтобы закупить лучших скакунов для выступления на ипподроме. Когда его сын в 400–401 г. вступил в должность, Симмах в общей сложности потратил на устройство игр более 2000 либр золотом (*librae*) (Olymp. 44). Расходование таких огромных сумм ради зрелищ не было уникальным случаем. Например, Петроний Максим²³ в 411 г. заплатил 4000, а Проб²⁴ в 423–425 гг. – 1200 (Olymp. 44).

От пышности праздника в ознаменование претуры зависела честь фамилии. Успех игр был именно тем признаком, который увековечивал в памяти современников имя семьи в качестве организаторов необыкновенной щедрости.

Упомянем также о традиции *adventus* – торжественного въезда императора в город, который служил поводом для устройства пышных празднеств и, соответственно, привлекал толпы людей. Данная церемония может расцениваться

²⁰ Asterius 11 (Martindale 1980, 173–174).

²¹ Lançon 2001, 145.

²² Горончаровский 2009, 55.

²³ Петроний Максим – римский император (17 марта – 31 мая 455 г.) – начал свою карьеру весьма рано с обретения претуры и устройства в честь этого события дорогостоящих игр (Lançon 2001, 142–143).

²⁴ Проб был претором в Риме, известен своими щедрыми преторскими играми (Martindale 1980, 910).

как замена триумфу. Ее идейное содержание предусматривало зависимость благоденствия государства от процветания императора²⁵. Действо сопровождалось всеобщим весельем, щедрыми дарами императора, во многих случаях чеканились памятные медали с изображением императора, въезжающего в город на коне или в колеснице²⁶. Согласно источникам, традиция *adventus* сохранялась в течение всего V века. Особенно красочно она описана в панегириках Клавдиана и Сидония.

Клавдиан описывает прибытие Гонория в столицу мира как встречу императора с его невестой – Ромой – и расценивает эту связь как супружество (*thalamus*) (Claud. Pan. sex. cons. Hon. Aug. 331, 356). Во время торжественного посещения Гонорием Рима (404 г.) давались игры в честь его шестого консульства, в которых в последний раз принимали участие гладиаторы, о чем мы упоминали выше. Клавдиан пишет о том, что толпы римлян заполнили пространство между Мульвийским мостом и Палатинским холмом, дабы насладиться зрелищем стоящего в колеснице вместе со своим сыном императора, сопровождающих его сенаторов (кстати, нововведением Гонория был запрет сенаторам идти перед колесницей) и войска в парадных доспехах.

Сидоний также затрагивает интересующую нас традицию в панегириках императорам Авиту (456 г.) и Антемию (468 г.) (Carm. VII, II) и называет Рим без императора «овдовевшим» (Carm. VII. 341–2).

Очевидно, что данное общественное мероприятие имело место на протяжении всего V в. и позже, т.к. обычай этот поддерживался на Западе варварскими королями и после 476 г. Так, в 500 г. Теодорих устроил торжественный въезд в Рим. В подражание римским правителям он раздавал деньги и хлеб и давал игры. Так остготский король, поддерживая традицию «*panem et circenses*», демонстрировал преемственность римской модели варварскими королевствами²⁷.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели некоторые из сохранившихся в христианской империи V века зрелищно-массовых мероприятий, в качестве которых выступали языческий праздник Луперкалий, консульские и преторские игры, а также церемония въезда императора в город. Безусловно, это далеко не весь список увеселений, доступных римлянам в этот период, в чем мы убедились, анализируя календарь Полемиа Сильвия, однако в рамках одной статьи затронуть полный перечень праздников весьма проблематично.

Если Луперкалии – это явный рудимент недавнего языческого прошлого (а для некоторых и живой обычай настоящего), то остальные события являются материальным выражением деятельности имперской администрации, т.к. связаны либо с фигурой императора, либо с магистратами.

Очевидно, что эти традиции не утратили своей привлекательности, и для простого населения служили не только поводом повеселиться и получить дары, но и отвлечься от постоянных забот в достаточно тяжелые времена. Для нобилей же

²⁵ Об этом см.: MacCormack 1972; 1975; 1990; Ewald et al. 2010.

²⁶ MacCormack 1990, 89.

²⁷ Moorhead 1992, 60–65.

данные мероприятия были основанием добавить к чести своей семьи прекрасно организованное и дорогое зрелище, тем самым упрочив свое положение.

Отметим также, что применительно к V в. речь не идет о завершающей фазе бытования исследуемых феноменов, это подтверждают письменные источники VI в., например, эпиграммы Луксория, латинского поэта из Карфагена, явно указывающие на то, что традиционные языческие игры и развлечения были все еще популярны и в первой половине VI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Ведешкин, М.А. 2014: Языческая интеллектуальная элита Восточно-Римской империи в V–VI вв. В сб.: М.С. Петрова (ред.), *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 2, 153–192.
- Винничук, Л. 1988: *Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима*. Пер. с польск. В.К. Ронина. М.
- Горончаровский, В.А. 2009: *Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью*. СПб.
- Залесская, В.Н. 1973: Об одном украшении византийской мебели. *Византийский временник* Т. 34 (59), 196–199.
- Звиревич, В.Т. (ред.) 2009: *Макробий. Сатурналии*. Пер. с лат. и греч., прим. и словарь В.Т. Звиревича. Екатеринбург.
- Казаков, М.М. 2002: *Христианизация Римской империи в IV веке*. Смоленск.
- Уколова, В.И. 2010: *Античное наследие и культура раннего средневековья: Конец V – середина VII века*. М.
- Barnes, T.D. 1995: Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *JRS* 85, 135–147.
- Ewald, B.C., Noreña, C.F. 2010: *The Emperor and Rome: Space, Representation, and Ritual*. *Yale Classical Studies* 35. Cambridge–New York.
- Clover, F.M. 1971: Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. *Transactions of the American Philosophical Society, New Series* Vol. 61 (1), 1–78.
- Jones, C.W. 1934: Polemius Silvius, Bede, and the Names of the Months. *Speculum* Vol. 9 (1), 50–56.
- Lançon, B. 2001: *Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, A.D. 312–609*. Edinburgh.
- Lee, A.D. 2000: *Pagans and Christians in Late Antiquity. A sourcebook*. London–New York.
- Liebeschuetz, J.H.W. G. 2008: Administration and Politics in the Cities of the Fifth to the Mid Seventh Century: 425 – 640. In: Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *Cambridge Ancient History* Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge, 207–237.
- MacCormack, S. 1972: Change and Continuity in Late Antiquity: the Ceremony of Adventus. *Historia* Bd. 21, 721–752.
- MacCormack, S. 1975: Roma, Constantinopolis, the Emperor, and his Genius. *The Classical Quarterly* Vol. 25 (01), 131–150.
- MacCormack, S. 1990: *Art and Ceremony in Late Antiquity (Transformation of the Classical Heritage)*. California.
- Martindale, J.R. et al. 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire* Vol. II, 395–527. Cambridge.
- McLynn, N. 2008: Crying Wolf: The Pope and the Lupercalia. *JRS* 98, 161–175.
- Moorhead, J. 1992: *Theoderic in Italy*. Oxford.

- North, J.A., McLynn, N. 2008: Postscript to the Lupercalia: from Caesar to Andromachus. *JRS* 98, 176–181.
- Salzman, M.R. 1991: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 17)*. Berkeley.
- Salzman, M.R. 2004: *The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Harvard.
- Ward-Perkins, B. 2008: The Cities: The Impact of Christianity. In: Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History* Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. Cambridge, 392–403.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1995: Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *Journal of Roman Studies* 85, 135–147.
- Clover, F.M. 1971: Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. *Transactions of the American Philosophical Society, New Series* Vol. 61 (1), 1–78.
- Ewald, B.C., Noreña, C.F. 2010: *The Emperor and Rome: Space, Representation, and Ritual*. *Yale Classical Studies* 35. Cambridge–New York.
- Goroncharovskiy, V.A. 2009: *Arena i krov': Rimskie gladiatory mezhdzhu zhiz'n'yu i smert'yu*. Saint-Petersburg.
- Jones, C.W. 1934: Polemius Silvius, Bede, and the Names of the Months. *Speculum* Vol. 9 (1), 50–56.
- Kazakov, M.M. 2002: *Hristianizatsiya Rimskoy imperii v IV veke*. Smolensk.
- Lançon, B. 2001: *Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, A.D. 312–609*. Edinburgh.
- Lee, A.D. 2000: *Pagans and Christians in Late Antiquity. A sourcebook*. London–New York.
- Liebeschuetz, J.H.W. G. 2008: Administration and Politics in the Cities of the Fifth to the Mid Seventh Century: 425–640. In: Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *Cambridge Ancient History* Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge, 207–237.
- MacCormack, S. 1972: Change and Continuity in Late Antiquity: the Ceremony of Adventus. *Historia* Bd. 21, 721–752.
- MacCormack, S. 1975: Roma, Constantinopolis, the Emperor, and his Genius. *The Classical Quarterly* Vol. 25 (01), 131–150.
- MacCormack, S. 1990: *Art and Ceremony in Late Antiquity (Transformation of the Classical Heritage)*. California.
- Martindale, J.R. et al. 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire* Vol. II, 395–527. Cambridge.
- McLynn, N. 2008: Crying Wolf: The Pope and the Lupercalia. *Journal of Roman Studies* 98, 161–175.
- Moorhead, J. 1992: *Theoderic in Italy*. Oxford.
- North, J.A., McLynn, N. 2008: Postscript to the Lupercalia: from Caesar to Andromachus. *JRS* 98, 176–181.
- Salzman, M.R. 1991: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 17)*. Berkeley.
- Salzman, M.R. 2004: *The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Harvard.
- Ukolova, V.I. 2010: *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya: Konets V – seredina VII veka*. Moscow.

- Vedeshkin, M.A. 2014: Yazycheskaya intellektual'naya elita Vostochno-Rimskoy imperii v V–VI vv. In: M.S. Petrova (red.), *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem*. Vyp. 2. 153–192.
- Vinnichuk, L. 1988: *Lyudi, nrvy i obychai Drevney Gretsii i Rima*. Per. s pol'sk. V.K. Ronina. Moscow.
- Ward-Perkins, B. 2008: The Cities: The Impact of Christianity. In: Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History* Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. Cambridge, 392–403.
- Zalesskaya, V.N. 1973: Ob odnom ukrashenii vizantiyskoy mebeli. *Vizantiyskiy vremennik* T. 34 (59), 196–199.
- Zvirevich, V.T. (red.) 2009: *Makrobiy. Saturnalii*; per. s lat. i grech., prim. i slovar' V.T. Zvirevich. Ekaterinburg.

SOME TRADITIONAL PUBLIC FEASTS AND ENTERTAINMENTS IN THE LATIN WEST OF THE 5th CENTURY AD

Elena V. Litovchenko

Belgorod State National Research University, Russia,
litovchenko@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the traditional public feasts of the Roman world during Late Antique period. The main goal is to determine the dynamics of their implementation and relevance in the Western Empire of the 5th century AD. The author focuses on studying popular non-Christian entertainments such as Lupercalia, consular and praetor games, and the ceremony of the Emperor's entry into the city (*adventus*). The basic research problem is to identify the reasons for practice of holding traditional non-Christian mass arrangements preservation against the established Christianity in the fifth century. The main sources were the works of 4th – 5th centuries AD Latin authors such as Salvianus, Macrobius, Flavius Merobaudes, Symmachus, Sidonius, papal correspondence and calendars. The usage of the methods of historical-philological analysis (lexico-terminological and hermeneutic) let the author interpret the texts of Late Antique writers, taking into account the specificity of sources. The author concludes that these entertainments, pagan, have not lost its attractiveness for representatives of various categories of the population not only during the 5th century AD, but also out of this period. The model of behavior of noblemen assuming the holding of public feasts for the confirming of their high social status serves as one of the foundation of preservation the traditional arrangements practice. The second reason was to define the tries of imperial administration to conform the Late Roman society habits to Church authoritative position. Finally, we have to take into account the attitude of the most Romans to spectacles as the means of severities distraction.

Key words: public feasts, paganism, Christianity, West Roman Empire, 5th century AD

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 70–74
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 70–74
© Автор(ы) 2017

СВЯТАЯ ОЛИМПИАДА ДИАКОНИССА: ЖИЗНЬ БЕЗ ТЩЕСЛАВИЯ

Ю.Ю. Чувва

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
skachkova2010@yandex.ru*

Аннотация. В эпоху становления христианства как государственной религии в Ранней Византии особое место занимали женщины. Они были проводниками идей христианства в реальную повседневную жизнь любой православной семьи. Науке известны частые переходы знатных женщин в ряды служительниц церкви – монахинь, диаконис. Это историческое явление характеризует религиозную сторону жизни представительниц привилегированного сословия – стремление к духовному и нравственному совершенству. Существовало несколько направлений деятельности знатных женщин без принятия духовного сана: благотворительность, строительство и благоустройство монастырей, помощь больным, бедным. На благотворительную деятельность тратились колоссальные суммы, иногда сопоставимые в процентах к величине всей казны империи. Память о многих таких женщинах сохранилась в веках. Они почитаемы и сегодня.

Их примеры социальной мобильности имеют общесторическое значение для понимания социальной и общественной иерархии. Социальная мобильность осуществлялась не только посредством служения церкви, но и с помощью брака, посредством приближения к императорскому двору. Социальный статус женщины определялся в соответствии с социальным статусом мужа либо семьи. В истории Ранней Византии существует множество примеров, когда императором избирался крестьянин, добившийся значительных успехов. Рядом с ним в большинстве случаев находилась женщина, принадлежавшая к императорской семье. Сохранились античные традиции, по которым большое влияние имело происхождение. Большинство знатных женщин этого периода были образованными, состояли в переписке с церковными иерархами, которые становились примером духовного совершенства.

Ключевые слова: диакониса, монашество, благотворительность, социальный статус, христианские святые

*«Я знаю благородство твоего ума,
знаю крепость твоей богобоязненной души,
знаю обилие рассудительности, силу любомудрия
... Блаженна ты и трижды блаженна...»*

Святитель Иоанн Златоуст. Письма к Олимпиаде.

Чувва Юлия Юрьевна – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Введение

Эпоха Ранней Византии всегда характеризовалась как переходный этап от Античности к совершенно иному христианскому миру с его новой религией, обычаями и традициями. Старая римская аристократия, не желающая идти на уступки времени, отходит на второй план. Но избежать понятия древности и знатности происхождения молодому христианскому государству все же не удастся. В описываемое нами время общество находилось в нравственном смятении. Но постепенно население Восточной Римской империи принимало христианство. В Ранней Византии развитие и утверждение христианства как государственной религии происходило также и посредством деятельности знатных женщин¹. Существовало три направления основной церковной деятельности:

- благотворительность;
- церковное строительство, основание монастырей;
- воцерковление, принятие монашества, сана диаконисы.

В эпоху зарождения христианства не существовало специальной женской благотворительной организации, поэтому был создан институт диаконис². Основное развитие он получил в IV–VI вв. В сирийских «Постановлениях святых апостолов», относящихся к IV в., подробно описана процедура посвящения в сан. Но в данном контексте необходимо различать избрание на церковное служение и посвящение посредством церковных таинств – хиротонию и хиротесию.

Первые диаконисы обычно ассоциируются с ветхозаветными пророчицами Мариам, Деворой, Анной. Но наличие определенного дара и осуществляемый по этому признаку выбор в диаконисы не подтверждается источниками. Эти служительницы церкви только получали благословение на пророчествование как особый труд ради Церкви.

Отбор в диаконисы осуществлялся по следующим параметрам³:

- женщина должна была быть единожды замужем;
- не моложе 40 (50) лет;
- могла быть женой духовного лица, но не состоять в фактическом браке.

К последним мы можем отнести мать Григория Богослова Нонну, супругу Григория Нисского⁴.

Византийский церковный обычай предусматривал прикрепление диаконис к конкретным церквям. Так, в знаменитом соборе Св. Софии в Константинополе на службе находилось около 40 женщин. Основная их деятельность заключалась в духовном наставлении, посещении больных и неимущих, заключенных в тюрьмы. В условиях становления христианства они присутствовали при беседах священнослужителей и женщин, проповедующих языческие культы.

Самой известной диаконисой в ранней Византии стала Олимпиада. На эту должность она была назначена святым патриархом Нектарием. Олимпиада – наиболее показательный пример женской социальной мобильности.

¹ Brown 1987.

² Краснобаева 2008.

³ Краснобаева 2013.

⁴ Сидоров 1998.

Святая Олимпиада принадлежала к знатному роду, являлась дочерью сенатора Анисия Секунда и внучкой по матери знаменитого епарха Евлалия, а ее мать была замужем в первый раз за армянским правителем Арсаком⁵. По традиции своего сословия Олимпиада была с юности обручена, и брак должен был заключаться по достижении ею совершеннолетия. Свидетельства о браке мы находим у Святителя Григория Богослова, который обратился с такими словами к будущей супруге: «Почитай Бога, а потом супруга – глаз твоей жизни, руководителя твоих намерений. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тем больше, чем нежнейшую к тебе питает любовь; под узами единодушия сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себе не такую вольность, на какую вызывает тебя любовь мужа, но какая прилична... Когда муж раздражен, уступи ему, а когда утомлен, помоги нежными словами и добрыми советами... Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга в понесенном ущербе, потому что сам он лучшее для тебя приобретение... Радости и все скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будут у вас общие, потому что чрез это возрастает дом... Будь высокоумдренна, но не высокоумна...»⁶.

Св. Олимпиада обладала такими качествами, как мужественность и благочестие, поэтому стойко восприняла решение Феодосия Великого об ограничении ее наследственных прав после отказа выйти замуж во второй раз.

Церковная деятельность диаконы Олимпиады имела несколько направлений:

- огромная благотворительная деятельность – почти все имущество семьи было отдано нуждавшимся;

- помощь и поддержка святителей церкви, подвергшихся гонениям, – Амфилохию, епископу Иконийскому, Онисиму Понтийскому, Григорию Богослову, Петру Севастийскому, брату Василия Великого, Епифанию Кипрскому⁷;

- церковное строительство.

Отдельно следует сказать о ее дружественных отношениях с Иоанном Златоустом⁸. После пожара в церкви Св. Софии и уплаты огромной суммы в качестве компенсации суду, так и не нашедшему против нее улик, Олимпиада покинула Константинополь.

405 г. стал решающим в судьбе Св. Олимпиады. Она была осуждена и арестована в Никомидии. В заточении продолжалась переписка с Иоанном Златоустом, который оказывал моральную поддержку Олимпиаде⁷. Заключение продлилось четыре года, и в 409 г. св. Олимпиада скончалась.

Заключение

Таким образом, биография Св. Олимпиады наглядно демонстрирует переход из богатейшего и наиболее знатного сословия ранней Византии к истинному служению и историческому признанию в рамках своей церковной деятельности. Эти факты подтверждены большим количеством источников и приводятся в Житии Св. Олимпиады, поэтому их достоверность не вызывает сомнений.

⁵ Постернак 2011.

⁶ Дюшен 1912.

⁷ Bitton-Ashkelony, Brouria 2006.

⁸ Burton-Christie 1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Ванькова, А.Б. 2001: *Социально-правовой статус монашества в восточных провинциях Римской империи в IV–VI вв.* М.
- Дюшен, Л. 1912: *История древней Церкви*. Т.2. М.
- Краснобаева, Ю.Е. 2008: *Институт вдовиц в раннехристианской церкви. Antiquitas luventae*. Саратов.
- Краснобаева, Ю.Е. 2013: *Понятие «служение» и институт диакона в раннем христианстве*. М.
- Постернак, А.С. 2011: *Служение женщин в Древней Церкви*. М.
- Пушкарева, Н.Л. 1998: Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы. *Вопросы истории* 6, 76–87.
- Сидоров, А.И. 1998: *Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества*. М.
- Тимофеева, Д.Г. 2002: *Устройство монастырей Византии в период с III по VIII вв. Сборник научных работ студентов исторического факультета* 2, 100–104.
- Bitton-Ashkelony, B. 2006: Monastic Leadership and Municipal Tensions in Fifth-Sixth Century Palestine: The Cases of the Judean Desert and Gaza. *Annali di storia dell'esegesi* 23, 415–443.
- Brown, P. 1987: Late Antiquity. A History of Private Life. Vol. I. *From Pagan Rome to Byzantium*. Cambridge, 44–90.
- Burton-Christie, D. 1993: *The Word in the Desert and the Quest for Holiness in Early Christian Monasticism*. New York–Oxford, 24–67.
- Clark, E.A. 1986: Ascetic Piety and Women's Faith: Essays on Late Ancient Christianity. *Edwin Mellen Press*, 60–78.

REFERENCES

- Bitton-Ashkelony, B. 2006: Monastic Leadership and Municipal Tensions in Fifth-Sixth Century Palestine: The Cases of the Judean Desert and Gaza. *Annali di storia dell'esegesi* 23, 415–443.
- Brown, P. 1987: Late Antiquity. A History of Private Life. Vol. I. *From Pagan Rome to Byzantium*. Cambridge, 44–90.
- Burton-Christie, D. 1993: *The Word in the Desert and the Quest for Holiness in Early Christian Monasticism*. New York–Oxford, 24–67.
- Clark, E.A. 1986: Ascetic Piety and Women's Faith: Essays on Late Ancient Christianity. *Edwin Mellen Press*, 60–78.
- Dyushen, L. 1912: *Istoriya drevney Tserkvi*. Т.2. Moscow.
- Krasnobaeva, Yu.E. 2008: *Institut vdovits v rannekhristianskoy tserkvi. Antiquitas luventae*. Saratov.
- Krasnobaeva, Yu.E. 2013: *Ponyatie «sluzhenie» i institut diakonata v rannem hristianstve*. Moscow.
- Posternak, A.S. 2011: *Sluzhenie zhenshchin v Drevney Tserkvi*. Moscow.
- Pushkareva, N.L. 1998: Genderные исследования: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy. *Voprosy istorii* 6, 76–87.
- Sidorov, A.I. 1998: *Drevnekhristianskiy asketizm i zarozhdenie monashestva*. Moscow.
- Timofeeva, D.G. 2002: *Ustroystvo monastyrey Vizantii v period s III po VIII vv. Sbornik nauchnykh rabot studentov istoricheskogo fakulteta* 2, 100–104.
- Vankova, A.B. 2001: *Sotsial'no-pravovoy status monashestva v vostochnykh provintsiyakh Rimskoy imperii v IV–VI vv.* Moscow.

HOLY DEACONESS OLYMPIAS: LIFE WITHOUT VANITY

Yulia Yu. Chueva

*Belgorod state national research University, Russia,
skachkova2010@yandex.ru*

Abstract. At the time of the formation of Christianity as a state religion in the early Byzantine special place was occupied by women. They carried Christian ideas to the real everyday life of every Orthodox family. Frequent transitions of noble women to the ranks of servants of the church - the nuns, deaconesses are known to science. This historical phenomenon characterizes the religious side of life of the privileged class representatives - the pursuit of spiritual and moral perfection. There were several areas of activity of noble women without entering the ministry: charity, construction and improvement of monasteries, help the sick and the poor. The enormous sums, sometimes comparable in percentage to the size of the entire treasury of the empire were spent on charity. The memory of many of these women survived through the centuries. They are honored today. Their examples of social mobility have general historical value for understanding of social and public hierarchy. Social mobility was carried out by means of community ministry, marriage, as well as approach to the imperial court. The social status of the woman was defined according to the social status of the husband or a family. Women's social status was determined in accordance with the social status of her husband or her family. In the history of the Early Byzantine Empire there are many examples when the peasant who achieved considerable success was elected as the emperor.

Next to him in most cases there was a woman who belonged to the Imperial family. Antique traditions by which the great influence had an origin remained. Most noble women of that period were educated, corresponded with church hierarches and became an example of spiritual perfection.

Key words: the deaconesses, monks, charity, social status, Christian holies

---

ИМПЕРАТРИЦА АФИНАИДА-ЕВДОКИЯ: ПУТЬ К ТРОНУ

Т.Л. Александрова

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва,
tatianaalexandrova@yandex.ru*

Аннотация. В статье идет речь о ранних годах императрицы Афинаиды-Евдокии (V в. н.э.), затрагиваются вопросы ее происхождения, социального статуса, образования и истории восхождения на трон. Автор предполагает, что Афинаида родилась после 401 г. (возможно, около 405 г. н.э.), что социальный статус ее семьи был достаточно высок и у нее были связи в придворных кругах. Местом ее рождения, скорее всего, были Афины, предположения о ее связи с Антиохией и Александрией не имеют достаточных оснований. Возможно, она принадлежала к тому же кругу, что и Синезий Киренский (ее дядя Асклепидот мог быть адресатом одного из писем Синезия). Этих людей, лояльных к христианскому государству и охотно принимающих христианство, но довольно свободно относящихся к его догматам, можно назвать «христианскими эллинистами». После смерти отца Афинаида попала в Константинополь, где представители партии «христианских эллинистов» устроили ее брак с Феодосием II. Роль, приписываемая в бракосочетании Феодосия и Евдокии сестре императора, Пульхерии, преувеличена и связана с последующей корректировкой истории после прихода Пульхерии к власти. В основе этого брака лежала близость интеллектуальных интересов жениха и невесты, поскольку Феодосий II был эрудитом в позднеантичном духе. Автор предполагает, что наиболее значительное влияние на Евдокию оказал сам Феодосий II, который обратил ее в христианство и сделал выразительницей собственных идей. Имя «Евдокия» («Благоволение»), полученное Афинаидой при крещении, является своего рода «программой» царствования Феодосия.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Афинаида-Евдокия, Феодосий II, Пульхерия, Синезий Киренский, поздняя античность, христианство

Введение

Судьба императрицы Евдокии, супруги Феодосия II, овеяна многочисленными легендами, которые многократно воспроизводятся византийскими историками и хронистами. При общей скудости информации о ней эти легенды заменили собой исторические факты. Тем не менее сопоставление легенд с обрывками фактов оказывается вполне плодотворным для исторических реконструкций, которые в ряде случаев подтверждаются другими свидетельствами. В данной статье мы рас-

---

Александрова Татьяна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

смотрим начало жизненного пути Афинаиды и попытаемся ответить на вопрос, было ли воцарение вчерашней язычницы, образованной эллинки, принявшей христианство, просто счастливой случайностью или закономерностью в тогдашней церковно-политической ситуации, а также попытаемся объяснить возникновение связанной с ней легенды.

Первое по времени историческое свидетельство о происхождении Евдокии содержится в еще прижизненной «Церковной истории» Сократа. «Будучи дочерью софиста Леонтия, она была образована и наставлена отцом в науках всякого рода. Когда же царь захотел жениться на ней, то епископ Аттик присоединил ее к христианству и во время крещения вместо Афинаиды нарек Евдокией»¹. Таким образом, достоверно известно имя отца Афинаиды, а также то, что, став императорской невестой, она еще не была крещена.

Более подробно историю восхождения Афинаиды-Евдокии на трон первым передает Иоанн Малала (VI в.), хотя у него, несомненно, уже был какой-то источник. В хронике Малалы в классическом виде представлена «история Золушки, ставшей королевой». Именно это повествование впоследствии с минимальными вариациями будет повторяться у всех византийских историков.

Малала рассказывает, как молодой царь Феодосий решил жениться и возложил заботу по поиску невесты на свою безбрачную сестру Пульхерию. В качестве первых и главных условий Феодосий выдвигал выдающуюся красоту невесты и ее девственность. Пульхерия принялась искать невесту, в чем ей помогал друг детства Феодосия – Павлин. В то время в Константинополь прибыла прекрасная и образованная девушка Афинаида – дочь афинского философа Леонтия, к тому времени уже умершего и оставившего, помимо дочери, двух старших сыновей – Валерия и Гессия, которым он и отписал по завещанию все имущество. Афинаиде же отец завещал лишь 101 номисму золота². Афинаида умоляла братьев разделить имущество поровну, но они отказались и даже выгнали ее из дома. Тогда осиротевшую девушку приютила тетка, сестра матери, и вместе с ней отправилась в Константинополь к другой своей сестре. Там они добились приема у августы Пульхерии, которая, приглядевшись к Афинаиде, сочла, что та по всем параметрам отвечает вкусу ее брата. Феодосий, которому невесту почему-то даже не показали, заинтересовался и вместе с другом Павлином изловчился подглядеть за Афинаидой в спальне, после чего влюбился окончательно и женился на ней. Услышав о том, что Афинаида стала царицей, братья сначала попробовали бежать, но сестра милостиво обошлась с обидчиками и даровала им высокие должности: Гессий был назначен префектом претория в Иллирике, а Валерий – «магистром»³.

Даже по пересказу легко понять, что эта история представляет собой не что иное, как искусно и занимательно обработанный бродячий сюжет⁴, хотя в него

¹ Hansen 1995, 368.

² Номисма – золотая монета весом около 5-ти г. 100 номисм – примерно 500 г. золота. Для сравнения: в «Житии прп. Мелании Младшей», написанной Геронтием, указывается, что годовой доход римских аристократов Пиниана и Мелании составлял сто двадцать тысяч номисм. В то же время на 200 номисм та же Мелания смогла построить здание для монахов в своем монастыре (VM, 49). К концу жизни все имущество прп. Мелании составляло 50 номисм, которые она велела отдать на пожертвования (VM, 30).

³ Dindorf 1831, 352–357.

⁴ Holum 1982, 114.

вплетены и некоторые реальные факты. Было установлено, что подлинны имена братьев Афинаиды, которые впоследствии занимали видные государственные должности, причем те самые, которые названы у Малалы: Валерий был комитом священных щедрот, магистром официй и консулом⁵. Младший, Гессий, занимал должность префекта Иллирика⁶. Каковы на самом деле были их отношения с сестрой, и были ли они ее гонителями – неизвестно, но, вероятно, после воцарения Евдокии они держали ее сторону, а не противоположную.

Романическая история об Афинаиде-Евдокии двухчастна. Первая часть – история ее восхождения на трон, вторая – история удаления из Константинополя в Иерусалим. В обеих частях фигурирует друг Феодосия Павлин, во второй части играющий роль героя-любownika, в преступной связи с которым царь заподозрил жену. Интересно, что об измене как таковой у Малалы не говорится – это скорее печальное недоразумение. Нельзя не заметить, что Евдокия у него изображена с большой симпатией, как персонаж положительный: она оказывается в роли невинно-гонимой жертвы в ссоре с братьями; сохраняет девственность (этот момент подчеркивается особо); нравится премудрой Пульхерии; по-христиански прощает гонителей-братьев; наконец, во второй части она опять играет роль жертвы, но уже в столкновении с ревнивым мужем. Эта трактовка в целом и утвердилась в последующей истории, хотя в других источниках интерпретация роли Евдокии может быть и совсем иной. Например, в сборнике повествований о константинопольских древностях «*Patria*» рассказывается о семи языческих философах, пришедших с Евдокией и произносящих странные, по-видимому, глумливые речи⁷, а «история с яблоком» подается именно как история измены царицы: сказано, что она была влюблена в Павлина (3, 146).

В целом из повествования вполне четко вырисовываются исторические силуэты Феодосия, Пульхерии, Евдокии и Павлина. Отметим, что Пульхерия, Евдокия и Павлин оцениваются положительно, а Феодосий выведен слабым, безвольным, зависимым от чужих мнений и подверженным страстям. К этому моменту мы еще вернемся.

В конце XX в. на основе этой «истории Золушки» были созданы две реконструкции возможной исторической правды. Первая принадлежит Алану Кэмерону, который вполне допускает, что рассказ Малалы отражает действительность и Афинаида действительно была изгнана братьями и попала на прием к Пульхерии, которая выдала ее замуж за своего брата. Кэмерон отмечает нелогичность введения Афинаиды во дворец Пульхерией и объясняет такой поворот сюжета лишь тем, что так и было в действительности. Таким образом, Кэмерон считает воцарение Афинаиды-Евдокии случайностью⁸.

То, что афинская девушка-сирота попала на прием к августу, исследователь объясняет, основываясь на упоминании об ее константинопольской тетке. В «Житии Симеона Столпника» (VS, 130–131) говорится о дяде царицы – Асклепиаде,

⁵ PLRE-2, 1145.

⁶ PLRE-2, 510–511.

⁷ Рассматривая статуи на константинопольском ипподроме, философы отпускают колкие замечания. «Когда они увидели [статую] царя верхом на коне, царь спросил: «Что вы удивляетесь?» – Апеллес ответил: «Я удивляюсь, зная, что, когда Олимпийские игры прекратятся, лошади будут ездить верхом на людях» и т.п. (Berger 2013, 104.)

⁸ Cameron 1982, 276.

которого идентифицируют с Асклепидотом, консулом 423 г. и префектом претория Востока⁹. Считается, что он был мужем этой не названной по имени константинопольской тетки¹⁰.

Кэмерон исследует также происхождение Евдокии и, на основании упоминаний у византийского грамматика Иоанна Цеца, что она училась у Ориона Фиванского и Иперехия (Chil. 52f), пытается установить ее связь с Египтом, утверждая, что примерно до 415 года Афинаида жила в Александрии (датировка базируется на хронологии историка Олимпиодора, который упоминает отца Афинаиды – Леонтия¹¹ в таком контексте, что его утверждение на афинской кафедре риторики можно отнести именно к этому времени)¹².

Вторая точка зрения принадлежит Кеннету Холэму, который отрицает афинское происхождение Афинаиды и считает, что это ошибка, основанная на созвучии ее имени с названием города. Холэм утверждает, что Афинаида на самом деле уроженка Антиохии (почему она и пишет стихотворное житие антиохийских святых Киприана и Иустины, а свою речь, произнесенную в этом городе во время паломничества, заканчивает гекзаметрической строчкой, сохраненной в «Пасхальной хронике»: «Вашему роду причастна я кровью своей и корнями»)¹³.

Холэм считает невозможным, чтобы Пульхерия приняла во дворец Афинаиду – свою будущую соперницу в борьбе за влияние. В истории Олимпиодора он замечает рядом с эпизодом, рассказывающим о софисте Леонтии, другой эпизод, где, также около 415 г., упоминается некий правитель Фракии по имени Валерий¹⁴ и предполагает, что это и есть брат Афинаиды. Холэм считает, что Афинаида могла быть ставленницей партии языческих традиционалистов, а ее фракийско-илирийские покровители, возможно, имели выход к константинопольскому двору через Павлина – сына комита доместиков. В начале V в. в Константинополе эти люди группировались вокруг софиста Троила¹⁵. Видимо, к их кругу принадлежал и префект претория Востока Анфемий, имевший большое влияние в пору детства Феодосия и, по мнению Холэма, ушедший в тень после провозглашения августой Пульхерии¹⁶. В воцарении Афинаиды-Евдокии Холэм видит стремление этих людей противопоставить свою кандидатуру благочестивой христианке Пульхерии¹⁷.

Работы Кэмерона и Холэма вышли в начале 1980-х гг., а вскоре археологические раскопки неожиданно подтвердили связь Евдокии с Афинами: при раскопках была найдена надпись на постаменте статуи. Статуя, по-видимому, изображала саму царицу, но не сохранилась. Надпись стихотворная, вероятно, написанная шестистопным ямбом, но уцелела примерно половина слов, из которых ясно читается: «В честь царицы Евдокии царь Феодосий воздвиг это изваяние»¹⁸, – а далее упоминается некий «верный служитель». Предполагается, что с семейством

⁹ PLRE-2, 160.

¹⁰ Cameron 1982, 276.

¹¹ В «Библиотеке» Фотия, cod. 80.

¹² Cameron 1982, 275.

¹³ Holm 1982, 117.

¹⁴ PLRE-2, 1144.

¹⁵ Holm 1982, 84–85.

¹⁶ Cameron 1982, 265.

¹⁷ Holm 1982, 113–120; Holm 1977, 169–170; Cameron 1982, 271–272.

¹⁸ Sironen 1990, 372.

Евдокии могло быть связано строительство так называемого «дворца гигантов» в Афинах.

В 1994 г. вышла работа Джулии Берман, в которой резюмировались исследования последних лет и по-новому, достаточно взвешенно, расставились акценты. Историю, рассказанную Малалой, Берман называет легендой *par excellence*, хотя достоверности ее не отрицает и считает, что без согласия «могущественной» Пульхерии брак Феодосия совершиться не мог¹⁹.

Таков в целом современный взгляд на эту историю. Попытаемся рассмотреть ее еще раз.

Традиционно Феодосий II изображался как правитель слабый, управляемый и подверженный постороннему влиянию, и поэтому его правление не слишком интересовало исследователей. Однако в последние годы этот взгляд начал меняться. Заметной вехой на пути переоценки стала книга Фергюса Миллара, в которой доказывалось, что годы правления Феодосия были эпохой процветания Восточной Римской империи. Этот взгляд проверен и отчасти скорректирован в направлении большей осторожности в сборнике статей под редакцией Кристофера Келли «*Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*» (2013 г.). Однако и авторы этого коллективного труда признают, что, во всяком случае, эпохой упадка царствование Феодосия II назвать нельзя, а управляемость и зависимость этого императора сильно преувеличены. Выяснилось, что в своем правлении Феодосий сознательно и последовательно опирался на сенат и консисторий, а потому влияние посторонних лиц было довольно ограниченным²⁰.

На поведение Феодосия II во многом проливает свет и работа Меган МакЭвой. Модель поведения Феодосия в принципе соответствует общей модели поведения императоров-детей, функция которых в детские годы была исключительно церемониальной. При взрослении такой император оказывался перед дилеммой: либо править в согласии со сложившимся порядком, либо восстать против него и погибнуть²¹. Феодосий II как раз являет собой исключительный пример достаточной независимости от придворных партий, что говорит о нем как о личности незаурядной.

Внимание исследователей привлек и феномен политического долголетия Феодосия, который единолично занимал трон Восточной империи в течение 42 лет. Задаваясь вопросом, в чем секрет этой долговременной стабильности, исследователи, в частности, отмечают и его «мудрую династическую политику»: «Надо принять во внимание еще один важный аспект династической политики восточного двора: решение Феодосия выбрать жену, не принадлежащую к элите. Афинаида, будущая императрица Евдокия, дочь афинского профессора риторики, едва ли была подходящей партией для императора <...> Феодосий мог жениться на ком угодно <...> В противоположность предшествующим и последующим правителям Феодосий II сознательно оградил себя и свою семью от альянсов со знатью. Его девственные сестры были недоступны для искателей, а сам он женился на представительнице совсем иного круга»²².

¹⁹ Burman 1994, 64–66.

²⁰ Harris 2013, 67–90.

²¹ McEvoy 2013, 300–301.

²² Van Nuffelen 2013, 137.

Кроме того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что роль Пульхерии, которую принято было считать соправительницей и наставницей Феодосия, на протяжении его царствования далеко не так велика, и упоминания о ней единичны²³. При изменении взгляда на Феодосия II как на правителя история его женитьбы также предстает в новом свете. Можно предположить, что в выборе невесты император не был пассивным и ведомым, а действовал согласно своему разумению, хотя, возможно, и прислушивался к мнению своих советников.

Характерная личностная черта Феодосия II – это его любовь к книгам и знаниям. «Он был не чужд наукам, – суммирует сведения об учености Феодосия Иоанн Зонара, – весьма сведущ в книгах математиков и даже в астрономии. Прекрасно умел скакать верхом и стрелять из лука, был искусен в живописи и каллиграфии»²⁴. Никифор Каллист Ксанфопул приводит подобную характеристику и для Афинаиды: «Она была необыкновенно даровита и своим отцом обучена разнообразным наукам: знала не только по-гречески, но и по-латыни и была сведуща в философии, практической и теоретической, и всем логическим доказательствам и антитезам научена, как никто другой. Знанием астрономии, геометрии и науки чисел она превосходила всех своих современников»²⁵. Вероятно, ученость Афинаиды здесь преувеличена, тем не менее вывод напрашивается сам собой: такая кандидатка могла привлечь молодого императора не столько красотой и девственностью, сколько совпадением жизненных ценностей. Очевидно, что этот брак основывался на духовной близости, что довольно редко для античности. Этим супругам должно было быть интересно друг с другом. В этой связи закрадывается сомнение не только относительно первой части истории, где в качестве основных критериев выбора невесты названы красота и девственность, но также и второй части, где подчеркивается красота Павлина, которой он якобы привлек любовь императрицы. Очевидно, что новелла, приведенная Малалой, в большей степени учитывает топоры и общие места романической литературы, нежели реальную жизненную ситуацию.

Знаменательно имя, выбранное невесте при крещении. Несомненно, оно было значимо и в некоторой степени отражало церковно-политическую программу Феодосия²⁶. С одной стороны, понятно, что это имя было дано ей в честь мученицы Евдокии Персидской и отражало тогдашнюю ситуацию войны с персами за восстановление прав гонимых христиан. С другой, на выбор имени, вероятно, повлияла фраза из толкования на Песнь Песней, написанного Евсевием Кесарийским: «Слово, видя веру от язычников и приемля ее, говорит: прекрасна ближняя Моя, как благоволение, красива, как Иерусалим»²⁷. Евдокия, таким образом, служила

²³ Ср. Александрова 2016, 379.

²⁴ Перевод мой – Т.А. По изд.: Dindorf 1870, 244.

²⁵ Перевод мой. – Т.А. По изд.: PG. T. 146, col. 1129.

²⁶ Подобный пример мы видим в смене имени жены императора Юстина I, которая носила имя Лупикина, а на престол взошла с именем Евфимия. Хотя Прокопий Кесарийский говорит, что она была простая женщина, варварка, и имя ее звучало смешно (Hist. secr. 9, 47), дело, видимо, не в этом: после правления благоволивших миафизитам Зинона и Анастасия имя царицы, данное в честь мц. Евфимии Всехвальной, в базилике которой в 451 г. проходил Халкидонский собор, ясно свидетельствовало о позиции ее супруга в богословских спорах.

²⁷ Перевод мой. – Т.А. По изд.: Pitra 1883, 536.

олицетворением «веры от язычников», которая становится возлюбленной Христа, олицетворяемого императором.

Идея «христианского эллинизма», по-видимому, близкого Феодосию, пронизывает все творчество Евдокии-поэтессы. Все свои сочинения она пишет классическим античным размером – гекзаметром, и все они посвящены христианской тематике. При этом первое ее выступление в качестве единомышленницы мужа происходит уже в 422 г. По случаю победы ромеев над персами Евдокия пишет стихи, не сохранившиеся, но упомянутые Сократом: «сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что была ученой»²⁸.

Женитьба Феодосия на Евдокии знаменует собой некий поворот во внутренней политике империи, который вполне соответствует «программе», выраженной в имени царицы. В 423 г. Асклепидот, дядя Евдокии, становится консулом. К нему обращен ряд указов Феодосия, смягчающих отношение к язычникам. В конституции CTh. 16.8.26 об иудеях сказано, что христиане не должны преследовать иудеев и отнимать их синагоги; в конституции CTh. 16.10.24 – что христиане, притесняющие мирных язычников и иудеев, обязаны возратить им отнятое и возместить ущерб втрое или вчетверо. В 425 г. Феодосий издает указы о регламентации образования, которое берется под контроль государства (CTh. 14, 9, 3), что часто расценивается как основание Константинопольского университета; в 428 г. начинается работа по составлению Кодекса Феодосия, первого христианского свода законов, возвращающего государство к традиции римского права.

Между тем 414–420 годы, ознаменованные провозглашением августой юной Пульхерии и некоторым влиянием, которое, по крайней мере, связывалось с ее именем, отмечены совсем другими законодательными актами. Так, конституция CTh. 16.8.22 (415 г.) позволяет христианам разрушать синагоги, в конституции CTh. 16.5.58 говорится о конфискации имущества евномиян. Подобные законы неоднократно издавались при предшествующих правителях, но в те годы они, по-видимому, знаменуют собой новое наступление на инакомыслящих. Язычник Евнапий (fr. 87) вспоминает о царившем тогда беззаконии: «При царице Пульхерии народы публично выставлялись на продажу для желающих купить области. И продавались всем, великие и малые, открыто, на столах менял, словно любой другой товар»²⁹. Очевидно, что дело здесь не только в личных убеждениях совсем еще юных правителей, но и в тех силах, которые стояли за ними. Но несомненно, что личные качества Пульхерии и Феодосия давали возможность разным дворцовым партиям связывать свои ожидания с ней или с ним.

Отношения Пульхерии и Феодосия обычно рассматриваются как идиллические. Однако есть основания думать, что это не так: противостояние между ними начинается очень рано и продолжается до самой смерти Феодосия. Первый пример выхода на поверхность этого скрытого напряжения – конституция CTh. 13.1.21 (от 18 августа 418 г.), в которой Феодосий отказывается в освобождении от уплаты налогов купцам, чьим бы покровительством они ни пользовались, даже если этот человек входит в штат «сестры нашего благочестия», августы Пульхерии. Сложно сказать, какой конкретный случай за этим стоит, но в упоминании имени Пульхерии в таком контексте можно усмотреть стремление молодого императора поста-

²⁸ Hansen 1995, 368.

²⁹ Перевод мой – Т.А. По изд.: Dindorf 1870, 268.

вить на место не только людей из круга августв, но и ее саму. Подобные моменты напряженности в отношениях брата и сестры можно увидеть и в последующие годы³⁰.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Холэм прав в том, что Пульхерия никак не могла собственноручно ввести в дом Афинаиду и предложить ее брату в качестве будущей супруги. Однако нельзя согласиться и с утверждением, что Афинаиду привела к престолу партия языческих традиционалистов.

Есть ли связь между повествованием Олимпиодора о софисте Леонтии, отце Афинаиды, и соседним с ним рассказом об иллирийском правителе Валерии, сказать трудно, хотя такое сочетание имен наводит на мысль, что совпадение неслучайно. Однако нельзя сказать, кем приходился Афинаиде упомянутый Олимпиодором Валерий. Если он ее родной брат, то у них должна быть очень большая разница в возрасте. Но поскольку имена в знатных семьях обычно повторялись, иллирийский правитель может быть и более дальним ее родственником. Собственно, упоминание о Валерии говорит лишь о том, что Евдокия была достаточно знатна, чтобы быть представленной ко двору.

Патриарх Фотий приводит строчку-подпись из ее стихотворения:

Εὐδοκίῃ βασιλείᾳ Λεοντιάδς εὐπατέρεια³¹.

Возможно, Евдокия действительно принадлежала к древнему аристократическому роду, хотя после восшествия на престол благородство ее родни могло быть и преувеличено, поэтому указание на связь с правителем Фракии Валерием, пожалуй, даже более ценно как показатель ее социального статуса.

Примечательной фигурой является также дядя (или муж тетки) Афинаиды – Асклепиодот. Возможно, именно к нему обращено письмо Синесия Киренского (Ер. 126). Роль, которую он играет в государстве после воцарения Евдокии, указывает на то, что он вполне мог принадлежать к тому же кругу, что и сам Синесий: кругу греческих аристократов, воспитанных в старой религии, но вполне лояльно относящихся к христианству и готовых на сотрудничество с государством.

Таким образом, идея брака Феодосия с «эллинской девушкой» Афинаидой возникла, по-видимому, не в среде язычников, мечтающих о реванше, а в среде близких ко двору интеллектуалов-христиан. Брак Афинаиды с Феодосием усиливал влияние таких людей, как Асклепиодот.

Ошибочно думать, что Афинаида должна была как-то склонить Феодосия в сторону симпатий к язычеству. Можно согласиться с Кэмероном, что эти придворные «эллины» были не язычниками, а всего лишь умеренными христианами, укорененными в классической культуре и, в силу этого, исповедовавшие богословски сомнительные взгляды³². Возможно, таким христианином был и сам Феодосий, живо интересовавшийся эллинской наукой и сознательно отстранявшийся от вмешательства в церковную политику (характерно, к примеру, то, что он не присутствует ни на одном из двух созданных им соборов в Эфесе)³³. Такой христианкой стала и Евдокия (о чем свидетельствует ее творчество), и в этом смысле, вероятно, определяющее влияние оказал на нее сам Феодосий.

³⁰ Александрова 2016, 380–383.

³¹ Henry, 1960. Vol. 2, 196.

³² Cameron 2011, 192.

³³ Millar 2006, 197.

Здесь попутно встает вопрос о возрасте Афинаиды, в котором она попала ко двору. Ранние источники его не указывают. Единственную датировку, которая до нас дошла, дает Никифор Каллист Ксанфопул в XIV в., утверждая, что на момент свадьбы Афинаиде «шел двадцатый год»³⁴. Каким источником он пользуется, неизвестно, но представляется, что этот возраст завышен. Сам Никифор Каллист, видимо, тоже этим несколько удивлен, судя по тому, что он говорит «некая жена, которая все еще была девой»³⁵. Брачный возраст начинался с 12 лет, обычно выходили замуж в 15–16, 20 лет – это по тогдашним меркам уже очень много и рискованно с точки зрения продолжения рода, особенно если учитывать, что на жену Феодосия возлагались большие династические надежды. Конечно, ее личные качества могли сыграть роль, к тому же Никифор Каллист приписывает Евдокии чересчур фундаментальное образование. Однако скорее всего он просто называет возраст самого Феодосия, которому действительно на момент свадьбы было 20 лет.

Кэмерон, предполагая, что Афинаида могла учиться у Ориона Фиванского, также относит ее рождение примерно к 400 г.³⁶ Но и это тоже натяжка. Сведения, приводимые Иоанном Цецем, едва ли достоверны во всех частностях. Совершенно необязательно, чтобы Евдокия слушала Ориона Фиванского или училась у него лично. Из словаря Суда известно, что он составил для нее антологию гномических изречений (*Suda*, Lex. Ω 188). Понятно, что такой труд скорее можно сделать по заказу царицы, чем для обучаемого подростка. Да и едва ли Афинаида посещала посторонних учителей, пока был жив ее отец. Сведения, приводимые Иоанном Цецем, говорят лишь о том, что Евдокия и, взойдя на трон, сохраняла связи с образованной эллинской средой.

Кэмерон, не жалуящий Евдокию как автора, отзывается о ней с насмешкой, считая ее невежественной, хотя и признает, что «по остроумию и культуре она определенно должна была блистать на фоне тупых византийских дебютанток»³⁷. Однако такой отзыв чересчур тенденциозен. Повод к обвинениям Евдокии в «невежестве» давали лишь отступления от просолической нормы в ее стихах, но и они далеко не столь вопиющи, как считалось прежде, и вполне соответствуют среднему уровню поэзии того времени³⁸. К тому же у Евдокии неплохое чувство ритма и метра, поэтому в византийском произношении ее стихи звучали вполне складно, о чем свидетельствует и похвальный отзыв патриарха Фотия. Ошибки в просодии, уже неактуальной для живой речи V в., можно объяснить лишь недостатком формальной выучки, а это, скорее всего, говорит о том, что обучение Афинаиды у эллинских учителей закончилось довольно рано и она попала в среду, где подобные формальности не ценились. Короче говоря, можно предположить, что ко времени свадьбы ей было 15–16 лет. Похоже, что косвенно такая датировка подтверждается и нумизматическим материалом. Специалисты по нумизматике отмечают, что на ранних монетах Евдокия изображается «с необычно маленькой,

³⁴ PG, T. 146, col. 1140. Там же, исчисляя общий срок жизни Евдокии, Никифор Каллист делает ошибку – добавляет лишние 7 лет, утверждая, что всего она прожила 67 лет, но это неверно.

³⁵ PG, T. 146, col. 1129.

³⁶ Cameron 1982, 274.

³⁷ Cameron 1982, 277.

³⁸ Witby 2013, 112.

изящной грудью»³⁹. Эта особенность, по-видимому, говорит о стремлении мастеров монетного двора несколькими штрихами передать облик новой царицы, по возрасту еще девушки-подростка, для которой не было нумизматического образца⁴⁰.

Став женой Феодосия, юная Евдокия подпала, прежде всего, под его собственное влияние и в последующем своем творчестве старалась выражать его принципы и установки. Отсюда безусловно христианское содержание ее творчества, которое сочетается с классической формой, воспринятой без особого педантизма.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что Афинаида-Евдокия родилась около 405 г. в состоятельной афинской семье, усвоила от своего отца начатки классического образования, после его смерти попала в Константинополь к родственникам, имевшим доступ ко двору, и проблесками дарования обратила на себя внимание представителей партии «эллинов», которые сочли целесообразным устроить ее брак с молодым императором. Попав в христианскую среду, Евдокия вполне искренне обратилась в новую веру и стала единомышленницей своего мужа и выразительницей близких ему идей синтеза христианства и эллинской культуры.

Бытует мнение, что Евдокия не оказывала влияния на политику и все годы пребывала в положении подчиненной по отношению к Пульхерии, но это не так. Статус ее был очень высок, и по этикету, если обращались к двум августам сразу, первой надо было называть именно ее⁴¹. Другое дело, что Евдокия никогда не противопоставляла себя мужу и предпочитала оставаться в его тени (именно поэтому Сократ, который пишет в период наибольшего влияния Евдокии, относит паломничество в Иерусалим к славе Феодосия).

Но как же возникла романическая версия, представленная у Иоанна Малалы? Вероятно, она появилась после смерти Феодосия и прихода к власти Пульхерии, который, в сущности, был ничем иным, как узурпацией и означал смену династии⁴². В сочинениях этой эпохи роль Пульхерии во время царствования Феодосия заметно преувеличивается, и ей начинают приписываться все сколько-нибудь заметные деяния эпохи Феодосия⁴³. Возможно, первоначальная версия была направлена на дискредитацию Евдокии, которая последовательно осуществлялась в кругах, близких к Пульхерии. Следы ее можно найти в сборнике «*Patria*», где говорится о том, что с Евдокией в Константинополь пришли враждебные христианству язычники, а история с Павлином подается как история подлинной измены. По духу и тону эта версия близка к фрагментарно дошедшей до нас «Евфимиевой истории», написанной в 90-е гг. V в. при константинопольском архиепископе Ев-

³⁹ Grierson, Mays 1992, 156.

⁴⁰ Изображения малолетних императоров могли делаться с их родителей.

⁴¹ Александрова 2016, 379–380.

⁴² По существовавшему в империи со времен Диоклетиана правилу, нового августа должен был назначить уже действующий август. Для Маркиана таковым являлся Валентиниан III. Пульхерия не имела права самостоятельно возводить Маркиана на престол. См. Burgess 1993–1994, 65; McEvoy 2013, 290.

⁴³ Александрова 2016, 374–377.

фимии, ревностном халкидоните⁴⁴. Версия Малалы, скорее всего, отражает примирительную политику эпохи Юстиниана, с перевесом, однако, в сторону халкидонитов, поэтому и Пульхерия, и Евдокия выведены как положительные героини, но решающее слово остается за Пульхерией, Феодосий изображен слабавольным, а Евдокия – невинной жертвой.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова, Т.Л. 2016: Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории»). *ВДИ* 2, 371–387.
- Кривушин, И.В. (ред.) 2010: *Евагрий Схоластик. Церковная история*. СПб.
- Berger, A. (ed.) 2013: Accounts of Medieval Constantinople (the Patria). *Dumbarton Oaks Medieval Library* 24. Cambridge–Massachusetts–L.
- Burgess, R.W. 1993–1994: The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift* 86/87, 46–68.
- Cameron, A. 1982: The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Dindorf, L. (ed.) 1831: *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonn.
- Dindorf, L. (ed.) 1870: Eunapius. Fragmenta Historica. *Historici Graeci Minores*. Vol. 1. Leipzig.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992: *Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection, from Arcadius to the Ascension of Anastasius*. Washington.
- Hansen, G.H. 1995: *Socrates Scholasticus. Kirchengeschichte*. Berlin.
- Harris, J. 2013: Men without Women: Theodosius–Consistory and the Business of Government. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Henry, R. (ed.) 1960: *Photius. Bibliothèque*. Vol. 2. Paris.
- Holum, K.G. 1977: Pulcheria's Crusade a.d. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. *Greek-Roman and Byzantine Studies* 18, 153–172.
- Holum, K.G. 1982: *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Los Angeles.
- Lourié, B. 2007: L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios. Euphemios de Constantinople (430–496, +515). *Warszawskie Studia Teologiczne* XX, 2, 189–221.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- Millar, F. 2006: *A Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley–Los Angeles–L.
- Sironen, E. 1990: An Honorary Epigram for Empress Eudocia in the Athenian Agora. *Hesperia* 59, 371–375.
- Van Nuffelen, P. 2013: Olympiodorus of Thebes and Eastern Triumphalism. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Witby, M. 2013: Writing in Greek: Classicism and Compilation, Interaction and Transformation. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.

REFERENCES

- Aleksandrova, T.L. 2016: Feodosiay II i Pul'hreriya v izobrazhenii Sozomena (k probleme datirovki «Cerkovnoy istorii»). *Vestnik drevney istorii* 2, 371–387.

⁴⁴ Lourié 2007, 189–221.

- Berger, A. (ed.) 2013: Accounts of Medieval Constantinople (the Patria). *Dumbarton Oaks Medieval Library* 24. Cambridge–Massachusetts–London.
- Burgess, R.W. 1993–1994: The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift* 86/87, 46–68.
- Cameron, A. 1982: The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Dindorf, L. (ed.) 1831: *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonn.
- Dindorf, L. (ed.) 1870: Eunapius. *Fragmenta Historica. Historici Graeci Minores*. Vol. 1. Leipzig.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992: *Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection, from Arcadius to the Ascension of Anastasius*. Washington.
- Hansen, G.H. 1995: *Socrates Scholasticus. Kirschengeschichte*. Berlin.
- Harris, J. 2013: Men without Women: Theodosius Consistory and the Business of Government. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Henry, R. (ed.) 1960: *Photius. Bibliothèque*. Vol. 2. Paris.
- Holum, K.G. 1977: Pulcheria's Crusade a.d. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. *Greek-Roman and Byzantine Studies* 18, 153–172.
- Holum, K.G. 1982: *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Los Angeles.
- Krivushin, I.V. (red.) 2010: *Evagrij Shrolastik. Cerkovnaya istoriya*. Saint-Petersburg.
- Lourié, B. 2007: L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios. Euphemios de Constantinople (430–496, +515). *Warszawskie Studia Teologiczne* XX, 2, 189–221.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- Millar, F. 2006: *A Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sironen, E. 1990: An Honorary Epigram for Empress Eudocia in the Athenian Agora. *Hesperia* 59, 371–375.
- Van Nuffelen, P. 2013: Olympiodorus of Thebes and Eastern Triumphalism. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Witby, M. 2013: Writing in Greek: Classicism and Compilation, Interaction and Transformation. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.

THE EMPRESS ATHENAIS-EUDOCIA: THE PATH TO THE THRONE

Tatiana L. Aleksandrova

Saint Tikhon Orthodox University, Russia,
tatianaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The article reviews the early years of the Empress Athenais-Eudocia (5th century AD) and dwells on the questions of her origin, social status, education and ascension to the throne. The author suggests that AD 401 is the terminus post quem for the birth of Athenais (she could be born around AD 405); the social status of her family was sufficiently high and she had some relations at the court. Most likely, her birthplace was Athens; the suggestions about her connections with Antioch and Alexandria do not have reliable grounds. She could belong to the same circle as that of Synesius of Cyrene (her uncle Asclepiodotus might be the addressee of one of Synesius' letters). The people, who were loyal to the Christian State and willingly converting to Christianity, but rather liberal towards its doctrine, can be described as "Christian Hellenists". After her father's death Athenais came to Constantinople, where the Christian Hellenists

arranged her marriage with Theodosius II. The role, attributed to the emperor's sister Pulcheria in the arrangement of this matrimony, is greatly exaggerated and associated with subsequent historical forgery that took place during the reign of Pulcheria. This marriage was based on the proximity of the intellectual interests the bride and the groom shared, because Theodosius II was a kind of a late-antique scholar. The author suggests that the most significant impact on Eudocia had Theodosius II himself; it could be seen in her conversion to Christianity and in transmitting his own ideas. The name "Eudocia" ("Grace" or "Benevolence") received by Athenais at the baptism might have sounded as the program of the reign of Theodosius II.

Key words: Empress Athenais-Eudocia, Theodosius II, Pulcheria, Synesius of Cyrene, Byzantine history, Late Antiquity, Christianity

---

Северное Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 88–104
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 88–104
© Автор(ы) 2017

КЛЕЙМА НА СТЕКЛЯННЫХ СОСУДАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

С.Б. Шабанов

*Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь,
neizats2004@mail.ru*

Аннотация. В I в. до н.э. производство стеклянных сосудов выходит на новый технологический уровень с появлением техники свободного выдувания. Техника выдувания стекла позволила мастерам производить сосуды со значительно более тонкими стенками, уменьшив количество стекла, необходимого для каждого изделия. Новые приемы сделали производство значительно более быстрым, чем другие методы, и на каждый сосуд требовалось меньше времени, что позволяло в дальнейшем экономить время, сырье и оборудование. В результате этого была уменьшена стоимость производства, появились разнообразные формы изделий и стекло стало доступным для более широкой части общества в римскую эпоху. Статья посвящена стеклянным сосудам с клеймами на дне, найденным Северном и Северо-Западном Причерноморье. В регионе найдено более сорока сосудов с клеймами I–IV вв. н.э., свидетельствующих о развитии тесных экономических связей и торговых контактов Причерноморья с разными уголками античного мира. Эти сосуды происходят из Боспорских городов (Пантикапея, Танаиса, Горгиппии), Херсонеса, Ольвии, Тиры и других памятников региона. Клейменные сосуды представлены кувшинами или колбами и одним бальзамарием. В основном на дне сосуда изображались большие и маленькие окружности, различные геометрические фигуры. Три кувшина украшают клейма в виде цветка. Несколько сосудов имеют на дне надписи на древнегреческом и латинском языках. Часто они содержат в себе информацию о мастере и позволяют связать изделие с конкретной стеклоделательной мастерской. Клейма, состоящие из греческих букв можно твердо отнести к продукции восточно-средиземноморских мастеров, другие же сосуды, скорее всего, были изготовлены в западно-римских областях.

Шабанов Станислав Борисович – руководитель проектов и программ благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Северо-Западное Причерноморье, древнее стекло, сосуды, клейма

Введение

В античную эпоху клеймение стеклянной посуды было менее распространенным явлением, нежели маркировка керамической тары. И началось оно значительно позже – в I в. н.э. В это время мастера-стеклоделы осваивали технику свободного выдувания, которая позволяла производить сосуды в большом количестве и затрачивать меньший объем сырья. Распространенные в эпоху эллинизма приемы изготовления стеклянных сосудов в форме сохранились и в первые века н.э., но были усовершенствованы. Вместо литья стали использовать выдувание при помощи специальной трубки. Таким образом производились некоторые типы кувшинов, кубков и чаш. Изготовление большого количества однотипных товаров в разных регионах Римской империи требовало использования отличительных признаков, которые позволили бы связать стеклянное изделие с определенными мастерскими и мастерами. К примеру, известна группа стеклянных сосудов, украшенных рельефным орнаментом, состоящим из поясков и S-подобных завитков, разделенных фризами. Часто в такой орнамент помещалось имя, как считают исследователи, сирийского мастера Эниона¹. В качестве еще одного примера можно привести фрагменты ручек стеклянных сосудов с клеймом мастера Артаса из Сидона, хранящихся в Государственном Эрмитаже². Встречаются сосуды с надписями, содержащие пожелания, девизы или напутствия. Однако эти изделия составляют небольшую группу. Более широко клейма как знаки, указывающие на происхождение и принадлежность предмета³, использовались с начала н.э. на сосудах, выдутых в закрытую форму, – кувшинах, колбах и небольших парфюмерных сосудах четырехгранной и цилиндрической формы.

На клеймах изображались как монограммы, так и целые имена, растения, различные геометрические фигуры. Для производства четырехгранного сосуда необходимо было собрать форму – куб из пяти небольших каменных или керамических плит (рис. 1). Сверху форма накрывалась крышкой с отверстием, в которое вставлялась стеклодувная трубка-понтия, и затем мастер выдувал в нее расплавленную стекломассу, после чего полученный сосуд подвергали «горячей» (формирование горла и венчика, крепление ручки) и «холодной» (нанесение шлифованного орнамента) обработке. По такому же принципу изготавливались сосуды с цилиндрическим туловом. В последнем случае на теле сосуда оставался часто хорошо заметный шов – след от скрепления двух частей формы для выдувания. Для того чтобы «поставить» на сосуде клеймо, на дне каменной формы вырезалось необходимое изображение-матрица. Фрагменты таких матриц находят во многих стеклоделательных мастерских на территории Римской империи⁴.

В начале нашей эры четырехгранные сосуды, учитывая их практичность при хранении и, что более важно, при транспортировке, получили широкое рас-

¹ Щапова 1983, 134; Кунина 1997, кат. 140, 148.

² Кунина 2006, 153.

³ Ушаков 2013, 223.

⁴ Aguilar-Tablada Marcos, Sánchez de Prado 2006, 177–193; Pánczél 2011, pl. 2.12–21.

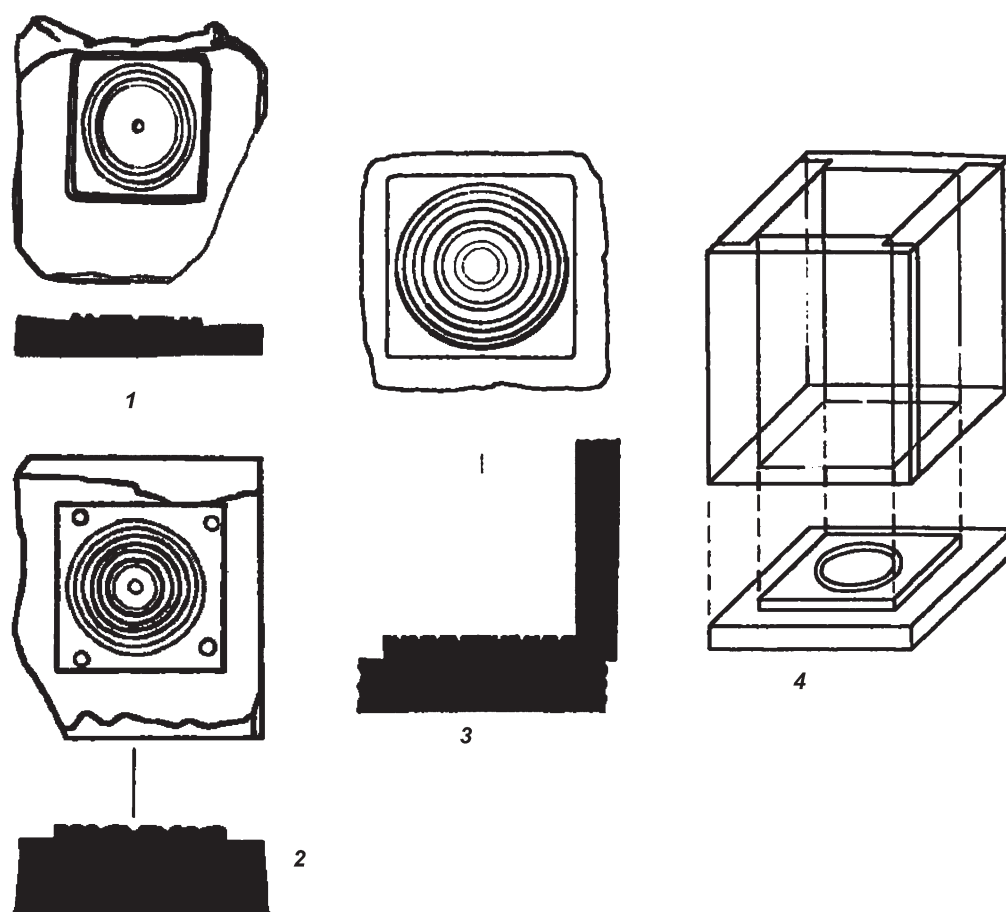

Рис.1. Формы для выдувания стеклянных сосудов с клеймами.
1–3 – фрагменты форм (по Aguilar-Tablada, Sánchez de Prado 2006); 4 – реконструкция (по Pánczél 2011)

пространение среди стеклянной посуды. Известная исследовательница римского стекла Клазина Айсингс отмечала, что наиболее ранние находки четырехгранных кувшинов относятся к середине I в. н.э. в Италии. Использовались они вплоть до IV в.⁵, иногда заменяя амфоры во внутренней торговле империи⁶. Такие сосуды удобно было хранить в специальных деревянных ящиках. В Помпеях найдены кувшины, сложенные в подобную тару. В Национальном музее Бардо (Le musée national du Bardo) в Тунисе хранится фрагмент античной мозаики, изображающей цилиндрический кувшин, помещенный в плетеную корзину⁷.

На территории Римской империи найдено значительное количество клейменных стеклянных сосудов, о чем свидетельствуют многочисленные публикации.

⁵ Isings 1957, 63–66.

⁶ Grossman 2002, 22; Fleming 1996, 30.

⁷ Aguilar-Tablada Marcos, Sánchez de Prado 2006, fig. 8.

Французская ассоциация археологии стекла (French Association for Glass Archeology) собрала более четырехсот клейм, объединенных в многотомную работу «Corpus des signatures et marques sur verres antiques»⁸, первые три тома которой посвящены находкам на территории Западной Европы.

В Северном Причерноморье в первые века нашей эры действовало несколько стеклоделательных мастерских. Ни в одной из них не найдены формы для выдувания. Функциональное предназначение происходящих из Танаиса фрагментированных глиняной льячки и т.н. «формы»⁹ для изготовления стеклянных полусферических чаш остается дискуссионным¹⁰. Тем не менее в Северном и Северо-Западном Причерноморье найдено несколько десятков сосудов, выдутых в форму, среди которых часть – клейменные. Происходят они из античных центров – Боспора, Ольвии, Танаиса, Херсонеса, Тиры. Некоторые экземпляры найдены в сарматских памятниках.

Первую попытку собрать и систематизировать клейма осуществила Н.П. Сорокина в работе «Стеклянные сосуды из Танаиса» в 1965 г. Разобранные ею находки из античных памятников Северного Причерноморья позволили выделить две группы клейменных сосудов, в зависимости от качества стекла и «рельефных узоров» на дне, – западную и средиземноморскую. Н.П. Сорокина, работая с этой группой стеклянных сосудов, не была склонна однозначно считать изображения на их доньях клеймами, хотя и не отрицала этого. По ее мнению, что-либо можно утверждать только после накопления достаточного объема сведений об организации стеклоделательного производства в древности¹¹.

За время, прошедшее после указанной публикации, в Северном Причерноморье было найдено еще несколько десятков сосудов с клеймами. Всего в данной работе учтено 35 целых и археологически целых клейм и восемь фрагментированных, изображение на которых восстановить не представляется возможным. Для удобства описания и характеристики клейма разделены на две группы: на четырехгранных и цилиндрических сосудах. Внутри группы клейма объединяются в подгруппы в зависимости от характера изображаемых предметов

Клейма на четырехгранных сосудах.

Изображения геометрических фигур.

В Северном Причерноморье известно десять сосудов с изображением *пяти небольших окружностей: четыре расположены по углам дна и одна в центре*. Семь происходят из Пантикапея (рис. 2. 1–7)¹², два из которых, хранящихся в Государственном Эрмитаже, Н.З. Кунина датировала второй половиной I – началом II в. н.э.¹³. Один кувшин I в. н.э. с клеймом (рис. 2. 8) найден в погребении 45 некрополя Горгиппии¹⁴. Из варварского могильника Бельбек-IV в Предгорном Крыму происходит кувшин с таким же клеймом (рис. 2. 9), найденный в подбой-

⁸ Di Palma 2015, 238.

⁹ Алексеева, Арсеньева 1966, 177–178, рис. 1.

¹⁰ Щапова 1983, 158–160.

¹¹ Сорокина 1965, 230.

¹² Сорокина 1965, рис. 12. 16–20; 1978, рис. 1. 11.

¹³ Кунина 1997, 287, кат. 165, 167.

¹⁴ Алексеева, Сорокина 2007, 74–75, табл. 54.3.

ной могиле № 74¹⁵ и датирующийся первой половиной II в. н.э.¹⁶ Еще один кувшин хранится в Центральном музее Тавриды (г. Симферополь) (рис. 2. 10), но, к сожалению, определить, откуда он поступил, не представляется возможным¹⁷. За пределами Северного Причерноморья также известны находки сосудов с такими клеймами, например, фрагмент дна сосуда из раскопок Олимпии в Греции¹⁸. Еще один небольшой целый кувшин хранится в Археологическом музее в Сплите в Хорватии¹⁹. I–III вв. н.э. датируется стеклянный кувшин, найденный в Иверии (на территории современной Грузии)²⁰.

Три сосуда имеют клеймо с изображением *трех concentрических окружностей, расположенных одна в другой. Еще четыре небольших кружка расположены по углам дна сосуда*. Один целый кувшин (рис. 2. 12) найден в разграбленном сарматском погребении у с. Первомайское Каушанского р-на Молдавии. По комплексу находок из погребения сосуд можно датировать II в. н.э.²¹. Один фрагмент дна стеклянного сосуда (рис. 2. 11) найден в Ольвии²². Еще одно фрагментированное дно (рис. 3. 13) происходит из раскопок Тиреи и датируется I–III вв. н.э.²³. Два подобных сосуда найдены при исследовании римских укреплений II–III вв. н.э. Singidunum (совр. Белград, Сербия)²⁴ и Bracara Augusta (совр. Брага, Португалия)²⁵.

В Северном Причерноморье известны три сосуда с изображением *двух concentрических окружностей, расположенных одна в другой. Еще четыре небольших кружка расположены по углам дна сосуда*. Целый кувшин с таким клеймом (рис. 2. 15), найденный в некрополе Пантикапея, хранится в Государственном Эрмитаже. Н.З. Кунина датирует его третьей четвертью I в. н.э.²⁶. Н.П. Сорокина упоминает фрагмент нижней части стеклянного сосуда (рис. 3. 14) из Ольвии, также хранящийся в Эрмитаже²⁷. Один кувшин с клеймом (рис. 2. 16) найден в склепе 1 (1966) некрополя Нимфея²⁸. Его Н.З. Кунина датирует концом I – началом II в. н.э.²⁹. Дно стеклянного сосуда с аналогичным клеймом, датирующееся I–II вв. н.э., найдено при исследовании римского поселения Conimbriga в Португалии³⁰. Два фрагментированных четырехгранных кувшина с клеймами, датирующиеся второй половиной II – первой половиной III вв. н.э., происходят из некрополя Noirmont в Бельгии³¹.

¹⁵ Гущина 1974, табл. XVII.10.

¹⁶ Сорокина, Гущина 1980, 95. рис. 2.6.

¹⁷ Шабанов 2015, 48, кат. 15.

¹⁸ Antonaras, Coutsinas, Prikhodkine, Schauer 2011, 226, pl. 5.19.

¹⁹ Buljević 2011, 185, pl. 1.3.

²⁰ Мошкова 1992, табл. XLIII.

²¹ Дзиговский, Островерхов 2000, 155, рис. 41.2.

²² Сорокина 1965, рис. 12.7.

²³ Сон 1988, рис. 4.2.

²⁴ Ružić 1994, 12, t. 1/6.

²⁵ Cruz 2009, 311, kat. BraSAT08.

²⁶ Кунина 1997, 287, кат. 166.

²⁷ Сорокина 1965, рис. 12.8.

²⁸ Грач 1999, 114.

²⁹ Кунина 1982, 122, рис. 1.

³⁰ Alarcão 1975, cat. 5.

³¹ Lefrancq 1989, B.3.14a, 14b.

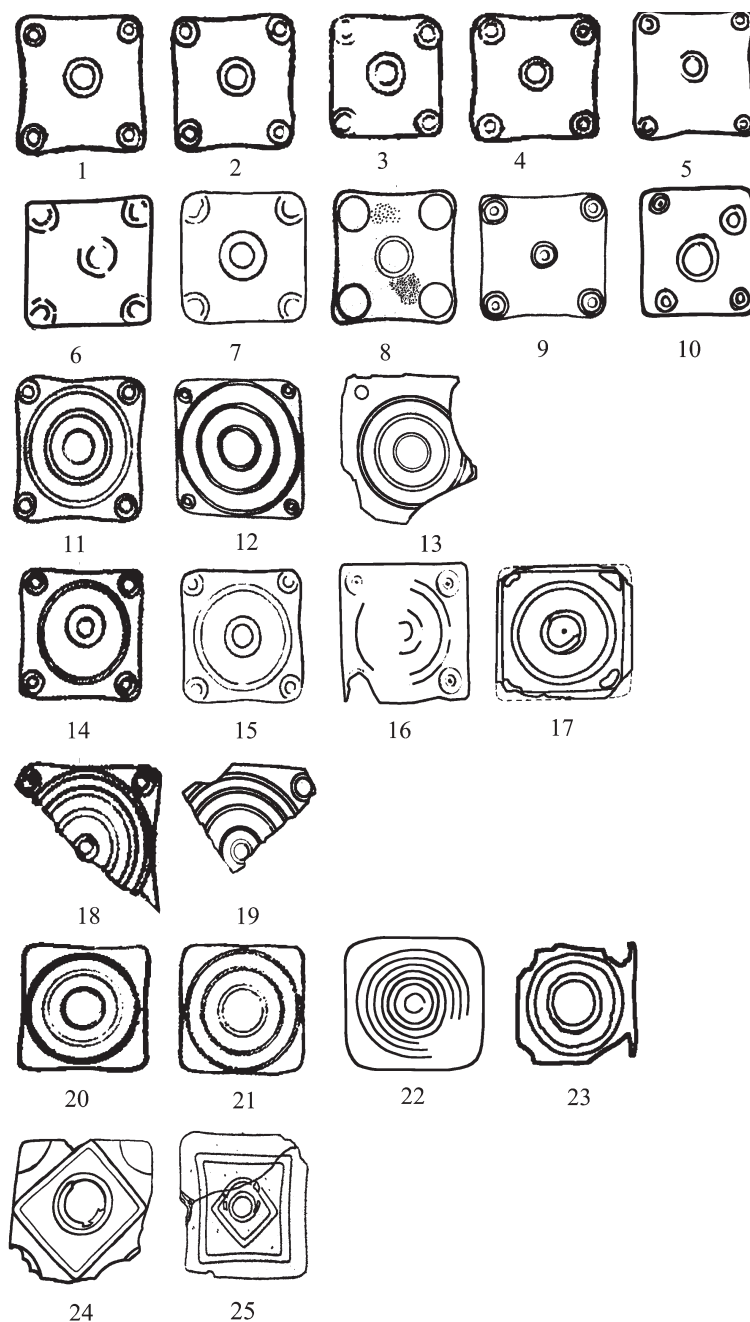

Рис. 2. Клейма.

1–7, 15, 21 – Пантикапей (по Сорокина 1965; Кунина 1997); 8, 25 – Горгиппия (по Алексеева, Сорокина 2007); 9 – Бельбек IV (по Сорокина, Гущина 1980); 10, 22 – неизвестно; 11, 14, 20 – Ольвия (по Сорокина 1965); 12 – Первомайское (по Дзиговский, Островерхов 2000); 13, 19 – Тира (по Сон 1988); 16 – Нимфей (по Грач 1999); 17, 18, 23, 24 – Танаис (по Сорокина 1965; Яценко 2008)

Один фрагмент стеклянного сосуда с клеймом в виде *двух concentрических окружностей, расположенных одна в другой, и четырьмя небольшими дугами по углам дна сосуда* (рис. 2. 17) найден при раскопках XIX квартала городища Танаиса. Датируется он серединой III в. н.э.³² В Колчестере (Англия) обнаружен фрагмент дна сосуда с похожим клеймом, датирующийся 170–230 гг. н.э.³³ Н.П. Сорокина в своей работе упоминает один сосуд с клеймом, изображающим *четыре concentрических окружности, расположенные одна в другой, и с четырьмя небольшими кружками по углам дна сосуда* (рис. 2. 18), найденный на городище Танаиса. Она относит его к продукции западноримских мастерских³⁴. Небольшой фрагмент дна стеклянного кувшина с *пятью concentрическими окружностями, расположенными одна в другой, и четырьмя небольшими кружками по углам дна сосуда* (рис. 2. 19) найден на территории городища Тира (Одесская обл., Украина). Н.А. Сон датирует находку I–III вв. н.э., отмечая, что наиболее вероятным можно считать I в. н.э.³⁵

Клеймо с *тремя concentрическими окружностями, расположенными одна в другой*, известно на двух стеклянных сосудах из Пантикапея (рис. 2. 21) и Ольвии (рис. 2. 20)³⁶. Еще один целый кувшин (рис. 2. 22) хранится в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь), но происхождение его неизвестно³⁷. В Колчестере (Англия) найдены фрагменты стеклянных сосудов, датирующиеся 60–170 гг. н.э., с такими же клеймами, в том числе и бракованными³⁸. Похожие клейма имеются на двух стеклянных сосудах I–II вв. н.э. из римских укреплений *Mora Vagei* и *Timacum Minus* на Дунае³⁹. Известно несколько отмеченных клеймом четырехгранных кувшинов на территории современной Венгрии. Л. Баркоци датирует их второй половиной I – первой половиной II в. н.э.⁴⁰ При раскопках на территории современного Страсбурга (Франция) найдено несколько фрагментированных стеклянных кувшинов с concentрическими кругами на дне⁴¹. Клеймо с *двумя concentрическими окружностями, расположенными одна в другой*, можно увидеть на не полностью сохранившемся дне стеклянного сосуда из Танаиса (рис. 2.23), датирующегося концом I – серединой II в. н.э.⁴²

Один кувшин со «сложным» клеймом, изображающим *большой ромб, расположенный в центре дна с заключенной в него окружностью и небольшими углублениями по углам дна сосуда* (рис. 2. 24), найден при раскопках XIX квартала городища Танаиса и датируется первой половиной III в. н.э.⁴³ Стилистически похожее клеймо происходит из раскопок Олимпии в Греции⁴⁴. Один фрагмент нижней части сосуда с клеймом в виде *большого квадрата с заключенным в него*

³² Jacenko 2005, 299, abb. 8.102.

³³ Cool, Price 1995, fig. 11.9. 2151.

³⁴ Сорокина 1965, 228, рис. 12.10.

³⁵ Сон 1988, 52, рис. 4.3.

³⁶ Сорокина 1965, рис. 12.6, 15.

³⁷ Шабанов 2015, 45, кат. 12.

³⁸ Cool, Price 1995, fig. 11.8. 2146, 2147, 2148.

³⁹ Ružić 1994, 12, t. I/8, II/1.

⁴⁰ Barkoczi 1988, 175–176, taf. XXXVIII. 411, 418, 420.

⁴¹ Arveiller-Dulong, Arveiller 1985, cat. 104, 120, 122.

⁴² Jacenko 2005, 298, abb. 8.101.

⁴³ Jacenko 2005, 297, abb. 8.97.

⁴⁴ Antonaras, Coutsinas, Prikhodkine, Schauer 2011, 226, pl. 6.28.

ромбом и окружностью в центре (рис. 2.25) происходит из раскопок дома 30 городища Горгиппии и датируется первой половиной III в. н.э.⁴⁵. Похожее клеймо происходит из раскопок античных слоев Колчестера на территории римской Британии и датируется концом III в. н.э.⁴⁶.

Фрагмент дна стеклянного сосуда с клеймом, изображающим *небольшую окружность в центре, и четыре дугами по углам дна сосуда* (рис. 3. 6) найден при раскопках XIX квартала городища Танаиса и датируется серединой III в. н.э.⁴⁷. Еще один фрагмент дна сосуда с клеймом в виде *пяти небольших кружков, расположенных в центре и по углам дна сосуда, а также четыре дугами по углам дна сосуда* найден при исследовании западного склона горы Митридат в Керчи (рис. 3. 4). Происходит он из заполнения ямы, датирующегося II в. н.э.⁴⁸. Фрагмент сосуда с таким же клеймом происходит с острова Vis в Адриатическом море и хранится в Археологическом музее в Сплите (Хорватия)⁴⁹. Вариант этого клейма с *четырьмя небольшими окружностями, расположенными по углам дна сосуда и отделены дугами* (рис. 3. 5), происходящего из Ольвии, упоминает Н.П. Сорокина в своей работе⁵⁰. Матрица для изготовления клейма с подобным изображением найдена в мастерской на римском поселении Arulum в Подунавье⁵¹.

В катакомбе № 24 некрополя Нимфея найден один кувшин с клеймом в виде *двух концентрических окружностей, пересекающихся диагональным крестом, на концах которого имеются округлые выпуклости* (рис. 3. 7). Датируется он началом II в. н.э.⁵². Кувшин с подобным клеймом известен в фондах Керстнер-музея в Ганновере и датируется I–II вв. н.э.⁵³

«Цветочные» изображения.

Один кувшин с клеймом, изображающим *большой «цветок» с шестью удлиненными «лепестками», расходящимися к краям дна сосуда* (рис. 3. 1), происходит из погребения № 221 могильника Бельбек-IV. Датируется он третьей четвертью II в. н.э.⁵⁴. Еще один кувшин с таким же клеймом (рис. 3. 2) найден в могильнике «Совхоз № 10 (Севастопольский)» в крымских предгорьях. Происходит он из подбойной могилы № 60, датирующейся II в. н.э.⁵⁵.

Н.П. Сорокина упоминает об одном стеклянном сосуде из Ольвии с изображением *большого «цветка» с шестью удлиненными «лепестками», заключенного в большую окружность, и четыре небольшие кружками в углах дна сосуда* (рис. 3. 3)⁵⁶. Фрагмент дна сосуда с таким же клеймом происходит из римского укрепления Diana в Паннонии (совр. Кладово, Сербия) и датируется II в. н.э.⁵⁷. На территории Венгрии найдено несколько фрагментированных стеклянных сосу-

⁴⁵ Алексеева Сорокина 2007, табл. 25.27.

⁴⁶ Cool, Price 1995, fig. 11.12. 2203.

⁴⁷ Jasenko 2005, 299, abb. 8.103.

⁴⁸ Журавлев, Ломтадзе 1999, 103, рис. 4.56.

⁴⁹ Buljević 2011, 185, pl. 4.13.

⁵⁰ Сорокина 1965, рис. 12.4.

⁵¹ Pánczél 2011, pl. 2.17.

⁵² Кунина 1982, 122, рис. 2; Кунина 1997, 287, кат. 168; Грач 1999, табл. 172.22.

⁵³ Liepmann, 1982, kat. 22.

⁵⁴ Zhuravlev 1999, fig. 21.6.

⁵⁵ Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, 124. табл. XXIX.31.

⁵⁶ Сорокина 1965, рис. 12.5.

⁵⁷ Ružić 1994, 11, t. I/3.

дов с клеймами в виде «цветков», заключенных в окружность. Происходят они из римских укрепленных поселений Intercisa, Aquincum, Brigetio и датируются II в. н.э.⁵⁸. Дно стеклянного сосуда с аналогичным клеймом, датирующееся I–II вв. н.э., найдено при исследовании римского поселения Conimbriga в Португалии⁵⁹. Похожие клейма можно увидеть на доньях стеклянных сосудов, найденных в римском укреплении Bracara Augusta⁶⁰.

Изображения с надписями.

При исследовании некрополя Херсонеса в 1892 г. был найден стеклянный сосуд с клеймом на дне в виде древнегреческих литер, расположенных по кругу, и пяти небольших кружков в центре и по углам дна сосуда (рис. 3. 8)⁶¹. Точных аналогий ему найти не удалось, но на территории римской провинции Далмация на Балканах найден стеклянный сосуд, на дне которого имеется надпись на латыни, но расположение литер и окружностей такое же, как и на херсонесском изделии⁶².

Один небольшой четырехгранный балызамарий с клеймом, в котором использовались древнегреческие литеры (рис. 3. 9), найден в окрестностях Керчи в 1909 г. Н.З. Кунина датировала его серединой – третьей четвертью I в. н.э.⁶³. К сожалению, из-за того, что клеймо было «поставлено» неровно, надпись прочитать не представляется возможным.

Клеймо на цилиндрическом сосуде.

В Северном Причерноморье известен только один клейменный сосуд с цилиндрической формой тулова и круглым дном. Это большой кувшин, украшенный горизонтальным рифлением, поступивший в 1914 г. в фонды Эрмитажа. По имеющимся сведениям, он был найден на территории Ольвии. На дне кувшина имеется клеймо – латинская надпись «FROTI» и три концентрических окружности (рис. 3. 10). Н.З. Кунина датирует его III–IV вв. н.э.⁶⁴. В Римской Британии найден целый двуручный кувшин с горизонтальным рифлением и монограммой на дне «FRO», датирующийся 300–400 гг.⁶⁵ В Рейнском земельном музее (г. Трир, ФРГ, Rheinisches Landesmuseum Trier) хранится такой же кувшин второй половиной IV в. н.э. с аналогичным клеймом⁶⁶. В Страсбурге найдено два стеклянных сосуда с клеймом «FRON». У одного литеры расположены по окружности, у другого – по краям дна. Оба датируются второй половиной III – первой половиной IV вв. н.э.⁶⁷. На территории коммуны Lillebonne на севере Франции найден цилиндрический кувшин с клеймом на дне «FRONT[S][C][F]», датирующийся III–IV вв. н.э.⁶⁸.

Еще два стеклянных сосуда с латинскими надписями найдены при исследовании Танаиса. Один фрагмент дна с расположенными горизонтально сохранившимися литерами «EI», заключенными в прямоугольник (рис. 3. 17) приводит

⁵⁸ Barkoczi 1988, 177–178, taf. XXXVIII. 422, 423, 424.

⁵⁹ Alarcão 1975, cat. 29.

⁶⁰ Cruz 2009, 314, kat. AstLC17, Lan16.

⁶¹ OAK 1894, 116.

⁶² Buljević 2005, sl. 12.3.

⁶³ Кунина 1997, 287, кат. 170.

⁶⁴ Кунина 1997, 288, кат. 172.

⁶⁵ Allen 1998, fig. 38.8.

⁶⁶ Goethert-Polaschek 1977, 315, taf. 27.

⁶⁷ Arveiller-Dulong, Arveiller 1985, cat. 171, 373.

⁶⁸ Saldern 2004, abb. 41.

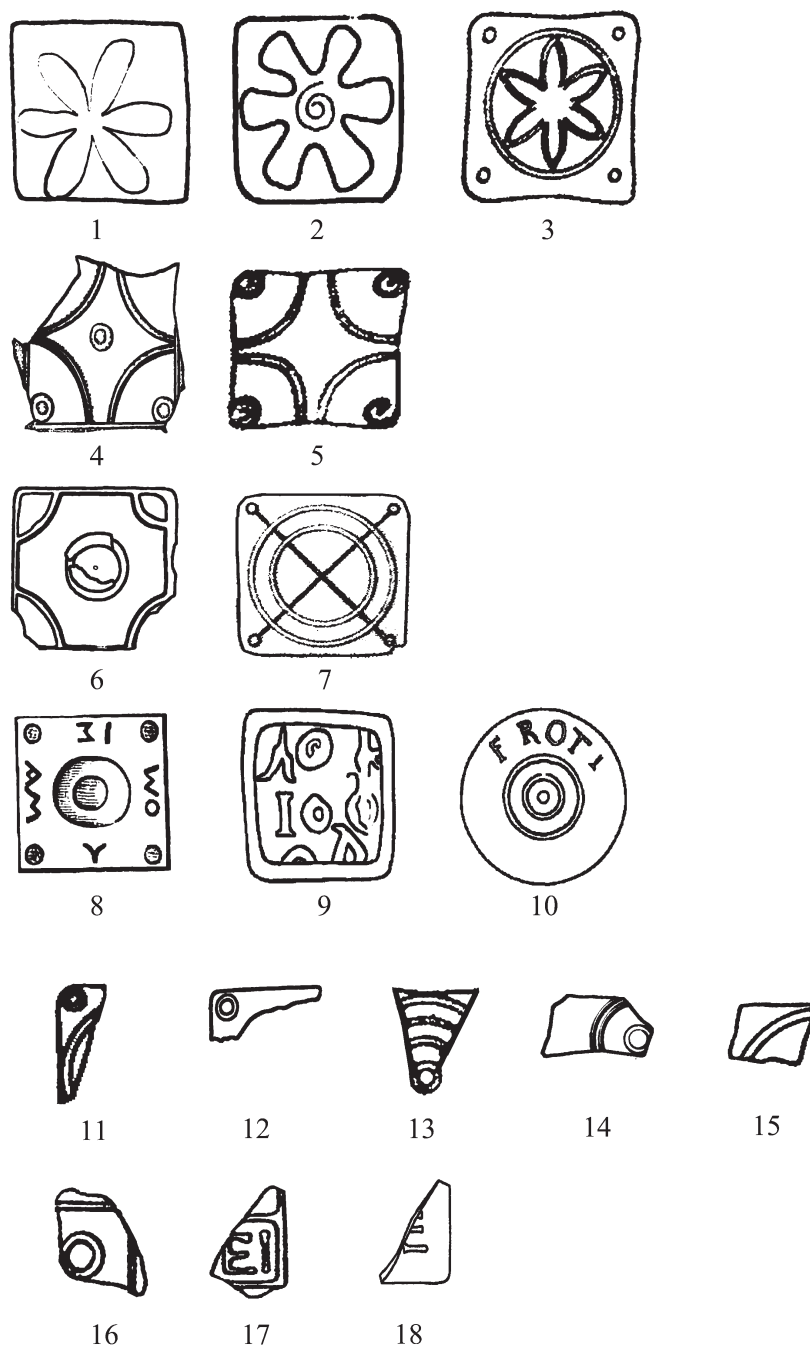

Рис. 3. Клейма.

1 – Бельбек IV (по Zhuravlev 1999); 2 – «Совхоз №10» (по Стржелецкий и др. 2003–2004); 3, 5, 10 – Ольвия (по Сорокина 1965; Кунина 1997); 4, 9, 12 – Пантикапей (по Журавлев, Ломтадзе 1999; Кунина 1997); 6, 11, 13–18 – Танаис (по Сорокина 1965; Яценко 2008); 7 – Нимфей (по Грач 1999); 8 – Херсонес (по ОАК 1894)

Н.П. Сорокина⁶⁹. Обломок дна сосуда с частью литеры «Е» (рис. 3. 18) найден при раскопках XIX квартала Танаиса и датируется концом I – серединой II вв. н.э.⁷⁰

В Северном Причерноморье известно еще как минимум семь стеклянных сосудов с клеймами, но они сильно фрагментированы. Найдены они в Пантикапее (рис. 3. 12) и Танаисе (рис. 3. 11, 13–16). Сохранившиеся части геометрического орнамента, к сожалению, затрудняют полную реконструкцию изображения клейма.

Заключение

Популярность стеклянных сосудов четырехгранной формы в первые века нашей эры подтверждается многочисленными находками таких изделий на территории от северной Атлантики до Красного моря⁷¹. Открыты десятки стеклоделательных мастерских с остатками производства фигурных сосудов, о чем свидетельствуют обнаруженные там целые и фрагментированные формы для выдувания⁷². Пока нет следов производства четырехгранных или цилиндрических сосудов в Северном Причерноморье, но находки большого количества таких изделий при исследовании античных и варварских памятников свидетельствуют о включении региона в систему общеевропейской торговли. Клейменные сосуды, найденные здесь, позволяют расширить представления о развитии торговых связей и контактов между Северным Причерноморьем и другими частями Европы в первые века нашей эры.

Наиболее многочисленную группу клейм составляют изображения геометрических фигур – окружностей, квадратов, ромбов. Различные сочетания этих элементов встречаются на более чем тридцати сосудах. Треть из них составляют одинаковые изображения пяти небольших кружков по углам и в центре дна сосуда (рис. 2. 1–10). Н.П. Сорокина указывала на средиземноморское происхождение сосудов с таким клеймом⁷³, что подтверждают находки клейменных кувшинов на Балканах⁷⁴. По ее замечанию, в Пантикапее такой вариант клейма наиболее распространен. Это может быть еще одним свидетельством укрепления экономических связей в I–II вв. н.э. между Пантикапеем и Восточным Средиземноморьем во время стабилизации военно-политической обстановки на Боспоре⁷⁵.

Сочетание больших циклических окружностей, расположенных одна в другой, и четырех небольших кружков встречено на восьми клеймах из Ольвии, Тиры, Нимфея, Танаиса (рис. 2. 11–16, 18, 19). Все они изготовлены в одном стиле, что может говорить о единстве их происхождения. Находки сосудов с клеймами этого варианта за пределами Северного Причерноморья известны в Подунавье и Португалии. Н.П. Сорокина относила сосуды с такими изображениями к продукции западноримских мастерских⁷⁶. Вариант клейма данного вида, только с небольшими дугами по углам вместо кружков, обнаруженный в Танаисе (рис. 2. 17), находит

⁶⁹ Сорокина 1965, рис. 12.14.

⁷⁰ Яценко 2008, илл. 4:49.

⁷¹ Meyer 1992, pl. 11.242, 243.

⁷² Aguilar-Tablada Marcos, Sánchez de Prado 2006, 177–193; Pánczél 2011, pl. 12–21.

⁷³ Сорокина 1965, 230.

⁷⁴ Antonaras, Coutsinas, Prikhodkine, Schauer 2011, 226, pl. 5.19; Buljević 2011, 185, pl. 1.3.

⁷⁵ Зубарь, Зинько 2006, 197.

⁷⁶ Сорокина 1965, 228, рис. 12.10.

аналогию в римской Британии⁷⁷. К продукции западноримских мастерских также можно отнести другие клейменные сосуды с изображениями окружностей, квадратов и ромбов.

Небольшую группу составляют сосуды с клеймами в виде цветков. Два из них найдены в Юго-Западном Крыму и схожи между собой (рис. 3. 1, 2). Еще один происходит из Ольвии (рис. 3. 3). Аналогии таким сосудам хорошо известны на Балканах⁷⁸ и в западных провинциях Римской империи⁷⁹. Матрицы для клейм с «цветочными» изображениями найдены при раскопках стеклоделательных мастерских на римском поселении Colonia Aurelia Apulense в провинции Дакия в Подунавье⁸⁰.

Три целых и два фрагментированных клейма имеют надписи греческими и латинскими литерами (рис. 3. 8–10, 17, 18). Известны находки сосудов с надписями на греческом языке на территории современной Греции. Относятся они к первым векам нашей эры и здесь, по-видимому, производились⁸¹. В Северном Причерноморье находки таких клейм единичны. В соседнем северокавказском регионе найден кувшин с восьмигранным туловом и клеймом с греческой надписью⁸², но относится он к эпохе раннего средневековья⁸³. Отдельно стоит сказать о кувшине с цилиндрически туловом и клеймом «FROTI» на дне (рис. 3. 10). Н.З. Кунина посвятила специальную статью этому сосуду, где привела аналогии и датировку его III–IV вв. н.э.⁸⁴. Исследователи традиционно связывают изделия с таким клеймом, имеющим разные вариации, с мастером Фронтинусом и его фирмой⁸⁵. Пока нет точных данных о местоположении его мастерской (или нескольких производственных центров). Скорее всего, располагалась она на территории Галлии или на Рейне. Именно здесь сосредоточены основные находки сосудов с клеймами «FRONTI», «FRON», «FRO» и пр.⁸⁶. Известны они и за пределами этого региона, например, в римской Британии⁸⁷. Пока кувшин из Ольвии – это единственный экземпляр из мастерской Фронтинуса, найденный в Северном Причерноморье. Тем не менее он, как и другие находки клейменных сосудов, свидетельствует о тесных контактах между западными областями Римской империи и причерноморскими античными центрами, в частности с Танаисом, где найдено наибольшее количество клейм. В Северное Причерноморье они, по-видимому, поступали по рейнско-галльскому торговому пути, функционировавшему в первые века нашей эры⁸⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е.М., Арсеньева, Т.М. 1966: Стеклоделие Танаиса. *СА* 2, 176–188.

⁷⁷ Cool, Price 1995, fig. 11.9. 2151.

⁷⁸ Ružić 1994, 11, t. I/3; Barkoczi 1988, 177–178, taf. XXXVIII. 422, 423, 424.

⁷⁹ Alarcão 1975, cat. 29.

⁸⁰ Pánczél 2011, pl. 2.14, 18, 19.

⁸¹ Tek 2003, 85–86.

⁸² Минаева 1951, рис. 16.1.

⁸³ Засецкая 2008, 47, 49.

⁸⁴ Кунин 1981, 44–46, х.

⁸⁵ Isings 1957, 106–107.

⁸⁶ Кунин 1981, 45; Doppelfeld 1966, taf. 52.

⁸⁷ Cool, Price 1995, fig. 11.17. 2259.

⁸⁸ Шелов 1972, 141.

- Алексеева, Е.М., Сорокина, Н.П. 2007: *Коллекция стекла античной Горгииппии*. М.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Гущина, И.И. 1974: Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). В сб.: Д.Л. Талис (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 32–64.
- Дзиговский, А.Н., Островерхов, А.С. 2000: *Стекло как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подолья*. Одесса.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 1999: Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея. *ДБ* 2, 98–110.
- Засецкая, И.П. 2008: *Стекло как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подолья*. Одесса.
- Зубарь, В.М., Зинько, В.Н. 2006: *Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории*. Симферополь–Керчь.
- Кунина, Н.З. 1981: Стекланный сосуд галльского мастера из Ольвии. *СГЭ* XLVI, 44–46.
- Кунина, Н.З. 1982: Два стекланных кувшина из некрополя Нимфея. В сб.: С.П. Борисковская (ред.), *Художественные изделия античных мастеров*. Л., 119–124.
- Кунина, Н.З. 1997: *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. СПб.
- Кунина, Н.З. 2006: Клейма стеклодела Артаса в Эрмитаже. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной*. М., 153–157.
- Минаева, Т.А. 1951: Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. В сб.: Е.И. Крупнова (ред.), *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*, 273–301.
- Мошкова, М.Г. (ред.) 1992: *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М.
- ОАК 1984: *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 г.* СПб.
- Сон, Н.О. 1988: Склані посудини з Тіри. *Археологія* 63, 47–56.
- Сорокина, Н.П. 1965: Стекланные сосуды из Танаиса. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Древности Нижнего Дона*. М., 202–238.
- Сорокина, Н.П. 1978: Античное стекло в собрании Одесского археологического музея. В сб.: П.О. Карышковский (ред.), *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. К., 267–274.
- Сорокина, Н.П., Гущина, И.И. 1980: Стекланные изделия из могильников первых веков нашей эры Юго-Западного Крыма. В сб.: Т.Б. Попова (ред.), *История и культура Евразии по археологическим данным*. М., 89–100.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Ушаков, Д.Н. 2013: *Толковый словарь современного русского языка*. М.
- Шабанов, С.Б. 2015: *Римское стекло. Стекланные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды*. Симферополь.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Щапова, Ю.Л. 1983: *Очерки истории древнего стеклоделия*. М.
- Яценко, Е.Г. 2008: Стекланные сосуды I – середины II вв. н.э. из раскопок городища. *Novensia* 18–19, 365–380.
- Aguilar-Tablada, M., Sánchez de Prado, M. 2006: Evidencias de un taller de vidrio en la ciudad romana de Augustobriga (Talavera la Vieja, Cáceres). *Lucentum* XXV, 177–193.
- Alarcão, J. 1975: Bouteilles carees a Fond decore du Portugal Romain. *JGS* XVII, 47–53.
- Allen, D. 1998: *Roman Glass in Britain*. Shire.

- Antonaras, A.Ch., Coutsinas, N., Prikhodkine, B.D., Schauer, Chr. 2011: Marques sur verre découvertes en Grèce: addenda (Thessalonique, Corinthe, Itanos, Érétrie, Olympie et Lousoi). In: D. Foy, M.D. Nenna (eds.), *Corpus des signatures et marques sur verres antiques* 3, 224–237.
- Arveiller-Dulong, V., Arveiller, J. (eds.) 1985: *Le Verre d'époque romaine au Musée archéologique de Strasbourg*. Paris.
- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glassfunde in Ungarn (Acta Archaeologica. IX)*. Budapest.
- Buljević, Z. 2005: Tragovi staklara u rimskoj provinciji Dalmaciji. *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku* 98, 93–106.
- Buljević, Z. 2011: Imprints on the bottoms of glass bottles from Dalmatia held in the Archeological Museum in Split. In: D. Foy, M.D. Nenna (eds.), *Corpus des signatures et marques sur verres antiques* 3, 179–195.
- Charlesworth, D. 1972: The Glass. Verulamium Excavations. *Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London* XXVIII, 196–215.
- Cool, H.E.M., Price, J. 1995: Colchester Archaeological Report 8. Roman vessel glass from excavations in Colchester 1971–85. Colchester.
- Cruz, M. 2009: *O Vidro Romano no Noroeste Peninsular. Um olhar a partir de Bracara Augusta II*. Braga.
- Di Palma, S. 2015: *The History of Marks from Antiquity to the Middle Ages*. Paris.
- Doppelfeld, O. 1966: *Römisches und Fränkisches Glas in Köln*. Köln.
- Fleming, S. 1996: Early Imperial Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum. *Expedition* 38, 13–37.
- Goethert-Polaschek, K. (ed.) 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Trierer Grabungen und Forschungen*. Mainz am Rhein.
- Grossman, R.A. 2002: *Ancient Glass. A guide to the Yale collection*. New Haven.
- Isings, C. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen-Djakarta.
- Jacenko, E.G. 2005: Glasgefäße der Römerzeit und Spätantike aus Tanais. *Eurasia antiqua* 11, 277–312.
- Lefrancq, J. 1989: *Les Tombes de Noirmont. Tumuli Belgo-Romains par*. Bruxelles.
- Liepmann, U. 1982: *Glas der Antike*. Hannover.
- Meyer, C. 1992: *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean trade*. Chicago.
- Pánczél, S.P. 2011: The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum. *Marisia* XXXI, 175–187.
- Ružić, M. 1994: *Rimsko staklo u Srbiji*. Beograd.
- Saldern, A. 2004: *Antikes Glas*. München.
- Tek, A. 2003: Prismatic Glass Bottles with Greek inscriptions from Arycanda in Lycia. In: J. Prise (ed.), *Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre, New York 2001*. New York, 82–87.
- Zhuravlev, D. 1999: The Late Scythian burial rite in the Belbek Valley of southwest Crimea in the Roman Period. *BAR International Series* 781, 19–31.

REFERENCES

- Aguilar-Tablada, M., Sánchez de Prado, M. 2006: Evidencias de un taller de vidrio en la ciudad romana de Augustobriga (Talavera la Vieja, Cáceres). *Lucentum* XXV, 177–193.
- Alarcão, J. 1975: Bouteilles carees a Fond decore du Portugal Romain. *Journal of Glass Studies* XVII, 47–53.
- Alekseeva, E.M., Arsen'eva, T.M. 1966: Steklodelie Tanaisa. *SA* 2, 176–188.
- Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007: *Kollekcija stekla antichnoj Gorgippii*. Moscow.
- Allen, D. 1998: *Roman Glass in Britain*. Shire.

- Antonaras, A.Ch., Coutsinas, N., Prikhodkine, B.D., Schauer, Chr. 2011: Marques sur verre découvertes en Grèce: addenda (Thessalonique, Corinthe, Itanos, Éréttrie, Olympie et Lousoi). In: D. Foy, M.D. Nenna (eds.), *Corpus des signatures et marques sur verres antiques* 3, 224–237.
- Arveiller-Dulong, V., Arveiller, J. (eds.) 1985: *Le Verre d'époque romaine au Musée archéologique de Strasbourg*. Paris.
- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glassfunde in Ungarn (Acta Archaeologica. IX)*. Budapest.
- Buljević, Z. 2005: Tragovi staklara u rimskoj provinciji Dalmaciji. *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku* 98, 93–106.
- Buljević, Z. 2011: Imprints on the bottoms of glass bottles from Dalmatia held in the Archeological Museum in Split. In: D. Foy, M.D. Nenna (eds.), *Corpus des signatures et marques sur verres antiques* 3, 179–195.
- Charlesworth, D. 1972: The Glass. Verulamium Excavations. *Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London* XXVIII, 196–215.
- Cool, H.E.M., Price, J. 1995: Colchester Archaeological Report 8. Roman vessel glass from excavations in Colchester 1971–85. Colchester.
- Cruz, M. 2009: *O Vidro Romano no Noroeste Peninsular. Um olhar a partir de Bracara Augusta II*. Braga.
- Di Palma, S. 2015: *The History of Marks from Antiquity to the Middle Ages*. Paris.
- Doppelfeld, O. 1966: *Römisches und Fränkisches Glas in Köln*. Köln.
- Dzigovskij, A.N., Ostroverhrov, A.S. 2000: *Stekljannaja posuda kak istoricheskoe javlenie v pamjatnikahr skifo-sarmatskogo vremeni Ukrainy, Moldovy i rossijskogo Podon'ja*. Odessa.
- Fleming, S. 1996: Early Imperial Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum. *Expedition* 38, 13–37.
- Goethert-Polaschek, K. (ed.) 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Trierer Grabungen und Forschungen*. Mainz am Rhein.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeja*. Saint-Petersburg.
- Grossman, R.A. 2002: *Ancient Glass. A guide to the Yale collection*. New Haven.
- Gushchina, I.I. 1974: Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov). In: D.L. Talis (red.), *Arheologicheskie issledovanija na yuge Vostochnoj Evropy*. Moscow, 32–64.
- Isings, C. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen–Djakarta.
- Jacenko, E.G. 2005: Glasgefäße der Römerzeit und Spätantike aus Tanais. *Eurasia antiqua* 11, 277–312.
- Jacenko, E.G. 2008: Stekljannye sosudy I – serediny II vv. n.e. iz raskopok gorodishcha. *Novensia* 18–19, 365–380.
- Kunina, N.Z. 1981: Stekljannyj sosud gall'skogo mastera iz Ol'vii. *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha* XLVI, 44–46.
- Kunina, N.Z. 1982: Dva stekljannyhr kuvshina iz nekropolja Nimfeja. In: S.P. Boriskovskaja (red.), *Hrudozhestvennye izdelija antichnyhr masterov*. Leningrad, 119–124.
- Kunina, N.Z. 1997: *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha*. Saint-Petersburg.
- Kunina N.Z. 2006: Klejma steklodela Artasa v Ermitazhe. In: D.V. Zhuravlev (red.), *Severnoe Prichernomor'e v epohu antichnosti i srednevekov'ja. Pamjati N.P. Sorokinoj*. Moscow, 153–157.
- Lefrancq, J. 1989: *Les Tombes de Noirmont. Tumuli Belgo-Romains par*. Bruxelles.
- Liepmann, U. 1982: *Glas der Antike*. Hannover.
- Meyer, C. 1992: *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean trade*. Chicago.
- Minaeva, T.A. 1951: Arheologicheskie pamjatniki na r. Giljach v verhrov'jahn Kubani. In: E.I. Krupnova (red.), *Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza*, 273–301.

- Moshkova, M.G. (red.) 1992: *Stepnaja polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja*. Moscow.
- OAK 1984: *Otchet Imperatorskoj Arhreologicheskoy Komissii za 1892 g.* Saint-Petersburg.
- Pánczél, S.P. 2011: The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum. *Marisia* XXXI, 175–187.
- Ružić, M. 1994: *Rimsko staklo u Srbiji*. Beograd.
- Saldern, A. 2004: *Antikes Glas*. München.
- Shabanov, S.B. 2015: *Rimskoe steklo. Stekljannye sosudy iz sobranija Central'nogo muzeja Tavridy*. Simferopol'.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej ery*. Moscow.
- Shchapova, Ju.L. 1983: *Ocherki istorii drevnego steklodeliya*. Moscow.
- Son, N.O. 1988: Skljani posudini z Tiri. *Arheologija* 63, 47–56.
- Sorokina, N.P. 1965: Stekljannye sosudy iz Tanaisa. In: D.B. Shelov (red.), *Drevnosti Nizhnego Dona*. Moscow, 202–238.
- Sorokina, N.P. 1978: Antichnoe steklo v sobranii Odesskogo arhreologicheskogo muzeja. In: P.O. Karyshkovskij (red.), *Arhreologicheskie issledovaniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja*. Kiev, 267–274.
- Sorokina, N.P., Gushchina, I.I. 1980: Stekljannye izdeliya iz mogil'nikov pervykh vekov nashej ery Jugo-Zapadnogo Kryma. In: T.B. Popova (red.), *Istorija i kul'tura Evrazii po arhreologicheskim dannym*. Moscow, 89–100.
- Strzheletskij, S.F., Vysotskaja, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okrugy Hersonesa v pervoj polovine I tys. novoj ery (po materialam nekropolja «Sovhroz № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Tek, A. 2003: Prismatic Glass Bottles with Greek inscriptions from Arycanda in Lycia. In: J. Priše (ed.), *Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre, New York 2001*. New York, 82–87.
- Ushakov, D.N. 2013: *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. Moscow.
- Zasetskaja, I.P. 2008: *Stekljannaja posuda nekropolja Bospora vtoroj poloviny IV – rubezha VI–VII vv. n.e. (iz sobranija Gosudarstvennogo Ermitazha)*. Simferopol'–Kerch'.
- Zhuravlev, D. 1999: The Late Scythian burial rite in the Belbek Valley of southwest Crimea in the Roman Period. *BAR International Series* 781, 19–31.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 1999: Keramicheskij kompleks II v. n.e. s akropolja Pantikapeja. *Drevnosti Bospora* 2, 98–110.
- Zubar', V.M., Zin'ko, V.N. 2006: *Bospor Kimmerijskij v antichnuyu epohru. Ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii*. Simferopol'–Kerch'.

MARKS ON THE GLASS VESSELS FROM THE ROMAN PERIOD IN THE NORTHERN AND NORTHWEST BLACK SEA REGION

Stanislav B. Shabanov

*Non-Profitable Foundation "Heritage of Millennia", Russia,
neizats2004@mail.ru*

Abstract. In the 1st century BC, glass production comes to the new technological level culminating with the introduction of glass blowing. Glassblowing allowed glass workers to produce vessels with considerably thinner walls, decreasing the amount of glass needed for each vessel. A new method made the process much quicker than other techniques, and vessels required less finishing, time, raw material and equipment. As a result of these factors, the cost

of production was reduced, and glass became available for a wider part of society in a growing variety of forms in the Roman Period. This paper is devoted to the glass vessels with marks on the bottoms from the Northern and Northwest Black Sea region. These vessels were found in Bosporan cities (Pantikapaion, Tanais, Gorgippia), Chersonesus, Olbia, Tiras, etc. They include square and cylindrical jugs, bottles and a *balsamarium*. The marks on the bottoms of square jugs and bottles generally consist of various types of concentric circles and circles in relief. Three jugs have a recessed floral motif on the bottom. Few bottles have a Latin and Greek symbols or inscriptions that we assume to be abbreviations for personal names, places and some official titles. These marks clearly identify the owner of the glass workshop. Some bottles of this kind were produced in the Eastern Mediterranean, as there were Greek (rather than Latin) letters in the marking on their bottom. Other vessels, whether they were square or cylindrical shaped, were most likely a prerogative of the glassworking industry in the Western Empire.

Key words: Northern Black Sea Region, Northwest Black Sea Region, ancient glass, vessels, marks

---

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (по материалам раскопок 1994–2010 гг.)

Н.И. Винокуров*, Л.Ю. Пономарев**

* *Московский педагогический государственный университет, Москва,*
vinokurovn@list.ru

** *Благотворительный фонд «Деметра», Керчь,*
l_ponomarev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются культовые комплексы, которые были раскопаны в центральной части салтово-маяцкого поселения на античном городище Артезиан, расположенном в северной части Керченского полуострова. В зависимости от расположения они были объединены в два культовых комплекса, которые располагались недалеко друг от друга. Включенные в их состав культовые объекты, представляли собой ритуальные захоронения, которые были совершены в заброшенном античном колодце, в сооружении, напоминающем колодец, в ямах и котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В двух из них принесена совместная жертва людей и собак, в двух других в жертву принесли человека, быка и лошадь. В одном случае ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы. В жертву была принесена корова или теленок. Подобные комплексы были до этого обнаружены на многих поселениях салтово-маяцкой культуры, в том числе и на Керченском полуострове. Большей частью они, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Артезиан, салтово-маяцкое поселение, салтово-маяцкие культовые комплексы, салтово-маяцкие ритуальные захоронения

Введение

К настоящему времени на территории Керченского полуострова известно свыше двухсот салтово-маяцких поселений, время появления которых относят к середине – второй половине VIII в.¹ Однако далеко не все они еще нанесены на крупномасштабные археологические карты и лишь немногие из них подверглись долговременным и планомерным раскопкам². К их числу, помимо поселений на городищах Тиритака, Мирмекий и Героевка-3, относится поселение на античном

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ.

Пономарев Леонид Юрьевич – научный сотрудник БФ «Деметра».

¹ Могаричев 2005, 238; Пономарев 2008, 268.

² Пономарев 2014, 136–141.

³ Винокуров 2007, рис. 4; 5; 2014, рис. 4; Винокуров, Пономарев 2015а, 18–22.

Античное городище Артезиан (первая половина IV в. до н.э. – начало IV в. н.э.) расположено в северной части Керченского полуострова и занимает небольшой мыс в одноименном урочище в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье. С 1988 г. оно исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН) (Винокуров 1998, 56). Наиболее ранние находки эпохи средневековья на городище и его некрополе относятся к ранневизантийскому периоду и датируются VI–VII вв. (Винокуров, Пономарев 2015в, 195–208). Однако соответствующего им «жилого» горизонта обнаружить пока не удалось. Территория разрушенного и заброшенного античного городища вновь была заселена только во второй половине VIII в. Не позднее середины X в. поселение было покинуто. Соответствующий ему горизонт прослежен на всех исследованных участках – раскопах I–IV, заложенных в центральной и южной части городища.

К сожалению, в результате активной антропогенной деятельности на всех изученных большими площадями салтово-маяцких поселениях, включая и городище Артезиан, «жилой» горизонт, соответствующий этому периоду, понес значительные и невосполнимые утраты. В результате их границы и планировка реконструируются чаще всего с большими допущениями, а среди инфраструктурных элементов поселений относительно хорошо изучены только жилые и хозяйственные комплексы – полуземлянки, наземные и заглубленные каменные постройки, хозяйственные ямы, очаги, ограды и зольники. Зачастую удается установить не только их функциональное назначение, но и структурную взаимосвязь друг с другом.

Совершенно иная ситуация сложилась с сооружениями и комплексами, которые, благодаря своей необычной конструкции, «не бытовому» составу находок и ряду других косвенных признаков, могут быть интерпретированы как культовые объекты. До недавнего времени на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова были обнаружены единицы таких объектов. К тому же причисление некоторых из них к сакральным памятникам вызвало сомнения и послужило закономерным поводом для дискуссии⁴.

В этом отношении салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан стало своего рода прецедентом, поскольку здесь культовые объекты впервые были найдены в большом количестве и разнообразии. На протяжении нескольких лет в центральной части поселения было раскопано свыше десятка таких объектов, связанных с дохристианскими воззрениями и верованиями его жителей. Четыре из них представляют собой одиночные грунтовые захоронения (подростка 8–10 лет, мужчины 30–40 лет и двух женщин в возрасте до 35 лет), совершенные среди построек и в котловане засыпанной полуземлянки⁵. Состояние костей нижних конечностей в одном из них (погребении 9) указывает на их искусственное нарушение, скорее всего, в процессе ритуальных постпогребальных действий, связанных с обрядом обезвреживания покойника, следы которых прослежены на многих праболгарских и аланских могильниках салтовского времени, в том числе и на Керченском полуострове⁶. Однако, поскольку эти погребения будут рассмотрены в отдельной публикации, подробно на них мы останавливаться не будем. Отметим лишь, что в основной своей массе захоронения, совершенные на территории салтово-маяцких поселений (в том числе в заброшенных жилищах и производственных комплексах), имели, по-видимому, ритуальный характер и совершались в силу различных, порою тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера⁷.

Остальные открытые на поселении культовые комплексы вслед за И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком можно интерпретировать как «культовые места <...> устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному пово-

⁴ Сорочан 2004а, 128–129; 2004б, 409–410, 414; Пономарев 2003, 267–273; 2012–2013а, 197–198; Пономарев 2014, 145–146; Тульпе, Хршановский 2011, 228–236.

⁵ Винокуров 2004, 63–64, рис. 8; 2011, 56–63; Винокуров, Пономарев 2015б, 51–52.

⁶ Смирнов 1997, 60; Плетнева 1967, 80; Флеров 2007, 185; 1993, 45–46, 54; 2005, 384; Аксенов 2002, 98–113; Пономарев 2004, 451–462.

⁷ Плетнева 1989, 67; Плетнева, Красильников 1990, 106; Винников, Афанасьев 1991, 137–138; Албегова, Гусаков 2001, 127; Колода 2011, 269–270; 2012–2013, 111–112.

ду и затем оставленные»⁸. Большая часть из них условно объединена в «юго-восточный» и «южный» культовые комплексы, располагавшиеся в раскопах I и III на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (рис. 2)⁹.

Первый, открытый в самой возвышенной части городища Артезиан, культовый комплекс получил условное название «южный». В 1999–2000 гг. был исследован один из наиболее ярких его объектов, представлявший собой совместное захоронение подростка и *pars pro toto* туши быка, совершенное в каменном сооружении, внешне напоминавшем колодец (рис. 3, 1; 4, 1). Однако в качестве гидротехнического сооружения эта необычная конструкция использоваться не могла, поскольку, имея глубину 2,39–2,46 м, она не достигала водоносного горизонта, залегавшего в этой части мыса на 20–30 м ниже.

При возведении «колодца» под его каменную конструкцию была выкопана округлая в плане яма (№ 254) размерами 1,54×1,80 м, прорезавшая рыхлый суглинистый слой темно-желтого оттенка с большим количеством известнякового отеса, отложившегося в процессе строительства античной «цитадели» городища. Заполнена она была таким же по структуре и плотности грунтом, но более светлого оттенка. Из находок в заполнении ямы отметим ручку античной амфоры и монету Рискупорида III (210–226 гг. н.э.).

В плане шахта «колодца» имела неправильную четырехугольную форму, в разрезе – трапециевидную, при этом углами была ориентирована по осям СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ. По направлению к дну она расширялась, соответственно, на уровне горловины ее размеры составляли 0,85×0,72 м, а на уровне дна – 1,02–1,04×1,04 м. Стенки шахты были сложены из обработанных известняковых плит, установленных на ребро с перевязкой рядов. Кладка однослойная, орфостатная, однолицевая (рис. 3, 5; 4, 1). Всего было уложено семь рядов плит, между некоторыми из них прослежены следы известкового и глиняного растворов. Лицевая, обращенная внутрь шахты, поверхность плит обработана каменотесным инструментом наподобие скампеля. В северной стенке, на высоте 0,90–0,98 м от дна, была устроена ниша размерами 0,15×0,12×0,14 м, но ее назначение выяснить не удалось. По крайней мере, она не использовалась для установки светильника, поскольку следы копоти на ее стенках отсутствовали.

На дне «колодца» прослежена прослойка вязкой глины серо-зеленого оттенка толщиной 1,5–3,2 см. Ее перекрывала прослойка обугленного, напоминающего сажу, грунта толщиной 2–3 см, с большим количеством перегоревших зерен пшеницы или ячменя. Следы воздействия высоких температур и пламени в виде пятен красно-бурого оттенка прослеживались и на поверхности плит стенок «колодца».

Спустя небольшой промежуток времени, за который прослойка обугленного грунта еще не была перекрыта другими отложениями, в северо-западном углу «колодца» было совершено ритуальное захоронение подростка, уложенного на спине головой на запад (рис. 3, 4; 4, 2). Правая его верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть перекрыта костями нижних конечностей. Левая верхняя конечность, перекрытая костями нижних конечностей, вытянута вдоль туловища. Нижние конечности сильно согнуты и развернуты в северном направлении. При

⁸ Винокуров 2002, 191–193; 2004, 63–77; Русанова, Тимошук 2007, 25.

⁹ Винокуров 2004, 63–72, рис. 7.

этом бедренные кости сдвинуты от костей таза, но сохранили связь в коленных суставах с костями голени. Кости стоп полностью перекрыты малыми и большими берцовыми костями. Такое положение костей нижних конечностей вряд ли можно признать естественным. Скорее всего, перед погребением ноги подростка были отчленены по бедренным суставам, а стопы – по суставам от голеней. Подрезкой сухожилий может объясняться и их скорченное положение. Возможно, еще до разложения мягких тканей была отделена и голова, поскольку череп вместе с челюстью был смещен от естественного анатомического положения и уложен основанием на грудную клетку.

В центре «колодца», на том же уровне, что и погребение подростка, находились несколько грубо расколотых плит известняка. На одну из них был уложен череп крупного быка, установленный рогами вниз и ориентированный по оси ЮЗ–СВ (рис. 3, 4). Рядом с камнями были найдены хвостовые позвонки и кости плюсны, зачищенные вне анатомического порядка. По всей видимости, в «колодце» вместе с подростком было совершено ритуальное захоронение шкуры быка, снятой вместе с частями его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной жертве, принесенной по довольно часто практиковавшейся в древности многими народами схеме *pars pro toto* – часть (отдельные кости, шкура или «чучело») вместо целого животного.

Остатки ритуального захоронения были перекрыты слоем плотного грунта темно-коричневого оттенка мощностью 0,86–0,90 м. В нем прослежены прослойки золы, мелкие древесные угли, раковины виноградных улиток и кости диких животных – нескольких мышей, четырех зайцев и щенка лисицы, вероятно, попавших сюда случайно. Этот слой был перекрыт однородным и очень рыхлым щебнистым грунтом светло-серого оттенка с прослойками темно-коричневого суглинки. Мощность его достигала 1,60 м, но при этом, за исключением нескольких стенок античных амфор и ручки причерноморской бороздчатой амфоры, он практически не содержал находок.

Горловину «колодца» перекрывала переносная поилка (или кормушка) для скота размерами 1,10–1,20×0,70×0,50–0,60 м и глубиной 0,30 м, вырезанная из известнякового блока (рис. 3, 2). Ее сбросили в него, когда шахта была засыпана только наполовину, при этом она не перекрывала горловину полностью. Благодаря этому обстоятельству частично засыпанный «колодец» превратился в своеобразную ловушку для мелких животных, и лишь со временем его беспрепятственно заполнил затечный грунт.

Датировать ритуальное захоронение в «колодце», хотя и в очень широких пределах – второй половиной VIII – первой половиной X вв., позволяет единственная находка – горловина причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 3, 3)¹⁰, обнаруженная под лопаточной костью подростка. Дискуссионным остается и его предназначение. Возможно, оно было связано с земледельческим и животноводческим культами плодородия, на что указывают обгоревшие зерна злаковой культуры на дне «колодца», кости быка, поилка для скота, а также жернов и обломки плиты зернотерки, обнаруженные в 0,2 м к югу от него¹¹. Впрочем, нельзя исключать, что жертвы были принесены в иных, возможно, даже комбинированных

¹⁰ Науменко 2009а, 43–47, тип II.

¹¹ ср.: Чибиров 1983, 97; Тульпе, Хршановский 1994, 109.

целях. К примеру, специальные, использовавшиеся не для забора воды, а в ритуальных целях, культовые колодцы, раскопанные на славянских и кельтских святилищах, служили, по мнению исследователей, для связи с «подземным миром», а принесенные в них жертвы означали дар предкам или отправление посланцев в потусторонний мир¹².

Помимо «колодца», в состав «южного» культового комплекса условно включено еще несколько, расположенных поблизости и сосредоточенных в наиболее возвышенной части поселения, объектов.

Один из них – котлован перекопа 7, открытый в 1995 г. на раскопе I в 12–13 м к северу от «колодца» (рис. 2). Он имел в плане аморфную, приближенную к овалу, форму и был вытянут по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Его размеры составляли 6,5×4,4 м, а глубина достигала 0,30–0,40 м. Из заполнения происходят фрагменты стенок античной керамики, причерноморских амфор и салтовомаяцких горшков. Подобного рода котлованы на поселении обнаружены на всех исследованных участках. Образовались они в результате добычи камня из разрушенных античных построек. Таким образом, изначально котлован 7 не имел к «южному» культовому комплексу никакого отношения, но впоследствии, перед тем, как он был засыпан, в нем совершили комбинированное жертвоприношение отдельных частей скелетов человека и животного (челюсти взрослого мужчины, череп и разрозненные кости ног лошади).

Еще один котлован перекопа (котлован 5) был исследован в 2001 г. Как и предыдущий, он был найден на раскопе I, но располагался в 7–8 м к северо-востоку от «колодца» (рис. 2). В плане котлован имел аморфно-округлую форму. Диаметр пятна его заполнения достигал 5 м. Глубина перекопа составила 4,5 м¹³. Позднее, когда он был засыпан, в нем был вырыт еще один котлован размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. Заполнен он был темно-коричневым грунтом с большим количеством щебня, костей животных и разновременной керамикой, среди которой преобладали амфоры и столовая посуда первых веков н.э. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены немногочисленными стенками ойнохой скалистинского типа и фрагментами салтово-маяцких горшков.

Причислить и этот котлован перекопа к числу культовых объектов позволили обнаруженные в северной его части на глубине 1,90–2,05 м разрозненные кости быка и раздавленный череп человека со следами искусственной деформации и без нижней челюсти, которые были компактно уложены на нижних, обнаженных котлованом, рядах кладки северо-восточной башни античной «цитадели»¹⁴. Условия их находки позволяют предположить, что более поздний котлован вырыли специально для совершения в нем ритуального захоронения.

Еще два, включенных в «южный» ритуальный комплекс, объекта были обнаружены в северо-восточном углу раскопа III. Один из них – сильно разрушенная

¹² Русанова, Тимошук 2007, 122–123.

¹³ Позднее, когда котлован перекопа был засыпан, в нем был вырыт котлован 5 размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. В 4,1 м к юго-западу от котлована 5 и 0,8 м к северо-западу от «колодца» с ритуальным захоронением был обнаружен котлован 6, но в его заполнении не оказалось находок, которые позволили бы классифицировать его как культовый объект.

¹⁴ Винокуров 2011, 61.

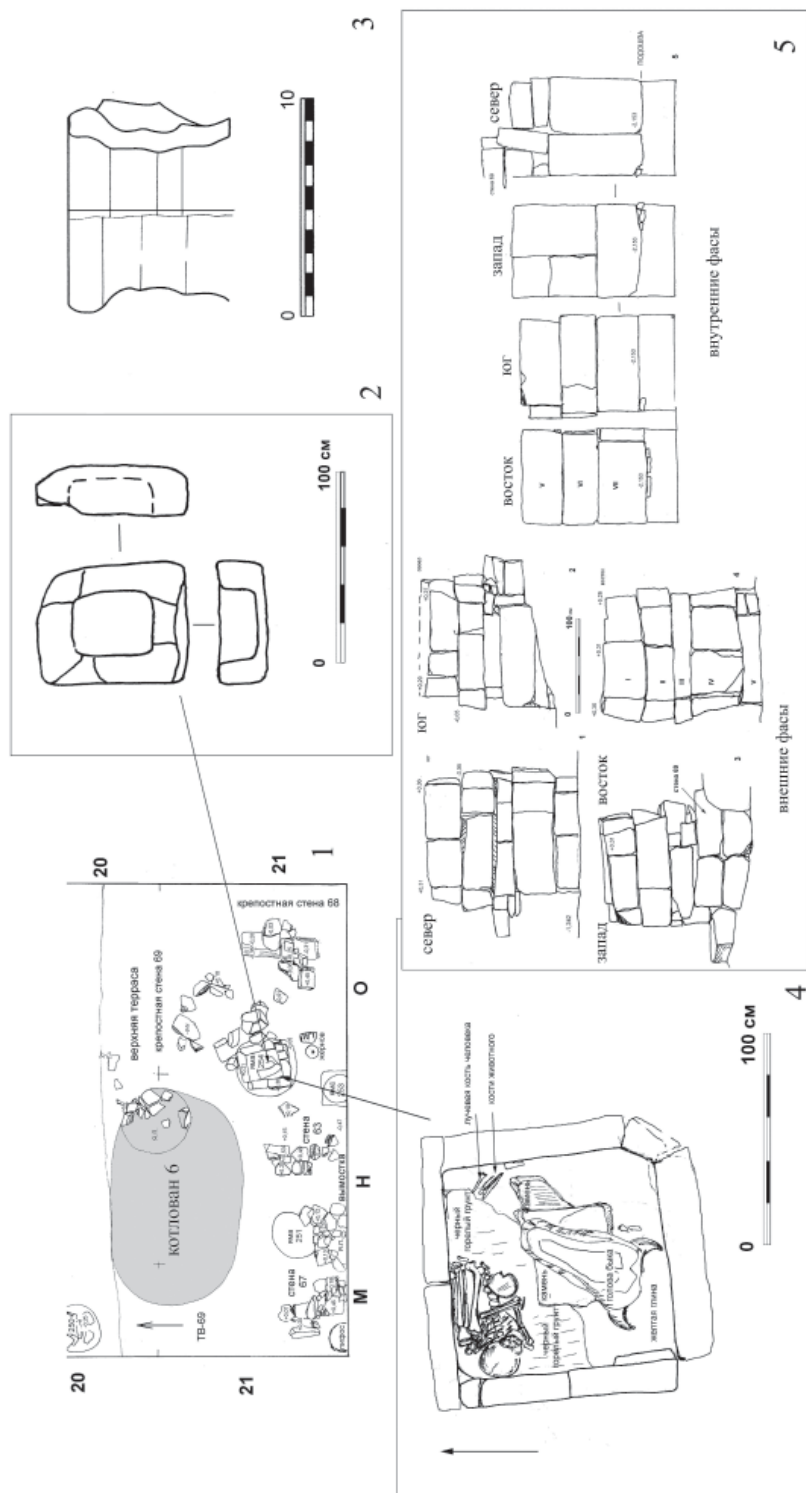

Рис. 3. «Южный» культовый комплекс. 1 – план участка раскопа I с «колодезем» и котлованом 6; 2 – каменная поилка из шахты «колодезя»; 3 – горло амфоры из шахты «колодезя»; 4 – «колодезь»; 5 – внешние и внутренние фасы стен шахты «колодезя»

1

2

3

Рис. 4. «Южный» культовый комплекс. 1 – вид на «колодец» с юго-востока; 2 – шахта «колодца» на уровне скелета подростка. Вид сверху и с юго-востока; 3 – скелет подростка, вид с востока

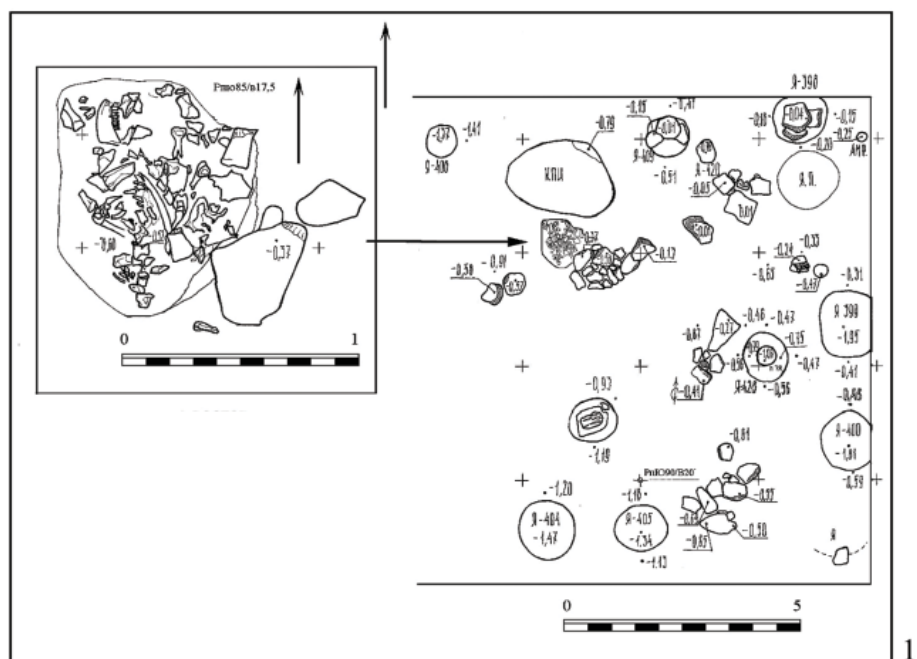

Рис. 5. «Южный» культовый комплекс. 1 – захоронение теленка (коровы). План участка раскопа III и ямы на уровне костей скелета; 2 – захоронение теленка (коровы). Вид с востока

яма с захоронением теленка или комолой коровы – раскопан в 2010 г. (рис. 5)¹⁵. Контуры ямы удалось зафиксировать только ближе к дну, так как участок, где она располагалась, был существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. В плане яма имела форму, приближенную к овалу. Размеры ее составляли 1,08×0,91–0,97 м, глубина – 0,37–0,52 м. В разрезе она имела неправильную трапециевидную форму, а ровное дно – небольшой уклон к югу. Яма была заполнена плотным, глинистым грунтом серо-коричневого оттенка с мелким известняковым щебнем и крошкой, а также немногочисленными фрагментами стенок и профильных частей керамики первых веков нашей эры.

К сожалению, сохранность скелета теленка (коровы), благодаря которому и стало возможным причислить яму к числу культовых объектов, оказалась очень плохой. Большая часть костей была смещена или раздавлена и к тому же перемешана с мелким бутовым камнем. Тем не менее отдельные кости указывают на то, что животное, вероятно, было уложено на левом боку, головой к ССВ.

Второе, исследованное в северо-восточном углу раскопа III, ритуальное захоронение было совершено в античном колодце, который, в отличие от рассмотренного выше «колодца», представлял собой обычное гидротехническое сооружение (рис. 6). Обнаружен он в 2008 г. при зачистке придонной части обширного котлована, образовавшегося в результате выборки камня из античных построек. Котлован диаметром более 10–11 м и глубиной до 1,8 м находился примерно в центре «цитадели» античного городища и был окружен валообразными выбросами из траншей выборок ее крепостных стен и башен. Его заполнял темно-коричневый, почти черный гумусированный грунт, содержащий в большом количестве мелкий известняковый щебень, раковины виноградных улиток, кости животных, обломки стенок античной керамики, амфор причерноморского типа и салтово-маяцких горшков. Здесь же были найдены разрозненные человеческие останки, принадлежащие, по меньшей мере, двум или трем взрослым индивидам, в том числе фрагмент нижней челюсти, обломки черепа (правой теменной кости и задней части левой теменной кости) и четыре фрагмента правой лучевой и локтевых костей.

Колодец ориентирован по оси ССЗ–ЮЮВ. В плане и сечении он имел прямоугольную форму. Горловина шахты на несколько рядов кладки выбрана в древности (рис. 7, 1). Размеры устьевой части на сохранившемся уровне – 2,10×1,30 м. Размеры дна установить не удалось, поскольку колодец по техническим причинам был раскопан не полностью. Его исследованная глубина составила 4,5–6,0 м (12–14 рядов кладки)¹⁶. По этой же причине под вопросом остается и время сооружения колодца, хотя керамика, обнаруженная на уровне его горловины (в заполнении ямы под колодезную шахту), позволяет предварительно говорить о периоде не позднее I–III в. н.э., возможно, даже I–II вв. н.э. В пользу этой даты указывают также особенности техники обработки и укладки камней его шахты, существенно

¹⁵ Винокуров 2011, 61–62.

¹⁶ Этот колодец на раскопе III – третий по счету. Два других найдены ранее (в 2004 и 2006 гг.) в непосредственной от него близости – к юго-западу и северо-востоку. Они также имели прямоугольную форму, но были существенно меньше по размеру, и их борта были облицованы не камнем, а деревянными плахами. К сожалению, полностью раскопать не один из колодцев не удалось.

отличавшиеся от кладки бортов «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка, сооруженного, вероятно, не ранее второй половины VIII в.

Борта колодца сложены из квадров и блоков, установленных логом и тычком однолицевой, однослойной, постелистой кладкой. Углы сложены в перевязь. Вяжущего раствора в кладке не зафиксировано, поскольку щели между камнями затекли глинистым, очень вязким, плотным черным грунтом, который просачивался вместе с дождевой водой, когда колодец уже был заброшен и засыпан.

В кладке бортов колодца использован рыхлый по структуре, но простой в обработке известняк-ракушечник светло-желтого и серого оттенков. Размеры камней варьируются от 0,56×0,52×0,38 м до 0,94×0,54×0,36 м – 0,80×0,44×0,39 м. Обращает на себя внимание наличие в некоторых из них технологических пазов для упора балок деревянных конструкций. На уровне 3-го и 4-го рядов камней кладки вырублена небольшая прямоугольная ниша размерами 0,28×0,14×0,12 м.

Горловина колодца с северной стороны, судя по всему, была намеренно заужена двумя квадрами, установленными под углом друг к другу и для устойчивости зафиксированных в месте сочленения вертикальной плитой-контрофорсом. С западной стороны, в верхнем сохранившемся ряду кладки, для уменьшения размеров шахты использовали три блока, уложенных таким образом, что на одну треть своей ширины они нависали над горловиной колодца. При этом камни верхнего ряда находились, несомненно, во вторичном использовании. На их поверхности остались следы подтесов под круглые и прямоугольные в сечении деревянные балки. Возможно, сужение горловины – результат позднейшей перестройки устьевой части колодца.

Шахта колодца, от верхнего сохранившегося и до одиннадцатого ряда кладки, была заполнена влажным, глинистым грунтом коричнево-черного оттенка с большим количеством бутового камня, кусков серой глины и бытовым мусором, преимущественно керамикой античного времени. На уровне нижнего ряда найдены обломки горловин и стенки двух пифосов, венчики и стенки красноглиняных амфор II–III вв. н.э., амфор с воронкообразным горлом II–IV вв. н.э., узкогорлых амфор с профилированными ручками типов A–D (по Д.Б. Шелову), позднесинопских амфор, а также фрагменты столовой и кухонной посуды. Находок, относящихся ко второй половине VIII – первой половине X вв., за исключением профиля плоского днища сероглиняного лощеного кувшина, не обнаружено. Этот фрагмент, очевидно, отмечает последний этап его засыпки.

Примерно с уровня 3–4-го ряда кладки, среди бутовых камней, были обнаружены черепа и скелеты нескольких десятков собак (рис. 7, 2). При этом большая часть костей, как и черепа, не пострадали, сохранив первоначальное анатомическое сочленение в суставах. Но не один из скелетов полностью расчистить и зафиксировать не удалось, так как в процессе разложения мягких тканей кости проваливались между камнями, образуя аморфные и частично перекрывавшие друг друга скопления, затекшие, к тому же, чрезвычайно вязким черным грунтом. По этой же причине недоступными для фиксации оказались останки нескольких человеческих индивидов, раздавленные черепа которых вместе с отдельными костями конечностей, были найдены на уровне 5–6-го рядов кладки у северной и южной стенки шахты колодца.

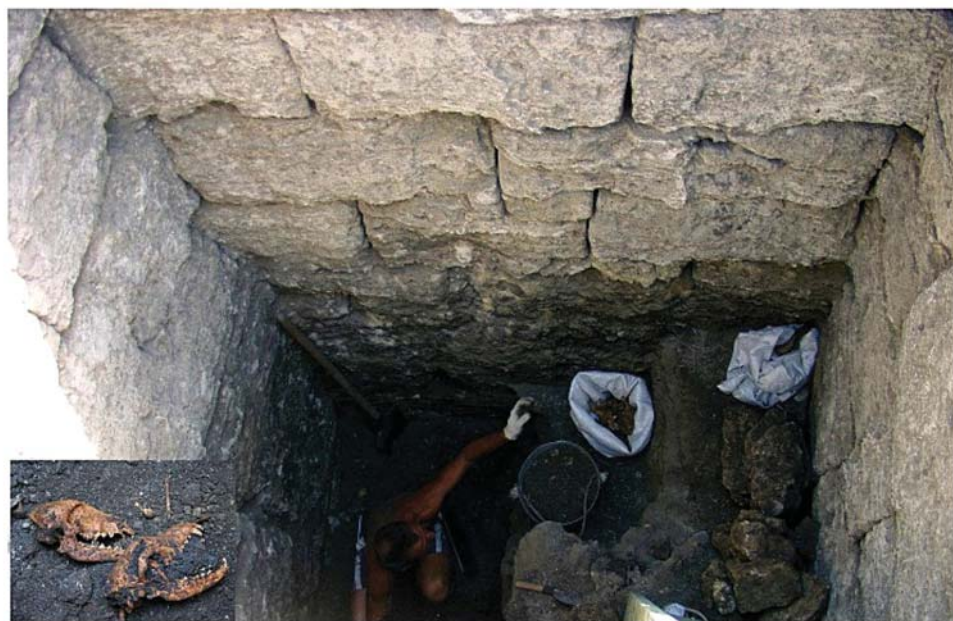

Рис. 6. «Южный» культовый комплекс. План раскопа III с указанием (заливкой серым фоном) комплексов второй половины VIII – первой половины X вв. – усадьбы с двухкамерным домом и колодца с захоронением людей и собак

1

2

Рис. 7. «Южный» культовый комплекс. Колодец с захоронением людей и собак. 1 – вид с северо-запада на горловину колодца; 2 – шахта колодца в процессе расчистки (крупным планом показаны черепа двух собак)

К сожалению, как уже указывалось выше, комплекс доследован не был, тем не менее уже и на этом этапе его расчистки есть все основания утверждать, что частично засыпанный колодец был использован для ритуального захоронения людей и собак. К сожалению, находок, относящихся к этому времени, в его заполнении было обнаружено немного. Поэтому датировать захоронение можно лишь в общих пределах – между второй половиной VIII – первой половиной X вв. При этом следует отметить, что сам колодец был возведен, вероятно, в первые века нашей эры.

Второй выделенный на поселении культовый комплекс получил условное наименование «юго-восточный». Он был обнаружен на раскопе I примерно в 10–15 м к северо-востоку и востоку от «южного» культового комплекса. В комплекс условно включены ямы 120 и 108, а также котлованы 1–4, расположенные к северо-западу и югу от них (рис. 2).

В северо-западной части комплекса находилась яма 120 – наиболее его яркий и представительный, с точки зрения обнаруженных находок, объект (рис. 8; 9). В плане она имела округлую форму, в разрезе колоколовидную. Верхняя ее часть уничтожена дренажной траншеей кладбища XIX в. деревни Паша-Салын. Размеры ямы на верхнем, сохранившемся уровне 1,26×1,29 м, на уровне дна – 1,56×1,58 м. Глубина ее уцелевшей части – 0,53 м. Дно имеет заметный уклон к северу. На дне ямы, в юго-восточной ее части, находились две разбитые причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 10, 1–2). Среди обломков одной из них обнаружен скелет щенка собаки в возрасте 4–5 месяцев. Судя по его положению, он был помещен в амфору, головой вниз.

Развал амфор был перекрыт плотной каменной забутовкой, пространство между камнями которой было заполнено гумусированным рыхлым грунтом серо-желтого оттенка. Мощность завала составляла 0,30–0,42 м. В нем были найдены древесные угли, обломки античной керамики, кости крупного рогатого скота (ребра, фрагменты челюстей и трубчатых костей коровы), а также ребра и фаланги пальцев ребенка.

На каменном завале вдоль восточного борта ямы расчищено пять детских, плохо сохранившихся черепов (рис. 8, 1; 9, 1). Они были установлены на основании лицевым отделом на восток и ВСВ. Лицевой отдел одного из черепов разрушен и продавлен внутрь. Судя по молочным зубам, они принадлежали детям, возраст которых составлял 2–3 года, 3–4 года, 4–5 лет и 5–6 лет.

К северо-западу от последнего – пятого черепа обнаружен скелет собаки, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Она была уложена на правом боку, ее скелет вытянут в направлении запад – восток и ориентирован головой на запад. Передние лапы сложены вместе – одна на одной, задние упираются в восточный борт ямы. Шкура с нее при захоронении не снималась, поскольку *in situ* были найдены когти.

Под скелетом собаки обнаружены отдельные кости скелета ребенка – верхних конечностей, ключица, позвонки и ребра. На этом же уровне, поверх камней и между ними, в центре ямы и в ее западной половине найдены разрозненные и хаотично разбросанные кости (несколько позвонков, тазовые кости, лопатки, ребра, кости верхних конечностей) еще одного(?) ребенка.

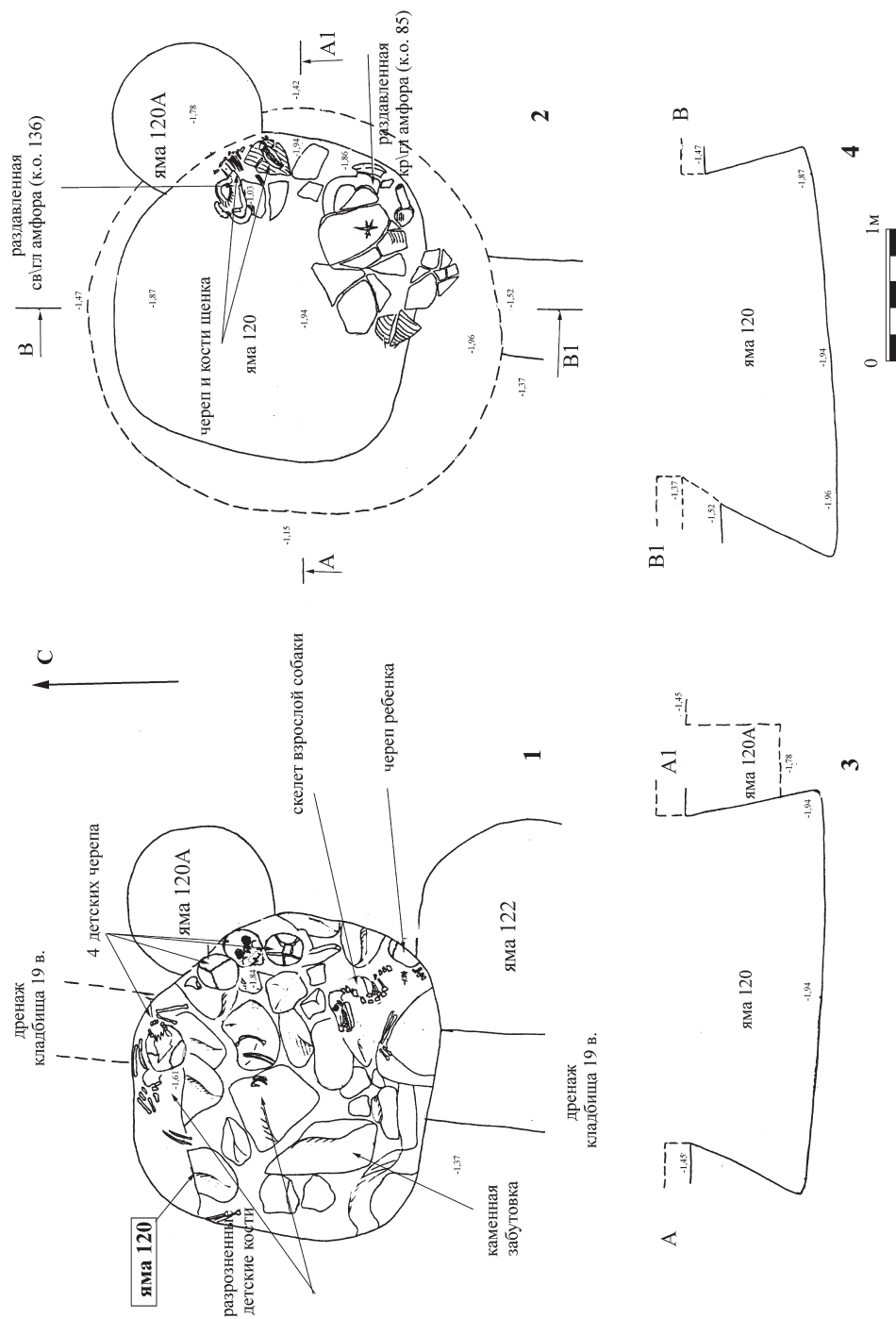

Рис. 8. «Юго-Восточный» культовый комплекс. Яма 120. Планы и разрезы

1

2

Рис. 9. «Юго-Восточный» культовый комплекс. Яма 120. 1 – вид с юга; 2 – вид с северо-запада

Таким образом, основная сакральная нагрузка в этом, по-видимому, стержневом для «юго-восточного» культового комплекса, ритуальном захоронении отводилась собакам (взрослым особям и щенкам) и детям в возрасте от двух до шести лет, тела которых были ритуально расчленены на птоματοлогической стадии некрологического цикла.

Находки из других объектов, включенных в состав «юго-восточного» комплекса, – ямы 108 и котлованов 1–4 не имеют, в отличие от ямы 120, столь явного сакрального облика. В этом ключе их можно идентифицировать только как остатки тризн, совершенных в момент захоронения детей и собак, при этом откровенно бытовой характер находок оставляет широкие возможности для дальнейшей дискуссии.

Яма 108 находилась в 4,80 м к востоку от ямы 120. В плане она имела округлую форму, в разрезе грушевидную. Верхняя ее часть не сохранилась. Нижняя часть ямы, выкопанная в материковой глине, прослежена в виде округлого пятна серо-коричневого оттенка размерами 1,10×1,37 м. Диаметр дна – 1,69 м. Глубина сохранившейся части ямы – 1,49 м. Заполнена она была золистым плотным грунтом серо-желтого оттенка с включениями костей животных (трубчатых костей, ребер, челюстей и зубов мелкого и крупного рогатого скота), раковин виноградных улиток, створок мидий, бесформенных кусков печины и стекловидного пористого шлака, а также фрагментов античной и раннесредневековой керамики.

Сюда же были сброшены крупные обломки шести причерноморских борозчатых амфор, часть которых удалось склеить (рис. 10, 3–8). Античная керамика, попавшая в заполнение ямы как примесь «снизу», представлена обломками черепицы, амфор первых веков н.э. (рис. 11, 3), столовой красноглиняной посуды, краснолаковых (рис. 11, 1) и лепных сосудов. Помимо керамики в заполнении ямы найдены обломки железных гвоздей (рис. 11, 2), фрагмент изделия из белого мрамора (рис. 11, 4), абразивный камень из морской гальки (рис. 11, 5), метательное ядро из песчаника (рис. 11, 6), а также обработанная кость (лопатка) с нарезками по боковой грани (рис. 11, 7) и трубчатая кость с насечками на одной из сторон, вероятно, использовавшиеся для обработки сырой кожи (рис. 11, 8)¹⁷. Датировать большинство из этих находок не представляется возможным, поскольку в равной степени их можно отнести как к античной, так и к раннесредневековой эпохе. Исключение, пожалуй, можно сделать только для трубчатой кости с насечками (рис. 11, 8), аналогии которой найдены в Таматархе и Саркеле – Белой Веже¹⁸.

Помимо ям 120 и 108 в состав комплекса условно включены обширные котлованы 1–4, хотя, как уже упоминалось выше, прямых и надежных свидетельств в пользу того, что они были задействованы в каких-либо ритуалах или обрядах, получить не удалось (рис. 2). В плане они имели форму, приближенную к трапеции или овалу, а в сечении, за счет сужавшихся книзу бортов, трапецевидную форму. Размеры котлована 1 – 1,19×1,31 м, глубина – 2,31 м; котлована 2 – 2,21×4,27 м, глубина – 2,54 м; котлована 3 – 2,98×3,71 м, глубина – 1,11 м; котлована 4 – 2,27×1,21 м, глубина – 0,29–0,76 м. Заполнены они были золистым мелкодисперсным грунтом с линзами черного цвета и темно-коричневого оттенка, а также прослойками гумуса, бутовым камнем и щебнем. В нем обнаружено большое количество бытовых

¹⁷ Винокуров 2004, 72, рис. 15.

¹⁸ Флерова 1996, 285–286; Чхаидзе 2008, 222, рис. 126, 1–4.

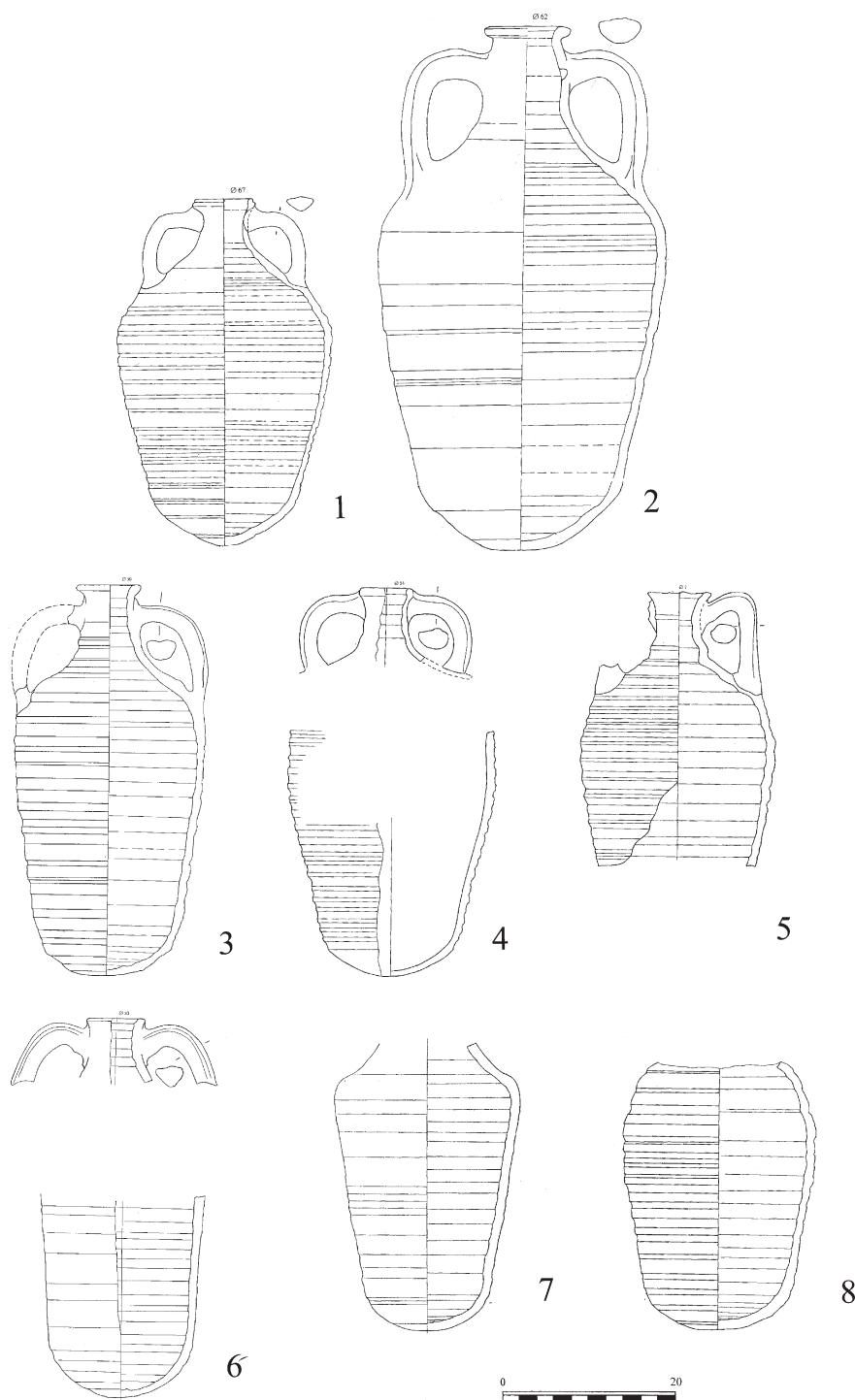

Рис. 10. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1–2 – амфоры из ямы 120; 3–8 – амфоры из ямы 108

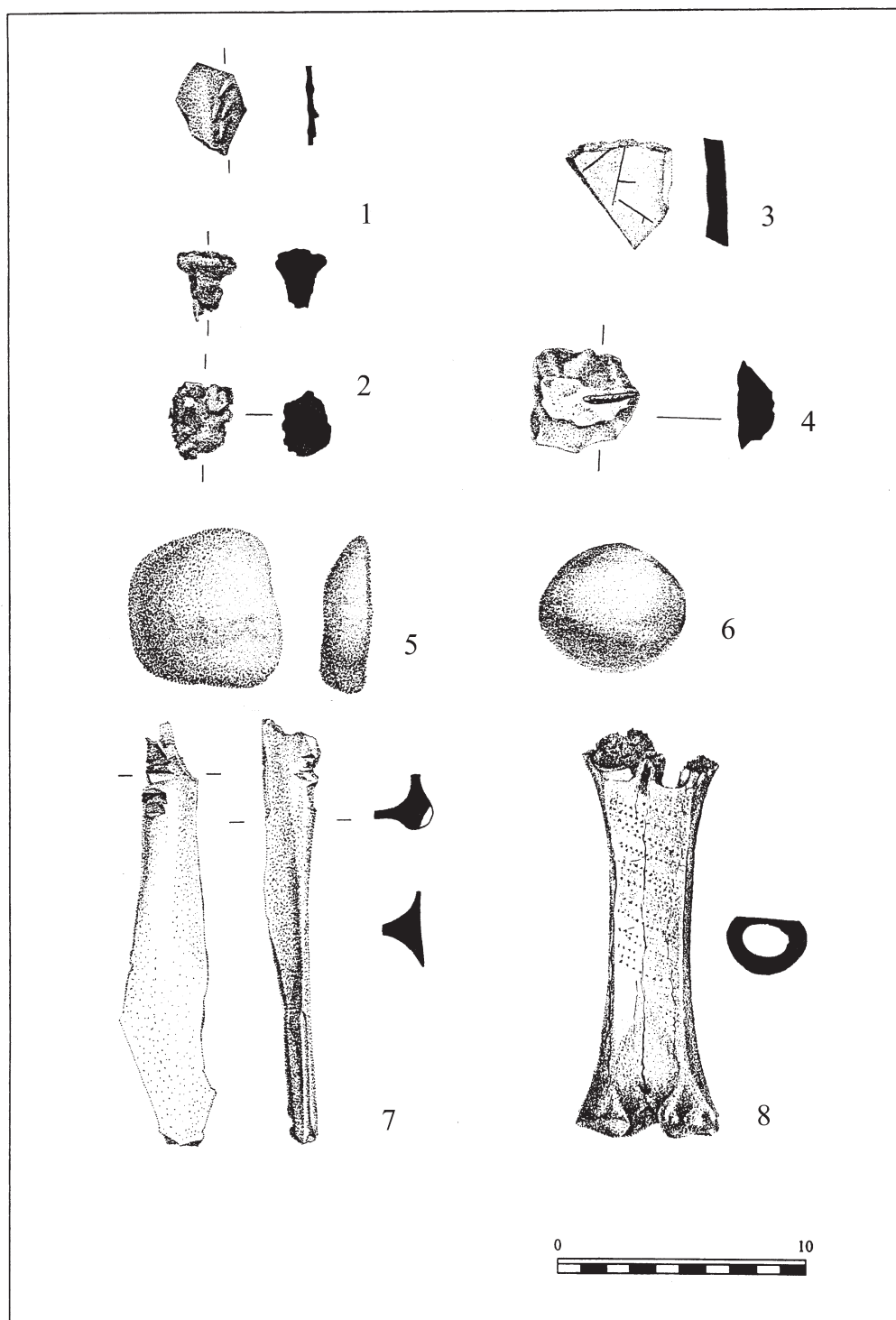

Рис. 11. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1–8 – находки из ямы 108

отходов с включениями кусков пористого стекловидного шлака, древесных углей, отходов металлургического производства, конкреций ожелезненных песчаников, обломков пещины, рыбных костей, створок раковин мидий, пережженных костей животных и птиц, в том числе со следами обработки. Изредка встречались куски кристаллического гипса, месторождение которого известно в 12 км к северо-западу от городища в районе урочища Сююрташ, а также пластины слоистого мергеля розового и бежевого оттенков. Среди находок в засыпи котлованов, повредивших и частично выбравших ямы античного времени, преобладали обломки разновременной античной керамики. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены фрагментами красноглиняного пифоса (рис. 13, 1), причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 12, 1–2; 13, 1–7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (в котловане 1) (рис. 12, 3), ойнохой скалистинского типа (рис. 12, 6), горшков и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом с пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 12, 4–5)¹⁹, салтово-маяцких горшков (рис. 12, 7–13; 13, 8–11) и лепного светильника овально-конической формы и плоским дном²⁰. Здесь же найдены стенки стеклянных рюмок и бокалов изумрудно-зеленого и оливково-зеленого оттенков²¹, а также два грубо обработанных обломка стенок амфор диаметром 2,8 см (котлован 2), атрибутируемых как «фишки» или заготовки для пряслиц (рис. 13, 12–13)²². Находки в котлованах 1 и 2 фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, включая и профильный фрагмент горла, свидетельствуют в пользу того, что, по крайней мере, два из них были засыпаны не ранее второй половины IX в. Однако, для «юго-восточного» культового комплекса в целом и ямы 120, в частности, получить узкой даты не удалось.

Последний рассматриваемый нами культовый объект атрибутирован как жертвенник. Он был обнаружен в 1989 г. на раскопе I к северо-востоку от котлована 7 и к северо-западу от котлована 2, включенных в состав «южного» и «юго-восточного» культовых комплексов (рис. 2; 13, 15). В качестве жертвенника была использована каменная переносная поилка (или кормушка) для скота, перекрытая известняковым ротационным жерновом диаметром 0,54 м и толщиной 0,09 м. Поилка была вырублена из известнякового блока и имела прямоугольную форму. Внешние ее размеры составляли 0,62×0,51×0,24 м. Заполнена она была рыхлым золистым грунтом, находки из которого представлены костями птицы, несколькими костями мелкого рогатого скота и профильными частями и стенками трех сероглиняных ойнохой. Несколько десятков фрагментов идентичных ойнохой были найдены вокруг поилки. Поскольку жертвенник находился довольно далеко и примерно на равном удалении от «южного» и «юго-восточного» культовых комплексов, его логично рассматривать как самостоятельный, изолированный от других объект.

Таким образом, помимо четырех грунтовых могил в центральной части поселения Артезиан, удалось выделить несколько культовых объектов, большая часть

¹⁹ Рыжов, Седикова 1999, 321–322, 324, рис. 7; 10, 9, 10; Нессель 2006, 102, рис. 23, 1–6; Науменко 2009б, 63–64.

²⁰ Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 1–3; Зинько, Пономарев 2008, 428, рис. 7, 5.

²¹ Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II, вариант 1–1; 2–1.

²² Нидзельницкая, Кулаков 2013, 42; Пархоменко 1985, рис. 7, 9–10.

которых представляла собой ритуальные комбинированные захоронения животных и людей или их частей.

До этого на Керченском полуострове подобные культовые комплексы были открыты на городищах Тиритака, Мирмекий, поселениях Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское и Пташкино. В 1932 г. в нескольких десятках метрах к западу от городища Тиритака Ю.Ю. Марти раскопал ритуальное захоронение, совершенное в яме размерами 1,7×2,0 м и глубиной (от современной дневной поверхности) 2,5 м²³. На полу, ближе к бортам ямы, под небольшим каменным завалом, были обнаружены девять человеческих и два собачьих черепа. В центре находился известняковый ротационный жернов. В восточной части ямы найдена фаланга пальца с надетым на нее бронзовым перстнем с четырьмя лапками-зажимами и синей стеклянной вставкой. Ю.Ю. Марти, видимо, рассматривал этот комплекс как рядовое погребение, поскольку в отчете о раскопках он назван могилой. Однако от обычного грунтового салтово-маяцкого захоронения его отличают не только внушительные размеры, но и необычный состав находок. Возможно, этот комплекс был связан с аграрным культом, поскольку, в отличие от захоронения в яме 120 на городище Артезиан, немаловажная сакральная нагрузка в нем возлагалась на жернов. Именно он был уложен в центре, а человеческие и собачьи черепа установили вокруг него²⁴.

Второе ритуальное захоронение отдельных частей скелета животного и человека обнаружено В.Н. Зинько на самом городище Тиритака, в раскопе XXVI. Совершено оно было в яме 17, находившейся внутри жилой постройки или рядом с ней. На дне ямы найдены челюсть ребенка 5–6 лет и череп овцы с множественными (не менее чем семью) повреждениями, нанесенными как минимум двумя острыми предметами, а в заполнении – кости животных, створки раковин мидий, фрагменты ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков²⁵.

Третье ритуальное захоронение, но уже без участия животных, исследовано В.Ф. Гайдукевичем на северном участке городища Мирмекий. Совершено оно в яме (частично разрушенной), на дне которой были найдены человеческий череп, ротационный известняковый жернов и фрагменты двух причерноморских амфор²⁶.

Еще два комплекса, представлявших собой захоронения животных и частей их скелета, обнаружены на поселении Героевка-2. В одном из них – яме, впущенной в насыпь кургана на северной окраине поселения, находились черепа двух лошадей и пяти коров²⁷.

Южнее, на территории хозяйственного двора обособленной усадьбы, в ритуальных целях были использованы две заброшенные, но еще не засыпанные на тот момент хозяйственные ямы. В яме 14 были найдены полные скелеты двух собак возрастом 1,5–2 года, а в яме 15 – кости еще пяти собак, крупная плечевая кость быка и ротационный жернов²⁸.

²³ Марти 1941, 32.

²⁴ Пономарев 2001, 30–31; 2009, 500–501.

²⁵ Зинько, Пономарев 2009, 25, рис. 86; Пономарев 2009, 92.

²⁶ Гайдукевич 1987, 165.

²⁷ Зинько 1994, 126; Зинько, Пономарев 2005, 245, рис. 19.

²⁸ Зинько, Пономарев 2005, 242–243.

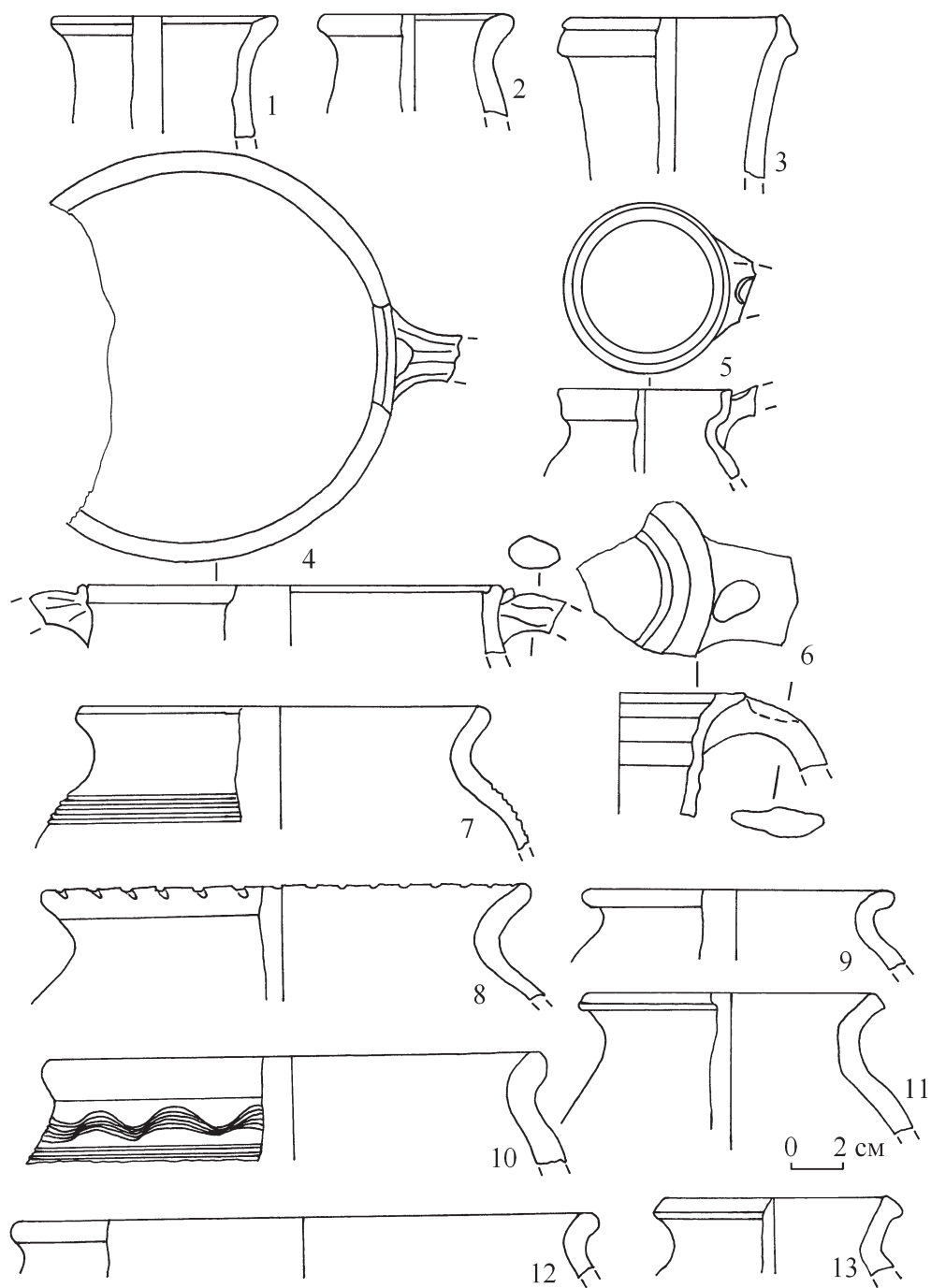

Рис. 12. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1–13 – керамика из котлована 1

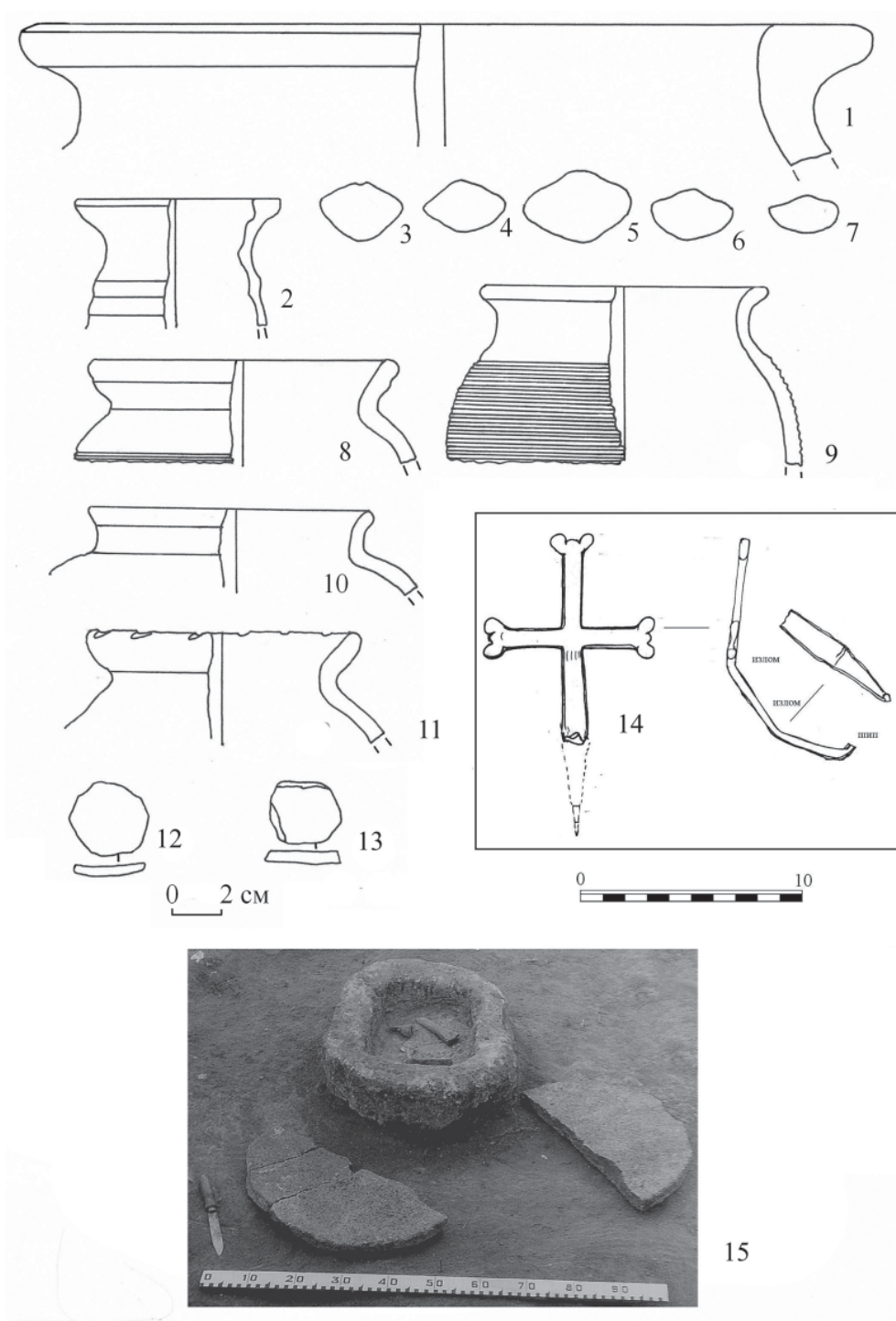

Рис. 13. 1–13 – находки из котлована 2; 14 – железный крест из раскопа II; 15 – жертвенник из раскопа I. Вид с запада

К числу культовых объектов относятся также захоронения коней, обнаруженные на трех поселениях. Пять безинвентарных конских захоронений VIII–IX вв. раскопаны на Мирмекии. Первое – на территории античной винодельни в северной части городища²⁹, остальные четыре – к востоку от скального выступа Карантинного мыса. Под головой одного из коней была уложена известняковая поилка или кормушка³⁰. Еще два конских захоронения найдены на поселении Эльтиген-Западное (некрополь античного городища Нимфей). Лошади были уложены головой на юго-восток, на правом боку с подогнутыми ногами. Датируют их детали уздечного набора – железное кольцо и удила³¹. Последнее известное нам погребение коня, уложенного головой на север, раскопано В.Н. Зинько в заполнении помещения 3 заброшенной античной усадьбы на Южно-Чурубашском поселении³².

Завершая краткий обзор культовых комплексов салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, можно упомянуть еще об одной спорной находке. На вымостке пола северного нефа христианского храма, раскопанного А.В. Гадло на поселении Пташкино, были обнаружены кости ноги лошади, сохранившиеся в полном анатомическом порядке. По мнению исследователя, при помощи такого языческого жертвоприношения его жители выразили свой пиетет к заброшенной на тот момент культовой постройке³³. Столь необычная интерпретация вызвала вполне оправданные возражения у С.Б. Сорочана³⁴. Однако, возможно, в какой-то степени был прав и А.В. Гадло. Напомним, что кости ноги лошади были найдены в анатомическом порядке, то есть, она была закопана, в противном случае ее наверняка разорвали бы собаки или дикие хищные животные. Тем более ее нельзя рассматривать как пищевые отходы, поскольку конечность в таком случае разрезали бы по суставам, и найдена она была бы в виде отдельных или раздробленных костей, как это обычно и встречается на салтовских поселениях. Иными словами, можно допустить, что, не имея отношения к храму, эта находка в действительности могла быть связана с каким-то ритуальным действием³⁵.

Таким образом, с учетом поселения Артезиан, на Керченском полуострове удалось выделить довольно многочисленную и разнообразную группу салтово-маяцких культовых комплексов. При этом, как уже упоминалось выше, памятники «хазарского» времени в этом регионе изучены еще очень слабо. Следует также отметить, что в Крыму, за пределами Керченского полуострова, такого рода комплексы еще не выделены, по крайней мере, ни один из них не опубликован. Близкие по характеру, хотя далеко не всегда бесспорно причисляемые к сакральным комплексам, объекты найдены на степных и лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры. Как и на Керченском полуострове, большая их часть может представлять собой ритуальные захоронения, анализ которых свидетельствует о

²⁹ Гайдукевич 1937, 229, рис. 8.

³⁰ Бутягин 2003, 64; Бутягин, Чистов 2004, 77; Бутягин, Виноградов 2006, 47.

³¹ Грач 1999, 38, 40, табл. 12.

³² Пономарев 2009, 512.

³³ Гадло 1980, 137, 143.

³⁴ Сорочан 2004, 414.

³⁵ В этом контексте вполне показательна группа неглубоких ям с частями туш лошадей, обнаруженная А.В. Гадло на территории плитово-грунтового могильника поселения Героевка-2. Исследователь рассматривал их как остатки поминальных трапез, «зарытых рядом с покойником» (Гадло 2004, 107).

том, что в связанных с ними обрядах основное внимание акцентировалось на приносимой жертве, в качестве которой были задействованы человеческие индивиды любых возрастных категорий и домашние животные – крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи и собаки.

Так, к примеру, на Маяцком селище № 2 В.К. Михеевым раскопана яма 53, в подбое которой было уложено четыре человеческих черепа. Здесь же были найдены керамические сосуды и многочисленные изделия из железа со следами нагара³⁶. На Маяцком поселении А.И. Милютиным исследована яма с черепом и позвонками человека, костями двенадцати коз и челюстями трех свиней³⁷. На полу одной из построек, раскопанной в цитадели Верхнесалтовского городища, найдены кисть левой руки человека и кости животных³⁸. У юго-западной стены Саркельского городища обнаружено погребение женщины с фрагментами скелетов двух собак в круглой яме³⁹. Еще в одной яме вокруг скелета женщины найдены кости коровы. Все скелеты – людей и животных – ритуально разрушены⁴⁰. На поселении Пятницкое-I в яме обнаружено ритуальное захоронение обезглавленного тела с раскинутыми руками и согнутыми в коленях ногами. Здесь же найдены еще три человеческих черепа, фрагмент нижней челюсти лошади и скелет небольшой собаки⁴¹.

Важнейшая роль в таких захоронениях, надо думать, отводилась человеческим жертвоприношениям, и прежде всего детям и подросткам, ритуальные действия с которыми считались наиболее благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами⁴². В некоторых случаях считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. При этом особое значение придавалось черепу (или голове), которые рассматривались как эквивалент – полноценный заместитель существа и средоточие жизни. Поэтому они наделялись мощной жизненной и сакральной силой или олицетворялись с духом и божеством⁴³. Представления об их особых сакральных функциях в различных эпохах и у многих народов едва ли не универсальны, а традиция захоронения головы отдельно от тела восходит к культурам эпохи мезолита и неолита⁴⁴. Многочисленные свидетельства распространения этого культа зафиксированы и в ритуальной практике салтово-маяцкого населения⁴⁵.

Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтовского населения занимали собаки, поскольку при жизни им доверялся целый ряд ответственных функций, в том числе по управлению и охране стада, а также охране жилища и человека⁴⁶. Об особом отношении к ним свидетельствуют и древние болгарские ис-

³⁶ Михеев 1985, 17, рис. 16, 5; Аксенов 2003, 66–67, рис. 1, 1.

³⁷ Милютин 1909, 158; Винников, Плетнева 1998, 109–110.

³⁸ Чернигова 2002, 255, рис. 1, 2.

³⁹ Артамонова 1963, 205–206, рис. 138; Плетнева 1996, 81, 83, рис. 22.

⁴⁰ Артамонова 1963, 185, 186, рис. 7; Плетнева 1996, 83.

⁴¹ Квитковский 2011а, 16, рис. 2; 2011б, 168–169, рис. 1; 2012, 26–28, рис. 2; 3.

⁴² Велецкая 1984, 81–84; Тульпе 1998, 53; Козлов 2013, 65–70; Бессонова 1992, 11–12.

⁴³ Раевский 2006, 409; Носенко 1990, 108–109; Антонова 1979, 17–18; Алекшин 1994, 175.

⁴⁴ Петрухин 2007, 4; Алекшин 1990, 38; Антонова 1990, 43–49; Медникова 2010, 98–99; Штернберг 1936, 303; Леви-Строс 1983, 167; Гуцал 2004, 36–39.

⁴⁵ Аксенов 2003, 67; Михеев 1990, 48.

⁴⁶ Плетнева 2004, 67; Михеев 1985, 28.

точники⁴⁷. В ритуальной практике многих древних народов собака выступала как сакральное животное и служила в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир⁴⁸. Одновременно у земледельческих народов образ собаки – охранительницы людей, имущества, полей и посевов рассматривался как составная часть культа плодородия, зерна и земли⁴⁹.

На салтово-маяцких поселениях ритуальные захоронения с собаками, иногда вместе с человеком или другими животными, устраивали в жилищах и около жилищ в хозяйственных и специально вырытых для этой цели ямах.

Хозяйственные ямы с захоронениями собак и лошадей найдены на поселении Пятницкое-I⁵⁰. На Маяцком поселении скелет собаки зачищен в одном из жилищ возле очага⁵¹. На Сухогомольшанском селище раскопано погребение собаки в круглой яме, а на Самбекском городище – совместное погребение собаки и свиньи, а также индивидуальные захоронения собак, причем у одной из них отсутствовали голова и нижние части лап⁵². Захоронения собак в ямах обнаружены также на некоторых других салтово-маяцких поселениях Северского Донца и предшествующих им по времени поселениях пеньковской культуры⁵³. На поселении у хут. Фоменко в Приазовье захоронение собаки найдено рядом с хозяйственной ямой⁵⁴. Еще несколько ям с захоронениями собак зафиксировано на поселении у г. Константиновск Ростовской области. В одной из них, помимо скелета щенка, находилась голова крупной птицы⁵⁵. На поселении Октябрьское I раскопана яма с полным скелетом собаки, между конечностями которой находились кости быка⁵⁶. На поселении у ст. Богоявленской найдено захоронение домашних животных в яме – коровы и собаки, которая челюстями плотно охватывала ее заднюю конечность. По мнению В.С. Флерова, имитированная в захоронении сцена представляет собой жертвоприношение, связанное со скотоводством⁵⁷.

Особенно много ритуальных комплексов с участием собаки раскопано на Саркельском городище. Четыре захоронения собак в круглых ямах обнаружены у его юго-западной крепостной стены. Одно из них подвергнуто ритуальному разрушению⁵⁸. В яме у рва Саркельской крепости обнаружена яма 13, в которой на слое золы зачищены кости коров, лошади и собаки⁵⁹. В другой, раскопанной на городище, яме было сожжено более 20 молодых овец, телята и собака, а в ямах четырех металлургических горнов оказались череп собаки, череп, фрагменты нижних челюстей и разрозненные кости ног коней⁶⁰.

⁴⁷ Бешевлиев 1930, 25; Рашев 2008, 305.

⁴⁸ Ашихмина 1996, 106–107; Крижевская 1990, 46; Жельвис 1984, 135; Щепанская 1993, 71–79.

⁴⁹ Рыбаков 1965, 27; 1981, 207; Чибиров 1983, 100; Высотская 2004, 65–66; Соколова 1972, 6.

⁵⁰ Квитковский 2011а, 15.

⁵¹ Михеев 1985, 28.

⁵² Михеев 1985, 28.

⁵³ Михеев, Приходнюк 1986, 77–78; Любичев 2001, 4–5, рис. 3, 1.

⁵⁴ Флеров 1971а, 102.

⁵⁵ Флеров 1995, 89.

⁵⁶ Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7.

⁵⁷ Флеров 1971б, 261–262, рис. 2.

⁵⁸ Плетнева 1996, 80–81, рис. 26, б; 31, а; Плетнева 2000, 95; 2004, 67–68; Артамонова 1963, 18–19, рис. 8.

⁵⁹ Плетнева 1996, 78, рис. 30, а.

⁶⁰ Плетнева 2004, 67; 1996, 75.

Помимо поселений, захоронения собак (или их частей), часто вместе с лошады, встречаются в катакомбных салтовских могильниках⁶¹.

В то же время не каждое захоронение собаки, видимо, являлось ритуальным. В тех случаях, когда в обычных или заброшенных и частично засыпанных хозяйственных ямах находился скелет только одной особи, такой комплекс вполне мог представлять собой обычное погребение животного, умершего от ран, болезни или старости. Однако, учитывая особый статус этих животных, к любому из них после смерти наверняка относились с должным пиететом.

Свои определенные сакральные функции в рассматриваемых комплексах имели и другие животные – кони, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, являвшиеся у многих земледельческих народов символом благополучия, плодородия и производящих сил природы⁶². Конь к тому же едва ли не повсеместно связывался с солярным и хтоническим культами⁶³.

Захоронения коней (или частей их туш) обнаружены в постройках и ямах на Саркельском и Дмитриевском городищах. По мнению С.А. Плетневой, они представляли собой «закладные» или «строительные» жертвы, принесенные при сооружении первых жилищ, или служили «оберегом»⁶⁴. Две хозяйственные ямы с ритуальным захоронением лошадей раскопаны на поселении Пятницкое-I⁶⁵. Захоронение практически целого скелета лошади, компактно уложенного в небольшой яме, исследовано на Маяцком поселении⁶⁶. Недалеко от входа в одно из святилищ Маяцкого поселения были обнаружены три свиных черепа, возможно, служившие его оберегами⁶⁷. Рядом со святилищами – постройками 21 и 45 обнаружены жертвенники, представлявшие собой небольшие ямы, в которых расчищены кости лошадей и коз⁶⁸. На полу жилой постройки 6 Маяцкого поселения найдены черепа и скелеты двух коз⁶⁹. На поселении Золотые Горки на Нижнем Дону раскопаны ямы с компактными скоплениями животных или частями их туш. В одной из них обнаружены кости быка, лошади и овцы, в другой – кости одной особи лошади. По мнению В.В. Ключникова, они сформировались в результате однократного ритуального действия, после чего ямы были засыпаны⁷⁰. На Мохначанском городище в жилище на глиняной жертвенной площадке обнаружены фрагменты челюсти коровы, челюсти свиньи и зубы лошади⁷¹. Известны подобные комплексы и на территории могильников. Так, в одной из ям, раскопанных на салтово-маяцком могильнике у с. Тихий Дон, обнаружено ритуальное захоронение частей туши теленка (череп, ребра, лопатки, отдельные кости конечностей). При этом уложены они были в анатомическом порядке. По мнению А.З. Винникова и В.Н. Ковалев-

⁶¹ Плетнева 1989, 206, 241, 243, рис. 112; Винников, Афанасьев 1991, 71; Плетнева 2004, 67; Михеев 1985, 28.

⁶² Чибиров 1983, 97; Воронина 1975, 285.

⁶³ Рашев 2008, 305; Беленицкий 1978, 32–33; Ковалевская 1978, 119.

⁶⁴ Плетнева 1996, 38, рис. 14, б, Плетнева 1989, 53, рис. 23, 3, 4; Винников, Плетнева 1998, 112–114, рис. 42, Г, Д; Плетнева 2004, 67.

⁶⁵ Квитковский 2011а, 15.

⁶⁶ Винников, Афанасьев 1991, 104; Винников, Плетнева 1998, 113–114, рис. 42.

⁶⁷ Винников, Афанасьев 1991, 120; Винников, Плетнева 1998, 88, 206; Матолчи 1984, 255–258.

⁶⁸ Винников, Афанасьев 1991, 122–123, 129–130; Винников, Плетнева 1998, 88–89, 94.

⁶⁹ Винников, Плетнева 1998, 50.

⁷⁰ Ключников 2009, 244–246, рис. 4, 1, 2; 5, 2.

⁷¹ Колода 2001, 129.

ского, этот своеобразный жертвенник призван был маркировать границу могильника⁷².

Большая часть открытых на салтово-маяцких поселениях культовых комплексов являлись объектами «временного пользования», поскольку после совершения ритуала они более не использовались и, по-видимому, как правило, сразу же засыпались. Связаны они были с различными обрядами и верованиями – жертвоприношениями земле, земледельческими и скотоводческими культами плодородия, «стремлением обезопасить себя от злых сил потустороннего мира», желанием задобрить и побудить «к сотрудничеству» божеств и предков⁷³. Животные в таких ритуалах обычно выступали в качестве жертв-даров, которые приносились божеству или божествам с надеждой получить хороший урожай, приплод скота, отвести беду, стихийные бедствия, болезни или в благодарность за уже «полученные» блага⁷⁴. Таким образом, жертвы, в зависимости от ситуации, приносились с различными целями, отсюда во многом и разнообразие самих комплексов и жертвенных животных. Иногда для достижения какой-то сакральной цели жертва животного казалась недостаточной. В этом случае вместе с ним умерщвляли человека, при этом не только взрослых индивидов, но и подростков, детей, наделявших, видимо, особыми сакральными возможностями.

Сформировавшиеся в процессе одного ритуального акта объекты обнаружены и на городище Артезиан. В силу особенностей расположения они были объединены в два культовых комплекса, находившихся недалеко друг от друга в центральной части поселения. Включенные в их состав культовые объекты по большей части представляли собой ритуальные захоронения, которые были совершены в заброшенном античном колодце, сооружении, напоминающем колодец, ямах и расположенных рядом с ними котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В двух из них принесена совместная жертва людей и собак, в двух других – человека и быка, еще в одном комплексе – человека и лошади. И только в одном случае ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству была принесена корова или теленок. Иными словами, помимо человека, в жертву приносились едва ли не все домашние животные – собаки, лошади и крупный рогатый скот⁷⁵. Основными составляющими такого действия являлись их убийство (зачастую с расчленением) и только затем уже дарение в качестве умиловительной жертвы, жертвы, побуждающей внимание богов, жертвы как доли божества и предков или благодарственной жертвы. Возможно,

⁷² Винников, Ковалевский 2007, 54–55

Использовались домашние животные и в погребально-поминальной практике, в том числе и в качестве сопроводительной пищи (Сарапулкин 2006, 202, рис. 3, 1; Плетнева 2000, 76; Красильников 1991, 66, 74; Афанасьев 1993, 86, табл. 29; Савченко 1986, 75). Совершенно иной сакральный смысл закладывался в захоронения коней, совершенные в погребальных комплексах или в индивидуальных ямах на территории могильников. Одновременно, как и другие животные, они могли предназначаться для поминальной трапезы или сопровождать погребенного человека в качестве жертвенной пищи, но в этом случае их туша расчленялась (Аксенов 1995, 10–12; 1998, 4–9; Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, 123–127; Баранов 1989, 73; Пономарев 2011, 291; ср.: Нестеров 1990, 10–12).

⁷³ Русанова, Тимошук 2007, 39

⁷⁴ Дмитриева 2000, 13.

⁷⁵ Не удалось пока зафиксировать следы ритуальных действий, в которых были бы использованы свиньи и мелкий рогатый скот, но это, надо думать, вопрос времени, в чем убеждает ритуальное захоронение с черепом овцы, открытое на городище Тиритака (Зинько, Пономарев 2009, 25).

также жертва могла исполнять роль посредника, посланника или сопровождающего, в том числе и транспортного средства в потусторонний мир⁷⁶.

К сожалению, для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект и кем являлся его адресат, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры очень слабо отражены в письменных источниках⁷⁷. Впрочем, это вряд ли были строительные жертвы и обереги, поскольку ни один из культовых объектов не был напрямую связан с расположенными поблизости жилыми и хозяйственными постройками и тем более расположен в них. Скорее всего, большая часть из них исполняла некие связующие функции между данным человеческим коллективом и окружающим его миром (природой) и в первую очередь могла быть связана с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселения не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

При этом важно отметить, что в отличие от ярких свидетельств языческих культов, не удалось пока обнаружить каких-либо материальных следов распространения среди жителей поселения христианской идеологии⁷⁸. Не найден рядом с поселением и христианский плитовый могильник, обычный для многих других салтово-маяцких поселений Керченского полуострова⁷⁹. В то же время на его территории были совершены одиночные ритуальные захоронения подростка, мужчины и женщин. Вряд ли тех, кто их совершил, собственно как и самих погребенных, можно назвать адептами христианской идеологии. По-видимому, ее приверженцев среди жителей поселения было немного, или же новое вероучение воспринималось ими поэтапно, органично переплетаясь с прежними обычаями⁸⁰. Не исключена также вероятность, что отдельных элементов христианских обрядов они придерживались формально, поэтому изменения в их мировоззрении носили не только частичный, но и показной характер⁸¹. Можно также предположить, что, несмотря на длительные и тесные контакты с «провинциальным византийским миром», прежде всего городским, имеющим глубокие христианские корни населением г. Боспора, какая-то часть жителей салтово-маяцких поселений Керченского полуострова до конца продолжала придерживаться традиционных для них культов и верований, при этом толерантно сосуществовала с соплемен-

⁷⁶ Дмитриева 2000, 12.

⁷⁷ Баранов, Майко 2001, 98.

⁷⁸ Исключение составляет только одна находка – железный votивный крест длиной около 8 см, найденный в заполнении котлована одного из перекопов на раскопе II (рис. 13, 14). К сожалению, этот комплекс не имеет надежной даты. К тому же кресту не удалось подобрать близких аналогий, поэтому хронологические рамки для него варьируются пока в пределах всего раннего средневековья.

⁷⁹ Майко, Пономарев 2013, 290–292.

⁸⁰ ср.: Сорочан 2001, 331, 333; Корольюк 1981, 85–86; Сорочан 2014, 246–250. По мнению С.Б. Сорочана, в VIII–IX вв. епископские кафедры Боспора и Херсона находились не в лучшем состоянии и не могли осуществить «достойную миссионерскую деятельность в среде языческого и полужазыческого населения полуострова» (Сорочан 2001, 331; 2002, 124). В таком же ключе позиции христианской церкви рассматриваются В.В. Майко по отношению к салтовскому населению юго-восточного Крыма, в частности, к жителям городища Тепсень, которые стали массово принимать христианство только с середины IX в. (Майко 2003, 64; 2004, 278).

⁸¹ Баранов 1999, 7.

никами, принявшими христианство. Таким образом, есть все основания полагать, что длительный и сложный процесс христианизации салтово-маяцкого населения Крыма, по-видимому, так и не успел вступить в свою завершающую фазу, когда оно было вынуждено покинуть полуостров⁸². Впрочем, ввиду практически полного отсутствия письменных свидетельств, освещающих этот непростой и дискуссионный вопрос, ответ на него если и будет получен в перспективе, то только в процессе дальнейших археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов, В.С. 1995: Захоронения с конем у населения северо-западной Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногоровского могильников). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: тезисы докл. междунар. науч. археологич. конф. 14–17 ноября 1995 г.* Самара, 10–12.
- Аксенов, В.С. 1998: Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры. *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії* 3. Харків, 4–9.
- Аксенов, В.С. 2002: Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. *РА* 3, 98–114.
- Аксенов, В.С. 2003: К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища. *Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції до 100-річчя Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р.* Харків, 64–67.
- Аксенов, В.С., Крыганов, А.В., Михеев, В.К. 1996: Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногоровского могильника). В сб.: И. Эрдели (ред.), *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев, 116–129.
- Албегова, З.Х., Гусаков, М.Г. 2001: Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред.), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок ИА РАН*. М., 122–131.
- Алекшин, В.А. 1990: Археологические свидетельства о культе черепа в культурах каменного века Евразии. *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: тезисы докл. конф.* Л., 38–39.
- Алекшин, В.А. 1994: Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев юго-западной Азии. *Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии* 3. СПб., 59–78.
- Антонова, Е.В. 1979: О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии. В сб.: В.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.), *Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье*. М., 12–35.
- Антонова, Е.В. 1990: *Обряды и верования первобытных земледельцев востока*. М.
- Артамонова, О.А. 1963: Могильник Саркела – Белой Вежи (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. III). *МИА* 109, 9–215.
- Афанасьев, Г.Е. 1993: *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. М.
- Ашихмина, Л.И. 1996: Собака в ритуалах древнего населения Вычегодского края (опыт реконструкции). *Животные и растения в мифоритуальных системах: материалы науч. конф.* СПб., 106–107.

⁸² Пономарев 2002, 147; 2004, 460; Зинько, Пономарев 2009, 81; Пономарев 2011, 291–292; 2012–2013б, 171.

- Баранов, И.А. 1990: Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв.). В сб.: А.Х. Халиков (ред.), *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань, 72–100.
- Баранов, И.А. 1999: Миссия Константина Философа в Крым и Хазарию. *Пилигримы Крыма. Осень-98: материалы междунар. науч. конф.* Симферополь, 4–8.
- Баранов, И.А., Майко, В.В. 2001: Тюркское святилище Сугдеи. *РА* 3, 98–110.
- Беленицкий, А.М. 1978: Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье. *КСИА* 154, 31–39.
- Белинский, И.В., Кулаков, А.А. 2013: Средневековый слой поселения Октябрьское I. В сб.: А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности: сб. науч. ст.* Аксай, 140–162.
- Бессонова, С.С. 1992: Жертвоприношения подростков в скифских курганах. *Киммерийцы и скифы: тезисы докл. междунар. науч. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина*. Мелитополь, 11–12.
- Бешевлиев, В. 1930: Религията на прабългарите. *Българска историческа библиотека* 2. София, 29–60.
- Бутягин, А.М. 2003: Работы Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.* Київ, 61–65.
- Бутягин, А.М., Чистов, Д.Е. 2004: Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* Київ, 77–78.
- Бутягин, А.М., Виноградов, Ю.А. 2006: История и археология древнего Мирмекия. В кн.: *Мирмекий в свете новых археологических исследований*. СПб., 4–51.
- Веймарн, Е.В., Айбабин, А.И. 1993: *Скалистинский могильник*. Киев.
- Велецкая, Н.Н. 1984: Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры (к вопросу о генезисе и трансформации атрибутов в славяно-балканских ритуальных действиях). В сб.: И.П. Русанова (ред.), *Культура и искусство средневекового города*. М., 76–90.
- Винников, А.З., Афанасьев, Г.Е. 1991: *Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)*. Воронеж.
- Винников, А.З., Ковалевский, В.Н. 2007: Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области. *ХА* 6, 51–64.
- Винников, А.З., Плетнева, С.А. 1998: *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж.
- Винокуров, Н.И. 1998: *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. М.
- Винокуров, Н.И. 2002: Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья). *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф.* Ч. 1. СПб., 189–194.
- Винокуров, Н.И. 2004: Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье). *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии* 3. М., 55–87.
- Винокуров, Н.И. 2007: Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор*. Москва–Киев–Запорожье, 351–401.
- Винокуров, Н.И. 2011: Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан).

- Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения XII*. Керчь, 55–67.
- Винокуров, Н.И. 2014: Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). *БИ. Supplementum* 12. Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015а: Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров). *LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы*. Харьков, 18–22.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015б: Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *Таврические студии. Исторические науки* 7. Симферополь, 46–53.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015в: О хронологии и периодизации городища Артезиан в эпоху средневековья (ранневизантийский период). *ПИФК* 3 (49), 195–208.
- Воронина, Р.Ф. 1975: О некоторых чертах верований среднедвинской мордвы VIII–XI вв. *СА* 1, 281–286.
- Высотская, Т.Н. 2004: Аграрный культ у поздних скифов. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму XI*. Запоріжжя, 60–64.
- Гадло, А.В. 1980: К истории восточной Таврики VIII–X вв. *Античные традиции и византийские реалии. АДСВ* 17, 130–145.
- Гадло, А.В. 2004: *Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе*. СПб.
- Гайдукевич, В.Ф. 1937: Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (По раскопкам 1932–1936 гг.). *ВДИ* 1, 216–239.
- Гайдукевич, В.Ф. 1987: *Античные города Боспора*. Мирмекий. Л.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Гуцал, В.А. 2004: Бернашівський могильник та культ голови у первісному суспільстві. *Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Історичні науки* 12. Кам'янець-Подільський, 34–42.
- Дмитриева, Т.Н. 2000: Жертвоприношение: поиски истоков. В сб.: Л.И. Акимова, А.Г. Кифишин (ред.), *Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / ЕРМНЕГ'А 2/*. М., 11–22.
- Жельвис, В.Н. 1984: Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях). *СЭ* 3, 135–143.
- Зинько, В.Н. 1994: Охранные археологические исследования в г. Керчи. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму 1993 год*. Симферополь, 124–129.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген. *БИ X*, 236–268.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2008: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. В сб.: Г.Е. Афанасьев (ред.), *Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина*. М., 420–440.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2009: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum* 5. Симферополь–Керчь.
- Квитковский, В.И. 2011а: Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования). *Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині* 1. Харків, 14–20.
- Квитковский, В.И. 2011б: Исследования на многослойном селище Пятницкое I. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *Археологічні дослідження в Україні 2010 р.* Київ–Полтава, 168–169.
- Квитковский, В.И. 2012: Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I. *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження* 2. Харків, 26–29.
- Ключников, В.В. 2009: Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.Н. Коваленко (ред.),

- Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: сб. ст. по материалам XII Междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 241–255.
- Ковалевская, В.Б. 1978: Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа. В сб.: В.И. Козенкова (ред.), *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 111–120.
- Козлов, М.М. 2013: Жертвоприношення дітей у східних слов'ян домонгольської епохи. *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Сер.: Історичні науки* 3.35, 65–70.
- Колода, В.В. 2001: Работы на Мохначанском городище в 2000 г. В сб.: Д.Н. Козак, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* Київ, 129–131.
- Колода, В.В. 2011: К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач). *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник* 10. Харьков, 261–272.
- Колода, В.В. 2012–2013: Жилище с парным захоронением на городище Мохнач. *ХА* 11, 106–115.
- Королюк, В.Д. (ред.) 1981: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Красильников, К.И. 1991: Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце. *Проблеми на прабългарската история и култура* 2. София, 62–81.
- Крижевская, Л.Я. 1990: Погребения животных как форма проявления первобытных верований. *Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»: тезисы докл.* Л., 44–46.
- Леви-Строс, К. 1983: *Структурная антропология*. М.
- Любичев, М.В. 2001: Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья. *Вісник Харківського Національного університету ім. В. Н. Каразіна* № 526. Серія «Історія». Вип. 33. Харків, 4–14.
- Майко, В.В. 2003: К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. В сб.: Ю.А. Бабинов (ред.), *Восток–Запад: межконфессиональный диалог: сб. науч. тр.* Севастополь, 2003, 60–66.
- Майко, В.В. 2004: *Средневековое городище Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев.
- Майко, В.В., Пономарев, Л.Ю. 2013: Салтово-маяцкие могильники как источник по христианизации Восточного Крыма «хазарского времени». *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения XIV*. Керчь, 290–295.
- Марти, Ю.Ю. 1941: Разведочные работы вне городских стен Тиритаки. *МИА* 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса), 25–36.
- Матолчи, Я. 1984: Кости животных с городища, селища и могильника (1978–1979 гг.). В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 237–260.
- Медникова, М.Б. 2010: Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии. *КСИА* 224, 98–106.
- Милютин, А.И. 1909: Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. *ИАК* 29, 153–163.
- Михеев, В.К. 1985: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков.
- Михеев, В.К. 1990: Погребальный обряд Красногоровского могильника салтово-маяцкой культуры. В сб.: А.Х. Халиков (ред.), *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань, 1990, 45–52.
- Михеев, В.К., Приходнюк, О.М. 1986: Пенківське поселення на Сіверському Дінці. *Археологія* 54, 75–82.
- Могаричев, Ю.М. 2005: О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. *Сугдейский сборник II*. Киев–Судак, 237–247.

- Науменко, В.Е. 2009а: Амфоры. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. БИ. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 35–50.
- Науменко, В.Е. 2009б: Столовая керамика. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. БИ. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 60–64.
- Нессель, В.А. 2006: Керамический комплекс. В кн.: А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина (ред.), *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Херсонесский сборник. Supplement I*. Севастополь, 95–140.
- Нестеров, С.П. 1990: *Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск.
- Нидзельницкая, Л.Ю., Кулаков, А.А. 2013: Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности: сб. науч. ст.* Аксай, 7–49.
- Носенко, Е.З. 1990: Представления кельтов о загробном мире. *ВДИ* 3, 101–112.
- Пархомченко, О.В. 1985: Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое. В сб.: П.П. Толочко (ред.), *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология)*. Киев, 84–94.
- Петрухин, В. 2007: Болгарские амулеты в виде конников: Евразийский контекст. *Проблемы на изкуството* 3. София, 3–6.
- Плетнева, С.А. 1959: Керамика Саркела – Белой Вежи. *МИА* 75 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции II), 212–272.
- Плетнева, С.А. 1967: От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. *МИА* 142.
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс. М.*
- Плетнева, С.А. 1996: *Саркел и «шелковый» путь*. Воронеж.
- Плетнева, С.А. 2000: *Очерки хазарской археологии*. М.–Иерусалим.
- Плетнева, С.А. 2004: Экологичные привычки жителей Хазарского каганата. *Природа* 9 (1069). М., 64–68.
- Плетнева, С.А., Красильников, К.И. 1990: Гончарные мастерские Маяцкого комплекса. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 92–139.
- Пономарев, Л.Ю. 2001: Салтовский ритуальный комплекс в окрестностях Тиритаки. *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению: тезисы докл. и сообщ.* Севастополь, 30–31.
- Пономарев, Л.Ю. 2002: Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова. *БИ* II, 145–158.
- Пономарев, Л.Ю. 2003: Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. *БИ* III, 264–282.
- Пономарев, Л.Ю. 2004: Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. *БИ* V, 445–475.
- Пономарев, Л.Ю. 2008: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г.* П. М., 268–270.
- Пономарев, Л.Ю. 2009: К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова. *БИ* XXI, 490–520.
- Пономарев, Л.Ю. 2011: Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения XII*. Керчь, 287–295.
- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013а: Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (предварительный обзор). *ХА* 11, 182–203.

- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013б: О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова. *ХА* 11, 153–181.
- Пономарев, Л.Ю. 2014: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). *ХА* 12, 135–159.
- Пономарев, Д.Ю. 2009: Анализ фрагментов костей из ямы № 17. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. БИ. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 2009, 92.
- Раевский, Д.С. 2006: Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. В кн.: Д.С. Раевский, *Мир скифской культуры*. М., 265–574.
- Рашев, Р. 2008: *Българската езическа култура VII–IX век*. София.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 2007: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1965: Космогония и мифология земледельцев энеолита. *СА* 2, 13–33.
- Рыбаков, Б.А. 1981: *Язычество древних славян*. М.
- Рыжов, С.Г., Седикова, Л.В. 1999: Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. *ХСб* X, 312–329.
- Савченко, Е.И. 1986: Крымский могильник. В сб.: И.С. Каменецкий (ред.), *Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции. Вып. 1)*. М., 70–101.
- Сарапулкин, В.А. 2006: Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение). *Археологические памятники Восточной Европы* 12. Воронеж, 195–204.
- Смирнов, Ю.А. 1997: *Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь*. М.
- Соколова, З.П. 1972: *Культ животных в религиях*. М.
- Сорочан, С.Б. 2001: О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. *БИАС* 2, 328–336.
- Сорочан, С.Б. 2002: О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *Церковная археология Южной Руси: сб. материалов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.)*. Симферополь, 121–128.
- Сорочан, С.Б. 2004а: Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики. *ХА* 3, 117–159.
- Сорочан, С.Б. 2004б: *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)*. Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков.
- Сорочан, С.Б. 2014: «Народ фульский»: язычники или христиане? *Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции*. М., 246–250.
- Тульпе, И.А. 1998: Некрополь для детей (по материалам раскопок некрополя Илурата и Китея в 1968–1998 гг.). *Боспорское царство как историко-культурный феномен: материалы конф.* СПб., 46–53.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 1994: Жернова на некрополе. *Вещь в контексте культуры: материалы науч. конф.* СПб., 108–109.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 2011: Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато. *Боспорский феномен: Население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.)*. СПб., 228–236.
- Флеров, В.С. 1971а: Памятники неолита и средневековья в Приазовье. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *АО 1970 года*. М., 102.
- Флеров, В.С. 1971б: Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской. *СА* 2, 258–265.

- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. Вып 1)*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 1995: Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в хазарском каганате). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: тезисы докл. науч. конф.* М., 88–91.
- Флеров, В.С. 2005: Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. *Степи Европы в эпоху средневековья 4. Хазарское время.* Донецк, 383–405.
- Флеров, В.С. 2007: *Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. (Труды Клин-Ярской экспедиции III)*. М.
- Флерова, В.Е. 1996: Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий). В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 277–332.
- Чернигова, Н.В. 2002: Исследование Верхнесалтовского городища. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.* Київ, 254–256.
- Чибиров, Л.А. 1983: Аграрные истоки культа животных у осетин. *СЭ* 1, 94–102.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове.* М.
- Штернберг, Л.Я. 1936: Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Щепанская, Т.Б. 1993: Собака – проводник на грани миров. *ЭО* 1, 71–79.

REFERENCES

- Afanas'ev, G.E. 1993: *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona.* Moscow.
- Aksenov, V.S. 1995: Zahoroneniya s konem u naselenia severo-zapadnoy Hazarii (po materialam Netaylovskogo i Krasnogorovskogo mogil'nikov). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n.e.: tezisy dokl. mezhdunar. nauch. arheologich. konf. 14–17 noyabrya 1995 g.* Samara, 10–12.
- Aksenov, V.S. 1998: Zahoroneniya koney v pogrebal'nyh obychayah naseleniya saltovskoy kul'tury. *Aktual'ni problemy vitchiznjanoi'ta vsesvitn'oi'istorii* 3. Harkiv, 4–9.
- Aksenov, V.S. 2002: Obryad obezvezhivaniya pogrebennykh v Verhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnykh mogil'nikakh saltovo-mayatskoy kul'tury. *Rossiyskaya arheologiya* 3, 98–114.
- Aksenov, V.S. 2003: K voprosu interpretatsii nekotorykh kompleksov Mayatskogo selishcha. *Problemy istorii ta arheologii Ukrainy: zb. materialiv mizhnar. naukovoi' konf. do 100-richchja Arheologichnogo z'i'zdu v m. Harkovi 25–26 zhovtnya 2002 r.* Harkiv, 64–67.
- Aksenov, V.S., Kryganov, A.V., Miheev, V.K. 1996: Obryad pogrebeniya s konem u naseleniya saltovskoy kul'tury (po materialam Krasnogorskogo mogil'nika). In: I. Erdeli (ed.), *Materialy I tys. n.e. po arheologii i istorii Ukrainy i Vengrii.* Kiev, 116–129.
- Albegova, Z.H., Gusakov, M.G. 2001: Kul'tovoe naznachenie postroyki 21 Mayatskogo selishcha. In: N.V. Malinovskaya (ed.), *Praktika i teoriya arheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela ohrannykh raskopok IA RAN.* Moscow, 122–131.
- Alekshin, V.A. 1990: Arheologicheskie svidetel'stva o kul'te cherepa v kul'turakh kamennogo veka Evrazii. *Rekonstruktsiya drevnih verovaniy: istochniki, metod, tsel': tezisy dokl. konf.* Leningrad, 38–39.
- Alekshin, V.A. 1994: Cherepa lyudey v obryadah neoliticheskikh zemledel'tsev yugo-zapadnoy Azii. *Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva. Problemy arheologii* 3. Saint-Petersburg, 59–78.

- Antonova, E.V. 1979: O haraktere religioznykh predstavleniy neoliticheskikh obitateley Anatolii. In: V.G. Gafurov, B.A. Litvinskiy (ed.), *Kul'tura i iskusstvo narodov Sredney Azii v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 12–35.
- Antonova, E.V. 1990: *Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev vostoka*. Moscow.
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi (Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii. III). *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 109, 9–215.
- Ashihmina, L.I. 1996: Sobaka v ritualah drevnego naseleniya Vyhegodskogo kraia (opyt rekonstruktsii). *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nykh sistemah: materialy nauch. konf.* Saint-Petersburg, 106–107.
- Baranov, I.A. 1990: Naselenie Krymskoy Hazarii (po materialam gruntovykh mogil'nikov VII–X vv.). In: A.H. Halikov (ed.), *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope*. Kazan', 1990, 72–100.
- Baranov, I.A. 1999: Missiya Konstantina Filosofa v Krym i Hazariyu. *Piligrimy Kryma. Osen' 98: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Simferopol', 4–8.
- Baranov, I.A., Mayko, V.V. 2001: Tyurkskoe svyatilishche Sugdei. *Rossiyskaya arheologiya* 3, 98–110.
- Belenitskiy, A.M. 1978: Kon' v kul'tah i ideologicheskikh predstavleniyah narodov Sredney Azii i Evraziyskikh stepey v drevnosti i rannem srednevekov'e. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 154, 31–39.
- Belinskiy, I.V., Kulakov, A.A. 2013: Srednevekovyy sloz poseleniya Oktyabr'skoe I. In: A.A. Kulakov (ed.), *Hazarskie drevnosti: sb. nauch. st.* Aksay, 140–162.
- Beshevliev, V. 1930: Religiyata na prab'lgarite. *B'lgarska istoricheska biblioteka* 2. Sofiya, 29–60.
- Bessonova, S.S. 1992: Zhertvoprinosheniya podrostkov v skifskikh kurganah. *Kimmeriytsy i skify: tezisy dokl. mezhd. nauch. konf., posvyashchennoy pamyati A.I. Terenozhkina*. Melitopol', 11–12.
- Butyagin, A.M. 2003: Raboty Mirmekiyskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. In: N.O. Gavriluk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2001–2002 rr.* Kii'v, 61–65.
- Butyagin, A.M., Chistov, D.E. 2004: Raboty Mirmekiyskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2003 g. In: N.O. Gavriluk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2002–2003 rr.* Kii'v, 77–78.
- Butyagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2006: Istoriya i arheologiya drevnego Mirmekiya. In: *Mirmekiy v svete novykh arheologicheskikh issledovaniy*. Saint-Petersburg, 4–51.
- Chernigova, N.V. 2002: Issledovanie Verhnesaltovskogo gorodishcha. In: N.O. Gavriluk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2000–2001 rr.* Kii'v, 254–256.
- Chhaidze, V.N. 2008: *Tamatarha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow.
- Chibirov, L.A. 1983: Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. *Sovetskaya jetnografiya* 1, 94–102.
- Dmitrieva, T.N. 2000: Zhertvoprinoshenie: poiski istokov. In: L.I. Akimova, A.G. Kifishin (ed.), *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dney /'ERMNEI'A 2/*. Moscow, 11–22.
- Flerov, V.S. 1971a: Pamyatniki neolita i srednevekov'ya v Priazov'e. In: B.A. Rybakov (ed.), *AO 1970 goda*. Moscow, 102.
- Flerov, V.S. 1971b: Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoyavlenskoy. *Sovetskaya arheologiya* 2, 258–265.
- Flerov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Hazarskogo kaganata (Materialy i problemnye issledovaniya po drevney i srednevekovoy arheologii yuga Vostochnoy Evropy. Vyp 1)*. Volgograd.

- Flerov, V.S. 1995: Obshchinnoe hranilishche (k probleme sotsial'nyh vzaimootnosheniy v hazarskom kaganate). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n.e.: tezisy dokl. nauch. konf.* Moscow, 88–91.
- Flerov, V.S. 2005: Obryad obezvrezhivaniya pogrebennyh Hazarii na fone Vostochnoy Evropy v I tys. n.e. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya* 4. Hazarskoe vremya. Donetsk, 383–405.
- Flerov, V.S. 2007: *Postpogrebal'nye obryady Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoy Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. (Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii III)*. Moscow.
- Flerova, V.E. 1996: Domashnie promysly v Sarkele – Beloy Vezhe (po materialam kollektzii kostyanyh izdeliy). In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* Samara, 277–332.
- Gadlo, A.V. 1980: K istorii vostochnoy Tavriki VIII–X vv. *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii. Antichnaya drevnost' i srednie veka* 17, 130–145.
- Gadlo, A.V. 2004: *Predystoriya Priazovskoy Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze*. Saint-Petersburg.
- Gaydukevich, V.F. 1937: Bosporskie goroda Tiritaka i Mirmekiy na Kerchenskom poluostrove (Po raskopkam 1932–1936 gg.). *Vestnik drevney istorii* 1, 216–239.
- Gaydukevich, V.F. 1987: *Antichnye goroda Bospora. Mirmekiy*. Leningrad.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeya*. Saint-Petersburg.
- Gutsal, V.A. 2004: Bernashivs'kij mogil'nik ta kul't golovy u pervisnomu suspil'stvi. *Naukovi pratsi Kam'janets'-Podil's'kogo derzhavnogo universitetu: Istorichni nauki* 12. Kam'janets'-Podil's'kij, 34–42.
- Klyuchnikov, V.V. 2009: Osobennosti stroitel'no-hozyaystvennykh kompleksov gorodishcha Zoloty Gorki na Nizhnem Donu. In: V.V. Klyuchnikov, A.N. Kovalenko (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i hazarskoe vremya: sb. st. po materialam XII Mezhdunar. nauch. konf.* Rostov-on-Don, 241–255.
- Koloda, V.V. 2001: Raboty na Mohnachanskom gorodishche v 2000 g. In: D.N. Kozak, N.A. Gavrilyuk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukrai'ni 1999–2000 rr: Kii'v*, 129–131.
- Koloda, V.V. 2011: K voprosu o pogrebeniyah na poseleniyah (na primere bogatogo zhenskogo zahoroneniya na gorodishche Mohnach). *Drevnosti, 2011: Har'kovskiy istoriko-arheologicheskij ezhegodnik* 10. Kharkiv, 261–272.
- Koloda, V.V. 2012–2013: Zhilishche s parnym zahoroneniem na gorodishche Mohnach. *Nauchnyj arhiv* 11, 106–115.
- Korolyuk, V.D. (ed.) 1981: *Skazaniya o nachale slavyanskoy pis'mennosti*. Moscow.
- Kovalevskaya, V.B. 1978: Izobrazhenie konya i vsadnika na srednevekovykh amuletah Severnogo Kavkaza. In: V.I. Kozenkova (ed.), *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy*. Moscow, 111–120.
- Kozlov, M.M. 2013: Zhertvoprinosheniya ditei' u shidnih slov'jan domongol'skoi' epohi. *Naukovyy visnyk Mykolai'vs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.O. Suhomlins'kogo*. Ser.: Istorichni nauki 3.35, 65–70.
- Krasil'nikov, K.I. 1991: Mogil'nik drevnih bolgar u s. Zheltoe na Severskom Dontse. *Problemy na prab'lgarskata istoriya i kul'tura* 2. Sofiya, 62–81.
- Krizhevskaya, L.Ya. 1990: Pogrebeniya zhivotnykh kak forma proyavleniya pervobytnykh verovaniy. *Konferentsiya «Rekonstruktsiya drevnih verovaniy: istochniki, metod, tsel'»: tezisy dokl.* Leningrad, 44–46.
- Kvitkovskiy, V.I. 2011a: Selishche saltovo-mayatskoy kul'tury Pyatnitskoe-I (osnovnye etapy issledovaniya). *Saltovo-majats'ka arheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchenja na Har'kivshchini* 1. Kharkiv, 14–20.
- Kvitkovskiy, V.I. 2011b: Issledovaniya na mnogoslownom selishche Pyatnitskoe I. In: D.N. Kozak (ed.), *Arheologichni doslidzhennja v Ukrai'ni 2010 r. Kii'v–Poltava*, 168–169.

- Kvitkovskiy, V.I. 2012: Zahoronenie v krugloy yame na selishche Pyatnitskoe-I. *Saltovo-majats'ka arheologichna kul'tura: problemy ta doslidzhennja* 2. Kharkiv, 26–29.
- Levi-Stros, K. 1983: *Strukturnaya antropologiya*. Moscow.
- Lyubichev, M.V. 2001: Ob odnoy gruppe sakral'nyh pamyatnikov poseleniy verhnego techeniya Severskogo Dontsa rannego srednevekov'ya. *Visnyk Harkivs'kogo Natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina* № 526. Seriya «Istorija». Vyp. 33. Kharkiv, 4–14.
- Marti, Yu.Yu. 1941: Razvedochnye raboty vne gorodskih sten Tiritaki. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 4 (Arheologicheskie pamyatniki Bospora i Hersonesa), 25–36.
- Matolchi, Ya. 1984: Kosti zhivotnyh s gorodishcha, selishcha i mogil'nika (1978–1979 gg.). In: S.A. Pletneva (ed.), *Mayatskoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgarsko-Vengerskoy ekspeditsii*. Moscow, 237–260.
- Mayko, V.V. 2003: K voprosu o lokalizatsii nekropoley Tepsen'skogo gorodishcha. In: Iu.A. Babinov (ed.), *Vostok–Zapad: mezhkonfessional'nyy dialog: sb. nauch. tr.* Sevastopol', 2003, 60–66.
- Mayko, V.V. 2004: *Srednevekovoe gorodishche Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu*. Kiev.
- Mayko, V.V., Ponomarev, L.Yu. 2013: Saltovo-mayatskie mogil'niki kak istochnik po hristianizatsii Vostochnogo Kryma «hazarskogo vremeni». *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii. Bospor-skie chteniya XIV*. Kerch', 290–295.
- Mednikova, M.B. 2010: Obrashchenie s golovoy umershego: pogrebal'naya praktika drevnosti po dannym paleoantropologii. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii RAN* 224, 98–106.
- Miheev, V.K. 1985: *Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata*. Kharkiv.
- Miheev, V.K. 1990: Pogrebal'nyy obryad Krasnogorovskogo mogil'nika saltovo-mayatskoy kul'tury. In: A.H. Halikov (ed.), *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope*. Kazan', 1990, 45–52.
- Miheev, V.K., Prihodnyuk, O.M. 1986: Penkivs'ke poselenja na Sivers'komu Dintsi. *Arheologiya* 54, 75–82.
- Milyutin, A.I. 1909: Raskopki 1906 g. na Mayatskom gorodishche. *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoy komissii* 29, 153–163.
- Mogarichev, Yu.M. 2005: O nekotoryh voprosah istorii Vostochnogo Kryma VIII–IX vv. *Sugdeyskiy sbornik II*. Kiev–Sudak, 237–247.
- Naumenko, V.E. 2009a: Amfory. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch', 35–50.
- Naumenko, V.E. 2009b: Stolovaya keramika. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch', 60–64.
- Nessel', V.A. 2006: Keramicheskii kompleks. In: A.B. Bernatski, E.Yu. Klenina (ed.), *Topografiya Hersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.). Hersenesskiy sbornik. Supplement I*. Sevastopol', 95–140.
- Nesterov, S.P. 1990: *Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Tsentral'noy Azii v epohu srednevekov'ya*. Novosibirsk.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Kulakov, A.A. 2013: Rannesrednevekovoe poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu. In: V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (ed.), *Hazarskie drevnosti: sb. nauch. st.* Aksay, 7–49.
- Nosenko, E.Z. 1990: Predstavleniya kel'tov o zagrobnom mire. *Vestnik drevney istorii* 3, 101–112.
- Parhomenko, O.V. 1985: Poselenie saltovskoy kul'tury u s. Zhovtnevoe. In: P.P. Tolochko (ed.), *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arheologiya)*. Kiev, 84–94.
- Petruhin, V. 2007: Bolgarskie amulety v vide konnikov: Evraziyskiy kontekst. *Problemi na izkustvoto* 3. Sofiya, 3–6.

- Pletneva, S.A. 1959: Keramika Sarkela – Beloy Vezhi. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 75 (Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii II), 212–272.
- Pletneva, S.A. 1967: Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 142.
- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-hazarskom pogranič'e (Dmitrievskiy arheologicheskij kompleks)*. Moscow.
- Pletneva, S.A. 1996: *Sarkel i «shelkovyy» put'*. Voronezh.
- Pletneva, S.A. 2000: *Ocherki hazarskoy arheologii*. Moscow–Ierusalim.
- Pletneva, S.A. 2004: Ekologichnye privychki zhitel'ey Hazarskogo kaganata. *Priroda* 9 (1069). Moscow, 64–68.
- Pletneva, S.A., Krasil'nikov, K.I. 1990: Goncharnye masterskie Mayatskogo kompleksa. In: S.A. Pletneva (ed.), *Mayatskiy arheologicheskij kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii*. Moscow, 92–139.
- Ponomarev, L.Yu. 2001: Saltovskiy ritual'nyy kompleks v okrestnostyah Tiritaki. *Vzaimootnosheniya religioznykh konfessiy v mnogonatsional'nom regione: istoriya i sovremennost'*: III Mezhdunarodnaya Krymskaya konferentsiya po religiovedeniyu: tezisy dokl. i soobshch. Sevastopol', 30–31.
- Ponomarev, L.Yu. 2002: Saltovo-mayatskie pogrebal'nye pamyatniki Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya* II, 145–158.
- Ponomarev, L.Yu. 2003: Saltovskoe ukreplenie i svyatilishche u s. Zavetnoe. *BI* III, 264–282.
- Ponomarev, L.Yu. 2004: Biritual'nyy saltovo-maiatskiy mogil'nik u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniya* V, 445–475.
- Ponomarev, L.Yu. 2008: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova vtoroy poloviny VIII – pervoy poloviny X vv. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s"ezda v Suzdale. 2008 g.* II. Moscow, 268–270.
- Ponomarev, L.Yu. 2009: K arheologicheskoy karte srednevekovykh pamyatnikov vostochnoy okonechnosti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya* XXI, 490–520.
- Ponomarev, L.Yu. 2011: Saltovo-maiatskiy plitovo-gruntovyy mogil'nik poseleniya Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviya kul'tur i religiy na okrainah vizantiyskogo mira). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniye kul'tur. Bosporskie chteniya* XII. Kerch', 287–295.
- Ponomarev, L.Yu. 2012–2013a: Zol'niki saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'nyy obzor). 11, 182–203.
- Ponomarev, L.Yu. 2012–2013b: O rannesrednevekovykh plitovykh i plitovo-gruntovykh mogil'nikakh Kerchenskogo poluostrova. *Hazarskiy al'manah* 11, 153–181.
- Ponomarev, L.Yu. 2014: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arheologicheskim dannym). *Hazarskiy al'manah* 12, 135–159.
- Ponomarev, D.Yu. 2009: Analiz fragmentov kostey iz yamy № 17. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum* 5. Simferopol'–Kerch', 2009, 92.
- Raevskiy, D.S. 2006: Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov evraziyskiykh stepey I tysyacheletiya do n.e. In: D.S. Raevskiy *Mir skifskoy kul'tury*. Moscow, 265–574.
- Rashev, R. 2008: *B»lgarskata ezicheska kultura VII–IX vek*. Sofiya.
- Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 2007: *Yazycheskie svyatilishcha drevnih slavyan*. Moscow.
- Rybakov, B.A. 1965: Kosmogoniya i mifologiya zemledel'tsev eneolita. *Sovetskaya arheologiya* 2, 13–33.
- Rybakov, B.A. 1981: *Yazychestvo drevnih slavyan*. Moscow.
- Ryzhov, S.G., Sedikova, L.V. 1999: Komplekсы X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo rayona Hersonesa. *Hersonesskiy sbornik* X, 312–329.

- Sarapulkin, V.A. 2006: Rzhavskiy gruntovyy mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie). *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* 12. Voronezh, 195–204.
- Savchenko, E.I. 1986: Krymskiy mogil'nik. In: I.S. Kamenetskiy (ed.), *Arheologicheskie otkrytiya na novostroykah. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoy ekspeditsii. Vyp. 1)*. Moscow, 70–101.
- Shchepanskaya, T.B. 1993: Sobaka – provodnik na grane mirov. *Etnograficheskoe obozrenie* 1, 71–79.
- Shternberg, L.Ia. 1936: *Pervobytnaya religiya v svete etnografii*. Leningrad.
- Smirnov, Y.A. 1997: *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar'*. Moscow.
- Sokolova, Z.P. 1972: *Kul't zhivotnykh v religiyah*. Moscow.
- Sorochan, S.B. 2001: O polozhenii tserkvi v Krymu v VIII–IX vv. *BIAS* 2, 328–336.
- Sorochan, S.B. 2002: O polozhenii tserkvi v Krymu v VIII–IX vv. In: V.L. Myts (ed.), *Tserkovnaya arheologiya Yuzhnoy Rusi. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arheologiya: problemy, poiski, otkrytiya» (Sevastopol', 2001 g.)*. Simferopol', 121–128.
- Sorochan, S.B. 2004a: Ob opus spicatum i naselenii rannesrednevekovoy Tavriki. *Hazarskiy al'manah* 3, 117–159.
- Sorochan, S.B. 2004b: *Vizantiyskiy Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury*. Ch. 1. Kharkiv.
- Sorochan, S.B. 2014: «Narod ful'skiy»: yazychniki ili hristiane? *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Yazychestvo i monoteizm v protsessah politogeneza. XXVI Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 16–18 aprelya 2014 g. Materialy konferentsii*. Moscow, 246–250.
- Tul'pe, I.A. 1998: Nekropol' dlya detey (po materialam raskopok nekropolya Ilurata i Kiteya v 1968–1998 gg.). *Bosporskoe tsarstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Materialy konferentsii*. Saint-Petersburg, 46–53.
- Tul'pe, I.A., Hrshanovskiy, V.A. 1994: Zhernova na nekropole. *Veshch' v kontekste kul'tury. Materialy nauch. konf.* Saint-Petersburg, 108–109.
- Tul'pe, I.A., Hrshanovskiy, V.A. 2011: Novyy kompleks hazarskogo vremeni na Iluratskom plato. *Bosporskiy fenomen: Naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2011 g.)*. Saint-Petersburg, 228–236.
- Veletskaya, N.N. 1984: Yazycheskaya simbolika antropomorfnoy ritual'noy skul'ptury (k voprosu o genezise i transformatsii atributov v slavyano-balkanskikh ritual'nykh deystvakh). In: I.P. Rusanova (ed.), *Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda*. Moscow, 76–90.
- Veymarn, E.V., Aybabin, A.I. 1993: *Skalistinskiy mogil'nik*. Kiev.
- Vinnikov, A.Z., Afanas'ev, G.E. 1991: *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgarsko-Vengerskoy ekspeditsii)*. Voronezh.
- Vinnikov, A.Z., Kovalevskiy, V.N. 2007: Mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury u s. Tihyy Don v Voronezhskoy oblasti. *Hazarskiy al'manah* 6, 51–64.
- Vinnikov, A.Z., Pletneva, S.A. 1998: *Na severnykh rubezhakh Hazarskogo kaganata. Mayatskoe poselenie*. Voronezh.
- Vinokurov, N.I. 1998: *Arheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e*. Moscow.
- Vinokurov, N.I. 2002: Fenomen chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nykh zahoroneniyy Krymskogo Priazov'ya). *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Ch. 1. Saint-Petersburg, 189–194.

- Vinokurov, N.I. 2004: Praktika chelovecheskih zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam raskopok ritual'nyh zahoroneniya v Krymskom Priazov'e). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arheologii* 3. Moscow, 55–87.
- Vinokurov, N.I. 2007: Issledovanie nekropolya gorodishcha Artezian v 2000 g. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluyuk (ed.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya, Skifiya, Bospor*. Moscow–Kiev–Zaporozh'e, 351–401.
- Vinokurov, N.I. 2011: Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolya Artezian). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovlianiya kul'tur. Bosporskie chteniya* XII. Kerch', 55–67.
- Vinokurov, N.I. 2014: *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*. BI. Supplementum 12. Simferopol'–Kerch'.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015a: Saltovo-mayatskoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskiy poluostrov). *LAUREA I. Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy*. Kharkiv, 18–22.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015b: Saltovo-mayatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* 7. Simferopol', 46–53.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015v: O hronologii i periodizatsii gorodishcha Artezian v epohu srednevekov'ya (rannevizantiyskiy period). *Problemy istorii, filologii, kultury* 3 (49), 195–208.
- Voronina, R.F. 1975: O nekotorykh chertakh verovaniy srednetsninskoy mordvy VIII–XI vv. *Sovetskaya arheologiya* 1, 281–286.
- Vysotskaya, T.N. 2004: Agrarnyy kul't u pozdnykh skifov. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu* XI. Zaporizhzhya, 60–64.
- Zhel'vis, V.N. 1984: Chelovek i sobaka (vospriyatie sobaki v raznykh etnokul'turnykh traditsiyah). *Sovetskaya jetnografiya* 3, 135–143.
- Zin'ko, V.N. 1994: Ohrannyye arheologicheskie issledovaniya v g. Kerchi. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu 1993 god*. Simferopol', 124–129.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005: Rannesrednevekovyy gorizont poseleniya Geroevka-2 u pos. El'tigen. *Bosporskie issledovaniya* X, 236–268.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2008: Rannesrednevekovyy gorizont poseleniya Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. In: G.E. Afanas'ev (ed.), *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina*. Moscow, 420–440.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2009: *Tiritaka. Raskop XXVI*. T.I. *Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'–Kerch'.

CULT COMPLEXES OF THE SALTОВО-MAYAKI SETTLEMENT AT THE SITE OF FORTIFIED SETTLEMENT ARTEZIAN (1994–2010 EXCAVATIONS)

Nikolay I. Vinokurov*, Leonid Y. Ponomarev**

*Moscow State Pedagogical Institute, Russia,
vinokurovn@list.ru

**«Demeter» Charitable Foundation, Russia,
l_ponomarev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the cult complexes excavated in the central part of the Saltovo-Mayaki settlement situated on the territory of the ancient fortified settlement of Artezian

---

(the North Kerch Peninsula). There are two cult complexes located close to each other. The cult objects included in their structure are represented by several ritual burials in the neglected ancient well, as well as in pits and mines in places for the extraction of stone from antique buildings. In two of them, there was a shared sacrifice of men and dogs, in two others – offerings of a goat, a human, a bull and a horse. In one case, there was a ritual action without a human offering. A cow or a calf was sacrificed. Such complexes have been previously found in many settlements of Saltovo-Mayaki culture, including those situated on the Kerch Peninsula. For the most part, they seem to have been associated with the agricultural and cattle breeding cult of fertility.

Key words: Kerch Peninsula, Artezian, Saltovo-Mayaki settlement, Saltovo-Mayaki cult complexes, Saltovo-Mayaki ritual burials

---

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВЕРХОВЬЯХ ОЗЕРА ДОНУЗЛАВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Т.Н. Смекалова

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь,
tnsmek@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются итоги систематических комплексных междисциплинарных разведок и выборочных раскопок в верховьях одного из крупнейших и глубочайших озер Крыма – Донузлав, отсекающего Тарханкут от остальной части полуострова. Этот район имел во все исторические периоды важное коммуникативное значение: здесь походили пути кочевников из степей к зимним пастбищам и природным убежищам выдвинутого в море Тарханкутского п-ва. Исследования проводились по комплексной методике, сочетающей анализ космических снимков и архивных аэрофотографий, магнитную съемку, автомобильно-пешие разведки и выборочные раскопки. Таким образом, в 2012-2016 гг. в верховьях Донузлава обнаружено и исследовано восемь поселений местных племен эллинистического периода, два поселения эпохи поздней бронзы, большое количество каменных курганов и «классических» скифских курганов с земляной насыпью. Поселения эллинистической эпохи относятся к джангульской этнокультурной группе, распространенной в Северо-Западном Крыму. В античное время здесь сосуществовали три этно-социальные группы: эллины-колонисты, скифы-номады и автохтонное оседлое население, родственное кизил-кобинцам или таврам. На поселении Донузлав 7 позднего бронзового века с помощью геомагнитной съемки выявлен двойной каменный загон наибольшим диаметром 50 м. Это одиннадцатый по счету памятник эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Крыму с подобным загонем, выявить которые возможно только с помощью магнитометрии. С помощью геохимического анализа почвы из слоя с каменными оградами показано, что они были именно загонами для скота. Обнаружение двойных каменных загонов особой конструкции является новым словом в археологии позднего бронзового века не только в Крыму, но и во всем Северном Причерноморье.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, озеро Донузлав, поздний бронзовый и ранний железный века, космические снимки, магнитная съемка, джангульская этно-культурная группа

Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке проекта № 33.1470.2017/ПЧ Госзадания «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

Введение

В 2012–2016 гг. были предприняты систематические комплексные разведки и выборочные раскопки в верховьях озера Донузлав – одного из крупнейших и глубочайших внутренних водоемов Крыма, находящегося в северо-западной части полуострова (рис. 1). Ранее, в 2011 г., берега нижней части озера от морского побережья до шоссейной переправы – Аблямитова² моста – были исследованы в рамках проекта по изучению творческого наследия П.Н. Шульца, который в 1959–1960 гг. провел исследования берегов озера перед строительством здесь базы ВМФ. Карта П.Н. Шульца и результаты наших разведок 2011 г. были опубликованы в виде монографии³. Новые междисциплинарные археологические исследования 2012–2016 гг. коснулись важной части озера (его верховьев), которая в древности служила своеобразными «воротами на Тарханкут».

Физико-географическая характеристика озера Донузлав

Донузлав – самое глубокое крымское озеро и одно из крупнейших в Крыму – относится к Тарханкутской группе, в которую входит еще семь прибрежных озер. Это озеро риасового типа, то есть оно образовалось путем затопления морем длинной глубокой межгорной впадины; возникновение озера было обусловлено непрерывной трансгрессией Черного моря. В геологический период, соответствующий прорыву Босфора и соединению с Средиземным морем, уровень Черного моря повысился, и вода осолонилась. Это отразилось в затоплении речных долин, впадающих в Черное море, и образовании прибрежных озер и лиманов. Многие соляные озера Северо-Западного Крыма появились в устьях балок, отделившись от моря глухой песчано-ракушечной пересыпью, и превратились в изолированные бассейны или прибрежные озера, которые, в свою очередь, пережили различные изменения в зависимости от характера их ложа, величины пересыпи, продолжительности их существования, количества наносов и пр.⁴. Сейчас для озера Донузлав более подходящим статусом может быть лиман, поскольку начиная с 1961 г. (после соединения с водами моря) уровень общей минерализации изменился от рапы (крепкий соляной раствор) до минерализованной (соленой). Растительность по берегам озера также претерпела изменения.

Донузлав врезается вглубь полуострова на 30 км, отсекая Тарханкутский п-в от остального Крыма. Наибольшая его глубина – 27 м, в устье ширина доходит до 8,5 км, а в верховье мелеет и сужается до нескольких сот метров. От моря озеро Донузлав было отделено песчаной пересыпью, длина которой 9 км, ширина – от 200 до 600 метров. Площадь зеркальной поверхности Донузлава равна 47 км².

Пресная часть озера берет свое начало от мощных родников, бьющих на дне впадающих в него балок. Длина глубокой, извилистой и чрезвычайно живописной балки Старый Донузлав (бывш. Агар-Су) более 45 км; у нее тридцать восемь притоков. В озеро у села Красноярское впадает еще одна крупная балка – Донузлав (длина 38 км), а у бывшего села Чернушка – балка Караларская (длина 7 км).

² По преданию, мост был построен более ста лет назад по указанию и на деньги жителя села Садыр-Богай (ныне с. Хмелево) Аблямит-агъа, откуда и пошло это название.

³ Смекалова 2012, 6–221.

⁴ Мушкетов 1895.

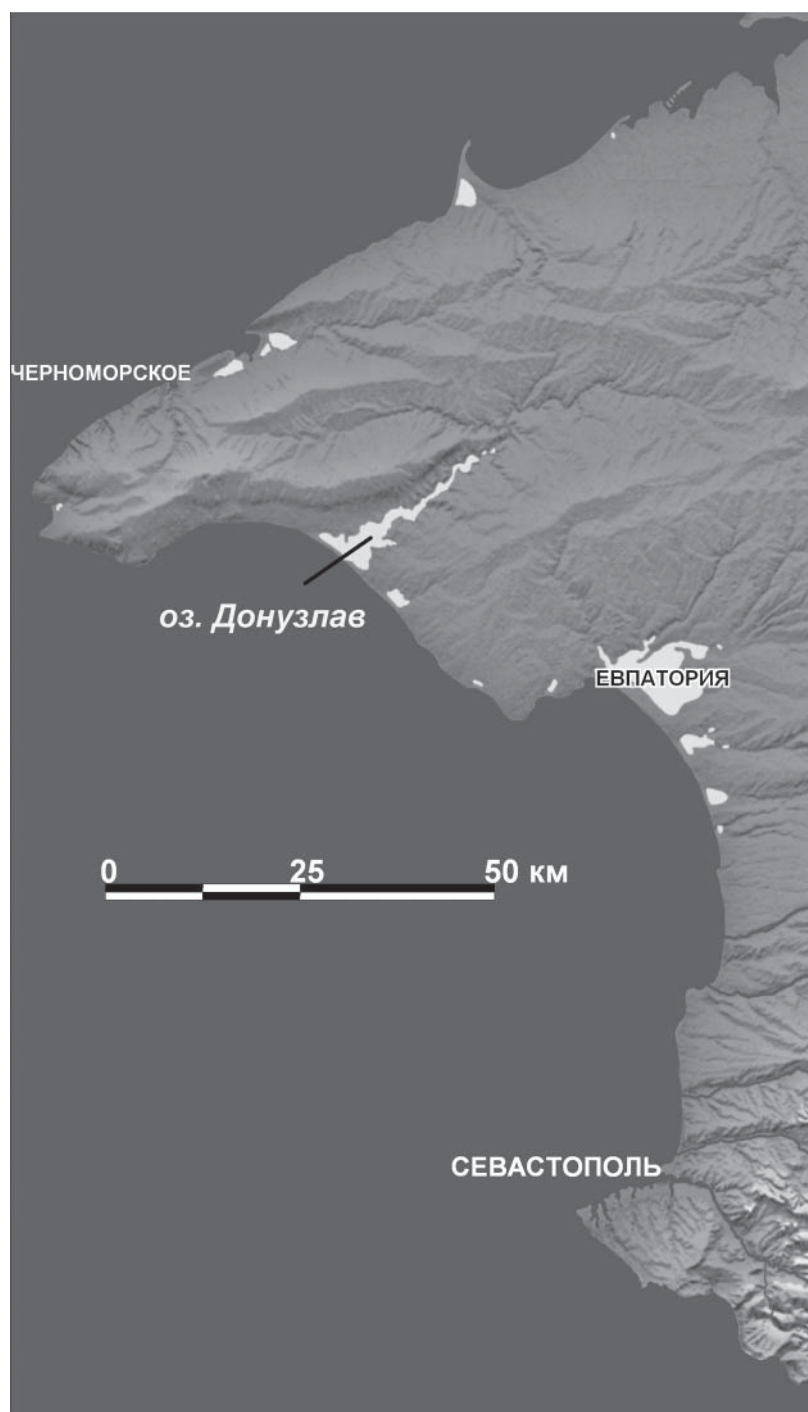

Рис. 1. Озеро Донузлав на карте Западного Крыма

По левой стороне в Донузлав впадают десятикилометровая балка Бурнук у села Новоозерное, в верховьях – балки Каменистая и Лиманная (рис. 4)⁵. Берега Донузлава высокие и обрывистые, а береговая линия настолько извилиста, что озеро изобилует небольшими заливами. В некоторых местах высота берега над уровнем воды составляет 25 м. Ближе к устью берега пологие, постепенно переходящие в песчаные пляжи. Дно затянато 10-метровым слоем ила. По своему составу он сходен с илом Мойнакского озера и может быть использован в лечебных целях.

Озеро Донузлав соленое. В устье концентрация соли такая же, как в море, но по мере продвижения вверх озеро мелеет, и многочисленные донные родники значительно опресняют его. Имеются три группы мощных источников пресной воды, пробивающиеся сквозь толщу известняков по дну балок, впадающих в Донузлав. Эта современная особенность озера и определяет то, что в устье водится морская рыба, а в верховье, севернее Аблямитова моста-дамбы – пресноводная.

В 1961 г. через песчано-ракушечную пересыпь был прорыт морской канал шириной от 480 до 400 м с углубленным подводным руслом шириной 200 метров. Фактически с этого момента Донузлав перестал существовать как озеро, но название так и осталось. В районе прорытия морского канала в 1964–1965 гг. были найдены остатки кораблекрушения в открытом море на расстоянии 140–180 м от берега на глубине 4–5 м (в раскопах глубина достигала 9 м). В результате были поднято девять гераклейских амфор, куски наружной корабельной обшивки из листового свинца с остатками и следами гвоздей, нижняя часть шпангоута и обломки досок обшивки, детали такелажа. Вероятно, здесь были найдены остатки торгового корабля, вышедшего из Гераклеи с грузом амфор с вином, но разбившегося о прибрежные рифы во время сильного шторма⁶.

Археологические памятники в верховьях озера Донузлав

Со времени своего образования озеро служило естественной преградой для людей и животных, обитающих на его берегах. Поэтому песчано-ракушечная пересыпь между озером и морем с юга и броды в верховьях Донузлава с севера были единственными сухопутными переправами через него. Эти пути, следовательно, во все исторические периоды имели важное коммуникативное значение. Действительно, в то время как главная сухопутная античная дорога из Херсонеса в северо-западную Таврику пролежала вдоль побережья и маркировалась многочисленными греческими поселениями (рис. 3а), пути кочевников из степного Крыма проходили в верховьях Донузлава (рис. 3б). Здесь находились древние переправы, пересекающие русла оврагов водосбора Донузлава, прослеживающиеся по курганным цепочкам, устремляющимся к этим местам (рис. 5). Здесь же бьют многочисленные и мощные родники (помечены на рис. 3б; 4; 6), дающие начало ручьям, сливающимся затем в мощное тело глубокого, длинного и извилистого озера Донузлав. В древности именно здесь можно было перейти озеро, являющееся естественной границей Тарханкута, а также предоставить отдых и водопой людям и животным. Район верховьев Донузлава был важен в особенности для кочевых племен, так как он является своеобразными «воротами» для прохода из обширных степей Центрального Крыма на полуостров Тарханкут с его более мяг-

⁵ Олиферов, Тимченко 2005, 127, 128.

⁶ Блаватский, Петерс 1965.

ким климатом, прекрасными пастбищами и природными укрытиями в глубоких и извилистых оврагах. Поэтому неудивительно, что верховья Донузлава в древности были довольно густо заселены: здесь обитали оседлые или полuosедлые племена, существовали сезонные и транзитные стоянки на пути перекочевок.

На всех водоразделах балочной системы верховьев Донузлава фиксируется большая концентрация крупных курганов с земляными насыпями (рис. 5). Между селами Хмелево (бывш. Садыр) и Красноярское (бывш. Донузлав), в полутора километрах к северу от излучины Тобень-Кара оврага Агар-Су, на распаханном поле находится большой курган с земляной насыпью правильной полусферической формы диаметром 40 м и высотой 3 м (рис. 2, 5; 6, 5). Кое-где в насыпи видны камни. На вершине кургана находится железный штырь. Неподалеку от него располагаются еще два кургана, но они полностью распаханы; о них можно судить только по пятнам разброса камней и слабым повышениям грунта на поле.

Напротив этих курганов, в 3-х км от них, на противоположной стороне оз. Донузлав находятся еще три кургана (рис. 2, 6). Наиболее крупный из них имеет высоту земляной насыпи около 2-х м, диаметр – примерно 35 м. Наверху кургана – недавно разрытая грабительская яма, в которой видно много камней в беспорядке. Еще один курган несколько меньших размеров, также с земляной насыпью, сильно разграблен. Маленький курган с насыпью диаметром 9 м и высотой 0,3 м состоит из мелкого камня. Примерно в 100–150 м от этих курганов находится старое мусульманское кладбище с овальными каменными гробницами и надгробными плитами с надписями арабской вязью (рис. 6, 7), которое, скорее всего, относится к находящейся в километре к северу бывшей татарской деревне Донузлав.

Длинная цепочка крупных курганов, состоящая из не менее чем 11 насыпей, тянется по вершине водораздела между Донузлавской балкой и ее восточным притоком (рис. 6, 8). Наиболее южный курган 578 имеет земляную насыпь высотой 2 м, диаметром около 40 м. Вершина кургана плоская, наверху лежат мелкие камни, следы старых грабительских ям. Этот курган – наиболее южный в данной цепочке.

Следующий к северо-востоку – также большой – курган 579 высотой 1,8 м, диаметром 38 м. Земляная насыпь кургана со следами ограблений «подрезана» распашкой. На южном склоне кургана лежит крупная плита размерами 1×0,5×0,25 м. Рядом с курганом проходит проселочная дорога, неподалеку находится скважина с трубой и поилка для скота.

Третий по счету с юга – большой курган 581 с овальной в плане насыпью, поврежденной грабительскими ямами. Высота насыпи 1,5 м, размеры 40×25 м. На вершине кургана хаотично разбросаны камни.

Низкий курган 582 распахан, его высота всего 0,9 м, диаметр 28 м. Насыпь земляная, с небольшим количеством мелкого камня.

Соседний к северо-востоку курган также распахан, его высота не более 1 м, диаметр насыпи около 30 м. Так же, как и у предыдущего, его насыпь земляная, с небольшим количеством камня.

Курган 585 – едва видимая распаханная земляная, без камня, насыпь. Высота ее всего 0,2 м, диаметр – 30 м.

Маленький курган 586 с земляной распаханной насыпью с небольшим количеством камня имеет диаметр не более 20 м, высоту 0,4 м.

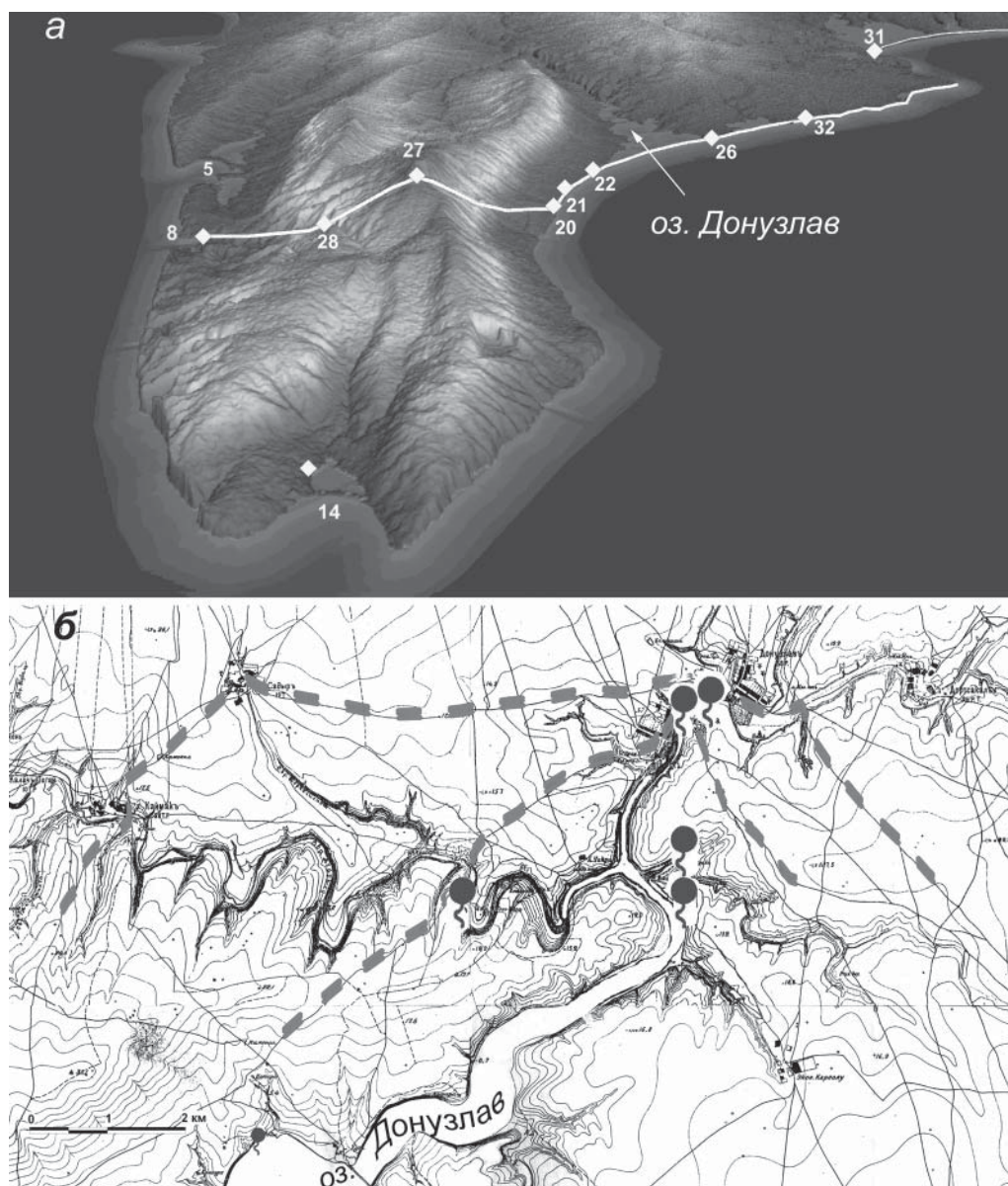

Рис. 3. *а* – Трехмерное изображение карты рельефа Тарханкута, построенное на основании цифровой модели Северо-Западного Крыма. Вид с запада на восток. Цифрами отмечены следующие античные поселения: 5 – Панское I, 8 – Ак-Мечетское городище (Калос-Лимен), 14 – Караджинское городище, 20 – Джага-Кульчук (Лазурное), 21 – Кульчук, 22 – Беляус, 26 – Поповка (Южно-Донузлавское), 27 – Чокрак-Верхнее, 28 – Кунан, 31 – Евпатория (Керкинитиды), 32 – Аирчи; *б* – Полуверстовая карта 1899 г. верховьев оз. Донузлав и оврага Агар-Су (Старый Донузлав), на которую нанесены места удобных переправ и бродов (пунктирные линии)

востоку и северо-востоку по направлению к западной оконечности п-ва Тарханкут (рис. 5).

С сезонными передвижениями кочевых племен связаны стоянки и зимовья, находящиеся под укрытием высоких берегов, поблизости от многочисленных родников в верховьях оз. Донузлав и, особенно, в длинных петляющих балках, являющихся его истоками. Глубокий и чрезвычайно извилистый овраг Агар-Су, впадающий с запада в оз. Донузлав, образует крутые повороты и петли (рис. 2; 4; 6). Внутри одной из таких «петель» нами были обнаружены каменные сооружения, которые, вероятно, являлись загонами для скота (рис. 2, 1; 6, 1). Судя по внешнему виду и степени сохранности этих построек, они относятся к недавнему времени. Вдоль обрывистого берега оврага с западной стороны при входе в «петлю» на два десятка метров тянется стена, сложенная в технике двухфасной кладки из необработанного камня (рис. 7, 1; 8). Загоны составлены из крупных камней, рядом с ними находятся какие-то небольшие строения, состоящие из нескольких помещений (рис. 7). Выделяется круглое каменное сооружение диаметром около 15 м (рис. 6, 2). В целом можно интерпретировать данный комплекс сооружений как систему загонов для скота. Мы уже встречали подобные сооружения в центральном Крыму, в урочище «Зимники» к северу от с. Луговое Белогорского района⁷. Вероятно, и здесь мы также имеем дело со старинным местом зимовки скота, так как пониженная в рельефе долина, образованная полной петлей оврага Агар-Су, защищена от холодных ветров всех направлений. В обоих случаях использовались природные особенности местности, позволяющие содержать большие стада на защищенных от холода местах. Узкая долина, идущая по дну оврага Агар-Су, заполнена наносами плодородной почвы, она могла служить превосходным пастбищем. В настоящее время долина распахивается и засеивается зерновыми культурами, поэтому в мае, во время археологических разведок, она выглядела как «зеленая река». И сейчас в излучинах оврага видны следы многочисленных татарских загонов, выстроенных из крупных камней. Вполне вероятно, что подобные зимники использовались и скифами-кочевниками, хотя прямых доказательств этому у нас пока нет.

В следующей к востоку «петле» также находится загон, построенный из огромных камней (рис. 2, 2; 6, 2).

Помимо скотоводческих стоянок и «зимников», в овражной системе верховьев Донузлава находятся многочисленные и хорошо сохранившиеся поселения позднего бронзового и раннего железного веков. Последние относятся к джангульской этнокультурной группе, признаки которой недавно были сформулированы в работе «Археологический атлас Северо-Западного Крыма»⁸. Эта общность была выделена после систематических исследований автора в 2007–2016 гг. глубинных территорий Северо-Западного и Предгорного Крыма, когда выяснилось, что уже во второй половине IV в. до н.э. Северо-Западная Таврика была густо населена многочисленными родственными племенами земледельцев и скотоводов. В античное время здесь сосуществовали три этносоциальные группы: эллины-колонисты, скифы-номады и автохтонное оседлое население, родственное кизилкобинцам или таврам. Именно последние и были, вероятно, той рабочей силой,

⁷ Храпунов, Смекалова, Власов 2010, 4–5, 28–29, рис. 4–5.

⁸ Смекалова, Кутайсов 2017, 425.

которую греки использовали для производства необходимого для Херсонеса количества зерна. Ареал этого местного земледельческого населения выходит далеко за рамки Северо-Западного Крыма и охватывает пограничную полосу степей и предгорий и Керченский полуостров. Поселения, относящиеся к джангульской этнокультурной группе, все сходны между собой и различаются только размерами. Они объединяют жилые и хозяйственные комплексы, в состав которых входят: большая постройка, малая постройка (постройки), группа ям, загоны и иногда полуземлянки и зольники. Число комплексов колеблется от 1–2 до 20–25.

Помещения приближаются по форме к прямоугольным или имеют неправильную форму. Стены построены в технике двухлицевых кладок с применением крупных необработанных плит, поставленных на ребро, облицовывавших внутреннюю часть помещений. Верхние части плит, составляющих кладки, возвышаются над современной поверхностью в виде зубцов. Часто встречаются два больших плоских камня, поставленных параллельно на ребро на небольшом расстоянии друг от друга. Возможно, они оформляют вход. Поселения неукрепленные, постройки располагаются свободно, на расстоянии от 20 до 70 м друг от друга.

На ближайших локальных водоразделах находятся каменные курганы небольших размеров, соотносящиеся по числу с количеством домов на поселении. Курганы с каменной или, реже, с каменно-земляной насыпью имеют крепиды кольцевой формы (очень редко – прямоугольной) из крупных необработанных блоков. Эти ограды опоясывают центральную часть кургана и каменные «ящики» или склепы, сложенные из больших необработанных плит. Часто в центре кургана, на его вершине, лежат плашмя или наклонно колоссальные плиты сводчатого перекрытия склепов. Дромосы сдвинуты относительно продольной оси склепа: одна из стен дромоса обычно является продолжением стены погребальной камеры. Поселения привязаны к балочной системе и располагаются на мысах между двумя балками, на берегах балок, их склонах в придонной части, в верховьях балок.

Поселение 605

Резкий изгиб оврага Агар-Су и боковой его приток Керкелиз образуют еще одну большую замкнутую «петлю» неправильной формы. Здесь обнаружено «варварское» поселение эллинистического времени, получившее номер 605 (рис. 2, 3; 6, 3). Оно расположено на высоком берегу, полого спускающемся ко дну оврага Агар-Су. Поселение находится на небольшом мыске, а также на противоположной стороне маленькой балки и состоит из не менее чем четырех-пяти каменных наземных строений. Поселение является типичным, относящимся к джангульской этнокультурной группе⁹.

Постройка 1 прямоугольная, размерами примерно 9×11 м, выглядит как развал камней среднего и мелкого размера. Постройка 2 также прямоугольная, размерами 10×11 м. Кладка стен двухлицевая из поставленных на ребро камней. Неподалеку находится, вероятно, зольник, в насыпи которого было обнаружено более полутора десятков мелких обломков стенок херсонесских амфор. На противоположной стороне маленькой боковой балки находится Постройка 3 – прямоугольная, размерами примерно 9×10,5 м. Стены, сложенные в технике двухфасной кладки, видны очень четко (рис. 9).

⁹ Смекалова, Кутайсов 2017, 191, 425.

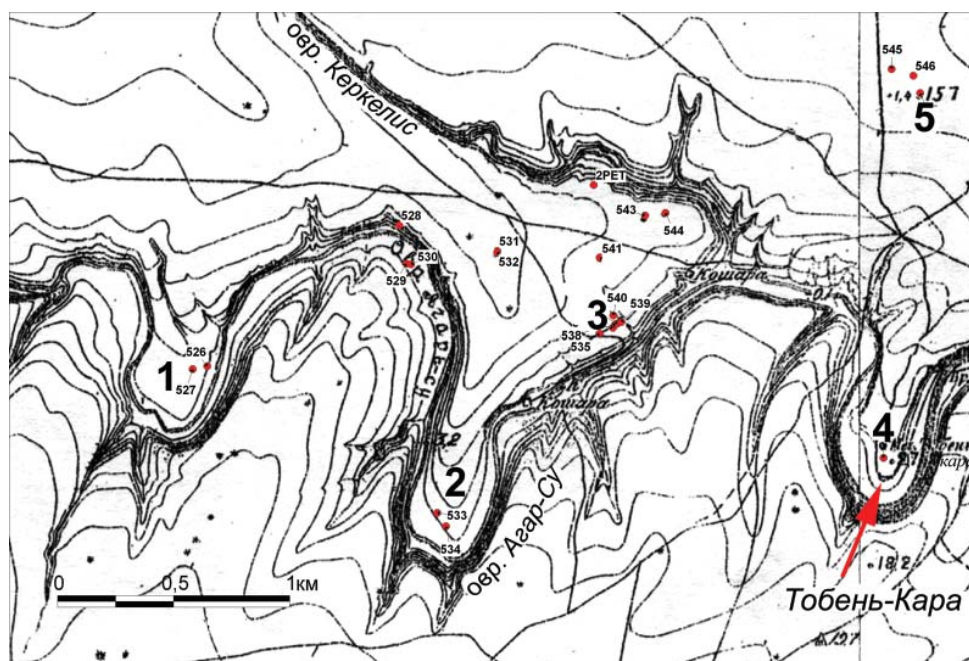

Рис. 6. Верховья Донузлава и овраг Агар-Су на космическом снимке. Цифрами обозначены: 1 – зимовье кочевников с загонами для скота; 2 – каменные загоны; 3 – поселение 605; 4 – поселение Тобень-Кара; 5 – курганы с земляными насыпями

Рис. 7. Каменные сооружения в излучине оврага Агар-Су (Старый Донузлав), показанные на космическом снимке из ресурса Google Earth. Цифрами обозначены: 1 – длинная каменная стена, 2 – круглые каменные загородки

Рис. 8. Каменная стена, огораживающая обрывистый берег при «входе» в петлю, образованную резким изгибом оврага Агар-Су (Старый Донузлав). Вид с запада

Рис. 9. Кладка Постройки 3 на поселении 605, вид с юго-запада

К северо-западу от поселения и к западу от кургана на космическом снимке хорошо различимы полосы – границы древних «длинных полей». Район поселения 605 является самым восточным участком на Тарханкуте, на котором мы встретили следы пахотных полей.

Поблизости от поселения 605 находится курганный группа, вероятно, относящаяся к нему. Приблизительно в 250 м к северу от построек располагается крупный курган диаметром каменной насыпи 19 м, высотой 1,0 м. На вершине кургана – большая, вкопанная в землю в вертикальном положении, плита. Высота возвышающейся над землей части плиты 0,9 м, ширина у основания – 1,2 м. Курган частично разорен местными жителями: возле стелы сложены собранные с кургана и приготовленные к отправке камни. Неподалеку находится кольцевая стенка диаметром 9 м, выложенная из камней среднего размера в один ряд.

Еще два довольно больших кургана с каменными насыпями находятся далее к северо-востоку. Один из них диаметром 18 м, высотой 0,7 м, насыпь сложена из камней мелкого размера. Другой курган меньших размеров, диаметр каменной насыпи около 14 м, высота – 0,5 м. С западной стороны у кургана сборщиками бута сложена большая куча камней, приготовленных к отправке. К кургану примыкает старое мусульманское кладбище, состоящее из овальных в плане могил, выложенных из камней среднего размера.

Рис. 10. Вид с юга на поселение Тобень-Кара

Поселение Тобень-Кара

Далее на восток, в самой нижней точке следующей «петли», обнаружена прямоугольная каменная постройка, рядом с которой были найдены фрагменты татарской керамики. Вероятно, эти руины относятся к мечети Тобень-Кара, отмеченной на полуверстовой карте 1899 г. (рис. 6).

Всю площадь «петли» занимало крупное поселение, получившее название по названию мечети, Тобень-Кара (рис. 2, 4; 6, 4; 10). Поселение состояло из одной очень крупной постройки (рис. 11, 1) и еще не менее шести более мелких (рис. 11, 2–7). Двухфасные стены построек выступают над поверхностью как зубцы, так как крупные необработанные камни кладок поставлены на ребро. Два наиболее крупных камня обычно оформляют «вход» в помещение (рис. 12). Повсюду видны древние каменоломни: следы ломки камня по краю выступающего на поверхность пласта известняка. Подъемный материал и внешний вид построек, идентичных таким же постройкам по всему Тарханкуту, позволяет отнести это поселение к джангульской этнокультурной группе эллинистического времени.

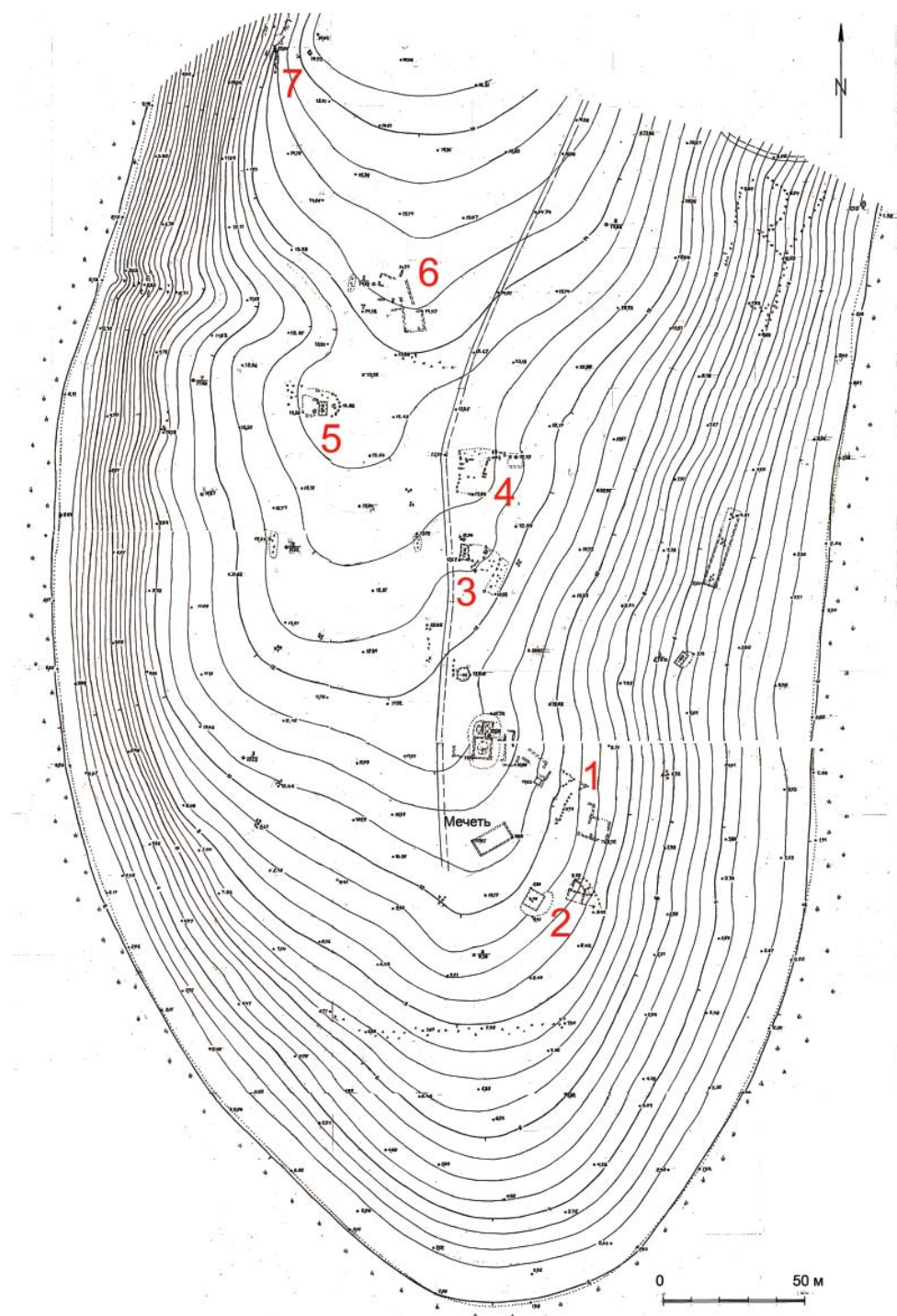

Рис. 11. Топографический план поселения Тобень-Кара, выполненный В.В. Семеновым и Е.А. Чикалкиным.

Рис. 12. Строение 1 на поселении Тобень-Кара. Фото: А.Е. Пасуманский

Поселение Донузлав I

На левом берегу Донузлава, у его верховьев, находится крупное поселение, получившее название Донузлав I и напоминающее поселение Тобень-Кара. Но ландшафтная позиция поселения Донузлав I существенно отлична от положений других «варварских» поселений: Донузлав I целиком погружено в глубокий овраг, скорее напоминающий ущелье (рис. 2, 9; 4, 7).

Поселение было открыто Смекаловой Т.Н. во время пеших разведок 27 апреля 2013 г. Визуально, а также на архивных аэрофотографиях и космических снимках удивительно хорошо видны все 20 жилищно-хозяйственных комплекса этого большого поселения (рис. 13б). Топографическая съемка дает представление о его протяженности и планировке (рис. 13а). Дома располагаются в нижней части оврага, на первой надпойменной террасе. Все «дома» крупные, многокамерные, помещения узкие, продолговатые, стены сложены из камней, поставленных на ребро. Кладка двухпанцирная, промежуток между лицевой и внутренней частями кладки заложен мелким бутовым камнем.

Один из «домов» (№ 4 на рис. 13а) был полностью раскопан под руководством С.А. Мульда силами Гео-археологической экспедиции (нач. Смекалова Т.Н.). Предварительно здесь была проведена магнитная съемка, которая выявила слабые отрицательные линейные аномалии от стен или загоронок, а также локальные положительные аномалии от ям. Автор раскопок считает возможным датировать это поселение IV в. до н.э. Планировка раскопанного дома (рис. 13в), технические приемы возведения кладок и использования камня (рис. 13г), размеры помещений – все эти характеристики полностью совпадают с

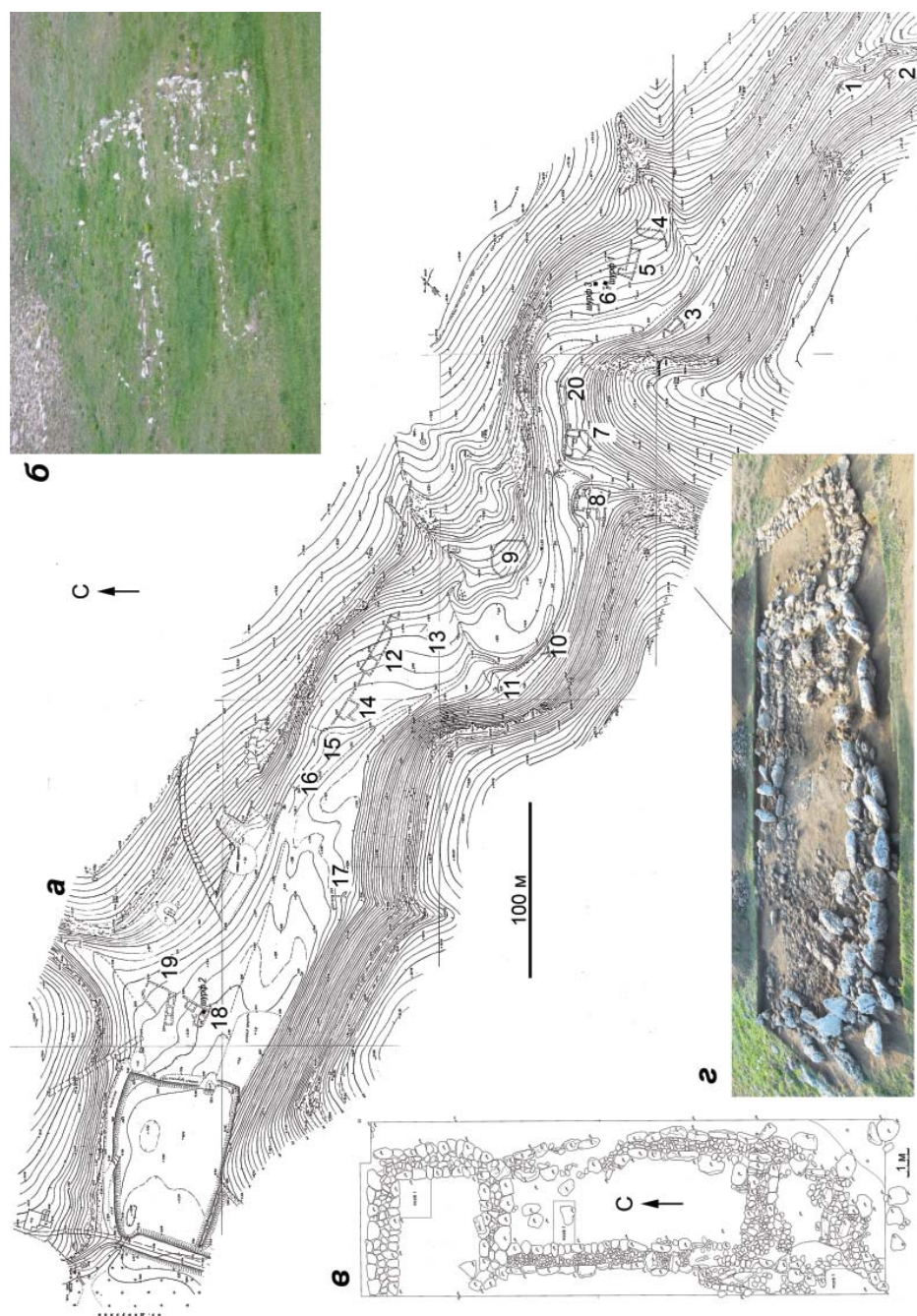

Рис. 13. *а* – Топографический план поселения Донузлав 1, выполненный В.В. Семеновым и Е.А. Чикалкиным; *б* – Строение 14 на поселении Донузлав 1. Фото: А.Е. Пасуманский; *в* – План раскопа строения 4 на поселении Донузлав 1. Чертеж: С.А. Мульд; *г* – Раскопанное строение 4 на поселении Донузлав 1. Вид с востока. Фото: С.А. Мульд

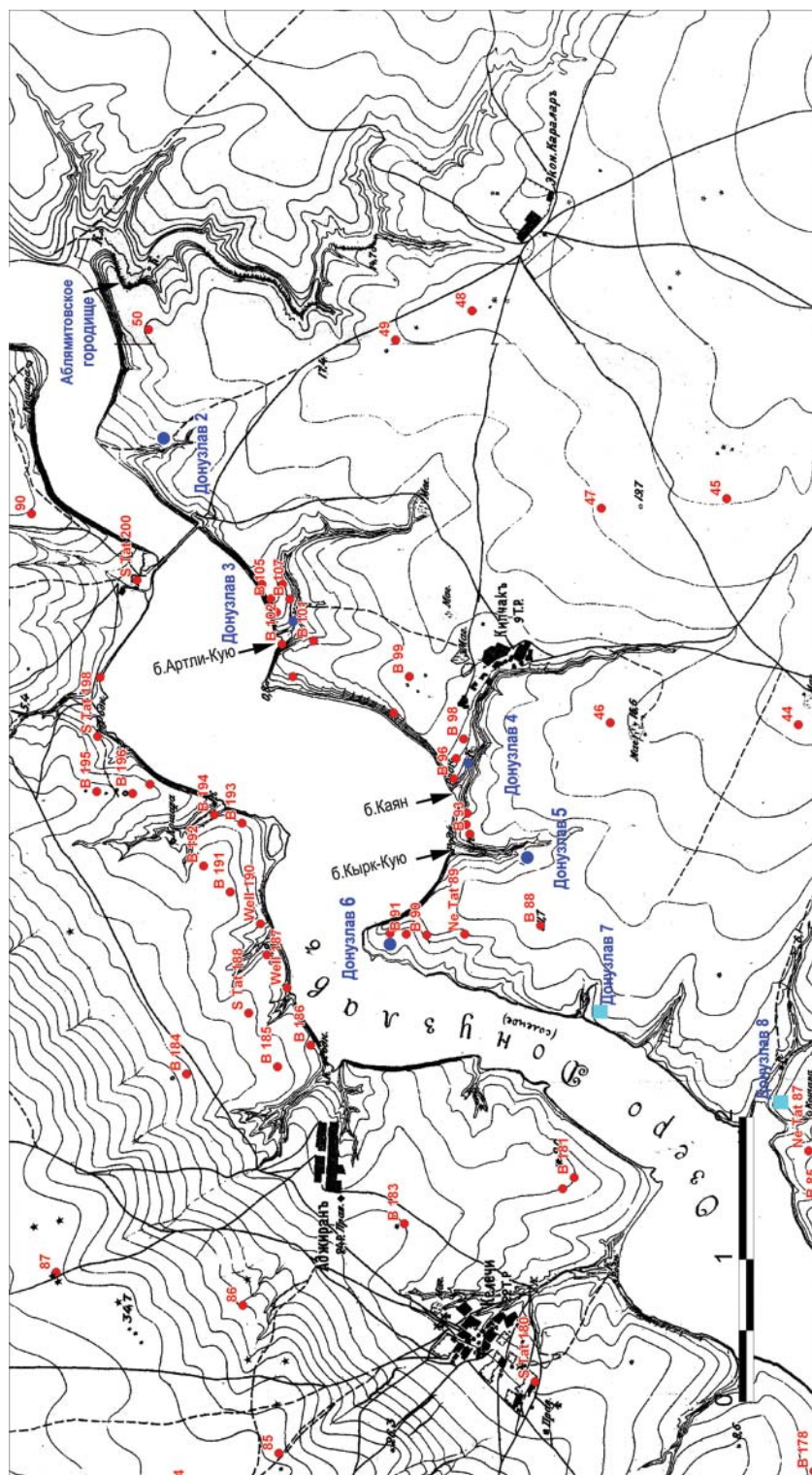

Рис. 14. Часть полуверстовой карты на правом берегу Дона, глава до переправы. Показаны памятники, отмеченные на карте П.Н. Шуль-ца 1959–1960 гг., а также поселения Донузлав 2–8 и Аблямитовское раннесредневековое городище

Рис. 15. Один из «домов» на поселении Донузлав 2. Вид с севера

другим раскопанным строительным комплексом – СК-17 поселения Джангуль на западе Тарханкута¹⁰. Следует заключить, что оба поселения (Донузлав 1 и Джангуль) одновременны и оставлены родственным населением, относящимся к джангульской этнокультурной группе.

Неподалеку от поселения Донузлав 1 на вершинах водораздела находятся несколько каменных курганов, таких же, как и на п-ве Тарханкут, что еще больше убеждает нас в единстве археологической культуры местного оседлого или полuosедлого населения, вероятно, родственного кизил-кобинцам, обитавшего в эллинистическое время в Северо-Западной Таврике.

Поселение Донузлав 2

Следующее поселение находится на том же берегу Донузлава, далее к югу, по направлению к морю. Оно было открыто 27 апреля 2013 г. Смекаловой Т.Н. (рис. 2, 11; 4, 9; 14). Здесь на двух небольших мысах, образованных берегом озера и боковыми оврагами, было обнаружено не менее пятнадцати строительных комплексов. Многие здания крупные, стены помещений сложены из камней, поставленных на ребро, кладка двухлицевая (рис. 15). Это поселение аналогично остальным «варварским» поселениям северо-западного Крыма эллинистического времени и относится к джангульской этнокультурной группе.

Неподалеку от описываемого поселения, на высоком мысу, защищенном самой природой крутыми скалистыми склонами, находится Аблямитовское раннесредневековое городище салтовской археологической культуры (рис. 2, 10, рис. 14)¹¹.

¹⁰ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VII. 1. 15–19.

¹¹ Павленков 1987.

Поселения Донузлав 3 и 4

Первая к югу от Аблямитовской переправы балка Артли-Кую, впадающая в озеро, – короткая, с крутыми высокими склонами. При впадении в озеро она образует живописный миниатюрный лиман, облюбованный цаплями и другими водоплавающими птицами. В нижней части этой балки расположилось небольшое поселение Донузлав 3, сходное по ландшафтной позиции и характеру каменных наземных сооружений с поселением Донузлав 1, но гораздо меньше последнего. Всего на поселении Донузлав 3 насчитывается три постройки, стены которых, выполненные в технике двухлицевой кладки из плит, поставленных на ребро, выступают над поверхностью. На вершинах склонов, окружающих балку, находятся шесть небольших курганов в виде едва заметных каменно-земляных насыпей. Еще две пары курганов маркируют водоразделы в глубинных территориях. Они распаханы, так как находятся на современных полях, однако еще в конце XIX в. они были хорошо видны и на полуверстовой карте.

На берегу балки Каян находилась крупная татарская деревня Кипчак. В 1835 г. здесь было примерно 8–9 хозяйств, на полуверстовой карте конца XIX в. уточнено, что здесь находилось 9 татарских дворов. В километре к северу располагалось татарское кладбище. В глубине узкого оврага Каян, похожего на ущелье, было открыто еще одно поселение – Донузлав 4 раннего железного века, состоящее всего из двух построек. Это поселение аналогично поселениям Донузлав 1 и Донузлав 3 по характеру кладки и размерам каменных строений, располагающихся внизу, у самого тальвега балок (рис. 14).

Поселение Донузлав 5

Поселение того же времени, оно находилось на небольшом мысу, образованном следующей к югу балкой Кырк-Кую и ее боковым притоком (рис. 14). В отличие от двух предыдущих, поселение Донузлав 5 располагалось на берегу балки, а не в ее нижней части. Оно проявляется по пятну более густой растительности, видимой на космическом снимке, и по наличию золистого слоя и измельченных невыразительных фрагментов амфор и лепных сосудов, найденных на выбитой колесами проселочной дороге. На поселении была проведена магнитная съемка на площади 1,25 га, которая помогла выявить большую группу хозяйственных ям в северной и остатки жилищ, ямы и пятна гумусированной почвы в южной частях памятника.

Необходимо упомянуть еще одно поселение, относящееся к джангульской этнокультурной группе – Донузлав 9. Оно находится у Раздольненского шоссе, в месте переправы через Донузлавскую балку (рис. 4, 5) и состоит из не менее чем шести крупных каменных наземных построек. Стены их сложены в технике двухлицевой кладки из плит, поставленных на ребро.

Поселение Донузлав 6

Поселение находится на выдающемся в озеро роговидном мысу, на его высоком обрывистом берегу. Оно выделялось по кладкам из необработанного камня, которые видны на проселочных дорогах, пересекающих поселение. Проведенная на площади 1 га магнитная съемка выявила несколько слабых локальных положительных аномалий, которые создаются, вероятно, небольшими ямками. Кроме

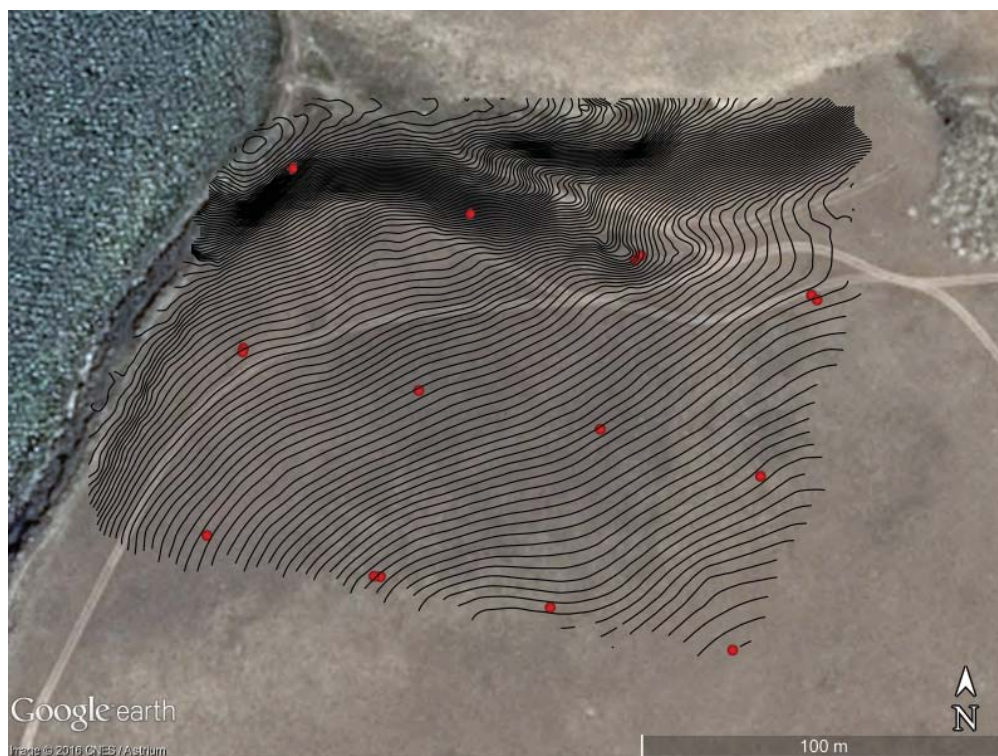

Рис. 16. Поселение позднего бронзового века Донузлав 7. Совмещение топографической съемки с космическим снимком. Точками показаны углы участков магнитной съемки

того, видны очень слабые линейные отрицательные аномалии, соответствующие каменным оградкам, вероятно, загонкам для скота, датировать которые пока не представляется возможным.

Поселение Донузлав 7

Поселение располагается на мысу, образованном крутым берегом озера и боковой безымянной балкой (рис. 16). Оно выделяется по очень густой растительности, темное пятно от которой просматривается на космических снимках. Кроме этого, на склоне балки в обнажении культурного слоя были найдены мелкие фрагменты лепной керамики позднего бронзового века с типичными «расчесами». Для того чтобы понять планировку памятника и выявить отдельные объекты, на нем были проведены прецизионная топографическая и магнитная съемки, результаты которых приведены на рис. 16 и 17 соответственно. Площадь магнитной съемки равнялась 1,5 га, геодезической – около 2 га. На карте магнитного поля в средней части поселения выявлено более десяти локальных положительных аномалий, соответствующих заглубленным жилищам, типичным для поселений этого времени. Судя по раскопанным домам на поселениях Бай-Кият и Бурун-Эли¹², края

¹² Колотухин 2003, 103–115.

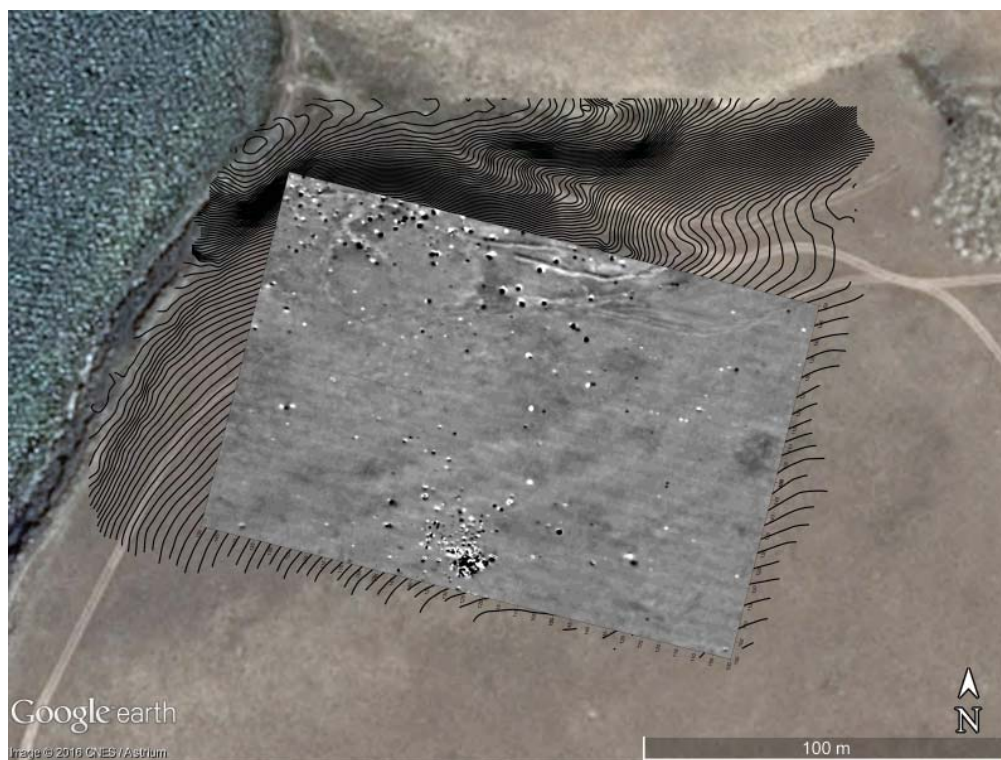

Рис. 17. Магнитная карта, полученная на поселении Донузлав 7. Темные области соответствуют положительным, а светлые – отрицательным аномалиям

прямоугольных котлованов были обложены плоскими необработанными камнями, стоящими на ребре. Данные магнитной съемки, проведенной на других поселениях позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму, подтверждают это наблюдение: жилища на магнитных картах отражаются в виде положительных аномалий приблизительно прямоугольной формы с отрицательным обрамлением. Положительные аномалии создаются более магнитным заполнением полуземлянок, а отрицательное обрамление – каменной обкладкой стен.

Наиболее интересный объект обнаружен, однако, в мысовой части памятника. На магнитной карте отчетливо проявился двойной каменный загон максимальным диаметром около 60 м по отрицательной овальной аномалии. Подобные двойные загоны весьма примечательны. К настоящему времени, благодаря нашим исследованиям с применением магнитных съемок, в Северо-Западном Крыму открыто уже десять овальных каменных загонов размером 45–50 м, из которых девять – двойные¹³. Открытие этих загонов является новым словом в исследовании памятников эпохи поздней бронзы в Крыму, так как данные объекты, в силу своих значительных размеров, полной погруженности в землю и задернованности, были ранее неизвестны науке и выявились только благодаря магнитной съемке.

¹³ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.2.20; VI.3.20; VI.3.31; VI.3.36; VI.3.43; VI.3.53; VI.3.58; VI.4.13; VI.4.17; VI.4.27.

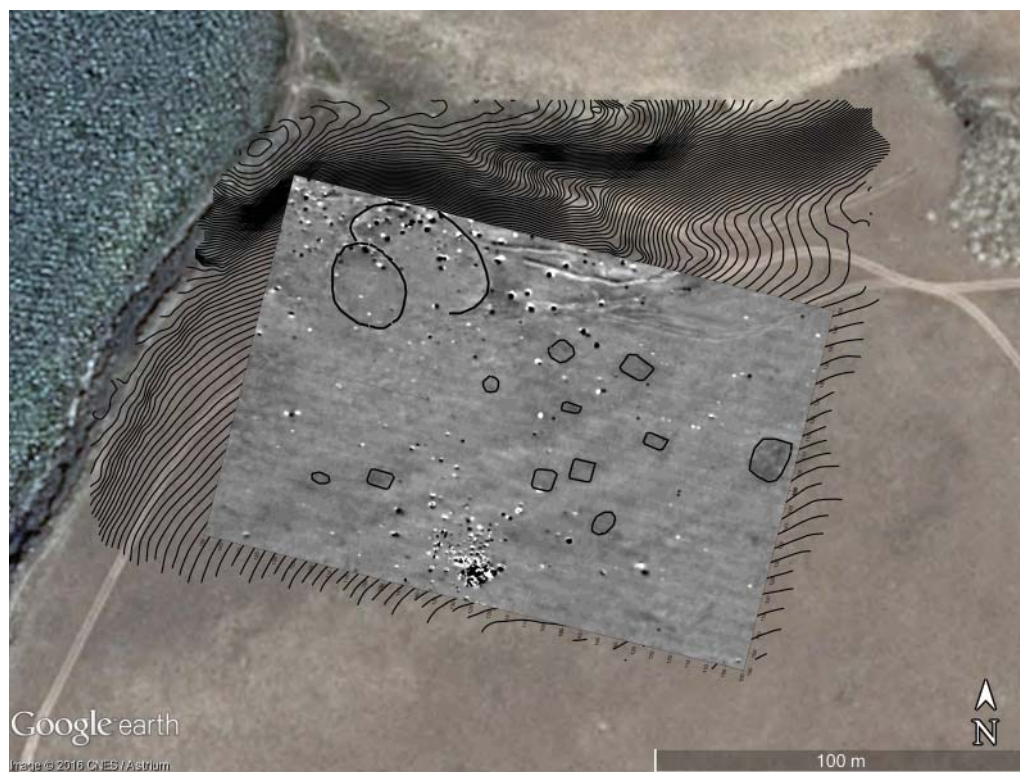

Рис. 18. Интерпретация данных магнитной съемки. Показаны двойной овальный загон и несколько полуземлянок позднего бронзового века

Широка география этих объектов. Самый северный из найденных двойных загонов обнаружен нами на поселении Бакал-2 в балочной системе, впадающей в оз. Бакал. Наибольшее число двойных загонов (шесть) выявлено на п-ве Тарханкут. Еще три загона обнаружено на мысах крупных балок – Тюменской и Борашской (Барановской), принадлежащих водосбору оз. Сасык-Сиваш поблизости от Евпатории. На поверхности памятников нет никаких признаков каменных загоронок, кроме густой травянистой растительности с преобладанием расторопши и особого слоя золистого цвета, насыщенного мелкими фрагментами костей животных и лепной керамики позднего бронзового века. Подобные слои были нами замечены и на других памятниках с двойными каменными загонами позднего бронзового века, однако образцы рыхлых отложений никогда ранее не изучались.

Проведенный в 2015 г. с А.В. Борисовым (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН в Пущино) почвенно-химический анализ позволил установить следующее. Золистый цвет почвы, вероятнее всего, является следствием не сжигания, а микробиологической минерализации. Результат в обоих процессах практически одинаков, за исключением наличия углей при сжигании. Поскольку угли в слое не обнаружены, можно предположить, что золистый цвет и структура почвы не обусловлены горением. В почвенном разрезе резко вы-

деляется слой 5, соответствующий каменному загому, где численность термофилов достигает 0,26 млн. клеток – значительная величина для обычных почв. Так как иной причины появления термофилов в почвах, кроме компостирования растительного материала, нет, то можно с известной долей уверенности говорить, что во время формирования слоя 5 имели место накопление растительного материала и его нагрев вследствие экзотермических реакций при разложении. Природа этого растительного материала, учитывая очень высокие значения урезазной активности, вероятнее всего, связана с содержанием скота.

Таким образом, мы получили доказательства того, что каменные двойные ограды позднего бронзового века являются загонами для скота, а, значит, говорят о развитом скотоводстве у племен позднего бронзового века.

Благодаря магнитной съемке в сочетании с анализом космических снимков удается обнаруживать и определять планировку этих монументальных сооружений, достигающих 50 м в поперечнике. Археологи, вероятно, и раньше встречали при раскопках части этих загонов, но полностью понять их структуру не могли, так как величины открытых площадей были недостаточны, чтобы увидеть все сооружение в целом. Поэтому в научной археологической литературе мы не смогли найти близких аналогий, но имеются, как нам кажется, довольно точные этнографические параллели.

В Греческой Македонии, в горной стране Пиндос, до сих пор сохранились каменные и деревянные двойные и тройные загоны, служащие для доения овец¹⁴. Подобные загородки с отделениями могли служить также для стрижки овец. В Шотландии, на поселении Хирта на острове Ст. Килда, и сейчас существуют очень похожие замкнутые ограды, однако они служат не для того, чтобы загонять туда скот, а наоборот, чтобы предохранять небольшие искусственно созданные посевные поля ячменя и овса от животных, пасущихся вокруг них на каменистой почве.

Поселение Донузлав 8

Поселение располагается аналогичным по отношению к предыдущему поселению образом, на небольшом мысу, образованном берегом озера и боковыми балками, впадающими в него. Оно было обнаружено по густой растительности и мелким фрагментам лепной керамики, найденной вдоль колеи проселочной дороги, пересекающей поселение (рис. 14). Вероятно, это поселение аналогично предыдущему, но это необходимо проверить методом магнитной съемки, что мы и планируем сделать в ближайшем будущем.

Выводы

Комплексная методика, сочетающая изучение космических снимков, архивных аэрофотографий, магнитную съемку, автомобильно-пешие разведки и выборочные направленные раскопки, помогла детально исследовать важный район Северо-Западного Крыма – верховья озера Донузлав. Этот район во все исторические периоды был транзитным, здесь проходили пути кочевников из засушливого степного Центрального Крыма на Тарханкут с его мягким климатом, многочис-

¹⁴ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI. 4. 35; Chang, Tourtellotte 1993, 260, fig. 6.

ленными источниками воды и прекрасными пастбищами. В ходе исследования были выявлены, помимо большого количества крупных курганов с земляными насыпями, поселения раннего железного века и ассоциирующиеся с ними небольшие каменные курганы. Поселения этого времени идентичны поселениям Тарханкута и относятся к джангульской этнокультурной группе.

На одном из двух открытых в ходе исследования поселений позднего бронзового века с помощью магнитной съемки были обнаружены полуземляночные жилища и двойной каменный загон. Выявление двойных загонов на обширной территории (от окрестностей оз. Бакал (Раздольненский р-н) на севере до Тюменьской балочной системы (Сакский р-н) на юге) в сочетании с заглубленными в землю домами позволяет поставить вопрос о единой археологической культуре и хозяйственном типе населения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму. Для развернутой характеристики поселений необходимы дальнейшие детальные исследования по разработанной специальной методике с применением анализа весенних космических снимков и магнитной съемки на выявленных по спутниковым фотографиям объектах, а также раскопки.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д., Петерс, Б.Г. 1966: Подводные работы на дне Черного моря около Донузлава. *Археологические открытия 1965 г.* 11, 12. М.
- Колотухин, В.А. 2003: *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев.
- Мушкетов, И.В. 1895: Заметка о происхождении крымских соляных озер. *Горный журнал* 2, 344–392.
- Олиферов, А.Н., Тимченко, З.В. 2005: *Реки и озера Крыма*. Симферополь.
- Павленков, В.И. 1987: Аблемитское городище на озере Донузлав в Крыму. *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. М.
- Смекалова, Т.Н. 2012: Археологическая карта берегов Донузлавского озера П.Н. Шульца и современные исследования в данном районе. В сб.: *Материалы к археологической карте Крыма* 8, 2, 9–221.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность*. СПб.
- Храпунов, И.Н., Смекалова, Т.Н., Власов, В.В. 2010: Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Бююк-Карасу и Бельбек. В сб.: *Материалы к археологической карте Крыма* 4. Симферополь.
- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.

REFERENCES

- Blavatskiy, V.D., Peters, B.G. 1966: Podvodnye raboty na dne Chernogo morya okolo Donuzlava. *Arheologicheskie otkrytiya* 1965 11, 12. Moscow.
- Kolotyhin, V.A. 2003: *Pozdnyy bronzovyy vek Kryma*. Kiev.
- Mushketov, I.V. 1895: Zаметка o proishozhdenii krymskikh solyanykh ozer. *Gornyy zhurnal* 2, 344–392.
- Olifero, A.N., Timchenko, Z.V. 2005: *Reki i ozera Kryma*. Simferopol.
- Pavlenkov, V.I. 1987: Ablemitskoe gorodishche na ozere Donuslav v Krymu. In: *Zadachi sovetskoy arheologii v svete resheniy XXVII s"ezda KPSS*. Moscow.

- Smekalova, T.N. 2012: Arheologicheskaya karta beregov Donuslavskogo ozera P.N. Shultsa i sovremennyye issledovaniya v dannom rayone. In: *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* 8, 2, Simferopol, 9–221.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2017: *Arheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'*. Saint-Petersburg.
- Hrapunov, I.N., Smekalova, T.N., Vlasov, V.V. 2010: *Arheologicheskie razvedki v predgornom Krymu mezhdru dolinami rek Biyuk-Karasu i Belbek*. In: *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* 4, Simferopol.
- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.

THE «GATE» ON TARKHANKUT. NEW ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE UPPER REACHES OF LAKE DONUZLAV IN THE NORTHWESTERN CRIMEA

Tatyana N. Smekalova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia,
tnsmek@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of systematic and multidisciplinary archaeological surveys in the upper reaches of one of the largest and deepest lakes in the Crimea – Donuzlav, which separates Tarkhankut from the rest of the peninsula. This area was of the great connecting value during the all historical periods: it was the path of the nomads from the steppes to the winter pastures and natural shelters extended into the sea on Tarkhankut Peninsula. The studies were conducted on a comprehensive methodology that combines analysis of satellite images and archival aerial photography, magnetic surveys, automobile-walking exploration and selective excavations. Thus, in 2012–2016 eight settlements of local tribes of the Hellenistic period, two settlements of the Late Bronze Age, a large number of stone mounds and “classic” earthen Scythian burial were revealed and investigated in the upper Donuzlav. The Iron Age settlements belong to Dzhangul ethno-cultural group, common in the Northwest Crimea. In ancient times three ethno-social groups: Greeks-colonists, Scythian nomads and the settled local population coexisted there. In Late Bronze Age settlement Donuzlav 7 by means of magnetic survey a double stone corral the largest diameter of 50 m has been found. This is already the eleventh monument of this type in the North-West Crimea. It was only possible to identify it with the help of magnetometer. Geochemical analysis of soil layer proved that they are precisely corrals. The find of the double corrals is a breakthrough in the archeology of the Late Bronze Age, not only in the Crimea, but also throughout the northern Black Sea coast.

Key words: Northwest Crimea, Donuzlav Lake, Late Bronze Age, Early Iron Age, satellite images, magnetic survey, Dzhangul ethno-cultural group

---

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 174–188
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 174–188
© Автор(ы) 2017

ПИСЬМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СРЕДЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

С.Г. Боталов*, А. Байоглу**, Д.Н. Маслюженко***

* Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск,
grig@csc.ac.ru

** Южно-Уральский Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,
a_bayoglu75@mail.ru

*** Курганский государственный университет, Курган,
denmas13@yandex.ru

Аннотация. В 2013 году на территории Курганской области были сделаны две интересные находки. На берегу реки Алабуга была обнаружена каменная плита с рунической надписью и тамговыми знаками. В окрестностях города Шадринска на левом берегу реки Исеть была обнаружена бронзовая пластина (табличка) с пятью рядами письменных знаков, определяемых как письмо брахми. По сопровождающему материалу и заключению специалистов-языковедов эти находки могут быть отнесены к раннему средневековью (V–VIII вв.). Уникальные находки представляют собой образцы письменных традиций, имевших место в Западно-тюркском каганате.

Думается, что широкая трактовка приведенных артефактов в определенной мере объясняет сложность и многокомпонентность процесса формирования письменных традиций в среде варварского населения цивилизационной провинции Центральной Азии. При

Боталов Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

Байоглу Айхан – соискатель Института истории и археологии УрО РАН.

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, декан исторического факультета Курганского государственного университета.

этом заметим, что на стадии формирования ранней государственности в среде кочевых объединений эта ситуация была вполне характерной. Известны факты полиязычия в среде гуннской знати Атиллы и его придворных (Приск Панийский) и многоязычия и мультикультурности хазарского общества (Ибн Русте, Гардизи). Полагаем, что эта ситуация имела место и в среде полиэтничного населения Западно-тюркского каганата. Если династическую верхушку его составляли тюрки-апины, а южноказахстанские и среднеазиатские города населяли разноэтничные племена (согдийцы, ферганцы, бактрийцы и пр.), то кочевые объединения урало-казахстанских степей состояли из гунно-болгарского населения (Дуло, Нушеби). Безусловно, эта полиэтничность обуславливала процесс поиска не только единого языка общения, но и некоторой общепонимаемой письменной традиции. Вероятнее всего наиболее оптимальной в этой связи оказалась традиция рунического письма, так как, геометризованные формы рун наиболее удобны для их изображения на любом материале (дерево, камень, береста, ткань, кожа) и они очень просты. Это, в сущности, сочетание прямых, косых и кривых линий. Такие знаки удобны для запоминания и для изображения. По принципу простоты и удобства создавались все ранние системы письма, в том числе библейская и финикийская. Этим можно объяснить широкое распространение рунической письменности в Евразии, причем не только у тюркских народов. Думается, что процесс становления рунической письменной традиции протекал достаточно сложно, потому как ему сопутствовала некая общая универсализация ранее существующих и сопутствующих письменных традиций имеющих хождение в макрорегионе Центральной Евразии. В этой связи приведенные артефакты в какой-то мере отражают существующие в эпоху поздней древности и раннего средневековья знаковые и письменные традиции в среде урало-казахстанского населения.

Ключевые слова: тюркские руны, тамги, письмо брахми

Введение

Зимой 2013 года в учебно-исследовательскую археологическую лабораторию Курганского государственного университета студентом исторического факультета А.В. Приходько был передан обломок плиты с надписью и выбитым под ней рисунком человека и копытного животного (рис. 1). По информации, представленной студентом, плита была обнаружена им лично при разборе фундамента дома в заброшенной деревне на берегу реки Алабуга в Звериноголовском районе Курганской области. Весной 2014 года состоялся выезд научного руководителя археологической лаборатории Курганского государственного университета Д.Н. Маслюженко вместе со студентами на место обнаружения находки, в ходе которого были обследованы остатки нескольких домов деревни на левом берегу реки, расположенных примерно в 5,5 км к югу.

На обломке плиты шириной 32–35 см, высотой 23 см, толщиной 5 см в семи сантиметрах от верхнего края нанесено 13 символов (длина фразы 16 см). В трех сантиметрах ниже надписи изображена фигура (высотой 2 см) стоящего человека с палкой (копьем?) в правой руке. Его голова заострена, что может быть связано не только с техникой нанесения линий, но и попыткой изобразить шлем. В одном сантиметре справа от него – фигура копытного животного в движении с рогом/рогами (высота 3,3 см, длина 35 см). Нанесенные символы на первый взгляд напоминали тюркские руны, что делало данный фрагмент первой подобной находкой на территории Среднего Притоболья. Все линии имеют длину около 1,5 см и тол-

щину около 2 мм, то есть, нанесены инструментом с соответствующим лезвием (рис. 1, 3).

Предположение о связи символов с руникой было подтверждено в личной переписке с И.Л. Кызласовым. В связи с этим прорисовка и фотография находки были отправлены С.Г. Кляшторному, который в ответ 30 декабря 2013 года написал: «Очень похоже на восточноевропейский вариант тюркской руники, к сожалению, не дешифрованный. Буду работать над точной атрибуцией». К сожалению, в связи со смертью исследователя работа не была завершена.

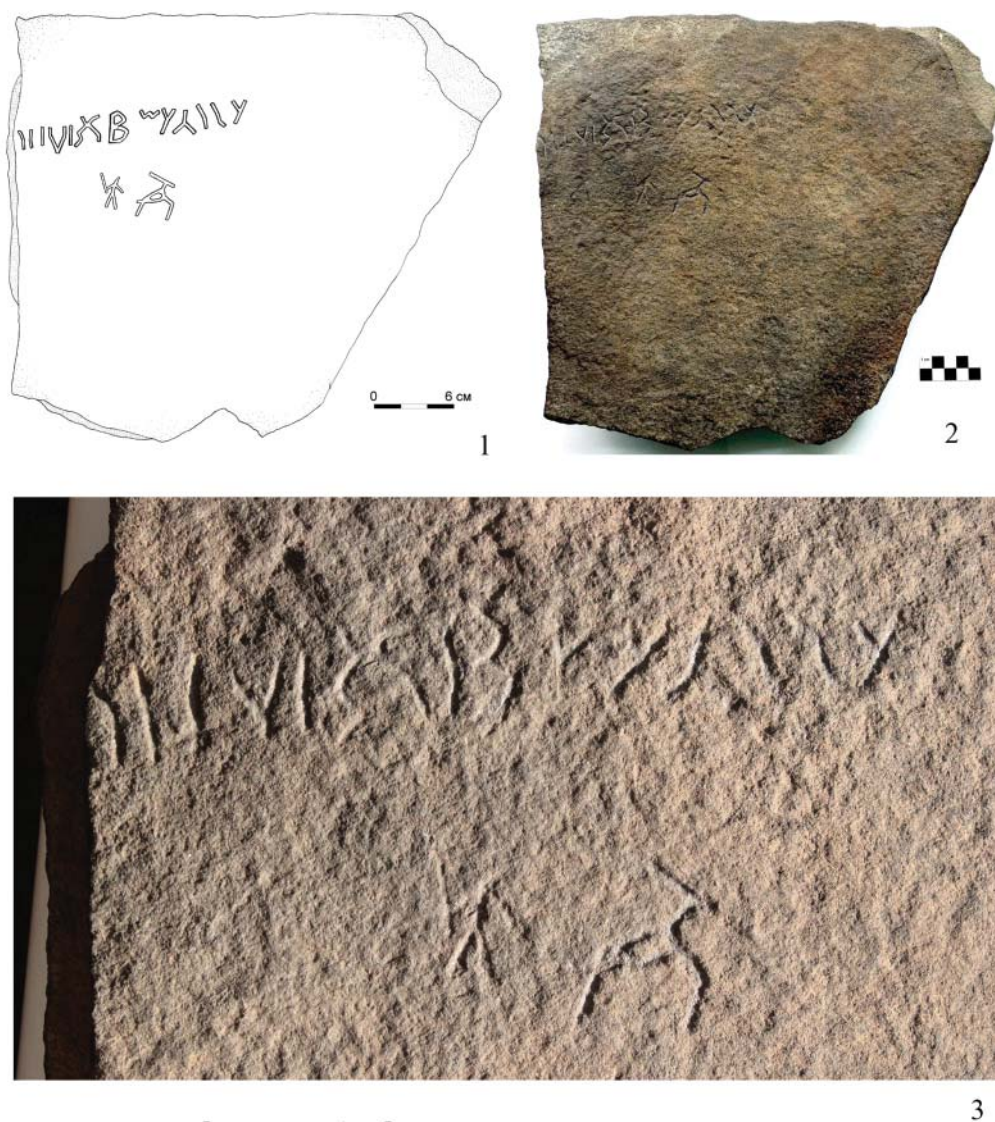

Рис. 1. Каменная плита с рунической надписью и тамговыми знаками. Случайная находка. Курганская область, берег реки Алабуга. 1 – графическая прорисовка; 2 – общий вид; 3 – увеличенная деталь с рунической надписью

В феврале 2015 года работа над дешифровкой была проведена И.В. Кормушиным. Приводим его заключение целиком:

«Буквы типологически похожи на орхоно-енисейское письмо. Из 14 букв в обеих строках (13 в верхней строке и 1 – в нижней) только две имеют шансы быть идентифицированы в орхоно-енисейском алфавите: 1) «волна из 4–5 элементов» – знаки № 6 и № 9 (отсчет справа) в первой строке и единств. знак во второй строке; 2) вертикальная прямая – в знаках № 7, 10, 12. Причем эта черта не очень-то уж и прямая, чувствуется небольшое скругление, но отчего оно – не понятно. Еще одним кандидатом на идентификацию является знак № 11 – «рогатина, обращенная вверх», но он тоже как-то «не по-нашему» широк. К тому же вопрос: не является ли идентичным номеру 11 знак под номером 1 в этой же строке? Еще вопросы: над первой строкой и под ней неясные черты являются ли стертыми следами букв? Остальные буквы, кроме №№ 6, 7, 9, 10, 11, четко не опознаются, ОДНАКО все, что удастся как-то притянуть к буквам орхоно-енисейского алфавита, к сожалению, НЕ ДАЕТ КОНКРЕТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ.

То, что я здесь обозначил как вторая строка из одной буквы «волна из четырех зубчиков», сопровождается какими-то двумя пиктограммами: на левой – человек с палкой или даже топориком в правой руке, на правой – человек с двузубой рогатиной; но объекта их охоты не видно, если только это не крупный зверь с рогами, типа сохатого, от которого остался передний абрис».

Выскажем некоторое наблюдение: представляется, что если у человека с палкой действительно к ней с правой стороны путем пикетажа могло быть дорисовано лезвие или флажок, то это могут быть и естественные выбоины. Относительно второй фигуры представляется, что это все-таки изображение копытного животного. Аналоги подобного рисунка имеются в тюркских памятниках в виде изображения горного козла, который был тамгой правящего рода каганов Восточно-тюркского каганата, хотя рисунок имеет аналоги и в памятниках древнетюркской эпохи в целом¹. «Для изображений этого типа характерны строгая профильность и передача рогов, туловища и ног линиями одинаковой толщины. Фигуры козлов на них предельно стилизованы и уже превращены в схему, в тамгу. В настоящее время круг аналогий им на памятниках бесспорно тюркского времени (на каменных изваяниях, стелах, рельефах, стенках саркофагов, статуарных изображениях животных) значительно увеличился. Неоднократно встречены они и в сочетании с руническими надписями. В свете этих материалов принадлежность таких рисунков (а, следовательно, и их аналогов в наскальных изображениях) ко времени господства Древнетюркских каганатов можно считать установленной»². Единственным, но возможно значимым отличием является то, что у изображения на алабугской плите рог прямой, а не загнутый. Д.Г. Савинов указывает, что «схематические рисунки горных козлов можно в значительной степени определить как памятник политического характера, которым наносивший его человек подчеркивал свою принадлежность к данному государственному объединению»³.

¹ Савинов 1984, табл. IX.

² Кляшторный, Савинов 2005, 244–245.

³ Савинов 1984, 74–75.

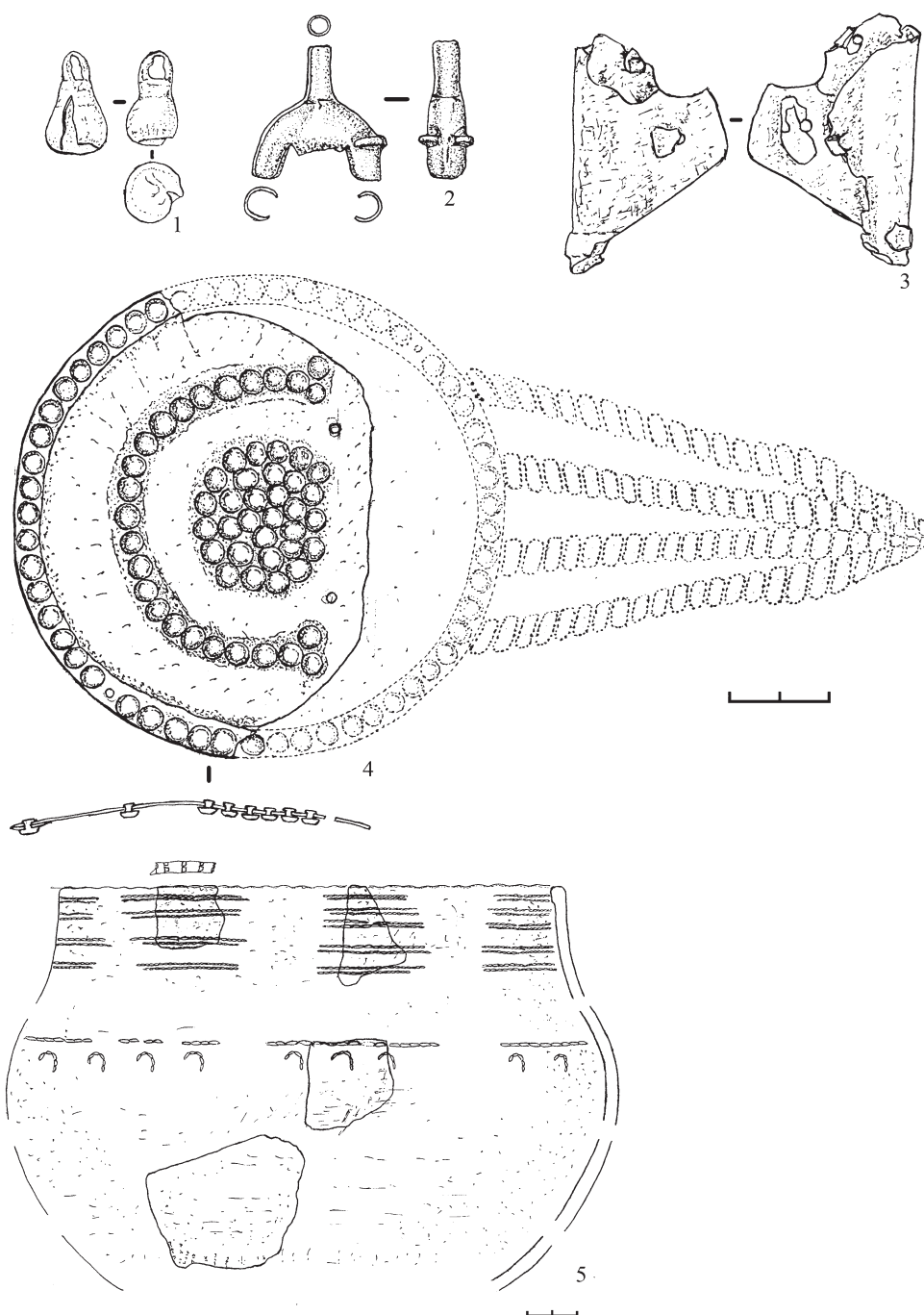

Рис. 2. Случайные находки с территории обнаружения «шадринской» таблички. Курганская область, окраина города Шадринска, левый берег реки Исеть. 1 – пуговица; 2 – медведевидная подвеска; 3 – неопределимый предмет; 4 – обломок диска эполетообразной фибулы; 5 – глиняный сосуд. 1–4 – бронза, 5 – керамика

Симптоматичен тот факт, что весной того же 2013 года в фонды Южно-Уральского отделения института истории и археологии УрО РАН поступили материалы из поверхностных сборов, проведенных И.В. Яшиным в окрестностях города Шадринска (выражаем глубокую благодарность И.В. Яшину за своевременно предоставленные материалы, исчерпывающую информацию об их местонахождении и условиях обнаружения). Находки были сделаны на боровой террасе левого берега реки Исеть, на участке общей площадью до двух гектаров в 4,3 км к востоку, юго-востоку от северо-восточной окраины города Шадринска и в 1,8 км от городища Носилово I. Позднее в 2014 году этот участок был обследован А.В. Паруниным. В результате обследований на этой территории был зафиксирован поселенческий слой⁴. В общей сложности на площадке было обнаружено до десятка металлических предметов и фрагментов керамических сосудов. Наиболее яркие археологические находки – обломок диска от эполетообразной фибулы, бронзовая пуговица, бронзовая медведевидная подвеска (рис. 2, 1–4). Эти предметы, вероятнее всего, могут быть датированы в пределах раннего средневековья V–VI вв.⁵. Этой датировке не противоречит культурная интерпретация частичного развала сосуда, обнаруженного в пределах площадки местонахождения. Тонкостенный горшок орнаментирован шнуром в виде горизонтальных линий по шейке, а также одиночными подковообразными вдавлениями по верху плеча и имеет легкий наплыв с внутренней стороны венчика (рис. 2, 5). Подобная керамика может быть отнесена к типологическому горизонту батырских или петрогромских памятников и датирована в пределах VI–VIII вв. (благодарим коллегу А.П. Зыкова за неоценимую консультацию по данному вопросу)⁶.

Однако наиболее яркой находкой, обнаруженной в пределах исследуемой площадки, оказалась бронзовая раскованная пластинка размерами 5,9×6,3×0,11 см, имеющая в верхней части отверстие диаметром 0,35 см с кольцом из бронзовой проволоки для подвешивания. На отшлифованной стороне пластины техникой холодной гравировки нанесены пять письменных строк, отделенных между собой горизонтальными линиями. Внутри них помещено более пятидесяти письменных знаков (рис. 3, 1–3).

В связи с этой находкой автор (С.Г. Боталов) вынужден был обратиться к специалистам языковедам за разъяснениями. Учитывая неординарность артефакта, приводим заключения всех участвовавших в консультациях в хронологическом порядке:

07.06.2013. *Интересная табличка. Рахмат сизге.*

То, что это фонетическое письмо, Вы сами видите. То, что это не руны – тоже. Точное определение письма требует времени (коим не располагаю, да и Вы торопитесь). Влет скажу следующее:

- письмо очень архаично;*
- письмо справа налево (иными словами, у него семитские корни);*
- основа его – обозначение согласных (при пропуске, по крайней мере, частично гласных слова; иными словами – и у его правописания семитские корни);*

⁴ Парунин 2014.

⁵ Мажитов 1968; Боталов 2009, 552–553, рис. 121.

⁶ Викторова 2008, 89, рис. 5.

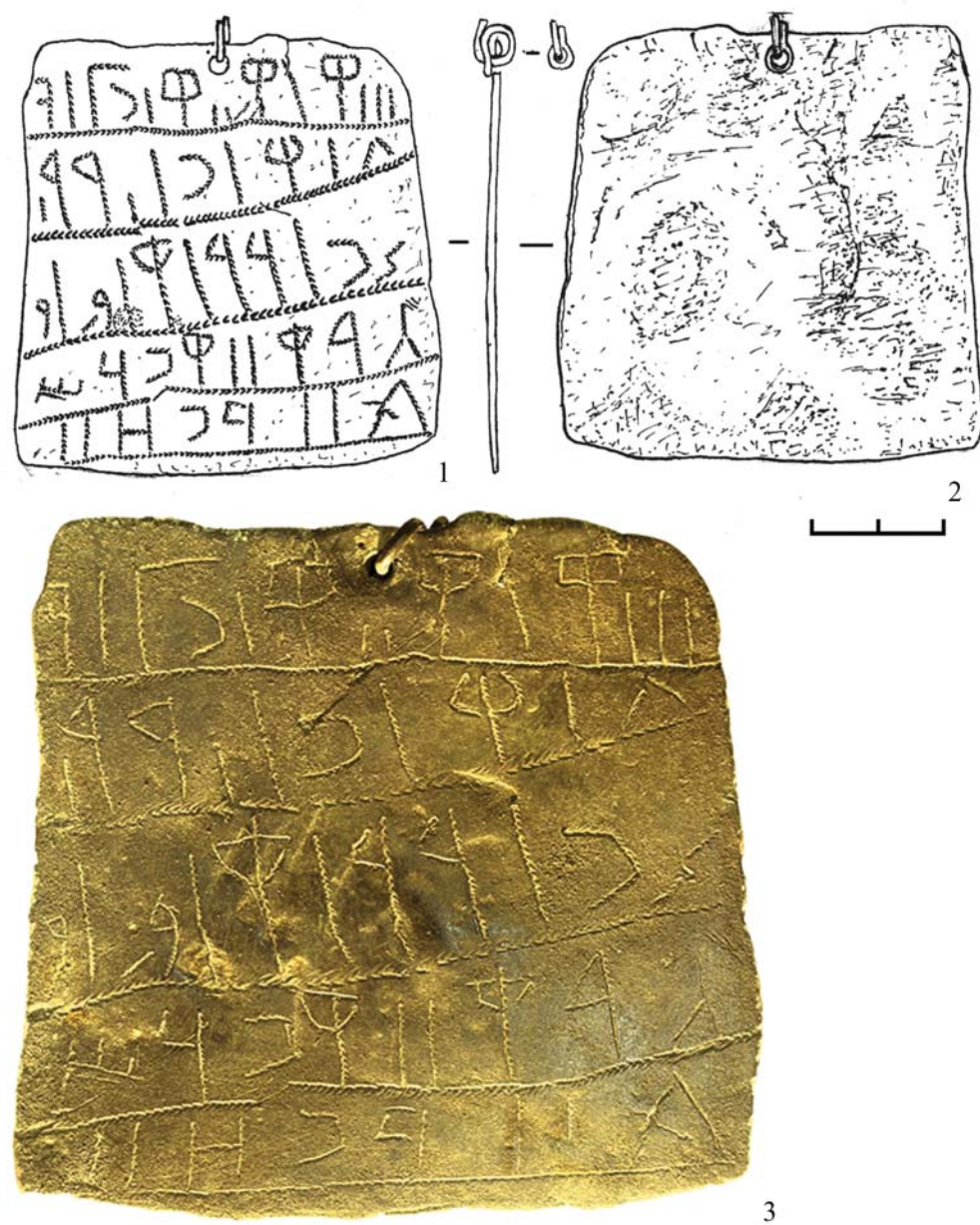

Рис. 3. Шадринская табличка. Случайная находка. Курганская область, окраина города Шадринска, левый берег реки Исеть. 1, 2 – графическое изображение, 3 – фото. Бронза

– ряд знаков указывает на бывшие финикийские корни этой письменности (иными словами, и здесь семитская основа). Кызласов Игорь Леонидович.

30.06.2013. Найденная Вами надпись (откуда?) не имеет ничего общего ни с тюркской руникой, ни с руноподобным письмом кургана Иссык. Лившиц еще не смотрел, о результатах сообщу. Ваш С. Кляшторный.

08.10.2013. Наконец-то мне удалось встретиться с нашим основным специалистом по древнеиндийским письменностям – М.И. Воробьевой-Десятовской (она болеет и редко бывает в Институте). Она без всяких сомнений определила найденную Вами надпись как текст, написанный письмом брахми. Скорее всего, санскритский, и обещала подумать над ним. В.А. Лившиц также согласен с ее атрибуцией. В настоящее время известна целая серия надписей в Монголии и Восточном Казахстане письмом брахми, относящихся к тюркской эпохе. Не уточните ли Вы условия находки Вашей пластинки? С наилучшими пожеланиями. Ваш С.Г. Кляшторный (выражаем глубокую признательность И.Л. Кызласову, В.А. Лившицу, М.И. Воробьевой-Десятовской, Питеру Б. Голдену за оказанные неоценимые консультации. С особой благодарностью на страницах данной статьи хочется почтить память великого российского историка, востоковеда Сергея Григорьевича Кляшторного, который до последнего дня сотрудничал с нами по вопросам, поднимаемым в данном исследовании).

13.01.2014. Очень интересный артефакт. Может быть, это форма письменности брахми, использовавшаяся в санскрите. В этом случае я бы согласился с Сергеем Кляшторным, серьезным экспертом в этой области. Не думаю, чтобы это была тюркская руническая письменность, хотя мы знаем, что существовал ряд вариантов тюркской рунической письменности, которые использовались по всей Евразии. Также можно задаться вопросом, не является ли это некоей формой греко-бактрийской письменности, использовавшейся эфталитами и, возможно, иными племенами. Артефакт действительно интригует. Так как большого разнообразия в «буквах» на обнаруженном памятнике не наблюдается, и они, как представляется, разделены линиями, напр. |φ| и т.д., можно также задаться вопросом, не являются ли они неким видом культовых/магических знаков? Мне чрезвычайно интересно, как и к каким конечным заключениям вы придете. С наилучшими пожеланиями, Питер Б. Голден.

К сожалению, так и не удалось получить более широкие комментарии Маргариты Иосифовны Воробьевой-Десятовской, однако, несмотря на то, что до сего дня не удалось дешифровать текст на этой пластине, специалистами-языковедами высказан ряд весьма важных наблюдений. С одной стороны, все исследователи признают, что изобразительный ряд представляет собой элементы древнейшего письма. При этом категорически отрицается его принадлежность к тюркскому руническому ряду (И.Л. Кызласов, С.Г. Кляшторный, П. Голден). Питером Голденом высказано осторожное предположение, что, возможно, это может быть рядом культовых магических знаков (тамг?).

Это требует особого разъяснения. Действительно, такой знаковый ряд присутствует на различных артефактах предшествующей эпохи. В Урало-Казахстанском регионе известна целая серия зеркал позднесарматского (гунно-сарматского) времени II–IV вв. Так, на подражаниях ханьским зеркалам из могильников Малковского и Лебедевка, так называемого восьмиарочного типа, в поле, рас-

положенном на концах восьми лучей, размещаются некие символы (рис. 4, 1–2). Это пиктограммы, представляющие собой древние иероглифические знаки. Они, безусловно, отличаются от современных иероглифов, которые являются традиционным шаблоном «пожелание долгого продолжения рода и бесконечного потомства», хотя смысловая нагрузка их идентична (благодарим С.А. Ханова за ценную консультацию по данному вопросу).

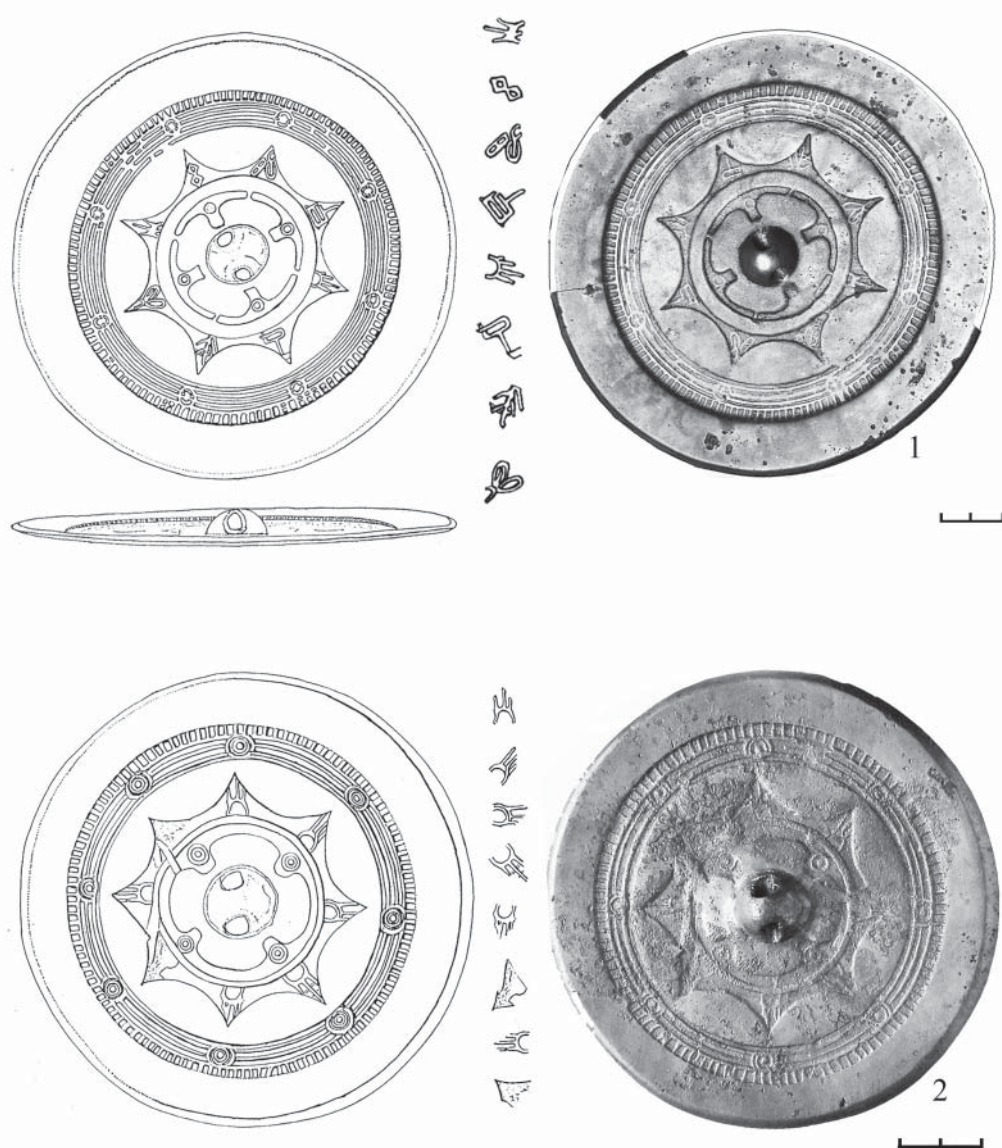

Рис. 4. Зеркала. Восьмиарочный тип. Подражание ханьским зеркалам. 1 – могильник Малковский, курган 1; 2 – Могильник Лебедевка. Бронза

В другом случае на ханьском подражании восьмиарочным зеркалам, обнаруженном в окрестностях Охлебининского городища (Башкортостан), а также на зеркале из разрушенного погребения у поселка Наваринка, представляющего собой грубое варварское подражание восьмиарочному типу ханьских зеркал, хорошо просматриваются ряды тамгообразных знаков. В первом случае по кругу вокруг петли подвешивания (рис. 5, 4–6). Во втором – по внешнему кольцу, идущему вокруг восьмиарочного членения (рис. 5, 1–3). Действительно, многие из изображенных знаков имеют аналогии в материалах сарматских и тюркских тамг, которые приводятся в работах С.А. Яценко и А.М. Досымбаевой⁷. Данные символы и тамги существуют в пределах рассматриваемого региона и, вероятнее всего, в единую эпоху. На первый взгляд, они не имеют явной схожести со знаковым рядом шадринской пластины. Тем не менее, если мы соотнесем эти знаки с алфавитом брахми, то высветится явная схожесть целого ряда знаков⁸ .

Думается, что этот факт неслучаен и требует особого рассмотрения. Вероятнее всего, мы имеем дело с некой формой «архаичного» (И.Л. Кызласов) письма. Каким образом можно интерпретировать этот ряд языковых и письменных традиций, которые в своих заключениях были приведены различными специалистами – семитские, финикийские корни (И.Л. Кызласов); письмо брахми на языке санскрит (М.И. Воробьева-Десятовская); имевшее хождение в течение тюркской эпохи (С.Г. Кляшторный) или некий вариант греко-бактрийской письменности, использовавшейся эфталитами (П. Голден)? Приведенные артефакты с образцами рунической (орхоно-енисейской) письменности шадринской пластины с письмом брахми и знаковые ряды изображений на гунно-сарматских зеркалах демонстрируют весьма сложную картину становления письменных традиций в среде урало-казахстанского населения. Вероятнее всего, процессы языкового микширования и заимствований письменных традиций наибольшую активность приобретают в период существования Западно-тюркского каганата.

Уникальные находки раскрывают весь сложный спектр процессов складывания письменной культуры в среде населения Западно-тюркского каганата. Попробуем реконструировать процесс становления письменной культуры в период существования каганата. Из канвы приведенных выше комментариев выпал лишь аспект о преемственности согдийского и рунического письма. Между тем он требует особого рассмотрения. Как известно, согдийское письмо имело наиболее широкое хождение в среде оседлого населения юга Казахстана и Средней Азии в период Западно-тюркского каганата⁹. Учитывая тот факт, что происхождение собственно тюркского рунического письма сегодня остается неясным, следует заметить, что многими исследователями отмечается совпадение знаков с тамгами, возможным акрономическим (буквенная аббревиатура) происхождением звуковых значений. Сходство некоторых знаков (а также общий угловатый стиль, направление письма, совпадение фонетических значений) позволило предположить родство с ранними видами семитской письменности: библской и финикийской¹⁰.

⁷ Яценко 2001, рис. 32, 35, 36; Досымбаева 2014, 407–424.

⁸ Иоганн Фридрих 1979, 381–382; <http://trilinguis/livejournal.com/5200.html>.

⁹ Осава 2013, 82–93.

¹⁰ Малов 1951, 23.

Рис. 5. Зеркала. Подражания ханьским зеркалам. 1 – курган у поселка Наваринка; 2 – окрестности Охлебининского городища. Бронза

Согласно последним историческим, филологическим и археологическим материалам, добытым в результате раскопок в Монголии и на других территориях, кажется бесспорным, что кочевые народы стали использовать тюркский рунический алфавит и тюркские языки в качестве официальных не позднее начала VIII века. Однако наряду с этим использовалось согдийское и китайское письмо в качестве официальных в деловых и дипломатических документах. В 2013 году в Монгольской степи были изучены две каменные стелы с надписями на брахми (возможно, на

санскрите)¹¹. Близкие к древнетюркскому письму надписи V–III вв. до н.э. обнаружены в Казахстане (Иссык-иссыкское письмо) и Киргизии – Талас, Балыкчи и др.¹²

Однако по предположению ряда ученых собственно тюркские руны были созданы не ранее начала VIII в. на базе согдийского письма, возможно, с добавлением знаков из других алфавитных систем, путем трансформации курсивных начертаний букв в геометризованные формы. Предлагались также гипотезы о происхождении из фонетических знаков китайского письма, либо письма кхароштки¹³.

Что же касается согдийского компонента в письменной культуре народов Центральной Евразии, следует остановиться на следующем аспекте: согдийское письмо (согдийский алфавит) – одна из древних письменностей, возникшая в Согдиане, которая произошла из восходящей к арамейскому письму сирийской письменной традиции. Первоначально использовалась для записи согдийского языка, относящегося к иранской языковой группе. Впоследствии была адаптирована для древнеуйгурского и других восточнотюркских языков. Согдийская письменность использовалась для записи религиозных (буддистских, манихейских, несторианских и зороастрийских), а также светских текстов-писем, законодательных актов, надписей на монетах и т.д.

На согдийском языке тексты писались справа налево. Модификацией согдийского является староуйгурское письмо, заимствованное монголами и породившее ряд вариантов, включая старомонгольскую и маньчжурскую письменности.

Абсолютное большинство согдийских текстов записано тремя видами письменности: слабо модернизированным *сирийским письмом* записаны практически все христианские тексты; более половины манихейских текстов сохранилось в записи так называемым манихейским письмом. Все ранние виды согдийской письменности восходят опять же к *западносемитскому письму*, как и большинство других среднеиранских письменностей. Эту письменность (именуемую «квазиалфавитной», или «консонантной») характеризует последовательная запись согласных звуков, при том, что гласные изначально не отображались (в дальнейшем для указания на гласные стали использоваться знаки для одной согласной (*гортанной смычки*, так называемый *алеф*) и двух полугласных – *й* (/w/) и *й* (/j/), надстрочные и подстрочные знаки).

Ранние согдийские тексты (Куль-Тюбе, надписи, «Старые Письма») записаны шрифтом, близким к арамейскому прототипу, направление письма – справа налево. Однако письменность более позднего, «классического» времени подверглась серьезным изменениям: распространилось и стало обязательным *курсивное*, то есть слитное написание букв внутри слова, и строка была повернута на 90 градусов против часовой стрелки, то есть тексты писались сверху вниз. В этом изменении исследователи традиционно видят китайское влияние, несмотря на расположение строк и страниц слева направо; в академической традиции эти тексты принято разбирать, расположив строки горизонтально.

Согдийская письменность была достаточно трудна для чтения (консонантность, арамеограммы). Недаром в державе Ахеменидов писцами работали арамеи и сирийцы, знавшие и арамейский, и иранский языки, подобно тому, как в Мон-

¹¹ Досымбаева 2013, 83.

¹² Кызласов 1994, 112.

¹³ Кормушин 2004, 32.

гольской державе писцами были уйгуры, знавшие и уйгурскую курсивную письменность (на основе согдийского письма), и монгольский язык. Дополнительным доводом может служить и то, что согдийская письменность в первую очередь, была предназначена для передачи религиозных текстов, содержавших различные аллегории, метафоры, написанные туманным языком. Такие тексты предполагают неторопливый, тщательный процесс чтения. Их авторами и читателями были немногочисленные хорошо образованные люди, связанные с духовенством.

С другой стороны, тюркская письменность оказалась более простой по сравнению с согдийской, так как в ней наряду с согласными изображаются и гласные звуки, отсутствуют арамеограммы. Тюркская письменность основана не на чужом языке (арамейский был чужим для иранского и тюркского населения Средней Азии), а на собственной тюркской речи. Такая письменность пригодна для выполнения внутривосточных задач, агитации и пропаганды в молодых, агрессивных, быстро растущих государствах раннесредневековых тюрков.

Заключение

Из приведенного контекста следует, что согдийская письменная традиция восходит к западносемитскому или арамейскому традиционному укладу. Это объясняет особенность написания справа налево. Следует отметить, что эти особенности также были упомянуты специалистами при анализе текста шадринской таблички.

Думается, что широкая трактовка приведенных артефактов в определенной мере объясняет сложность и многокомпонентность процесса формирования письменных традиций в среде варварского населения цивилизационной провинции Центральной Азии. При этом заметим, что на стадии формирования ранней государственности в среде кочевых объединений эта ситуация была вполне характерной. Известны факты полиязычия в среде гуннской знати Атиллы и его придворных (Приск Панийский) и многоязычия и мультикультурности хазарского общества (Ибн Русте, Гардизи). Полагаем, что эта ситуация имела место и в среде полиэтнического населения Западно-тюркского каганата. Если династическую верхушку его составляли тюрки-апины, а южноказахстанские и среднеазиатские города населяли разнородные племена (согдийцы, ферганцы, бактрийцы и пр.), то кочевые объединения урало-казахстанских степей состояли из гунно-болгарского населения (Дуло, Нушеби). Безусловно, эта полиэтничность обуславливала процесс поиска не только единого языка общения, но и некоторой общепонимаемой письменной традиции. Вероятнее всего, наиболее оптимальной в этой связи оказалась традиция рунического письма, так как геометризованные формы рун наиболее удобны для их изображения на любом материале (дерево, камень, береста, ткань, кожа), и они очень просты. Это, в сущности, сочетание прямых, косых и кривых линий. Такие знаки удобны для запоминания и для изображения. По принципу простоты и удобства создавались все ранние системы письма, в том числе библейская и финикийская. Этим можно объяснить широкое распространение рунической письменности в Евразии, причем не только у тюркских народов. Думается, что процесс становления рунической письменной традиции протекал достаточно сложно, потому как ему сопутствовала некая общая универсализация ранее существующих и сопутствующих письменных традиций, имеющих хожде-

ние в макрорегионе Центральной Евразии. В этой связи приведенные артефакты в какой-то мере отражают существующие в эпоху поздней древности и раннего средневековья знаковые и письменные традиции в среде урало-казахстанского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов, С.Г. 2009: *Гунны и тюрки*. Челябинск.
- Викторова, В.Д. 2008: Археологические культуры в верховьях реки Исети во время великого переселения народов. *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. г. Шадринск, 5–6 ноября 2007*. Челябинск–Шадринск, 81–94.
- Досымбаева, А.М. 2013: *Западный Тюркский каганат*. М.
- Досымбаева, А.М. 2014: *Тамги. Западно-тюркский каганат. Атлас*. Астана.
- Иоган Фридрих 1979: *История письма*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trilinguis.livejournal.com/52008.html>
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. 2005: *Степные империи древней Евразии*. СПб.
- Кормушин, И.В. 2004: *Древние тюркские языки*. Абакан.
- Кызласов, И.Л. 1994: *Рунические письменности евразийских степей*. М.
- Мажитов, Н.А. 1968: *Бахмутинская культура*. Уфа.
- Малов, С.Е. 1951: *Памятники древнетюркской письменности*. М.
- Осава, Т. 2011: Исторические значения сосуществования языков, культур и культовых верований в ранний период Тюркского каганата от земли Отыукен до региона Тянь-Шаня. В кн.: *Западно-тюркский каганат. Атлас*. Астана.
- Парунин, А.В. 2014: *Отчет об археологических исследованиях в окрестностях г. Шадринска Курганской области в 2007 году*. Челябинск.
- Савинов, Д.Г. 1984: *Народы Южной Сибири в тюркскую эпоху*. Л.
- Яценко, С.А. 2001: *Знаки тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. М.

REFERENCES

- Botalov, S.G. 2009: *Gunny i tyurki*. Chelyabinsk.
- Dosymbaeva, A.M. 2013: *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat*. Moscow.
- Dosymbaeva, A.M. 2014: *Tamgi. Zapadno-tyurkskiy kaganat. Atlas*. Astana.
- Iogan Fridrih 1979: *Istoriya pis'ma*, <http://trilinguis.livejournal.com/52008.html>
- Klyashtornyy, S.G., Savinov, D.G. 2005: *Stepnye imperii drevney Evrazii*. Saint-Petersburg.
- Kormushin, I.V. 2004: *Drevnie tyurkskie yazyki*. Abakan.
- Kyzlasov, I.L. 1994: *Runicheskie pis'mennosti evraziyskih stepey*. Moscow.
- Malov, S.E. 1951: *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti*. Moscow.
- Mazhitov, N.A. 1968: *Bahmutinskaya kul'tura*. Ufa.
- Osava, T. 2011: Istoricheskie znacheniya sosushchestvovaniya yazykov, kul'tur i kul'tovykh verovaniy v ranniy period Tyurkskogo kaganata ot zemli Otyuken do regiona Tyan'-Shanya. In: *Zapadno-tyurkskiy kaganat. Atlas*. Astana.
- Parunin, A.V. 2014: *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh g. Shadrinska Kurganskoy oblasti v 2007 godu*. Chelyabinsk.
- Savinov, D.G. 1984: *Narody Yuzhnoy Sibiri v tyurkskuyu epohu*. Leningrad.
- Viktorova, V.D. 2008: *Arheologicheskie kul'tury v verhov'yah reki Iseti vo vremya velikogo pereseleniya narodov. Problemy bakal'skoy kul'tury. Materialy nauchno-prakticheskogo*

- seminara po problemam bakal'skoy kul'tury. g. Shadrinsk, 5–6 noyabrya 2007. Chelyabinsk – Shadrinsk, 81–94.*
- Yacenko, S.A. 2001: *Znaki tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*. Moscow.

WRITTEN TRADITIONS AND LINGUISTIC BORROWINGS IN MEDIUM OF TURKIC-SPEAKING NOMADS IN THE URAL-KAZAKHSTAN STEPPES

Sergey G. Botalov*, Ayhan Bayoglu**, Denis N. Maslyuzhenko***

**South Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia,*

grig@csc.ac.ru

***Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia,*

a_bayoglu75@mail.ru

****Kurgan State University, Russia,*

denmas13@yandex.ru

Abstract. In 2013 two interesting finds were discovered on the territory of the Kurgan Region. A stone plate with runic inscriptions and tamga-like signs were discovered on the bank of the Alabuga River. A bronze plate (tablet) with five lines of graphic signs, estimated as the Brahmi script, was found on the left bank of the Iset River near Shadrinsk. Based on the accompanying material and the conclusion of professional linguists, these findings can be associated with the early Middle Ages (the 5th to 8th centuries) and represent samples of the written traditions of the Western Turkish Khaganate.

It is believed that the broad interpretation of the given artifacts explains to some extent the complexity of a formation process of written traditions in a barbaric society of civilization province in the Central Asia. It is of importance to note that such situation was quite common for nomadic confederations during early nation-building. Facts of multilingualism among Attila's Hunnic nobles and courtiers (Priscus of Panium) so as multilingualism and multiculturalism in Khazar society (Ahmad ibn Rustah, Abu Sa'id Gardezi) are well known. Such situation is believed to take place among a polyethnic population of the Western Turkish Khaganate. As long as the dynastic leaders were Turks-Apins, polyethnic tribes (Sogdians, Ferghans, Bactrians etc.) populated South Kazakhstan and Central Asian cities, nomadic confederations of Ural-Kazakhstan steppes comprised the Hunnic-Bolgar population (Dulo, Nushibi). Certainly, such polyethnicity caused a search process of both a common speaking language and some generally understood written tradition. Most likely the tradition of the runic scripture became the most rational in this case, as geometric runic characters turned out to be the best to be depicted on any material (wood, stone, birchbark, fabric, leather) due to their simplicity. They virtually represent combinations of straight, slanting and curve lines. Such symbols are easy to remember and reproduce. All ancient writing systems, including Biblical and Phoenician, were created to be simple and convenient. This may explain a wide spreading of the runic scripture across Eurasia, and not exclusively among Turkic peoples. It appears that the runic scripture had a difficult process of establishment due to subsequent universalization of existing cocurrent written traditions in the Central Asia macroregion. In this regard given artifacts reflect to some extent existed written traditions of the Ural-Kazakhstan population during the late Antiquity and early Middle Ages.

Key words: Turkic runs, tamgs, brakhmi system of writing

ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ КАГАНОВ И ВОЗВЫШЕНИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (534–572 гг.)

Р.Т. Ганиев

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
rusthist@yandex.ru*

Аннотация. На материале китайских письменных источников рассматривается начальный период становления и усиления Тюркского каганата в Центральной Азии. Анализируется внутренняя и внешняя политика первых тюркских каганов – Тумыня, Коло, Муханя, а также их отношения с Китаем. Показана региональная ситуация накануне создания Тюркской империи, а также дана оценка влиянию климатического фактора на события в изучаемый период.

События начальной истории Тюркского каганата 534–542 гг. развивались в условиях неблагоприятной климатической ситуации, являвшейся катализатором обострения внутривосточной и внешнеполитической борьбы между китайскими династиями и, как следствие, складыванию более критического положения, чем у кочевников в степи. В итоге, это способствовало ослаблению Китая и возвышению Тюркского каганата в жесткой конкурентной борьбе с телэ и жузянями.

Во время правления Мухань кагана тюрки достигли максимального могущества своего объединения, территория которого простиралась от Каспийского моря на западе и до залива Ляодун на востоке. Китайские династии Северная Чжоу и Северная Ци соревновались между собой за право установления союзнических отношений с тюрками. Инструментом давления для тюрков являлось решение вопроса о межгосударственном браке между тюрками и китайцами. Долгое время Мухань каган откладывал свое решение, выбирая между Северной Чжоу и Северной Ци, сдерживая при этом обе династии. В итоге тюрки остановили свой выбор на династии Северная Чжоу, с которой их связывали общие торговые интересы и единые торговые маршруты вдоль хребта Наньшань, находящихся под угрозой нападения со стороны других кочевников.

Ключевые слова: Древние тюрки (туцзюэ), Китай, династия Западная Вэй, Восточная Вэй, Тюркский каганат, Мухань каган, климат, эпидемия, Центральная Азия

Ганиев Рустам Талгатович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, директор Центральноазиатского научно-исследовательского центра УрФУ.

Введение

Основные сведения по ранней истории древних тюрков содержатся в китайских династийных летописях (чжэнши) Чжоу шу, Бэй ши, Суй шу, Бэй ци шу, Тан шу, Цзю тан шу¹.

В истории древних тюрков (туцзюэ) существует множество дискуссионных вопросов. Одним из них является ранний период Тюркского каганата, начало которого исследователи ведут с 545 или 551/552 гг.² Однако впервые тюрки упоминаются в китайских летописях в 534 г.: «Потомок (внук) Асянь Шада звался Тумынь (Бумын), орда которого постепенно усиливалась. Тогда туцзюэ пришли первый раз на китайскую границу, чтобы купить шелк (цзэн) и отходы (пряжа) кокономотания и шёлкокручения (сюй). Они желали установить контакт с Китаем»³. □其后曰土门, 部落稍盛, 始至塞周 书上市缯絮, 愿通中国⁴)

Кроме того, источники уточняют, что «усиление туцзюэ при Тумыне произошло в конце поздней Вэй (примерно 534 г.)»⁵. (後魏末, 其酋帥土門, 部落稍盛, 始至塞上通中國⁶)

Следующее появление тюрков в источниках датируется 542 г. Между 534 и 542 гг. прошло 8 лет, но, согласно сведениям современных климатологов, они оказались наиболее драматичными в истории средневекового мира, в это время отмечалось самое резкое понижение среднегодовой температуры в северном полушарии за последние 2000 лет⁷.

О событиях 536–537 гг. известный византийский историк Прокопий Кесарийский писал: «И в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть»⁸. Подобные явления в 536–537 гг. отмечались во многих уголках планеты: Ирландии, Китае, Чили, Европе и Азии.

Климатические аномалии 536–545 гг. объединили огромное количество современных исследователей, занимающихся изучением этого природного явления.

Участники проекта The Greenland Ice Sheet Project (GISP) исследуют образцы ледовых кернов с острова Гренландия и Антарктиды⁹. По сведениям ученых, ледовые образцы 536, 538, 539, 541 и 543 гг. из Гренландии имеют высокое содержание сульфата¹⁰, что может свидетельствовать об их высоком содержании в атмосфере тех лет и низких температурах, при которых они образуются. Дендрохронологи изучают изменения климата по древесным кольцам. Древесно-кольцевые

¹ Бичурин 1828; Liu Mau-Tsai 1958; 北史 2012; 周书 2012.

² Кляшторный, Савинов 2005, 83; Гумилев 1967, 26.

³ Liu Mau-Tsai 1958, 6.

⁴ 周书 2012, 1439.

⁵ Liu Mau-Tsai 1958, 6.

⁶ Тун дзянь, <http://ctext.org/tongdian/197/zh>

⁷ Keys 2000; Churakova-Sidorova at al. 2014, 140–150; Larsen at al. 2008; Rigby at al. 2004, 23–26.

⁸ Прокопий Кесарийский 1998, 274.

⁹ Jouzel 2013, 2525–2547; Clausen 1997, 26707–26723.

¹⁰ Abbott at al. 2014.

хронологии с полуострова Ямал¹¹, Алтая¹² и Монголии¹³ также свидетельствуют о климатических экстремумах 536–545 гг. Наиболее холодными и экстремальными годами, выявленными учеными, являются 536, 537, 543 и 545 гг.

Последствия аномально холодных лет оказались тяжелыми для многих жителей средневекового мира. На это время пришлось одна из самых больших эпидемий – «Юстинианова чума». Это первая исторически известная пандемия чумы, названная по имени византийского императора Юстиниана I. Ее жертвами стали более 100 млн. человек. Считается, что в 540–541 гг. она началась в Египте (по другой версии, в Эфиопии), по торговым средиземноморским каналам достигла Константинополя, отсюда распространилась по всей Византии, а затем по странам Северной Африки, Европы, Центральной и Южной Азии и Аравии. Однако, согласно последним генетическим исследованиям, возбудитель Юстиниановой чумы появился не в Африке, а в Центральной Азии¹⁴. Природными резервуарами чумы являются грызуны – сурки, суслики, песчанки, крысы, мыши, а переносчики бактерии – живущие на грызунах блохи, которыми так изобилует этот регион.

Неслучайно после 534 г. в китайских источниках не упоминаются какие-либо контакты между тюрками и китайцами вплоть до 542 г. Возможной причиной этому являются спад экономического производства, уменьшение численности населения как в Китае, так и в Тюркском каганате. Кроме того, в Китае в 534–535 гг. шла гражданская война, в результате которой династия Северная Вэй разделилась на Восточную и Западную Вэй, а в 536–537 гг. разразился голод, погубивший 80 процентов населения¹⁵. (大统二年冬十一月¹⁶, 追改始祖神元皇帝为太祖, 道武皇帝为烈祖. 是岁, 关中大饥, 人相食, 死者十七八。¹⁷)

Источники сообщают, что «каждый год, когда замерзала Желтая река, приходили туцзюэ и грабили. Жителей заранее эвакуировали в крепости, чтобы уйти с их пути. Когда Юйвэнь Цэ (宇文测) в 542 г. перевели в префектуру Суйчжоу, он распорядился на важнейших дорогах выложить несколько сот пленниц и послать подальше караульных, чтобы наблюдать за движением врага. В 12 месяце этого года (542) туцзюэ вторглись из Ляньгу¹⁸. (是年十二月, 突厥从连谷入寇, 去界数十里¹⁹) Когда они подошли к границе на несколько десятков ли, то Юйвэнь Цэ приказал повсюду поджечь пленницы. Туцзюэ предположили, что идет огромная армия; они испугались и бежали, при этом сами себя растоптали и оставили огромное количество скота и утвари. Юйвэнь Цэ захватил добычу со своими людьми и отдал населению. С тех пор туцзюэ не возвращались»²⁰.

Всего через три года после этих событий – в 545 г. император Тайцзу династии Северная Чжоу отправил к туцзюэ посланника по имени Аньнопанто, со-

¹¹ Хантемиров 2011, 89–102.

¹² Myglan et al. 2012, 76–83.

¹³ D'Arrigo 2001, 543–546.

¹⁴ Wagner 2014, 319–326; Schmid 2015, 3020–3025; Stavrakakis 2015, 224–229; Stothers 1999, 713–723.

¹⁵ Бичурин 1828, 20.

¹⁶ Концевич 2010.

¹⁷ 北史 2012, 282–283.

¹⁸ Liu Mau-Tsai 1958, 513.

¹⁹ 周书 2012, 710.

²⁰ Liu Mau-Tsai 1958, 28–29.

гдийца из Цзюцюань. Они поздравили друг друга и сказали: «Наше государство расцветет, потому что сегодня к нам прибыл посланник из Великой Империи»²¹. (大统十一年, 太祖遣酒泉胡安诺盘陀使焉。其国皆相庆曰: “今大国使至, 我国将兴也”²²)

В следующем году (546 г.) Тумынь отправил своего посланника с ответным визитом в династию Западная Вэй и «преподнес дары своей страны»²³. (十二年, 土门遂遣使献方物²⁴)

Известно, что согдийцы являлись незаменимыми и наиболее многочисленными торговцами на Великом шелковом пути, одним из транзитных пунктов которого являлся город Цзюцюань, существующий и сегодня. В связи с этим можно предположить, что речь между Аньнопанто и тюрками могла идти о совместной торговле через Цзюцюань, благодаря которой государство тюрков могло разбогатеть.

В 534–545 гг. на востоке Центральной Азии были четыре главные силы: династия Восточная Вэй, Западная Вэй, Жужаньский каганат и недавно образовавшийся Тюркский каганат. Первоначально тюрки подчинялись жужаням и держались в тени, но в 534 г. они уже заявили о себе китайцам как о новой независимой политической силе. Обе династии (Западная и Восточная Вэй) соперничали между собой за установление дружественных отношений с жужанями путем заключения брачного союза. Борьба продолжалась на фоне климатических аномалий и, как следствие, экономического спада, поэтому следует предположить, что китайцы были ослабленными. Жужане умело воспользовались китайской ситуацией в своих целях, но упустили из внимания внутреннюю ситуацию в своем каганате. В 545 г. династия Западная Вэй отправила к тюркам посланника, и таким образом появился новый центр политической и военной силы, ведущую роль в котором стали играть тюрки. Однако для этого требовалось укрепить власть тюрков в степи и взять под защиту территории династии Западная Вэй, через которые проходили торговые пути из Китая на запад вдоль хр. Наньшань, находящиеся под угрозой нападения туюхуней в условиях ослабления власти жужаней.

К этому времени племя телэ²⁵ намеревалось атаковать жужаней. Тумынь напал со своими солдатами на телэ, разграбил их и поработил 50 000 семей. Основываясь на своей силе, Тумынь сделал предложение жужаням заключить брачный союз, но их глава Анагуй был этим очень возмущен и отправил посланника к Тумыню передать следующие бранные слова: «Ты всего лишь подлый кузнец. Как ты осмеливаешься произносить такие слова (т. е. предложение о свадьбе)!» Это вызвало ярость у Тумыня, он убил посла и в конце концов разорвал отношения с жужанями. После этого он обратился в династию Западная Вэй с предложением объединиться и закрепить союз брачными узами. Император Тай-цзу дал свое согласие²⁶. (太祖许之。十七年六月, 以魏长乐公主妻之。是岁, 魏文帝崩, 土门遣使来吊, 赠马二百匹²⁷。)

²¹ Liu Mau-Tsai 1958, 6.

²² 周书 2012, 1440.

²³ Liu Mau-Tsai 1958, 7.

²⁴ 周书 2012, 1440.

²⁵ Также они назывались чилэ. Ранее они также назывались дили, динлин. Во время Северной Вэй (386–534) они были известны под именем Гаоцзюй (Высокие повозки).

²⁶ Liu Mau-Tsai 1958, 6.

²⁷ 周书 2012, 1440.

Таким образом, следующим этапом возвышения тюрков явилась их военная победа над племенем телэ в 546 г., представлявшим собой угрозу для господства жужаней, т.е. тюрки взяли на себя функции по защите ослабленного Жужаньского каганата. Последней ошибкой, совершенной жужанями, стал их отказ от брачного союза с тюрками и установление между ними враждебных отношений. После этого тюркам понадобилось шесть лет, чтобы окончательно укрепнуть и занять место своего сюзерена в регионе в 552 г.

В 551 г. император Тай-цзу обручил Тумыня с принцессой Чанло (Вечная радость) династии Западная Вэй. В этом же году император Вэнь-ди династии Западная Вэй умер, и Тумынь отправил к ним посланника с соболезнованиями и 200 лошадьми.

В 552 г. Тумынь отправил войска для нападения на жужаней, которые потерпели тяжелое поражение к северу от Хуайхуан. Анагуй покончил с собой, а его сын Аньлочэнь бежал в династию Северная Ци. Оставшиеся жужане провозгласили предводителем младшего брата отца Анагуя Дэншущэ.

После поражения жужаней в 552 г. Тумынь взял себе титул Или кагана, соответствующий титулу Шаньюй у сюнну, а его жена стала именоваться Кэходунь, соответствующим у сюнну титулу Яньчжи. Именно эти обстоятельства позволяют ученым вести историю Тюркского каганата с 551/552 гг.²⁸

После смерти Тумыня в 552 г. преемником стал его сын Коло, принявший титул Исиги кагана. За свое короткое правление он также успел сразиться с жужанями и разбил Дэншущэ на горе Мулай к северу от Уе²⁹.

В следующем году (553 г.) тюрки снова атаковали жужаней, и последние бежали со всеми своими людьми на юг. Император Вэнь Сюань-ди династии Северная Ци предпринял ответный поход из Цзиньяна на север для покорения тюрков и восстановления жужаней. Он свергнул Кути и назначил их главой сына Анагуя Аньлочэня, которого поселил в Майчжоу на постоянное место жительства и назначил ему содержание и шелк. Затем император лично преследовал тюрков до Сочжоу, и после этого они попросили о возможности сдаться. Император согласился, и с того времени, как сообщают источники, тюрки приходили постоянно, чтобы платить дань³⁰.

После поражения от императора Северной Ци в 553 г. и незадолго до своей смерти Коло отправил посланника в династию Западная Вэй и преподнес 50 000 лошадей. Наследником Коло стал его младший брат Сыцзинь, называвший себя Мухань каган и находившийся во главе государства тюрков почти 20 лет (552–572).

Источники приводят описание внешнего вида Мухань кагана: «Он выглядел особенно – его лицо было шириной более ступни и имело очень красный цвет; глаза его блестели, как два стеклянных шара; он был силен и жесток от природы. Он ревностно занимался завоевательными походами»³¹. (俟斤一名燕都，状貌多奇异，面广尺余，其色甚赤，眼若琉璃。性刚暴，务于征伐³²。)

По сведениям Чжоу шу, Мухань также провел ряд удачных военных кампаний против Дэншущэ, который бежал со своими остатками сторонников в Западную

²⁸ Кляшторный 1964, 19.

²⁹ Гора Ланшань (волчья гора, Харанарин ула). Уе – округ в Суйюань.

³⁰ Liu Mau-Tsai 1958, 17.

³¹ Liu Mau-Tsai 1958, 8.

³² 周书 2012, 1441.

Вэй. После этого Мухань «подчинил на западе сяньда (эфталиты), на востоке – кидань, на севере – цигу (киргизы). С помощью своей силы он покорил все государства за китайской границей. Область, которая простиралась от западного берега моря Ляо (залив Ляодун) на востоке до Западного моря (Каспийское море) на западе на 10 000 ли, и с севера пустыни (Гоби) на юге до Северного моря (Байкал) на севере на 5000 или 6000 ли – вся была ему подчинена»³³. (俟斤又西破猓哒, 东走契丹, 北并契骨, 威服塞外诸国。其地东自辽海以西, 西至西海万里, 南自沙漠以北, 北至北海五六千里, 皆属焉³⁴。) Бэй ши добавляет, что он «сопротивлялся Китаю и позже вместе с династией Западная Вэй напал на Северную Ци и достиг Бинчжоу»³⁵.

В 555 г. предводитель жужаней во главе 1000 семей своей орды бежал в Гуаньчжун (Шэньси) (в династию Западная Вэй). Тюрки состояли в дружественных отношениях с династией Западная Вэй и к тому были уже сильны, поэтому они просили убить всех перебежчиков из-за опасений агрессии с их стороны при поддержке династии Западная Вэй в дальнейшем.

Будущий император Вэнь-ди (Тай-цзу династии Северная Чжоу) взял их предводителя и его сторонников (около 3000 человек) в плен и выдал тюркам. Они все были обезглавлены перед воротами Цинмэнь³⁶. Только юноши, не достигшие 18-летнего возраста, сумели избежать кровавой резни. Они служили рабами в домах у герцогов³⁷ и принцев³⁸ в династии Западная Вэй.

Следующим этапом укрепления власти тюрков в регионе после поражения жужаней было подчинение племени туюхуней³⁹, занимавшего обширную территорию к западу от оз. Кукунор (Цинхай) и в периоды своего усиления угрожавшего узкому участку торговых путей из Китая на Запад вдоль хребта Наньшань примерно от г. Ланьчжоу до г. Цзюцюань.

В 554/555 г. Мухань неожиданно атаковал туюхуней и взял их в плен, о чем кратко сообщается в Чжоу шу⁴⁰.

Несмотря на совместные военные успехи тюрков с династией Северная Чжоу по покорению жужаней и туюхуней, еще в 554–555 г. тюрки отправляли посланников с данью⁴¹ в династию Северная Ци, мобилизовавшей 1 800 000 человек для принудительной работы над строительством Великой стены от Сякоу к северу от префектуры Ючжоу до префектуры Хэнчжоу длиной более 900 ли⁴².

Одновременно тюрки поддерживали отношения также с династией Северная Чжоу и отправляли к ним посланников с дарами (558 г.), получая взамен ответные подарки от китайцев. В 560 г. император Мин-ди династии Северная Чжоу по по-

³³ Liu Mau-Tsai 1958, 8.

³⁴ 周书 2012, 1441-1442.

³⁵ Liu Mau-Tsai 1958, 495.

³⁶ Голубые ворота. Юго-восточные ворота г. Чанъань в Шэньси.

³⁷ гун 公

³⁸ сыван 嗣王

³⁹ Pan 2013, 268–300.

⁴⁰ Liu Mau-Tsai 1958, 11.

⁴¹ Вопрос о дани и многочисленных подарках как со стороны тюрков, так и китайцев неоднократно обсуждался среди специалистов. Скорее всего, речь идет о завуалированной торговле, которую тюрки поначалу вели как с Северной Чжоу, так и с Северной Ци.

⁴² Стандартизированное метрическое значение ли – 500 метров. По мнению Иакинфа Бичурина, 1 ли в XVIII – XIX вв. составлял 571,5 метров.

воду окончания строительства беседки «Чунянго» собрал всех титулованных особ своей династии, а также тюркских посланников в саду «Фанлиньюань» (благоухающий лес), и подарил каждому, согласно его рангу, золото и шелк.

В 561 г. на трон взошел новый император Северной Чжоу – У-ди. В этом году Мухань трижды отправлял друг за другом посланников с подарками. Источники отмечают, что «в это время Северная Чжоу и Северная Ци соперничали между собой за расположение тюрков»⁴³. После поражения жужаней и туюхуней они являлись сильнейшими кочевниками в регионе, контролировавшими торговые пути из Китая на запад, часть которых пролегла по территории Северной Чжоу.

Возможно, именно по этой причине уже долгое время династия действовала совместно с тюрками в регионе и состояла с ними в брачном союзе с 551 г., так как их объединяли общие торговые маршруты.

Во время императора Гун-ди (554–556) династии Западная Вэй Мухань обещал отдать свою дочь в жены императору Тай-цзу (Юйвэнь Тай) династии Северная Чжоу. Но брачный союз не состоялся, так как император умер в 556 г. После этого Мухань обещал императору Гао-цзу (У-ди, 561–577) другую дочь. Но в это время вмешалась династия Северная Ци, которая в 563 г. также отправила посольство к тюркам с предложением о свадьбе. Мухань был польщен богатым подарком и хотел нарушить обещание, данное императору Гао-цзу. После этого Гао-цзу срочно отправил к Мухань кагану посольство в составе префекта Лянчжоу Ян Цзяня, Убо (старший, руководящий офицер отрядов гвардии) Ван Цина и других, чтобы добиться свадьбы с тюрками.

Когда посланники прибыли, то они наставляли Сыцзиня в верности и исполнении долга. В конце концов переговоры с посланником от династии Северная Ци были расторгнуты, и он принял решение о замужестве своей дочери с императором Гао-цзу. При этом Сыцзинь обратился к императору с тем, чтобы бороться вместе против Востока (династии Северная Ци). Однако в биографии супруги У-ди, урожденной Ашина, сообщается о том, что тюркский каган неоднократно просил императора Гао-цзу о свадьбе с его дочерью, после чего император согласился: «Жена императора У-ди (Гао-цзу), урожденная Ашина, была дочерью Сыцзиня Мухань кагана туцзюэ. После того, как туцзюэ уничтожили жужу, они захватили всю область за китайской границей в свое владение. Они располагали более 100 000 стрелками. Они имели намерение атаковать Китай. Так как император Тай-цзу (Вэнь-ди династии Северная Чжоу) боролся с династией Северная Ци, то он задружился с туцзюэ, чтобы использовать их в качестве помощи. Вначале Сыцзинь хотел выдать замуж одну из своих дочерей за императора Тай-цзу, но позже он медлил. Когда император Гао-цзу взошел на трон (561), то Сыцзинь неоднократно отправлял посланников с предложением о свадьбе. Так, император согласился и взял ее в жены»⁴⁴. (武帝阿史那皇后，突厥木杆可汗俟斤之女。突厥灭茹茹之后，尽有塞表之地，控弦数十万，志陵中夏。太祖方与齐人争衡，结以为援。俟斤初欲以女配帝，既而悔之。高祖即位，前后累遣使要结，乃许归后于我。⁴⁵)

⁴³ Liu Mau-Tsai 1958, 123.

⁴⁴ Liu Mau-Tsai 1958, 20.

⁴⁵ 周书 2012, 235.

Кроме этого, в биографии Ян Цзяня (杨荐)⁴⁶ содержится интересный эпизод, позволяющий представить внутреннюю ситуацию у тюрков накануне принятия важного решения: «В 563 г. Ян Цзяня послали к туцзюэ с предложением о брачном союзе. Дитоу каган по имени Ашина Кутоу был младшим братом кагана туцзюэ (Сыцзиня) и правил на Востоке. Он был в дружественных отношениях с династией Северная Ци, поэтому убеждал своего старшего брата Сыцзиня нарушить обещание о том, чтобы отдать одну из своих дочерей династии Северная Чжоу и, вместо этого, отдать свою дочь династии Северная Ци. Сыцзинь принял план своего брата и хотел выдать династии Северная Ци Ян Цзяня и других, пришедших к нему в качестве посланников. Ян Цзянь раскрыл намерение, поэтому он осудил его строгими и трогательными словами; при этом он слезно умолял: “Раньше у императора Тай-цзу (Северная Чжоу) с каганом были хорошие добрососедские отношения. Когда несколько тысяч человек из орды жужаней подчинились нам, император их всех выдал кагану, чтобы показать кагану свою дружбу. Почему каган сегодня игнорирует милость императора и чувство долга? Ему не стыдно перед богами и духами?”»⁴⁷

Сыцзинь долго думал, и, наконец, сказал: «Не будьте, пожалуйста, такими недоверчивыми! Мы хотим сперва вместе уничтожить восточных бандитов (династию Северная Ци). После этого я отправлю свою дочь». Он приказал Ян Цзяню прежде всего возвращаться к своему императору и среди прочего сообщить ему, что он просит его выступить против Востока⁴⁸.

В этом же году (563) император Гао-цзу приказал герцогу Суй Ян Чжуну (杨忠) во главе 10 000 человек напасть на династию Северная Ци вместе с тюрками и подчинить их. Когда войска Ян Чжуна перешли гору Цзинлин⁴⁹, то к ним присоединился Сыцзинь со 100 000 всадниками. Однако поход закончился неудачей для тюрков и Северной Чжоу, несмотря на довольно серьезные военные силы, противостоявшие Северной Ци.

Сражение состоялось в начале 564 г. к западу от городской стены Цзиньян, во время которого, по одной из версии источника, тюрки потерпели жестокое поражение. Погибших было так много, что солдаты и животные лежали кучами на несколько сот ли. Император У Чэн-ди династии Северная Ци повелел принцу Пинъюань Дуань Шао выгнать врагов за границу, после чего он вернулся обратно.

Одной из причин поражения источники называют неблагоприятные погодные условия: «В это время началась снежная буря; она длилась несколько декад, и повсюду господствовал ужасный холод. Династия Северная Ци ввела в бой лучшие силы и повела их шумно, стуча в барабаны. Туцзюэ испугались и вернулись на Западную гору, не рискнув сражаться дальше»⁵⁰.

Цзе чжи тун цзянь дополняет: «Когда тюрки на обратном пути достигли горы Цзинлин, где все было покрыто снегом, то они обернулись в войлочные покрывала, чтобы перебраться через гору. Лошади варваров были истощены от холода, и ниже колен у них уже не было волосяного покрова. Когда тюрки достигли Ве-

⁴⁶ 周书 2012, 884–885.

⁴⁷ Liu Mau-Tsai 1958, 513.

⁴⁸ Liu Mau-Tsai 1958, 26–27.

⁴⁹ Гора Цзюйчжушань к северо-западу от округа Дай в Шэньси.

⁵⁰ Liu Mau-Tsai 1958, 25.

ликой стены, то почти все лошади погибли. Тогда они разломали свои копья на куски, чтобы использовать их, как палки, и вернуться домой»⁵¹.

Во время боевых действий 563–564 гг. ближайшие родственники императора династии Северная Чжоу находились в плену у Северной Ци и последняя хотела их использовать в своих целях. В 563 г. династия Северная Ци пообещала вернуть родственников, но взамен она просила династию Северная Чжоу о союзе. Союз так и не состоялся, но, несмотря на это, в 564 г. родственников отпустили.

Вскоре Мухань отправил послов и подарки в династию Северная Чжоу и снова просил императора выступить совместно против Северной Ци.

Император приказал Ян Чжуну идти во главе своих солдат в Уе, а герцогу Цзинь Юйвэнь (Ху) идти в Лоян (в Хэнань); обе армии должны были поддерживать туцзюэ. Но Юйвэнь (Ху) в борьбе (против династии Северная Ци) не достиг успеха, поэтому Сыцзинь также отозвал своих солдат назад.

После походов 563–564 гг. император У-ди династии Северная Чжоу в 565 г. поручил герцогу Чэнь Юйвэнь Чуню, герцогу Сюй Юйвэнь Гую, герцогу Шэньу Доу И, герцогу Наньань Ян Цзяню и другим подготовить ритуальные принадлежности и дорожный шатер для будущей императрицы и прибыть с ними и прислугой из шести дворцов к шатровому двору Сыцзиня и забрать императрицу. Всего было 120 человек. Но Сыцзинь также обещал свадьбу династии Северная Ци и был в размышлениях о перемене мнения о том, чтобы отдать дочь императору У-ди.

Доу И установил, что у тюрков присутствовал гонец династии Северная Ци, а сам каган и его сановники туцзюэ были в сомнениях (вступили в заговор с династией Северная Ци). Доу И их «проучил, выступил с обличающей речью о чувстве долга по отношению к династии Северная Чжоу»⁵².

Посол из Северной Ци оказался при дворе кагана не случайно, так как в это время (565, 566, 567 г.) Мухань каган (Сыцзинь) также отправлял посольство в Северную Ци и, согласно источникам, тюрки ежегодно платили им дань.

В итоге Юйвэнь Чунь и другие посланники задержались на несколько лет при дворе кагана, но так и не смогли выполнить поручение императора: «Они напоминали Сыцзиню о чувстве долга, но он не хотел слышать. Однажды началась жуткая буря, и шатры туцзюэ были разрушены. Она длилась десять дней и долго не прекращалась. Сыцзиня охватил ужас; он верил, что это было наказание Неба. Наконец он отправил императрицу с подарками, а также Юйвэнь Чуня и других обратно»⁵³.

Дневную программу и церемонию для сопровождения будущей супруги императора разрабатывал Чжао Вэньбяо. Когда императрица была уже на пути в китайскую область (переходила границу), то туцзюэ замедлили движение под предлогом, что лошади отощали. Чжао Вэньбяо испугался, что они хотят изменить свое решение о свадьбе и сказал своему гонцу по имени Ломоюань: «Уже прошло много времени с того, как императрица выехала из страны варваров. Путешествие шло через пустыню, поэтому люди и лошади уже истощены. Кроме этого враги на востоке (т.е. династия Северная Ци) постоянно ждут удобного случая для нападе-

⁵¹ Liu Mau-Tsai 1958, 513.

⁵² Liu Mau-Tsai 1958, 23.

⁵³ Liu Mau-Tsai 1958, 20.

ния. Также туюхуни являются мятежными. Мы везем любимую дочь их кагана в Великую Империю для того, чтобы выдать замуж за императора. При этом они не подумали о защите перед возможными врагами. Подобаает ли это подчиненным?» Ломоюань осознал и удвоил темп марша. После нескольких дней они пришли в префектуру Ганьчжоу⁵⁴.

В 568 г. они прибыли в столицу. Император У-ди вышел навстречу невесте, как предписывала свадебная церемония. «Императрица выглядела очаровательно, и ее поведение было безупречно». Источники также сообщают, что «император очень уважал ее ... Она умерла в 582 г. в возрасте 32 лет»⁵⁵.

Однако автор Фан Сюаньлин в Тан гаоцзу шилу сообщает следующее: «Император У-ди (Северная Чжоу) взял в жены дочь туцзюэ. Она выглядела безобразно и не вызывала милость императора. Позже императрица Тайму (племянница императора У-ди династии Северная Чжоу и жена будущего императора Гао-цзу Тан) уговорила императора, против его воли, успокоить и утешить свою жену»⁵⁶.

Цзю тан шу дополняет: «Мать императрицы Тайму, жены императора Гао-цзу, была старшей сестрой императора У-ди, принцессой Сяньян. Император У-ди любил, защищал и содержал ее во дворце. Тогда император взял в жены (императрицу Ашина). Он ее не любил. Императрица Тайму была еще юной и сказала тайно императору: “На 4-х границах пока не спокойно и тюрки еще сильны, поэтому я прошу тебя, любимый дядя, подавить свои чувства и успокоить и утешить свою жену. Когда ты получишь поддержку от тюрков, тогда в Цзяньнэ (южное направление) и Гуаньдуне больше не будет беды!”»⁵⁷.

По поводу прибытия императрицы Ашины император лично возглавил императорскую армию на параде, который проходил южнее городской стены. Зрители из столицы с повозками и лошадьми заняли площадь в несколько десятков ли. Все послы варваров принимали участие в нем.

Последнее распоряжение Мухань кагана в источниках датируется 569 г. В этом году Сыцзинь вновь отправил гонцов в династию Северная Чжоу, чтобы преподнести в дар лошадей.

Заключение

Таким образом, события начальной истории Тюркского каганата 534–542 гг. развивались в условиях неблагоприятной климатической ситуации, являвшейся катализатором обострения внутривосточной и внешнеполитической борьбы между китайскими династиями и, как следствие, складывания более критического положения, чем у кочевников, в степи. В итоге это способствовало ослаблению Китая и возвышению Тюркского каганата в жесткой конкурентной борьбе с телэ и жужанями.

Дальнейшему сближению тюрков и династии Западная Вэй после 545 г., а также ее наследнице династии Северной Чжоу способствовали их общие торговые интересы на Великом шелковом пути, неоднократно подвергавшемся атаке со

⁵⁴ Liu Mau-Tsai 1958, 23–24.

⁵⁵ Liu Mau-Tsai 1958, 23–24.

⁵⁶ Liu Mau-Tsai 1958, 509.

⁵⁷ Liu Mau-Tsai 1958, 509.

стороны туюхуней и др. кочевников. Решение брачного союза в пользу Северной Чжоу и военные кампании 563–564 гг. против Северной Ци также диктовались экономическими соображениями, несмотря на проводимую Мухань каганом политику сдерживания двух китайских династий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин, Н.Я. 1828: Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Пер. с кит. И. Бичурина. *Архив востоковедов ИВР РАН*. Ф. 7., Ед. хр. 7–8. Тетр. 30–43.
- Гумилев, Л.Н. 1967: *Древние тюрки*. М.
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. 2005: *Степные империи древней Евразии*. СПб.
- Концевич, Л.Р. 2010: *Хронология стран Восточной и Центральной Азии*. М.
- Прокопий, К. 1998: *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. СПб.
- Тун дзянь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ctext.org/tongdian/197/zh>
- Хантемиров, Р.М., Горланова, Л.А., Сурков, А.Ю., Шиятов, С.Г. 2011: Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным. *Известия РАН. Серия географическая* 2, 89–102.
- Abbott, D.H., Breger, D., Biscaye, P.E., Robert, A.J. 2014: Calendar-year dating of the GISP2 ice core from the early 6th century using historical, ion and particulate data. Volcanism, Impacts and Mass extinctions: Causes and Effects, G. Keller and A. Kerr (eds.), *Geological Society of America Special Paper* 505, 411–420.
- Churakova-Sidorova, O.V., Bryukhanova, M.V., Saurer, M., Boettger, T., Naurzbaev, M.M., Myglan, V.S., Vaganov, E.A., Hughes, M.K., Siegwolf, R.T.W. 2014: A cluster of stratospheric volcanic eruptions in the AD 530s recorded in Siberian tree rings. *Global and Planetary Change* 122, 140–150.
- Clausen, H.B., Hammer C.U., Hvidberg, S., Dahl-Jensen, D., Steffensen, J.P., Kipfstuhl, J., Legrand, M. 1997: A comparison of the volcanic records over the past 4000 years from the Greenland Ice Core Project and Dye 3 Greenland ice cores. *Journal of Geophysical Research* 102 (C12), 26707–26723.
- D'Arrigo, R., Jacoby, G., Frank, D., Pederson, N., Cook, E., Buckley, B., Nachin, B., Mijiddorj, R., Dugarjav, C. 2001: 1738 years of Mongolian temperature variability inferred from a tree-ring width chronology of Siberian pine. *Geophysical Research Letters* 28 (3), 543–546.
- Jouzel, J. 2013: A brief history of ice core science over the last 50 yr. *Climate Past* 9, 2525–2547.
- Larsen, L.B., Vinther, B.M., Briffa, K.R., Melvin, T.M., Clausen, H.B., Jones, P.D., Siggaard-Andersen, M., Hammer, C.U., Eronen, M., Grudd, H., Gunnarson, B.E., Hantemirov, R.M., Naurzbaev, M.M., Nicolussi, K. 2008: New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil. *Geophysical Research Letters* 35 (4).
- Liu Mau-Tsai, 1958: Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index). *Gottinger Asiatische Forschungen*, Band 10. Wiesbaden.
- Myglan, V.S., Oidupaa, O.C., Vaganov, E.A. 2012: A 2367-year tree-ring chronology for the Altai-Sayan region (Mongun-Taiga mountain massif). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 40 (3), 76–83.
- Pan, Y. 2013: Locating advantages: The survival of the Tuyuhun State on the edge, 300-ca. 580. *Toung Pao* 99 (4–5), 268–300.
- Rigby, E., Symonds, M., Ward-Thompson, D. 2004: A comet impact in AD 536? *Astronomy and Geophysics* 45 (1), 23–26.
- Schmid, B.V., Büntgen, U., Easterday, W.R., Ginzler, C., Walløe, L., Bramanti, B., Stenseth, N.C. 2015. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroduc-

- tions into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 112 (10), 3020–3025.
- Stavrakakis, N. 2015: The miraculous cures for diseases of Emperor Justinian I (482–565 AD). *Archives of Hellenic Medicine* 32 (2), 224–229.
- Stothers, R.B. 1999: Volcanic dry fogs, climate cooling, and plague pandemics in Europe and the Middle East. *Climatic Change* 42 (4), 713–723.
- Wagner, D.M., Klunk, J., Harbeck, M., Devault, A., Waglechner, N., Sahl, J. W., Enk, J., Birdsell, D.N., Kuch, M., Lumibao, C., Poinar, D., Pearson, T., Fourment, M., Golding, B., Riehm, J. M., Earn, D. J. D., DeWitte, S., Rouillard, J., Grupe, G., Wiechmann, I., Bliska, J.B., Keim, P.S., Scholz, H.C., Holmes, E.C., Poinar, H. 2014: *Yersinia pestis* and the Plague of Justinian 541–543 AD: A genomic analysis. *The Lancet Infectious Diseases* 14 (4), 319–326.

REFERENCES

- Abbott, D.H., Breger, D., Biscaye, P.E., Robert, A.J. 2014: Calendar-year dating of the GISP2 ice core from the early 6th century using historical, ion and particulate data. Volcanism, Impacts and Mass extinctions: Causes and Effects, G. Keller and A. Kerr (eds.), *Geological Society of America Special Paper* 505, 411–420.
- Bichurin, N.Ya. 1828: Letopis' kitayskoy imperii, nazyvayemaya Yuy-p'khi tszy chzhi tkhuntszyan' gan-mu. Razdelennaya na tri chasti, letopis' drevnyuyu, srednyuyu i noveyshuyu. Per. s kit. I. Bichurina. *Arhiv vostokovedov IVR RAN*. F. 7., Yed. khr. 7–8. Tetr. 30–43.
- Churakova-Sidorova, O.V., Bryukhanova, M.V., Saurer, M., Boettger, T., Naurzbaev, M.M., Myglan, V.S., Vaganov, E.A., Hughes, M.K., Siegwolf, R.T.W. 2014: A cluster of stratospheric volcanic eruptions in the AD 530s recorded in Siberian tree rings. *Global and Planetary Change* 122, 140–150.
- Clausen, H.B., Hammer C.U., Hvidberg, S., Dahl-Jensen, D., Steffensen, J.P., Kipfstuhl, J., Legrand, M. 1997: A comparison of the volcanic records over the past 4000 years from the Greenland Ice Core Project and Dye 3 Greenland ice cores. *Journal of Geophysical Research* 102 (C12), 26707–26723.
- D'Arrigo, R., Jacoby, G., Frank, D., Pederson, N., Cook, E., Buckley, B., Nachin, B., Mijiddorj, R., Dugarjav, C. 2001: 1738 years of Mongolian temperature variability inferred from a tree-ring width chronology of Siberian pine. *Geophysical Research Letters* 28 (3), 543–546.
- Gumilev, L.N. 1967: *Drevnie tyurki*. Moscow.
- Hantemirov, R.M., Gorlanova, L.A., Surkov, A.Yu., Shiyatov, S.G. 2011: Ekstremal'nye klimaticheskie sobytiya na Yamale za poslednie 4100 let po dendrohronologicheskim dannym. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* 2, 89–102.
- Jouzel, J. 2013: A brief history of ice core science over the last 50 yr. *Climate Past* 9, 2525–2547.
- Kesariyskiy, P. 1998: *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya*. Saint-Petersburg.
- Klyashtorny, S.G., Savinov, D.G. 2005: *Stepnye imperii drevney Evrazii*. Saint-Petersburg.
- Kontsevich, L.R. 2010: *Hronologiya stran Vostochnoy i Tsentral'noy Azii*. Moscow.
- Larsen, L.B., Vinther, B.M., Briffa, K.R., Melvin, T.M., Clausen, H.B., Jones, P.D., Siggaard-Andersen, M., Hammer, C.U., Eronen, M., Grudd, H., Gunnarson, B.E., Hantemirov, R.M., Naurzbaev, M.M., Nicolussi, K. 2008: New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil. *Geophysical Research Letters* 35 (4).
- Liu Mau-Tsai, 1958: Die shinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Göttinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index). *Göttinger Asiatische Forschungen*, Band 10. Wiesbaden.
- Myglan, V.S., Oidupaa, O.C., Vaganov, E.A. 2012: A 2367-year tree-ring chronology for the Altai-Sayan region (Mongun-Taiga mountain massif). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 40 (3), 76–83.

- Pan, Y. 2013: Locating advantages: The survival of the Tuyuhun State on the edge, 300-ca. 580. *Toung Pao* 99 (4–5), 268–300.
- Rigby, E., Symonds, M., Ward-Thompson, D. 2004: A comet impact in AD 536? *Astronomy and Geophysics* 45 (1), 23–26.
- Schmid, B.V., Büntgen, U., Easterday, W.R., Ginzler, C., Walløe, L., Bramanti, B., Stenseth, N.C. 2015. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 112 (10), 3020–3025.
- Stavrakakis, N. 2015: The miraculous cures for diseases of Emperor Justinian I (482–565 AD). *Archives of Hellenic Medicine* 32 (2), 224–229.
- Stothers, R.B. 1999: Volcanic dry fogs, climate cooling, and plague pandemics in Europe and the Middle East. *Climatic Change* 42 (4), 713–723.
- Tun dyan', <http://ctext.org/tongdian/197/zh>
- Wagner, D.M., Klunk, J., Harbeck, M., Devault, A., Waglechner, N., Sahl, J.W., Enk, J., Birdsell, D.N., Kuch, M., Lumibao, C., Poinar, D., Pearson, T., Fourment, M., Golding, B., Riehm, J.M., Earn, D.J.D., DeWitte, S., Rouillard, J., Grupe, G., Wiechmann, I., Bliska, J.B., Keim, P.S., Scholz, H.C., Holmes, E.C., Poinar, H. 2014: *Yersinia pestis* and the Plague of Justinian 541–543 AD: A genomic analysis. *The Lancet Infectious Diseases* 14 (4), 319–326.

THE FIRST QAGHAN' POLICY AND THE RISE OF ANCIENT TURKS IN CENTRAL ASIA (534 – 572 AD)

Rustam T. Ganiev

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Russia,
rusthist@yandex.ru

Abstract. The article considers the early period of formation and strengthening of Turkic Khanate in Central Asia based on the material of the Chinese written sources. The domestic and foreign policy of the first Turkic Qaghan – Tumen, Kolo Muqan, as well as their relations with China is analyzed. The regional situation at the point of the creation of the Turkic Empire is shown. An evaluation of the climatic factors influence on the events during the study period is given.

The events of early history of the Turkic khanate of 534–542 developed in the conditions of the adverse climatic situation that caused an aggravation of internal political and foreign policy struggle between the Chinese dynasties. Therefore, the nomads in the steppe turned out to be in more vantage point. Eventually, this contributed to the decline of China and the rise of the Turkic Khanate in the strong competition with Tele and Juan-Juan.

During Muqan Qaghan's reign, the Turks attained to the peak power of their union, their territory stretched from the Caspian Sea in the west to the Gulf of Liaodong in the east. The Chinese dynasty Northern Zhou and Northern Qi competed with each other to establish the allied relations with the Turks. The question of inter-state marriage between the Turks and Chinese was the Turks' means of pressure. For a long time Muqan Qaghan postponed the solution, choosing between the Northern Zhou and Northern Qi, holding them both. Finally, the Turks opted for the Northern Zhou Dynasty as they shared trade interests and routes along the ridge of the Nan Shan, being under the threat of attack from other nomads.

Key words: Ancient Turks (tujue), China, Western Wei Dynasty, Eastern Wei Dynasty, Turk Empire, Muqan Qaghan, climate, epidemics, Central Asia

ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ СТЕПНОЙ КОРИДОР В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: история начинается в X веке... Или все же нет?

Г.Н. Гарустович

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа,
garustovich03@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи обращается к рассмотрению курганов тюркоязычных кочевников второй половины I тысячелетия н.э. в степной полосе Урало-Поволжья и Западного Казахстана. Подобные памятники в регионе исчисляются единицами, и характеризуются они наличием различных черт похоронного ритуала. Они явно были оставлены представителями различных этнических групп средневековых кочевников, небольших по численности и занимавших степные кочевья Урало-Каспийского коридора незначительное время. Причины слабой заселенности названных областей до сих пор еще не совсем понятны специалистам (возможные военно-политические или эколого-климатические причины лишь только предполагаются). Курган Донгуз тяготеет по своим признакам к памятникам позднего Западно-Тюркского каганата, захоронение Атапа обнаруживает сходство с курганами кимаков, а в других некрополях (Тамар-Уткуль, Яман, и др.) обнаружены вещи, напоминающие древности хазар и кочевых болгар. Однако, этнические трактовки автор высказывает лишь в предварительном плане, из-за малого числа исследованных объектов, фрагментарности выявленных археологами артефактов и отсутствия представительной источниковой базы. В качестве объединяющих черт погребальной обрядности выступают так называемые «всаднические аксессуары» (стремена и пр.), предметы вооружения (наконечники стрел, части составного лука, и т.п.), гарнитура наборных поясов, и т.д.

Эпоха «запустения» степей Восточной Европы (к востоку от Заволжья) завершается в IX-X вв., когда здесь по всей территории появляется значительное число памятников союза племен печенегов, а за ними следом - огузов и кыпчаков (но реалии этого процесса происходила уже в начале II тысячелетия н.э.).

Ключевые слова: степные курганы, вторая половина I тысячелетия, Волго-Уральский регион

Введение

Как известно, степная часть Восточной Европы выделяется значительным числом памятников периода средневековья и более древних эпох. Несмотря на мощное и многолетнее антропогенное воздействие, в Заволжье, Западном Казахстане и на Южном Урале (т.е. в Волго-Уральском регионе или Урало-Каспийском

Гарустович Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

степном коридоре) все еще много каменных и земляных курганов различного диаметра и высоты. Однако, рост объема источниковой базы (т.е. числа исследованных археологами захоронений и аналитических разработок специалистов) не исключает наличия в науке целой серии непонятных вопросов и пока еще неразрешимых проблем. Например, вразумительно не объяснены причины малого количества в регионе курганов второй половины I тысячелетия н.э. Речь идет о погребениях, начиная с постгуннского времени и до начала расселения в степях тюркоязычных племен печенегов. Неслучайно научные обобщения позднекочевнических материалов степной полосы Урало-Поволжья начинаются с артефактов времени огузов и печенегов¹, т.е. IX – первой половины XI в. (а фактически с X в.). Ситуация усугубляется почти полным отсутствием историко-географических сообщений об этом хронологическом отрезке в средневековых нарративах (у арабских, персидских и китайских авторов). К примеру, в рассказе о путешествии Салама Тарджумана, приводимого Ибн Хордадбеком («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» – «Книга путей и стран», около 820–912)², упоминаются башкиры (живущие в лесостепной зоне Южного Урала), говорится о тяжелом запахе в степи, но ни слова о ее жителях. Настолько, видимо, обезлюдели заволжские кочевья, что и писать-то было не о ком...

Просто так земля пустовать не будет. Возможно, причины коренятся в области военно-политического взаимодействия в пограничных областях Хазарского каганата и Хорезмского государства (а ранее – Западно-Тюркской державы). Однако подтвердить данную гипотезу нам нечем. Или, предположительно, такая ситуация была связана с климатическими особенностями второй половины I тысячелетия в регионе. Но имеющиеся (пока еще немногочисленные) факты палеопочвоведческих анализов, скорее, отрицают возможность резких климатических изменений в регионе в течение последних 2,5–2 тысячелетий³.

При этом попытки хоть чем-то заполнить существующую лакуну часто приводят к бездоказательным констатациям. К примеру, авторы раскопок курганов Солянка (Западно-Казахстанская обл. Казахстана; кург. 19) отнесли раскопанную ими безынвентарную каменную насыпь (т.е. жертвенно-поминальный комплекс – ЖПК) к памятникам тугю и теле VI–VIII вв.⁴. Чем подтверждаются подобные датировки, авторы не сообщают; также непонятным остается вопрос: почему их не удовлетворяет дата XIII–XIV вв., надежно фиксируемая по вещам (седло, стремяна, удила, уздечка) в соседних поминальниках (кург. 1 и 18) этого же могильника? Неясно, зачем искать аналогии так далеко на востоке, когда параллели «кургану» I столь многочисленны в нашем регионе (и все они относятся к XIII–XIV вв., а никак не к I тыс. н.э.)?

Мы не будем акцентировать внимание читателей на единичных кочевнических памятниках прибрежной полосы левобережья Волги (авиловского и новинковского типа), а также на объектах салтово-маяцкого облика, поскольку основные ареалы расселения данных этнических образований локализируются западнее русла Волги. Мы рассмотрим курганы и находки VII–IX вв., расположенные восточнее,

¹ см.: Иванов, Гарустович, Пилипчук 2014 и др.

² Ибн Хордадбех 1986, 43–46.

³ Мартинес-Наваретте, Висент-Гарсия, Лопес-Гарсия и др. 2005, 91; Хохлова 1996, 66; Хохлова, Хохлов 2005, 58; Демкин, Демкина, Борисов и др. 2004, 271–283 и пр.

⁴ Бисембаев, Тасмагамбет 2004, 70.

в глубинах степи (в Оренбургской области и Западном Казахстане). И здесь выясняется, что имеющийся скепсис (вынесенный нами в название статьи) постепенно сменяется реальным научным позитивом, и весьма значительную роль в этом деле сыграли обобщающие работы С.Г. Боталова. Отметим, что в классификационных построениях челябинского археолога объекты интересующего нас хронологического диапазона объединены в рамках селенташского типа и «комплексов раннетюркского периода»⁵. Приводимые нами ниже погребальные объекты никак не могут относиться к курганам «с усами» (т.е. селенташскому типу), но зато они вполне «вписываются» во вторую группу. Для понимания исторических нюансов рассматриваемой эпохи, углубленного обзора военно-политических и этногенетических аспектов проблемы мы отсылаем заинтересованного читателя к соответствующим разделам итоговой монографии С.Г. Боталова⁶, а свою задачу в данной статье ограничиваем дополнением имеющейся археологической источниковой базы.

Пожалуй, одним из самых известных памятников интересующего нас времени может считаться курган 2 могильника **Атпа-II** (Карабутаковский р-н Актюбинской обл. Казахстана; раскопки С.Ю. Гуцалова 1986 г.)⁷. Здесь под земляной насыпью расчищено основное погребение с СЗ ориентировкой и характерными вещами: цельнолитыми пряжками с овальной рамкой и подпрямоугольным щитком (с приостренным завершением), металлическими арочными и сердцевидными поясными накладками, округлыми распределителями ремней с прорезями, серьгами с грузиком, костяными накладками лука, трехлопастными черешковыми наконечниками стрел. Редкой находкой из кургана можно считать колчан в виде деревянного короба; но для нашей темы большее значение имеет круглый распределитель ремня в связи с тем, что такие предметы в нашем регионе попадаются лишь в единичных случаях. Функционально близкие бронзовые распределители случайно обнаружены в Актюбинской области (рис. 2, 3-4), причем вместе с серьгами с грузиками⁸. Исключительными находками для нашего региона являются прорезные пластинчатые металлические подвески (?) пояса или сбруи, которым придан вид трех овалов (разной величины и конфигурации), соединенных в вертикальный ряд⁹. Подобные предметы встречаются в Восточном Казахстане, в регионе Саяно-Алтая и в «хазарском» ареале к западу от Волги. Назначение предметов неясно. Они имеют визуальное сходство с блоками для чумбура (черессдельниками) в раннесредневековых древностях тюрок Алтая¹⁰. Правда, у тугю предметы для фиксации и регулировки ремней были роговыми¹¹. Имеем ли мы дело лишь с внешней близостью или названные украшения из кургана Атпа-II отражали символику всадничества – еще предстоит выяснить.

Включение комплекса Атпа-II в перечень памятников селенташского типа (по С.Г. Боталову) нас не убеждает (близкая хронология объектов не может затуше-

⁵ Боталов 2007, 190–235.

⁶ Боталов 2007, глава 6, § 5.

⁷ Гуцалов 1993, 162–166; Бисембаев, Гуцалов 1996, 245–258.

⁸ ИЗК 2006, 338, рис. 2; см. также материалы памятников Булак и Эмба (с тройниками, серьгами с грузиками, круглыми распределителями ремней, поясной гарнитурой и т.д.).

⁹ Гуцалов 1993, рис. 2, 1–2.

¹⁰ Тишкин, Серегин 2011, 22, рис. 3, 24–27.

¹¹ Овчинникова 1990, 123, табл. 21, рис. 16, 50.

вать наличие морфологических несоответствий элементов похоронного ритуала); скорее, ближе к реалиям была попытка Ф.Х. Арслановой¹² соотнести курган с древностями кимаков. Так или иначе, но культурно-этническая идентификация¹³ рассматриваемых артефактов еще очень далека от своего логического завершения.

Еще один интересный курган был исследован в могильнике **Яман** (Илекский р-н Оренбургской обл.), в 3 км к северо-востоку от одноименного села, на возвышенности правого берега р. Урал. В центре могильника расположен высокий курган «Жаренный Мар». Раскопки проводились С.А. Поповым в 1976 г. Курган 2, диаметр 20 м, высота 0,8 м. Земляной. Погребение 2 (впускное), выявлено на окраине юго-западной части полы кургана (рис. 1, 1). Могильная яма прямоугольной формы, простая (с прямыми отвесными стенками и ровным дном), размером 2х0,75 м, глубиной 1,46 м от нулевой отметки, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Скелет мужчины покоился вытянуто на спине, ориентирован головой на СЗ. Череп лежал на темени, лицом кверху. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги согнуты в коленных суставах и обе уложены в правую сторону (рис. 1, 4). Вещи: поверх правой руки размещался берестяной колчан, внутри которого находились древки стрел; возле черепа обнаружена плечевая кость лошади и два трехгранных наконечника стрел; вдоль ног, слева, помещалась железная слабоизогнутая сабля (рис. 1, 17); у локтя левой руки – костяная срединная накладка лука (рис. 1, 2); на груди, справа, найдена бронзовая пряжка от портупеи; у головы и на груди зафиксированы трехгранные черешковые наконечники стрел (плохой сохранности; рис. 1, 5-7); в районе пояса расчищены остатки ремня с 36 бронзовыми накладками (21 экз. сердцевидной формы и еще 14 экз. в виде стрельчатой арки с прорезями; рис. 1, 8-9, 10-13); здесь же – бронзовый наконечник ремня (рис. 1, 16) и пряжка, а также железное кресало (рис. 1, 3); рядом с черепом найдена овальная серебряная серьга с грузиком (рис. 1, 14). Дата: VIII–IX вв.¹⁴

Но самыми ранними в рассматриваемой нами небольшой серии да и, пожалуй, по-настоящему уникальными для нашего региона могут считаться курганы **Донгуз** (Оренбургский р-н Оренбургской обл.). Могильник располагался в 2 км юго-восточнее Оренбургского цементного завода, рядом с карьером силикатного завода, на правом берегу р. Донгузка (приток р. Урал; рис. 3, 1). В 1974 г. на территории большого карьера рабочими был разрушен крупный земляной курган, в котором находились захоронения людей с множеством различных вещей, в том числе – с двуручными глиняными кувшинами. По словам бульдозериста Ф.Д. Петрова и других работников карьера, курган имел диаметр свыше 80–90 м и высоту 6–7 м. Очевидцы говорили о разрушении более десятка захоронений, содержащих костяки взрослых людей хорошей сохранности. Кости были засыпаны на окраине карьера, а другие находки разобраны рабочими. В 1975 г. экскаваторщик передал Н.А. Мажитову изящное железное стремя с широкой округлой подножкой и

¹² Эта мысль была высказана в ходе работы археологической конференции, и она не получила дальнейшей аргументации в научной литературе.

¹³ Точно так же, как хронологическая атрибутика, генезис материальной культуры и, собственно, весь комплекс причинно-следственной исторической обусловленности нуждается в дальнейших аналитических разработках.

¹⁴ Попов 1976.

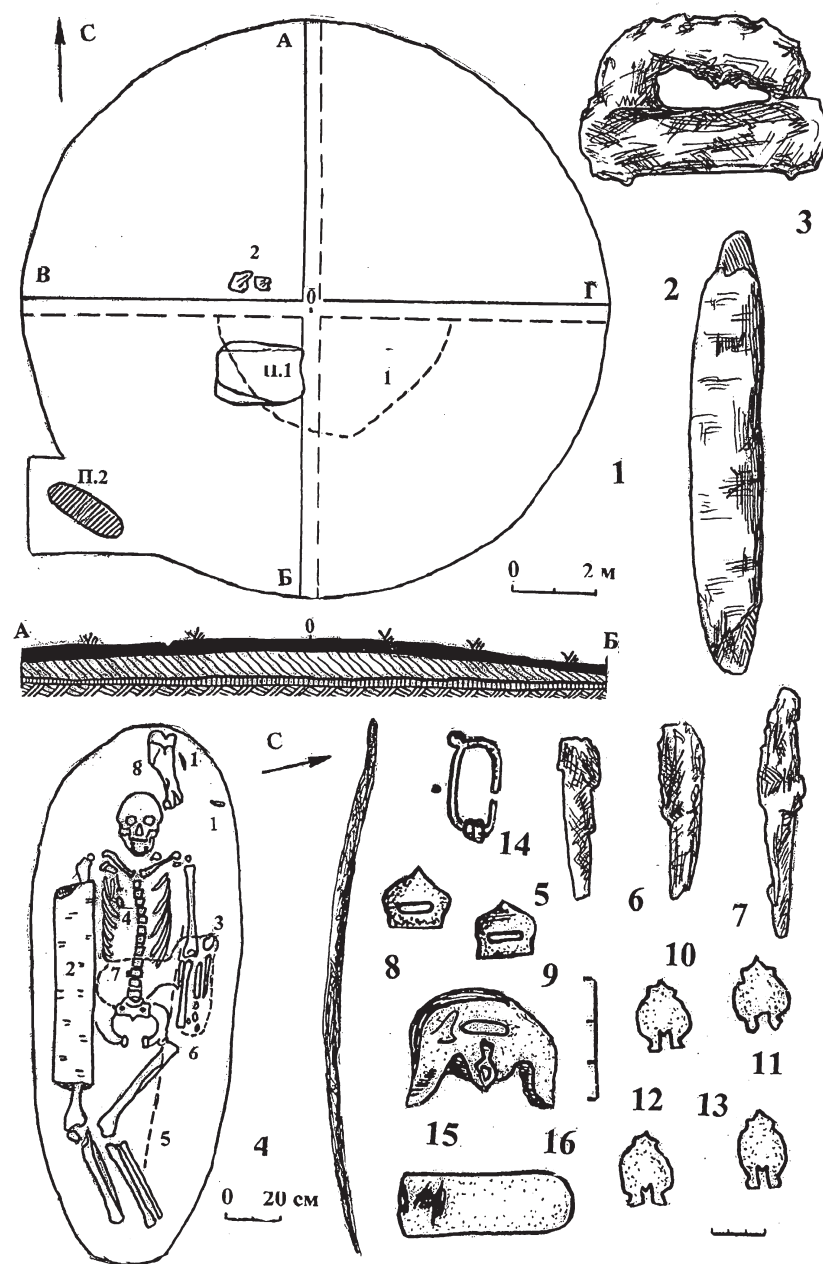

Рис. 1. Могильник Яман. Курган 2 погребение 2 (по С. А. Попову).

1 – план кургана 2 (1 – грабительский вкоп, 2 – камни); 2 – срединная накладка лука; 3 – кресало; 4 – план погребения 2 (1 – железные наконечники стрел, 2 – берестяной колчан, 3–4 – бронзовые пряжки, 5 – сабля, 6 – костяной предмет, 7 – наборный пояс с бронзовыми накладками, 8 – плечевая кость лошади); 5–7 – трехгранные наконечники стрел; 8–9, 10–13 – поясные накладки; 14 – серьга; 15 – металлический предмет; 16 – наконечник ремня; 17 – сабля. 3, 5–7, 17 – железо; 2 – кость; 8–13, 15–16 – бронза; 14 – серебро

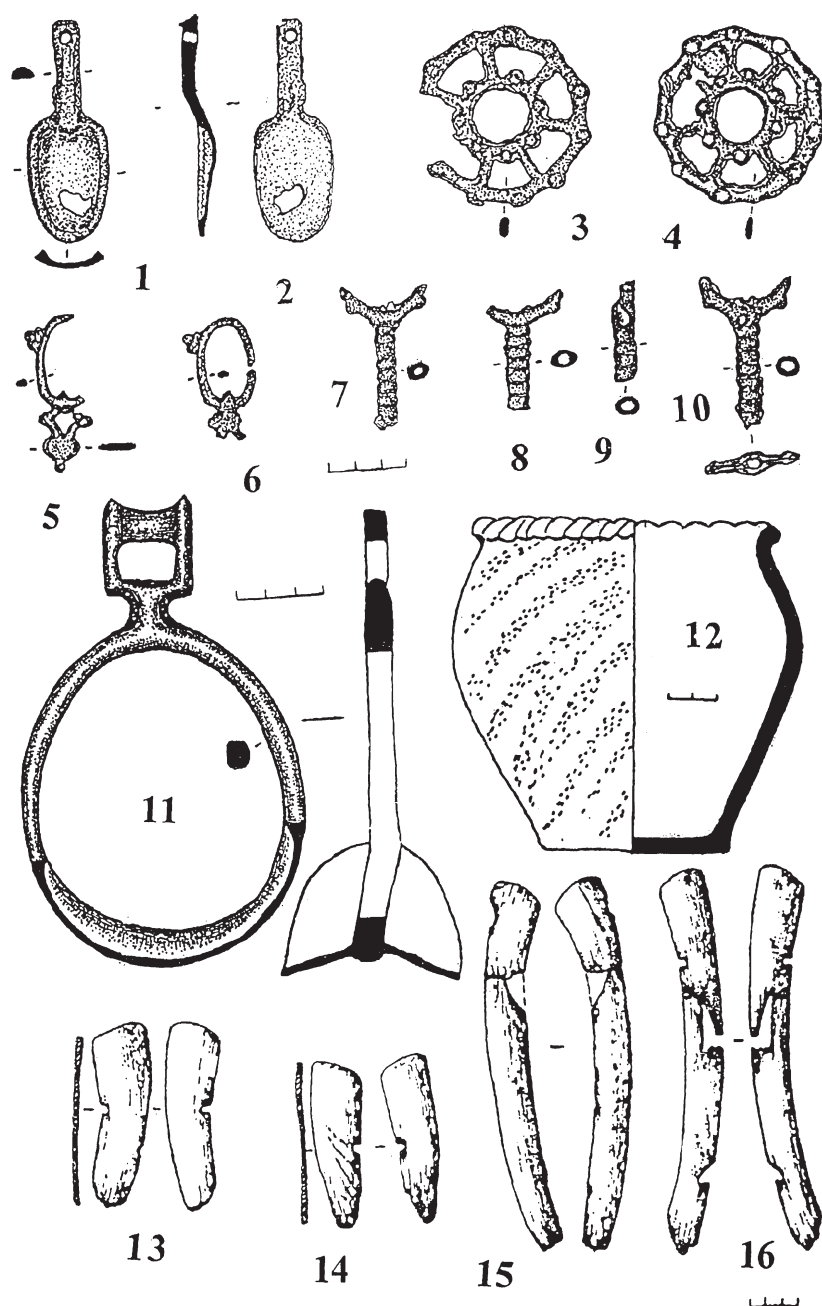

Рис. 2. Находки I тысячелетия н.э. в степной части Урало-Поволжья.
 1–10 – случайные находки, бронза (Актюбинская обл. Казахстана; по А. А. Бисембаеву);
 11 – бронзовое стремя, случайная находка (Уральская обл. Казахстана; по В. А. Кригеру);
 12 – лепной сосуд, Челкар–III, курган 15, погребение 1 (по Б. Ф. Железчикову); 13–16 – ко-
 стяные накладки лука, Воскресенский могильник (Самарская обл.; по И. Н. Васильевой).

выделенной пластинчатой петлей (рис. 3, 2)¹⁵, которое сейчас хранится в Музее археологии и этнографии УНЦ РАН (г. Уфа).

Вся поверхность стремени украшена ритмичным растительным орнаментом коврового типа, с чеканкой (плоской и пунктирной), инкрустацией серебром, желтой и красной медью. Стремя имеет грушевидный контур, утонченные дужки (каплевидной в сечении формы) и выделенную пластинку (в виде лопаточки) с прорезью для путлища (рис. 3, 2). В широкой овальной подножке (имеющей с обратной стороны три ребра жесткости в виде валикообразных утолщений по центру подножки и ее краям) сделаны две параллельные полосы из четырех прорезей. Поверхность подножки потерта в процессе длительного использования. Орнамент покрывает нижнюю часть пластинчатой петли (имеющей полукруглое завершение), поверхности дужек, края подножки и боковые уплощенные утолщения петли-лопаточки. Главная изобразительная идея орнаментации отражает мотив лотоса: она единообразна на дужках и имеет вариации на петле и подножке (рис. 3, 2). Эффект богатого украшения достигался мастером не только за счет тщательной проработки деталей композиции, тонкого применения насечки и чеканки, но и посредством разнообразия цветовой гаммы: лотосы на дужках инкрустированы серебряной фольгой (на внутренних гранях они перемежались с медными вставками), а листовая символика в основании петли и по бокам подножки «оживляется» симметричным покрытием желтой и красной медью.

Произведение элитного ремесленника-ювелира изготовлено в танском Китае. Стремя надежно датируется самым концом VII–VIII вв.¹⁶ В качестве близкой аналогии можно указать находку 1938 г. из Уйбатского чаатаса (кург. 5, образец из «кыргызских» пределов, также датируется VII–VIII вв.; рис. 3, 3-5)¹⁷. Но достаточно много подобных стремей обнаружено в северной части Поднебесной. Наши выводы в оценке знакового предмета полностью согласуются с мнением Л.А. Евтюховой: «художественное оформление описываемого нами стремени таково, что оно могло выйти из рук только первоклассного специалиста, одаренного тонким художественным вкусом и высоким мастерством»¹⁸.

Импортное изделие из Донгуза относится к разряду уникальных находок, но в нашем регионе известны схожие по форме стремени местного (?), кочевнического производства. Скажем, еще в 1908 г. у пос. Переметное (Зеленовского р-на Уральской обл.) было найдено литое бронзовое стремя овального контура, с подквадратной в сечении тонкой дужкой, с широкой овальной подножкой и высоким вычлененным выступом (с отверстием для ремня; рис. 2, 11). Хранится в Уральском областном музее¹⁹. Помимо центральноазиатских примеров, стремени подобного контура встречаются в древностях аваров и хазар VII–VIII вв.²⁰.

Выделенные комплексы демонстрируют нам устойчивые связи с востоком Великого пояса степей Евразии, но на примере материалов Урало-Каспийского коридора можно обнаружить также проявления обратного вектора культурных контак-

¹⁵ Мажитов 1975.

¹⁶ Амброз 1973, 81–98.

¹⁷ Евтюхова 1948, 40–44.

¹⁸ Евтюхова 1948, 42.

¹⁹ Кригер 1979, 176–177.

²⁰ см.: Амброз 1973, 81–98; Семенов 1988, 105–106, рис. 5 и др.

тов. Посмотрим, например, основное погребение из могильника **Тамар-Уткуль** («Черный Яр»; Соль-Илецкий р-н Оренбургской обл.) на левом берегу р. Илек, в 3,5 км к востоку от пос. Кумакский. Раскопки В.С. Горбунова и В.А. Иванова 1983 г. **Курган 3**. Диаметр 5 м, высота 0,1 м. Земляной. Могильная яма прямоугольной формы, размером 1,85x0,85 м, глубиной 1 м от уровня материка, вытянута по линии В-З. В южной стенке могилы выкопан подбой, дно входного колодца и подбойной ниши находилось на одном уровне (другими словами, ступеньки между ними не было). Вдоль длинной северной стенки в засыпи (на глубине от 0,2 до 0,6 м) размещались останки шкуры лошади (череп и кости ног в анатомическом порядке), мордой на запад. Конь был взнуздан (рис. 4, 1). В заполнении ямы на глубине 0,9 м обнаружено также железное кольцо от удила (?). Костяк взрослого человека лежал в подбое, вытянуто на спине, с ориентировкой головы к западу. Череп покоился на темени, лицевой частью кверху. Руки и ноги вытянуты (рис. 4, 1). Вещи: в изголовье, левее черепа, стоял приземистый толстостенный плоскодонный сосуд (рис. 4, 20) с примесью песка в глиняном тесте. Слабо профилированный сосуд горшечно-баночной формы, ручной формовки и неровного кострового обжига. Цвет керамики варьируется от темно-коричневого до черного, заглаживание неровное, с бугристой наружной поверхностью. Толщина стенок 0,9–1 см. Диаметр венчика 12,1 см, максимальный диаметр тулова 14 см, диаметр дна 8,5 см, высота горшка 12,3 см. Утолщенный край венчика отогнут наружу, и на нем сделаны вдавления кончиком палочки; вдоль тела слева расчищены остатки лука с костяными концевыми и срединными накладками (по 2 экз.; рис. 4, 2–4). Длина лука составляла около 1,15 м; рядом с луком – несколько железных плоских наконечников стрел листовидной формы (сохранились очень плохо); в районе пояса зафиксирован тлен кожаного пояса, украшенного серебряными сердцевидными (рис. 4, 7–8, 15–16, 18–19) и полуовальными накладками (рис. 4, 6, 11–14, 19). Сохранились также цельнолитая бронзовая пряжка с овальной рамкой, щитком с овальным завершением и подвижным язычком (рис. 4, 5); серебряная розетка (рис. 4, 17), поясная ребристая обойма (рис. 4, 10) и наконечник ремня (рис. 4, 9). Дата погребения – VIII–IX вв.

Материалы опубликованы²¹, но, к сожалению, не привлекли особого внимания специалистов. В качестве ближайшей аналогии керамике укажем находки из могильника Челкар–III (Уральская²² обл. Казахстана), курган 15, погребение 1²³ (рис. 2, 12). При этом трудно не заметить параллели данному комплексу в новинковских древностях Поволжья (причем не только в керамике, но и среди набора костяных накладок лука и в других деталях; рис. 2, 13–16). И это делает западное направление культурного взаимодействия вполне реальным.

Пока еще специалисты полностью не преодолели гипотетический уровень в детализации генезисных явлений и реалий культурных трансформаций в степях Волго-Уральского региона в VII–IX вв., но процесс познания здесь постепенно «раскручивается». А новые находки позволяют рассмотреть перспективы дальнейших научных разработок. Скажем, интересный комплекс случайно обнаружен в 2014 г. близ пос. Курман (Шубарши Уилского р-на Актюбинской обл.), состоя-

²¹ Иванов 2001, 155–161.

²² ныне – Западно-Казахстанская область Казахстана.

²³ Железчиков 1998.

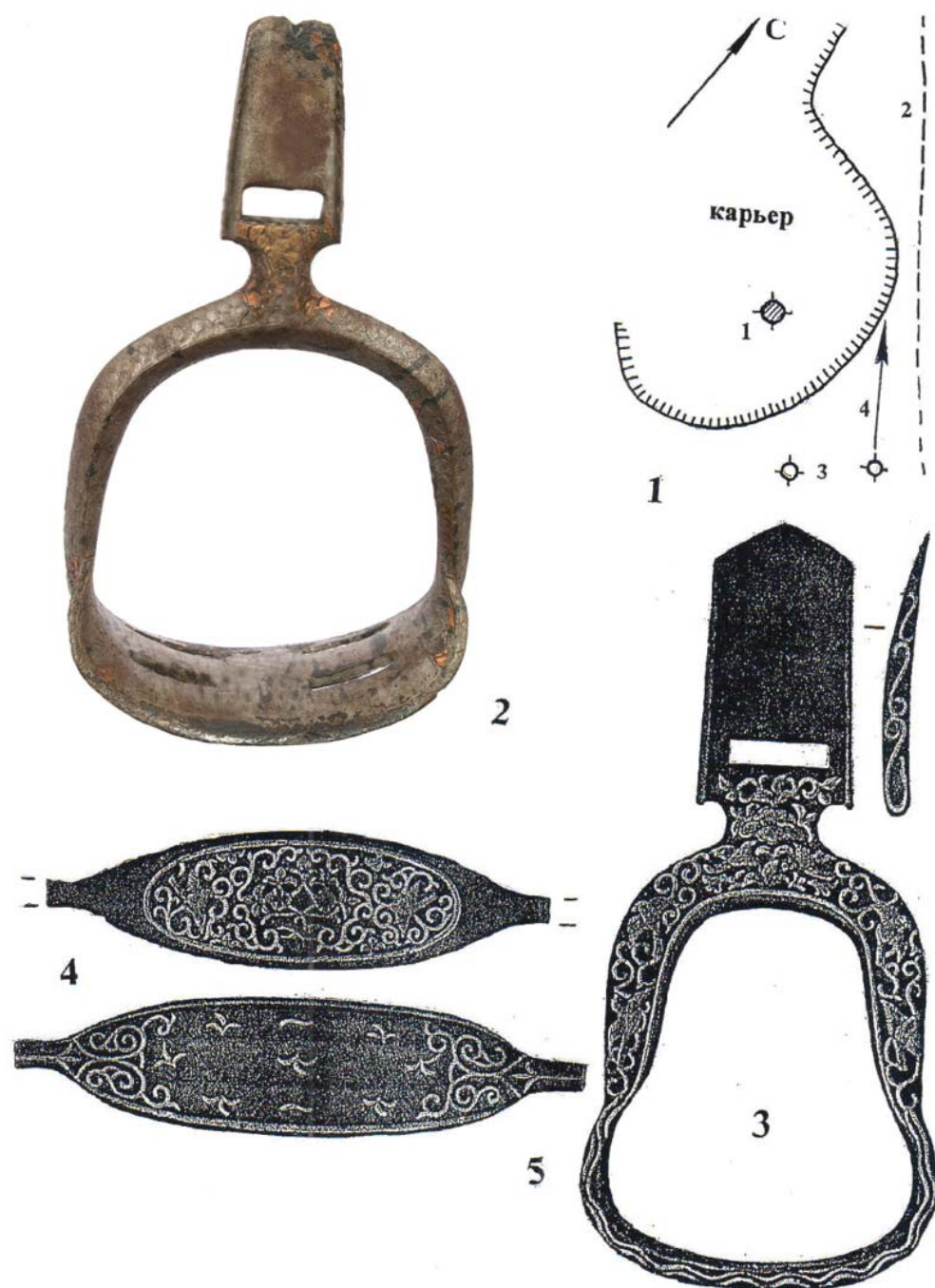

Рис. 3. Курган Донгуз (1–2) и аналогии танскому стремя (3–5).
 1 – план расположения памятника (1, 3 – курганы, 2 – грунтовая дорога, 4 – направление на завод и р. Урал); 2 – железное стремя с инкрустацией; 3–5 – стремья из Уйбатского чаатаса (по Л. А. Евтюховой)

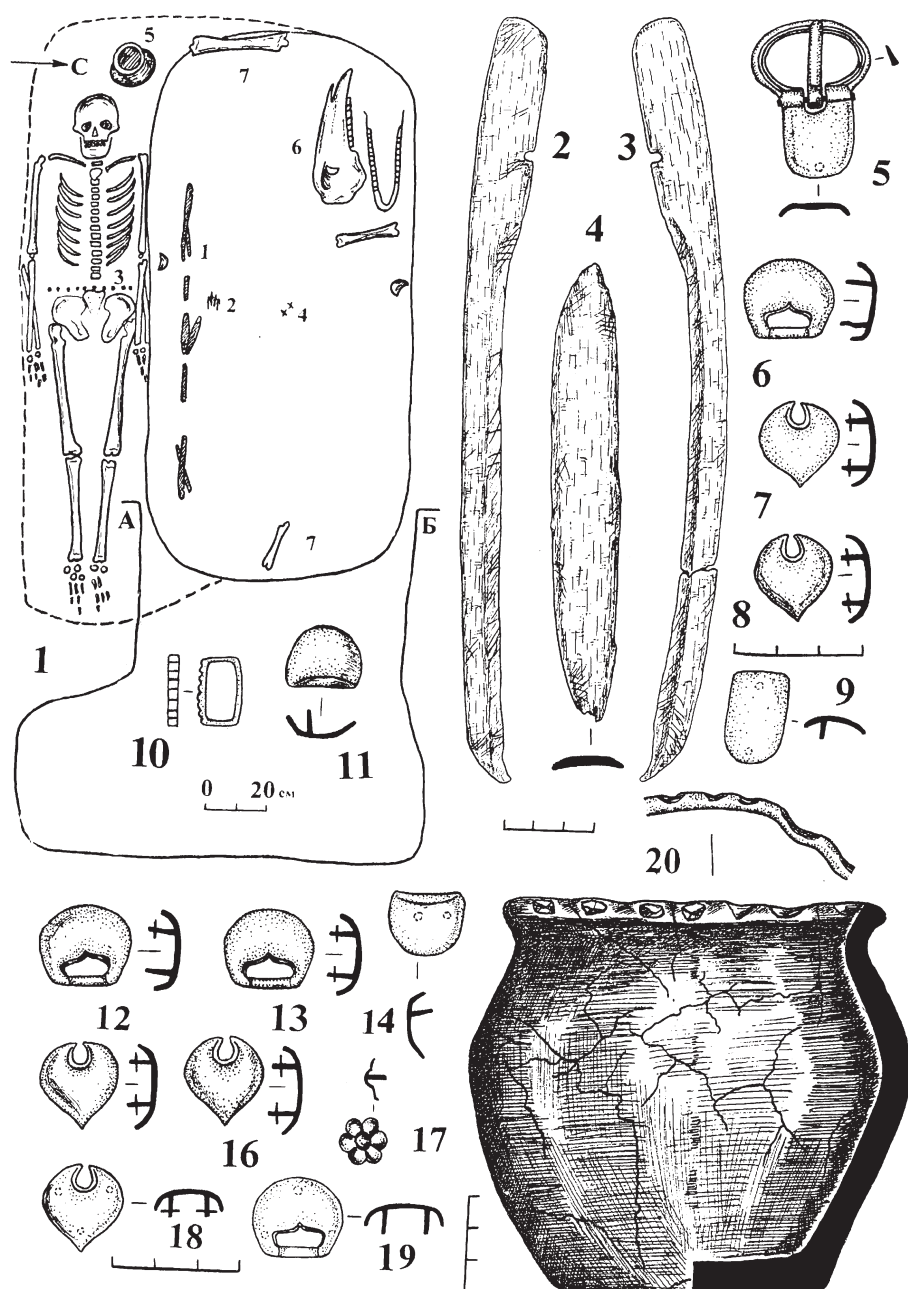

Рис. 4. Курганный могильник Тамар-Уткуль (Оренбургская область). Курган 3 (по В.С. Горбунову и В.А. Иванову).

1 – план погребения (1 – костяные накладки лука, 2 – наконечники стрел, 3 – остатки поясного ремня, 4 – остатки железного кольца, 5 – сосуд, 6–7 – череп и кости ног лошади); 2–4 – накладки лука; 5 – поясная пряжка; 6–8, 11–19 – поясные накладки; 9 – наконечник ремня; 10 – обойма от ремня; 20 – лепной сосуд; 2–4 – кость; 5 – бронза; 6–19 – серебро; 20 – глина

щий из литых и штампованных накладных бляшек и подвесок из посеребренной бронзы²⁴. Прямоугольные накладки с прорезями, лунницы с ушками, сердцевидная гарнитура, наконечники ремней и другие категории инвентаря входили в состав металлических украшений конской сбруи и наборных воинских поясов, бытовавших в VIII–XI вв. В поисках аналогий ременной торевтики авторы публикации обращаются к материалам кушнаренковско-караякуповского типа в Башкирии (Ишимбаево, Лагерево, Муракаево, Хусаиново и др.). А это уже особое (северное) направление связей: контакты тюркского и угорского культурных ареалов эпохи средневековья.

Заключение

Таким образом, памятники VII–IX вв. в Волго-Уральской степи все же есть, хотя их немного. Неустойчивое (или временное) положение немногочисленных групп тогдашних кочевников в регионе подтверждается размещением их единичных погребений на окраинах некрополей более ранних эпох, малыми метрическими характеристиками курганных насыпей, обилием дюнных захоронений (вещи из которых попадают чаще всего в виде случайных находок). При этом постепенно «вырисовывается круг» характерных предметов рассматриваемого времени: это овальные серьги с разнообразными грузиками, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел; остатки наборных поясов с металлическими накладками (лунницами, прямоугольно-прорезными, сердцевидными, арочного контура, и т.д.), цельнолитыми пряжками грушевидных очертаний (с подвижными язычками) и наконечниками ремней; металлические сбруйные тройники; остатки луков центральноазиатского типа²⁵ с парными концевыми и срединными накладками из кости; характерная керамика. Все эти признаки выделяют комплексы этнических групп второй половины I тыс. н.э. в базах классического инвентаря гуннов и печенегов-огузов. Нам еще предстоит проанализировать обобщающие перечни памятников огузов и печенегов на предмет вычленения из них памятников VII–IX вв. Скажем, в нашу сводку древностей огузов и печенегов включены такие объекты, как Яман, Атпа-II, Тамар-Уткуль (кург. 3)²⁶, хотя уже тогда возникали сомнения в их принадлежности к могильникам X–XI вв. Но чтобы заняться анализом, надо было сначала провести синтез. Таковы «правила игры». Проблема усугубляется полным отсутствием антропологических определений черепов.

На этнических определениях мы не акцентировали внимание, поскольку фактологических данных для этого явно недостаточно. Однако о нескольких нюансах можно говорить уверенно: о тюркской языковой доминанте степняков второй половины II тыс. н.э. и о восточных (центральноазиатских) истоках пришлого населения. По мнению специалистов, вещевой комплекс рассматриваемых памятников показывает их близкую сопричастность древностям Западно-Тюркского каганата (тюркок-ашина или тугю). С.Г. Боталов подчеркивал, что в VII–VIII вв.: «Вся гигантская степная территория к северу от Таласо-Илийского междуречья, включающая в себя стратегические районы Центрального Казахстана (Иргиз,

²⁴ Бисембаев, Фоменко 2016, 201–204.

²⁵ Савин, Семёнов 1998, 290–295.

²⁶ Гарустович, Иванов 2001, 165 (№ 8, 11), 166 (№ 21).

Тургай, Улутай, Сары Арка) и примыкающие к нему Южное Зауралье и левобережье Восточного Казахстана, словно выпадает из геополитической канвы. Это может свидетельствовать лишь о том, что эти важные для кочевой империи регионы изначально входили в ее состав. Вероятнее всего, вместе с долинами части Сырдарьи, Таласа, Чу и Или они составляли единую пастбищно-кочевую провинцию, в пределах которой и осуществлялось сезонное кочевание объединения племен, получившее название *он ок будун* или «десяти стрел»²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.К. 1973: Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.). *СА* 4, 81–98.
- Бисембаев, А.А., Гуцалов, С.Ю. 1996: Средневековые погребения с территории Актюбинской области. *Вопросы археологии Западного Казахстана* 1, 245–258.
- Бисембаев, А.А., Гуцалов, С.Ю. 2006: *История Западного Казахстана*: в 2 т. Т. I. Актобе.
- Бисембаев, А.А., Тасмагамбет, Г.С. 2004: Исследования аварийного могильника Солянка. *Известия НАН Казахстана* 1, 65–70.
- Бисембаев, А.А., Фоменко, А.С. 2016: Комплекс случайных находок раннего средневековья из песчаных массивов среднего течения Уила. *Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения», 1–2 апреля 2016 г.* Алматы, 201–204.
- Боталов, С.Г. 2007: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск.
- Гарустович, Г.Н., Иванов, В.А. 2001: *Огузы и печенеги в евразийских степях*. Уфа.
- Гуцалов, С.Ю. 1993: Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар. В кн.: А.Д. Таиров (ред.), *Кочевники урало-казахстанских степей*. Екатеринбург, 162–166.
- Демкин, В.А., Демкина, Т.С., Борисов, А.В., Якимов, А.С., Сергацков, И.В. 2004: Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет. *Почвоведение* 3, 271–283.
- Евтюхова, Л.А. 1948: Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса. *КСИИМК XXIII*, 40–44.
- Железчиков, Б.Ф. 1998: *Археологические памятники Уральской области*. Волгоград.
- Ибн Хордадбех 1986: *Книга путей и стран*. Перевод с араб. Н. Велихановой. Баку.
- Иванов, В.А. 2001: Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке. *Археологические памятники Оренбуржья* 5, 155–161.
- Иванов, В.А., Гарустович, Г.Н., Пилипчук, Я.В. 2014: *Средневековые кочевники на границе Европы и Азии*. Уфа.
- Кригер, В.А. 1979: Погребения и случайные находки IX–XI вв. на территории Уральской области. Древняя история Поволжья. *Научные труды КГПИ* 230, 174–179.
- Мартинес-Наваррете, М.И., Висент-Гарсия, Х.М., Лопес-Гарсия, П., Лопес-Сает, Х.А., де Завала-Моренкос, И., Диас-дель-Рио, П. 2005: Металлургическое производство на Каргалах и реконструкция окружающей среды. *РА* 4, 84–91.
- Овчинникова, Б.Б. 1990: *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках*. Свердловск.
- Савин, А.М., Семенов, А.И. 1998: О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа. Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. *Материалы международной конференции, 2–5 сентября 1998 г.* СПб., 290–295.

²⁷ Боталов 2007, 239.

- Семенов, А.И. 1988: К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник ГЭ* 29, 97–111.
- Тишкин, А.А., Серегин, Н.Н. 2011: *Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации. Теория и практика археологических исследований*. Барнаул.
- Хохлова, О.С. 1996: Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году. *Курганы левобережного Илека* 4, 61–72.
- Хохлова, О.С., Хохлов, А.А. 2005: Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области. *Археологические памятники Оренбуржья VII*, 50–69.

REFERENCES

- Ambroz, A.K. 1973: Stremena i syedla rannego srednevekov'ya kak hronologicheskiy pokazatel' (IV–VIII vv.). *Sovetskaya arheologiya* 4, 81–98.
- Bisembaev, A.A., Gutsalov, S.Yu. 1996: Srednevekovye pogrebeniya s territorii Aktyubinskoy oblasti. *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazakhstana* 1, 245–258.
- Bisembaev, A.A., Gutsalov, S.Yu. 2006: *Istoriya Zapadnogo Kazakhstana*: v 2 t. T. I. Aktobe.
- Bisembaev, A.A., Fomenko, A.S. 2016: Kompleks sluchaynykh nakhodok rannego srednevekov'ya iz peschanykh massivov srednego techeniya Uila. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferencii «VIII Orazbaevskie chteniya», 1–2 aprelya 2016 g.* Almaty, 201–204.
- Bisembaev, A.A., Tasmagambet, G.S. 2004: Issledovaniya avariynogo mogil'nika Solyanka. *Izvestiya NAN Kazakhstana* 1, 65–70.
- Botalov, S.G. 2007: *Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya)*. Chelyabinsk.
- Demkin, V.A., Demkina, T.S., Borisov, A.V., Jakimov, A.S., Sergatskov, I.V. 2004: Izmenenie pochv i prirodnkh usloviy polupustynnogo Zavolzh'ya za poslednie 4000 let. *Pochvovedenie* 3, 271–283.
- Evtyuhova, L.A. 1948: Stremya tanskoy epohi iz Uybatskogo chaatasa. *Kratkie soobshheniya Instituta istorii material'noy kul'tury XXIII*, 40–44.
- Garustovich, G.N., Ivanov, V.A. 2001: *Oguzy i pechenegi v evraziyskikh stepyakh*. Ufa.
- Gutsalov, S.Yu. 1993: Pogrebenie srednevekovogo voina v vostochnykh otrogah Mugodzhar. In: A.D. Tairov (red.), *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepy*. Ekaterinburg, 162–166.
- Hohlova, O.S. 1996: Morfologo-geneticheskiy analiz hronoryadov pochv kurgannykh grupp Pokrovka 1, 2 i 10 v 1995 godu. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* 4, 61–72.
- Hohlova, O.S., Hohlov, A.A. 2005: Paleopochvennye issledovaniya kurgannogo mogil'nika Mustaevo V v Novosergievskom rayone Orenburgskoy oblasti. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya VII*, 50–69.
- Ibn Hordadbeh 1986: *Kniga putey i stran*. Perevod s arab. N. Velihanovoy. Baku.
- Ivanov, V.A. 2001: Srednevekovye pogrebeniya mogil'nika Tamar-Utkul' na Ilike. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* 5, 155–161.
- Ivanov, V.A., Garustovich, G.N., Pilipchuk, Ya.V. 2014: *Srednevekovye kochevniki na granice Evropy i Azii*. Ufa.
- Kruger, V.A. 1979: Pogrebeniya i sluchaynye nakhodki IX–XI vv. na territorii Ural'skoy oblasti. *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya. Nauchnye trudy KGPI* 230, 174–179.
- Martines-Navarrete, M.I., Visent-Garsiya, H.M., Lopes-Garsiya, P., Lopes-Saec, H.A., de Zavala-Morenkos, I., Dias-del'-Rio, P. 2005: Metallurgicheskoe proizvodstvo na Kargalah i rekonstrukciya okruzhayushchey sredy. *Rossiyskaya arheologiya* 4, 84–91.
- Ovchinnikova, B.B. 1990: *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah*. Sverdlovsk.

- Savin, A.M., Semyenov, A.I. 1998: O central'no-aziatskih istokah luka hazarskogo tipa. Voennaya arheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i social'noy perspektive. *Materialy mezhdunarodnoy konferencii, 2–5 sentyabrya 1998 g.* Saint-Petersburg, 290–295.
- Semyenov, A.I. 1988: K vyvavleniyu central'noaziatskih elementov v kul'ture rannesrednevekovykh kochevnikov Vostochnoy Evropy. *Arheologicheskiy sbornik GE* 29, 97–111.
- Tishkin, A.A., Seregin, N.N. 2011: *Predmetnyy kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoy kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI v. n.e.): tradicii i novacii. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy.* Barnaul.
- Zhelezchikov, B.F. 1998: *Arheologicheskie pamyatniki Ural'skoy oblasti.* Volgograd.

VOLGA-URAL STEPPE CORRIDOR IN THE MIDDLE AGES:
Was there the history to begin in the 10th century... Or not all the same?

Gennady N. Garustovich

*Institute of History, Language and Literature Ufa Scientific Center RAS, Russia,
garustovich03@mail.ru*

Abstract. The author refers to the consideration of the barrows of Turkic-speaking nomads of the second half of the 1st millennium AD in the steppe zone of the Volga-Ural and Western Kazakhstan. There are only few such monuments in the region, and they are characterized by various features of the funeral ritual. They were obviously left by representatives of various ethnic groups of the medieval nomads, small in numbers, which occupied the steppe Ural-Caspian corridor for a short time. The reasons of low population density of these regions are still not well understood (possible military-political or ecological and climatic reasons are only assumed). Kurgan Donguz due to its characteristics resembles to the monuments of the late Western Turkic khanate, Atpa burial mounds reveals similarities with the Kimaks. In other cemeteries (Tamar-Utkul, Yaman, et al.) things reminding ancient nomadic Khazars and Bulgarians were found. However, the author states ethnic interpretations only in the preliminary way, because of the small number of the studied objects, fragmented artifacts discovered by archaeologists and the lack of a representative source base. Unifying features of the funeral rites, so-called “equestrian accessories” (stirrups and so forth), weapons items (arrowheads, parts of the composite bow, etc.), the headset typesetting belts are considered.

The era of “desolation” of East European steppes (to the east of the Trans-Volga) is completed in 9th – 10th centuries, when there among the whole territory a significant number of tribal alliance monuments Pechenegs appears, followed by Oguz and Kipchak (but the realities of this process occurred at the beginning of the 2nd millennium AD).

Key words: prairie mounds, the second half of the 1st millennium, the Volga-Ural region

---

ДЮРБЕ ГАЙДАР-ХАНА НА ЧУФУТ-КАЛЕ: УТЕРЯННЫЙ ПАМЯТНИК ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?¹

А.Г. Герцен*, Ю.М. Могаричев**

**Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь,
gertsenag@yandex.ua*

*** Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Симферополь,
mogara@rambler.ru*

Аннотация. Французский путешественник Ж. Ромм, посетивший Крымский полуостров в 1786 г. сообщает (неоконченное произведение «Путешествие в Крым в 1786 году») о нахождении на Чуфут-кале (Кырк-ере) гробницы (дюрбе) некоего Гайдар-хана. Эту информацию он получил от своего проводника, «ученого-татарина» Махмед-аги. Ряд исследователей, восприняв сообщение Ж. Ромма как достоверное, предположили, что похороненный на чуфут-кальском плато Гайдар-хан – сын первого крымского хана Хаджи-Гирея, сместивший с трона отца и правивший несколько месяцев в 1456 г. Авторы настоящей публикации, проанализировав различные описания крепости XVII–XIX вв., пришли к выводу, что французский путешественник, очевидно, был введен в заблуждение своим гидом. Гробницы хана Гайдара (Айдара) в Кырк-ере никогда не было. Методичное обследование мусульманских памятников городища, проводившееся в 20-х гг. XX в. также не выявило никаких следов данного погребального сооружения. То ли Жильбер Ромм не так понял своего гида, то ли отмеченная им учёность проводника была сильно преувеличена. Единственный мавзолей, известный на Чуфут-кальском плато и сохранившийся к настоящему времени – дюрбе Джанике-ханым, дочери золотоордынского хана Тохтамыша, скончавшейся, судя по эпитафии, в 1437 г. Только его упоминают все последующие авторы. Вокруг мавзолея действительно располагалось мусульманское кладбище, однако надгробные памятники там – исключительно вырезанные из камня постаменты. Правление Айдара-хана в 1456 г. обосновано вызывает сомнения у современных исследователей, которые считают, что в указанном году у власти находился другой правитель.

Ключевые слова: Чуфут-кале, Кырк-ер, дюрбе, Бахчисарай, Золотая орда, Крымское ханство

Герцен Александр Германович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.

¹ Статья является расширенной версией доклада, зачитанного на Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова.

Введение

В 1786 г., через три года после присоединения Крымского полуострова к Российской империи, в компании П.А. Строганова и А.Н. Воронихина его посетил Шарль Жильбер Ромм². Результатом этой экспедиции стало сочинение «Путешествие в Крым в 1786 году», представляющее незавершенную рукопись и впервые изданное в русском переводе в 1941 г.³ В числе прочих крымских достопримечательностей Ж. Ромм описывает и городище Чуфут-кале (средневековый Кырк-ер): «24-го мы побывали в еврейском городке Джуфут-Кале, расположенном на возвышении, в 3 или 4 в. от Бахчисарая. Он укреплен и построен отлично, большинство домов из плитняка. Их насчитывается свыше 200; город населен евреями, занимающимися кое-какими ремеслами и торговлей. Мы видели их синагогу, где хранятся книги Моисея, очень чисто переплетенные на больших пергаментных свитках, вложенных в футляры цилиндрической формы, покрытые бархатом и чеканным серебром. В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего 300 лет назад. Архитектура ее хороша, хотя и в восточном вкусе»⁴. Как видим, на Чуфут-кальском плато особое внимание автора привлекло убранство караимской кенассы⁵ и «гробница» (надо думать, дюрбе) некоего Гайдар-хана. Последнее выглядит странным, так как ни один иной источник ни о каком Гайдар-хане, захороненном в Кырк-ере, не сообщает. Иные авторы фиксируют здесь только мавзолей Джанике-ханым (см. далее). Вероятнее всего, любознательный француз сам ничего не придумывал, а пользовался информацией проводника. Он раскрывает и имя своего информатора. При описании городища Тепе-кермен, на который путешественники отправились именно с Чуфут-кале, можно прочитать: «Проводником нам служил ученый-татарин Махмет-ага, знававший бахчисарайского каймакана, около полутора лет назад уехавшего в Анатолию. Этот Мехмет-ага – шестидесятилетний старик – считается очень сведущим в древней истории Тавриды. Он владеет многочисленными рукописями, откуда удалось почерпнуть любопытные предания, между прочим о том, что некогда море покрывало весь полуостров, за исключением гор»⁶.

В нашей монографии, изданной в 1993 г., мы писали по этому поводу следующее: «Возникает вопрос, где находилось место первоначального захоронения основателя династии Гиреев? Не исключено, что это был Кырк-ор, поскольку там хоронили и других правителей. Вот свидетельство французского путешественника Жильбера Ромма <...> Автор ошибся, речь, конечно, шла о гробнице Джанике-ханым, но, видимо, память о погребении в Кырк-оре Гейдар-хана, сына Хаджи-Гирея, сместившего с трона отца и правившего несколько месяцев в 1456 г., сохранялась. Это может быть объяснено существованием гробницы с соответствующей надписью, не дошедшей до нашего времени. На рисунках мавзолея

---

² О нем см.: Петрова, Прохорова 2011а, 40–52.

³ Ромм 1941.

⁴ Петрова, Прохорова 2011а, 119.

⁵ В 1786 г. в Чуфут-кале проживали исключительно караимы (Герцен, Могаричев 2016, 235–265) Поэтому их молельный дом мы называем не синагогой, как Ж. Ромм, а традиционным с начала XX в. термином «кенасса».

⁶ Петрова, Прохорова 2011а, 121.

Джанике-ханым, относящихся к середине XIX в., хорошо видны мусульманские надгробия, расположенные рядом с ним»⁷.

Московский востоковед И.В. Зайцев развил данную точку зрения: «Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там <...> Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в., безусловно, существовали и другие захоронения <...> Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь»⁸. В итоге следует вывод: «Учитывая роль Кырк-Йера как классического курука (ханского заповедника/некрополя), можно осторожно предложить еще одну вероятную этимологию названия: “корык/кырык-йер” – “заповедное, святое место”»⁹.

Насколько правомерна гипотеза о существовании на городище гробницы некого Гайдар-хана?

Через семь лет после Ж. Ромма (30 октября 1793 г.) в Крым приехал академик П.С. Паллас. Ознакомившись с полуостровом, в марте 1794 г. он начинает работу по всестороннему его описанию, которую заканчивает к 18 июня. А уже 14 октября того же года отчет о поездке был представлен Екатерине II, послужив основой впервые изданных в 1799 г. «Наблюдений, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства»¹⁰. Не обошел вниманием академик и Чуфут-кале: «Жидовский город, начинающийся на самой узкой части выдвинутой горы, защищен частью стенами, а частью каменными жилыми домами столь же старательно с узкой стороны, как и с расширенного склона сзади города. В нем – двое внешних ворот, по одним с каждой стороны, старательно запираемых на ночь. Его улицы узки, извилисты и очень чисты, состоят из скалы; на главной улице уложены большие камни для удобства пешеходов. Посередине города находятся еще и третьи ворота, указывающие его древнюю величину и современное расширение. Подле этих ворот виднеется мавзолей дочери хана Тохтамыша, состоящий из двух усыпальниц, одна над другой; с западной стороны он украшен изящным сводчатым портиком. Могила или мавзолей должен был быть построен для дочери Тохтамыш-хана, похищенной одним мурзой при помощи хитрости и бежавшим в эту крепость, в то время находившуюся во владении генуэзцев. Со времени этого происшествия прошло приблизительно 350 лет»¹¹. Как видим, П.С. Паллас, в отличие от Ж. Ромма, занимавшийся сбором исключительно научных материалов, фиксирует на Чуфут-кальском плато только гробницу Джанике-ханым (рис. 1, 5; 2; 3). Вряд ли стоит сомневаться, что педантичный ученый не упомянул бы и о гробнице Гайдар-хана, если бы имел о ней хоть какие-то достоверные сведения.

Вероятное логическое предположение, что в 1786 г. гробница Гайдар-хана еще стояла, а к 1793–1794 гг. о ней стерлись всякие воспоминания, не выдержива-

⁷ Герцен, Могаричев 1993, 64.

⁸ Зайцев 2012, 98–99; 2013, 496.

⁹ Зайцев 2013, 496.

¹⁰ Могаричев 1992, 14–15.

¹¹ Паллас 1999, 32–33.

Рис. 1. План-схема застроенной части Чуфут-кале

ет критики и самое главное – не объясняет, почему Ж. Ромм умалчивает о мавзолее Джанике-ханым.

К сожалению, не позволяют внести ясность в рассматриваемую проблему «дороммовские» обзоры памятника и свидетельства авторов конца XVIII–XIX вв. Так Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666–1667 гг. и оставивший подробное описание Кырк-ера, детально рассматривает оборонительные сооружения крепости, уже не функционировавшую тогда, возведенную Хаджи-Гиреем, мечеть¹², ханскую тюрьму; отмечает различные подробности о ее жителях, но вообще ничего не сообщает о наличии в ней каких-либо погребальных сооружений¹³, даже о дюрбе Джанике-ханым, расположенной на главной площади так называемого Старого города, в наивысшей его точке¹⁴ (рис. 2).

Мало информативны для нас «Крымское ханство» М. Тунманна (1764 г.)¹⁵, путеводитель, подготовленный к путешествию Екатерины II в Крым (1786 г.)¹⁶, путевые заметки П. Сумарокова (1799 г.)¹⁷. Ничего не знает о гробнице Гайдар-хана педантичный швейцарец Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Крым в 1833 г. При этом он подробно описывает дюрбе Джанике-ханым: «Посреди города, близ древних ворот, каждый путешественник обычно посещает мавзолей, украшенный изящным портиком и куполообразным сводом: тюрбе или гробницу Ненекеджан-ханым, дочери Тохтамыш-хана, умершей в 841 году хиджры (1437–1438 г.). Этот памятник, подобно мавзолею Марии Потоцкой¹⁸, овеян легендами, и изобилие вариантов делает почти невозможной попытку докопаться до истины». Автор анализирует различные легенды, с ней связанные, проявляет блестящее знание историкографии, но даже вскользь не упоминает о наличии на Чуфут-кале еще одного подобного погребального сооружения¹⁹. Современник швейцарца К. Монтандон, издавший в 1834 г. путеводитель по Крыму, отмечает: «Иностранцы задерживаются в этом месте (Чуфут-кале – Авт.), чтобы посетить мавзолей дочери хана, жизнь которого могла бы стать романном сюжетом. Этот мавзолей украшен изящным портиком, который состоит из двух арок, расположенных одна выше другой»²⁰. Одесский историк и археолог Н.Н. Мурзакевич, побывавший на полуострове в 1836 г., также акцентирует внимание именно на дюрбе Джанике-ханым: «После странной постройки домов преимущественное внимание путешественника заслу-

¹² В настоящее время большинство исследователей считает, что Хаджи-Гирей мечеть перестроил. Первое же мусульманское культовое сооружение на этом месте было возведено в 1346 г. (см. подробнее: Герцен, Могаричев 2016, 183–184).

¹³ Челеби 2008, 81–83.

¹⁴ Объяснить это можно, вероятно, тем, что по информации Н.М. Мурзакевича, посетившего Чуфут-кале в 1836 г., дюрбе Джанике-ханым располагалось внутри усадьбы одного из местных жителей (Петрова, Прохорова 2011б, 35). Вполне возможно, что и во времена Эвлии Челеби вид на мавзолей (вероятно, находившийся в полуразрушенном состоянии) скрывал каменный забор.

¹⁵ Тунманн 1990, 32–33.

¹⁶ Путешествие 1786, 70–73.

¹⁷ Сумароков 2012, 149–143.

¹⁸ Имеется в виду дюрбе Диляры-Бикечь, расположенная на территории Бахчисарайского дворца, с которым традиционно связывается знаменитая легенда о Фонтане слез (Бахчисарайском фонтане), якобы сооруженном по приказу хана Крым-Гирея в память об умершей возлюбленной, которую часто отождествляли с польской красавицей Марией Потоцкой. См. напр.: Бронштейн, Андрейко 1994.

¹⁹ Дюбуа де Монпере 2009, 278–281.

²⁰ Монтандон 1997, 81.

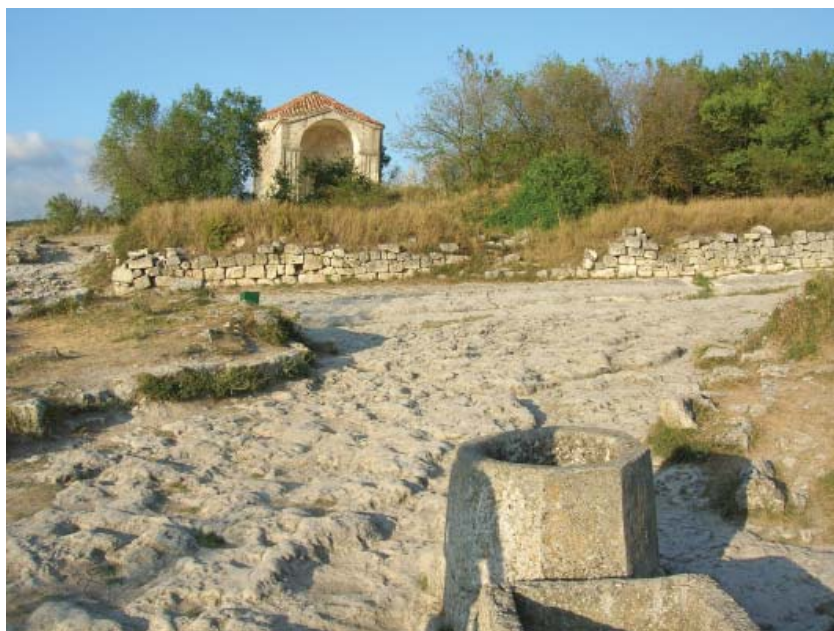

Рис. 2. Чуфут-кале. Главная площадь. Вид на дюрбе Джанике-ханым

живает полуразрушенное здание, находящееся внутри одного караимского дома — это, по древнему преданию, гробница дочери Тохтамыш-Хана, куда она, убежав с татарским мурзой, отдалась под покровительство генуэзцев. Здание уже до половины разрушено, однако каменная гробница с арабскими (?) надписями еще цела; тут же виден и погреб, где, вероятно, было погребено тело. Двери, ведущие в это здание, также усеяны надписями. Постройка памятника сходна с памятником, что на гробе Менгли-Гирея»²¹. Умалчивает о гробнице хана Айдара и эрудированный Е.В. Марков²².

Не фигурирует интересующий нас объект и в трудах исследователей, например, П. Кеппена²³ и А.Л. Бертье-Делагарда. Последний посвятил городищу и его памятникам обстоятельную работу. В ней ученый отмечает следы мусульманского кладбища вокруг руин мечети, дюрбе Джанике-ханым и иные объекты, связанные с татарским периодом. В отношении мавзолея он пишет: «Неподалеку от этой мечети поставлена тоже мусульманская надгробная часовня (дюрбе), вокруг и внутри которой погребены несколько лиц; из них названа Нэнеке-Джан-ханым, дочь Тохтамыш-хана, показанная в надписи умершею в 1437 г. С ее именем связано несколько вздорных, мнимо народных рассказов, но точно исторического о ней ничего не известно»²⁴.

Не сохранилось на городище и эпиграфических свидетельств погребения Гайдар-хана, хотя все известные чуфут-кальские арабоязычные надписи были

²¹ Петрова, Прохорова 2011б, 35–36.

²² Марков 1995, 454.

²³ Кеппен 1837, 308–318.

²⁴ Бертье-Делагард 2011, 109–110.

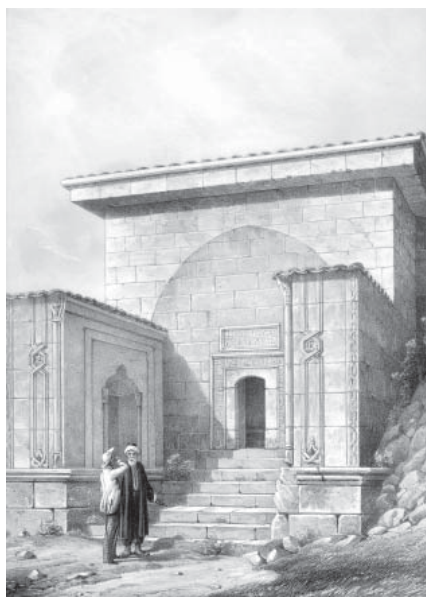

Рис. 3. Мавзолей Джанике-ханым. С рис. М. Вебеля. Середина XIX в.

опубликованы²⁵. Более того, методичное обследование мусульманских памятников городища, проводившееся в 20-х гг. XX в., не выявило никаких следов данного погребального сооружения²⁶.

Таким образом, достоверные источники сообщают только об одном мавзолее (гробнице по Ж. Ромму) на чуфут-кальском плато – дюрбе Джанике-ханым. Это центрическое восьмигранное сооружение под черепичной крышей восьмиугольной в плане формы. С южной стороны к нему пристроен резной портал, образованный пилонами, перекрытыми массивной аркой (рис. 2; 3). Эпитафия на арабском языке, вырезанная на надгробии, гласит, что там похоронена Джанике-ханым, дочь хана Тохтамыш, скончавшаяся в 1437 г.²⁷. Наши исследования показали, что Джанике-ханым была достаточно известной фигурой не только в истории Крыма, но и Золотой Орды. Являясь дочерью Тохтамыш, она вышла замуж за его злейшего врага – Едигея. Джанике удалось спасти от едигеевой расправы младшего брата – Кадыр-Берды. Как известно, в 1419/20 г. войска Кадыр-Берды и Едигея сошлись в битве на р. Яик. В результате, по данным ряда источников, оба военачальника погибли²⁸. Арабские летописцы повествуют также о совершении Джанике хаджа в Мекку. Вероятно, какую-то роль играла эта женщина и в процессе формирования Крымского ханства, чем и заслужила честь быть погребенной в дюрбе, недалеко от главных ворот первой столицы этого государства²⁹.

²⁵ Бахчисарайские 1848, 527; Мурзакевич 1840, 147–148.

²⁶ Акчокраклы 1928; Боданинский 1927; Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы 1929.

²⁷ Боданинский 1927, 197–198; Акчокраклы 1928, 162–166; Герцен, Могаричев 2016, 165–175; Зиливинская 2014, 271–272.

²⁸ Миргалеев 2003, 154; Трепалов 2002, 81.

²⁹ Подробнее о Джанике-ханым см.: Герцен, Могаричев 2016, 165–175.

Внимание исследователей к информации Ж. Ромма о «гробнице Гайдар-хана» и определенное доверие к этому источнику объясняются тем, что это, на первый взгляд, хорошо соотносится с выводами Л.П. Колли о некоторых аспектах истории Крыма 50-х гг. XV в.³⁰. Данный исследователь на основании генуэзских источников и списке крымских ханов, приведенных М. Дегинем (там под 1456 г. отмечен временный хан Хайдер, один из сыновей Хаджи-Гирея), предположил, что в 1456 г. Хайдер (Айдер) сместил отца и на короткое время занял ханский престол. Однако вскоре Хаджи-Гирей вернул себе власть и мятежник был вынужден бежать в Литву³¹. После смерти отца тот вновь участвовал в борьбе за престол, но потерпел поражение³². Но сведения армянского источника сообщают иное: «В этом году [1456] пришел султан Маһмутаг и обратил в бегство хана hАтжи-Кирея»³³ – и заставляют поставить вопрос о том, действительно ли первый крымский хан был смещен своим сыном Айдаром или же его обидчиком, что более правдоподобно, – было иное лицо, причем не представитель семьи Гиреев³⁴.

Таким образом, следует признать, что «гробница Гайдар-хана» – историографический миф. Скорее всего, следует усомниться в учености спутника Жильбера Ромма, исходя хотя бы из его рассказа о былом подводном состоянии Крыма, что является реальностью в геологической истории полуострова многомиллионнолетней давности. Следует также учесть, что ко времени посещения французским путешественником основное население Чуфут-кале было представлено караимской общиной, а татары покинули его еще в начале XVII в., что и вызвало к жизни новое название города («Иудейская крепость»)³⁵. Так что представления о прошлом этого анклава, живущего весьма замкнуто для посторонних, у жителей Бахчисарая, даже образованных, очевидно, не выходили за пределы пересказа различных, не всегда имеющих историческую основу легенд. Возможно, и Жильбер Ромм то ли не вполне понял своего гида, то ли что-то перепутал в записях при сведении воедино путевых заметок. В последней четверти XVIII в., как это показано выше, у нас более чем достаточно свидетельств компетентных авторов, чтобы усомниться в реальности существования особой гробницы Гайдар-хана.

ЛИТЕРАТУРА

- Акчокраклы, О. 1928: Новое из истории Чуфут-кале. *ИТОИАЭ* 2, 158–171.
Бахчисарайские турецкие и арабские надписи. 1848: *Записки Одесского общества истории и древностей* 2, 489–528.
Бертъе-Делагард, А.Л. 2011: Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. В кн.: *Бертъе-Делагард А.Л., Избранные труды по истории христианства в Крыму*. Симферополь, 7–138.
Боданинский, У.А. 1927: Татарские «Дурбе» – мавзолеи в Крыму. *ИТОИАЭ* 1, 195–201.

³⁰ См. напр.: Зайцев 2004, 82; Мыщ 2009, 354; Некрасов 2015; 230.

³¹ Колли 1913, 135–136.

³² Колли 1913, 134.

³³ Саргсян 2010, 252.

³⁴ Исследование данной проблемы не входит в задачи настоящей работы. Подробнее см.: Сабитов, Якушечкин 2015; Сидоренко 2015, 28–289.

³⁵ Герцен, Могаричев 2016, 189–265.

- Боданинский, У.А., Засыпкин, Б.П., Акчокраклы, О. 1929: Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.). *ИТОИАЭ* 3, 170–187.
- Бронштейн, А.И., Андрейко, Е.В. 1994: Бахчисарайский дворец в восприятии Пушкина и его современников. В сб.: *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 197–210.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 1993: *Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале*. Симферополь.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 2016: *Кырк-ер – Чуфут-кале. Крепость на краю седьмого климата*. Симферополь.
- Дюбуа де Монпере Фредерик 2009: *Путешествие в Крым*. Симферополь.
- Зайцев, И.В. 2004: *Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). Очерки*. М.
- Зайцев, И.В. 2012: Кырк-Йер/Кырк-ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье XXIV. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза*. М., 97–102.
- Зайцев, И.В. 2013: Кырк-Йер/Кырк-ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В сб.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко (ред.), *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию М.Г. Крамаровского*. М., 494–505.
- Зиливинская, Э.Д. 2014: Мавзолеи западных районов Золотой Орды. *Крымское историческое обозрение* 1, 256–281.
- Кеппен, П.И. 1839: *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. СПб.
- Колли, Л.П. 1913: Хаджи-Гирей и его политика (по геноуэским источникам). *Известия Таврической ученой архивной комиссии* 50, 99–139.
- Марков, Е.В. 1995: *Очерки Крыма*. Симферополь.
- Миргалеев, И.М. 2003: *Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана*. Казань.
- Могаричев, Ю.М. 1992: Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации). В сб.: Могаричев Ю.М (ред.-сост.), *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь, 5–132.
- Монтандон, К. 1997: *Путеводитель путешественника по Крыму*. Симферополь.
- Мурзакевич, Н.М. 1840: Письменные памятники Тохтамыш-хана. *Журнал Министерства народного просвещения* 80, 43–148.
- Мыц, В.Л. 2009: *Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь.
- Некрасов, А.М. 2015: Возникновение и эволюция крымского государства в XV–XVI веках. В кн.: А.М. Некрасов, *Избранные труды*. Нальчик, 228–242.
- Паллас, П.С. 1999. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. (Научное наследство 27)*. М.
- Петрова, Э.Б., Прохорова, Т.А. 2011а.: *Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году»*. Симферополь.
- Петрова, Э.Б., Прохорова, Т.А. 2011б: *Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов*. Симферополь.
- Путешествие ее императорского величества в полуденный край России предприемлемое в 1787 г.* 1786. СПб.
- Ромм, Ж. 1941: *Путешествие в Крым в 1786 году (пер., вступ. ст., прим. К.И. Раткевич)*. Л.
- Сабитов, Ж., Якушечкин, А. 2015: Кто был ханом в Крыму в 1456 г. *Крымское историческое обозрение* 2, 175–185.
- Саргсян, Т.Э. 2010: *Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.)*. Симферополь.

- Сидоренко, В.А. 2015: Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442–1475 гг.). В сб.: *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* XX. Симферополь, 263–302.
- Сумароков, П. 2012: *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году*. Симферополь.
- Трепалов, В.В. 2002: *История Ногайской Орды*. М.
- Челеби Эвлия 2008: *Книга путешествия. Крым и сопредельные области* (пер. Е.В. Бахревского). Симферополь.

REFERENCES

- Akchokrakly, O. 1928: Novoe iz istorii Chufut-kale. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii* 2, 158–171.
- Bahchisarayskie tureckie i arabskie nadpisi 1848: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* 2, 489–528.
- Bert'e-Delagard, A.L. 2011: Issledovaniya nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ya v Tavride. In: *Bert'e-Delagard A.L., Izbrannye trudy po istorii hristianstva v Krymu*. Simferopol, 7–138.
- Bodaninskiy U.A. 1927: Tatarskie «Durbe» – mavzolei v Krymu. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii* 1, 195–201.
- Bodaninskiy, U.A., Zasyrkin, B.P., Akchokrakly, O. 1929: Chufut-Kale (po materialam ras-kopok 1928–29 gg.). *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii* 3, 170–187.
- Bronshtejn, A.I., Andreyko, E.V. 1994: Bahchisarayskiy dvorec v vospriyatii Pushkina i ego sovremennikov. In: *Problemy istorii i arheologii Kryma*. Simferopol, 197–210.
- Chelebi Evliya 2008: *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* (per. E.V. Bahrevskogo). Simferopol.
- Dyubua de Monpere Frederik 2009: *Puteshestvie v Krym*. Simferopol.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. 1993: *Krepost' dragocennostey. Kyrk-or. Chufut-kale*. Simferopol.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. 2016: *Kyrk-er – Chufut-kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata*. Simferopol.
- Keppen, P.I. 1839: *O drevnostyah Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. Saint-Petersburg.
- Kolli, L.P. 1913: Hadzhi-Girey i ego politika (po genuezskim istochnikam). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii* 50, 99–139.
- Markov, E.V. 1995: *Ocherki Kryma*. Simferopol.
- Mirgaleev, I.M. 2003: *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Tohtamysh-hana*. Kazan.
- Mogarichev, Yu.M. 1992: Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch yugo-zapad-nogo Kryma (voprosy klassifikatsii, hronologii, interpretatsii). In: Mogarichev Yu.M (red.-sost.), *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*. Simferopol, 5–132.
- Montandon, K. 1997: *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu*. Simferopol.
- Murzakevich, N.M. 1840: Pis'mennye pamyatniki Tohtamysh-hana. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* 80, 43–148.
- Мус, В.Л. 2009: *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol.
- Nekrasov, A.M. 2015: Vozniknovenie i evolyuciya krymskogo gosudarstva v XV–XVI vekah. In: *A.M. Nekrasov, Izbrannye trudy*. Nalchik, 228–242.
- Pallas, P.S. 1999. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah. (Nauchnoe nasledstvo 27)*. Moscow.

- Petrova, E.B., Prohorova, T.A. 2011a.: *Sharl' Zhil'ber Romm «Puteshestvie v Krym v 1786 godu»*. Simferopol.
- Petrova, E.B., Prohorova, T.A. 2011b.: *Krymskie puteshestviya: N.N. Murzakevich, A.N. Demidov*. Simferopol.
- Puteshestvie ee imperatorskogo velichestva v poludenny kray Rossii predpriemlemoe v 1787 g.* 1786. Saint-Petersburg.
- Romm, Zh. 1941: *Puteshestvie v Krym v 1786 godu (per., vstup. st., prim. K.I. Ratkevich)*. Leningrad.
- Sabitov, Zh., Yakushechkin, A. 2015: Kto byl hanom v Krymu v 1456 g. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* 2, 175–185.
- Sargsyan, T.E. 2010: *Svod armyanskikh pamyatnykh zapisey, otnosyashchih k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV–XV vv.)*. Simferopol.
- Sidorenko, V.A. 2015: Monetnaya chekanka Kyrk Yera i Kaffy v istorii Krymskogo hanstva (1442–1475 gg.). In: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii XX*. Simferopol, 263–302.
- Sumarokov, P. 2012: *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu*. Simferopol.
- Trepalov, V.V. 2002: *Istoriya Nogayskoy Ordyy*. Moscow.
- Zaycev, I.V. 2004: Mezhdru Moskvoy i Stambulom. In: *Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI v.). Ocherki*. Moscow.
- Zaycev, I.V. 2012: Kyrk-Jer/Kyrkor (Chufut-Kale) i rannyya istoriya Krymskogo hanstva. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e XXIV. Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza*. Moscow, 97–102.
- Zaycev, I.V. 2013: Kyrk-Jer/Kyrkor (Chufut-Kale) i rannyya istoriya Krymskogo hanstva. In: V.P. Stepanenko, A.G. Yurchenko (red.), *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ih zapadnye sosedi: k 70-letiyu M.G. Kramarovskogo*. Moscow, 494–505.
- Zilivinskaya, E.D. 2014: Mavzolei zapadnykh rayonov Zolotoy Ordyy. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* 1, 256–281.

THE DÜRBESI OF HAIDAR-KHAN ON CHUFUT-KALE: THE LOST MONUMENT OR HISTORIOGRAPHY MYTH?

Alexander G. Gertsen*, Yuriy M. Mogarichev**

* Crimean Federal V.V. Vernadsky University, Russia,
gertsenag@yandex.ua

** Crimean In-Service Teacher Training Institute, Russia,
mogara@rambler.ru

Abstract. G. Romme, a French traveler who visited the Crimean Peninsula in 1786, reported (in his unfinished work “Travelling to the Crimea in 1786”) about a finding of Haidar-khan’s tomb (dürbesi). He received this information from his guide, a “learned-Tatar” Mehmed-Aga. A number of researches having taken this information as reliable, suggested that Gaidar-khan, buried in Chufut-Kale plateau, was the son of the first Crimean Khan Haci I Giray, who overthrew his father and ruled for a few months in 1456. Having analyzed different descriptions of the fortress of the 17th – 19th centuries, the authors conclude that there was no tomb of Haidar (Aidar) in Qirk-er. The exploration of the site conducted in 1920-s also didn’t reveal any traces of his tomb. Whether G. Romme misunderstood his guide or his guide was not so educated as he thought to be. The only mausoleum on the site is dürbesi of Dzhanike-khanym, the daughter of

---

Golden Horde khan Tokhtamysh who died in 1437 according to an epitaph. There was a Muslim cemetery around the mausoleum, but all the tombstones there were only carved stone pedestals. Aidar-khan's ruling in 1456 raises doubts among researches who believe that the specified year was ruled by the other governor.

Key words: Chufut-kale, Kyrk-yer, dürbesi, Bakhchisarai, Golden Horde, Crimean Khanate

---

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 228–236
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 228–236
© Автор(ы) 2017

РАЗВЕДКА В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

А.И. Чепель

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург,
achepel@mail.ru*

Аннотация. После подписания Столбовского мирного договора Россия и Швеция стремились к сотрудничеству в военно-политической и экономической сферах. Тем не менее, напряженность в межгосударственных отношениях сохранялась. Поэтому страны вынуждены были уделять пристальное внимание положению на общей границе. Одной из причин сохранения напряженности было то обстоятельство, что Россия отдала в пользу Швеции часть русских северо-западных территорий вместе с населением. Эта вынужденная мера только усиливала взаимную подозрительность.

Для надежной защиты границы с помощью военной силы у Швеции и России не хватало ресурсов, поэтому обеими странами активно велась разведывательная деятельность, игравшая существенную роль в организации обороны границы. Достоверная информация из-за рубежа способствовала своевременному реагированию на опасность. В XVII веке шпионаж считался важным способом получения информации. В шпионаже подозревали всех, кто прибывал из-за границы.

Для сбора информации использовались родственные, религиозные и деловые контакты приграничного населения. В новых условиях не было необходимости создавать за рубежом «агентурную сеть», потому что она уже существовала. Теперь приграничные власти выбрали в качестве шпионов тех, кто имел родственников, друзей, деловых партнеров по другую сторону границы. Лазутчикам, находившимся в привычном окружении, меньше приходилось опасаться разоблачения.

Чепель Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Россия попыталась вернуть потерянные земли в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг., но потерпела неудачу. Нарушение Россией «вечного мира» усилило подозрительность Швеции. Шведское правительство стало ужесточать контроль трансграничных контактов населения, пытаясь ограничить утечку информации.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, шпионаж, русско-шведская война 1656–1658 гг.

Введение

По условиям Столбовского мира 1617 г. была установлена новая шведско-русская граница, должную оборону которой стороны долгое время обеспечить не могли¹. В этих условиях важнейшее значение приобрела информированность о возможных военных приготовлениях за рубежом. Разумеется, информацию поставляли дипломаты, находившиеся за рубежом с официальными миссиями², но при нерегулярности обмена послами особое значение в организации сбора информации о положении за рубежом играли приграничные власти.

Воеводам приграничных городов предписывалось любыми способами постоянно собирать «вести» и сообщать их в Москву³. Так, в 1649 г. в наказе вступавшему в должность олонекскому воеводе Василию Чеглокову царское правительство велело взять под контроль устроенный в Олонце гостиный двор и «приказывать тайно» русским купцам, вступавшим на этом дворе в деловые контакты с зарубежными коллегами, у иноземцев проводить «про всякие вести, которые Московскому государству годны», но при этом чтобы русские торговцы «сами бы ни про что не рассказывали»⁴.

В обязанности воевод входил также допрос всех выходцев из-за рубежа, а также русских «полоняников» (пленников), возвращавшихся в Россию. Уже с начала XVII в. при воеводах состояли специальные «вестовщики», или лазутчики, которых посылали в приграничную зону для сбора информации. Они набирались как из служилых людей, так и из посадских и торговых и даже из крестьян. «Вести» воеводской приграничной администрации были обязаны доставлять русские купцы, посещавшие зарубежные страны с торговыми целями. Русские власти предполагали, что в своих поездках за рубеж «вестовщики» должны стараться завести «знакомцев», через которых затем могли добывать секретные сведения⁵. Механизм получения приграничными властями оперативных известий из-за рубежа с помощью засланных лазутчиков, как правило, был таков. Воеводы давали распоряжение начальникам застав отправить за рубеж верного человека для разведки. К примеру, в 1636 г. голова (начальник) Тесовской заставы Богдан Тырков получил прямое воеводское предписание отправить за рубеж «крестьянина добра» с целью добыть «всякие вести в немецких городах»⁶.

¹ Курбатов 2007, 185.

² Джинчарадзе 1952, 230.

³ Варенцов 1996, 73.

⁴ Коркунов 1848, 249.

⁵ Аверьянов 2001, 116.

⁶ Архив СПбИИ РАН (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук). Ф. 109. Оп. 1. Д. 667. Л. 1.

Проведение новой шведско-русской границы оказало определенное влияние на систему сбора «вестей» в приграничье, во многом она упростилась. Теперь для сбора информации за рубежом лазутчикам зачастую не требовалось заводить «знакомцев»: разделенные пограничной чертой люди сохраняли прежние родственные, дружеские, торговые связи. Это обстоятельство учитывалось властями Швеции и России и использовалось в организации сбора информации о положении за рубежом. Лазутчиков старались подбирать именно по признаку наличия зарубежных контактов. К примеру, в 1622 г. новгородские воеводы отрядили в шведские владения, в Выборг, в Выборгский и Корельский уезды, под видом торговцев именно тех казаков, которые «наперед сего там живали» и имели давние связи с местным населением. Казакам было поручено «проведывать накрепко», пропущены ли царские послы в Данию или задержаны в Швеции⁷. В 1621 г. новгородские воеводы отправили лазутчиком в шведские земли, в Ивангород, Микиту Шандина и прямо объясняли Москве свой выбор следующим образом: «А посылали мы того Микитку в Ивангород для вестей потому, что наперед сего он бывал в Ивангороде в рассылке и у него там знакомцы и племя есть»⁸. Практика отправлять за рубеж тех, кто имел родню («племя») и знакомых по другую сторону границы, себя оправдывала. Так, в 1621 г. вернувшиеся из-за рубежа царские подданные смогли добыть в Швеции «вести» именно благодаря тому, что с ними говорили «пономарь Васька и иные русские и немецкие знакомые люди», жившие в шведском приграничье⁹.

Нередко именно благодаря сохранившимся связям разделенных границей людей представители приграничных властей получали рычаг, с помощью которого убеждали подданных соседнего государства собирать «вести» в интересах иностранного монарха. Таким рычагом могло быть осознание потенциальным лазутчиком того факта, что судьба его родственников по ту сторону рубежа находится в руках приграничной администрации соседней державы. Так, в 1618 г. на границе при попытке обойти русскую заставу лесом был пойман крестьянин Савка, стремившийся попасть в русские пределы со шведской территории. Он оказался царским подданным, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород «повидаться» по-родственному. Зарубежный родственник Поташка, стремясь угодить шведской администрации (или по прямому требованию этой администрации: документы не сохранили побудительную причину действий Поташки), доложил фельдмаршалу К.К. Юлленъельму («маршалку») о наличии такого ценного в смысле сбора зарубежной информации родственника. «Маршалок» отправил «Савку к Москве проведать про литовских людей и вестей и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав де вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангороде»¹⁰.

Юлленъельм попытался выручить задержанного Савку, отправив в Великий Новгород посадского человека Михаила Куколкина с письмом, содержавшим просьбу отпустить лазутчика. Шведский посланец разъяснял представителям во-

⁷ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 78.

⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 169.

⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 81–82.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

еводской администрации мысль «маршалка»: Савка был отправлен в русское приграничье не в ущерб русской стороне, а, наоборот, во благо. Ведь одинаковую опасность для жителей и властей как шведского, так и русского приграничья в первые годы после Столбовского мира представляли остатки разномастных банд Смутного времени – «литовские люди», «русские воры». Так, летом 1618 г. ладожские воеводы докладывали в Москву: «А про литовских, государь, людей у нас вести носятца не тихие», – а 5 февраля 1619 г. под русскую крепость Ладогу со стороны Тихвина пришел полковник Ярош Плещкий с большим отрядом, сумел захватить прямо под крепостными стенами пленников («стрельца, казака, посадского человека, женку и двух девок») и безнаказанно отошел. Всё, что смогли сделать в сложившейся ситуации ладожские воеводы, – засесть в глухую оборону в крепости и направить отряд Плещкого в сторону шведской границы, указав им для этого удобную дорогу: для защиты посада и вызволения пленников сил не нашлось¹¹. При таком раскладе, когда вооруженные банды могли в любой момент (иногда, как в рассмотренном случае, – фактически по наводке зарубежной приграничной администрации, отводившей беду от себя) появиться в приграничье, не вызывает удивления оправдательная риторика Юлленгельма. Он убеждал русских воевод, что отправлял Савку «к Москве проводить вести про литовских людей», «про общих недругов польских людей», а вовсе не для выуживания сведений о положении дел в Московском государстве – «не для худа». Был отпущен Савка или нет – об этом сведений не обнаружено, дальнейшая его судьба неизвестна¹².

Сбор «вестей» проводился постоянно, но эта деятельность, разумеется, приобретала особое значение и остроту в условиях военных действий. В самом начале русско-шведской войны 1656–1658 гг., 31 мая 1656 г., на русскую территорию, в Олонец, со шведской территории прибыл на судне корелянин Трофим Кириллов сын Зубков и стал торговать смолой по очень низкой цене. Он расспрашивал всех о положении дел в Олонецком уезде, в частности, о крепости Олонец и его гарнизоне. О подозрительных действиях корелянина русскому воеводе в съезжую избу тут же доложил таможенный голова Иван Петров. Воевода через подставных лиц, напоивших «купца», убедился из его «пьяных речей» в шпионской миссии корелянина. Лазутчика взяли на допрос, и под пыткой Трофим сознался, что является жителем шведского Кексгольма и был завербован в разведку шведом Бланкен-Гавеном («Планкуем»), который выдал ему смолу, предоставил гребцов и кормщика из своего поместья. Трофим поведал русским о положении дел в Кексгольме, послужив, таким образом, нечаянным лазутчиком в пользу Московского государства. Видимо, за эту откровенность ему была выплачена компенсация за изъятие «на государев обиход» судно и смолу¹³.

В 1659 г., в период, когда между Россией и Швецией уже было заключено Валиесарское перемирие 1658 г., но пока не подписан очередной «вечный мир», информация о положении дел у соседа была необычайно актуальна. Ведь любая слабость соперника в военной, экономической, политической сферах, если о ней будет известно до начала переговоров, может сыграть роль козыря в дипломатических баталиях. По этой причине стороны, не имевшие возможности ради-

¹¹ Селин 2008, 83–85.

¹² Селин 2016, 608–609.

¹³ Гадзяцкий 1941, 250.

кально прервать контакты, «закрыть границу», искали способы минимизировать возможную утечку информации. Так, летом 1659 г. русский торговец Яков Белюсов, вернувшийся из шведской Нарвы (Ругодива), докладывал властям Великого Новгорода, что администрация Нарвы строго распорядилась пресекать переписку через рубеж. В это время шведский король-полководец Карл X Густав вел в Европе военные действия, а затем переговоры о мире, и шведской стороне было важно пресечь поступление в Россию информации о результатах европейской политики Швеции. Частные письма («грамотки»), которые поступали из Стокгольма в Нарву в адрес русских по происхождению подданных шведского короля, нарвские власти перехватывали «для того, чтобы им, русским людям, тех вестей не ведать». Кроме того, шведским подданным были запрещены любые разговоры на острые военно-политические темы. По этой причине те жители Нарвы, которые успели получить информацию из Стокгольма («которые про те вести ведают»), опасаясь выказать нелояльность шведским властям, «русским людям того не сказывают, от них таят»¹⁴.

Учитывая стремление обеих сторон всеми способами раздобыть «вести» с территории соседа, подозрительность была естественным состоянием в приграничье. Помимо интереса к военным и дипломатическим удачам и поражениям соседа, отдельное внимание обеих сторон привлекало состояние приграничных зарубежных крепостей. Так, вскоре после заключения Столбовского мира, в ноябре 1617 г., когда полным ходом шло межевание новой границы, русские межевые послы отправили лазутчиков в Ивангород, по условиям мира отходивший к Швеции. Выбор посланцев был рационально обусловлен тем обстоятельством, что у лазутчиков в Ивангороде жили родственники. Вернувшись, лазутчики сообщили, что шведы усиленно укрепляют приграничные форпосты. В Нарве «ров вычистили и попорченные места с обе стороны камнем выклали», в Ивангороде «поставили новый острог наскоро и около острогу делают надолбы и ров чистят», в Яме «около города так же ров чистят и крепости поделявают»¹⁵.

Взаимная подозрительность не исчезала даже в периоды политического сближения России и Швеции, к которому страны стали продвигаться сразу после подписания Столбовского мира, надеясь совместными усилиями одолеть общих врагов. Так, в 1650 г. псковские воеводы докладывали в Москву, что «немчин Александр полковник по городской стене ходил и около всего города Пскова наряд и боев и слухов и всякой городской крепости высматривал и наряд мерил, длину и ширину, и писал, и около, государь, города шупами землю шупал», а потом в Стокгольм ездил¹⁶. Полковник выполнял фортификационные работы с ведома русского правительства, но псковские воеводы посчитали необходимым подробно доложить о его действиях в Москву: а вдруг в них есть элемент разведывательной деятельности?

Власти стремились поддерживать деятельность лазутчиков, работавших на обороноспособность страны. Так, в 1647 г., отправляя наказ вступившему в должность псковскому воеводе, русское правительство распорядилось отправлять лазутчиков в зарубежные «литовские города, и в Ивангород, и в Ругодив и в иные

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

¹⁵ Селин 2016, 69.

¹⁶ Якубов 1897, 342.

города», а вернувшихся с ценной информацией («которые придут с вестями»), было велено «кормить и поить довольно, а за подлинные вести давать им государева жалованья поневелику..., чтоб лазутчикам вперед в зарубежные города для вестей ходить и вести проведывать было повадно»¹⁷.

Столбовская граница разделила не только родственников и знакомых, но и православных священников со своими духовными детьми. По условиям мира приходские священники должны были остаться на отходящих к Швеции русских землях, но случалось, что прихожане и священники по различным причинам оказывались по разные стороны рубежа, и духовные связи рвались. Это болезненное для православных обстоятельство оказывало подчас положительное влияние на разведывательную деятельность в приграничье. Традиционно отношения православного священника и его паствы рассматривали в рамках так называемой покаянной семьи – людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. Связь духовника со своими духовными детьми подразумевала регулярное живое религиозно-нравственное и простое житейское общение¹⁸. Этой духовной связью русские власти пользовались, в том числе, для сбора «вестей» в шведских владениях, о чем говорит следующий пример. Русская крепость Гдов до 1621 г. (до окончания межевания границы) находилась в залоге у шведов, и шведские власти отправляли оттуда лазутчиков в соседние Псков и Печерский монастырь, с целью узнать, не готовится ли царь силой овладеть важной в стратегическом отношении крепостью, не дожидаясь окончания межевания. Русские власти сумели узнать об организации этих разведывательных мероприятий от своего посланца, «попа Иосифа Лукина сына», который был отправлен воеводами к игумену Озерского монастыря, находившегося на временно подконтрольной шведам территории, в Гдовском уезде. Этот игумен сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией, поэтому информация, которую можно было получить от него, обладала особой ценностью. Выбор воеводами в качестве лазутчика именно «попа Иосифа», а не какого-либо другого священника, объяснялся религиозными узами, связывавшими его с игуменом: «А тому игумену он сын духовный»¹⁹.

Вероятно, многие жители шведско-русского приграничья, неожиданно для себя отрезанные рубежом от прежних соотечественников, довольно продолжительное время не могли сделать выбор между шведским королем и царем. Так, житель находившегося до 1621 г. под шведской властью Гдова Лука систематически доставлял «вести» на русскую сторону и убеждал русские власти, что и впредь «про всякие вести в Ивангороде, Гдове, Колыванском и Ругодивском уезде проведывать» будет²⁰.

Если упомянутый Лука находился под шведской властью не по своей воле, временно, что может объяснить его желание по-прежнему служить царю, то в ином положении находились перешедшие на службу к шведскому королю русские дворяне – так называемые «русские бояре», которые в Смутное время, во время присутствия шведских войск и шведской администрации в Великом Нов-

¹⁷ Коркунов 1848, 88–89.

¹⁸ Стефанович 2002, 236–237.

¹⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 160.

городе, служили шведам, и многие из них выбрали шведское подданство после возвращения Великого Новгорода Московскому царству. Решение остаться под шведской властью могло быть вызвано несколькими мотивами – принуждением, убеждениями самих «русских бояр», материальной выгодой²¹. В ту эпоху, когда повсеместно самым главным капиталом была земля²², перспектива сохранить полученные из шведских рук земельные владения играла не последнюю роль при выборе подданства²³, но, вероятно, сомнения в правильности сделанного выбора у некоторых землевладельцев сохранялись. Один из «русских бояр», Никита Калитин, в 1620 г. (в том же году он был причислен к шведскому дворянству²⁴) тайно сносился с русскими властями: «Приезжал в Новгород с продажным хлебом из Копорского уезда человек Никиты Калитина Мокейко Онтонов», сообщивший важные сведения о планах шведских межевальных послов, и с обещанием – если он, Калитин, «у немецких людей еще каких вестей проведает», то вновь поставит информацию русским властям. Далее Калитин просил царя, чтобы тот простил ему «вину», и обещал при первом же удобном случае перейти на русскую сторону («к государю будет тотчас»). Новгородские воеводы велели передать Калитину царскую волю: пусть он и дальше собирает на шведской стороне сведения и «тайно» сообщает их русским властям. Царь распорядился обнадеживать «русского боярина» в согласии в будущем принять его на русской стороне, но сейчас его роль информатора для Москвы важнее²⁵.

Заключение

Таким образом, в шведско-русском пограничье после заключения Столбовского мира обеими сторонами активно велась разведывательная деятельность, игравшая существенную роль в организации обороны границы. Оперативно полученная из-за рубежа достоверная информация способствовала своевременному реагированию на опасность. Для сбора сведений стороны эксплуатировали родственные, религиозные и деловые контакты, сохранившиеся у населения, разделенного линией границы. При этом местные приграничные власти вынуждены были учитывать стремление Москвы и Стокгольма к сотрудничеству, что побуждало сглаживать острые моменты, возникавшие в процессе разведывательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов, К.А. 2001: Русская дипломатия и контрразведка в XVII веке. В сб.: И.С. Иванов (ред.), *Российская дипломатия: история и современность*. М., 110–120.
- Арсеньев, С.В. 1905: Русские дворянские роды в Швеции. *Летопись историко-родословного общества в Москве* 2, 5–11.
- Варенцов, В.А. 1996: О структуре управления Новгорода в XVII веке. В сб.: В.Ф. Андреев (ред.), *Прошлое Новгорода и Новгородской земли*. Новгород, 72–77.

²¹ Пересветов-Мурат 1999, 366–367.

²² Кулишер 2008, 17.

²³ Линд 2000, 62.

²⁴ Арсеньев 1905, 6.

²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620 г. Д. 1. Л. 66–73.

- Гадзяцкий, С.С. 1941: Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. *Исторические записки* 11, 247–278.
- Джинчарадзе, В.З. 1952: Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке. *Исторические записки* 39, 229–258.
- Коркунов, М. (ред.) 1848: *Дополнения к актам историческим*. Т. 3. СПб.
- Кулишер, И.М. 2008: *История экономического быта Западной Европы*. Т. 2. Челябинск.
- Курбатов, О.А. 2007: Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов. *Архив русской истории* 8, 157–197.
- Линд, Д.Х. 2000: *Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни*. М.
- Пересветов-Мурат, А.И. 1999: Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие русские байжоры. *Новгородский исторический сборник* 7, 366–378.
- Селин, А.А. 2008: *Ладога при Московских царях*. СПб.
- Селин, А.А. 2016: *Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие*. СПб.
- Стефанович, П.С. 2002: *Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках*. М.
- Якубов, К. 1897: *Россия и Швеция в первой половине XVII века*. М.

REFERENCES

- Aver'yanov, K.A. 2001: Russkaya diplomatiya i kontrazvedka v XVII veke. In: I.S. Ivanov (red.), *Russkaya diplomatiya: istoriya i sovremennost'*. Moscow, 110–120.
- Arsen'ev, S.V. 1905: Russkie dvoryanskie rody v Shvetsii. *Letopis' istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve* 2, 5–11.
- Varentsov, V.A. 1996: O structure upravleniya Novgoroda v XVII veke. In: V.F. Andreev (red.), *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli*. Novgorod, 72–77.
- Gadzyatskiy, S.S. 1941: Kareliya i Yuzhnoe Priladozh'e v russko-shvedskoi voyne 1656–1658 gg. *Istoricheskie zapiski* 11, 247–278.
- Dzhincharadze, V.Z. 1952: Bor'ba s inostrannym shpionazhem v Rossii v XVII veke. *Istoricheskie zapiski* 39, 229–258.
- Korkunov, M. (red.). 1848: *Dopolneniya k aktam istoricheskim*. T. 3. Saint-Petersburg.
- Kulisher, I.M. 2008: *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy*. T. 2. Chelyabinsk.
- Kurbatov, O.A. 2007: Organizatsiya i boevye kachestva russkoy pehoty «novogo stroya» накануне i v hode russko-shvedskoy voyny 1656–1658 godov. *Arhiv russkoy istorii* 8, 157–197.
- Lind, D.Hr. 2000: *Ingermanlandskie «russkie boyare» v Shvetsii: ih sotsial'nye i genealogicheskie korni*. Moscow.
- Peresvetov-Murat, A.I. 1999: Iz Rostova v Ingermanlandiyu: M.A. Peresvetov i drugie russkie bajjor'y. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* 7, 366–378.
- Selin, A.A. 2008: *Ladoga pri Moskovskikh tsaryah*. Saint-Petersburg.
- Selin, A.A. 2016: *Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funktsionirovanie, nasledie*. Saint-Petersburg.
- Stefanovich, P.S. 2002: *Prihod i prihodskoe duhovenstvo v Rossii v XV–XVII vekah*. Moscow.
- Yakubov, K. 1897: *Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka*. Moscow.

INTELLIGENCE IN THE SWEDISH-RUSSIAN BORDERLAND
AFTER THE TREATY OF STOLBOVO

Alexander I. Chepel'

State Marine Technical University of St. Petersburg, Russia,
achepel@mail.ru

Abstract. After the signing of the Treaty of Stolbovo Russia and Sweden sought to cooperate in the military-political and economic spheres. However, the tension in the international relations remained and the countries were forced to pay close attention to the situation on the common border. The fact, that in favor of Sweden Russia had given the part of the Russian North-West Territories together with the population, was the reason for the continuing tension. This forced measure only increased mutual suspicion.

For the reliable protection of the borders by the military force Sweden and Russia did not have enough resources, so the two countries made reconnaissance. The Intelligence activities played a significant role in organizing the defense of the border. Reliable information from abroad contributed to timely respond to the danger. In the 17th century the espionage was considered as an important way of getting information. Everyone who arrived from abroad was suspected in espionage.

Kinship, religious and business contacts of the border population were used to collect the information. In the new conditions there was no need to create overseas «spy network» because it had already existed. Then the border authorities chose spies among those who had relatives, friends, and business partners on the other side of the border. Agents, who were in familiar environment, had less fear of being exposed.

Russia tried to regain the lost territories during the Russian-Swedish War of 1656-1658, but failed. The violation of «eternal peace» by Russia strengthened the suspicion of Sweden. The Swedish government started to toughen the control of transboundary population contacts, trying to limit the breach in security.

Key words: Swedish-Russian Border Region, the Treaty of Stolbovo, espionage, Russian-Swedish War of 1656–1658

МОНАСТЫРИ ТЮМЕНИ В XVII–XVIII ВЕКАХ

А.В. Трифонов

*Тюменский Государственный университет, Тюмень,
tobkreml@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории появления монастырей на территории г. Тюмени города, построенного за Уралом переселенцами из Центральной России, и краткому описанию их деятельности на протяжении XVII–XVIII вв. Цель исследования – определить значимость и роль деятельности Тюменского Свято-Троицкого монастыря и Тюменского девичьего Успенско-Алексеевского монастыря в XVII–XVIII вв. для жизни города в целом и выявить какое влияние они оказывали на жизнь общества в данный период. В результате проведенных исследований сделаны выводы о значительном влиянии Тюменского Свято-Троицкого монастыря на жизнь местных жителей – это проведение богослужений, проповедническая и миссионерская деятельность, организация школы на территории монастыря для обучения детей, организация госпиталя для помощи больным, участие в благотворительных сборах с целью оказания помощи; Тюменский Успенско-Алексеевский монастырь, возникший в 1620 г., существовал не так долго, как Троицкий мужской монастырь, девичий монастырь был упразднен в конце XVIII в., и о его деятельности сохранилось не так много сведений, из-за того, что многие документы сгорели во время пожаров в г. Тюмени. Статья представляет интерес как описание деятельности Тюменского Свято-Троицкого монастыря и Тюменского девичьего Успенско-Алексеевского монастыря в XVII–XVIII вв., особенно в сфере образования, миссионерской и благотворительной деятельности, так как именно при Тюменском Свято-Троицком мужском монастыре возникло первое учебное заведение в г. Тюмени в 1761 г., первое известное лечебное учреждение – «гошпиталь», в 1703 г. В Тюменском Свято-Троицком монастыре жил святитель Филофей (Лещинский), митрополит Тобольский и Сибирский, известный миссионер, крестивший около 40 тысяч жителей Сибири – остяков, вогулов, тунгусов и татар. Так же монастырь был известен как миссионерский центр с начала XVIII века.

Ключевые слова: история России, Тюмень, церковь, монастыри, XVII–XVIII вв.

Введение

Начало освоения Западной Сибири русским населением в XVII–XVIII вв. ознаменовалось основанием и строительством на новых землях городов-крепостей, таких, как Верхотурье, Кетск, Нарым, Пелым, Сургут, Тара, Тобольск, Туринск, Тюмень и далее на Восток и Север – Мангазея, Томск и др. Параллельно в крае

Трифонов Александр Вячеславович – соискатель кафедры отечественной истории Тюменского Государственного университета.

распространялось и утверждалось православие как основополагающее вероучение на территории Российского государства, повсеместно строились церкви и возникали монастыри во всех новых городах и некоторых селениях одновременно с другими городскими сооружениями: строились деревянные стены крепости, возле крепости возникал посад – такова была основная схема строительства города в XVII–XVIII вв.¹ На территории крепости сооружалась приказная изба, дом воеводы, обязательно строилась церковь – одна или несколько².

В то время особую роль в жизни поселений играли церкви и монастыри. На них смотрели, как на составную часть города, и кроме основного своего назначения как религиозного учреждения, они выполняли и социальную задачу – занимались просветительской и миссионерской деятельностью среди местного населения. Монастыри на окраинах Российского государства и, в частности, в Сибири служили также и опорными сторожевыми пунктами для отражения нападений кочевых и полукочевых народов в то время, для этого монастыри строились с толстыми неприступными стенами и бойницами.

Среди монастырей Тобольской губернии особого внимания заслуживает Свято-Троицкий Тюменский монастырь, 400 лет украшающий город Тюмень и являющийся одним из старейших в Сибири. Он всегда играл важную роль в структуре и панораме Тюмени. Немалое значение имело местонахождение монастыря на мысу, образованном поймами рек Туры и Тюменки. Возникнув здесь, монастырь сразу получил очень важное градостроительное значение, как далеко видимый и фиксирующий северную границу города Тюмени. Поэтому комплекс Троицкого монастыря можно считать важной архитектурной составляющей города – города, построенного за Уралом в 1586 г., отметившего в этом году 430 лет со дня своего основания, и монастырские храмы нам напоминают о его древности³.

История Свято-Троицкого монастыря тесно связана с духовной жизнью Тюмени. В литературе данные о развитии и деятельности монастыря представлены весьма широко. Точных сведений о времени его основания не сохранилось. Имеются две точки зрения на историю возникновения Свято-Троицкого монастыря в Тюмени.

Первую версию выдвинул дореволюционный исследователь Н.А. Абрамов. По его мнению, Свято-Троицкий монастырь был основан в 1616 г. старцем Нифонтом Казанским и первоначально был освящен во имя Преображения Господня⁴. Так как монастырь был заведен без Указа, документов о дате его основания мы не находим. Н.А. Абрамов при этом ссылается на Г.Ф. Миллера⁵. Это же мнение высказал епископ Ишимский и Аромашевский Тихон (Бобов), бывший наместником в 1995–2013 гг. Тюменского Свято-Троицкого монастыря. В своей монографии он указывает на 1616 г., как на год основания Спасо-Преображенского (позднее переименованного в Свято-Троицкий) монастыря в Тюмени⁶. Г.Ф. Миллер упоминает о грамоте, посланной в Тюмени воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову

¹ Кочедамов 1978, 11–13.

² Заварихин 2004, 20–21.

³ Заварихин 2004, 20–21.

⁴ Абрамов 1998, 417.

⁵ Миллер 2000, 265, 312.

⁶ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 16.

о жаловании и землях Тюменскому Преображенскому монастырю, в которой говорится: «А в Казанском дворце... тюменский черной поп Иона сказал: поставил де в Тюмени за Ямской слободою Преображенский монастырь старец Нифонт Казанский в 124 г. мирскою (на деньги местных жителей) дачею»⁷, то есть, в 1616 году. Из этого Н.А. Абрамов делает вывод, что Спасо-Преображенский монастырь был основан старцем Нифонтом Казанским, как об этом упоминает черный поп Иона.

Вторую точку зрения в новейшее время обосновывали Б.А. Жученко и С.П. Заварихин⁸, по их мнению, монастырь был основан в 1606 (1608) г. близ Ямской слободы на высоком Затюменском мысу. Однако убедительного доказательства этой даты они не дают.

До 1624 г. монастырь находился в стадии становления. Так как обитель была открыта без Указа, она сначала не имела ни крестьян, ни земельных угодий. Первые монахи обители никакого казенного жалования не получали, существуя за счет людских приношений и своего труда на земле, которую сами и обрабатывали.

Положение монастыря стало меняться после создания в 1620 г. Тобольской епархии⁹. Первым Сибирским архиепископом стал Киприан (Старорусеников) из архимандритов Новгородского Спасского Хутынского монастыря. Он много сделал для развития тюменского Спасо-Преображенского мужского монастыря, направил туда игумена Авраама, строителей-старцев Иону Лихорева и Онуфрия.

Постепенно монастырь обзавелся собственным хозяйством. В 1625 г. ему, кроме двух рыболовных участков, принадлежали 49 дес. пашни, сенокосные угодья на 500 копен и 39 дес. «дубрав» по реке Туре, в 30 верстах от города. Здесь же у монастыря была деревня-однодворка, где жили монастырские работники. За ним также числилось озеро Щучье, мукомольная мельница и 72 крестьянских души. К 1624 г. в монастыре было несколько строений: кельи игумена и строителя, 6 братских келий, теплая деревянная шатровая церковь Преображения Господня, возведенная монахом Корнилием (Хоревым), «а в ней церковные строения, образы и книги и колокола государева жалованья»¹⁰, эти постройки были обнесены высокой оградой, с внешней стороны которой стояли дворы монастырского подьячего Ивашки Огня и пономаря Елизарки Иванова¹¹.

К 1680 г. хозяйство монастыря значительно расширилось. Ему теперь принадлежало 405,5 дес. пашни (в 3-х полях), 153 дес. залежной земли и 7.750 копен сенных покосов. Землевладение увеличилось за счет новых пожалований: в 1675 г. было отдано в пользование монастырю 75 дес. пашенной земли на реке Ирюме, в 50 верстах от Тюмени (за счет вкладов местных жителей, а также покупки земли). Количество монахов возросло незначительно, поэтому все работы выполнялись зависимыми крестьянами, которых в 1680 г. было около 200 человек. В период страды привлекались также наемные работники. До нашего времени дошли имена монастырских настоятелей и строителей этого периода: игумен Вар-

⁷ Миллер 2000, 312.

⁸ Заварихин 2004, 20–21.

⁹ Тобольский хронограф 1993, 198–201.

¹⁰ Головачев 1903, 30.

¹¹ Головачев 1903, 30.

лаам (1639 г.), старец Феоктист (1662 г.), игумен Адриан (1665 г.), архимандрит Никифор (1668 г.), архимандрит Антоний (1698 г.)¹².

На примере тюменского мужского монастыря можно увидеть заметное оживление церковной жизни в Сибирской епархии в XVII–XVIII вв. Огромную роль в развитии Свято-Троицкого монастыря сыграл управляющий епархией с 1702 г. Сибирский митрополит Филофей (Лещинский). Он построил в Сибири около 300 храмов, однако его любимым детищем стал мужской монастырь в Тюмени. В 1708 г. по его настоянию в городе начались работы по созданию каменного монастыря. Начало ему положило строительство Троицкого собора, давшее монастырю новое название¹³: из Спасо-Преображенского монастыря стал именоваться Свято-Троицким. Построенный Троицкий собор был завершен тремя большими и двумя малыми главами, напоминающими силуэты куполов украинских храмов¹⁴. Присутствие малороссийских мотивов в архитектуре Свято-Троицкого собора было не случайно, так как большинство сибирских митрополитов в XVIII в. имели украинское происхождение¹⁵.

Также митрополит Филофей в 1708 г. составил грамоту-завещание, где идет речь о строительстве и дальнейшем благоустройстве мужской обители. На данной грамоте имеются подписи митрополитов Тобольского и Сибирского Антония (Стаховского), Антония II (Нарожницкого), Сильвестра, Варлаама (Петрова) – епископа Тобольского и Сибирского¹⁶.

Средства на строительство каменного Троицкого собора митрополит Филофей сумел получить от Петра I, который повелел Указом от 12 июня 1709 г. отпустить из Тобольской казны на возведение каменной церкви тысячу рублей, кроме выдачи листового железа на крышу, о чем сохранилась грамота Тобольским воеводам князю Михаилу Яковлевичу и стольнику князю Алексею Михайловичу Черкасским¹⁷.

Продолжил каменное строительство в Троицком монастыре преемник святителя Филофея (Лещинского) митрополит Иоанн (Максимович) в 1711–1715 гг., а окончательно архитектурный ансамбль сформировался во второй период правления митрополита Филофея в качестве митрополита Тобольского и Сибирского в 1711–1727 гг., частичная перестройка и реконструкция монастыря завершилась только к середине XIX в.

Так, в частности в 1727–1733 гг. строительство в монастыре не велось, поскольку мастера были отозваны на создание военных объектов, а также ощущалась недостаточность финансирования, о чем имеется запись в соборной книге обители, где содержится призыв священноначалия к населению Тюмени делать взносы для окончания строительства каменной церкви Двенадцати апостолов и на завершение колокольни и ограды. В документе приводится список жертвователей и сумм, которые они внесли. Так, от митрополита Антония (Стаховского) – 28,72 руб. внес эконо́м Троицкого монастыря Иоанникий (Климонтон)¹⁸. Были

¹² Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 16.

¹³ Копылова 1975, 102–103.

¹⁴ Заварихин 2004, 20–21.

¹⁵ Тобольский хронограф 1993, 198–201.

¹⁶ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 49–51.

¹⁷ Абрамов 1998, 419.

¹⁸ ГАТО. Ф. И-85. Д. 193. Л. 1–6.

взносы и от других священнослужителей, дворян, купцов, чиновников и канцеляристов, посадских и служилых людей, крестьян, всего числилось 66 фамилий, на одной из них список обрывается, так как книга не имеет конца. В общей сложности было пожертвовано 138,12 рублей¹⁹.

В 1717 г. на территории монастыря была построена церковь Сорока мучеников. В 1719 г. по переписным книгам Мученическая церковь считалась действующей. К ней примыкали монашеские кельи и двухэтажная четырехугольная башенка, на первом этаже ее поселился, принявший схиму святитель Филофей (Лещинский), там же он молился в небольшой домовой церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы Боголюбской. Он завещал похоронить себя у самого входа в Троицкий собор, чтобы «мимоходящие попирали прах его ногами»²⁰.

В 1726 г. было начато строительство церкви Петра и Павла, завершенное только в 1755 г. Храм был заложен при жизни святителя Филофея у южной монастырской стены и посвящался апостолам Петру и Павлу. Таким образом, святитель Филофей хотел увековечить день именин императора Петра I, которого высоко ценил²¹. Территория Троицкого собора с трех сторон была ограждена каменной стеной высотой 5 метров и протяженностью в 386,5 метра, ограда начала строиться в 1721 г. и была закончена только в 1739 г.

В 1739 г. в 77 метрах к западу от Троицкого собора были возведены каменные двухэтажные настоятельские покои, а в 1744 г. завершилось строительство восьмигранной шатровой колокольни высотой около 39 метров, которая сначала располагалась отдельно от церкви св. Петра и Павла, а позднее была достроена в 1755 г. и сразу была освящена 30 августа по грамоте митрополита Сильвестра (Гловацкого)²².

Наиболее раннее из сохранившихся описаний этой церкви имеется в дополнении архимандрита Тюменского Троицкого монастыря Софрония митрополиту Павлу (Конюскевичу) от 25 апреля 1763 г., где сказано: «наподобие четвероконечного креста устроена прямо сей церкви на восток споряду ризница и при ней колокольня вокруг все строение обведено перилами деревянными»²³. Пятиглавую Петропавловскую церковь (высотой 34,5 м. и шириной 21,6 м.) называли крестообразной, поскольку по форме она напоминала равноконечный крест. В.И. Кочедамов высказал предположение, что построена она по проекту С.У. Ремезова, который взял за основу Георгиевскую церковь Киевского Выдубецкого монастыря. Рисунок храма, похожего на Георгиевский, помещен в его «Служебной чертежной книге Сибири».

После завершения в 1755 г. постройки Петропавловской церкви в монастыре большого каменного строительства не было. Осуществлялся лишь ремонт и подновление уже существующих зданий, приходивших в ветхость и пострадавших от частых в Тюмени пожаров²⁴.

¹⁹ ГАТО. Ф. И-85. Д.193. Л.1–6.

²⁰ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 76.

²¹ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 56.

²² Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 83–84.

²³ Миненко 2004, 130.

²⁴ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 84.

При разделении монастырей на классы тюменский мужской монастырь получил статус третьеклассного. По штату в нем должно было проживать только 12 монахов. Иногда количество братских насельников не достигало положенной штатной цифры. Численность братии монастыря часто менялась в силу необходимости и наличия желающих стать монахами²⁵.

Свято-Троицкий мужской монастырь г. Тюмени известен с самого начала своего основания как миссионерский и просветительский центр: святитель Филофей, митрополит Сибирский и Тобольский, живя в нем на протяжении многих лет, крестил и обучал инородцев и их детей²⁶. Просветительская миссия при монастыре существовала вплоть до 1917 г.²⁷. В 1761 г. при монастыре по повелению митрополита Павла (Конюсевича) было открыто первое учебное заведение в городе²⁸, где обучались сначала дети священно-церковнослужителей, затем и дети горожан, и эта школа просуществовала с некоторыми перерывами до 1917 г. Так, например, в 1905 г. в церковно-приходской школе при монастыре обучалось бесплатно 78 детей жителей города Тюмени. Тобольский Епархиальный наблюдатель церковных школ в своем отчете за 1905 г. так отзывался о своем посещении монастырской школы: «В монастырской школе в 1 классе учеников 53, во 2-м – 26. Законоучитель священник Евлампий Седаков и учитель 1 класса А. Турунов относятся к делу по-прежнему с должным усердием. Учитель второго класса Чистяков, несмотря на первый год службы, ведет занятия очень хорошо. Всем необходимым школа снабжена достаточно»²⁹.

На территории Тюменского Свято-Троицкого монастыря также существовал и функционировал «гошпиталь». Так, например, в 1703 г., в нем на излечении находились три человека, о чем сообщает в своих записях Г.Ф. Миллер³⁰.

В Тюмени в начале XVII – конце XVIII вв. существовал также женский монастырь. Первоначально он назывался Ильинский и был известен позднее как Успенско-Алексеевский. Самый ранний документ, датируемый 1622 г., упоминающий о деятельности женского монастыря, находим у Г.Ф. Миллера. Он приводит письмо Тобольского воеводы Матвея Годунова тюменским воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову об игуменье Ильинского Тюменского монастыря Каптелине³¹. В.А. Курмачев утверждает, что обитель с момента основания не раз меняла свое название, и в разные времена упоминается в документах как Ильинская, Успенская и девичья Алексеевская³².

В Тобольской епархии хранится дело Тобольской духовной консистории 1751 г. о начальнице Успенского девичьего монастыря монахини Пелагее³³. За 1753 г. имеется Указ Тобольской духовной консистории, составленный по прошению наместницы Тюменского девичьего монастыря о пострижении в мантию

²⁵ Шербич 2001, 39–40.

²⁶ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 111.

²⁷ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 111–114.

²⁸ Архимандрит Тихон (Бобов) 2007, 111.

²⁹ ГБУТО ГА. Ф. И-61. Оп.1. Д.64. Л.10–11.

³⁰ Миллер 2000а, 312.

³¹ Миллер 2000б, 276.

³² Курмачев 2002, 4.

³³ ГБУТО ГА. Ф.И-156. Оп.1. Д.893.161.

монахини Евдокии³⁴. В.А. Курмачев сообщает, что первые упоминания об Ильинской церкви Тюмени относятся к 1586–1587 гг. Ильинская церковь размещалась первоначально в восточном углу городского посада, в нее царем Федором Ивановичем были пожалованы четыре иконы: образ Пророка Илии, образ св. Федора и Лавра, образ Владимирской Божией Матери, Деисус³⁵. Б.А. Жученко и С.П. Заварихин в монографии «Архитектура Тюмени» публикуют карту Тюмени конца XVII в., на которой в восточной стороне города указан женский монастырь³⁶. В книге «Тюмень в XVII столетии» он также отмечен³⁷. Возникает вопрос о причине неоднократного изменения названия монастыря в разные годы: Ильинский, Успенский, Алексеевский³⁸. Ответ мы находим в истории города, который был деревянным и часто горел (в документах отмечаются пожары 1687, 1698, 1695, 1705, 1766 гг.)³⁹. В источниках имеются данные о пожаре 1695 г., когда в огне погиб весь посад, в том числе и «девичий монастырь с двумя церквами»⁴⁰.

В.А. Чупин в статье «Успенская церковь, Ильинская церковь и женский монастырь в Тюмени»⁴¹ писал, что после очередного пожара 1766 г. Ильинскую церковь на территории женского монастыря отстраивать не стали⁴². В документах в начале 70-х гг. XVIII в. она упоминается как приходская⁴³ и возобновленная не в монастыре, а в полуверсте от него, вниз по течению реки Туры⁴⁴.

Вероятно, после того, как с территории женского монастыря был перенесен в другое место ставший приходским храм Пророка Илии, монастырь получил новое наименование и стал называться Успенским по названию построенной в нем Успенской церкви. Решение Тобольской Духовной консистории о переименовании нами пока не обнаружено, поэтому точная дата и причина переименования неизвестна. Можно предположить, что это произошло после очередного пожара, а монастырь стал именоваться девичьим. В летописи Успенской церкви за 1800–1886 гг. о строительстве ее сообщается следующее: «До построения каменной церкви в 1765 г. была деревянная с приделом Параскевы Пятницы (икона эта в сей момент в 1800 г. в приделе св. Иоанна Богослова)», до образования прихода церковь была женским монастырем. В монастыре монахини вначале жили торговлей и продавали овощи с огорода (капуста, морковь, огурцы, репа). С закрытием монастыря торговля была перенесена на Хлебную площадь возле Единоверческой церкви. Главная церковь называлась во имя Успения Пресвятой Богородицы, с двумя приделами: 1) во имя св. апостола Иоанна Богослова; 2) во имя св. Алексия, митрополита Московского, чудотворца, церковь каменная, с благословения Павла, митрополита Тобольского и Сибирского, усердием благотворителей, при бывшей игуменье Иулите⁴⁵. Монахини монастыря занимались рукоделием: в кни-

³⁴ ГБУТО ГА. Ф.И-156. Оп.1. Д.1491.219.

³⁵ Молодых 1924, 164.

³⁶ Заварихин 2004, 23–24.

³⁷ Головачев 1903, 30.

³⁸ Курмачев 2002, 4.

³⁹ Курмачев 2002, 4.

⁴⁰ Справочник и адрес-календарь по Тюмени и Тюменскому уезду 1913, 29.

⁴¹ Чупин, <http://www.radiopobeda.ru/>

⁴² ГБУТО ГА. Ф.И-156. Оп.1. Д.49. Л.2.

⁴³ ГАТО. Ф.И-47. Оп.1. Д.3686. Л.29.

⁴⁴ ГАТО. Ф.И-110. Оп.1. Д.6. Л.2,10.

⁴⁵ ГАТО. Ф.И-110. Оп.1. Д.6. Л.9–10.

ге приходно-расходных сумм на хозяйственные нужды монастыря за 1766 г. записано, что «игуменье Иулите за шитье одежды в Успенской церкви в алтаре на жертвенник и диаконского ораля, двух поручей заплачен один рубль»⁴⁶.

Женский монастырь имел свои владения. Среди документов Тюменского госархива за 1725 г. сохранилась «Промемория из духовного суда Тюменского Троицкого монастыря в воеводскую канцелярию о передаче по Указу митрополита Тобольского Антония I (Стаховского) 100 крестьянских дворов в ведение девичьего монастыря»⁴⁷. За 1750 г. есть запись о монастырских крестьянах монастыря: «О выдаче монастырским крестьянам Тюменского Успенского девичьего монастыря из казенных Усть-Ницинских житниц хлебного зерна для “развода на посев”». Имеется также Указ № 1475 митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра из Тобольской Духовной консистории наместнику Тюменского Свято-Троицкого монастыря иеромонаху Александру»⁴⁸. За 1762 г. «О дачах (лесных и пр.) Тюменского Успенского девичьего монастыря. Указ № 133 митрополита Тобольского и Сибирского Павла II из Тобольской Духовной консистории настоятелю Тюменского Свято-Троицкого монастыря архимандриту Софронию 25 января 1762 г.»⁴⁹.

В Тюменском госархиве в фонде Тюменской Воеводской канцелярии за 1764 г. хранится документ: обращение-письмо игуменнии Тюменского Успенского монастыря Иулиты с сестрами к Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, поданное 2 июля 1764 г. с просьбой об оказании помощи монастырю, так как келии пострадали от пожара и обветшали. Далее после текста письма следует решение – «Из Сибирской Губернской канцелярии в Тюменскую воеводскую канцелярию последовало распоряжение о построении монашеских келий, а “Тюменской канцелярии учинить по сем”»⁵⁰. В конечном итоге монастырь получил помощь от императрицы.

Как уже отмечалось, деревянный монастырь неоднократно горел. В 1695 г. в Тюмени снова был пожар, приведший к тому, что в огне погиб почти весь посад, митрополичий Сибирский двор и «девичий монастырь с двумя церквями»⁵¹. Девичий Успенско-Алексеевский монастырь, вероятно, был закрыт после очередного пожара в конце XVIII в., а Успенская церковь была преобразована в приходскую. Можно предположить, что на решение о закрытии повлиял также и Указ о секуляризации церковных земель и о разделении монастырей по классам. Многие монастыри, не вошедшие в штаты после этого Указа, были закрыты на территории всей Российской империи. Принадлежавшие монастырю Андреевский сенокосный луг и при нем песок для рыбной ловли на речке Язевке в 1779 г. повелением губернатора Д.И. Гагарина были отданы во владение Тюменскому Свято-Троицкому мужскому монастырю⁵².

Принимая во внимание этот документ, можно предположительно считать 1779 г. временем закрытия Успенского (Успенско-Алексеевского) девичьего монастыря в г. Тюмени.

⁴⁶ ГАТО. Ф.И-85. Д.249. Л.2.

⁴⁷ ГАТО. Ф.И-47. Оп.1. Д.4764. Л.16–17.

⁴⁸ ГАТО. Ф.И-85. Оп.1. Д.312. Л.59.

⁴⁹ ГАТО. Ф.И-85. Оп.1. Д.5. Л.10 и об.

⁵⁰ ГАТО. Ф.И-47. Оп.1. Д.4773. Л.54–55.

⁵¹ Справочник и адрес-календарь по Тюмени и Тюменскому уезду 1913, 29.

⁵² ГАТО. Ф.И-85. Оп.1. Д.1779. Л.1.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что возникновение монастырей в сибирском городе Тюмени в XVII–XVIII вв. значительно повлияло на оживление церковной жизни как в самом городе Тюмени, так и в Сибирской епархии в целом; в этом процессе участвовали не только деятели церкви, но и государственные и городские власти: первые храмы в новом городе были построены из дерева одновременно с городскими крепостными стенами по приказу городского воеводы; император Петр I повелел выдать из казны тысячу рублей на строительство Свято-Троицкого собора в тюменском мужском монастыре; принимали участие в строительстве и местные жители, собиравшие средства на строительство храмов: в документах указывается, что Тюменский Спасо-Преображенский монастырь (позже переименованный в Свято-Троицкий) строился «мирскою дачею», то есть на деньги, собранные добровольно с местных жителей.

Таким образом, можно заключить, что монастыри осуществляли важную богослужебную и социальную деятельность в городе. Если про девичий Успенско-Алексеевский монастырь, упраздненный в конце XVIII в., сохранилось не так много сведений из-за частых пожаров в городе, то Свято-Троицкий мужской монастырь на протяжении 400 лет своего существования в г. Тюмени играл особенно значительную роль не только для самого города, но и для всей Tobольской губернии. Свято-Троицкий мужской монастырь был известен как просветительский, образовательный и миссионерский центр в городе и в епархии. В 1761 г. именно при Тюменском Свято-Троицком мужском монастыре было открыто первое учебное заведение в г. Тюмени, а до этого времени в 1703 г. первое известное лечебное учреждение города – больничный «госпиталь».

В Тюменском Свято-Троицком монастыре жили известные епархиальные деятели, такие, как святитель Филофей (Лещинский), митрополит Tobольский и Сибирский, известный миссионер, крестивший около 40 тысяч человек.

С начала XVIII в. и в последующие годы во всей Tobольской епархии мужской монастырь был известен как миссионерский центр, осуществляющий просвещение, в том числе среди старообрядцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов, Н.А. 1998: *Город Тюмень: из истории Tobольской епархии*. Тюмень.
- Архимандрит Тихон Бобов 2007: *Апостол Сибири. Святитель Филофей Лещинский и Тюменский Свято-Троицкий монастырь*. Тюмень.
- Головачев, П.М. 1903: *Тюмень в 17-м столетии*. М.
- Заварихин, С.П., Жученко, Б.А. 2004: *Архитектура Тюмени*. Тюмень.
- Копылова, С.В. 1975: *К датировке каменного строительства в Тюменском Троицком монастыре. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию ТГИАМЗ*. Tobольск, 102–103.
- Кочемазов, В.И. 1978: *Первые русские города в Сибири*. М.
- Курмачев, В.А. 2002: *Церковь Пророка Илии с приделом Покрова Пресвятой Богородицы города Тюмени (1833–2002)*. Тюмень.
- Миллер, Г.Ф. 2000а: *История Сибири*. Т. 2. М.

- Миллер, Г.Ф. 2000б: Сибирская история Миллера. В кн.: *Дополнение к историческим актам*. Т. 4. М.
- Миненко, Н.А. 2002: *Тюмень. Летопись четырех столетий*. СПб.
- Молодых, В.Г. 1924: Материалы к истории иконописания в Западной Сибири. *Записки Тюменского общества научного изучения местного края* 1, 164.
- Справочник и адрес-календарь по Тюмени и Тюменскому уезду*. 1913. Тюмень.
- Тобольский хронограф* 1993.Омск.
- Чупин, В.А. *Успенская церковь, Ильинская церковь и женский монастырь в Тюмени*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radiopobeda.ru/>
- Щербич, С.Н. 2001: *История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. Опыт социокультурного исследования*: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.

REFERENCES

- Abramov, N.A. 1998: *Gorod Tyumen: iz istorii Tobolskoy eparhii*. Tyumen.
- Arhimandrit Tihon Bobov 2007: *Apostol Sibiri. Svyatitel Filofey Leshchinskiy i Tyumenskiy Svyato-Troitskiy monastyr*. Tyumen.
- Chupin, V.A. *Uspenskaya tserkov, Ilyinskaya tserkov i zhenskiy monastyr v Tyumeni*, <http://www.radiopobeda.ru/>
- Golovachev, P.M. 1903: *Tyumen v 17 stoletii*. Moscow.
- Kochedamov, V.I. 1978: *Pervye russkie goroda v Sibiri*. Moscow.
- Kopylova, S.V. 1975: *K datirovke kamennogo stroitelstva v Tyumenskom Troitskom monastyre. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu TGIAMZ*. Tobolsk.
- Kurmachev, V.A. 2002: *Tserkov Proroka Il'ii s pridelom Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy goroda Tyumeni (1833–2002)*. Tyumen.
- Miller, G.F. 2000a: *Istoriya Sibiri*. Moscow.
- Miller, G.F. 2000b: Сибирская история Миллера. In: *Dopolnenie k istoricheskim aktam*. T.4. Moscow.
- Minenko, N.A. 2002: *Tyumen. Letopis chetyreh stoletiy*. Saint-Petersburg.
- Molodyh, V.G. 1924: Материалы к истории иконописания в Западной Сибири. *Zapiski Tyum. obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya* 1, 164.
- Spravochnik i adres-kalendar po Tyumeni i Tyumenskomu uezdu* 1913. Tyumen.
- Shcherbich, S.N. 2001: *Istoriya monastyrey Tobolskoy eparhii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vv. Opyt sotsiokkulturnogo issledovaniya*: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.
- Zavarihin, S.P., Zhuchenko, B.A. 2004: *Arhitektura Tyumeni*. Tyumen.

MONASTERIES IN TYUMEN IN THE 17th – 18th CENTURIES

Alexander V. Trifonov

Tyumen State University, Russia,
 tobkreml@mail.ru

Abstract. The article is the study of the history and activities of orthodox monasteries in the town of Tyumen in Siberia in 17th – 18th centuries. The aim of the investigation is to indicate the role and influence of the orthodox monasteries activity on the local society in the town of Tyumen. As a result of the study the author came to the conclusion that missionary work in Saint Trinity monastery was most active at the beginning of the 18th century, because of the Siberian Metropolitan Philotheus lived in the monastery and christened about 40 000 inhabitants. The

---

article describes the tremendous activity of Tyumen Saint Trinity monastery: the first school in Tyumen appeared in 1761 in the monastery, as well as the first hospital in 1703. The Uspensky-Alekseevsky Monastery for women (first Ilyinsky) was organized in 1620 and abolished at the end of the 18th century. Unfortunately, there are not many documents in archives describing the monastery life because of lots of fires in Tyumen in those times.

Key words: Russian history, Tyumen, church, monastery, 17th–18th centuries

---

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.В. Трифонов*, В.И. Усанов**

*Тюменский Государственный университет, Тюмень,
tobkreml@mail.ru

**НОУ Православная гимназия, Тюмень,
tobkreml@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются историко-социальные аспекты деятельности церковных учреждений, обозначаются проблемы, возникающие при организации и работе благотворительных обществ с участием церкви в городе Тюмени, подчеркивается активная роль священнослужителей в духовно-просветительской и благотворительной работе с населением. Цель исследования – определить значимость благотворительной деятельности церкви для общества и для развития города в целом в период с начала XVIII по начало XX веков. В результате проведенных исследований сделаны выводы о достаточно активной роли тюменского священства в деле благотворительности и значительном влиянии церкви на жизнь общества. Это и преподавание священнослужителей в школах с целью повышения грамотности и общей культуры населения, и произнесение проповедей, и работа священников в больницах, тюрьмах, и осуществление других видов благотворительной деятельности. Статья представляет интерес как описание благотворительной деятельности церкви в уездной Тюмени, описание активной политики церкви в сфере образования, проводимой с целью повышения уровня христианской культуры и нравственности населения.

Ключевые слова: история России, Тюмень, церковь, общество, духовное образование, благотворительность

Введение

Церковная благотворительность в своей основе имеет учение о делании добрых дел, оказании милости нуждающимся. Строились не только храмы, но и больницы, школы, богадельни для престарелых, немощных и инвалидов, прихожане призывались оказывать помощь бедным. В XIX в. благотворительность регламентировалась законодательством о церковных братствах, согласно которому после 1866 г. стало обязательным открытие при каждой новой обители благотво-

---

Трифонов, Усанов Трифонов Александр Вячеславович – соискатель кафедры отечественной истории Тюменского Государственного университета.

Усанов Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор НОУ Православной гимназии.

рительных и воспитательных заведений. В период с 6 апреля 1866 по 1869 гг. в России было учреждено 10 монастырей со школами, богадельнями и приютами.

Ежегодно росли вклады меценатов и поборников народного просвещения в развитие школьного дела. В 1895 г. тюменское мещанское общество передало в распоряжение уездного епархиально-училищного отдела для Спасско-Архангельской церковно-приходской школы (открыта в 1893 г.) сто рублей¹.

Государство выделяло немало денежных ассигнований на благотворительные цели. Хотя отмечается и такой факт, что уездные отделы иногда не знали, как ими распорядиться, и достаточно крупные государственные пособия фиксировались в ежегодных отчетах как денежные остатки: «Так, в Тюменском отделении в годовом отчете за 1859 г. значится остаток от прошлого года размером более 35 тыс. руб. (это около 60 % всего прихода)»².

К началу 70-х гг. XIX в. в Тобольской губернии уже существовало более 20 приютов. В 1844 г. открывается Томское губернское попечительство о бедных, в 1889 г. – Тюменское попечительство о бедных духовного звания. Еще в 1723 г. было предписано Святейшим Синодом собирать подаяние в храме в два кошелька, с назначением одного в пользу богаделен. Так, например, в летописи Градо-Тюменской Успенской церкви читаем: «В 1838 г. отдано по последовавшему из Тобольского попечительства о бедных духовного звания отношению от 24 июня № 263 господину благочинному протоиерею Льву Слонецкому из церковной кошельковой суммы 100 руб. на жалованье вдовам и сиротам духовного звания»³.

В клировой ведомости за 1902 г. Градо-Тюменской Вознесенской церкви читаем: «Сиротствующие: священническая вдова Мария Иоаннова Беллюсова, получает от попечительства пособие 120 руб. в год». В клировой ведомости за 1876 г. Градо-Тюменской Михаило-Архангельской церкви читаем: «Заштатные и сиротствующие: бывшего в приходе сем священника Прохора Дезертовского дочери Татяна – 61 г. и Александра – 46 лет, живут в собственном доме, проживают от своего рукоделия и пособия от попечительства Татяна получает 6 руб. в год. Отец их скончался в 1844 г., служил в сей церкви два года. В сане священника служил 31 год. Поведения хорошего».

В Тобольском Епархиальном адрес-календаре печатался список лиц, получающих пособия от Епархиального Попечительства о бедных духовного звания и экономический отчет. Так, например, по городу Тюмени и округу получали в 1894 г. пособия: священнические вдовы: Любовь Рычкова, 68 лет – 30 руб.; Лидия Наумова, 74 г. – 21 руб.; Александра Протопопова на детей: Алексея, 8 лет, Параскеву, 19 лет, Клавдию, 18 лет, Анну, 10 лет, Серафиму, 6 лет, – 60 руб. и т.д.⁴.

Православная церковь уделяла большое внимание борьбе с пьянством. «Ее роль сводилась в основном к деятельности обществ трезвости и различных братств попечения о лицах духовного звания. В Западной Сибири в 1911 г. функционировало около 50 обществ трезвости и только 2 из них являлись «гражданскими», как отмечает Е.А. Дегальцева. В Тюмени общество трезвости размещалось в т.н. На-

¹ Половинкин 1991, 18.

² Дегальцева 2002, 3.

³ ГАТО. Ф.И-110. Оп.1. Д.6. Л.21.

⁴ Тобольский епархиальный адрес-календарь 1895, 5–10.

родном доме. Церковные учреждения воздействовали на больных алкоголизмом через проповедь и примеры трезвенников.

Е.А. Дегальцева в работе «Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX в.» отмечает щедрость томских и тюменских купцов: «В 1836 г. последние пожертвовали значительную сумму на покупку книг для тобольской библиотеки, в 1844 г. – на создание городского общественного сада. Купцы посылали в столицы средства на сооружение различных памятников (Крылову, Кутузову, в честь тысячелетия Руси в г. Новгороде и др.), а в 1854 г. в г. Тюмени собрали 10 тысяч рублей для воинов, «находящихся на полях войны», ежегодно выделяли пособие больницам, школам». В храмах Тюмени проводились различные благотворительные сборы в пользу больных, сирот, увечных воинов и т.п. Так, в церковноприходской летописи Градо-Тюменского Крестовоздвиженского храма читаем: «Поступило в 1911 г. сбора денег: ...в пользу церковных школ 5 руб. 0 коп., в пользу попечительства о глухонемых 0 руб. 60 коп., ...в пользу попечительства о бедных 2 руб. 0 коп., в пользу Красного Креста 0 руб. 50 коп., в пользу Тюменского отдела борьбы с детской смертностью 1 руб. 10 коп. и т.д.»⁵.

Пресса регулярно освещала события о благотворительных акциях, происходивших в городе Тюмени. В региональных газетах («Тобольские губернские ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Сибирский листок» и др.) часто освещались мероприятия, связанные с проявлением благотворительности в отношении церковных учреждений.

В «Тобольских губернских ведомостях» за 20 мая 1861 г. сообщалось: «Тюменский городской голова, 1-й гильдии купец Подаруев, заботясь о благосостоянии городских обывателей и желая дать беднейшим из них средство приобретения по умеренным ценам хлеба на продовольствие, особенно в продолжение весны, когда цены на оный возвышаются, по случаю занятия крестьян полевыми работами, и когда хлебная продажа остается в руках одних прасолов, заготовил для этой надобности 5 тыс. пудов ржаной муки, на собственный счет, и назначил в продажу ниже базарной цены по 10 коп. за пуд; кроме того, назначено господином Подаруевым к празднику Христова Воскресения и роздано бедным людям безвозмездно 500 пудов пшеничной муки. За такое попечение о бедных тюменских жителях и за пожертвования объявляется тюменскому городскому голове, 1-й гильдии купцу Подаруеву, признательность начальства»⁶.

По сравнению с щедрыми пожертвованиями состоятельных прихожан на содержание храмов, школ, больниц следует отметить, что помощь государства часто оказывалась весьма незначительной. Е.А. Дегальцева считает, что городская благотворительность в Сибири была развита крайне слабо, и на социальную помощь городские управы выделяли небольшую сумму из бюджета.

4 июля 1892 г. главное управление комитета общества помощи переселенцам организовало отделение в Тюмени для оказания помощи переселенцам, прибывающим в Сибирь из Европейской России. Предполагалось строительство церквей, школ на новых местах с выдачей необходимых субсидий и т.п.⁷. Общество имеет собственные деревянные, частью теплые бараки, в которых переселенцы

⁵ ГАТО. Ф.И-103. Оп.1. Д.38. Л.46–47.

⁶ Тобольские губернские ведомости 20.05.1861.

⁷ Обзор Тобольской губернии за 1895год. 1897.

помещаются безвозмездно; при бараках имеется отдельная кухня для приготовления пищи, баня и небольшая аптечка. В «Обзоре Тобольской губернии» за 1892 г. описывается, какие меры были приняты в борьбе с эпидемией холеры среди переселенцев (умерло 944 чел.): построен больничный барак на пожертвования купца Игнатова и А.И. Сибиряковой, переданы денежные средства для нуждающихся купцом Овсянниковым, А.Г. Мясниковой была открыта бесплатная столовая на средства И.М. Сибирякова, где питались от 300 до 650 человек. 800 пудов муки пожертвовали купец Игнатов И.И. и Давыдовский Н.И. Построена новая переселенческая больница и прачечная, четыре новых теплых барака на 50 мест каждый. Также для оказания помощи заболевшим прибыл санитарный отряд из 4-х студентов Военно-медицинской Академии и одного фельдшера для лечения больных. Тюменские священники напутствовали больных и отпевали умерших. В «Тобольских епархиальных ведомостях» за 1892 г., № 17–18 опубликована статья о тюменском протоиерее Иоанне Тихомирове: «...покойный показал себя истинным пастырем: он днем и ночью ехал и шел к больным и умершим, не страшась ни злой эпидемии, ни смерти. Он горячо, со слезами молился в храме и на крестных ходах о прекращении смертоносной язвы. В усилившейся эпидемии покойный с 19 по 21 июля наложил на себя строгий пост с крестными ходами по Заречью... 20 июля он почувствовал себя так дурно, что по прочтении коленопреклоненной молитвы Божией Матери подняться с колен уже не смог»⁸.

Сибирские купцы на благотворительные нужды губерний жертвовали до 50 тыс. руб. в год. Регулярно сообщалось о пожертвованиях от городских и сельских обществ на устройство больниц, школ и домов трудолюбия. В Тобольске и Тюмени были созданы отделения Общества Красного Креста⁹, в Тобольске был организован Дом Трудолюбия¹⁰.

Одной из многочисленных достопримечательностей Тюмени является Владимирское сиропитательное заведение с домовою церковью. Оно было возведено в 1872 г. как приют для сирот на средства и по инициативе богатого тюменского купца Семена Михайловича Трусова, а также его дочери Фотины Серебряковой. В честь посещения Тюмени князем Владимиром Александровичем приют получил название Владимирского. На строительство сооружения было затрачено 14 тыс. руб., а на содержание приюта пожертвовано купцом С.М. Трусовым около 10 тыс. рублей. За благотворительную деятельность С.М. Трусов был награжден в 1866 г. золотой медалью на Владимирской ленте, в 1871 г. – золотой медалью на Александровской ленте за строительство Владимирского сиропитательного заведения, а в 1873 г. – золотой медалью на Андреевской ленте за пожертвования в пользу сирот¹¹.

В комплекс Сиропитательного заведения входило детское кладбище, примыкавшее к его торцу, домовая Симеоновская церковь, возведенная в 1885 г., и школа для обучения ребят. В приюте детей воспитывали до наступления совершеннолетия, давали профессию и обучали ремеслу.

⁸ Тобольские епархиальные ведомости 1.10.1892.

⁹ Тобольский епархиальный адрес-календарь 1901, 20.

¹⁰ Альмухаметова 2004, 22–23.

¹¹ Сибирская православная газета 1.11.2014.

В благодарственном адресе на имя дочери С.М. Трусова Ф.С. Серебряковой по его смерти гласные тюменской городской думы писали: «...Щедрость, с которой покойный делил свое состояние с неимущими, и готовность протянуть руку помощи всякому просящему олицетворяли в нем ту братскую любовь, которую завещал нам Божественный Учитель. Расточая вокруг себя добро, щедрая душа покойного не забывала страждущих и в отдаленных краях. Значительные пожертвования в пользу раненых и больных воинов являют в уважаемом Семене Михайловиче любовь к Родине. Непрестанные заботы о благолепии храмов, пожертвования в пользу церквей и истинное служение интересам православной религии занимают одно из видных мест в ряду добрых дел покойного, которые он завершил сооружением храма при Владимирском сиропитательном заведении».

В 1862 г. Семен Михайлович на свои средства отремонтировал Градо-Тюменскую Успенскую церковь. Как сообщается об этом в летописи Успенского храма: «...Ему Господь положил на сердце обновить сей храм снаружи и внутри, что он исполнил в год тысячелетия России. Он устроил на собственный счет три новых иконостаса, с полиментною резьбою, вызолоченных, иконы в новых серебряных ризах, вызолочены в нижнем ставе. В теплой церкви иконостасы белые, колонны вызолочены. Серебряные ризы во 2-м ставе сделаны почетным гражданином купцом Михаилом Васильевым Корчемкиным (стоимостью 763 руб. 81 коп. серебром). Стены отделаны лаком, с живописью. Полы выкрашены, крыши покрыты железом и выкрашены. Из утвари – Дарохранительница серебряная, Евангелие серебряное, напрестольный крест серебряный под золотом с камнями разноцветными, пасхальный серебряный подсвечник, 2 больших колокола. В 1861 г. в церковной ограде начали разводить сад...»¹².

Тюменские граждане много личных средств расходовали на благотворительные цели, так, например, купцы Евлампий Александров Котовщиков, Иван Василиев Оконишников, Филимон Стефанович Колмогоров жертвовали на ремонт и украшение Вознесенского храма Тюмени. Из документов архива и газетных публикаций известно, что к 1892 г. Вознесенский храм являлся первым среди других церквей по благолепию и дороговизне церковной утвари и недвижимого имущества. По оценочной ведомости Тюменской Городской Управы на 1897 г. при церкви располагались: один двухэтажный дом на каменном фундаменте, кладовая, погреб, конюшня с сеновалом, рабочая изба, две бани и церковно-приходская школа, оценочная стоимость которых составила 2000 рублей. Купец Колмогоров пожертвовал большую сумму на строительство церковно-приходской школы при Вознесенском храме, а Г.М. Колмогорова вела в ней занятия по рукоделию¹³.

Проблема получения образования жителями г. Тюмени на протяжении нескольких столетий дореволюционного времени стояла нерешенной. В конце XIX в. из 29544 тюменцев каждый второй являлся неграмотным. Церковь принимала активное участие в открытии, комплектации законоучителями и содержании образовательных учреждений. Местное духовенство и горожане, понимая значимость в народной жизни церковно-приходской школы, также жертвовали личные сбережения для строительства новых школ. Так, священник Спасской церкви Александр Фокин пожертвовал на строительство при Спасской церкви школы 50 рублей. Его примеру

¹² ГАТО. Ф.И-110. Оп.1. Д.6. Л.23.

¹³ Тобольские епархиальные ведомости 16.10.1890.

последовали и другие прихожане: «Первым откликнулся М.А. Вяткин, пожертвовав от себя на фундамент здания школы 10000 кирпича, затем И.А. Андреев преподнес на устройство школы деньгами 500 рублей, а вслед за этими пошли незначительные пожертвования. Тут же было решено к постройке школы приступить не позднее, как с наступлением весны, так как строительные материалы почти все имеются».

Данный факт показывает, что священнослужители и сами показывали пример благотворительности, и призывали своих прихожан оказывать помощь, а те завещали свой капитал на благие дела, как, например, прихожанин Гавриил Молодых, завещавший на вечное время капитал в 5 тысяч рублей, проценты с которых должны поступать на содержание Спасской церковно-приходской школы¹⁴. Прихожанка Крестовоздвиженского храма Анна Кунтова завещала свой дом в городе Тюмени, по Затюменской улице, в собственность Градо-Тюменской Крестовоздвиженской церкви, как указано в ее завещании, «...с тем, чтобы означенная церковь вечно молилась об упокоении моей души...»¹⁵.

Множество тюменских церковных учреждений и школ строились и реконструировались исключительно из местных источников, без какой-либо материальной поддержки Тобольской консистории, основная работа которой, в связи с недостаточностью средств, сводилась к тому, чтобы выражать лишь свое документальное согласие.

В «Тобольских губернских ведомостях» помещались извещения об актах благотворительности жителей губернии и выражалась благодарность дарителям. Так в № 23 за 1861 г. читаем: «В пользу Тюменской Женской школы пожертвовано: Фотиной Серебряковой 150 руб., Фелицатой Стефановской 3 руб., Луизой Петрановской-Белаш 3 руб., Анжеликой Паклевской-Козелло 3 руб., Александрой Неугодниковой и Марьей Шешуковой – разных книг и периодических изданий для фундаментальной библиотеки, первую 36, а последнюю 44 тома... Главный Инспектор Училищ Западной Сибири изъявляет поименованным жертвователям свою признательность». Там же изъявлял свою благодарность благотворителям Святейший Синод: «Вследствие ходатайства Тобольского Епархиального начальства, указом Святейшего Правительствующего Синода от 13 сего мая за № 918 объявляется благословение Святейшего Синода за усердие к храму Божию и сделанные в пользу церкви пожертвования следующим лицам: ...тюменскому 2-й гильдии купцу Ивану Егорову Решетникову, ...прихожанину Градо-Тюменской Покровской церкви 1-й гильдии купцу Алексею Гласкову...»¹⁶.

Тюменские священнослужители наравне с другими представителями сибирского духовенства выступали в поддержку развития системы народного просвещения и образования. Распространение церковной литературы в Сибири, создание повестей-легенд о местных чудесах и «Житий» первых святых, комплектование семинарской и большинства приходских библиотек, минералогического кабинета Афанасия (1783–1842 гг.), развитие летописания, начиная от архиепископа Киприана (втор. пол. XVI ст. – 1635 г.), – все это, несомненно, было большим вкладом в общий процесс культурного преобразования края¹⁷.

¹⁴ Курмачев 2002, 33.

¹⁵ ГБУТО ГА Ф.И-156. Оп.29. Д.2641. Л.1–3.

¹⁶ Тобольские губернские ведомости 20.05.1861.

¹⁷ Половинкин 1991, 16.

Так, митрополит Антоний (Стаховский) оставил Тобольской семинарии большую библиотеку, о которой с восторгом писал в своей книге «О церковных древностях Сибири» протоиерей А. Сулоцкий. Митрополит Сибирский и Тобольский Филофей (Лещинский), кроме того, что он основал первую духовную школу в Сибири, сочинял духовные песнопения, например, тропарь и кондак святому праведному Симеону Верхотурскому и канон св. мученику Василию Мангазейскому, а также стихи религиозного содержания; под его руководством ставились театральные представления учащимися духовной школы для жителей Тобольска. Митрополитом Филофеем был составлен рукописный «Сибирский Лествичник», не так давно изданный в Тюмени, содержание для которого святитель заимствовал из «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского и других святых отцов. Митрополит Иоанн (Максимович) обогатил духовенство и паству многими назидательными сочинениями и тем послужил распространению просвещения в Сибирском крае, он был автором множества духовных сочинений, написанными еще во время его пребывания в Малороссии, самыми известными из которых являются «Илиотропион», «Феатрон», «Царский путь Креста Господня»¹⁸. Все эти три митрополита Сибирских и Тобольских, возглавлявшие архиерейскую кафедру в Тобольске в начале XVIII в., были впоследствии канонизированы и прославлены в лике святых русской православной церковью.

Выпускниками духовных школ Тобольской епархии были выдающиеся люди, своими достижениями обогатившие российскую науку и культуру: выпускник Далматовского духовного училища – настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме, известный ученый и церковный исследователь архимандрит Антонин (Капустин); изобретатель радио А.С. Попов; ученый Иакинф Бичурин; ученый П.А. Словцов; писатель и краевед Н.А. Абрамов; домашний учитель М.Ю. Лермонтова, профессор словесности и красноречия А.Ф. Мерзляков; организатор Томского университета профессор В.М. Флоринский, краевед, археолог и писатель А.Н. Зырянов; писатель, географ, полярный исследователь К.Д. Носилов.

Церковь являлась вдохновительницей благотворительности, просвещения населения края. Совместно с состоятельными гражданами, являвшимися прихожанами, церковью оказывалась помощь нуждающимся, строились богадельни, больницы, библиотеки, школы с целью повышения уровня культуры и жизни, благосостояния и здоровья населения, и не только в городе Тюмени, но и во всей империи и даже за границей: так, например, лекция, прочитанная священником Успенской церкви А.А. Ребриным в марте 1899 г., являлась актом благотворительности для поддержки православия в Иерусалиме и его окрестностях. Целью беседы был призыв русских паломников на посещение святых мест Палестины и устройства там гостиниц, приютов, церквей и школ.

Благодаря обращениям церкви горожане не были оторваны от жизни государства и участвовали в сборе средств для оказания материальной помощи не только для отдельных людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, но и для общих нужд: так, например, клировые ведомости храмов повествуют о кружечных сборах в пользу увечных воинов, Красного Креста, комитета о слепых, семейств убитых солдат в войне с Японией и т.д.¹⁹.

¹⁸ Ермолина 1998, 75.

¹⁹ ГАТО. Ф.И-103. Оп.1. Д.38. Л.46–47.

Священники проповедовали о том, что нужно творить добрые дела, дела милосердия, помогать нуждающимся, исправлять свои недостатки, изменять себя к лучшему, старались усювестить нарушителей, устыдить, исправить и привести к покаянию тех, кто нарушал закон. Священники сами служили примером для прихожан, делая добрые дела: архимандрит Филарет (Кожевников), наместник Тюменского Свято-Троицкого монастыря, на свои средства выстроил бесплатную школу при монастыре на 40 мест для детей Затюменки, за что был удостоен Архипастырской благодарности. В начале войны 1914 г. Тюменский Свято-Троицкий монастырь, как и другие монастыри епархии, дал свое согласие приютить у себя 10 человек увечных воинов и 5 мальчиков-сирот. В резолюции Его Преосвященства от 30 мая 1915 г. игумен Мартиниан, наместник Свято-Троицкого Тюменского монастыря, назван человеком редкой доброты, который рад будет принять защитников Родины. Монастырь, кроме этого, принял также около 30 семей беженцев. Раненым воинам монастырь предоставлял помещение, а лазарет устраивался на средства военного ведомства. Пожертвования от монастыря поступали на нужды раненых, на нужды церковно-приходских школ, на построение церквей и школ для переселенцев²⁰.

Известными благотворителями в Тюмени были купцы Колокольниковы Иван Петрович и его сыновья Степан Иванович и Виктор Иванович, построившие на свои средства коммерческое училище, частную школу по ул. Никольской, сейчас ул. Луначарского, в которой дети – жители Затюменки – учились бесплатно. Купцы Колокольниковы, проживавшие на территории района Затюменки, помогали содержать и ремонтировать Крестовоздвиженский храм. Особо следует выделить Колокольникова Ивана Петровича, полностью оплатившего расходы по капитальному ремонту и реконструкции Крестовоздвиженского храма: к притвору колокольни была пристроена крытая паперть, расширена арка, под которой был вход из придела в храм, Никольский придел удлинен, отремонтирована колокольня. Прихожане следили за внутренним состоянием храма, благоустройством территории вокруг храма, дарили храму иконы и церковную утварь. Колокольников И.П. в своем завещании выделил сумму по двести рублей всем церквям города и также средства на ремонт Крестовоздвиженского храма. На средства купцов Колокольниковых было возведено новое здание тюменской женской гимназии в 1904 г., Степан Иванович Колокольников дал пять тысяч личных рублей и стал членом попечительского совета. Прежнее здание гимназии или первоначально женского училища было выстроено на средства купца и городского головы Кондратия Кузьмича Шешукова.

Тобольские епархиальные ведомости за 1895 г. сообщали, что тюменский пароходовладелец И.И. Игнатов помогал вместе с другими прихожанами ремонтировать Пророко-Ильинский храм и построить Покровский придел в 1884 г. Кроме помощи Ильинскому храму г. Тюмени И.И. Игнатов оказал большую денежную помощь монастырской церковно-приходской школе. Являясь владельцем судостроительного завода, он на территории завода построил училище и пристроил к нему часовню.

²⁰ ГБУТО ГА. Ф.И-85. Оп.1. Д.222, 223.

Купцы Иван и Федор Дьяконовы возвели в 1862 г. на свои средства Трех-святительскую церковь на Парфеновском кладбище. При церкви имелся капитал 1500 руб., вложенный в Тюменский общественный банк на вечное время купцом Рычковым Павлом Александровичем. Жалованья причитающееся церкви, приписной к Вознесенскому храму, от казны не получал, а довольствовался от духовных завещаний, получаемых на проценты от сумм: 500 руб., положенных купцом П.А. Рычковым, в 1862 г., а в 1865 г. от суммы 600 руб. от купца И.В. Оконишника и в 1877 г. от суммы 50 руб. от почетной гражданки Д.Я. Щетининой.

Новое каменное здание Знаменской церкви в Тюмени заложили в 1851 г. на средства купца 1-й гильдии городского головы Ивана Васильевича Иконникова. Он помог отремонтировать алтарь и установить новый иконостас. Также он пожертвовал в храм новые богослужебные сосуды. Все пожертвования Знаменской церкви обошлись купцу Иконникову в 7000 руб. серебром. И.В. Иконников также в 1849 г. пожертвовал серебряную ризу с драгоценными камнями для написанной его предком Спиридоном-иконником иконы Знамения Божией Матери в Знаменском храме. За благотворительную деятельность Иконников И.В. был награжден медалью «За усердие», от горожан Тюмени ему преподнесли Благодарственный лист, выделили почетное место в зале заседаний градского общества и присвоили звание «степенного». Знаменская церковь несколько раз подвергалась ремонту, и в 1903 г. самую большую сумму на ремонт – 55 тыс. руб. – внес екатеринбургский купец Иванов Михаил Иванович, впоследствии ставший почетным гражданином Тюмени.

Купец И.Е. Решетников в 1856 г. помог открыть церковь во имя Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости при Тюменской центральной пересылочной тюрьме. И.Е. Решетников был удостоен благословения Святейшего Синода в 1861 г.²¹

Почетный гражданин Тюмени и Ишима, купец первой гильдии, городской голова Тюмени (1899–1911 гг.) Текутьев Андрей Иванович с 1902 г. по 1916 г. являлся церковным старостой Спасской церкви. В 1902 г. им было израсходовано личных средств на нужды прихода – 865 руб. 79 коп., в 1903 г. – 3159 руб., в 1908–1909 г. – 6566 руб. 61 коп., он также возвел на свои средства придел к Спасской церкви и содержал на свои средства сад возле храма. Его благотворительность была оценена Священным Синодом золотой медалью на Станиславской ленте «За усердие», похвальным листом и грамотами.

Текутьев А.И. известен также тем, что построил церковь и школу в родном селе Борки, ремесленное училище в Тюмени с литейной мастерской, выделил и отремонтировал в 1892 г. здание для тюменского драматического театра, на собственные деньги он содержал оркестр театра и платил зарплату артистам. В 1903–1904 гг. он построил двухэтажную каменную больницу на 128 мест по ул. Спасской, а в 1914 г. начал строительство больницы по ул. Даудельной, один из своих домов отдал под школу. В доме Текутьева вначале располагалась библиотека им. А.С. Пушкина, открытая на средства Андрея Ивановича в 1899 г. Также он выделил средства для строительства деревянного моста через Туру, из личных запасов пожертвовал 15 тыс. пудов зерна для бедняков и погорельцев. При нем появи-

²¹ ГБУТО ГА. Ф.СИФ. Д.3324. Л.20.

лись в городе электричество и первый телефон, началось строительство железной дороги Тюмень-Омск. Известной благотворительницей была и его жена Евдокия Яковлевна – она развозила по школам для детей бедняков одежду и обувь, учебники, организовывала елки для детей на праздник Рождества Христова, дарила подарки детям тюремной школы, вносила средства в пользу общества Красного Креста, как об этом сообщал «Сибирский листок» № 77 от 2 июля 1913 г.

Тюменский купец Чукмалдин Николай Мартемьянович в 1891 г. купил у директора Александровского реального училища Словцова И.Я. коллекцию материалов по археологии и передал их в дар училищу, чем положил начало созданию краеведческого музея г. Тюмени. С его именем связано открытие в Тюмени Народного дома комитета попечительства о народной трезвости, бесплатной библиотеки в г. Тюмени, для которой ему удалось приобрести уникальные исторические экспонаты – «Апостол» первопечатника диакона Ивана Федорова 1597 г. и др. Экземпляр Острожской Библии 1581 г., подаренный Н.М. Чукмалдиным, сейчас является экспонатом Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова. Он также построил церковь Святителя Николая Чудотворца в селе Кулаково, школу для детей села. Большую часть своих доходов Н.М. Чукмалдин тратил на благотворительность и развитие образования в г. Тюмени и в родном селе Кулаково.

При Александровском реальном училище, построенном на средства тюменского купца – городского головы Подаруева Прокопия Ивановича, существовала церковь во имя св. вел. кн. Александра Невского, также устроенная на его личные средства, его в ней и отпевали в 1900 г. Также Прокопий Иванович построил храм в селе Плеханово возле Тюмени. Долгие годы Подаруев на свои средства содержал городскую богадельню, выделял значительные суммы на Сиропитательное заведение, церковно-приходские школы города. Одно только здание Александровского реального училища, подаренное городу Подаруевым, обошлось в 200 тыс. руб. серебром, а для содержания штата преподавателей, поддержания бедных учащихся Подаруев определил ежегодные выплаты в 10 тыс. рублей.

Благотворительные формирования составляли большую часть добровольных общественных организаций, активно действовавших до революции и формирующих гражданское общество.

В Тюмени в конце XIX в. существовали благотворительные общества, о которых сообщалось в отчетах Тобольского Губернского Статистического комитета: «...Общество попечения об учащихся в уездном и начальных училищах г. Тюмени (в 1895 г. израсходовано на пособия учащимся 1510 руб. 66 коп.); Тюменское попечительное общество о бедных (в 1895 г. оказана помощь 71 человеку на 649 руб. 99 коп.); Александровский родильный дом (в 1892 г. оказана помощь 48 женщинам в родильном доме и в амбулаторном отделении 160 женщинам); Тюменское общество для оказания помощи переселенцам (в 1892 г. оказана помощь 1198 чел.); Тюменская городская богадельня (в 1895 г. на содержание 34 нуждающихся израсходовано 641 руб. 63 коп.); Тюменское Владимирское сиропитательное заведение (в 1895 г. на содержание 55 сирот израсходовано 5894 руб. 34 коп.). Так городские общества оказывали помощь тем, кто в ней нуждался, и городские власти помогали благотворительным обществам, выделяли некоторые суммы на их деятельность; благотворители также вкладывали и свои личные средства на помощь страждущим.

Купец первой гильдии Иван Петрович Воинов на свои средства по обету построил первый в Тюмени родильный дом в 1891 г. и назвал его Александровским в честь императора Александра II, который в юношестве посетил Тюмень. На его содержание И.П. Воинов положил в банк 30 тысяч рублей, проценты с капитала обеспечивали работу родильного дома. Этот роддом был и для неимущих рожениц. Не одно поколение тюменцев увидело свет именно здесь, так как новые роддома стали строить лишь в 60-е гг. XX в. 7 декабря 1899 г. попечительский совет Александровского роддома докладывал городской думе, что планировалось обслуживать 100-120 рожениц в год, но постепенно заведение стало пользоваться популярностью, и количество рожениц увеличилось: в 1891 г. их было 38, в 1893 г. – 91, в 1895 г. – 147, в 1897 г. – 216, в 1899 г. ожидалось более 300, в связи с чем совет просил Думу увеличить финансирование роддома до 600 руб. в год, с чем Дума согласилась.

Церковь Всех Святых в г. Тюмени была построена в 1839 г. на средства титулярного советника Воинова Дмитрия Иванова и его сына Матвея. Тюменские купцы Андрей Яковлевич Максимов и Иван Петрович Воинов в 1880 г. построили городскую богадельню по ул. Елецкой, 1 для немощных неимущих стариков.

На средства действительного статского советника Николая Ивановича Давыдовского возведен вблизи городской больницы по ул. Даудельной ночлежный дом, на его содержание Давыдовский Н.И. пожертвовал 20 тыс. рублей. Николай Иванович служил в Тюменском полицейском управлении. Он входил в состав попечительского совета Александровского реального училища, шесть раз избирался в городскую Думу, давал большие суммы на содержание школ города, сиропитательное заведение, ночлежный дом. В 1907 г. городская Дума решила присвоить Николаю Ивановичу звание почетного гражданина г. Тюмени. Узнав об этом, он попросил Думу не ставить этот вопрос на обсуждение, поскольку считает себя недостойным этого высокого звания.

Заключение

Церковные учреждения г. Тюмени на протяжении XVIII – начала XX вв. являлись вдохновителями благотворительности среди местного населения. Многие тюменские купцы финансировали не только возведение или реставрацию храмов, но и активно участвовали в жизни своей церкви. Состоятельные прихожане строили школы, больницы, богадельни, родильные дома и сиротские приюты. Граждане Тюмени, являющиеся прихожанами храмов города, много сил и личных материальных средств вкладывали в украшение храмов города. Также они, помогая бедным и больным, много личных сбережений тратили на образование, строили культурные учреждения в городе, библиотеки и музеи.

ЛИТЕРАТУРА

Альмухаметова, М.Ш. 2004: Тобольский Дом трудолюбия. В сб: *16-е Словоцкие чтения. Материалы 16-й Всероссийской научно-практической конференции*. Ч. 1. Тюмень, 22–23.

- Дегальцева, Е.А. 2002: *Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX в.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaimka.ru/degaltseva-charity/>
- Ермолина, Е.Г. (ред.) 1998: *Жития сибирских святых*. Новосибирск.
- Курмачев, В.А. 2002: *Церковь Нерукотворного образа Христа Спасителя в Тюмени*. Тюмень.
- Обзор Тобольской губернии за 1895 год*. 1897. Тобольск.
- Половинкин, Н.С., Чернышов, А.В. 1991: Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае. XVIII – начало XX вв. В сб.: *Религия и церковь в Сибири 2*, Тюмень, 14–21.

REFERENCES

- Almuhametova, M.Sh. 2004: Tobolskiy dom trudolyubiya. In: *16 Slovtsovskie Chteniya. Materialy 16 Vserossiyskoy nauchno-practicheskoy konferentsii*. Ch. 1. Tyumen, 22–23.
- Degaltseva, E.A. 2002: *Obshchestvennaya blagotvoritelnost' Zapadnoi Sibiri v 19-nachale 20 veka*, <http://zaimka.ru/degaltseva-charity/>
- Ermolina, E.G. (red.) 1998: *Zhitiya sibirskih svyatyh*. Novosibirsk.
- Kurmachev, V.A. 2002: *Tserkov' Nerukotvornogo obraza Hrista Spasitelia v Tyumeni*. Tyumen.
- Obzor Tobolskoi gubernii za 1895 god*. 1897. Tobolsk.
- Polovinkin, N.S., Chernyshov, A.V. 1991: Rol' Tobol'skoi eparhii v sisteme obrazovaniya i prosveshcheniya v krae. XVIII – nachalo XX vv. In.: *Religiya i tserkov v Sibiri 2*. Tyumen, 14–21.

CHURCH CHARITY IN TYUMEN IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY

Alexander V. Trifonov*, Viktor I. Usanov**

* *Tyumen State University, Russia,*
tobkreml@mail.ru

** *Orthodox gymnasium, Russia,*
tobkreml@mail.ru

Abstract. The authors define the historical and social aspects of the activity of Church institutions in Tyumen. The problems, arising at the organization and work of charitable societies with church participation in the city of Tyumen, are designated; the active role of priests in clerical, educational and charitable work with the population is emphasized by the authors. The aim of the investigation presented is to describe the process of the influence of church on the local society. The authors believe the charitable activity of the orthodox church in Tyumen was sufficiently extensive in the 19th – 20th centuries, including school teaching, preaching, working in hospitals and prisons, etc. The article describes the active influence of Orthodox Church in Tyumen in establishment of some charitable organizations to help poor people, orphans and widows, especially in the sphere of education, in order to raise living and culture standards for the local population.

Key words: Russian history, Tyumen, church, society, clerical education, charity

---

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 260–268
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 260–268
© Автор(ы) 2017

КАЗАХИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: КРАТКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтническом окружении)

И.Р. Атнагулов

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
i.atnagulov@mail.ru*

Аннотация. Казахи на территории России являются коренным народом и населяют приграничные с Республикой Казахстан субъекты Федерации. История вхождения казахов в состав Российского государства началась с 1730-х гг. В то время российское подданство приняли казахи Младшего и Среднего Жузов, потомки которых сегодня населяют Южный Урал. За все время их пребывания в составе России происходили межэтнические контакты, которые сопровождались процессом интеграции казахов в российское сообщество. Бывшие кочевники переходили на оседлость, основывали собственные населенные пункты и селились в одних поселках вместе с русскими, нагайбаками и другими. Между различными этническими группами происходил культурный обмен. На протяжении XX в. в этнической среде казахов региона наблюдались два параллельных процесса. С одной стороны, шла интеграция в российское сообщество, с другой – оказывало влияние государственное спонсирование развития казахской идентичности. Представляет научный и практический интерес изучение соотношения степени адаптации казахов в российском сообществе и сохранения их этнического своеобразия. Исследования проводились на территории Нагайбакского р-на Челябинской обл., где сосредоточена одна из наиболее многочисленных компактных групп казахов региона. Настоящая статья включает два раздела. В первом дана этнодемографическая характеристика по материалам переписи 2010 г. Во втором рассмотрены уровни самоидентификации и культурные особенности народа. Методом анке-

---

Атнагулов Ирек Равильевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии, этнографии и историко-культурного туризма НИИ ИАФ Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

тирования были опрошены казахи нескольких населенных пунктов Нагайбакского р-на. Одной из главных маркирующих в самоидентификации исследуемой группы является конфессиональная. Другими важными уровнями самоидентификации являются политический, географический и собственно этнический.

Ключевые слова. Казахи Челябинской области, родоплеменная структура, идентичности, демография, религия, традиционная культура

Проблема групповой этнической самоидентификации в полиэтничном окружении рассматривалась нами на материале нагайбаков – ближайших тюркоязычных соседей казахов Челябинской обл.¹ В отличие от нагайбаков, этнической территорией которых являются лишь три района Челябинской обл.², местные казахи входят в зону сплошного исторического расселения этноса и составляют ее северо-западную периферию.

Казахи Челябинской обл. исторически расселены в ее южных районах, что географически соответствует зоне распространения лесостепного ландшафта – привычной экологической нише этноса. Кроме того, эти земли примыкают непосредственно к границам Российской Федерации с Республикой Казахстан. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность казахов в области составляла 35297 чел. Большая их часть постоянно проживает в местах исторического расселения, в районах: Агаповском – 3077, Нагайбакском – 2839, Брединском – 2836, Кизильском – 2463, Карталинском – 2163, Верхнеуральском – 2043, Варненском – 1454, Чесменском – 1448, Троицком – 1249, Уйском – 436, Октябрьском – 284, Пластовском – 239, Чебаркульском – 205 и Увельском – 200 чел.³

Казахи, как и все остальное население области, подвержены урбанизационным процессам и составляют население городов Магнитогорска, Челябинска, Троицка, Верхнеуральска и Карталов. Эти города находятся непосредственно в зоне их исторического расселения, либо несколько севернее, например, в областном центре – г. Челябинске.

Наибольшее число казахов зафиксировано в Магнитогорске – 4130 и Челябинске – 2866 чел. Магнитогорск является крупным центром промышленности и образования на юге области. Близость к малой родине и возможность учиться и работать в крупном городе объясняет выбор значительной части казахской молодежи. Присутствие второй по численности, компактно расселенной группы казахов в Челябинске объясняется также исключительно экономическими соображениями.

На третьем месте находится Троицк – 1559 чел. Он, как и Магнитогорск, расположен в непосредственной близости от мест исторического расселения казахов. С самого начала возникновения города в 1743 г. и установления Троицкой ярмарки присутствие торговцев из Среднего жуза здесь было постоянным⁴. Троицк для казахов являлся не только торгово-экономическим, но и культурно-просвети-

¹ Атнагулов 2015б, 133.

² Атнагулов 2016, 137.

³ Всероссийская перепись населения 2010 года, http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

⁴ Рычков 1762б, 150.

тельским центром⁵. В городе существовали общественные организации казахов, на рубеже XIX–XX вв. начала издаваться литература на казахском языке. В настоящее время Троицк привлекает казахское сельское население возможностью получения образования и трудоустройства.

Заметно меньшее число казахов проживает в городах Карталы и Верхнеуральске. Однако и сама численность населения этих городов значительно ниже. Верхнеуральск возник как крепость в 1734 г. в ходе кампании по строительству линии укрепленных сооружений вдоль р. Яик, по которой проходила этническая граница между башкирами и казахами. Верхнеуральск, таким образом, находился на окраине этнической территории казахов. Карталы расположены непосредственно на тех землях, где предки современных казахов имели постоянные летние кочевья. Относительно недалеко от Карталов и Верхнеуральска расположены сельские населенные пункты со значительным числом казахов. Этот фактор, безусловно, влияет на этнодемографическую картину данных городов.

Несмотря на процессы урбанизации, казахи продолжают сохранять глубокие связи с родными селами. Тесные контакты обусловлены крепким сохранением элементов традиционного уклада, ценностных ориентаций, а также необходимости выполнения комплекса обрядово-праздничных ритуалов, требующих непрямого заботы домашнего скота и приготовления молочных продуктов при глубокой ферментационной переработке. Наиболее высокое относительное число казахов фиксируется в районах: Нагайбакском – 14 %, Кизильском – 10 %, Брединском – 10 %, Агаповском – 9 %, Чесменском – 7 %, Варненском – 5 %, Верхнеуральском – 6 %, Троицком – 4,5 % и Карталинском – 4 %⁶. Если Агаповский р-н является лидером по абсолютной численности, то Нагайбакский по относительной доле. На территории Нагайбакского р-на во второй половине XIX – начале XX в. возникло несколько казахских аулов: Арасламбаевский (Каракупа), Копал, Кужебай, Бесенбаевский (Беркут), Кинжебаевский (Байчунус) и Арзакуловский⁷. Из них последние три ныне не существуют. В настоящее время наиболее крупные группы казахов Нагайбакского р-на проживают в населенных пунктах: Фершампенуаз – 294, Арасламбаевский – 270, Нагайбакский – 140, Балканы – 133, Придорожный – 125, Куропаткинский – 120, Арсинский – 112, Петровский – 109, Подгорный – 105 чел.⁸.

Из трех территориальных подразделений на территории Челябинской обл. расселены казахи Среднего и Младшего жузов. На крайнем юго-западе и юго-востоке области проживают казахи Младшего жуза объединения жетыру родов жагалбайлы и телеу. Вдоль р. Уй, в верховьях Тогузака и Аята, на юго-востоке области проживают казахи Среднего жуза объединения кыпшак, родов каракыпшак, карабалык, колыденен и др. Родоплеменные группы казахов Младшего жуза на территории Челябинской обл. являются потомками преимущественно ногойского населения, а казахи Среднего жуза мигрировали в Зауралье из центрального Ка-

⁵ Старостин 2010, <http://www.fergananews.com/articles/6477>

⁶ Подсчитано автором по: Всероссийская перепись населения 2010 года, http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

⁷ Плешков 1928, 38–41.

⁸ Подсчитано автором по: Всероссийская перепись населения 2010 года, http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

захстана под нашествием джунгар⁹. Значительную часть родоплеменной структуры составляют родовые подразделения жагалбайлы и группы объединения кипчак. В середине XVIII в. они были вовлечены в торговлю с Россией и постепенно перешли к полукочевому образу жизни¹⁰.

По материалам экспедиционных исследований, проведенных в 2013–2014 гг. в п. Арасламбаевском, Балканском, Придорожном, Петровском и 50 лет Октября Нагайбакского р-на, был собран материал по родоплеменной структуре местного населения. Большинство из них принадлежат к Младшему жузу, объединению жагалбайлы. Меньшая часть – к Среднему, объединениям жаппас и кыпшак. Такое соотношение представителей Младшего и Среднего жузов можно объяснить географическим положением района – юго-запад Челябинской обл., где проходит территория традиционного расселения казахов объединения жагалбайлы. В перечисленных населенных пунктах было опрошено определенное число семей: в Придорожном – 19, Петровском – 13, Арасламбаевском – 11, 50 лет Октября – три, Балканах – 18. Наиболее крупные подразделения: в Придорожном – бескрек шуылдак, бозбет шыны, бозбет жадыгер и бозбет есенгельды; Петровском¹¹ – бескрек шуылдак, ак кожа и бозбет шыны; Арасламбаевском – бозбет шыны и бескрек шуылдак; 50 лет Октября – ак кожа, бескрек шуылдак, бескрек аю табан, бозбет жадыгер и есенгельды; Балканах – ак кожа, бескрек ала калпак, бескрек шуылдак, бозбет есенгельды, бозбет шыны, есыркова, кыпшак каратчак¹².

В рамках полевых исследований 2015 г. был проведен опрос, целью которого являлось определение идентификационной базы современных казахов. Опрос проводился среди жителей п. Балканы. Было выделено несколько различных уровней самоидентификации, среди которых: религиозный, политико-географический, этнический и языковой.

Отношение к религии остается одним из важнейших параметров самоидентификации¹³. Казахи, как известно, в подавляющем большинстве относятся только к одной из религиозных конфессий – мусульманству суннитского направления. В советский период истории они, как и другие народы СССР, находились под влиянием государственной атеистической политики. Несмотря на это в быту у казахов продолжали сохраняться многие мусульманские обычаи и традиции. Особенно это было связано с такими событиями, как рождение ребенка, свадебный и погребально-поминальный обрядовые циклы. Групповое ощущение принадлежности к мусульманской культуре регламентировали многие стороны повседневной и празднично-ритуальной жизни. Начиная с 1990-х гг., интерес к религии среди казахов Челябинской обл. значительно возрос. В 1993 г. в Нагайбакском р-не, в одном километре восточнее п. Арасламбаевский, была построена мечеть, которая обслуживает религиозные потребности всех местных мусульман, среди которых преобладают казахи¹⁴. Религиозное состояние казахов п. Балканы отражено в трех вариантах ответов – «верующие», «атеисты» и «колеблющиеся». Подавля-

⁹ Попов 1861, 172.

¹⁰ Рычков 1762а, 144–145.

¹¹ Орфография дана по версии информаторов.

¹² ПМА 2013–2015, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Придорожный, Петровский, Арасламбаевский, 50 лет Октября, Балканы.

¹³ Атнагулов 2007б, 305.

¹⁴ Атнагулов 2015а, 136.

ющее большинство назвали себя людьми верующими – 80 %, атеистами – 13 %, колеблющимися – 7 %. Религиозную принадлежность как главный идентификационный признак назвали 23 % респондентов.

Политико-географический вид самоидентификации включает три уровня – локальный (ощущение принадлежности к населению района), региональный (области) и государственный (Российской Федерации). На первое место поставили: локальный уровень – 17 %, региональный – 10 % и государственный – 17 % респондентов.

Этническую самоидентификацию мы также подразделяем на три уровня – общенациональный, жузовый и родоплеменной. Как главный идентификационный признак назвали общенациональный 17 %, принадлежность к жузу – 4 % и родоплеменной группе – 10 % опрошенных¹⁵.

Языковая идентичность отражает ощущение принадлежности к какому-либо языковому пространству. Среди респондентов ответили, что разговаривают чаще на казахском – 10 %, чаще на русском – 50 %, в равной степени на обоих – более 30 %. Казахско-русское двуязычие является результатом этнического взаимодействия за последние примерно 160 лет. Особенно ситуация стала меняться с 1920-х гг., когда на территории района стали появляться новые населенные пункты. Они возникали в связи с освоением целинных земель и строительством колхозов. Этнический состав в них был смешанным. Сюда переселялись русские, нагайбаки, казахи, украинцы и др. В настоящее время большинство казахов района проживают в этнически смешанных поселках¹⁶. Это повлияло на развитие лингвистической ситуации среди казахов в пользу увеличения сферы функционирования русского языка.

Картину уровней самоидентификации казахов Нагайбакского р-на дополняет краткое описание особенностей этнической культуры. Несмотря на русские влияния, казахи тем не менее продолжали сохранять этнические признаки, сформировавшиеся у них в виде определенного комплекса культурных черт. В первую очередь это относится к материальной культуре и хозяйственной деятельности. Несмотря на переход на оседлость и развитие сельскохозяйственного сегмента, скотоводство играет главную роль в хозяйстве казахов до настоящего дня. В отличие от прошлого, нынешнее скотоводство казахов имеет не кочевой, а пастбищно-стойловый характер. Такой тип домашнего животноводства сформировался под влиянием русских и нагайбаков. Однако, в отличие от русских, у казахов сохранился традиционный для них состав стада – лошади и мелкий рогатый скот. Гораздо меньше по сравнению с русскими и нагайбаками казахи держат крупный рогатый скот и домашнюю птицу.

Сохранение традиций в хозяйственной деятельности связано с развитием системы питания, которая является наиболее консервативной частью этнической культуры. Система питания казахов исторически сложилась в рамках традиций обширной группы этносов – кочевников-скотоводов степной и лесостепной частей Евразии. Особенность этой системы в том, что здесь решительно преобладает пища животного происхождения, которую принято делить на три большие

¹⁵ ПМА 2013–2015, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Придорожный, Петровский, Арасламбаевский, 50 лет Октября, Балканы.

¹⁶ Атнагулов 2015а, 99–100.

группы – мясо, молоко и рыба¹⁷. У казахов наиболее широко представлены первые две, и по объему потребляемой массы они занимают едва ли равное соотношение. Предпочтительным способом термической обработки мяса и мясопродуктов является варка, обычно в котле, а в настоящее время и с использованием современной посуды. Наиболее предпочтительные сорта мяса – конина и баранина, присутствующие как на повседневном, так и на празднично-ритуальном столе. Другой вид традиционной пищи животного происхождения – молочнокислые продукты. Пища из растительного сырья представлена широким спектром мучных изделий из пшеницы. За последние десятилетия система питания казахов района претерпела влияние кухонь соседних народов – в первую очередь русских и нагайбаков. Это отразилось, например, в увеличении ассортимента мучных изделий, употреблении в свежем и консервированном виде овощей и фруктов¹⁸. Казахи, как и прочее население района, регулярно приобретают продукты питания в магазинах. Это в известной мере сближает кухню казахов с другим народами и унифицирует повседневный и празднично-ритуальный рационы. Обычной в казахской кухне стала продукция промышленного производства – мясные, молочные, кондитерские изделия и т.п. В числе прочих был задан вопрос о том, как часто готовятся или употребляются традиционные казахские блюда. Было предложено три варианта ответов – ежедневно, часто (еженедельно два-три раза) и редко (реже одного раза в неделю). Ежедневно готовят и употребляют казахскую национальную пищу – 20 %, не каждый день, но еженедельно несколько раз – 70 % и редко – 10 %.

Культурные стратегии в повседневных практиках отображаются, в том числе, и в выборе авторитетных или знаковых персон из близких людей или известных деятелей. Примерно 80 % респондентов считают, что наиболее авторитетными для них являются близкие родственники (мужчины старшего поколения – отцы, деды). Среди остальных ответов по мере убывания – В.В. Путин, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.К. Жуков. Наиболее знаменитыми или известными среди представителей казахского этноса, по мнению респондентов, по мере убывания являются: президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, хан Абулхаир, Джамбул, Абай Кунанбаев и Роза Рымбаева. Около 20 % респондентов затруднились ответить на вопрос.

Этническая и другие виды идентичностей неизбежно взаимодействуют друг с другом. В определенных обстоятельствах она может проявляться отчетливо, а иногда и вовсе никак не отражаться. Все зависит от степени интегрированности этноса в общую социальную среду. Чем более представители этноса включены в различные отношения с окружающим их обществом, тем менее проявляется и играет роль фактор их собственной этнической идентичности. На вопрос «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Ваша этническая принадлежность помешала Вам в чем-либо?» абсолютное большинство – свыше 90 % – ответили отрицательно. Остальные единичные случаи связаны с ситуациями при бытовых взаимоотношениях. На вопрос «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Ваша этническая принадлежность помогла Вам в чем-либо?» также более 90 % ответили отрицательно. Из положительных ответов несколько человек отметили личную дружбу, один

¹⁷ Атнагулов 2007а, 35.

¹⁸ ПМА 2013–2015, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Придорожный, Петровский, Арасламбаевский, 50 лет Октября, Балканы.

имел такой случай в армии и еще несколько сказали, что подобные случаи были, но предпочли умолчать о том, в каких конкретных ситуациях это происходило. Исследуемая группа казахов по этим показателям проявляет вполне выраженную тесную и органичную интеграцию в российское общество. Отсутствие проблем, связанных с этнической принадлежностью в решении многих важных жизненных вопросов, является также и важным показателем отношения к казахам со стороны окружающего населения.

Нагайбакский р-н по своему составу населения является полиэтническим. Жителям через средства массовой информации, а также в рамках различного рода мероприятий на протяжении длительного времени предлагается парадигма общего культурного пространства всех народов. Идея культурного единства дает положительные результаты. Здесь не существует проблем в межэтнических взаимоотношениях. Обычным стало обозначение населения района, независимо от его этнической принадлежности, таким этником, как «нагайбакцы». Несмотря на то, что численно преобладающими этносами здесь являются русские и нагайбаки, главой района до 2015 г. на протяжении более чем двадцати лет являлся этнический казах – К.Х. Сеилов, общественный рейтинг которого неизменно высок и поныне.

И, наконец, последний вопрос анкеты касался роли семьи, общества и государства в вопросе предупреждения проявления ксенофобии. Мнения респондентов разделились значительно. Больше половины опрошенных – 60 % – считают, что главным в этом деле должно быть семейное воспитание. Около 40 % полагают, что этим должно заниматься общество (школа, трудовой коллектив и т.п.) и 1 % уверены, что все зависит от политики государства.

Подводя итоги исследованию современных идентичностей казахов Нагайбакского р-на, необходимо сделать следующие выводы. Одной из главных маркирующих в самоидентификации исследуемой группы является конфессиональная. Другими важными уровнями самоидентификации являются политический, географический и собственно этнический. Очень важно, что этнический уровень самоидентификации среди опрошенной нами группы населения оказался равным по числу ответов государственному.

Этнический фактор как социальное препятствие или, наоборот, элемент, способствующий более успешной реализации возможностей, обычно актуализируется в этнократических государствах либо в обществах, разделяющих демократические ценности, но с заметными пережитками этнократий прошлого. Результаты нашего анкетирования показывают, что абсолютное большинство респондентов не имело такого опыта, когда бы их этническая принадлежность каким-либо положительным или отрицательным образом повлияла на жизнь. Это свидетельствует о том, что казахи России в основном являются неотъемлемой органической частью всего общества, которое не испытывает к ним неприязни в виде социального «выталкивания». Предупреждение межэтнических конфликтов, по мнению большинства наших респондентов, возможно только через семейное воспитание. Это свидетельствует о сохранении среди казахов глубоких семейно-родственных традиций, домашнего образования и приоритета традиционных ценностей.

Общая историческая судьба – строительство колхозов, совхозов, промышленных предприятий, участие в Великой Отечественной войне и других важных

событиях в жизни страны заметно сблизило казахов со всем населением. Повышение материального благосостояния значительно уменьшило и даже свело до минимума культурно-бытовые различия между казахами и другими народами региона¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2007а: *Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века*. Магнитогорск.
- Атнагулов, И.Р. 2007б: Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние. *ПИФК* 18, 305–312.
- Атнагулов, И.Р. 2015а: *Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика*. Челябинск.
- Атнагулов, И.Р. 2015б: Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования. *Уральский исторический вестник* 2 (47), 133–143.
- Атнагулов, И.Р. 2016: Нагайбаки: от сословия к этносу (К вопросу о генезисе идентичности). *Археология, этнография и антропология Евразии* 44 (1), 137–146.
- Всероссийская перепись населения 2010 года*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
- Попов, Н. 1861: *В.Н. Татищев и его время*. М.
- Рычков, П.И. 1762а: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. I. СПб.
- Рычков, П.И. 1762б: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. II. СПб.
- Старостин, А. 2010: *Российский город Троицк – город на границе тюркского и славянского миров*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/6477>

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2007a: *Nagaybaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya hozyaystva i material'noy kultury vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka*. Magnitogorsk.
- Atnagulov, I.R. 2007b: Religioznaya identichnost' nagaybakov: istoriya formirovaniya i sovremennoye sostoyaniye. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 18, 305–312.
- Atnagulov, I.R. 2015a: *Identichnosti nagaybakov: genesis, struktura, dinamika*. Chelyabinsk.
- Atnagulov, I.R. 2015b: Struktura nagaybaskih identichnostey: istoriya i faktory formirovaniya. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2 (47), 133–143.
- Atnagulov, I.R. 2016: Nagaybaki: ot sosloviya k etnosu (K voprosu o genezise identichnosti). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 44 (1), 137–146.
- Popov, N. 1861: *V.N. Tatishchev i yego vremya*. Moscow.
- Rychkov, P.I. 1762a: *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstoyatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinyennoye kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym*. Ch. I. Saint-Petersburg.

¹⁹ ПМА 2013–2015, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Придорожный, Петровский, Арасламбаевский, 50 лет Октября, Балканы.

- Rychkov, P.I. 1762b: *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstoyatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinyennoye kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym*. Ch. II. Saint-Petersburg.
- Starostin, A. 2010: *Rossiyskiy gorod Troitsk – gorod na granitse tyurkskogo i slavyanskogo mirov*, <http://www.fergananews.com/articles/6477>
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda*, http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

KAZAKHS OF CHELYABINSK REGION: A BRIEF ETHNO-CULTURAL
CHARACTERISTICS (TO THE PROBLEM OF ETHNIC IDENTITY IN THE
MULTIETHNIC ENVIRONMENT)

Irek R. Atnagulov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
i.atnagulov@mail.ru

Abstract. The Kazakhs in Russia are indigenous and inhabit the subjects of the Federation border with the Republic of Kazakhstan. The history of accession of Kazakhs to the Russian state began in the 1730s. At that time the Kazakhs of the Junior and Middle Zhuz, whose descendants inhabit the southern Ural today, accepted the Russian citizenship. During the stay of the Kazakhs in Russia there were inter-ethnic contacts, followed by a process of integration of Kazakhs into the Russian community. The former nomads became sedentary, founded their own settlements and lived in the same villages together with Russians, Nagaybaks and others. Among the various ethnic groups a cultural exchange happened. Throughout the twentieth century in the ethnic environment of the Kazakhs of the region two parallel processes took place. On the one hand there was a process of integration into the Russian community, on the other –the state sponsoring of the Kazakh identity development made its impact. Studying of a ratio of adaptation extent of Kazakhs into the Russian community and preservation of their ethnic originality is of scientific and practical interest. The research was conducted on the territory of Nagaybak district, Chelyabinsk region, where one of the most numerous groups of Kazakhs in the region is congregated. This article consist of two parts. In the first one the ethnic and demographic characteristics on materials of the 2010 census is given. Levels of identification and cultural characteristics of the people are presented in the second part. The method of questioning was used to interview the Kazakhs of several settlements of Nagaybak district. One of the main determining points in self-identification of the studied group is confessional. Other important levels of self-identification are political, geographical and actually ethnic.

Key words: The Kazakhs of the Chelyabinsk region, the tribal structure, identity, demography, religion, traditional culture

---

НАГАЙБАКИ-БАКАЛЫ: СТРАНИЦЫ ЭТНОИСТОРИИ¹

С.Ю. Белоруссова

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,
svetlana-90@yandex.ru*

Аннотация. В течение 1842–1843 гг. нагайбакские казаки со своими семьями были переселены в три района Оренбургской губернии и образовали три разные группы, каждую из которых ожидала собственная судьба. Северная группа казаков-нагайбаков в количестве 500 душ была переселена в Троицкий уезд в ст. Верхнеуфьевская (Варламово), пос. Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность, которая, однако, была подвержена влиянию со стороны русских. Северная группа, не испытавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, в настоящее время считается формально православной: среди населения заметно индифферентное отношение к религии и обрядам, как мусульманским, так и православным.

Нагайбаки этой группы получили самоназвание «бакалы» по названию Бакалинской станицы, откуда они прибыли. С течением времени бакалы приобрели еще несколько самоназваний, включая «нагайбаки», «крешены», «русские», «чермыши» и др. Частые смены и обновления самосознания и самоназвания народа, привели к тому, что многие сегодня не могут с уверенностью сказать о своей этнической принадлежности. У северных нагайбаков наблюдается повышение интереса к своему самосознанию и культуре, что вызвано, в числе прочего, успехами соплеменников — жителей Нагайбакского района. Благодаря персональной и групповой стратегии, этничность северной группы сегодня актуальна и динамична; пережив несколько смен идентичности в своей истории, северная группа в настоящее время находится в состоянии этнического дрейфа.

Ключевые слова: Нагайбаки, бакалы, северная группа, самоназвание, русские, казаки, православие, миссионеры, дрейф этничности

Введение

С момента основания Нагайбакской крепости в Оренбургской губернии туда стали заселять вновь прибывших крещеных инородцев Южного Урала. С 1740-х гг. крепость стала центром крещения Оренбуржья: там учредили отделение Казанской новокрещенской конторы, которая могла беспрепятственно осуществлять массовые крещения среди инородцев. За время ее работы в состав Нагайбакской крепости принимали как «магометан» — татар, башкир, тептярей, киргизов, так и

Белоруссова Светлана Юрьевна — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-01078 «Коренные малочисленные народы (манси и нагайбаки) в этномозаике Урала» (рук. С. Ю. Белоруссова).

«идолопоклонников» – черемисов, мордву и чувашей. Все жители получали новое название — «новокрещены».

После Пугачевского восстания Нагайбакская крепость постепенно начала терять свое влияние в качестве стратегического, военного, религиозного и административного центра. Новокрещенская контора была закрыта, и масштаб крещений среди инородцев существенно уменьшился. С 1782 г. Нагайбакская и Бакалинская станицы перестали быть отдельными административными единицами и были включены в состав Белебеевского уезда Уфимской провинции. Продолжение колонизационной политики Российской империи в начале XIX в. повлекло за собой необходимость строительства новых казачьих укрепленных поселений по направлению от г. Орска до ст. Березовской, находящейся по Уйской линии. Переселенцами были казаки из крепостей и станиц Оренбургской губернии, в том числе из Нагайбакской и Бакалинской станиц с прилегающими к ним деревнями.

В 1842 г. нагайбакские казаки в количестве 1781 человека² со своими семьями были переселены в три района Оренбургской губернии и образовали три разные группы, каждую из которых ожидала собственная судьба. Большинство новокрещен-казаков были отправлены на Новую линию в числе 1250 душ мужского пола, в Верхнеуральском уезде они основали пять поселков – Кассель, Остроленский, Фершампенуаз, Париж и Требия. Южную группу в составе нескольких десятков семей нагайбаков направили в пос. Нежинка, Гирьял и Алабайтал Оренбургского уезда, пос. Подгорный и ст. Ильинская Орского уезда³. Эти населенные пункты находились на приграничной дороге от Оренбурга к Орску, поэтому переселение нагайбаков было связано с необходимостью военного усиления стратегического пространства. Северная группа казаков-нагайбаков в количестве 500 душ была переселена в Троицкий уезд, в ст. Верхнеувельская (Варламово), пос. Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. Эти села и деревни к тому времени были заселены русскими крестьянами, которые не желали переходить в казачье сословие, поэтому в те земли привлекали казачество из других уездов Оренбургской губернии.

История заселения

Освоение территории расселения северной группы нагайбаков началось в 1730-е гг. и было связано с застройкой Уйско-Тобольской оборонительной линии, преградившей с юго-востока доступ киргизам и каракалпакам; в 1750-е гг. были основаны Верхнеувельская и Кундравинская слободы. По воспоминаниям современников, «здесь всюду застроились целые селения, хутора и заимки, давшие начало многим нынешним большим селам»⁴.

Изначально эти места заселялись русскими крестьянами: согласно указу Исетской провинциальной канцелярии, основателю Верхне-Увельской слободы было велено записать до 100 семей государственных крестьян во вновь заводимую Увельскую слободу из Окуневского и Исетского дистриктов⁵. Кундравин-

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 4 об.

³ Судя по всему, эта группа была переселена раньше других, в первой половине XIX в. См.: Аминов 2015.

⁴ Чернавский 1900, 60.

⁵ РГАДА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 47. Л. 3-4 об.

ская слобода в свою очередь была заселена «переведенными [крестьянами – С.Б.] из разных слобод Исетской провинции»⁶.

В 1763 г. в Верхнеуевельской слободе числилось 388 душ мужского пола, из которых 42 проживали в д. Попово и 40 в д. Ключевской⁷. Название д. Попово происходит от основателя поселения – русского крестьянина Попова, а пос. Ключевский-2 – «от массы находящихся около него ключей (родников)»⁸. Пос. Болотово образовался в 1830-е гг. и был заселен русскими крестьянами из Самарской и Симбирской губерний;⁹ название пос. Болотово образовано «от первопоселенцев русских жителей Болотово». Наконец, пос. Краснокаменский с самого начала был заселен «инородцами-бакалинцами в 1840-х гг.»¹⁰ и получил свое именование «от красных гор, около коих находится это селение»¹¹.

Во избежание чересполосицы между Старой и образовавшейся Новой линией было принято Положение от 12 декабря 1840 г., по которому «часть казенных земель прилинейных уездов – Челябинского, Троицкого и Оренбургского – должны быть причислены к Оренбургскому казачьему войску»¹². Правительство пыталось представить принятие казачьего статуса как привилегию, и в своих указах писало об определении в «почетное» казачье сословие.

Крестьянское население, которое обязали записываться в казачество, в целом без энтузиазма восприняло данное положение. Три года спустя вышло еще два указа от Правительства и Сената, по которым крестьянам Оренбургского, Троицкого и Челябинского уездов вновь предписывалось зачисляться в казачество, причем обращение в обратный переход в податное сословие не рассматривалось¹³. Дело доходило до недовольства и бунта: во время смотра в ст. Кундравинской несколько казаков явились не в форменной, а в обычной крестьянской одежде с бородами, что, по мнению начальства, было несоблюдением императорского указа. Нарушителей привезли в Оренбург, однако они не признали своей вины, за что «бунтовщики» несколько раз были прогнаны сквозь строй и после жестокой экзекуции в живых остался всего один казак»¹⁴. Многие все же приняли казачий статус, однако те, кто в свое время выказывал «неповиновение» при «поступлении в казаки», лишался правительственных льгот¹⁵. По наблюдениям священника Казанско-Богородицкой церкви Болотовского поселка Иоанна Сальникова, новообращенные в казачество русские были «по распоряжению начальства “прикрыты в казаки”», ¹⁶ то есть их крестьянский образ жизни несильно изменился с момента перехода в новое сословие.

Русские крестьяне, которые отказались переходить в казачество, перебрались в другие уезды Оренбургской губернии. Известно, что крестьяне Нижне- и Верх-

⁶ Лепехин 1802, 176.

⁷ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.

⁸ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 385.

⁹ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 390.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 390.

¹¹ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 391 об.

¹² Картунов 2013, 264–265.

¹³ Полное собрание законов Российской империи 1844, 295–296.

¹⁴ Кобзов 1992, 21.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 748. Л. 168.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 1 об.

неувельской волостей также отказывались от перехода в казачье сословие, и по этому поводу они «должны были переселиться на другие свободные земли»¹⁷, причем большая часть этих крестьян переместилась в Бузулукский район. На освобожденные крестьянами земли направили других казаков, в числе которых были переселенцы из Нагайбакской и Бакалинской станиц: в Кундравинскую слободу прибыли 350 казаков, а в Верхнеувельскую – 140¹⁸. Переселяя нагайбаков, правительство надеялось на их обрусение, однако бакалинские нагайбаки поселились отдельными группами. Священник пос. Болотово так охарактеризовал взаимодействие русских и бакалинцев:

Придя в Болотово, они поселились отдельно от русских, чуждых им и до сего времени по языку, правам и обычаям, не имея с ними никаких сношений, кроме деловых, поселковом правлении, на базарах и то редко¹⁹... Улицы их [бакалинцев – С.Б.] не проездные, т.е. через них нет ни одной дороги никуда. Можно прожить в бакалинской улице не один год и не увидеть ни одного русского, не услышать ни одного слова русского²⁰.

Замкнутая жизнь бакалинских нагайбаков распространялась на родство и свойство: «Браки заключаются только с бакалинцами, и никогда – с русскими»²¹. Нагайбаки так и не смешались с другими народами, более того, по прошествии времени почти во всех поселках, куда были направлены нагайбаки (Ключевский-2, Болотово, Краснокаменка и Попово), они оказались в численном большинстве. Например, по сообщению местных жителей, с. Попово стало полностью нагайбакским, когда последние русские переехали за 12 километров от села. Исключением оказался только наибольший по численности пос. Варламово (Верхнеувельский), в котором русское население осталось в большинстве, и часть нагайбаков ассимилировалась с ним.

Сразу после переселения казаки-инородцы были приняты настороженно русскими жителями. Пришлые нагайбаки создали им «этническую конкуренцию»: старожилы вспоминают о соперничестве между школьниками из Попово и Варламово. После окончания начальной школы в с. Попово нагайбаки продолжали обучение в с. Варламово, в котором жили преимущественно русские. Они относились к нагайбакам, как к «чужим», не стесняясь в насмешках: «Когда мы в школе учились, нас никогда в буфет русские не пускали, говорили “эй, бакалята, уходите отсюда!”» Нагайбаки северной группы рассказывали, что по их адресу бытовала дразнилка: «Бакала-бакала две копейки не дала».²² Восприятие нагайбаков как

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 748. Л. 166.

¹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619. Л. 150.

¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 2 об.

²⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 4.

²¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 5.

²² ПМА 2014, Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

«чужих» заметил о. Василий Тимофеев, который объезжал нагайбакские села в 1889 г.:

К литургии собралось из бакалинцев много народа – мужчин и женщин; только они стеснялись пройти вперед. По прочтении часов, я просил стоящих впереди русских, чтобы они пропустили их поближе к алтарю. Я заметил, что местные прихожане из русских пренебрежительно относятся к бакалинцам²³.

Нагайбаки-школьники слабо знали русский язык и стремились сблизиться с русскими: «Мы на русских молились, учились у них»²⁴. Стремление подражать русским привело к тому, что нагайбаки-бакалы стремились записываться в официальных документах «русскими».

Нагайбаки и православные миссионеры

Судя по всему, северная группа нагайбаков особенно не испытала влияния со стороны мусульман. Однако на волне массового перехода нагайбаков южной группы и пос. Требии священники проявляли чрезвычайную бдительность насчет работы мусульманских проповедников. В 1909 г. миссионеры писали, что «магометанская пропаганда усилилась среди нагайбаков и Троицкого уезда». По их сообщению, татары г. Троицка посылали «торговцев-разнощиков, которые ходят по домам для продажи товара и в то же время раздают нагайбакам формы прошений об исключении нагайбаков из числа православных»²⁵. Очевидцы сетовали, что в пос. Попово «магометанская пропаганда с каждым годом все более усиливается, некоторые нагайбаки уже начали исполнять магометанские посты, например семейство Зулкарниева»²⁶. Священники с тревогой сообщали, что в пос. Краснокаменском «в 1905 году дочь нагайбака Краснокаменского поселка девица Александра Егорова Кимвина вышла замуж за татарина Ушкульской деревни... Есть слух, что некоторые нагайбаки этого поселка уже начали исполнять магометанский пост»²⁷. Кроме того, по сообщению краснокаменского священника, татары «распространяли Высочайший манифест от 17 апреля 1905 года с толкованиями в пользу мусульман»²⁸. Оказалось, что «мусульманская пропаганда» среди нагайбаков северной группы была сильным преувеличением со стороны священников, при этом «сами нагайбаки недоумевают, откуда распространяются слухи о пропаганде среди них мухамеддан»²⁹.

По мнению священника пос. Ключевский-2, «случаев отхождения от православия в магометанство не было и можно полагать, что не будет, хотя татары-магометане и проживают здесь, но живут только в качестве наемных рабочих у

²³ Тимофеев 1890, 202.

²⁴ ПМА 2014, Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

²⁵ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год 1909, 405.

²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.15.

²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.15 об. – 16.

²⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.16.

²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.19 об.

состоятельных нагайбаков и не испытывают религиозного влияния на них»³⁰. Священник из пос. Попово отметил, что татары «сами находятся под просветительным религиозным влиянием нагайбаков, и троих из них в 1910 году [удалось] провести в лоно православной христианской церкви»³¹. С другой стороны, священник пос. Болотово предположил, что «[мусульманская – С.Б.] пропаганда действует скрытно, очень хитро», однако уточнил, что «случаев отхода в мусульманство не было»³².

В отчетах священников о религиозном состоянии бакалинцев можно встретить противоречивые мнения. Большинство полагало, что, несмотря на усилия, их так и не удалось обратить в лоно православия. Священник пос. Ключевский-2 В. Асамов писал, что «мужчины и женщины, живя среди русских, довольно свободно говорят по-русски, но отвлеченные религиозные понятия приходится изъяснять им, даже и грамотным, на их родном языке, иначе они не поймут»³³. Священник пос. Попово отметил, что впервые бакалинцы заказали сорокоуст по усопшему лишь в 1911 г., и «это единственный случай из известных мне в истории Верхнеуфимского прихода»³⁴. И. Сальников так охарактеризовал положение жителей пос. Болотово в начале 1900-х гг.: «Богослужение некоторые из них не посещали по несколько лет. Есть такие, которые в церкви были два раза в жизни – в день крещения и в день венчания... На вопросы, почему не ходят в церковь, отвечают – “некогда”, на увещание – “так точно”»³⁵. Одновременно священник И. Скворцов писал, что «нагайбаки предпочитают молиться в храме» и «указание о том, что некоторые нагайбаки держат уразу – несправедливо. Правда, они слабо выполняют установленные церковью посты, но великий пост блюдут практически все»³⁶.

Проезжая через бакалинские поселки, Василий Тимофеев общался с местными жителями: «Я просил их рассказать об Иосифе. – “Не знаем”, был ответ. – “Когда и где родился Иисус Христос?” – “Не знаем”, отвечали они»³⁷. Возможно, это объясняется тем, что православные миссионеры не проводили столь масштабных мероприятий среди троицких нагайбаков, как это было в центральной и южной группах. В бакалинские поселки почти не приглашали проповедников из числа крещеных татар – в большинстве их был русский священник, не особенно заинтересованный в приверженности нагайбаков православию.

Путешественник М.А. Круковский отметил, что христианство у северной группы нагайбаков в начале XX в. не прижилось: «они не христиане и не мусульмане, в религиозных убеждениях у них какая-то смесь». В прошлом они были «воинственным народом» и сейчас входят в состав «уральского казачьего войска». Круковский одновременно отметил богатые украшения на нагайбакских женщинах, а также «страшную нищету» и «пьянство» в деревне, в чем он винил христи-

³⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л.1.

³¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7–7 об.

³² ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 6.

³³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л. 1.

³⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.12 об.

³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.4.

³⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7 об.

³⁷ Тимофеев 1890, 160.

анскую религию³⁸. «Они были насильно обращены усердными миссионерами в христианство, но, забросив старую веру, от новой они не получили ничего, кроме возможности пить вино»³⁹. Путешественник предрекал скорейшее «вырождение этого народца», которого осталось всего несколько тысяч. После непродолжительного пребывания в ст. Ключевка-2 он «уезжал с таким тяжелым чувством, какого никогда не испытывал в своих скитаниях по России»⁴⁰.

Сегодня среди жителей северной группы можно отметить индифферентное отношение к религии и обрядам – как мусульманским, так и к православным. Согласно опросу, среди нагайбаков есть много тех, кто не крещен или никогда не был в церкви, однако считают себя православными. В понимании нагайбаков соблюдение церковных обрядов и православная вера – не одно и то же. Большинство нагайбаков северной группы считает себя «православными, но не религиозными». Некоторые, в том числе пожилые люди, выросшие при советской власти, признаются, что «не верят в бога» и считают себя атеистами. Жительница с. Попово рассказала: «Я не верю, креститься не могу. Вот телевизор посмотрю, там иконы, и это спасает». Сегодня бакалинцы подшучивают над своей религиозностью, житель с. Попово Николай Уряшев рассказал народный анекдот о происхождении бакалинских нагайбаков: «Иисус и Аллах пошли вместе в бане мыться – так и получились бакалы»⁴¹.

Самоназвание и самосознание

Северная группа нагайбаков имеет несколько самоназваний, из которых самым распространенным является «бакалы». Судя по всему, их предками были выходцы из деревень, принадлежащих к Бакалинской станице. «Они не стародавние местные жители, а переселенцы сюда из Мензелинского уезда Бакалинской волости, отчего их и называют бакалинцами или бакалами, слово же “нагайбак” вообще не употребительно»⁴², – писал священник Сальников. Нагайбак Ф. Альметьев, описывая историю своего народа, отметил, что «казаки из Нагайбацкой станицы поселились в Верхнеуральском, Орском и Оренбургском уездах, а из Бакалинской станицы в Троицком уезде, почему и по настоящее время казаки эти именуются “бакалинцами”, а не “нагайбаками”»⁴³.

В миссионерских отчетах и этнографических заметках северную группу причисляли к нагайбакам, но называли «бакалинцами» или «бакалами». Их самоназвания удивляли тех, кто впервые знакомился с этим народом. Путешествуя по Южному Уралу в 1908 г., Круковский подъехал к станице Ключевка-2 Троицкого уезда и поинтересовался, что за народ живет в этих местах. Сопровождавший его башкир Абдул описал местных жителей станицы так: «Обыкновенные хлебопашцы, а народ-то особенный: ни татары они, ни башкиры, ни киргизы, а просто бакалы». Круковскому казалось, что «на земном шаре, тем более в России нет такого народа “бакалы”». Он вспоминал: «”Я бакалятник”, – отвечал спрашива-

³⁸ Белоруссова 2016, 102.

³⁹ Круковский 1909, 267.

⁴⁰ Круковский 1909, 268.

⁴¹ ПМА 2014 Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

⁴² ГАОО. Ф. 173. О.10. Д.104. Л. 1.

⁴³ Альметьев 1911, 1098.

емый, и больше ничего не мог сообщить. Я немало помучился, прежде чем узнал настоящее, этнографическое название этого народа». «По ученому название наше нагайбаки... А вот откуда мы приходим и какого племени – этого сказать не могу. Должно быть, что-нибудь монгольское, поскольку язык смахивает на башкирский»⁴⁴, – сообщил путешественнику священник станицы⁴⁵.

Название «бакалинцы» использовали в речи русские жители, жившие по соседству. Прозвище настолько прижилось, что нагайбаки стали себя определять как «бакалы» и говорить «по-бакалински». На сегодняшний день это самоназвание в обиходе среди чебаркульских нагайбаков. «Бакалы – это неофициальное название, а нагайбаки – официальное», – рассуждает нагайбачка из с. Ключевка-2. Другая жительница полагает, что «бакалы – это разновидность малой народности». В самосознании народа одновременно уживаются понятия «бакал» и «нагайбак» благодаря народной легенде о происхождении нагайбаков: «Иван Грозный загонял всех в озеро Бакал и крестил нагайкой, поэтому мы бакалы и нагайбаки», – рассказывают чебаркульские жители.

Самоназвание нагайбаков на их языке – *крешеннер*, что означает «крещенные». «Мы себя крещенами называем, нагайбаки – официальное название, а бакалы – между собой», – считает Елизавета Юзеева из с. Ключевка-2. Отдельную роль в самоназваниях нагайбаков сыграли записи в паспортах и переписях населения. По воспоминаниям местных жителей, бакалы не выбирали, какой национальной принадлежности они будут записаны в паспорте; их могли записать как «русскими», так и «татарами», хотя есть и редкие случаи записи «нагайбаками». Надежда Яковлева рассказывает: «В 1974 г. брат получал паспорт, его спросили, кто он по национальности, татарин или русский, он сказал, что нагайбак. Ему ответили, что нет такой нации, и записали татаринком. А меня записали русской». Галина Яковлева из с. Болотово заявила, что считает себя русской, потому что «русские и бакалы веры одной»; однако в последующих рассуждениях, сравнивая «свои» и русские обычаи, приходит к выводу, что «у бакалов все по-другому, чем у русских».

Помимо этого, в с. Ключевка-2 удалось обнаружить несколько жителей, которые называют себя «чермышами» и считают себя отдельной малочисленной общностью, частью «бакалинского народа». Мужчину называют «чермышом», а женщину – «чермышкой». Потомственная «чермышка» Валентина Леонидовна сообщила, что в прошлом они считались татарами, жившими «у Казани»: затем они переселились в с. Ключевка-2, «перешли в казаки» и получили новое самоназвание. Не исключено, что «чермышы» – это потомки жителей Черемшанской крепости. По сообщению И.И. Лепехина, там проживали новокрещенные «Мордва, Чуваши, Казылбыши и вышедшие из киргизского плена Азиатцы, а также татары, жившие “по своему закону”»⁴⁶. Как и в Нагайбакской крепости, часть жителей относилась к казачьему сословию, а остальные – к ясачному. Известно, что в 1830–1840-е гг. большая часть населения Черемшанской крепости (около 1800 человек) из числа бывших пахотных солдат была переселена на реку Урал.

Потомки чермышей считают, что их предки были мусульманами, не ели свинину и держали уразу. «Соседка у меня была, когда приходила в гости, и супом

⁴⁴ Круковский 1909, 261.

⁴⁵ Белоруcсова 2015, 19.

⁴⁶ Лепехин 1802, 137–138.

угощали, то она спрашивала, из чего суп? Если свинина, то говорила, что не буду есть, только чай попью, если же суп был гусиный или говяжий, то садилась есть». Потомственная чермышка о своей этнической принадлежности рассудила так: «Я русская по паспорту. Моя бабушка держала и православный пост и уразу-байрам. А вообще-то мы татары, говорю на бакалинском, и черт его знает, кто я». На вопрос, кто такие «чермышы», представители этой группы высказывались, что «это наша порода» или «это наша нация»⁴⁷.

Подобный дрейф этничности, связанный со сменой и обновлением самосознания и самоназвания народа, привел к тому, что многие сегодня не могут с уверенностью сказать о своей этнической принадлежности: «Кто я? русская? нагайбачка? крешенка? бакалинка? У нас вообще ничего не поймешь», – сетует жительница с. Попово. «Язык у нас бакалинский, нагайбаками считаемся, себя называем крешены, а в паспортах написано, что мы русские».

Сегодня чебаркульские нагайбаки считают наименование «бакалы» скорее обидным прозвищем, чем самоназванием. Судя по всему, это мнение сложилось несколько лет назад и связано с недавними успехами нагайбаков центральной группы (включение в перечень коренных малочисленных народов, возрастающий интерес со стороны исследователей) и желанием быть причастными к их достижениям. Изменение отношения к самоназванию в основном коснулось жителей наиболее активного в этническом плане с. Попово. Последние события обновили этничность северной группы нагайбаков так, что они готовы к смене самоназвания: «Раньше я была бакалушкой, сейчас это неправильно, я – нагайбачка», – рассказывает старожилка с. Попово. Некоторые с раздражением высказываются о том, что их называли бакалами: «Это русские так нас дразнили, а мы – нагайбаки». «Для меня оскорбительным было называться бакалами: не было такой нации, а были нагайбаки. И у меня в свидетельстве о рождении, и у бабушек и дедушек в паспортах написано, что мы нагайбаки», – рассказывает Надежда Уряшева из с. Попово. Кроме того, в слове «бакалы» улавливается и значение «лягушатники» (в языке нагайбаков *бака* – «лягушка»), имевшее насмешливый оттенок.

Жители с. Ключевский-2, Болотово и Краснокаменка, которые менее включены в «нагайбакское движение», воспринимают самоназвание «бакалы» спокойно. «Слова “нагайбак” и сейчас нет в обиходе, есть “бакалы”, а нагайбаки живут в Нагайбакском районе», – рассказала жительница с. Ключевский-2. Приезжая русская жительница с. Попово подтвердила, что самоназвание «нагайбаки» появилось не так давно: «Слово “нагайбаки” я не слышала, только по прошествии лет они нагайбаками стали, а до этого были бакалы». Татарка из с. Попово выразила удивление, что ее односельчане теперь называются нагайбаками: «Я всегда слышала, что они бакалы, нагайбаки – это другие, наверное»⁴⁸.

В 1881 г. бакалинских нагайбаков насчитывалось 1741 чел⁴⁹. В 1912 г. в пос. Ключевский-2 проживало 230 семейств, из них русских – 135, а нагайбаков – 95

⁴⁷ ПМА 2015. Челябинская обл., Чебаркульский район, пос. Варламово, с. Попово, Ключевка-2, Болотово, Краснокаменка.

⁴⁸ ПМА 2015. Челябинская обл., Чебаркульский район, пос. Варламово, с. Попово, Ключевка-2, Болотово, Краснокаменка.

⁴⁹ Стариков 1891, 155.

семейств⁵⁰ (в целом 375 нагайбаков обоего пола⁵¹). В Верхнеуевельском приходе нагайбаки составляли 15 % от всего населения; в большинстве они жили в с. Попово: «Из 171-го двора только 20 принадлежат русским жителям, остальные же 151 нагайбакам»⁵². В самом Верхнеуевельском поселке в 1910 г. проживало 479 нагайбаков (86 дворов)⁵³. В Краснокаменском поселке в то время проживало 30 семейств русских и 90 семейств нагайбаков⁵⁴.

Согласно переписи 1926 г., нагайбаков северной группы насчитывалось 3227 человек⁵⁵. В 1933 г. они составляли 6,1 % от общей численности населения Бишкильского района Уральской области⁵⁶. По данным переписи 1939 г., нагайбаки не были выделены в отдельную общность, и северная группа растворилась среди татар и русских Чебаркульского района Челябинской области. Сегодня, имея возможность официально называться нагайбаками, они предпочитают по-прежнему считаться русскими, хотя не отрицают своей исходной принадлежности к нагайбакам. По воспоминаниям нагайбачки Валентины Сошниковой, при проведении Всероссийской переписи населения 2002 г. в с. Попово лишь шесть-семь человек записались «нагайбаками», еще пять – «кряшенами», два-три – «бакалами».⁵⁷ По сообщению жительницы с. Ключевский-2, в 2010 г. переписчикам был дан инструктаж записывать «нагайбаками» всех желающих. Однако Галина Юзеева из с. Краснокаменка столкнулась с тем, что во время переписи ее не захотели записывать нагайбачкой или бакалушкой: «Мне сказали, что нет такой нации, сказали записываться татаркой или русской. Я записалась русской». Согласно переписи 2010 г., в северной группе нагайбаками записались 142–147 чел⁵⁸, хотя по частным наблюдениям, их не менее 1000 человек.

Этничность для чебаркульской группы сегодня актуальна и динамична – во многом благодаря активности лидера чебаркульских нагайбаков Надежды Уряшевой. 14 октября 2012 г. в с. Попово открыли Музей нагайбакской культуры, позднее был организован фольклорный коллектив «Чишме». Чебаркульские нагайбаки признают, что всему «учатся у своих старших товарищей» – наиболее многочисленной центральной группы нагайбаков, проживающих в Нагайбакском районе.

Чебаркульские нагайбаки готовы к нововведениям в своей культуре. 9 мая 2015 г. жители с. Попово провели традиционный поминальный обряд Аш биру⁵⁹ в необычной форме – его посвятили павшим воинам-нагайбакам, поскольку «они погибли, а Аш биру по ним до сих пор не был сделан». Несмотря на то, что «праздничный» обряд Аш биру на 9 мая отличался от традиционного, все нагайбаки прониклись идеей и внесли по 1000 рублей на его проведение. Организаторы

⁵⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л.1.

⁵¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.10.

⁵² ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7.

⁵³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.11.

⁵⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.14 об.

⁵⁵ Атнагулов 2015, 310.

⁵⁶ Елькович (ред.) 1933, 399.

⁵⁷ ПМА 2014. Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

⁵⁸ Атнагулов 2015, 191.

⁵⁹ Традиционно поминальный обряд Аш биру проводится по усопшему близкому родственнику, сопровождается заколом коровы и праздничной трапезой в доме умершего.

старались по мере возможности соблюсти традиционный сценарий Аш биру. На обряде присутствовали жители и гости села разной этнической принадлежности, большинству пришлось по душе идея «обновленного» нагайбакского обряда. Таким образом, благодаря персональной и групповой стратегии, этничность нагайбаков-бакалов сегодня выглядит «не рудиментом традиции, а постоянно генерируемым явлением»⁶⁰.

Заключение

При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность, которая, однако, была подвержена влиянию со стороны. Северная группа, не испытывавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, сегодня считается формально православной. У чебаркульских нагайбаков наблюдается повышение интереса к своей этничности и культуре, что вызвано, в числе прочего, успехами соплеменников – жителей Нагайбакского района. Пережив несколько смен идентичности в своей этноистории, северная группа и сегодня находится в состоянии этнического дрейфа.

ЛИТЕРАТУРА

- Альметев, Ф. 1911: Этнографическая заметка «Нагайбак». *ОЕВ* 49, 1097–1099.
- Аминов, Р.Р. 2015: Формирование и расширение поселенческой структуры Оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья* 25, 6–33.
- Атнагулов, И.Р. 2015: Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2015: Траектория этничности нагайбаков. *Вестник Челябинского государственного университета* 24 (379), 17–24.
- Белоруссова, С.Ю. 2016: Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу. *Уральский исторический вестник* 2 (15), 98–104.
- Головнев, А. В. 2011: Этничность и идентичность на Урале. *Уральский исторический вестник* 2 (31), 40–49.
- Елькович, Я.Р. (ред.) 1933: Бишкильский район. *Уральская советская энциклопедия*. Свердловск–Москва.
- Кобзов, В.С. 1992: Новая линия. *Вестник Челябинского университета* 1 (3), 12–26.
- Кортунов, А.И. 2013: Особенности заселения новых районов Оренбургского казачьего войска и результаты мероприятий по увеличению контингента оренбургского казачества в 40-х гг. XIX в. *Вестник Башкирского университета* 18, 1, 264–267.
- Круковский, М.А. 1909: *Южный Урал. Путевые очерки*. М.
- Лепехин, И.И. 1802: *Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году*. Ч. 2. СПб.
- Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год, 1909: *ОЕВ* 48, 402–410.
- Полное собрание законов Российской империи, 1844: Собр. 2. Т. XVIII. Отд. 1. 16811. СПб.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.

⁶⁰ Головнев 2011, 40.

Тимофеев, В.Т. 1890: Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии. *ОЕВ* 6. 201–204.

Чернавский, Н.М. 1900: *Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем*. Оренбург.

REFERENCES

- Al'metev, F. 1911: Etnograficheskaya zametka «Nagaybak». *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 49, 1097–1099.
- Aminov, R.R. 2015: Formirovanie i rasshirenie poselencheskoy struktury Orenburgskikh tatar-kazakov v kantonnyy period (1798–1840). *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* 25, 6–33.
- Atnagulov, I.R. 2015: Identichnosti nagaybakov: genezis, struktura, dinamika. Magnitogorsk.
- Belorussova, S.Yu. 2015: Traektoriya etnichnosti nagaybakov. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 24 (379), 17–24.
- Belorussova, S.Yu. 2016: Etnofotograficheskoe puteshestvie Mihaila Krukovskogo po Yuzhnomu Uralu. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2 (15), 98–104.
- Chernavskiy N.M. 1900: *Orenburgskaya eparhiya v proshlom eye i nastoyashchem*. Orenburg.
- El'kovich, Ya.R. (red.) 1933: Bishkil'skiy rayon. *Ural'skaya sovetskaya enciklopediya*. Sverdlovsk–Moscow.
- Golovnev, A.V. 2011: Etnichnost' i identichnost' na Urale. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2 (31), 40–49.
- Kobzov, V.S. 1992: Novaya liniya. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* 1 (3), 12–26.
- Kortunov, A.I. 2013: Osobennosti zaseleniya novykh rayonov Orenburgskogo kazach'ego voyska i rezul'taty meropriyatiy po uvelicheniyu kontingenta orenburgskogo kazachestva v 40-h gg. XIX v. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 18, 1, 264–267.
- Krukovskiy, M.A. 1909: *Yuzhnyy Ural. Putevye ocherki*. Moscow.
- Lepyeihin, I.I. 1802: Prodolzhenie Dnevnykh zapisok puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepyehina po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu. Ch. 2. Saint-Petersburg.
- Otchet o deyatel'nosti Orenburgskogo eparhial'nogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1908 god, 1909: *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 48, 402–410.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, 1844: *Sobr. 2. T. XVIII. Otd. 1. 16811*. Saint-Petersburg.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karty*. Orenburg.
- Timofeev, V.T. 1890: Missionerskoe puteshestvie po inorodcheskim prihodam Orenburgskoy eparhii. *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 6, 201–204.

NAGAYBAKS-BAKALS: CHAPTERS OF ETHNO-HISTORY

Svetlana Yu. Belorussova

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia,
svetlana-90@yandex.ru*

Abstract. During 1842–1843 Nagaybak Cossacks with their families were resettled into three districts of the Orenburg province, and formed three different groups, each of them had its own way. The Northern group of Nagaybak Cossacks of 500 people settled in Troitsk District in

---

Verhneuvelskaya (Varlamovo), Klyuchevskiy-2 (Lyagushino), Popovo, Bolotovo and Krasnokamenka villages. During this relocation Nagaybaks represented an ethnic community, which, however, was influenced by the Russian population. The Northern group was not subjected to the significant influence of the missionaries of both religions. Nowadays it is formally considered orthodox: the population demonstrates an indifferent attitude towards religion and rituals both Muslim and Orthodox.

Nagaybaks of this group named themselves «Bakals» after the name of Bakalinskaya village, where they had come from. In the course of time different ways Bakals named themselves took place including «Nagaybaks», «Kryashens», «Russian», «Chermyshs» and others. Frequent changes and renovation of self-awareness and self-designation resulted in the fact that today many people can't safely say about their ethnicity. The Northern Nagaybaks demonstrate the increasing interest to their ethnicity and culture, which is caused by, among other things, the compatriots' success of Nagaybak District. Due to the personal and group strategy, the ethnicity of the Northern group today is relevant and dynamic. Having gone through several changes of their identity, today the Northern group is in a state of ethnic drift.

Key words: Nagaibaks, Bakals, the northern group, self-name, Russians, Cossacks, Orthodox, missionaries, drift of ethnicity

---

МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ НАЦИЕЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

А.Б. Панченко

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
alexeypank@rambler.ru

Аннотация. В современной науке в качестве одной из классификаций используется деление наций на гражданские и этнические. Считается, что первые формировались в Западной Европе, а вторые – в Центральной и Восточной. Также говорится о двух типах национализма – гражданском, при котором упор делается на принадлежность к одному государству, и этническом, где определяющую роль играет культурно-языковая близость. В России дискурс о нации вступил в активную фазу на рубеже XVIII–XIX вв., причем в нем изначально присутствовали обе парадигмы. В статье выделяются группы акторов этого дискурса, описываются их позиции по вопросу о природе нации, определяются точки пересечения между двумя парадигмами. Основными группами являлись литературные кружки Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова, для которых ключевым вопросом было направление развития русского литературного языка; реформаторы, приближенные к Александру I и участники движения декабристов, для которых более значимым был вопрос гражданских прав и свобод. Особняком стоит фигура С.С. Уварова, который подвел итог первому этапу дискурса о нации, введя в оборот формулу «православие, самодержавие, народность». Важнейшими источниками российского дискурса о нации стали идеи германского литературного течения «Буря и натиск», а также представления о гражданских правах и свободах, порожденные Французской революцией. Поскольку участники российского дискурса были знакомы как с германской, так и французской общественной мыслью, то стали возможны пересечения, вызванные попытками сочетать идеи гражданской и этнической нации.

Ключевые слова: гражданская нация, этническая нация, национализм, литературные кружки, декабристы, С.С. Уваров

Введение

Дискуссии, развернувшиеся после поручения президента РФ В.В. Путина разработать закон о российской нации, отчетливо показали существование в России двух принципиально разных подходов к пониманию термина «нация». Первый из них опирается на традиции советской этнографии, в рамках него нация трактуется как тип этноса, характерного для развитого классового общества (на-

---

Панченко Алексей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета.

чина с эпохи капитализма). В рамках второго подхода, который распространен в западной науке, под нацией понимается общность граждан одного государства. Из научной сферы обе эти трактовки перешли в общественно-политический дискурс, порой сосуществуя в рамках одного и того же текста. В этой связи особый интерес представляет обращение к истокам отечественных дискуссий о природе нации, первым проектам нациестроительства, в которых проявились оба ныне существующих подхода.

В современной науке широко распространенной является точка зрения, что для Западной Европы характерно конструирование гражданских наций, тогда как для Центральной и Восточной Европы, а также стран Востока – этнических¹. Как указывает К. Калхун: «В первом случае национальная идентичность считается чем-то, что возникает вследствие законного членства в сложившемся политическом государстве; членство в нации определяется прежде всего политической идентичностью граждан. В последнем случае национальная идентичность определяется на основе неких культурных или этнических критериев, отличных от политического гражданства и, возможно, предшествующих ему»². О том же писал и Х. Кон: «Национализм на Западе возник в связи с попыткой построения нации в условиях современной политической реальности; он не придавал особенного значения сантиментам по отношению к прошлому. Националисты в Центральной и Восточной Европе часто использовали мифы прошлого и мечты о будущем для создания идеала отчизны, тесно связанного с прошлым, лишенного всякой непосредственной связи с настоящим»³. В качестве классического примера гражданской нации называются французы, этнической – немцы. При этом в обоих случаях речь идет о том, что национальные государства складываются как, в основном, моноэтнические или, по крайней мере, на основе близкородственных этнических субстратов.

Однако при изучении национальных проектов в Российской империи необходимо учитывать несколько принципиальных особенностей, которые не позволяют однозначно классифицировать их как гражданские или этнические. Во-первых, если в Европе конструирование нации происходило исключительно в метрополии, не затрагивая колонии на других континентах, то в России, поскольку на официальном уровне постулировалось отсутствие колоний, этот процесс касался всей империи. Из этого вытекает вторая особенность – очень пестрый этнический состав, причем русские не составляли подавляющего большинства. Третий принципиальный момент заключается в том, что представители элиты, участвовавшие в дискурсе о нации, по большей части получили образование на основе французской культуры, но при значительном влиянии классической немецкой философии и литературы. Это привело к тому, что в Российской империи возникло несколько различающихся национальных проектов, но существующих в рамках одного дискурса.

А.И. Миллер указывает, что до Французской революции понятие «нация» в Российской империи использовалось в двух значениях: как синоним суверенного государства и как обозначение дворянской корпорации, которая легитимизирует

¹ Калхун 2006, 176–186; Смит 2000, 86–94.

² Калхун 2006, 180.

³ Кон 2001, 445.

власть монарха⁴. Позже произошло «вторичное» заимствование из контекста революционной Франции, теперь под нацией понималась надсословная общность, наделенная суверенитетом и правом политического представительства, с ней неразрывно связывалось представление о конституции и реформах⁵. Однако незамеченным оставался тот факт, что практически в это же время формировался принципиально иной взгляд на природу нации, лучше всего отраженный в «Речах к немецкой нации» И.Г. Фихте, прочитанных в Берлине в 1807–1808 гг.

С точки зрения И.Г. Фихте, основным признаком нации является единство, основанное на сохранении и развитии живого языка. В этом случае язык является отражением национального духа, основой национальной культуры и предпосылкой для создания национального государства⁶. В силу этого важнейшим средством развития нации является создание системы образования, которая была бы способна транслировать это языковое единство как на образованные слои, так и на народ (под которым И.Г. Фихте понимал непривилегированные сословия). При этом, хотя в лекциях И.Г. Фихте и говорилось только о немецкой нации, эти положения могли быть экстраполированы на любую другую. После того, как в 1809 г. эти лекции были напечатаны, они стали достоянием читающей публики, в том числе и российских дворян, получавших образование или служащих в посольствах в германских княжествах. Более того, в Российской империи идеи И.Г. Фихте попали на благодатную почву, поскольку именно в это время начали разворачиваться дискуссии о русском (или российском) литературном языке.

Литературный и политический дискурс о нации 1810–1820-х гг.

Это проявилось в формировании двух направлений литературно-языкового дискурса, которые условно можно обозначить как «панславянское» и «национальное». Первое было представлено известным поэтом Г.Р. Державиным, президентом Российской академии А.С. Шишковым, писателем-драматургом С.А. Ширинским-Шихматовым, переводчиком и поэтом Н.И. Гнедичем, писателем И.А. Крыловым и другими. Представителями второго направления были историк и литератор Н.М. Карамзин, поэты В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, В.Л. Пушкин, дипломат и будущий попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров и ряд других. Свое организационное оформление в виде небольших кружков эти течения получили несколько позже: в 1811 г. прошло первое заседание «Беседы любителей русского слова», а в 1815 г. – «Арзамасского общества безвестных людей». Сходясь во мнении, что литература и язык есть проявления и средства формирования национального самосознания («Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел»⁷), эти направления спорили о том, что должно стать основой русского литературного языка – старославянский, обеспечивающий возможность общеславянского единства, или же новый, основанный на упрощении стиля и калькировании слов из европейских языков (в первую очередь французского).

⁴ Миллер 2012, 8–14.

⁵ Миллер 2012, 14–17.

⁶ Фихте 2009, 108–128.

⁷ Шишков 2011б, 44.

Параллельно с литературно-языковым разворачивался и «гражданский» дискурс о нации, инициированный планами Александра I по модернизации империи. Эти попытки начались с первых лет его правления и традиционно связывались с именем М.М. Сперанского, который подготовил ряд проектов для кардинальных преобразований в империи. Хотя М.М. Сперанский не использовал понятие «нация», но неоднократно оперировал конструктом «гражданственности» в различных вариантах: граждане государства, гражданские права, гражданские обязанности и даже сограждане – как наиболее близкое к французскому пониманию нации. Говорил М.М. Сперанский и о народном духе, трактуя его вполне во франко-американской традиции – как «общее мнение»: «внутреннее убеждение большей части людей, в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или от долговременной привычки, или от предубеждения, или от постоянного действия климата, правительства и законов»⁸. Не призывая прямо к копированию западноевропейского опыта, он, тем не менее, предлагал именно те преобразования, которые должны были привести к созданию гражданской нации по образцу французской, английской или американской.

Важным фактором выработки общего подхода к конструированию единой нации могла стать начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоном (которая позже получила название Отечественной). Однако она показала только то, что среди элит нет реальной готовности к созданию гражданской нации, а для формирования этнической существует слишком большой культурный разрыв между сословиями. Приоритет сословной идентичности над национальной четко проявился, в частности, в двух манифестах, написанных А.С. Шишковым и подписанных Александром I. В первом из них, обращенном к жителям Москвы, только один раз говорилось о «российском воинстве», а собственно призыв защищать Россию был обращен не к русским или россиянам, а к сословиям: «да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь»⁹.

Во втором манифесте, обращенном уже ко всему населению России, также один раз упоминался «народ Русский, храбрый потомок храбрых Славян», причем под народом в данном случае понимались исключительно «неблагородные сословия». Сам же призыв гласил: «Да встретит он [неприятель – А.П.] в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина»¹⁰. Правда, дальше отмечалось, что для победы над врагом все три сословия должны объединиться и действовать вместе, правда исключительно под предводительством дворян.

Единственным исключением стал текст, написанный А.С. Шишковым после занятия Москвы Наполеоном: о сословных различиях не упоминалось ни разу, зато встречались такие обороты, как «великий народ российский», «Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать» и «Верный народ Твой [Бога – А.П.]»¹¹. Связано это было, скорее всего, с серьезностью самого события – впервые за последние двести лет древняя столица оказалась в руках неприятеля. Но уже по-

⁸ Сперанский 1961, 77.

⁹ Шишков 2011а, 62.

¹⁰ Шишков 2011а, 63.

¹¹ Шишков 2011а, 68–70.

сле отступления французов из Москвы в тексты вновь возвращаются сословия: «Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил! Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны»¹². И вновь понятие «русский народ» прилагалось исключительно к низшим сословиям. Соответственно, образ войны как «народной» или «национальной» в дискурсе власти отсутствовал.

Одним из итогов войны стала дискредитация идеи гражданской нации (как приведшей к власти Наполеона – «Аттилу девятнадцатого века») в глазах Александра I, что привело к вытеснению этого направления дискурса из публичной сферы. Однако начинаются попытки создать проект такого государственного строя, в котором будет сочетаться сохранение сословных различий и единая гражданская общность (например, проект Уставной грамоты Н.Н. Новосильцова, где упоминались такие понятия, как «российский народ» и «российские подданные» и вместе с ними «дворянские собрания» и «гражданские общества»).

Первой попыткой осмыслить значение войны для России стал манифест «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу за оказанные в продолжении войны подвиги» (от 1 января 1816 г.)¹³. В этом сочинении (последнем написанном А.С. Шишковым для Александра I) понятие «народ» в том или ином виде упоминалось 22 раза. По большей части это относилось к народам Европы, французскому народу (понимаемому и как простонародье, и как нация в целом). Применительно к России этот термин упоминался трижды, причем один раз в очень любопытном контексте – как «Российское Христолюбивое воинство и народ», один раз говорилось и «Россияне, любезные Наши верноподданные». По всей видимости, это первая попытка в послевоенную эпоху подчеркнуть существование единства всех сословий России как россиян, которые в равной мере являются верноподданными, что и считается главным признаком российской нации.

В то же время в рамках литературно-языкового дискурса противоречия между «Беседой» и «Арзамасом», обострившиеся к середине 1810-х гг. к середине 1820-х постепенно сошли на нет, а бывшие непримиримые критики начали признавать заслуги друг друга в становлении русского литературного языка. Благодаря «арзамасцу» П.А. Вяземскому в русский язык вошло одно из важнейших понятий этнонационального дискурса – «народность». В 1819 г. он начал использовать слово «народность» в качестве перевода французского «nationalité». В сочинении 1824 г. «Разговор между Издателем и Классиком» П.А. Вяземским этот термин понимался как некоторая характеристика народа, отличающая его от других, которую можно только прочувствовать¹⁴. Интересно, что перевод понятия был осуществлен по тем правилам, которых придерживался А.С. Шишков – не «национальность», а именно «народность».

В условиях отказа от либеральных преобразований «гражданский» дискурс о нации оказался вынесен в непубличную сферу, где получил развитие в среде

¹² Шишков 2011а, 78–79.

¹³ ПСЗ 1830, 424–429.

¹⁴ Вяземский 1996, 153.

будущих участников декабрьского восстания¹⁵. При всей ориентации на дискурсивные практики Франции, США и Великобритании в нем проявилось несколько любопытных моментов, часто прямо противоречащих идее гражданской нации, порожденных спецификой структуры населения Российской империи. Так, в проекте Конституции Н.М. Муравьева говорилось о том, что народ русский – это все население страны и именно народ является источником всей власти в государстве¹⁶. Однако при этом не каждый русский является Гражданином России, так же, как не каждый Гражданин является русским¹⁷. Права гражданства могли приобретаться и утрачиваться, что резко противоречило идее нации как гражданской общности. Кроме того, гражданских прав были лишены все кочевые народы, проживающие в империи¹⁸. Таким образом, этот проект фактически подразумевал существование двух пересекающихся, но не совпадающих общностей – политической (граждане) и этнической (русские), а также третьей общности – кочевой, которая существовала полностью автономно от двух других.

В проекте «Русской правды» П.И. Пестеля¹⁹ говорилось о разделении населения любого государства (под которым понималась одна из форм гражданского общества) на две группы: Правительство («повелевающие») и Народ («повинующиеся»)²⁰. В трактовке П.И. Пестеля понятия «народ» и «гражданское общество» – тождественные: «Народ есть совокупность всех тех Людей, которые, принадлежа к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество, имеющее целью своего существования возможное Благоденствие Всех и каждого»²¹. Особый интерес представляет то, что в документе, пожалуй, впервые в истории отечественной политико-правовой мысли вводилось такое понятие, как «Право Народности»²², под которым подразумевалось то, что позже получит формулировку «право наций на самоопределение». Однако данное право распространялось только на этнические меньшинства в полиэтничных государствах, тогда как для титульного этноса подразумевалось наличие «Прав Благоудобства» – стремления максимально расширить свои границы и укрепиться за счет более малочисленных народов²³. При этом «Право Народности» применяется только в том случае, если малый народ сам способен создать свое государство и сохранять его независимость от соседей. В противном случае для таких народов за благо долж-

¹⁵ При этом среди декабристов были распространены самые разные подходы к определению понятия «нация». Например, К.П. Торсон в духе XVIII в. понимал под ней государство в целом (Торсон 1995). Для К.Н. Батюшкова было присуще этнокультурное понимание нации, для которой важнейшим признаком является развитый литературный язык (Батюшков 1977, 36). Очень часто декабристами использовался термин «национальность», под которым, как правило, понималось то же, что и «народность» в трактовке П.А. Вяземского. Использование именно такого варианта, по видимому, было вызвано тем, что декабристы гораздо лучше владели французским языком, нежели русским.

¹⁶ Муравьев 2010, 303.

¹⁷ Муравьев 2010, 303–304.

¹⁸ Муравьев 2010, 307.

¹⁹ П.И. Пестель в ряде случаев также использовал термин «нация» в значении «государство» (Пестель 1951).

²⁰ Пестель 2010, 324.

²¹ Пестель 2010, 327.

²² В этом тексте народность понималась в духе П.А. Вяземского, а не как синоним термина «народ».

²³ Пестель 2010, 334.

но считаться войти в состав другого государства и ассимилироваться: «А посему лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующего Народа, составляя с ним только один Народ и переставая бесполезно мечтать о Деле Невозможном и Несбыточном»²⁴.

Применительно к Российской империи говорилось, что «Правом Народности» могут воспользоваться только поляки, поскольку они были единственными, у кого прежде существовало независимое государство. Все остальные инородческие окраины: «Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Крым, Грузия, Весь Кавказ, Земли Киргизов, все Народы Сибирские и разные Другие племена, внутри Государства обитающие»²⁵ – никогда подлинной независимостью не обладали, а потому должны быть ассимилированы. Более того, для реализации «Права Благоудобства» необходимо присоединить к России такие территории, как «1) Молдавия. 2) Те Земли Горских Кавказских Народов, России не Подвластных, которые лежат к Северу от Границ с Персиею и Турцию, а в том числе и Западную приморскую часть Кавказа, Турции ныне принадлежащую. 3) Земли Киргиз Кайсакских орд, кочующих к северу от хребта гор, идущего от Бухтарминской крепости прямо к Аральскому морю. И 4) часть Монголии, так, чтобы все течение Амура, начиная от озера Далай, принадлежало России»²⁶.

Вообще теме народов, проживающих в Российской империи, в «Русской правде» П.И. Пестеля уделялось очень большое внимание. Руководитель Южного тайного общества был одним из первых, кто выделил этническую структуру населения России, составив классификацию на основе нескольких критериев: язык, религия, гражданское состояние, тип хозяйства, уровень развития и т.д. Все население им было разделено на три больших категории: «Коренной Народ Русский», присоединенные к России племена и иностранцы, проживающие в России. Каждая из этих категорий делилась на несколько более мелких. Так, русские делились на россиян, малороссиян, украинцев, руснаков и белоруссов, различающихся только по территории проживания и существующему ныне способу управления ими.

Присоединенные к России племена были поделены на десять групп: Племя Финское; Племя Латышское; Племя Молдавское; Колонисты, в России поселенные; Народы Кочующие; Племя Татарское; Народы Кавказские; Казаки; Восточные Народы Сибирские; Народ Еврейский. Здесь уже действовало больше критериев – помимо этногенетического родства и территории проживания, в ряде случаев учитывался образ жизни, тип ведения хозяйства, язык, религия и т.д. Для каждой из групп П.И. Пестелем предлагались свои стратегии русификации и ассимиляции, основанные на особенностях этих народов.

Иностранцы были разделены на две группы: подданные и неподданные, в зависимости от их юридического статуса по отношению к государству. Подданные должны быть ассимилированы, либо отказаться от подданства. Вторая категория

²⁴ Пестель 2010, 334.

²⁵ Пестель 2010, 335.

²⁶ Пестель 2010, 338.

иностранцев была лишена политических и гражданских прав, получить которые они могли, только приняв подданство и согласившись на ассимиляцию.

Фактически проект П.И. Пестеля был первым, подразумевавшим конструирование моноэтничного национального государства из полиэтничной империи. Особенности различных народов, проживавших в России, должны были учитываться только в момент выбора средств и методов ассимиляции, после этого их ожидало исчезновение. Во многом это предвосхитило русификаторскую политику Александра III и напоминало западноевропейский путь строительства гражданских наций.

Оба декабристских проекта отличало конструктивистское отношение к проблеме нации. Они игнорировали такие понятия, как «идентичность» и «самосознание», считая, что возможно создание новых общностей людей исключительно законодательными и административными мерами. В отличие от участников литературно-национального дискурса, декабристов не интересовали культурные, языковые, психологические характеристики народов Российской империи, в том числе и русских. Хотя П.И. Пестель и использовал понятие «народность», но только для того, чтобы определить, должен ли тот или иной народ подвергаться ассимиляции или нет. Поражение восстания 14 декабря 1825 года на долгие годы исключило вопросы гражданской или политической нации из публичной сферы.

Проект С.С. Уварова

В то же время как для правительства, так и для ряда интеллектуалов была очевидна необходимость в создании некой альтернативы политическому национализму. И если в основной части Российской империи он представлял только потенциальную опасность (которая после неудачи декабристов стала еще менее вероятной), то в Царстве Польском был вполне реальным, что и проявилось в ходе польского восстания 1830–1831 гг. Хотя Польское Патриотическое общество и пыталось установить контакты с декабристскими организациями (а декабристы планировали дать независимость Польше), переговоры не привели к каким-либо результатам, выступление декабристов поляками было проигнорировано, а поводом для восстания послужили революции во Франции и Бельгии.

Именно польское восстание, а не война 1812 года сыграло значительную роль в зарождении российского национального самосознания. Большая часть образованного общества поддержала действия правительства по подавлению выступления поляков, причем во многом это было из-за великопольских амбиций его руководителей, планировавших восстановить Речь Посполитую, включив в свой состав малороссийские и белорусские губернии. Последовавшая за польским восстанием реакция европейского общества дополнительно вызвала всплеск патриотизма. Стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» стало выражением этого подъема. В то же время значительная часть русского общества не отказывала полякам в праве на национальное самоопределение, речь шла о том, что вопросы Польши и России являются внутренними и не подлежат суду европейцев. Однако было понятно, что здоровое национальное чувство не может быть построено только на конфронтации с другими народами, требовалась какая-то позитивная повестка, выраженная в понятной всем формуле.

Именно в таком контексте С.С. Уваровым была подана Николаю I записка «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», в которой впервые прозвучала формула «Православие, Самодержавие, Народность». Многие исследователи, занимавшиеся толкованием этой триады, часто упускали из виду то, что она не была абсолютным новшеством. Еще в 1825 г. один из предшественников С.С. Уварова на посту министра Народного просвещения и противник по вопросу о русском языке А.С. Шишков упоминал в письме А.А. Аракчееву формулу «Церковь, Престол и Отечество»²⁷ (в свою очередь она вытекала из военного лозунга XVIII в. «За Веру, Царя и Отечество!»). А то, что перевод понятия «nationalité» был осуществлен именно по принципам А.С. Шишкова, говорит о необходимости искать определение этого понятия в предшествующих дискурсах.

Неопределенность триады (как и любого элемента государственной идеологии) допускала различные толкования понятий, ее составляющих. Например, лидер евразийства Н.С. Трубецкой утверждал, что «вся эта формула свободно могла быть заменена одним только словом “самодержавие”», поскольку народность – это «соединение самодержавия с православием»²⁸. В то же время современный историк А.Л. Зорин отметил, что «два первых члена триады выступают в качестве своего рода атрибутов национального бытия и национальной истории и оказываются укорены в третьем – пресловутой народности»²⁹. А.И. Миллер говорит об утилитарном характере триады и, в частности, ее последнего члена: «в конечном счете, и народность в представлении Уварова утилитарна. Чтобы понять, что Уваров думает на этот счет, надо исходить из предположения, что для него главная ценность – это империя, и народность – это функциональный элемент, который, с его точки зрения, теперь нужен, чтобы империю удержать»³⁰.

В отличие от «nationalité», имевшего устойчивые политические характеристики (гражданственность, конституционализм, либерализм), «народность» несла исключительно культурно-языковое значение. Более того, если нация обозначала все население страны как сообщество равноправных граждан, то под народом в Российской империи в большинстве случаев понимались низшие сословия, в первую очередь – русские крестьяне. Соответственно, понятие «народность» в данном случае могло обозначать условный набор качеств, присущих русскому крестьянству, – набожность, верность престолу, патриотизм и т.д. В то же время в триаде в качестве самостоятельных членов присутствовали и православие, и самодержавие, что свидетельствует об их самоценности. Это давало возможность наполнить понятие народности несколько иным содержанием, включив в него язык, традиции, мироощущение – все то, что в современной науке обозначается термином «этничность».

Можно рассматривать «триаду» С.С. Уварова не просто как попытку примирить два дискурса о нации – политико-правовой и культурно-языковой – но как создание нового национального проекта. Если «самодержавие» – это альтернатива «гражданственности», а «народность» – развитие идеи этнической нации,

²⁷ Шишков 1869, 88.

²⁸ Трубецкой 2007, 485.

²⁹ Зорин 2004, 362.

³⁰ Миллер 2007.

то «православие» в этой формуле выступало как связующее звено между ними и одновременно как идеология, на основе которой можно строить единую нацию в условиях полиэтничной империи. Самодержавие можно считать «унифицирующим» компонентом формулы С.С. Уварова (все население России – подданные императора, в противовес «гражданам» при демократическом устройстве). Народность – это «дифференцирующий» компонент, подразумевающий за каждым из народов империи право сохранить свои уникальные черты. Православие же оказывается «синтезирующим» элементом, некоей идеологией, позволяющей сформировать единую картину мира и систему ценностей у всего населения империи без полной русификации.

Заключение

Таким образом, уваровская «триада» должна была стать инструментом конструирования российской нации, которая не является ни гражданской, ни этнической, но включает в себя некоторые принципы и той, и другой. Православие должно было послужить в качестве скрепы, соединяющей элементы унификации и дифференциации. Именно в эпоху правления Николая I организуется большая часть духовных миссий в Сибири: Алтайская (1828 г.), Обдорская (1832 г.), Кондинская (1844 г.), Туруханская (1850 г.). Их задача – распространение православия среди инородцев и старообрядцев. Именно С.С. Уваров подводит итог первому этапу дискуссий о принципах создания российской нации, пытаясь примирить гражданскую и этническую концепции. В условиях сохранения крепостного права и сословного деления, но понимания необходимости модернизации империи, иной национальный проект был вряд ли возможен. В дальнейшем дискурс о нации продолжился в эпоху Великих реформ, но уваровская «триада» активно использовалась на протяжении всего имперского периода. Опыт реализации этого национального проекта должен быть учтен и при разработке анонсированного закона о российской нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюшков, К.Н. 1977: Вечер у Кантемира. В кн.: И.М. Семенко (ред.), *Опыты в стихах и прозе*. М., 34–51.
- Вяземский, П.А. 1996: Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»>. В кн.: В.Э. Вацуро, С.А. Фомичев (ред.), *Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827*. СПб., 152–156.
- Зорин, А.Л. 2004: *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в.* М.
- Калхун, К. 2006: *Национализм*. М.
- Кон, Х. 2001: Идея национализма. *Ab Imperio* 3, 419–450.
- Миллер, А.И. 2007: *Триада графа Уварова*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>
- Миллер, А.И. 2012: История понятия «нация» в России. В сб.: А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле (ред.), *«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода*. Т. II. М., 7–49.

- Муравьев, Н.М. 2010: Конституционный проект Н.М. Муравьева. В кн.: А.Н. Медушевский (авт.-сост.), *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века*. М., 302–322.
- Пестель, П.И. 1951: Практические начала политической экономии. В кн.: И.Я. Щипанов (ред.), *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*. Т. II. М., 11–72.
- Пестель, П.И. 2010: «Русская правда» (Конституционный проект П.И. Пестеля). В кн.: А.Н. Медушевский (авт.-сост.), *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века*. М., 323–399.
- ПСЗ 1830: *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года*. Собрание II. Т. XXXIII. СПб.
- Смит, Э. 2000: Образование наций. В кн.: А.А. Прусаускас (авт.-сост.), *Этнос и политика: Хрестоматия*. М., 86–94.
- Сперанский, М.М. 1961: О силе общего мнения. В кн.: С.Н. Валк (ред.), *Проекты и записки*. М.–Л., 77–83.
- Торсон, К.П. 1995: Взгляд на изобретение и распространение машин. В кн.: П.В. Волобуев (ред.), *Естественнонаучное наследие декабристов*. Г.С. Батеньков, Н.А. Бестужев, М.А. Бестужев, К.П. Торсон. М., 306–316.
- Трубецкой, Н.С. 2007: Мы и другие. В кн.: Е. Басова (ред.), *Наследие Чингисхана*. М., 480–497.
- Фихте, И.Г. 2009: *Речи к немецкой нации*. СПб.
- Шишков, А.С. 1869: *Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова*. М.
- Шишков, А.С. 2011а: Краткие записки, веденные в бытность с французами в 1812 и последующих годах войны. В кн.: О.А. Платонов (ред.), *Огонь любви к Отечеству*. М., 47–205.
- Шишков, А.С. 2011б: Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в беседе любителей русского слова. В кн.: О.А. Платонов (ред.), *Огонь любви к Отечеству*. М., 23–46.

REFERENCES

- Batyushkov, K.N. 1977: Vecher u Kantemira. In: I.M. Semenko (red.), *Opyty v stihah i proze*. Moscow, 34–51.
- Calhun, K. 2006: *Natsionalizm*. Moscow.
- Fichte, I.G. 2009: *Rechi k nemetskoj natsii*. Saint-Petersburg.
- Kon, H. 2001: Ideya natsionalizma. *Ab Imperio* 3, 419–450.
- Miller, A.I. 2007: *Triada grafa Uvarova*, <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>
- Miller, A.I. 2012: Istoriya ponyatiya «natsiya» v Rossii. In: A. Miller, D. Sdvizhkov, I. Shirle (red.), *«Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda*. Т. II. Moscow, 7–49.
- Murav'ev, N.M. 2010: Konstitutsionnyy proekt N.M. Murav'eva. In: A.N. Medushevskiy (avt.-sost.), *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 302–322.
- Pestel', P.I. 1951: Prakticheskie nachala politicheskoy ekonomii. In: I.Ya. Shchipanov (red.), *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov*. Т. II. Moscow, 11–72.
- Pestel', P.I. 2010: «Russkaya pravda» (Konstitutsionnyy proekt P.I. Pestelya). In: A.N. Medushevskiy (avt.-sost.), *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 323–399.
- PSZ 1830: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*. Sobranie II. Т. XXXIII. Saint-Petersburg.

- Shishkov, A.S. 1869: *Zapiski admirala Aleksandra Semenovicha Shishkova*. Moscow.
- Shishkov, A.S. 2011a: Kratkie zapiski, vedennye v byvshuyu s frantsuzami v 1812 i posleduyushchih godah voynu. In: O.A. Platonov (red.), *Ogon' lyubvi k Otechestvu*. Moscow, 47–205.
- Shishkov, A.S. 2011b: Rassuzhdenie o lyubvi k Otechestvu, chitannoe v 1812 godu v besede lyubitely russkogo slova. In: O.A. Platonov (red.) *Ogon' lyubvi k Otechestvu*. Moscow, 23–46.
- Smit, A. 2000: Obrazovanie natsii. In: A.A. Prazauskas (avt.-sost.), *Etnos i politika: Hrestomatiya*. Moscow, 86–94.
- Speranskiy, M.M. 1961: O sile obshchego mneniya. In: S.N. Valk (red.), *Proekty i zapiski*. Moscow–Leningrad, 77–83.
- Torson, K.P. 1995: Vzglyad na izobretenie i rasprostranenie mashin. In: P.V. Volobuev (red.), *Estestvennonauchnoe nasledie dekabristov. G.S. Baten'kov, H.A. Bestuzhev, M.A. Bestuzhev, K.P. Torson*. Moscow, 306–316.
- Trubetskoy, N.S. 2007: My i drugie. V kn.: E. Basova (red.), *Nasledie Chingishana*. Moscow, 480–497.
- Vyazemskiy, P.A. 1996: Razgovor mezhdu Izdatelem i Klassikom s Vyborgskoy storony ili s Vasil'evskogo ostrova: Vmesto predisloviya <k «Bahchisarayskomu fontanu»>. In: V.E. Vatsuro, S.A. Fomichev (red.), *Pushkin v prizhiznennoy kritike, 1820–1827*. Saint-Petersburg, 152–156.
- Zorin, A.L. 2004: *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX v.* Moscow.

BETWEEN CIVIL AND ETHNIC NATION: NATIONAL PROJECTS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

Alexey B. Panchenko

Surgut State Pedagogical University, Russia,
alexeypank@rambler.ru

Abstract. In modern science the division of nations into civil and ethnic is used as one of the classifications. It is considered that the first ones were formed in the Western Europe, and the others – in the Central and Eastern Europe. It is also said about two types of nationalism – the civil one: the emphasis is made on belonging to one state, and in the ethnic nationalism a defining role is played by cultural-language propinquity. In Russia the discourse about the nation entered an active phase at the turn of 18th and 19th centuries, and there were both paradigms initially. In the article actors' groups of this discourse are allocated, their views of the nation's nature are described; points of intersection between two paradigms are defined. The main groups were N.M. Karamzin's and A.S. Shishkov's literary societies for which the direction of the Russian literary language development was a key question; as well as the reformers close to Alexander I and the participants of Decembrists movement considering the question of the civil law and freedom was more significant. S.S. Uvarov's personality must be viewed separately as he summed up the first stage of the discourse about nation, having introduced the formula «orthodoxy, autocracy, nationality». The major sources of the Russian discourse about the nation became the ideas of the German literary movement «Storm and impulse», as well as concepts about civil law and liberty, generated by the French revolution. As participants of the Russian discourse were familiar both with German and French public ideas, the intersections caused by the attempts to combine the ideas of the civil and ethnic nation became possible.

Key words: the civil nation, the ethnic nation, nationalism, literary societies, Decembrists, S.S. Uvarov

«НАРСПИ» К.В. ИВАНОВА: ТРАДИЦИИ ЧУВАШЕЙ НА СТРАНИЦАХ ПОЭМЫ

В.В. Медведев

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
vlad.etno@mail.ru*

Аннотация. Произведение К.В. Иванова «Нарспи» представляет собой художественный, но достаточно достоверный этнографический источник о жизни чувашской деревни конца XIX – начала XX в. Поэму неоднократно перепечатавали. В фондах «Государственного архива печати Чувашской Республики» находится 31 переиздание произведения, 9 из которых опубликованы на чувашском языке в Москве, Чебоксарах и Казани в 1919, 1930, 1935, 1947, 1959, 1967, 1976, 1993 и 1994 гг. 2078 строк, собранные в 14 главах, создают рассказ о чувашской культуре и традициях. Обратившись к различным аспектам жизни чувашей, особенностям ведения хозяйства или народным представлениям, встречаем их красочные примеры и оригинальные описания. Исследователи неоднократно обращались и обращаются в настоящее время к этому произведению, раскрывая новые стилевые конструкции, акцентируя внимание на актуальных на сегодняшний день сюжетах, но рассматривая поэму только с литературной позиции, а текст «Нарспи» изобилует материалами этнографического и фольклорного характера. В свою очередь, рассмотрим доместицированное пространство, созданное сельским миром. Впервые будут проанализированы поселения, жилища, хозяйственные постройки и объекты, совместно использовавшиеся односельчанами, упоминаемые в поэме. Статья затрагивает структуру поселения и его уличное планирование, комплекс усадьбы с жилыми и надворными постройками, внутреннюю организацию домашнего пространства. Слог автора, повествуя о взаимоотношениях Нарспи и Сетнэра, чувашской общины в целом, позволяет читателю погрузиться в деревенскую жизнь прошлых столетий благодаря многочисленным этнографическим зарисовкам, дополняющим содержание поэмы.

Ключевые слова: «Нарспи», поэма, этнография, чуваша, традиции

Введение

Мир чувашской деревни, ее пространство, занимаемое и доместицированное жителями, неоднократно являлись объектами изучения и описания исследователей. Безусловно, стоит указать издания Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, В.К. Магнитского, Н.В. Никольского, В.А. Сбоева и др. Публикации, содержащие исторические и этнографические материалы, создают перед читателями образы чувашских поселений, подчеркивая их единство и одновременно своеобразие.

Медведев Владислав Валентинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования социально-гуманитарного факультета Сургутского государственного педагогического университета.

Рис. 1. Жительницы с. Слакбаш (БАССР, Белебеевский кантон, с. Слакбаш, 1929 г.)
Фото П.А. Петрова-Туринге. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

В одном ряду с научными изданиями находится литературное произведение «Нарспи», созданное К.В. Ивановым и представляющее собой источник по этнографии и фольклору чувашей. Неслучайно П.П. Хузангай охарактеризовал поэму как «национальное чудо, вершинный блеск дореволюционной чувашской культуры»¹.

«Нарспи» – уже неотъемлемая часть классических произведений отечественной и мировой литературы. Об этом свидетельствуют переводы поэмы и ее прочтение на чувашском, татарском, башкирском, марийском, мордовском, удмуртском, якутском, венгерском, русском, украинском, болгарском, немецком, французском, английском, итальянском, азербайджанском, а также турецком языках.

Родиной автора «Нарспи» является д. Слакбаш / *Слакпуç* Белебеевского уезда Уфимской губернии. По одной из версий, поселение возникло в XVIII в. Основали его чувашаи на арендованных башкирских землях. Согласно иному предположению, происхождение связано с чувашами, переселившимися уже в 1618 г. из с. Тупах Чебоксарского уезда Казанской губернии. Следующая группа чувашей прибыла в 1730–1770 гг. На рубеже XIX–XX столетий «Уфимские епархиальные

¹ Советская Чувашия 10.12.1967.

ведомости» сообщают, что «в двадцати пяти верстах от уездного города Белебея находится село Слакбаш, населенное исключительно чувашами, в котором числятся 210 дворов-домохозяев с жителями 613 человек мужского пола и 587 человек женского пола»² (рис. 1).

Будущий поэт с момента рождения был связан с миром чувашской деревни, точнее сказать, являлся частью этого пространства, созданного односельчанами. Повседневные наблюдения автора и знания в области культуры и фольклора чувашей отразились в его произведениях. Созданию «Нарспи» предшествовали записи вербальных текстов молитв, знахарских заговоров, а также сбор, систематизация сведений по истории семьи и издание родословного древа³.

Центральным произведением в творчестве К.В. Иванова является «Нарспи», появившееся на рубеже 1907–1908 гг. Название поэмы – имя главной героини. Первая публикация была осуществлена в издании «Сказки и предания чуваш» / «*Чăваш халлапĕсем*» в 1908 г. в Симбирске. Это антология чувашской литературы, подготовленная к печати И.Я. Яковлевым к 40-летию Симбирской чувашской школы. Поэма, по словам автора, представляет собой стихотворное предание, услышанное и записанное в родном селе. Исследователи, занимающиеся изучением произведения, определяли его как стихотворную повесть, поэму, лиро-эпическую поэму, поэму, содержащую переходное состояние от эпоса к лирике и драме, трагедию, поэму-предание и лирическую поэму.

На страницах статьи рассмотрим публикацию «Нарспи» 1937 г., осуществленную государственным издательством «Художественная литература». Поэма представлена на русском языке, а «вольный перевод с чувашского», как извещает читателя надпись на титульной странице, выполнен Андреем Трофимовичем Петуховым / *Андреем Петтоки*. Он – автор первой версии поэмы на русском языке, отражающей оригинальное изложение. Именно данный вариант текста опубликовали самостоятельной книгой⁴. По мнению автора статьи, такой перевод и издание поэмы являются наиболее этнографическими, воссоздающими даже при поверхностном прочтении текста образ поселения чувашей рубежа XIX–XX столетий. Вполне закономерно, что «Нарспи» называют «энциклопедией жизни чувашской деревни»⁵.

В настоящее время одной из немногих работ, адресованных этнографическому и фольклорному наследию чувашей в поэме К.В. Иванова, является публикация И.Г. Петрова⁶. Исследователь обращает внимание на особенности расположения чувашского поселения, комплексов одежды (женских и мужских, повседневных и праздничных), календарных обрядов и свадебного торжества. Мировоззренческие взгляды, представления народа также были отражены автором статьи. Например, приведен анализ повествования о предсказании деревенским знахарем будущего при помощи монеты, с описанием соответствующего наряда и магических действий.

² Иванов 2005, 631–632.

³ Петров 2011, 182.

⁴ Иванов 1937.

⁵ Петров 2011, 182.

⁶ Петров 2011.

Каждая глава поэмы содержит этнографические сюжеты и изображения жизни чувашей. Достаточно красноречивы названия глав: «Вечер в сымэк», «После сымэк» (*симэк* «родовой праздник по символическому угощению предков»), «Туй», «Два туя» (*туй* «свадьба»), «У йомзи» (*юмăç* «знахарь»). На первых же страницах произведения читатель знакомится с чувашской деревней:

Ял [деревня – В.М.] Сильби богат и славен,
Как хоромы, встали избы,
Пьют прохладу старых ветел.
Новой ивовой оградой
Он затейливо охвачен.
Семь ворот – твердынь из дуба –
На семи концах деревни...

Вдоль широких улиц яла
Тесом крытые строенья
Густо зеленую одеты –
Будто стены крепостные
Всех их спрятали от глаза.
Желтизной сосновых досок
Блещут новые ворота
И узорчатой резьбою
Взор прохожих привлекают⁷.

Строки К.В. Иванова показывают организацию традиционного чувашского поселения, подмечая наличие полевой изгороди. *Укăлча* – «околица», «полевая ограда» состояла, как правило, из прясла из жердей *вёрлĕк карта*, опоясывающих населенный пункт. Она защищала будущий урожай и одновременно символизировала границу domesticiрованного пространства и внешнего мира. Пересечение полевой изгороди приравнивалось к прощанию с родными местами и началу нового пути. Околица была немыслима без полевых ворот и движения через *ял хапхи*, *уй хапхи*, *укăлча хапхи* в деревню. Наглядно проиллюстрировано это ожиданием свадебного поезда, *пуса каччисем* («свиты жениха») жителями Сильби у полевых ворот и въездом Тохтамана.

Чувашские поселения описанного в произведении периода повсеместно имели уличную планировку, но были верны и традиции, т.е. сохраняли участки леса либо искусственно засаживались деревьями и кустарниками. Сказано и об использовании дерева как преобладающего материала для строительства. Первая глава характеризует особенности ландшафта, необходимые при возникновении и последующем развитии крупного поселения, которые учитывались чувашами при основании деревни. Сильби – населенный пункт, имеющий приречное расположение, окруженный лесным массивом и обширными угодьями для возделывания зерновых культур и выпаса домашнего скота. Последующее хранение и обмолот снопов проводили на гумнах, расположенных на окраине деревни и наполненных

⁷ Иванов 1937, 6–7.

Рис. 2. Деревенский родник (БАССР, Белебеевский р-н, с. Слакбаш, 1962 г.).
Из собраний Р.М. Шляпкина (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево)

«старым хлебом, залежалостью пропахшим»⁸. Слог автора подчеркивает хозяйственное отношение и благосостояние чувашских семей, не молотивших ранее собранные хлеба, а державших их в снопах на гумнах.

Основные события поэмы происходят в крупных чувашских поселениях – Сильби / *Сильпи* («Сильби», «В Сильби») и Кош-Елге / *Хушйлька* («В Хушылге»). Содержание «Нарспи» изобилует сведениями о структуре деревни и ее подразделении на *кас* «концы» и *урам* «улицы». Термином *кас* чуваша одновременно обозначали «деревню», «улицы», «околотки». Большой населенный пункт разделялся на *Анат кас* «Нижний конец», *Вайта кас* «Средний конец» и *Тури (Ту) кас* «Верхний конец». Например, в произведении неоднократно упоминаются *Анат кас* и *Тури (Ту) кас*, а усадьба Михедэра располагается именно в *Тури касе*. Общим деревням свойственны широкие улицы. Отмечена и такая черта, как численность дворов.

Традиционными объектами поселений являлись источники воды, в том числе служившие местом встречи и беседы односельчан, а также деревенские кладбища. С колодцем К.В. Иванов соотносит места свиданий Нарспи и Сетнэра (рис. 2).

⁸ Иванов 1937, 6.

О кладбище неоднократно упоминается в тексте: это символические проводы предков по завершению обряда *калӑм* «весеннее поминание усопших», дароприношение душам умерших при выезде свадебного поезда из Сильби в Кош-Елгу, похороны Сетнэра и родителей Нарспи. Справедливо отмечен автором запрет на захоронение самоубийц в границах кладбища и иное отношение к ним, поэтому сельчане прощаются с Нарспи в том локусе, где ее обнаружили:

Труп несчастной тут же сняли,
Схоронили на пригорке
И вокруг могилы свежей
Из орешника сырого
Свили крепкую ограду⁹.

Единое расположение жилища и хозяйственных построек в непосредственной близости друг от друга на определенном участке составляло замкнутое пространство – *карташ*, *картиш*, *кил картиш*, *кил-сурт*, *кил хушиш*, *пӳрт-сурт*, *сурт* («двор»). Это соответствует татарскому (и в целом тюркским языкам) произношению *йорт*, что в прошлом употреблялось в значении «дом с постройками», «усадьба, двор», «стан», а в литературном прочтении равнозначно смыслом «страна», «государство», «владение»¹⁰.

Дворы у чувашей были достаточно просторными. Например, 10 покрытых кожей *кӳме* («свадебных кибиток») и 43 повозки с гостями въезжают «в тохтаманов двор широкий через новые ворота»¹¹. Накануне свадьбы Михедэр во дворе устанавливает скамьи и столы, создавая П-образный *шилӑк* для проведения свадебных торжеств перед этим локусом.

Въезд в усадьбу со стороны улицы был возможен через ворота, соотносившиеся со своеобразным лицом двора. Поэтому накануне свадьбы Тохтаман во дворе устанавливает новые ворота, в которые «без конца въезжают гости». Широкие ворота с коваными створками, ведущие к Михедэру во двор, принадлежали к типу *вырӑсла хапха* («русские ворота») с тесовым двускатным перекрытием¹². Возведение подобных ворот являлось привилегией зажиточных домохозяев в противопоставление бедным семьям, устанавливавшим их из жердей и прясла – *вӑрлӑк хапха*, *сил хапха*.

Двор составляли хозяйственные постройки, необходимые для поддержания жизнедеятельности. Это – лачуга, в которую летним днем уходит семья, хлев для комфортного содержания домашнего скота, баня, где домочадцы дают отдых своему телу после трудовых будней, погреб для хранения овощей и других продуктов в прохладном режиме. В произведении отмечено и еще одно предназначение погреба – как места для брожения *сӑра* («домашнего пива»). Автор перечисляет лачугу, клеть, конюшню, хлев, а также баню (рис. 3).

Архаичная постройка *лаç* («лачуга») названа тихой и чистой. *Лаç* – ранняя форма жилища, представлявшая постройку без потолка и окон, с дымовым

⁹ Иванов 1937, 136.

¹⁰ Надырова 2010, 22.

¹¹ Иванов 1937, 79–80.

¹² Иванов 1937, 44, 69, 79–80.

Рис. 3. Мунча «баня» (БАССР, Белебеевский кантон, с. Слакбаш, 1929 г.)
Фото П.А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

отверстием в крыше и примитивным очагом в центре. Со временем она перенимает функцию летней кухни. Клеть, служившая для сна в теплое время года и для хранения зерновых, бытовых предметов, одежды, упомянута в своем обрядовом назначении – проведение брачной ночи молодоженами. Именно здесь закрывают Тохтамана и Нарспи. В.А. Сбоев писал, что при нахождении молодых наедине, свахи «поют и поют около клетки, где положены новобрачные»¹³.

Центральное место среди домашних построек, естественно, занимало жилище. На страницах поэмы возникают два образа дома – маленькие избы бедных семей и просторные жилища зажиточных домохозяев на примере Михедэра и Тохтамана. Мы встречаем противопоставление двух видов жилищ, бытовавших в чувашских деревнях в годы жизни К.В. Иванова, – традиционные *хура нурт* («курные избы») и поздние *шуря нурт* («белые избы») с печью, снабженной дымоходом с трубой. Стена избы с дверным проемом имела пристроенные к ней сени, через которые входили в дом. В тексте сказано об объектах, составлявших жилище, – дверь, порог, земляной и тесовый пол, углы, окна, печь, предметы интерьера.

Достаточно красноречиво представлена изба знахаря со скромным убранством:

¹³ Сбоев 1856, 37–38.

В черной старенькой избушке,
На широкой низкой лавке...

Не светло в избушке ветхой
От окна в одну зарубку.
Только в дверь вбегают солнце
И по полу земляному,
Словно кот, крадется к деду¹⁴.

Внутреннее пространство жилого дома имело деление на сектора, связанные с углами с соответствующими названиями. От печи по диагонали располагался *кёреке* («передний угол») или *тур кётесси* («божий угол»). *Тёпел* – передняя половина жилища, *тёпел кукри*, *камака умё* – «пространство перед печью». Если его отделяла перегородка, то называли *чайлан* либо *пўлём*. На входе находился *алёк кукри* («дверной угол»).

Важным ориентиром в организации территории дома считают *кёреке* («передний угол»). Чести стать участником застолья в переднем углу удостаивались главные гости торжеств. Здесь пируют старожилы в доме Михедэра, в этом же углу Тохтаман в окружении родных ожидает гостей из Сильби:

Старики в углу почетном
Пьют ковшами пиво с медом...

А в углу переднем, красном
Гости важностью побольше
Угощаются особо¹⁵.

Домашняя мебель также не обделена авторским вниманием. Сказано о широкой лавке, стульях, столах из белой липы и дуба. Упомянут и *чаршав* («занавес»), за которым находится Нарспи перед встречей с женихом. Ожидание невесты за занавесом в *тёпеле* и исполнение напева *хёр йёрри* («плач невесты»), символизировавшего прощание с родными и отчим домом, было традицией чувашей.

Произведение завершает этнографическое наблюдение, связанное с обрядом *сумёр чу́к* («иницирование дождя»). Чуваша-односельчанин во время засухи обливали водой могилу покончившей с собой Нарспи, поскольку считали, что умершие недоброй смертью покойные не давали поселению дождя¹⁶. Аналогично поступали мари́йцы, кряшены и другие народы Урало-Поволжья:

И поныне в славном яле
О Нарспи – несчастной деве
Вспоминают поселяне.
И всегда, как суховеи
Не дают дождям пролиться

¹⁴ Иванов 1937, 49.

¹⁵ Иванов 1937, 44, 46, 78.

¹⁶ Салмин 2007, 71.

На сухую землю, люди
На унылую могилу
У долины Конопляной
Щедры льют с молитвой воду¹⁷.

Заключение

«Нарспи», безусловно, является произведением, насыщенным сюжетами этнографического содержания, отразившими традиционную культуру чувашской деревни рубежа XIX–XX столетий. Естественно, не только образы поселения и жилища воспроизведены автором, поэма имеет многочисленные описания календарных обрядов, свадебных торжеств и иных действий. Гармоничное сочетание сюжетной линии с судьбой героев, совместно с этнографическими зарисовками позволили К.В. Иванову в полной мере воплотить свой творческий замысел.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов, В.П. 2005: *Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности. Историко-этнографическое исследование*: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары.
- Иванов, К.В. 1937: *Нарспи*. М.
- Надырова, Х.Г. 2010: Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии. *Известия КазГАСУ* 2 (14), 20–31.
- Петров, И.Г. 2011: Этнография и фольклор чувашского народа в поэме К.В. Иванова «Нарспи». В сб.: *Николаевские чтения-2011: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., посвящ. академику В.В. Николаеву*. Стерлитамак, 182–185.
- Салмин, А.К. 2007: *Система религии чувашей*. СПб.
- Сбоев, В.А. 1856: *Исследования об инородцах Казанской губернии*. Казань.

REFERENCES

- Ivanov, K.V. 1937: *Narspi*. Moscow.
- Ivanov, V.P. 2005: *Rasselenie i chislennost' chuvashei v Rossii: istoricheskaya dinamika i regional'nye osobennosti. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie*: dis. ... d-ra ist. nauk. Cheboksary.
- Nadyrova, H.G. 2010: Hazaro-bolgarskie traditsii v gradostroitel'stve Volzhsko-Kamskoi Bulgarii. *Izvestiya KazGASU* 2 (14), 20–31.
- Petrov, I.G. 2011: Etnografiya i fol'klor chuvashskogo naroda v poeme K.V. Ivanova «Narspi». In: *Nikolaevskie chteniya-2011: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. akademiku V.V. Nikolaevu*. Sterlitamak, 182–185.
- Salmin, A.K. 2007: *Sistema religii chuvashey*. Saint-Petersburg.
- Sboev, V.A. 1856: *Issledovaniya ob inorodtsah Kazanskoy gubernii*. Kazan.

¹⁷ Иванов 1937, 137–138.

Vladislav V. Medvedev

*Surgut State Pedagogical University, Russia,
vlad.etno@mail.ru*

Abstract. The work of K.V. Ivanov «Narspi» is an artistic, but sufficiently reliable ethnographic source about the life of Chuvash village of the late 19th – early 20th century. The poem has been reprinted many times. There are 31 copies of this work reissue in the funds of the « Chuvash Republic State archive of print», 9 of which were published in the Chuvash language in Moscow, Cheboksary and Kazan in 1919, 1930, 1935, 1947, 1959, 1967, 1976, 1993 and 1994. 2078 lines, collected in 14 chapters, create a story about the Chuvash culture and traditions. Referring to the various aspects of the life of the Chuvash, the peculiarities of farming or national representations, colorful examples and original descriptions are met. Researchers have repeatedly addressed and still address to this work, revealing new stylistic constructs, focusing attention on actual stories of today, but considering the poem only in terms of literature, but the text «Narspi» is filled with materials of ethnographic and folklore character as well. The author of the article for his part considers domesticated space created by the rural world. For the first time settlements, houses, farm buildings and objects, shared by villagers, referred in the poem will be analyzed. The article mentions the structure of settlement and its street plan, the estate complex with residential and farm buildings, the internal organization of domestic space. The author's style, narrating about Narspi and Setnera's relationship and the Chuvash community as a whole, allows the reader to immerse himself in the village life of past centuries, thanks to the numerous ethnographic sketches, filling the content of the poem.

Key words: «Narspi», poem, ethnography, Chuvash, traditions

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ Н.Н. ДИКОВА¹

Л.Н. Хаховская

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан,
hahovskaya@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрено значение этнографической проблематики в научном творчестве крупного российского археолога Н.Н. Дикова. Автор показывает, что ключевое место в его исследованиях занимало видение исторических явлений как этногенетических и этнических процессов. Археологические стоянки, открываемые на Крайнем Северо-Востоке, он рассматривал в этнических координатах, считая такую привязку обязательным элементом исторического прочтения археологических древностей. Созданная Диковым этногенетическая модель отражала два основных теоретических постулата: автохтонизм и миграционизм. Автохтонизм заключался в убеждении, что современные («этнографические») народы данной территории имеют здесь исторические корни, которые можно проследить на археологическом материале. Миграционистская установка говорила о том, что наиболее древний археологический материал должен быть связан с предками этносов, заселивших Америку. Важное влияние на исследовательскую перспективу Н.Н. Дикова оказала заостренность на проблеме заселения Америки. Природа этноориентированной эпистемы ученого вытекала из схематической реконструкции, в основе которой лежали этапы заселения Американского континента. В годы перестройки Н.Н. Диков разработал этническую периодизацию истории человечества, которая представляет собой развитие классической теории общественно-экономических формаций. Диков выделил семь типов этносов, каждому из которых присуща определенная соотношенность формы и содержания. Далее, в этнических процессах он определил эволюционные и революционные отрезки, которые также связаны с мутационными толчками (по Л. Гумилеву). В завершении он связал этническую периодизацию и типологию этнических структур с историческими периодами, в том числе археологическими. Данная концепция Дикова представляет собой пример тотальной истории, сводящей общественные различия к единой форме и указывающей на генеральный путь развития.

Ключевые слова: Н.Н. Диков, Крайний Северо-Восток, археологические культуры, этническая интерпретация, этноориентированный дискурс, этническая периодизация

Хаховская Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00061a «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

Введение

Николай Николаевич Диков (1925–1996) является крупным российским археологом, основоположником изучения древностей Крайнего Северо-Востока России. Долгие годы он вел масштабные археологические исследования, во многом определившие теоретические и методологические пути развития этой дисциплины в регионе. Влияние личности и научного авторитета Дикова сказалось и на других отраслях исторического знания, поскольку их затрагивали организационные, институциональные и концептуальные следствия, вытекавшие из научно-исследовательской программы² ученого.

Судьбе и научной биографии Н.Н. Дикова посвящена обширная литература, изучена его роль как организатора, координатора и методолога гуманитарных исследований, проанализированы и подтверждены или подвергнуты ревизии некоторые положения его археологической теории³. В данной статье⁴ я коснусь более общих проблем научного наследия Н.Н. Дикова и покажу, что ключевое место в его исследованиях занимало видение исторических явлений как этногенетических и этнических процессов, то есть его научные взгляды развивались в русле этнографической проблематики, или, другими словами, этнографической парадигмы. Воздействие этой парадигмы определяло и до настоящего времени в значительной мере определяет научный климат в региональном историческом знании.

Концептуальная установка: этнический ракурс. Следует отметить, что исследование исторического прошлого в рамках прослеживания траекторий развития определенных народов на определенных территориях в советской гуманитарной науке воспринималось как естественный формат историописания. Особенно характерен такой формат для отдаленных, окраинных местностей государства. Неудивительно поэтому, что данная установка получила буквальное воплощение в структуре вновь создаваемой в северо-восточном регионе научной инстанции: в качестве обоснования целесообразности учреждения в г. Магадане комплексного института звучал такой аргумент, как необходимость «изучения истории, литературы и языка малых народностей Северо-Востока»⁵. В 1960 г. в составе СВКНИИ был образован соответствующий отдел (впоследствии лаборатория), призванный «разрабатывать теоретические проблемы развития литературы и языка, а также истории малых народов Северо-Востока»⁶. Возглавил отдел Николай Николаевич Диков.

Но научные интересы Дикова существенно скорректировали первоначальный план: литературное и языковедческое направления не получили развития, а в центре внимания оказались исторические дисциплины, приоритет которых становится понятен из окончательно оформившегося названия руководимого им подразделения: «лаборатория археологии, истории и этнографии». Тематические планы

² Понятие научно-исследовательская программа употребляется в философском смысле, как совокупность теорий, связанных общностью основополагающих идей и принципов (Лакатос 1995).

³ Кирьяк 2000; Конь, Понкратова 2016; Лебединцев 2001; Горячев и др. 2005; Goebel et al. 2003.

⁴ Приношу глубокую благодарность И.Е. Воробью за помощь при подготовке статьи.

⁵ Постановление Президиума АН СССР от 4 марта 1960 г. № 164 о создании в г. Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ), вошедшего в Сибирское отделение АН СССР, в настоящее время Дальневосточное отделение РАН (ДВО РАН).

⁶ НА СВКНИИ ДВО РАН. Д. 1325. Л. 49. План научно-исследовательских работ на 1961–1965 гг.

отразили принимаемую в отношении истории Северо-Востока периодизацию, согласно которой вычленялись три периода: 1) с древности до присоединения к Российскому государству; 2) с эпохи землепроходцев до 1917 г.; 3) от революций 1917 г. по настоящее время⁷. Внутри лаборатории «сферы влияния» исторических дисциплин распределились по этим периодам со строгой структурной четкостью: древностями занялась археология, досоветский период достался истории, а советская эпоха – истории и этнографии.

Из сформулированных в то время восьми научно-исследовательских тем явную этнографическую адресацию имели две: «Эвены. Общественный строй, хозяйство, быт, материальная культура, искусство и религия» и «Памятники культуры морских охотников Северо-Востока – предков эскимосов и береговых чукчей». Неявная, но прослеживаемая этногенетическая и этнографическая установка содержалась и в остальных темах, особенно двух, составивших раздел археологии. Обе эти темы («Время и пути первоначального заселения Северо-Востока СССР в связи с вопросом о происхождении верхнепалеолитического населения Северной Америки» и «Древние культуры континентальных областей Северо-Востока СССР») оставались актуальными на протяжении всей научной деятельности Дикова и, как я покажу ниже, разрабатывались преимущественно в ключе поиска прародины автохтонных этносов.

Наиболее выпукло этноориентированная эпистемологическая установка ученого выражена в его программной статье «О задачах исторических исследований на Севере Дальнего Востока СССР»⁸. Статья представляет собой, по сути, проект будущих региональных исторических исследований, отправной точкой обоснования которого стал историографический анализ. По мнению Дикова, на тот момент историография истории Северо-Востока исчерпывалась этнографическим дискурсом: «этнография надолго стала основным направлением исторического изучения народов этой далекой окраины России»⁹. Выдвинутый тезис подчеркивал то обстоятельство, что для исторической дисциплины, и, в особенности, для археологии данная область познания оставалась белым пятном. Организации в СВКНИИ гуманитарной лаборатории Диков придавал решающее значение в развитии региональной исторической науки, так как деятельность лаборатории призвана была этот разрыв ликвидировать.

Вместе с тем концептуальный подход Дикова обнаруживает преемственность с предшествующей историографией в части видения сути исторического процесса: изучение Северо-Востока Сибири в гуманитарном аспекте он приравнивал к изучению этногенеза и этнической истории коренных народов, связанных с этой территорией. В самом деле, такие фундаментальные основания позитивистской науки, как объект, методы, цель исследования задавали этнографическую рамку планируемых работ и способов представления научных результатов. И хотя Диков не формулировал эти узловые категории предельно строго, содержание текста говорит об их этническом наполнении. Так, объектом исследований он полагал «ма-

⁷ НА СВКНИИ ДВО РАН. Д. 203. Л. 9–10. Тематический план научно-исследовательских работ на 1963 г.

⁸ Диков 1967.

⁹ Диков 1967, 4.

лые народности Магаданской и Камчатской областей (чукчи, коряки, ительмены, керекы, алюторцы, эвены, юкагиры, чуванцы и алеуты)»¹⁰.

Основной методологический посыл при изучении истории региона, по Дикову, состоял в необходимости «осмысления всего исторического процесса, протекавшего на этой территории, начиная с эпохи формирования аборигенного населения, открытия края русскими землепроходцами в XVII в. и до периода коммунистического строительства»¹¹. Эта интеллектуальная работа должна была привести к следующему результату: «такой подход позволит исследователям раскрыть закономерности истории народов Севера, даст возможность показать тот грандиозный сдвиг, который произошел на Севере за годы Советской власти»¹². Исходя из такого общего видения, Диков ставит перед региональной археологией глобальную задачу изучать историческое прошлое на максимально возможную хронологическую глубину. При этом ископаемые древности он рассматривает через призму развития аборигенных этносов: «Многотысячелетняя история населения Чукотки, Камчатки и Охотского побережья вплоть до XVII в. может быть восстановлена лишь на основе археологических данных»¹³.

Всеобъемлющей прежде этнографии теперь определялась гораздо более узкая хронологическая и предметная область: этнографы были нацелены на изучение современных процессов («живая культура»), содержанием которых являлись этнокультурные сдвиги под влиянием социалистических преобразований: цель и смысл этих исследований звучали так: «Изучение опыта социалистического строительства [среди малых народностей]»; «Дальнейшее изучение и обобщение опыта некапиталистического пути развития малых народов Севера Дальнего Востока СССР»; «... цель [комплексных исследований] ... должна состоять в разработке проблем, связанных с особенностями перехода малых народов Сибири к коммунистическому строительству. Первоочередными среди них являются проблемы дальнейшего хозяйственно-культурного строительства у малых народов Дальнего Севера и совершенствования социально-экономических отношений, а также развития национальных отношений, сближения наций и народностей»¹⁴.

Историографическую лакуну, хронологически очерчивающую раннее этнографическое время (с середины XVII до начала XX вв.) Диков вначале намеревался восполнить силами историков, но эта попытка в целом не удалась¹⁵. Поэтому в коллективных монографиях лаборатории¹⁶ данный период осветил этнограф В.В. Леонтьев, который в своем научном пути совершил переход от проблематики социалистического строительства среди аборигенов Чукотки (первоначальная тема его научного исследования и кандидатской диссертации) к классическим сюжетам этнографии, неизбежно отсылавшим в предыдущие эпохи. Все же, осознавая незаполненность этнографического периода археологическими штудиями, Диков в 1980-х гг. предложил М.А. Кирьяк, которая до этого занималась архео-

¹⁰ Диков 1967, 6.

¹¹ Диков 1967, 5.

¹² Диков 1967, 5.

¹³ Диков 1967, 5.

¹⁴ Диков 1967, 6.

¹⁵ В 1961 г. эта область исследований была предложена С.П. Нефедовой-Кондо, но она вскоре переключилась на тему социалистического строительства среди народов Севера.

¹⁶ Диков 1974; Диков 1989а.

логией юкагиров, изучать позднюю русскую археологию, связанную с освоением Гижигинского побережья. Но исследовательница предпочла придерживаться прежней тематики. В итоге данный историографический пробел остается незакрытым до настоящего времени.

Итак, перед коллективом лаборатории была поставлена задача изучения прошлого региона. Эта задача была развернута в этнографо-этногенетической парадигме: события отдаленного прошлого реконструировались, а события недавнего прошлого интерпретировались сквозь призму развития аборигенных народов, проживающих на данных территориях. Такое видение исторического процесса было обусловлено рядом факторов организационно-методологического характера. Во-первых, имела место преемственность с предшествующей историографией, в которой была сильна именно эта традиция – изучение народов в рамках регионов. Наиболее значимым примером обсуждения исторических явлений в этнических координатах Диков считал программу знаменитой Джезуповской экспедиции, которая к тому же продемонстрировала четкое распределение народов по отдельным исследователям.

Во-вторых, заостренность на этнографию являлась эффективным способом актуализации проблемного поля вновь созданной лаборатории, поскольку изучение «малых народов» позиционировалось как наиболее важная дисциплинарная задача. Наконец, программа давала возможность координировать все отрасли исторического знания через единство обозначенного объекта исследования – аборигенные народы Магаданской и Камчатской областей. Этноориентированный ракурс видения гуманитарных проблем региона во многом определял структуру лаборатории, ее кадровый состав, круг разрабатываемых тем. Наибольшее же влияние он оказал на археологическое направление, которое в конечном счете «закрыло» собой почти все аборигенные народы. Спектр этнографических исследований был далеко не столь широк, а хронологические рамки ограничены современностью, новейшим временем.

Этническая интерпретация археологических культур. Реализация научно-исследовательской программы, сформулированной Н.Н. Диковым, повлекла за собой оформление научной работы в определенных интеллектуальных и институциональных рамках. Во-первых, основным методом стала «археологическая прикидка»: поиск исторических корней всех современных аборигенных народов в археологическом материале. Во-вторых, интерпретация ископаемых древностей и археологических культур осуществлялась в этнических координатах, шло выстраивание этногенетических цепочек и линий глубиной до палеолита. В-третьих, научно-организационный формат конкретных исследований строился по принципу «один исследователь – один народ». В-четвертых, для обоснования этнических «привязок» ископаемого материала широко привлекались этнографические факты и явления. Как следствие, практикующие археологи Северо-Востока были достаточно сведущи в классической позитивистской этнографической теории, использовали соответствующую литературу.

Согласно Н.Н. Дикову, стоящая перед дисциплиной задача – это «идентификация информационных сигналов из глубин археологического прошлого»¹⁷. Судя

¹⁷ Диков 1993, 147.

по его научным трудам, эпистемологическая природа такой идентификации укоренена именно в этногенетическом подходе и этнографической интерпретации. Археологические стоянки, открываемые в регионе, он рассматривал в этнической «привязке», и, по-видимому, считал такую привязку обязательным элементом исторического прочтения археологических древностей. Влияние этнографической парадигмы прослеживается уже в первых чукотских исследованиях Дикова второй половины 1950-х гг., когда, занимаясь поздними культурами, он сопоставлял вещественные комплексы, свойственные предкам азиатских и американских эскимосов, определял этническое «лицо» внутриконтинентальных стоянок как проточукотских.

Дальнейшее воздействие на исследовательскую перспективу Н.Н. Дикова оказала научная тематика, на которой он сосредоточился, работая в СВКНИИ, а именно заостренность на проблеме заселения Америки. Исследователь подчеркивал ключевую роль Крайнего Северо-Востока как места формирования предков коренных американцев, поскольку «Берингийский перекресток – не отсталый культурно-исторический тупик планеты, а совсем наоборот – открытый, весьма оживленный путь из одного континента в другой»¹⁸. В этом свете этнически трактуемое археологическое прошлое региона представало как недостающий элемент межконтинентальной этногенетической цепочки, и такой угол зрения диктовал этнографический ракурс рассмотрения и соответствующие этнономенклатурные рамки. Будет правильным полагать, что природа этноориентированной эпистемы Н.Н. Дикова вытекала из схематической реконструкции, в основе которой лежали этапы заселения Американского континента. По сути, это была шкала порядка, а не шкала хронологических интервалов, хотя с виду и представала последней.

С точки зрения этногенетических воззрений и построений, научное творчество Н.Н. Дикова с достаточной степенью условности можно разделить на два этапа. Первый этап содержательно начался изучением поздних культур на Чукотке и завершился построением глобальной этногенетической картины прочтения археологического материала. Хронологические рамки этого этапа – со второй половины 1950-х гг. (начало работы Дикова на Чукотке) до 1972 г., когда ученый защитил докторскую диссертацию, в которой теоретически обобщил и осмыслил древнюю историю региона. Этногенетическая модель, созданная Диковым в этот период, отражала два основных теоретических постулата: автохтонизм и миграционизм. Автохтонизм заключался в убеждении, что современные («этнографические») народы данной территории имеют здесь исторические корни, которые можно проследить на археологическом материале. Миграционистская установка говорила о том, что наиболее древний археологический материал должен быть связан с предками этносов, заселивших Америку.

Решающим событием в конкретном воплощении взглядов Н.Н. Дикова стало открытие и исследование стоянки Ушки на Камчатке, содержащей семь хорошо стратифицированных культурных горизонтов, в каждом из которых обнаружены ископаемые артефакты. Носителей этих археологических культур ученый идентифицировал в качестве предков этнографически известных народов. И коль скоро речь шла о первоначальном заселении Америки, то в качестве таковых неизбежно

¹⁸ Диков 1993, 154.

выступили палеоиндейцы. Диков стремился найти на азиатском северо-востоке самый древний лагерь, откуда они шагнули на соседний континент. На эту роль он выдвинул наиболее древние (датируемые по абсолютному возрасту как палеолитические) слои ушковской стоянки, содержащие культуры с обликом существенно иным, нежели дюктай, предлагаемый другими исследователями в качестве американского культурного прародителя. Однако, несмотря на оперирование показателями абсолютных возрастов, в таком подходе доминировала стадияльная установка, а не собственно хронология, что в дальнейшем привело к подвижке в этнической диагностике этих археологических культур.

Теоретические установки и археологические открытия Дикова обусловили важное для региональной археологии эпистемологическое следствие: ушковская культурная последовательность в своем нижнем отделе была распространена на весь Крайний Северо-Восток и приобрела интерконтинентальное значение, тогда как более поздние культурные горизонты имели лишь локальный масштаб.

Второй этап в научной биографии Н.Н. Дикова ознаменовали чукотские исследования, когда он занялся поиском палеолита на Чукотке как следов древнего пути в Америку, а археологическое изучение «поздней» этногенетической проблематики передал в руки учеников и последователей (Т.М. Дикова, М.А. Кирьяк, А.И. Лебединцев, А.А. Орехов, А.К. Пономаренко, Т. С. Теин). Хронологически этот этап начался со второй половины 1970-х гг. По сравнению с предшествующим периодом происходит одно существенное изменение в концепции Дикова: открытие на Чукотке стоянки Путорака обусловило корректировку палеоэтнической шкалы. В результате в позднеушковской палеолитической культуре он стал видеть на-денеязычных палеоиндейцев, а предков эскимосов и алеутов стал представлять вновь открытый путоракский комплекс¹⁹ (табл. 1).

Таблица 1.

Идентификация Н.Н. Диковым палеолитических культур Крайнего Северо-Востока

Археологическая культура	Этническая интерпретация, согласно публикациям	
	1971 г. ²⁰	1993 г. ²¹
Раннеушковская верхнепалеолитическая (VII слой)	Палеоиндейцы	Палеоиндейцы
Позднеушковская верхнепалеолитическая (VI слой)	Протоэскоалеуты	На-денеязычные палеоиндейцы
Путоракская «палеолит-мезолитическая»	—	Протоэскоалеуты

В то же время детальная реконструкция этнокультурного облика рассматриваемых сообществ в работах Дикова отсутствует, и объясняется это тем, что для него этническая картина имела служебное, факультативное значение в качестве организатора археологического материала. В самом деле, комплектность и корреляцию этнических признаков древних и этнографических сообществ ученый не

¹⁹ Диков 1993, 161.

²⁰ Диков 1971.

²¹ Диков 1993.

прослеживал, хотя и выделил отдельные яркие черты в качестве трансмаркеров этничности: так, по Дикову, палеоиндейцев-ушковцев с коренными американцами связывают «вигвам» и «типично индейский ватпум», то есть конструкция жилища и способ украшения одежды²². Судя по всему, ученый не разделял скептицизм некоторых археологов относительно глубины разрешения историко-генетического метода. Согласно высказываемой ими точке зрения, правомерно говорить лишь о культурном облике древнего населения (насколько это позволяет вещественный материал и контекст его обнаружения), тогда как идентификация этих сообществ в этнических координатах является для археологии задачей неразрешимой.

Все же Н.Н. Диков, безусловно, видел эпистемологическую и методологическую ограниченность археологии в решении проблем этногенетического порядка, поэтому он стремился учитывать не только внутри-, но и внедисциплинарный научный дискурс. Практика согласования достижений различных гуманитарных наук с анализом наличного ископаемого материала являлась отличительной чертой его подхода, что, в свою очередь, имело следствием несколько «плавающую» точку зрения и определенные противоречия в высказываниях этнического характера²³. Наиболее же существенное заключается в том, что на археологическом материале ученый не затрагивал круг таких проблем, как сущность этнических процессов и содержание механизмов этнообразования. В результате в некоторый диссонанс входили основополагающие принципы его концепции, о которых речь шла выше, – автохтонизм и миграционизм. Так, не вполне ясны его мысли о том, каким способом наследуются этнические свойства, если на локальных территориях в одних случаях они демонстрируют преемственность и, соответственно, устойчивость этнических групп, а в других – прерывание и смену одного этноса другим.

Из текстов исследователя видно, что, с одной стороны, он признавал этническую непрерывность и устойчивость, позволившую ушковским протоиндейцам пронести свою «индейскость» (в чем бы она ни выражалась) сквозь время и расстояния на соседний континент. С другой стороны, он констатировал полную этническую стерильность и несмешанность между ранними и поздними палеолитическими ушковцами, которых хотя и разделяли тысячелетия, но место обитания их было одно и то же. Далее, по Дикову, если ушковским обитателям несвойственна сквозная этническая непрерывность, связанная с изначальным месторазвитием (мигрируя, они как бы унесли свою этничность, которая уже на новом месте сохранялась до этнографического времени), то для всех других автохтонных этносов Северо-Востока такая непрерывность и приуроченность к месту, напротив, чрезвычайно характерны, так как их «корни» уходят вглубь, по меньшей мере, до неолита.

Следует сказать, что в то время подобного рода коллизии не ставились и не решались и на этнографическом материале, поскольку в советской теории этноса общий тезис об устойчивости и длительном развитии этносов принимался априори, без проблематизации конкретных механизмов. Существовали и специфические региональные обстоятельства, о которых речь шла выше, а именно тематическая рецентность, закрепленная в научных планах нацеленность региональных

²² Диков 1993, 158.

²³ Хаховская 2014, 489, 490.

этнографов на изучение сегодняшнего дня. Однако в реальности произошел весьма интересный и симптоматичный сдвиг в научных интересах обоих этнографов (У.Г. Попова и В.В. Леонтьев), работавших в руководимой Н.Н. Диковым лаборатории. Оба исследователя вышли из предписанных хронологических рамок, поскольку фактический материал и внутренняя логика дисциплины «толкали» их назад, в прошлое.

Ульяна Григорьевна Попова (1918–1980) с 1965 г. вплотную занялась эвенской этнографией, до той поры слабоизученной. Изучая социалистическую современность, Попова, судя по всему, столкнулась с неудовлетворительным состоянием собственно этнографических источников, нехваткой конкретного материала. В поисках этого материала она едет к рассохинским эвенкам, которые в то время являлись своего рода этнографическим реликтом. На Рассохе еще можно было воочию увидеть те традиции, которые уже исчезли из жизни остальных эвенков, захваченных советским бытом и культурой. Именно на этнографическом материале рассохинцев Попова впоследствии решала такие внутридисциплинарные задачи, как реконструкция архаичной социальной организации эвенков, выделение типов традиционных хозяйств, исследование религиозных представлений, ритуалов и шаманских практик.

Владимир Вячеславович Леонтьев (1928–1988) от эволюционно-социалистической проблематики перешел к чисто этнографической теме, нейтральной по отношению к политическому строю и идеологии – культуре и фольклору кереков. Такой поворот был обусловлен личным познавательным интересом к керекам как к народу малоисследованному. На этом этапе своего научного творчества Леонтьев состоялся как «чистый» этнограф, проследивший генетические корни и культурный облик данной этнической группы. Он совершил три экспедиционные поездки к керекам (1972, 1973, 1975 гг.), причем в последней из них, совместно с археологом А.А. Ореховым, провел также исследование береговой черты от Анадырского лимана до поселка Хатырка.

Следует отметить, что это единственный пример полевых дисциплинарных взаимодействий этнографов и археологов на Северо-Востоке. Несмотря на этническую заостренность познания древности, в актуальных исследованиях лаборатории, руководимой Н.Н. Диковым, практическая интеграция этнографической и археологической дисциплин осуществилась лишь в этой попытке решить керекскую проблему путем изучения ископаемых остатков в местах их предполагаемого обитания. После ухода из жизни В.В. Леонтьева Диков не стал продолжать собственно этнографическую тематику, это направление было закрыто, что отразилось и в названии лаборатории – ее стали именовать «Лаборатория археологии и истории».

Этническая периодизация и типология. Возобновление интереса Н.Н. Дикова к этнологическим проблемам связано с политическими процессами в обществе, оживлением в период перестройки дискуссий о путях развития общества и интерпретации его истории. Отличаясь активной гражданской позицией, Диков деятельно включился в эти дискуссии, что привело к распространению ключевых моментов его стадийной теории на целый ряд новых дисциплинарных областей. Еще задолго до событий перестройки ученый разработал универсальную схему периодизации, основанную на оппозиционном характере протекания историче-

ского процесса: эволюционные периоды развития сменяются революционными. Происходит это тогда, когда форма определенного исторического явления перестает соответствовать его содержанию. Впервые Диков применил эту схему к осмыслению хода истории сквозь призму вещественного источника.

В археологическом дисциплинарном приложении форма – это материал, а содержание – технология обработки материала. В то время, когда развитие технологии обработки приводит к трудностям в использовании традиционного материала, происходит революционный сдвиг, и на смену прежним приходят новые материалы. Так, каменный век переходит в железный, а этот – последний, в свою очередь, – в век синтетических материалов²⁴. В целом эта концепция отражала господствовавшую в тот период в исторической науке марксистскую формационную теорию, основанную на применении философских категорий диалектики развития, единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество.

В дальнейшем областью приложения теоретико-философских периодизационных построений Н.Н. Дикова стали такие сферы, как история культуры, история советского общества, этническая история²⁵. Этнические проблемы в годы гласности и перестройки стали особенно актуальными в контексте текущей политической обстановки, изменения официальной идеологии и пересмотра теоретических оснований этнографии. И хотя в то время постмодернизм не захватил еще гуманитарные дисциплины в нашей стране, интеллектуальные подвижки уже начались. В частности, в сфере этнографии было признано, что практически единственным универсальным индикатором этноса является самосознание, признак субъективного плана. Другими словами, осязаемые, вещественные объекты в качестве надежных этнических признаков не работают, и с этим Диков, судя по его работе (1994), был согласен.

Этническая периодизация Н.Н. Дикова представляет собой развитие классической теории общественно-экономических формаций, так как осевым «стержнем», на который нанизываются все другие последовательности, является разделение истории человечества на сменяющие друг друга этапы общественного строя, которые сгруппированы несколько иначе, чем у классиков: родовой, первобытнообщинный, феодально-рабовладельческий, строй капитализма и социализма, постиндустриальный. Устоявшаяся в советской историографии этническая трехзвенная цепочка (племя – народность – нация) в теории Дикова также модифицируется: племя становится соплеменностью, народность распадается на два отдела (преднародность и народность), а нация – на четыре (пред-, предсупер-, супер- и просто нация)²⁶.

В итоге ученый выделяет 7 типов этносов, каждому из которых присуща определенная соотношенность формы и содержания, при этом формой является уровень развития языка и самосознания этнической общности, а содержанием характер социальных связей внутри нее. Применяя к этой схеме диалектический методологический принцип соответствия формы и содержания, в этнических процессах Диков вычленяет эволюционные и революционные отрезки, которые к тому же могут быть связаны с мутационными толчками (по Л.Н. Гумилеву). Нако-

²⁴ Диков 1976.

²⁵ Диков 1987; 1989; 1994.

²⁶ Диков 1994, 68.

нец, этническая периодизация и типология этнических структур получают строгую связь с историческими периодами (иначе говоря, формациями), в том числе выделяемыми средствами археологии (палеолит, мезолит, неолит)²⁷.

Данная концепция Дикова представляет собой пример тотальной истории, сводящей все общественные различия к единой форме и указывающей на единственный путь развития. Поэтому такого рода осмысление исторического процесса имеет существенные ограничения для дисциплинарных исследований. Уязвимость данной концептуальной схемы сразу же обнаруживается в том, что ископаемые артефакты, на которые опирается археология, вряд ли способны свидетельствовать о природе социальных связей и, тем более, о самосознании и языке. Отсутствие таких соответствий, по существу, подрывает доказательную базу этногенетических линий, протягиваемых из далекого прошлого. Вследствие этого этническая периодизация в версии, предложенной Н.Н. Диковым, теряет операциональность по отношению к ископаемому материалу, и, строго говоря, к археологическому времени неприменима.

Методологические и эпистемологические трудности неизбежны и в ходе применения данной периодизации к собственно этнической истории. Как и любая «большая» теория, концептуальная схема, описательно стройная и логически убедительная, по мере приближения к реальному этнографическому материалу теряет эвристический потенциал, ее объяснительная ценность уменьшается. Концептуализация здесь явно преобладает над эмпирикой, именно поэтому выявление закономерностей этнического развития человечества ограничено планетарным масштабом. Перенос же фокуса рассмотрения на более крупный, локальный уровень неизбежно размывает четко очерченные прежде границы, так что обнаружить качественные («революционные») скачки, зафиксировать их во времени и пространстве и уложить в данную классификационную сетку задача едва ли выполнимая.

Диков, несомненно, видел недостатки созданной им глобальной схемы, обусловленные стремлением избежать «эклективного смешения» различных принципов периодизации при учете разных аспектов исторического развития. Он полагал, что эта общая периодизация должна дополняться более дробными – локальными²⁸. Однако до настоящего времени попытки адаптировать данную теорию к конкретным археологическим, а также этнографическим источникам и событиям, насколько мне известно, не предпринимались. Взаимодействия, смешения и сдвиги, наблюдаемые в этнографическое время, показывают зыбкость строгих привязок этнических формирований как к набору этнических признаков, который призван их характеризовать, так и к различного рода линейным эволюционным рядам. Этнические явления слишком многогранны, принадлежат различным событийным рядам, поэтому их описание одним и тем же способом на одном и том же уровне значительно огрубляет и упрощает реальное положение дел.

Николай Николаевич Диков, судя по всему, осознавал переменчивый характер этнических процессов. Неслучайно в его оценке исторического развития, которой в целом присущи телеологизм и прогрессистский эволюционизм, одновременно прослеживается аксиологическая оппозиционность археологического и истори-

²⁷ Диков 1994, 68.

²⁸ Диков 1983, 117, 118.

ческого (оно же этнографическое) времени. Далекое прошлое региона он квалифицирует как упорядоченное, наделенное высшим смыслом («Великий учитель и Хранитель Мудрости»), а с середины XVII в., с приходом сюда русских землепроходцев, наступает время «историческое, суетное, раздробленное и переменчивое». Более того, «с тех пор в сознании коренного населения оба времени все более переплетаются, смешиваются и сосуществуют, что в конце концов приводит к пагубной двойственности мироощущения или даже к полной утрате духовной народной почвы»²⁹.

Таким образом, археологическая древность, по Дикову, является своеобразным «золотым веком» в истории человечества, после которого начинается деградация народной культуры. Эти взгляды ученого сочетались с признанием направленного характера эволюции, под которым в плане археологической дисциплины он понимал технико-технологическое совершенствование, а в плане общей истории универсальное движение по пути прогресса.

Заключение

Исследования Николая Николаевича Дикова составили целую эпоху в региональной исторической дисциплине. Это была яркая эпоха, отмеченная археологическими открытиями мирового уровня, разработкой глобальных исторических концепций, обширными теоретическими обобщениями. Особый исследовательский интерес Дикова к проблеме первоначального заселения Америки обострил этноориентированный эпистемологический подход ученого к осмыслению археологического материала. Историческое познание древних эпох большой временной протяженности в его научно-исследовательской программе приобрело характер этнографического подхода, предполагавшего изучение исторических явлений в этническом «разрезе». В историографическом плане реализация такого подхода отражала и сильную вовлеченность гуманитариев в этногенетические исследования, характерную для советского периода.

Научному мышлению Н.Н. Дикова были свойственны такие черты, как стадийность, телеологизм и прогрессистский эволюционизм, что позволяло ему обобщать материал в рамках «большой» теории, сочетая строго эшелонированные линии развития. Вместе с тем он интуитивно видел, что историческая картина является гораздо более сложной и неоднозначной, чем выстроенные линейные схемы и модели, и это обстоятельство повлекло за собой некоторый «импрессионизм» в способе и стиле изложения его научных работ, наличие ряда противоречивых высказываний.

Помимо дисциплинарных археологических задач, ученый был увлечен поисками первоначальных оснований исторического процесса. Выработанные им диалектические периодизации появились на исходе советской эпохи, они были отмечены стремлением скорректировать и дополнить официально признанную формационную теорию, а также задать направление дальнейшим теоретическим разработкам и адаптациям. Но наступившее вскоре время сомнений в телеологиях и всеобщностях прервало эту интеллектуальную традицию.

²⁹ Диков 1993, 155.

- Горячев, Н.А., Кокорев, Е.М., Муморцев, Ю.И. (ред.) 2005: *Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров»*. Магадан.
- Диков, Н.Н. 1967: О задачах исторических исследований на Севере Дальнего Востока СССР. В сб.: А.И. Крушанов (ред.), *История и культура народов Севера Дальнего Востока*. М., 4–14.
- Диков, Н.Н. 1971: *Древние культуры Камчатки и Чукотки*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Диков, Н.Н. (ред.) 1974: *Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней*. Новосибирск.
- Диков, Н.Н. 1976: О некоторых общих принципах археологической периодизации. В сб.: Н.Н. Диков (ред.), *Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР*. Магадан, 218–224.
- Диков, Н.Н. 1983: Общие принципы диалектической периодизации (на примере развития человечества). *Вопросы философии* 4, 116–126.
- Диков, Н.Н. 1987: К вопросу о принципах диалектической периодизации истории культуры. В сб.: М.П. Ким, Б.Б. Пиотровский (ред.), *Советская культура: 70 лет развития*. М., 20–31.
- Диков, Н.Н. (ред.) 1989а: *История Чукотки с древнейших времен до наших дней*. М.
- Диков, Н.Н. 1989б: Диалектическая периодизация истории советского общества. *Общественные науки* 2, 160–176.
- Диков, Н.Н. 1993: *Азия на стыке с Америкой в древности: Каменный век Чукотского полуострова*. СПб.
- Диков, Н.Н. 1994: Этническая история человечества: Новый концептуальный подход к периодизации. *Вестник ДВО РАН* 1, 65–71.
- Кирияк, М.А. 2000: Преодоление (читая дневники Н.Н. Дикова). *Колымские вести* 8, 78–81.
- Конь, У.С., Понкратова, И.Ю. 2016: *Научная биография академика Н.Н. Дикова*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2016/1557/18869>
- Лакатос, И. 1995: Методология научных исследовательских программ. *Вопросы философии* 4, 135–154.
- Лебединцев, А.И. 2001: Н.Н. Диков – исследователь древних культур Северо-Востока России. В сб.: А.И. Лебединцев (ред.), *Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова*. Магадан, 5–10.
- Хаховская, Л.Н. 2014: Битва за народы: этногенетические проблемы в археологическом дискурсе. В сб.: В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов (ред.), *Сибирский сборник–4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры*. СПб., 484–495.
- Goebel, T., Waters, M., Dikova, M. 2003: The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas. *Science* 301, 501–506.

REFERENCES

- Dikov, N.N. 1967: O zadachah istoricheskikh issledovaniy na Severe Dal'nego Vostoka SSSR. In: A.I. Krushanov (ed.), *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka*. Moscow, 4–14.
- Dikov, N.N. 1971: *Drevnie kul'tury Kamchatki i Chukotki: avtoref... d-ra ist. nauk*. Novosibirsk.

- Dikov, N.N. (ed.) 1974: *Ocherki istorii Chukotki s drevneishih vremen do nashih dney*. Novosibirsk.
- Dikov, N.N. 1976: O nekotorykh obshchih printsipakh arheologicheskoy periodizatsii. In: N.N. Dikov (ed.), *Ekonomicheskie i istoricheskie issledovaniya na Severo-Vostoke SSSR*. Magadan, 218–224.
- Dikov, N.N. 1983: Obshchie printsipy dialekticheskoy periodizatsii (na primere razvitiya chelovechestva). *Voprosy filosofii* 4, 116–126.
- Dikov, N.N. 1987: K voprosu o printsipakh dialekticheskoy periodizatsii istorii kul'tury. In: M.P. Kim, B.B. Piotrovskiy (ed.), *Sovetskaya kul'tura: 70 let razvitiya*. Moscow, 20–31.
- Dikov, N.N. (ed.) 1989a: *Istoriya Chukotki s drevneishih vremen do nashih dney*. Moscow.
- Dikov, N.N. 1989b: Dialekticheskaya periodizatsiya istorii sovetskogo obshchestva. *Obshchestvennye nauki* 2, 160–176.
- Dikov, N.N. 1993: *Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti: Kamennyy vek Chukotskogo polostrova*. Saint-Petersburg.
- Dikov, N.N. 1994: Etnicheskaya istoriya chelovechestva: Novyy kontseptual'nyy podhod k periodizatsii. *Vestnik DVO RAN* 1, 65–71.
- Goebel, T., Waters, M., Dikova, M. 2003: The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas. *Science* 301, 501–506.
- Goryachev, N.A., Kokorev, E.M., Mumortsev, Yu.I. (ed.) 2005: *Severnaya Patsifika – kul'turnye adaptatsii v kontse pleystotsena i golotsena. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Po sledam drevnih kostrov»*. Magadan.
- Hahovskaya, L.N. 2014: Bitva za narody: etnogeneticheskie problemy v arheologicheskom diskurse. In: V.N. Davydov, D.V. Arziutov (ed.), *Sibirskiy sbornik–4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nyh otnosheniy i kul'tury*. Saint-Petersburg, 484–495.
- Kir'yak, M.A. 2000: Preodolenie (chitaya dnevniki N.N. Dikova). *Kolymskie vesti* 8, 78–81.
- Kon', U.S., Ponkratova I. Yu., 2016: Nauchnaya biografiya akademika N.N. Dikova, <http://www.scienceforum.ru/2016/1557/18869>
- Lakatos, I. 1995: Metodologiya nauchnykh issledovatel'skih programm. *Voprosy filosofii* 4, 135–154.
- Lebedintsev, A.I. 2001: N.N. Dikov – issledovatel' drevnih kul'tur Severo-Vostoka Rossii. In: A.I. Lebedintsev (ed.), *Dikovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posviashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN N.N. Dikova*. Magadan, 5–10.

ETHNOGRAPHICAL ISSUES IN THE SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAM BY N.N. DIKOV

Lyudmila N. Khakhovskaya

*North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, Far East
Branch of the Russian Academy of Sciences (NEISRI FEB RAS), Russia,
hahovskaya@mail.ru*

Abstract. The article considers the value of ethnographic perspective in the scientific work of major Russian archaeologist N. N. Dikov. The author demonstrates that the key place in his studies was taken by a vision of the historical phenomena as ethnic and ethno-genetic processes. He considered the archaeological site opened in the Far North-East, in ethnic coordinates, believing such binding an obligatory element of the historical reading of archaeological antiquities.

The ethnogenetic model created by Dikov reflected two main theoretical postulates: indigenism and migrationism. Indigenism laid in the fact that modern (“ethnographic”) people have historical roots which can be traced back on the archaeological material. Migrationism suggests that the most ancient archaeological material must be related to the ancestors of the ethnic groups that had settled in America. Considerable attention in Dikov’s research perspective was paid to the problem of settling of America. The nature of ethnically oriented Dikov’s episteme followed from conceptual reconstruction, which was based on the stages of the settlement of the American continent. In the years of perestroika Dikov evolved an ethnic periodization of mankind history, which is a development of the classical theory of socio-economic formations. Dikov identified seven types of ethnic groups; each one has a certain correlation of form and content. Further, in ethnic processes he determined evolutionary and revolutionary segments, which are also associated with mutational impetus (by Lev Gumilev). In conclusion, he connected the ethnic periodization and a typology of ethnic structures with historical periods, including archeology. This Dikov’s concept is an example of the total history, which reduces the social differences to a single form and indicates the general way of development.

Key words: N.N. Dikov, Far North-East, archaeological culture, ethnic interpretation, ethnically oriented discourse, ethnic periodization

---

ФИЛОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 319–336
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 319–336
©Автор(ы) 2017

ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. КАРАМЗИНА: В ПОИСКАХ ИСТИННОГО БЛАЖЕНСТВА

Т.Е. Абрамзон

*Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск,
ate71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию философии счастья в поэзии, публицистике и «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, а именно рассмотрению основных этапов формирования карамзинской концепции счастья и ее особенностям, связанным с жанровой спецификой произведений. В основных своих чертах концепция счастья складывается в московский период жизни и творчества Карамзина в 1780-х годах под влиянием масонской философии и преромантической поэзии: земное счастье признается тенью истинного небесного блаженства. После разрыва с масонами и заграничной поездки Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) предлагает читателю разнообразие точек зрения на счастье, которое не сводится к строгой системе: автор создает принципиально открытое для читательского восприятия повествование, в котором глубокие философские взгляды уравновешены иронией автора или бытовыми, наивными историями о счастье. В философско-публицистическом эссе «О счастливейшем времени жизни» (1803) Карамзин открыто полемизирует с античными и современными философами по поводу счастья, доказывая его невозможность на земле и уличая философов в обмане. Философия счастья Карамзина основана на синтезе античных и европейских просветительских концепций счастья, основным стержнем которой является этическое начало, однако истинное счастье, блаженство вновь отпущено на небеса.

Ключевые слова: Просвещение, Карамзин, «Письма русского путешественника», масонство, философия счастья, земное счастье

Абрамзон Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного университета им. Г.И. Носова.

Европейские просветители выдвинули счастье на роль ключевого понятия в жизни человека и государства, наделив его ценностью и объявив его пределом человеческого существования. Вдруг обретенные значимость и высокий статус превратили счастье в *terra incognita*, которую еще предстоит открыть и описать. Мыслители XVIII века (Локк, Вольтер, Гельвеций, Руссо, Монтескье, Джонсон и др.) проделали огромную работу для того, чтобы счастье обрело земное измерение в самых различных вариантах: от материального до идеального, от счастья в обществе до эскейпизма, тихого счастья на лоне природы. Основной познавательный прием, используемый почти всеми европейскими мыслителями в атрибуции счастья, заключался в том, чтобы определить его через другие, якобы понятные и знакомые понятия, найти эквивалент счастья (любовь, добродетель, семья, творчество и пр.). Кроме того, понятие *счастье* стало выступать в качестве идентификационного конструкта, через призму которого человек осмыслил собственное «я», индивидуальную систему ценностей и свое отношение к миру.

Важность проблемы счастья для эпохи Просвещения не могла не привлечь внимание ученых, подробно и глубоко исследовавших историю счастья в Европе, в частности, в Англии, Франции и др.¹ Однако история поисков счастья российскими просветителями, наследующая европейским открытиям и ищущая собственных путей в решении проблемы, оказалась на периферии внимания отечественных и западных исследователей, что, несомненно, обедняет представление как о русском XVIII веке, так и об эпохе Просвещения в целом. В этом смысле Карамзин представляет безусловный интерес не только как талантливый художник и своеобразный мыслитель, но и в силу того что его творчество, находясь на рубеже веков, венчает эпоху Просвещения, открывает новый этап в истории литературы, русского философствования и культуры². Задача данной работы состоит в том, чтобы проанализировать основные этапы в формировании концепции счастья Карамзина и выявить особенности этой концепции в зависимости от жанровой специфики произведений. Основное наше внимание будет сосредоточено на «Письмах русского путешественника», в котором проблема счастья получает многостороннее освещение, поэтические и публицистические опыты Карамзина привлекаются нами в большей степени для того, чтобы сложить историю поисков счастья в законченный сюжет с завязкой и развязкой.

1. О счастье в карамзинской поэзии 1780-х гг.: на стыке масонской философии и преромантических тенденций

Как известно, Карамзин, вступивший в масонское братство в ложу «Златого венца» еще в Симбирске и переехавший в Москву по предложению «старшего брата», «мастера» И.П. Тургенева, оказался в самом центре московского розенкрейцерского общества. Устроенная Н.И. Новиковым типография в Кривоколенном переулке служила также жилищем для многих «братьев», в их числе были С.И. Гамалея, А.А. Петров, Я. Ленц, А.М. Кутузов и молодой Н. Карамзин. Близким другом и наставником Карамзина стал А.М. Кутузов, «любезный меланхо-

¹ Mauzi 1960, 725; Potkay 2000, 241; 2010, 523–544; Kavanagh 1996, 294; Kavanagh, Norton 2014, 159.

² См.: Смирнов 2004, 370–379; Сапченко 2004, 303–315.

лик», склонный к пессимистичным думам, публиковавший переводы «Ночных мыслей» Э. Юнга в «Утреннем свете» (с 1778 года)³, а также переводы статей Х.Ф. Геллерта в «Московском ежемесячном издании» (1781). А. Кутузов проповедовал, что «счастье и несчастье не составляют нашей сущности» и что «счастье и несчастье существуют по большей части в едином нашем воображении»⁴. Он призывал к терпению в земной жизни, говорил о необходимости подчиниться воле Всевышнего. Будучи убежденным сторонником идеи невозможности счастья на земле, Кутузов писал: «Доколе мы носим на нас одежду тленности, нет нам надежды наслаждаться чистою радостью. Существует ли она на земле сей? Мы окружены тленностию, все здесь мечта и сон. То, что мы называем щастием, есть не что иное, как кратковременное отсутствие горестей. Справедливо говорит любимый мною стихотворец:

I know the terms on which he – человек – sees the light!
He that is born, is listed; life is war;
Eternal war with woe. Who bears it best,
Deserves it least⁵.

Уроки профессора Шадена, старейшего преподавателя Московского университета, масонские поиски Бога, добродетели и истины, преромантическая поэзия, любимая и активно переводимая на русский язык близкими друзьями, определили мировоззрение Карамзина, которое во многом сохранится и после разрыва с масонским кругом⁶. Жизнь есть сон, мир есть училище терпения, счастье возможно только на небесах – эти идеи масонской философии найдут отражение в поэзии Карамзина как до заграничного путешествия, так и после. Приведем примеры.

Проникнутое масонскими идеями о жизни и смерти стихотворение «Часто здесь в юдоли мрачной» (1787) Карамзина отчетливо делится на две части. Первая часть рисует картину безрадостного земного существования человека, полного бед и страданий, и заканчивается призывом признать, что человек несчастлив на земле. Вторая часть построена на советах-императивах, каким образом уменьшить печаль и страдания: забывать прошлые беды, не слишком радоваться в забавах и не слишком печалиться в горести. Главное утешение, предлагаемое читателю Карамзиным, заключено в финальном четверостишии стихотворения: «будь уверен», счастье не живет между людей, и то, что люди называют счастьем есть лишь тень счастья.

Подлинное счастье находится «выше звезд, на небесах», на земле его найти невозможно («Счастье истинно хранится», 1787). Единственным утешением в земной юдоли является дружба, но и она исчезает, но и друзья умирают, и однажды весь мир обратиться в пепел. Дружба – своеобразная уступка, светлое начало в мрачной картине бытия, изображаемой Карамзиным. Земное счастье попадает под временный критерий проверки и не выдерживает его. Достижение блаженства возможно лишь после смерти как заслуга за земные страдания («Господи-

³ Позднее переводы А. Кутузова вышли книгой «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1785), которая выдержала три переиздания до конца века. См. подробнее: Заборов 1964; Левин 1990; Кочеткова 1994.

⁴ Барсков 1915, 56–57.

⁵ Письмо А.М. Кутузова к А.Н. Радищеву, 27 марта–7 апреля, 1792 (Барсков 1915).

⁶ О масонском периоде жизни Карамзина в Москве в 1785–1789 гг. и масонских образах в карамзинской поэзии см. также: Сахаров 2000, 144–156; Маслова 2012, 128–131.

ну Д<митриеву> на болезнь его», 1788). Четыре года, проведенные в кругу розенкрейцеров, которые ввели Карамзина в сферу философских и литературных вопросов, определили его мировоззрение на всю жизнь⁷. Однако и после заграничного путешествия отрицание земного счастья сохранит свою актуальность в карамзинской поэзии: на земле «искать блаженства нам не должно, / Но должно – менее страдать» («Послание к Дмитриеву», 1794), дружба – утешение в земной печали.

В «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794), юному другу, начинающему свой путь в обществе, Карамзин выступает мудрым наставником, предлагая размышление о счастье («О счастье слово»), которого ищут все смертные, но, согласно автору, ни один не нашел. Эти стихотворения проникнуты новой интонацией, иронией, высвечивающей бесплодность многовековых поисков счастья философами. Античные мыслители – «Фалес, Хилон, / Питтак, Эпименид, Критон, / Бионы, Симмии, Стильпоны, / Эсхины, Эммии, Зеноны» – указывали различные средства по обретению счастья на земле, но в этой ученой распре не было истины. В подобном же ключе Карамзин отзывается и о современных мудрецах, обещающих открыть путь к счастью, но живущих, как и все смертные, под игом бед и зол. После критического отзыва о древней и современной философии следует императив, как и в предыдущих стихотворениях: «Престанем льстить себя мечтой, / Искать блаженство под луной!» Прямое отрицание земного счастья приправлено иронией в адрес масонов: скорее отыщешь философский камень, нежели проживешь на земле без горя. В противовес мудрецам древности и современности Карамзин предлагает собственную картину мира, в которой нет места для истинного блаженства. Он создает миф творения, используя библейские формулы и образы греческой мифологии: место Творца занимают «судьбы», создавшие «свет» с немногими благами и многими бедами и отправившие на землю «суеты». Суетные желания, мечты о славе, власти, богатстве не дают счастья. Исторический пример, который приводит Карамзин в пользу своей концепции, – открытие Америки Колумбом, принесшее рабство и страдание коренному населению, а первооткрывателю – смерть в цепях. Идею эскейпизма Карамзин также отрицает, и далее рисует идеал благополучия с каждодневным трудом и отдыхом в кругу семьи и друзей. Человек не может обрести счастье, но может сделать так, чтобы жизнь не стала адом, чтобы не кончить ее «железом или ядом». Поэтический дискурс задает особую систему координат, в которой и рассматривается счастье: в ней всегда присутствуют вечность и небеса, конкуренцию которым земные блага, непостоянные и призрачные составить не могут. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что концепция счастья в основных своих чертах останется неизменной, но вот эта интонация иронии над миром, философией, масонскими идеями зарождается после (или во время) заграничного путешествия, в «Письмах русского путешественника», в которых проблема счастья занимает одно из центральных мест.

⁷ Тихонравов 1862, 471.

2 Многообразие концепций счастья в «Письмах русского путешественника» (1791-1792): философские прозрения, ностальгия по золотому веку и ироничные рецепты счастья

2.1 Временная парадигма счастья: неизвестность будущего или отрицание счастья

Давно установлено, что «Письма русского путешественника» Карамзина – не реальный дневник путешественника, а литературная имитация дорожных писем с хорошо продуманным художественным замыслом⁸. Калейдоскоп событий, масок повествователя-путешественника, идей и точек зрения в «Письмах» Карамзина подчиняется нескольким линиям художественного напряжения, одна из них – поиск счастья, что позволяет рассматривать сюжет путешествия чувствительного молодого россиянина, отправляющегося в Европу, как путешествие за счастьем. Путешественник, только отправившись в путь, уже в первом письме («Тверь, 18 мая 1789») высказывает мысль о невозможности счастья: «Все прошедшее есть сон и тень: ах! <...>Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса и язык его онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..»⁹. Повествователь задает временную парадигму, в которой прошлое есть тень, будущее вселяет страх и ужас, в результате – и то, и другое отрицает возможность счастья и благополучия настоящего момента.

Эта мысль созвучна идеям морально-философского трактата Х. Ф. Геллерта, немецкого поэта и моралиста второй трети XVIII века, - «Почему нехорошо предугадывать судьбу свою», перевод которого был сделан А.М. Кутузовым и опубликован в «Московском ежемесячном издании» (1781). Геллерт размышляет о неискоренимом желании человека приподнять таинственную завесу и увидеть будущее, узнать свой жребий¹⁰. По мнению немецкого философа, оно вытекает из другого природного свойства человека, а именно – из стремления к счастью. Проанализировав выгоды и потери человека, узнавшего вдруг о своем счастье или несчастье, Геллерт приходит к однозначному выводу: знание о будущих событиях способно лишь навредить человеку. Более того, философ уверен, что недолго продлилась бы жизнь на земле, если бы люди предвидели свой жребий, и воздаст хвалу мудрости Творца, скрывшего от человека грядущее. Карамзин вторит Геллерту и усиливает пессимистические ноты: неизвестность будущего повергает в ужас человека. Однако эта мысль, включенная в сюжет путешествия, прочитывается одновременно и как философское обобщение, и как сиюминутный страх путешественника: что же он обрящет на пути своем? Неведение будущего, которое, согласно повествователю, неминуемо принесет горе и страдание, исключает саму возможность полного счастья.

Кстати, о Геллерте повествователь упоминает в «Письмах» не единожды, и в связи с вопросом о счастье. Путешественник, гуляя в Вендлеровом саду в Лейпциге, смотрит на памятник Геллерта и вспоминает «счастливое время ребячества», когда он плакал и смеялся над баснями Геллерта, составлявшими всю его библиотеку («Fabeln und Erzählungen», 1746). Повествователь приводит слова профессора, преподававшего в московском университете по Геллертовым лекциям и наставлявшего учеников: «Друзья мои! Будьте таковы, какими учит вас быть Геллерт, и вы будете счастливы!» После чего путешественник, растроганный вос-

⁸ Сиповский 1899.

⁹ Карамзин 1984, 5.

¹⁰ Московское ежемесячное издание 1781, 47–70.

поминаниями, восклицает: «довольно тени! И что еще в будущем ожидает меня?». Наставление «жить по Геллерту», то есть быть добродетельными людьми, как залог непрямого счастья тут же разбивается об идею неизвестности будущего, не позволяющей человеку быть совершенно счастливым в настоящем. Однако счастье выступает в качестве универсальной оценки жизни, разделяющей события на две противоположные категории.

2.2 «К счастью» и «к несчастью»

«К счастью» и «к несчастью» - вводные слова, разговорные формулы, на первый взгляд, малозначащие, имеющие отношение к быту, а не к бытию. Однако это не вполне справедливо: они становятся маркерами, делящими все происходящее на две группы. *К счастью* и *к несчастью* – дуалистическая модель, сформированная культурой Нового времени: эта бинарная оппозиция приходит на смену мифологическим моделям «правда/кривда», «добро/зло» и религиозной модели «от Бога»/ «от лукавого». События воспринимаются через призму сознания путешественника: «к несчастью», путешественнику вздумалось ехать из Петербурга на перекладных, и нигде не было хороших кибиток; «к несчастью», проводник не знал дороги на леднике в Гриндельвальде; «к несчастью», в Лозанне нельзя было прогуливаться из-за проливного дождя; «к счастью», воров, похитивших картины из Дрезденской галереи, поймали, а картины водворили на место; «к счастью», оркестр заиграл и помог избавиться путешественнику от неловкости в опере и др. Отметим, что события, случившиеся «к несчастью», в два раза перевешивают события счастливые. Ситуативность формулы, ее окказиональный характер и употребление ее в самых что ни на есть бытовых смыслах и ситуациях не отменяет оценочный характер повествования, не отменяет модель мира, распадающуюся на две части - счастливую и несчастную.

Тому, что такая оценка с точки зрения счастья и несчастья действительно стала всеохватной, универсальной, прилагаемой к любому событию, находим подтверждение в журнале чуть более позднего времени. Статья «О щасти» анонимного автора начинается следующим тезисом: о чем бы ни говорили люди, их разговор сбивается на определение «к счастью» или «к несчастью»¹¹. Если беседуют о политике, то припоминают все, что может послужить на благо государства или к его разрушению; если говорят о дневных новостях, то о счастливых или несчастных обстоятельствах; если рассуждают о частных делах, то о щасти или несчасти отдельного человека. Основная идея статьи – укор современникам, возлагающим ответственность за собственные несчастья на Фортуны или случай и присваивающим себе славу при удачном исходе дела.

Еще одно разговорное клише, часто используемое повествователем, - «счастливого пути», которая вполне естественно смотрится в дневнике путешествия. Эта формула завершает эпизоды-встречи: путешественник разговаривает с неким господином З. на одной из станций за Дерптом, после чего желает ему счастливого пути и бросается на постель; поговорив с Николаем, известным книгопродавцем и автором, путешественник пожелал счастливого пути; прекрасная саксонка желает путешественнику счастливого пути; господин поручик, вспрыгнув на коня, кричит путешественнику «счастливый путь» и пускается во всю прыть. Однако эта формула не только завершает эпизод встречи с кем-либо и перебрасывает мост к

¹¹ Улей 1811/IX, 232–236.

дальнейшему повествованию. И если принять во внимание, что счастье является одним из ключевых понятий и для эпохи, и для автора, то пожелание счастливого пути выглядит как пожелание путешественнику – совершить смотр счастья у разных народов и найти ответ на вопрос: кому живется счастливо, вольготно но не на Руси, а в Европе? Есть ли счастье на земле? Все философы и поэты, с которыми встречается путешественник, желают ему счастья не только в путешествии, но и в пути жизненном: и Боннет, философ с чувством, и Виланд, с холодным видом встретивший путешественника и горячо желавший ему счастья на прощанье, и Вейсе с его добрыми словами: «Путешествуйте счастливо <...> и наслаждайтесь всем, что может принести удовольствие чистому сердцу!». От конкретного случая повествователь переходит к обобщению: «Один взгляд на доброго есть счастье для того, в ком не заглохло чувство добра». Эти пожелания «счастливого пути» в метасюжете путешествия заключают в себе важную просветительскую интенцию: каждый должен обрести свое счастье. Но где ж его найти?

2.3 Счастье в наслаждении искусством: и все-таки театр

Мгновения счастья дарит человеку искусство драматической игры, пробуждая в нем особую чувствительность. В Берлине путешественник смотрит драму «Ненависть к людям и раскаяние» Коцебу (*“The Stranger” by Mr. Kotzebue*), после чего критикует автора пьесы и хвалит актеров, которые смогли растрогать его душу до сладких слез. Именно это состояние, по Карамзину, и есть счастье: «Вышедши из театра, обтер я на крыльце последнюю сладкую слезу. Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к счастливейшим вечерам моей жизни? И пусть теперь доказывают мне, что изящные искусства не имеют влияния на счастье наше! Нет, я буду всегда благословлять их действие, пока сердце будет биться в груди моей – пока будет оно чувствительно!». Полемическая реплика – «И пусть теперь доказывают мне» – адресована Ж.-Ж. Руссо, к тому времени уже покойному, доказывавшему, что науки и искусства не способствовали прогрессу, не принесли облегчения низшим сословиям, не привели общество к добродетели («*Discours sur les science et les arts*», 1750). Сам Руссо полагал, что его трактат посвящен важнейшему вопросу: «Не метафизические тонкости, проникшие во все роды литературы, от которых не всегда свободны академические программы, служат предметом этого рассуждения: нет, речь идет об одной из тех истин, от коих зависит счастье человечества»¹². Через несколько десятков страниц повествователь воздаст дань уважения и восхищения французским философом, кинувшим клич «назад к природе», однако руссоистская концепция о пагубном воздействии наук и искусств на общество не будет принята Карамзиным, как и большинством русских мыслителей того времени¹³.

Но не только полемикой с Руссо интересен этот фрагмент. Берлинский спектакль, о котором пишет повествователь, пробудил сильные чувства, заставил путешественника пережить душевное потрясение. Схожим образом путешественник описывает и свои впечатления от трагедии «Дон Карлос» Шиллера. Дело в том, что обычно счастье включает состояние покоя (на лоне природы, в кругу семьи, в тиши ученого кабинета и пр.), но в случае с театральным искусством это правило не работает. Напротив, искусственные страсти как отражения человеческих стра-

¹² Руссо 1961, 41.

¹³ Лотман 1969, 562–563, 582–583.

стей вызывают сверхсильные чувства, чувство счастья от пережитого волнения за судьбу вымышленных персонажей. Однако не искусство выдвинуто Карамзиным на роль истинного счастья на земле.

2.4 Счастье семейное: и все-таки оно существует

Утомительные размышления о тайне рока и счастья привели путешественника к выводу, что нужно обратить внимание не на все человечество, а на самых близких людей. «Вольтер в конце своего остроумного и безобразного романа {«Кандида»} говорит: «Друзья! Пойдем работать в саду!», слова, которые часто отзываются в душе моей после утомительного размышления о тайне рока и счастья. Можно еще примолвить: «Пойдем любить своих домашних, родственников и друзей, а прочее оставим на произвол судьбы!»¹⁴ Повествователь предлагает читателю различные картины счастья, одно из достижимых на земле и самых почитаемых путешественником является счастье в кругу семьи. Картины семейного счастья и вера в то, что такое счастье принадлежит «истинному счастью», встречаем по ходу повествования не единожды. С особенным восторгом повествователь описывает семейное счастье в раме идиллических зарисовок сельской жизни. Так, гуляя по окрестностям Франкфурта, путешественник наблюдает за матерью, играющей с двумя сыновьями недалеко от уединенного домика с садом, его сердце наполняется благостным чувством: «Любезная картина семейственного счастья! Может быть, в городе она бы меньше меня тронула, но среди сельских красот сердце наше живее чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влияющего благодетельным существом в сосуд жизни человеческой»¹⁵. Истинное или прямое счастье – это то, что российские поэты и мыслители ищут на протяжении всего века, начиная с сатиры А. Кантемира «Об истинном блаженстве», написанной в духе английской морализаторской поэзии того времени, и многочисленных од «На Счастье» (переводных и оригинальных), сочиненных почти всеми поэтами века Просвещения. Такого высокого эпитета «истинное» счастье в большинстве случаев удавалось только блаженство потустороннего мира. Карамзин относит семейное благополучие к подлинным наслаждениям земной жизни.

Более того, счастье в кругу семьи немецкий поэт и писатель Вейсе ставит выше творчества, выше успеха своих сочинений. «Вейсе с великою скромностию говорит о своих сочинениях; однако ж без всякого притворного смирения, которое для меня так же противно, как и самохвальство. - С каким чувством описывает семейственное свое счастье! «Благодарю бога, - сказал он сквозь слезы, - благодарю бога! Он дал мне вкусить в здешней жизни самые чистейшие удовольствия; и я осмелился бы назвать свое счастье совершенным, если бы небесная благодать возвратила здоровье дочери моей, которая несколько лет больна и которой искусство врачей не помогает». Заметим, что иерархический подход к разным воплощениям счастья прослеживается на всем протяжении сюжета путешествия. К примеру, счастье ученого состоит в том, чтобы сохранить верность своим представлениям, своим открытиям, и потому Николай Коперник, по мнению повествователя, счастливее Галилея, которому пришлось отречься от истины. Высокий статус семейного счастья в иерархии образов счастья особенно ярко представлен при описании

¹⁴ Карамзин 1984, 83.

¹⁵ Карамзин 1984, 83.

Англии и англичан, преуспевших в способности находить удовольствие в кругу родных людей. «Не смотря на лондонскую огромную церковь св. Павла, не глядя на Темзу, через которую великолепные мосты перегибаются и на которой пестреют флаги всех народов, не удивляясь богатству магазинов Ост-Индской компании и даже не в собрании здешнего Ученого королевского общества, говорю я: «Англичане просвещены!», - нет, но видя, как они умеют наслаждаться семейственным счастьем, твержу сто раз: «Англичане просвещены!» Просвещенность понимается повествователем через призму счастья - как умение чувствовать счастье внутри семьи. Однако цельность бытия, искомую и желанную, невозможно найти в мире искусства или в мире людей, для ее обретения необходимо особое чувство – чувство природы.

2.5 Счастье в наслаждении Природой: и все-таки Швейцария

Слияние с природой – одно из условий истинного счастья на земле. Ощущение счастья связано с особым чувством умиления и восторга, пробуждаемым красотой природы, которая доставляет путешественнику большее наслаждение, чем красота искусства. Путешественник делает зарисовки с натуры и дает эмоциональный отклик на них: «Июля 17. В шестом часу вышел я за город с покойным и веселым духом; бросился на траву бальзамического луга, наслаждался утром - и был счастлив!». Наслаждение эстетической стороной природы позволяет человеку прочувствовать гармонию бытия. Полнота чувства приводит повествователя к откровениям о мире и человеке, несет благодатные, счастливые прозрения. Например, путешественник описывает вечер на берегу Эльбы, картины Аркадии с зелеными коврами лугов и обильными полями потрясает его душу:

«Вечернее солнце кроткими лучами своими освещало сию прекрасную картину. Я смотрел и наслаждался; смотрел, радовался и - даже плакал, что обыкновенно бывает, когда сердцу моему очень, очень весело! - Вынул бумагу, карандаш; написал: «Любезная природа!» - и более ни слова!! Но едва ли когда-нибудь чувствовал так живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь в сердце своем был так добр и так благодарен против моего творца, как в сии минуты. Мне казалось, что слезы мои льются от живой любви к Самой Любви и что они должны смыть некоторые черные пятна в книге жизни моей»¹⁶.

В неом катарсисе, переживаемом путешественником от соприкосновения с великолепием Природы и сопровождаемом только слезами, происходит прозрение, прозрение сердца, а не разума: человек создан для счастья, и в этот вдохновенный момент слиянности человека и Творца ему открывается новое чувство - «любви к Самой любви», самодостаточности бытия без дополнительных смыслов и оснований. Природа выступает посредником между Человеком и Богом, хранительницей сокровенного знания и первоначальных чувств. На новый уровень размышлений о природе счастья повествователь перейдет в путешествии по Швейцарии.

В долине Гасли он остановился возле хижины пастуха, чтобы утолить жажду. Пастух, говоривший на плохом немецком языке и с радостью подававший чашку за чашкой путешественнику, показался ему братом. Естественное родство всех людей, прочувствованное в этот момент путешественником, приводит к ностальгическим размышлениям о тех временах, когда «все люди были пастухами и братья-

¹⁶ Карамзин 1984.

ми», когда люди наслаждались подлинными удовольствиями, в которых участвует сердце, «и которые нас подлинно счастливыми делают». В антитезе естественной жизни и цивилизации Карамзин отдает предпочтение природному началу: это зависть просвещенного человека, обеспокоенного тысячами забот и беспокойств, к мифологическому золотому веку покоя и довольства, олицетворением которого для путешественника стал швейцарский пастух. В прощальном взгляде пастуха путешественник прочитал пожелание счастья: Поди и будь счастлив! И путешественник желал всем сердцем ему счастья, но «он уже нашел его». Пастушество было символом патриархального мира, идиллически счастливой жизни, именно пастушеству «сопутствует покой» в большей мере, чем тяжелому труду пахаря или рыбака¹⁷.

Чувство природы затрагивает важный вопрос – вопрос о смерти, о страхе смерти, парадоксальным образом связанный с понятием счастья. Повествователь восхищается красотой швейцарской природы, которая дарует им наивысшее счастье, дарует им жизнь, в которой и самая смерть не может быть страшным событием. Экстатическое чувство приводит повествователя к мысли о том, что ужас смерти не есть врожденное чувство, что оно появилось у человека вследствие того что он уклонился от «путей природы». Путешественник готов умереть здесь, потому что он уверен, что природа в момент смерти человека «зовет его к новому счастью, что изменение существа моего есть возвышение красоты, перемена изящного на лучшее». В этой первозданной красоте природы повествователь открывает для себя высочайшую благодать и просит прощения у Провидения за свои жалобы на жребий человека. Наслаждение красотой природы не только наивысшее наслаждение, но и возможность поверить в милосердный замысел Провидения, в котором самая смерть есть лишь начало «нового счастья». Согласно повествователю, природа – источник счастья на земле и обещание «нового счастья» после смерти.

Идея счастья на лоне природы получает воплощение в многочисленных картинах сельской жизни, рисуемых Карамзиным: это идиллические пейзажи с фигурами пастушка и пастушки, счастливые семейства, которые проводят свою жизнь на лоне прекрасной природы в праведных трудах («Мейсен, июля 13»). Одним из свойств истинного счастья, испытываемого крестьянами, является то, что они «чувствуют бытие и наслаждаются им». Труд в непосредственной близости с природой дает «чувство бытия». Именно здесь Карамзин находит точку соединения быта и бытия, наполняющую душу гармоничными созвучиями. И снова звучит идея ограничения желаний, крестьянские желания ограничены «обширностью его полей». Важная оговорка, которую делает повествователь: ему *кажется*, что поселяне были благополучны. Это «кажется», часто употребляемое повествователем, снимает категоричность суждений, предлагая читателю свободу для собственных умозаключений. Более того, после зарисовки «аркадского пейзажа» и счастливых крестьян, целующихся как горлицы, путешественник вступает в диалог с попутчиком-студентом. Они обсуждают то самое «чувство бытия», о котором шла речь в предыдущем фрагменте, и – их взгляды не совпадают: студент настаивает, что сердцу верить нельзя, сердечное уверение есть ненадежное доказательство, на что путешественник отвечает цитатой из Лафатера. Однако их раз-

¹⁷ Шайтанов 1989, 37.

говор обрывается бытовым событием – приглашением к обеду. Ни одна из точек зрения не высказана полностью, каждая под сомнением, выбор за читателем.

2.6 Полифония интонаций: простодушные рецепты счастья и некоторые заметки по поводу счастья

В «Письмах русского путешественника» Карамзин создает уникальную для своего времени полифонию точек зрения по разным вопросам, в том числе и по интересующему нас вопросу счастья. Вера в возвращение «Астреина века» входила в комплекс базовых мотивов масонской философии литературы¹⁸. И путешественник признается в том, что мечта о благоденствии первых времен привлекала и будет привлекать просвещенных людей и когда-нибудь станет реальностью. Счастье государства, по мнению путешественника, невозможно достичь путем революций и бунтов, но лишь постепенным совершенствованием общества.

«Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. “Утопия” {Или “Царство счастья”, сочинения Моруса.} будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей - и довольно».

Здесь за голосом повествователя узнаем голос самого Карамзина, однако «Письма русского путешественника» представляют собой живое, динамичное повествование, лишенное морализаторства и дидактизма¹⁹. Так, ностальгия по золотому веку и путь медленного совершенствования человеческой природы уравнивается простодушной теорией, которой поделился с путешественником молодой доктор медицины, живший с ним в одном трактире во Франкфурте. Согласно его концепции, испорченный желудок является источником пороков, дурных навыков и злых дел. Связь тела и души для доктора очевидна, и рецепт золотого века, который бы он прописал человечеству, предельно прост: людей не нужно убеждать словами, а дать им «несколько приемов очистительного»: «Отчего в золотом веке были люди и добры и счастливы? Конечно, оттого, что они, питаясь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. <...> если бы я был государем, то велел бы всех преступников вместо наказания отсылать в больницы и лечить до того, пока они сделались бы добрыми людьми и полезными гражданами»²⁰. Путешественник не комментирует возвращение золотого века с помощью очистительного лекарства, он лишь констатирует: «Я удивлялся логике...».

Еще большой иронией пронизан эпизод в трактире Мемеля, когда трактирщик, до крайности разговорчивый, рассказывал о том, что у него хорошая репутация, постояльцы его довольны, ведь «тот счастлив в здешней жизни, и ничего не

¹⁸ Ефремова 1999.

¹⁹ Алпатова 2012, 229–241.

²⁰ Карамзин 1984, 314.

боится, и ни от чего не бледнеет...», у кого совесть чиста и покойна. И в тот момент, когда трактирщик бахвалится своим добронравием, гремит гром: трактирщик испугался, побледнел и побежал закрывать окно. Одно из общих мест философии Просвещения, и карамзинской в том числе, заключалось в том, что чистая совесть и добродетельность – залог земного покоя и счастья. Карамзин иронизирует не над самим принципом «жить по совести» и тем добыть себе счастья, но над слабыми людьми, которые прикрываются им как истиной, но не следуют ему. Догмы, принципы и формулы, самые верные и правильные, проходят проверку реальной жизнью, а точнее – не проходят: утопический посыл просветителей по возвращению золотого века разбивается о несовершенство мира и человеческой натуры. И Карамзин-художник верен правде жизни.

Даже при посещении Бедлама в Лондоне тема счастья предстает в трагикомическом свете: «Бешеные сидят особливо; иные прикованы к стене. Один из них беспрестанно смеется и зовет к себе людей, говоря: «Я счастлив! Подите ко мне; я вдохну в вас блаженство!» Но кто подойдет, того укусит».

Размышления в Виндзорском парке приносят путешественнику сладкую грусть, заставляя размышлять о счастье, думать о периодах жизни человека. Счастье здесь – исполнение надежд: «Темные, лестные, милые надежды сердца! Исполнитесь ли вы когда-нибудь? Живость ваша есть ли залог исполнения? Или, со всеми правами быть счастливым, узнаю счастье только воображением, увижу его только мельком, вдали, подобно блистанию молний, и при конце жизни скажу: «Я не жил!»» Молодость – прелестная эпоха нашего бытия, «сердце бьется в восхитительном ожидании, теряется в желаниях, в выборе счастья и наслаждается возможным еще более, нежели действительным. Слава и любовь не дарят истинного счастья. «Жизнь наша делится на две эпохи: первую проводим в будущем, а вторую в прошедшем. До некоторых лет, в гордости надежд своих, человек смотрит все вперед, с мыслию: «Там, там ожидает меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчают его, будущее кажется ему несметною казною, приготовленною для его удовольствий. Но когда горячка юности пройдет, когда сто раз оскорбленное самолюбие поневоле научится смирению, когда, сто раз обманутые надеждою, наконец перестаем ей верить, тогда, с досадою оставляя будущее, обращаем глаза на прошедшее и хотим некоторыми приятными воспоминаниями заменить потерянное счастье лестных ожиданий, говоря себе в утешение: «И мы, и мы были в Аркадии!» Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящим, тогда же бываем до крайности чувствительны и к самомалейшей трате, тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренний дружеский разговор, даже ласки верной собачки (которая не оставила нас вместе с неверными любовницами!) извлекают из глаз наших слезы благодарности, но тогда же и смерть любимой птички делает нам превеликое горе.

Одна из просветительских идей о счастье заключается в том, что счастье находится внутри самого человека и не зависит от внешнего мира. Пражский студент, попутчик путешественника, рассказывает о том, что его друг погиб от несчастной любви к легкомысленной женщине, поэтому он поклялся быть вечно холостым, посвятив себя наукам: «И, благодаря бога! Могу быть счастлив сам собою!» Вложенная в уста мальчика-студента эта декларация выглядит запальчивой и поверхностной. По-иному схожая мысль звучит из уст Виланда, талантливого

поэта и писателя, создававшего в своих произведениях совершенного человека и иронизировавшего над несовершенством реального мира и над людскими пороками. По признанию путешественника, по возвращении в Россию он будет жить в мире с природою, любить изящное и наслаждаться им, на что Виланд отвечает: «Кто любит муз и любим ими, <...> тот в самом уединении не будет празден и всегда найдет для себя приятное дело. Он носит в себе источник удовольствия, творческую силу свою, которая делает его счастливым»²¹. История о парижском Диогене, гении деятельной мудрости, начинается с выяснения главного вопроса: «Счастлив ли ты, добрый человек?» За положительным ответом «Диогена» следует выяснение, что же составляет «Диогеново» малое счастье: в работе, отдыхе, безопасности, в благодарностях Богу.

Путешественник размышляет о различиях в судьбе человеческой: одни довольствуются родительским домом и полями, им возделываемыми, другие – пытливы в своем познании и «не могут ограничить своего любопытства». «В человеческой натуре есть две противные склонности: одна влечет сердце наше всегда к новым предметам, а другая привязывает нас к старым; одну называют непостоянством, любовь к новостям, а другую – привычкою. Мы скучаем единообразием и желаем перемен; однако ж, расставаясь с тем, к чему душа наша привыкла, чувствуем горечь и сожаление. Счастлив тот, в ком сии две склонности равносильны!» Счастье человеческой природы определяется гармонией нового и старого, балансом покоя и движения внутри человеческой личности.

О климатических условиях счастья. Если И.Г. Гердер, с которым Карамзин встретился в Веймаре, открыл зависимость характера нации, души народа от природной среды и климата («Идеи к философии истории человечества» / *«Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»*, Riga, 1784–1791), то путешественник размышляет подобным образом о способности испытывать счастье в том или ином климате. Он замечает, что и «в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно, но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее, нежели где-нибудь, захочется застрелиться. <...> Как же англичанину не смотреть сентябрем?» О Руссо, переехавшем незадолго до смерти в Эрменонвиль, повествователь говорит: «и в дикой пустыне можно быть счастливым»: «Младенец сердцем до старости! Мизантроп, любви исполненный! Несчастный по своему характеру между людьми и завидно-счастливый по своей душевной нежности в объятиях природы, в присутствии невидимого божества, в чувстве его благодати и красот творения!»

Наблюдения за нравами различных народов дают возможность путешественнику обрисовать национальные образы счастья. То, что счастье является для путешественника призмой, через которую он рассматривает жизнь, свидетельствует описание английской болезни – сплина. Перед тем, как перейти к изображению английских богачей с их странностями, путешественник пишет: «Кто думает, что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих здешних крезов, осыпанных средствами наслаждаться, теряющих вкус ко всем наслаждениям и задолго до смерти умирающих душою. Вот английский сплин! Эту нравственную болезнь можно назвать и русским именем: скукою, известною во

²¹ Карамзин 1984, 315.

всех землях, но здесь более нежели где-нибудь, от климата, тяжелой пищи, излишнего покоя, близкого к усыплению. Человек - странное существо! В заботах и беспокойстве жалуется; всё имеет, беспечен и - зевает. Богатый англичанин от скуки путешествует, от скуки делается охотником, от скуки мотает, от скуки женится, от скуки стреляется. Они бывают несчастливы от счастья!» Парадоксальное состояние «несчастье от счастья» приводит богатых англичан к ложным приятностям и странностям. От полифонии точек зрения на счастье в «Письмах русского путешественника» перейдем к публицистическому опусу Карамзина на ту же тему.

3 «О счастливейшем времени жизни» (1803): когда же счастье?

Небольшое эссе, опубликованное в «Вестнике Европы», имеет явный полемический характер, причем Карамзин вступает в спор с философами и древними, и современными, перефразируя Пушкина скажем, что Карамзин пытается доказать, что печальные истины дороже, чем нас возвышающий обман. «Обманом» Карамзин назовет историю философии по поводу счастья. Своеобразный вызов Карамзин бросает мыслителям в поисках обретения истины по вопросу счастья.

Первый философ, с которым полемизирует Карамзин, – это Цицерон и его трактат «О старости (Катон Старший)» (44 г. до н.э.), основная мысль которого вложена в речь Катона. Речь его, искусно построенная по всем риторическим правилам, с большим количеством примеров, должна была убедить читателя в том, что старость – самая счастливая пора в жизни человека, с которой не может сравниться ни молодость, ни зрелость: «*Hac igitur fortuna frui licet senibus, nec aetas impedit, quo minus et ceterarum rerum et in primis agri colendi studia teneamus usque ad ultimum tempus senectutis. M. quidem Valerium Corvinum accepimus ad centesimum annum perduxisse, cum esset acta iam aetate in agris eosque coleret; cuius inter primum et sextum consulatum sex et quadraginta anni interfuerunt. Ita, quantum spatium aetatis maiores ad senectutis initium esse voluerunt, tantus illi cursus honorum fuit; atque huius extrema aetas hoc beatior quam media, quod auctoritatis habebat plus, laboris minus; apex est autem senectutis auctoritas*»²². По мысли Карамзина, человеколюбие заставило Цицерона хвалить старость, дабы утешить стариков, но, по мнению Карамзина, рассуждения Цицерона неубедительны и неутешительны, потому что остроумие воздействует на разум, но не может побороть естественное чувство в душе человека. Аргумент Карамзина прост: болезнь – сестра старости, которую невозможно славить. Далее интонация писателя меняется, он агрессивно уличает такую философию в обмане, переходит на письмо императивами: «Перестанем обманывать себя и других; перестанем доказывать, что все действия Натуры и все феномены ея для нас благотворны – в общем плане, может быть; но как он известен одному Богу, то человеку нельзя рассуждать о вещах в сем отношении».

Карамзин называет подобный оптимизм «игрой ума», не имеющей ничего общего с Философией, цель которой заниматься истинами, пусть и печальными, и отвергать ложь, пусть и приятную. Карамзин отвергает концепцию Ж.-Ж. Руссо, объявившего младенчество – счастливой порой жизни, согласно русскому писателю, младенчество должно вызывать жалость, ведь в этот период слабый организм борется с «алчной смертью». Карамзин призывает признать старость печальной, вопреки опять же Цицерону. Отвергает просветительский лозунг Локка и Лейбни-

²² Cic.Sen.60.

ца о том, что счастье есть предельная цель человеческого существования (Опыт о человеке), нет, по мысли Карамзина, земной мир – «училище терпения». В качестве аргумента российский просветитель приводит тот факт, что в древних преданиях всех народов существовало представление о том, что земная жизнь – это наказание человека, его падение.

Отметим, что Карамзин не ссылается на конкретную религию или мифологию, он отсылает к древности, когда люди постигали мир чувственно. По его мнению, эта мысль является истиной, постигнутой сердцем, в отличие от игр философского разума. Жизнь человека представляется Карамзину в очень неприглядном свете: болезнь преследует человека в младенчестве и в старости, а сердечные горести – в зрелости. Возможное на земле счастье, редко случающееся, омрачается мыслью «или мы оставим его, или оно оставит нас», следовательно, истинное счастье на земле обрести невозможно.

Подобный вывод можно было бы считать итогом размышлений, по сути, - отрицанием земного счастья. Но Карамзин нацелен на истину и потому не может не признать, что счастье и благо – слова, которые занимают значительное место в лексиконе людей, а значит представляют для них ценность. Поэтому Карамзин предлагает следующее допущение: принцип относительности, все познается в сравнении, и вновь задается вопросом: «Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливейшую по сравнению?*» (курсив Н.М. Карамзина. – Т. А.). Ответ Карамзина таков: последняя степень зрелости, полнота телесных и душевных сил, время перед увяданием.

Данная мысль показалась бы слишком туманной, если бы не конкретный возраст, на который указывает Карамзин, а именно: тридцать пять лет. Именно столько лет Карамзину, когда он пишет это эссе. К этому времени человек, по мнению Карамзина, достигает необходимой мудрости, которая подсказывает ему находить удовольствие в ближнем круге бытия: в семейных радостях, в хозяйственных делах, в службе на пользу обществу, уже избранной и определенной. По Карамзину, они приносят больше радости, чем шумные забавы молодости. Кроме того, зрелый человек более благодарен судьбе за здоровье и за наслаждения от жизни, которое в юности не ценится: «Самое *чувство жизни* бывает гораздо милее, когда уже пролетела ее быстрая половина <...>». И еще один довод Карамзина: «В сие время торжествует Гений...» Это время свершений и откровений, когда человек может постигать истины, «быть современником веков и гражданином вселенной». По Карамзину, истинное утешение человека заключается в обретении славы, которая дарует ему бессмертие, столь недолговечному в физическом отношении.

Вроде бы, ответ на поставленный вопрос найден, но философские построения разрушается финальным абзаце. Это лирический пассаж, в который врывается авторский голос – «Я», откровенно признающийся в том, что он не жалеет о цветущих и пылких днях молодости, потому что помнит и восторги и тоску, помнит восторги, но не помнит счастья. И более того, для него на свете счастья нет: «его нет и теперь для меня в свете – но не в годах кипения страстей, а в полном развитии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы сказать я солнцу: остановися! Если бы в то же время мог бы сказать и мертвым: возстаньте из гроба!» Главная причина – это потери близких людей, невосполнимые потери, не позволяющие обрести счастье на земле.

Заключение

Концепция счастья в творчестве Карамзина формируется в конце 1780-х годов под влиянием масонской философии и преромантической поэзии и находит выражение в стихотворениях того же времени. В картине мира, создаваемой в поэтических опытах до заграничного путешествия писателя, человеку отказано в земном счастье, он обречен на страдания и горести в мрачной земной юдоли. С отрицания счастья начинается и сюжет путешествия в «Письмах русского путешественника» Карамзина, одна из линий которого прочитывается как поиск образчиков человеческих наслаждений. Этическое, эстетическое, национальное, социальное, философское, гендерное измерения переплетаются в едином сюжете поиска земного счастья. И кажется, оно найдено: в семье, в любви, в наслаждении природой, в творчестве, в искусстве. Особенностью концепции счастья в «Письмах русского путешественника» представляет собой синтез многочисленных точек зрения на счастье – античных и современных, с которыми автор соглашается или спорит, над которыми иронизирует или размышляет. Многоголосье точек зрения и многообразие картин счастья образуют принципиально открытую структуру для читательских толкований, где философское обобщение соседствует с наивным умозаключением, а повествователь не дает универсального рецепта счастья. Однозначная концепция счастья явлена в публицистическом дискурсе. Карамзин открыто полемизирует с античными философами и современными ему мыслителями, уличая их в обмане и разрушая оптимизм просветительских концепций, и выносит печальный приговор человеческому роду: истинное счастье возможно только на небесах. За шесть лет до смерти в письме к императрице Елизавете Алексеевне от 30 июля 1820 года Карамзин напишет: «<...> мне 52 года от роду <...> и я более тридцати лет учусь выражать свои мысли и чувства <...> Я желал бы, чтобы *моя печальная для здешнего света система* казалась Вам нелепостию; то есть, чтобы Вы, вопреки ей, наслаждались и на земле непрерывным счастьем»²³.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатова, Т.А. 2012: *Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования*. М.
Барсков, Я.Л. 1915: *Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1790*. Петроград.
Барсков, Я.Л. 1915: *Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1790*. Петроград.
Ефремова, Е.В. 1999: *Стихотворное наследие Николая Михайловича Карамзина. Проблемы поэтики и верификации*: дисс. на соис. уч. ст. канд. филол. н. М.
Заборов, П.Р. 1964: «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. *Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма* 6, 269–279.
Карамзин, Н.М. 1984: *Письма русского путешественника*. Л.
Кочеткова, Н.Д. 1994: *Литература русского сентиментализма*. СПб.
Левин, Ю.Д. 1990: *Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Восприятие английской литературы в России*. Л.
Лотман, Ю.М. 1969: Руссо и русская культура XVIII-начала XIX века В кн.: *Руссо Ж.-Ж. Трактаты*. М., 562–563, 582–583.

---

²³ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина 1862, 44–45.

- Маслова, А.Г. 2012: Поэтическое творчество Н.М. Карамзина в контексте масонской поэзии XVIII века. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова* 4 (18), 128–131.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина*. 1862. СПб.
- Руссо, Ж.-Ж. 1961: *Избранные сочинения*: в 3 т. Т 1. М.
- Сапченко, Л.А. 2004: «Времена года» Дж. Томсона и «О счастливейшем времени жизни» Н. Карамзина. В сб.: Т.Н. Пахсарян (ред.), *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства*. М., 303–315.
- Сахаров, В.И. 2000: Н.М. Карамзин и вольные каменщики. В кн.: В.И. Сахаров (ред.), *Масонство и русская литература XVIII вв.* М., 144–156.
- Сиповский, В.В. 1899: *Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»*. СПб.
- Смирнов, А. 2004: Концепт счастья в публицистике Н. Карамзина В сб.: Т.Н. Пахсарян (ред.), *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства*. М., 370–379.
- Тихонравов, Н.С. 1862: Четыре года из жизни Карамзина. *Русский вестник* 4 (38), 471.
- Шайтанов, И.О. 1989: *Мыслящая муза*. М.
- Kavanagh, T. 1996: *Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment*. Philadelphia.
- Kavanagh, T., Norton, B.M. 1996: *Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650-1850)*. Lewisburg.
- Mauzi, R. 1960: *L'idée du bonheur au XVIIIe siècle*. Paris.
- Potkay, A. 2010: Narrative Possibilities of Happiness, Unhappiness, and Joy. *Social Research* 77, 2, 523–544.
- Potkay, A. 2000: *The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume*. Ithaca.

REFERENCES

- Alpatova, T.A. 2012: *Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya*. Moscow.
- Barskov, Ja.L. 1915: *Perepiska moskovskih masonov XVIII veka. 1780–1790*. Petrograd.
- Barskov, Ja.L. 1915: *Perepiska moskovskih masonov XVIII veka. 1780–1790*. Petrograd.
- Efremova, E.V. 1999: *Stihotvornoe nasledie Nikolaya Mihaylovicha Karamzina. Problemy poetiki i verifikacii*: diss. na sois. uch. st. kand. filol. n. Moscow.
- Karamzin, N.M. 1984: *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad.
- Kavanagh, T. 1996: *Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment*. Philadelphia.
- Kavanagh, T., Norton, B.M. 1996: *Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650-1850)*. Lewisburg.
- Kochetkova, N.D. 1994: *Literatura russkogo sentimentalizma*. Saint-Petersburg.
- Levin, Ju.D. 1990: *Anglijskaja poezija i literatura russkogo sentimentalizma. Vospriyatie angliyskoy literatury v Rossii*. Leningrad.
- Lotman, Ju.M. 1969: Russo i russkaya kul'tura XVIII-nachala XIX veka In: *Russo Zh.-Zh. Traktaty*. М., 562–563, 582–583.
- Maslova, A.G. 2012: Poeticheskoe tvorchestvo N.M. Karamzina v kontekste masonskoy poezii XVIII veka. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* 4 (18), 128–131.
- Mauzi, R. 1960: *L'idée du bonheur au XVIIIe siècle*. Paris.
- Neizdannyya sochineniya i perepiska Nikolaya Mihaylovicha Karamzina*. 1862. Saint-Petersburg.
- Potkay, A. 2000: *The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume*. Ithaca.
- Potkay, A. 2010: Narrative Possibilities of Happiness, Unhappiness, and Joy. *Social Research* 77, 2, 523–544.
- Russo, Zh.-Zh. 1961: *Izbrannye sochineniya*: в 3 т. Т 1. Moscow.

- Saharov, V.I. 2000: N.M. Karamzin i vol'nye kamenshhiki. In: V.I. Saharov (red.), *Masonstvo i russkaya literatura XVIII vv.* M., 144–156.
- Sapchenko, L.A. 2004: «Vremena goda» Dzh. Tomsona i «O schastliveyshem vremeni zhizni» N. Karamzina. In: T.N. Pahsarjan (red.), *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva.* M., 303–315.
- Shaytanov, I.O. 1989: *Myslyashhaya muza.* Moscow.
- Sipovskiy, V.V. 1899: H. M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika». Saint-Petersburg.
- Smirnov, A. 2004: Koncept schast'ya v publicistike N. Karamzina In: T.N. Pahsaryan (red.), *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva.* M., 370–379.
- Tihonravov, N.S. 1862: Chetyre goda iz zhizni Karamzina. *Russkiy vestnik* 4 (38), 471.
- Zaborov, P.R. 1964: «Nochnye razmyshleniya» Junga v rannih russkih perevodah. *Russkaya literatura XVIII veka. Jepoha klassicizma* 6, 269–279.

THE PHILOSOPHY OF HAPPINESS IN KARAMZIN'S WORKS: IN SEARCH OF TRUE BLISS

Tatiana E. Abramzon

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
ate71@mail.ru*

Abstract. This article is the result of a study investigating the philosophy of happiness in poetry, social and political essays and in “The Letters of a Russian Traveller” by N.M. Karamzin. The research concentrates on the main stages in the development of Karamzin's concept of happiness and its peculiarities connected with genre specificities of literary works. Karamzin formulated the basic ideas of the concept of happiness under the influence of masonic philosophy and preromantic poetry while living in Moscow in the 1780s. Earthly happiness is considered as a shadow of true celestial bliss. After breaking up with masons and going abroad Karamzin in “The Letters of a Russian Traveller” (1791–1792) offers readers a variety of viewpoints on happiness. These points of view cannot be arranged in a strict system: the author narrates a story in a manner which makes it absolutely open for a reader's perception, i.e. profound philosophic reasoning is counterbalanced with author's irony and naïve stories of everyday life about happiness. In his philosophic and journalistic essay “About the Happiest Time in Life” (1803) Karamzin strenuously argues with ancient and contemporary philosophers over happiness, proving that it cannot exist on the earth and catching philosophers in a deception. Karamzin's philosophy of happiness is based on a synthesis of ancient and European conceptions of the Age of the Enlightenment. The main tenet underpinning his philosophy is the concept of ethic origin, yet true happiness and bliss are left for heaven.

Key words: the Enlightenment, Karamzin, “The Letters of a Russian Traveller”, masonry, the philosophy of happiness, earthly happiness

---

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 337–347
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 337–347
© Автор(ы) 2017

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ОТ МЕТАТЕКСТА К РЕФЛЕКСИВУ

Е.Б. Иванников

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург,
ivannikov_evgeni@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются современные исследования понятий «метаязык», «метатекст» и «рефлексив». В российской лингвистике наметились два основных подхода к изучению метаязыка. Первое направление связано с концепцией метатекста, используемой прежде всего при анализе художественных и научных текстов. Второе апеллирует к идее языковой рефлексии и в большей степени ориентировано на публицистику.

Результаты анализа показывают, что, в отличие от многозначного термина «метатекст», используемого разнообразными филологическими дисциплинами, метаязык терминируется достаточно просто: это язык второго порядка, который описывает первичный язык, или язык-объект. Существует две точки зрения на их соотношение: (1) язык-объект описывается на том же языке с помощью метаязыка логики и (2) метаязык резко противопоставлен языку-объекту.

В отличие от метатекста, метаязык всегда обусловлен языковой рефлексией и воплощается в рефлексивах. Рефлексив – это метаязыковое высказывание, комментирующее употребляемое слово или выражение. В различных дискурсах концепция рефлексива приобретает дополнительные семантические нюансы: так, в политическом дискурсе рефлексив описывается как любой акт метаязыкового комментирования актов речи; в публицистике рефлексив – это конструкция, содержащая оценку речевой деятельности говорящего; в художественной речи рефлексив зачастую уточняет значения слова, выражает оценку, служит характеристикой художественного персонажа.

Рефлексивы имеют разные основания типологий. С точки зрения текстовой реализации рефлексивы делятся на: текст-рефлексив, рефлексив внутри текста и цепочка взаимосвязанных высказываний. Кроме того, рефлексивы классифицируются как коммуникативные и концептуальные; первичные и вторичные; эксплицитные и имплицитные.

Ключевые слова: метаязыковое сознание, языковая рефлексия, метаязык, язык-объект, семантический метаязык, метатекст, метатекстовый оператор, рефлексив, метаязыковое высказывание

Иванников Евгений Борисович – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Введение

Изучение языковой рефлексии – актуальное направление в современной отечественной лингвистике, поскольку «действительный прогресс в науке о языке связан именно с распознаванием механизмов языковой рефлексии как оперирования сознания своими собственными образами, в том числе их дискурсивного моделирования»¹.

На настоящий момент в российской лингвистике наметились две основные тенденции изучения метаязыка – в зависимости от того, что является объектом исследования. Первое направление связано с концепцией метатекста, используемой прежде всего при анализе художественных и научных текстов. Второе апеллирует к идее языковой рефлексии и в большей степени ориентировано на публицистический дискурс. Данная статья и посвящена разграничению терминов «метатекст» и «рефлексив» в их отношении к метаязыку. В отличие от концепции А.А. Бурова (2010, 2013) представляется, что соотношение метаязыка и метатекста нельзя свести к оппозиции «система – ее реализация в письменной форме»: «"механизм" – это и есть метаязык, а в письменном варианте – метатекст»².

Метатекст

Введенный в отечественную филологию хронологически раньше, чем «метаязык», термин «метатекст» первоначально появляется в трудах по литературоведению, прежде всего, в работах ряда таких знаменитых филологов, как Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др.

В современной лингвистике существует два подхода к определению метатекста – узкий и широкий. В первом случае под метатекстом понимают лишь «вербализацию суждения – логической операции»³. При таком подходе метатекст предстает как материализованное в высказывании суждение говорящего о своем языке, которое «репрезентирует метаязыковое сознание говорящего, являющееся составной частью языкового сознания»⁴. Кроме того, для узкого понимания характерно представление о том, что «непосредственному наблюдению может быть подвергнута только метаязыковая рефлексия поверхностного уровня», поэтому «под метатекстом понимается компонент текста, ориентированный на интерпретацию говорящим языковой действительности, то есть это вторичный текст»⁵.

Согласно широкой интерпретации, «признаком метатекста становится его "ориентированность на языковой код"»⁶. Такое понимание метатекста было заложено в работах А. Вежбицкой, которая в метатекстовые конструкции включает разнообразны́е способы проявления речевых тактик говорящего и слушающего.

Сама А. Вежбицка называет эти метатекстовые конструкции «метаорганизаторами высказывания» и приписывает им такие функции, как организация композиции текста, связь компонентов текста, привлечение внимания. Кроме того,

---

¹ Борботько 2007, 19.

² Буров 2010, https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf

³ Резанова 2008, 79–80.

⁴ Андрусенко 2011, 89.

⁵ Мокрова 2014, 232.

⁶ Резанова 2008, 79–80.

метаорганизаторы «отражают стратегию автора при производстве текста (различные языковые трансформации, переносы, синонимические замены, парафразы, сравнения и др.)»⁷.

Идея противопоставления *язык-объект* vs *метаязык* А. Вежбицка соотносит с оппозицией *высказывание о предмете* vs *высказывание о самом высказывании*⁸. Метод анализа метаязыковых комментариев А. Вежбицка строит с опорой на понятия «метаплеоназм», под которым подразумевает «семантический компонент *я говорю*» как «семантический довесок», ситуационно плеонастичный во многих метатекстовых высказываниях, где эксплицируется семантика акта речи – типа *короче говоря, иначе говоря, если речь идет о...*⁹. С помощью интерпретации текста через семантический компонент *я говорю* А. Вежбицка выделяет метатекстовые средства, или метатекстовые операторы, позволяющие разграничивать метаязык от естественного языка.

Метатекст и в широком, и в узком значении понимается как «семантическая квалификация высказывания» и соотносится с метакатегорией модуса, который позволяет осмысливать высказывание. К данным метакатегориям модуса относятся так называемые «метасмыслы»: говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого действия, речевого жанра, выполнение правил речевого поведения. Они «присутствуют в высказывании незримо, зримое их присутствие – сигнал нарушения стандартов общения»¹⁰. Кроме того, данные «метасмыслы» «отражают рефлексии говорящего не над диктумным содержанием, а над самой формой (планом выражения) высказывания»¹¹.

В современной лингвистике термин «метатекст» активно используется при анализе разнообразных текстов: от художественных до научных. Однако метатекст имеет неоднозначные терминологические обоснования, что связано с полифункциональностью термина, обозначающего «текст о тексте». Как представляется, метатекст значительно шире метаязыка: «метатекст – это виртуальное описание реального»¹².

Метаязык

По мнению ряда лингвистов, «единого строго научного определения метаязыка, как ни странно, не имеется»¹³. Однако попытки дефинировать термин можно встретить в различных словарях. Так, на основе анализа многочисленных определений метаязыка, взятых как из терминологических словарей, так и энциклопедий, можно прийти к выводу о том, что метаязык «рассматривается исключительно в качестве языка “второго плана”, предназначение которого – исследовать “язык-объект”, а именно, естественный человеческий язык»¹⁴.

Большинство ученых полагает, что метаязык обладает следующими чертами:

⁷ Мокрова 2014, 232.

⁸ Вежбицка 1978.

⁹ Шаймиев 2012, 563.

¹⁰ Шмелева 1994, 27.

¹¹ Савицкая 2009, 347.

¹² Иванов 2007, 3.

¹³ Репринцева 2014, 232.

¹⁴ Сон 2012, 50.

1. это «язык описания какого-либо языка»¹⁵;
2. он «выступает как язык второго порядка»¹⁶;
3. он описывает первичный язык, который «называют при этом языком-объектом или “предметным” языком, предполагая, что он обозначает реальные предметы»¹⁷.

Более развернутую характеристику метаязыка приводит М.А. Репринцева, выделяя четыре его признака:

1. «это вспомогательный язык: все определения подчеркивают эту функцию метаязыка, который нужен для описания языка, т.е. помогает его описать»;
2. метаязык может быть воплощен в различных формах: в качестве метаязыка может выступать естественный язык, но это может быть и язык символов;
3. метаязык связан с логикой и нужен, как правило, для описания какой-либо структуры;
4. он находится “над” языком-объектом, или предметным языком»¹⁸.

Наиболее кардинальную и связанную с интернет-средой интерпретацию термина предлагает Л.П. Сон, которая интерпретирует метаязык как «новый естественный человеческий язык, рожденный и существующий в виртуальной реальности и реальном пространстве, активно взаимодействуя с другими естественными человеческими языками при взаимном влиянии и обогащении, и обладающий основными функциями, присущими естественному языку: коммуникативной, эмоциональной, волюнтаривной, репрезентативной и контактоустанавливающей»¹⁹.

По словам Л.О. Трушковой, «в основе метаязыка описания лежит естественный язык, слова которого с некоторыми, иногда очень существенными уточнениями составляют корпус метапонятий, на которых строится описание»²⁰. Однако в естественном метаязыке «следует различать совпадение и несовпадение метаязыка и языка-объекта»²¹. В результате возникает трудность разграничения метаязыка и языка-объекта. Особенно это заметно в метаязыке лингвистики, в который входят и собственная терминология, и общенаучная лексика, свойственная любой области знания. В процессе анализа языка это может привести к тому, что «исследователь перестает “видеть” язык, который он описывает»²². Для преодоления ограниченности данного подхода необходимо продолжать поиск иных способов описания естественного языка.

Один из таких возможных способов – это использование семантического метаязыка: «Для того чтобы говорить о значении и смысле языковых выражений, семантика должна располагать специальным “языком описания семантики языка”, т.е. семантическим метаязыком»²³. В основе концепции семантического метаязыка лежат два положения:

¹⁵ Кронгауз 2005, 60.

¹⁶ Ахманова 1966, 3.

¹⁷ Лесников 2011, 6.

¹⁸ Репринцева 2014, 232.

¹⁹ Сон 2012, 50.

²⁰ Трушкова 2011, 114.

²¹ Кронгауз 2005, 62.

²² Репринцева 2014, 232.

²³ Кобозева 2000, 19.

1 «семантическим метаязыком должен служить сам естественный язык; точнее, его фрагмент»;

2 «единый семантический метаязык должен служить для описания как лексических, так и грамматических значений»²⁴.

Так появляется проблема соотношения языка-объекта и семантического метаязыка. В современной науке сложились два базовых подхода в понимании их взаимодействия.

Согласно первой точке зрения, язык-объект может быть описан на том же языке с помощью метаязыка логики. Такие философы, как Л. Витгенштейн, Х. Карри, Б. Рассел, Г. Фреге относят к естественному языку такой семантический метаязык, который содержит, например, следующие понятия: *значение, смысл, денотат, сигнификат, утверждение, пресуппозиция, синонимия, противоречие* и т.п.

При втором подходе метаязык резко противопоставлен языку-объекту. Такие философы, как Д. Дейвидсон, У. Куайн, П. Стросон, А. Тарский описывают метаязык как знаковую систему, отличающуюся от языка-объекта, что позволяет объективно и в полном объеме отразить структуру объектного языка.

К сторонникам второй точки зрения относится, например, А. Вежбицка. Ее концепция *lingua mentalis* («язык мысли») строится на идее вычленения семантического метаязыка из естественного языка. *Lingua mentalis* – это семантическая концепция, в основе которой лежит метаязык описания значений с помощью универсального семантического языка. Характеризуя семантические примитивы как единицы универсального семантического языка, Е.В. Падучева во вступительной статье к сборнику работ А. Вежбицкой «Язык. Культура. Познание» отмечает, что «1) эти слова сами по себе семантически неразложимы (т.е. являются примитивами), но с их помощью можно осуществить разложение других слов данного языка; 2) эти слова имеют переводы на все другие языки, и в каждом из языков совокупность переводов может играть роль семантического метаязыка для данного языка»²⁵. Традиционно выделяют два критерия отнесения слова к семантическим примитивам: (а) внутренняя семантическая простота (самопонятность) слова и (б) переводимость на другие языки. Последний критерий обеспечивает семантическому метаязыку универсальность, которую М.А. Кронгауз считает «существенной “внешней” характеристикой метаязыка». Таким образом, под метаязыком понимается язык второго порядка, который может выступать в качестве метатекста, однако метаязык, в отличие от последнего, реализуется почти исключительно в рефлексивах.

Рефлексив

Подавляющее большинство современных ученых, опираясь на работы И.Т. Вепревой, определяют термин «рефлексив» как «относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению»²⁶.

²⁴ Падучева 1996, 8.

²⁵ Репринцева 2014, 9.

²⁶ Вепрева 2005, 8.

Однако в зависимости от поставленных целей и исследовательского материала (функциональный стиль, тип дискурса, жанр текста и др.) концепция рефлексива может приобретать дополнительные семантические нюансы.

Так, применительно к политическому дискурсу Е.И. Шейгал расширяет данное понятие, определяя его как «любой акт метаязыкового комментирования фактов речи как самого говорящего, так и собеседника» и считая, что рефлексив выступает в качестве гиперонима по отношению к понятиям «интерпретирующие речевые акты» и «речевой акт уточнения». Кроме того, исследовательница считает, что «целью рефлексива является снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине, поэтому «в качестве метаязыковых операторов интерпретации в рефлексивах выступают слова и обороты *на самом деле это означает; так называемый; то, что называют ...; смысл в том, что ...; трактовать как; то есть; точнее; фактически надо понимать как*, а также противительная конструкция (*не X, а Y*)»²⁷.

Для публицистического дискурса А.В. Белоедова, продолжая мысль И.Т. Вепревой о первичной коммуникативной функции рефлексива, определяет данное явление как конструкцию, содержащую «оценку речевой деятельности говорящего». Кроме того, в журналистском тексте рефлексив – это еще и метаязыковой комментарий, выступающий как показатель достоверности информации, помогающий «преодолеть смысловую неопределенность»²⁸. Ярчайший пример функционирования рефлексивов в публицистическом тексте – это авторская экспликация выбора синонимов²⁹.

Следует отметить, что применительно к художественному дискурсу выделяют такие специфические функции рефлексивов, как: уточнение значения слова, демонстрация особенностей функционирования рефлексивов в контексте, введение оценочных значений, актуализация коннотативных составляющих семантики слова, указание на значимость того или иного понятия в контексте языковой ситуации времени или авторской картины мира³⁰.

Отдельную проблему в изучении рефлексивов представляет их функционирование в аспекте наивного языкового сознания, например, в интернет-среде³¹.

Типология и функции рефлексивов

Рефлексивы, согласно концепции И.Т. Вепревой о дискурсивной природе метаязыковой деятельности, делятся на три текстовых типа:

- 1) канонический текст-рефлексив, отдельное речевое произведение;
- 2) рефлексив внутри целого текста:
  - а) в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст,
  - б) в виде метаязыкового высказывания;
- 3) цепочка взаимосвязанных высказываний – текстового фрагмента»³².

²⁷ Шейгал 2005, 278.

²⁸ Белоедова 2014, 143.

²⁹ Черняк (ред.) 2004, 119–120.

³⁰ Сальман 2009, 138.

³¹ Ефремов 2014.

³² Вепрева 2003, 67.

И.Т. Вепрева же выделяет и две основные группы функций рефлексивов:

1) группа первичной «коммуникативной» функции (временная характеристика слов, оценка фактов речи, стилистическая критика «уместности-неуместности» и т.д.);

2) группа вторичной «концептуальной» социально-оценочной функции (отражение эволюции ценностной системы языковой личности, мировоззренческие установки в социально неоднородном обществе)³³.

Исходя из данной логики, рефлексивы делят на коммуникативные и концептуальные. Эта классификация основана на идее о том, что «появление в тексте рефлексива нарушает автоматизм восприятия текста, заставляет остановиться, обратить внимание на ту или иную лексическую единицу», поэтому различная реакция определяет тип рефлексива: «рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение, и рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение»³⁴.

Основываясь на классификации рефлексии А.А. Залевской, выделяют первичные и вторичные рефлексивы: «К “первичным рефлексивам” можно отнести короткие реплики, попутные замечания, включенные в текст, имеющий иные целевые установки <...> Другой тип рефлексивов – “вторичные рефлексивы” – представлен отдельными метаязыковыми высказываниями или целыми текстовыми фрагментами, включающими ряд взаимосвязанных высказываний на данную тему»³⁵.

Кроме того, ряд исследователей вслед за И.Т. Вепревой разграничивает рефлексивы по структуре: эксплицитные и имплицитные. Первые содержат вербально выраженный авторский комментарий, во вторых такой комментарий отсутствует. При этом эксплицитные рефлексивы могут выступать в двух формах: как простое и как оценочное комментирование. Согласно И.Т. Вепревой, простое комментирование – это метаязыковой комментарий, а оценочное комментирование – это метаязыковая интерпретация. У имплицитных же рефлексивов отсутствует собственно вербально выраженный комментарий; в таком случае рефлексия проявляется с помощью кавычек, курсива и иных графических выделений.

Заключение

Языковая рефлексия выражает отношение к языку-объекту с помощью метаязыка, поскольку «объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлексивируемого происходит с помощью языка второго порядка»³⁶. Благодаря тому, что рефлексив – это вербальная форма выражения языковой рефлексии, его можно рассматривать в качестве единицы метаязыка. (Иная точка зрения на единицы метаязыка представлена, например, в работе А.В. Павловой, 2011³⁷.)

Термин «рефлексив» находится в одном ряду с такой терминологической единицей, как «метатекст». Однако только рефлексив «подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии [выделено И.Т. Вепревой. – Е.И.], направленность языкового сознания на познание

³³ Падучева 1996, 8–9.

³⁴ Сальман 2009, 134.

³⁵ Балахонская 2010, 44.

³⁶ Залевская 2015, 34.

³⁷ Павлова 2011.

самого себя»³⁸. Таким образом, рефлексив и метатекст соотносятся с языковой рефлексией по-разному. Рефлексив выражает языковую рефлексию, а метатекст выступает как высказывание о высказывании; следовательно, в метатексте необязательно должна присутствовать только языковая рефлексия.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрусенко, Е.А. 2011: Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева). *Сибирский филологический журнал* 1, 89–94.
- Ахманова, О.С. 1966: *Словарь лингвистических терминов*. М.
- Балахонская, Л.В. 2010: Язык рекламных текстов как объект рефлексии творческой личности. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена* 137, 41–51.
- Белоедова, А.В. 2014: Журналистский текст на шкале безусловной и проблемной достоверности. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки* 6 (177). Т. 21, 141–146.
- Борботько, В.Г. 2007: Языковая рефлексия в метаязыке лингвистики. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты* 10, 18–26.
- Буров, А.А. 2010: *Проблема метатекста в современной лингвистике*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf
- Вежицка А. 1978: *Метатекст в тексте. Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. VIII. М., 402–421.
- Вепрева, И.Т. 2003: *Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении*: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург.
- Вепрева, И.Т. 2005: *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. М.
- Ефремов, В.А. 2014: О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета. *Антропологический форум* 21, 74–81.
- Залевская, А.А. 2015: «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»* 4, 29–36.
- Иванов, Н.В. 2007: Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык. *Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. Материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации*. М., 43–50.
- Кобозева, И.М. 2000: *Лингвистическая семантика*. М.
- Кронгауз, М.А. 2005: *Семантика*. М.
- Лесников, С.В. 2011: Типология русских словарей лингвистической терминологии. *Мир науки, культуры, образования* 6 (31), 6–10.
- Мокрова, Н.И., Позднякова, С.Ю. 2014: Метатекст в песнях на кельнском диалекте как выражение языкового сознания диалектоносителя. *Вестник Иркутского государственного технического университета* 1 (84), 230–233.
- Павлова, А.В. 2011: Фундаментальные единицы метаязыка современной лингвистики. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета* 7, 262–269.
- Падучева, Е.В. 1996 *Язык. Культура. Познание*. М.
- Резанова, З.И. 2008: Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии. *Язык и культура* 1, 78–85.
- Репринцева, М.А. 2014: Понятие метаязыка и его трактовки. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»* 2, 232–237.
- Савицкая, Л.С. 2009: О приеме зачеркивания как средстве метакатегориальной организации модусной перспективы высказывания (на материале интернет-дневников). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6 (2), 346–349.

³⁸ Вепрева 2005, 77.

- Сальман, Е.А. 2009: Авторская рефлексия как знак освоения новых явлений в лексике (на материале публицистики М.А. Булгакова 1920-х годов). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика* 4, 133–139.
- Сон, Л.П. 2012: Лингвистический статус языка интернет-коммуникации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация* 2, 49–56.
- Трушкова, Л.О. 2011: Метаязык анализа языковой и концептуальной структуры эмоциональных концептов. *Проблемы социально-экономического развития Сибири* 3, 114–119.
- Черняк, В.Д. (ред.) 2004: *Русский язык и культура речи*. СПб.–М.
- Шаймиев, В.А. 2012: Так метатекст или метадикурс? *Вестник Башкирского университета* 1, Т. 17, 563–565.
- Шейгал, Е.И. 2005: *Семиотика политического дискурса*: дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Шмелева, Т.В. 1994: *Семантический синтаксис*. Красноярск.

REFERENCES

- Andrusenko, E.A. 2011: Funkcii metateksta v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy V. Astaf'eva). *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* 1, 89–94.
- Ahmanova, O.S. 1966: *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moscow.
- Balahonskaya, L.V. 2010: Yazyk reklamnykh tekstov kak obyekт reflexii tvorcheskoy lichnosti. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 137, 41–51.
- Beloedova, A.V. 2014: Zhurnalistskiy tekst na shkale bezuslovnoy i problemnoy dostovernosti. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 6 (177). Т. 21, 141–146.
- Borbot'ko, V.G. 2007: Yazykovaya refleksiya v metayazyke lingvistiki. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* 10, 18–26.
- Burov, A.A. 2010: *Problema metateksta v sovremennoy lingvistike*, https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_vii_00003.pdf
- Chernyak, V.D. (eds.) 2004: *Russkiy yazyk i kul'tura rechi*. Saint-Petersburg–Moscow.
- Efremov, V.A. 2014: O novykh formakh naivnoy lingvistiki v epohu interneta. *Antropologicheskij forum* 21, 74–81.
- Ivanov, N.V. 2007: Intertekst – metatekst: kul'tura, diskurs, yazyk. *Yazykovye konteksty: struktura, kommunikatsiya, diskurs. Materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii po aktual'nykh problemam yazyka i kommunikatsii*. М., 43–50.
- Kobozeva, I.M. 2000: *Lingvisticheskaya semantika*. Moscow.
- Krongauz, M.A. 2005: *Semantika*. Moscow.
- Lesnikov, S.V. 2011: Tipologiya russkikh slovarey lingvisticheskoy terminologii. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 6 (31), 6–10.
- Mokrova, N.I., Pozdnyakova, S.Yu. 2014: Metatekst v pesnyakh na kyel'nskom dialekte kak vyrazhenie yazykovogo soznaniya dialektonositelya. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* 1 (84), 230–233.
- Paducheva, E.V. 1996 *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow.
- Pavlova, A.V. 2011: Fundamental'nye edinicy metayazyka sovremennoy lingvistiki. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 7, 262–269.
- Reprintseva, M.A. 2014: Ponyatie metayazyka i ego traktovki. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* 2, 232–237.

- Rezanova, Z.I. 2008: Vnutrennyaya forma slova kak ob''ekt metayazykovoy refleksii. *Yazyk i kul'tura* 1, 78-85.
- Sal'man, E.A. 2009: Avtorskaya refleksiya kak znak osvoeniya novykh yavleniy v leksike (na materiale publitsistiki M.A. Bulgakova 1920-h godov). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* 4, 133-139.
- Savitskaya, L.S. 2009: O priyeme zachyerkivaniya kak sredstve metakategorial'noy organizatsii modusnoy perspektivy vyskazyvaniya (na materiale internet-dnevnikov). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 6 (2), 346-349.
- Shaymiev, V.A. 2012: Tak metatekst ili metadiskurs? *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 1, T. 17, 563-565.
- Sheygal, E.I. 2005: *Semiotika politicheskogo diskursa*: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow.
- Shmelyeva, T.V. 1994: *Semanticheskij sintaksis*. Krasnoyarsk.
- Son, L.P. 2012: Lingvisticheskiy status yazyka internet-kommunikatsii. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* 2, 49-56.
- Trushkova, L.O. 2011: Metayazyk analiza yazykovoy i konceptual'noy struktury emotsional'nykh konceptov. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* 3, 114-119.
- Vepreva, I.T. 2003: *Metayazykovaya refleksiya v funktsional'no-tipologicheskom osveshchenii*: dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg.
- Vepreva, I.T. 2005: *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu*. Moscow.
- Vezhbitska A. 1978: *Metatekst v tekste. Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. VIII. M., 402-421.
- Zalevskaya, A.A. 2015: «Refleksiya» i «yazykovoe soznanie»: voprosy terminologii. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* 4, 29-36.

LANGUAGE REFLEXION: FROM METATEXT TO REFLEXIVE

Evgeniy B. Ivannikov

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
ivannikov_evgeni@mail.ru

Abstract. The article deals with modern research concepts «metalanguage», «metatext» and «reflexive». Two main approaches to the researching of metalanguage in Russian linguistics have been outlined. The first one is connected with the conception of metatext used mainly in the analyses of fiction and scientific texts. The second one appeals to the idea of language reflexion and is mostly focused on journalism.

The analysis results show that, in contrast to the multivalued term «metatext», used by a variety of philological disciplines, the metalanguage is terminated quite simple: it is a second-order language, which describes the primary language or the language-object. There are two points of view on their correlation: (1) language-object is described in the same language with the help of metalanguage of logic; (2) metalanguage is strongly opposed to the language-object.

Unlike the metatext, metalanguage is always caused by language reflection and embodied in reflexives. The reflexive is a metalanguage utterance commenting on the used word or expression. The conception of the reflexive acquires additional semantic nuances in various discourses: in political discourse, the reflexive is described as any act of metalanguage commentation of speech acts; in journalism – the reflexive is a construction containing an evaluation of the speech activity of a speaker; in fiction, the reflexive clarifies the meanings of the word and expresses the evaluation.

The reflexives have various grounds for classification. From the viewpoint of textual

---

realization, the reflexives are divided into the text-reflexive, the reflexive within the text and the range of interrelated utterances. Furthermore, the reflexives are classified into communicative and conceptual, primary and secondary, explicit and implicit.

Key words: metalanguage, metatext, language reflexion, metalanguage consciousness, language-objects, metatext operator, reflexive, metalanguage utterance

---

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ И ВАКХИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

Е.В. Пожидаева*, Н.А. Козько**

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва,
elenabelenko@mail.ru

** Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
kozko_natalia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются базовые концепты/концептосферы любой лингвокультуры. По мнению авторов статьи, гастрономическая и вакхическая концептосферы являются аксиологически значимыми для характеристики национального менталитета. Лингвокультура питания и питья рассматривается как часть общей национальной лингвокультуры, которая имеет способность влиять как на формирование, так и на развитие этнокультуры. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к анализу данных и наблюдений за культурой питания и питья в различных дисциплинах и в их комплексах позволяет понять ее как ключ, код к пониманию национальной культуры в целом, становятся средством реконструкции национальной картины мира. В рамках данных подходов наибольший интерес для авторов статьи представляют лингвокультурологические или концептуальные поля. В рамках лингвокультурологического поля синтезируются 2 содержания: лингвистическое и экстралингвистическое (культурологическое). В лингвокультурологии понятие концептуального поля является одним из ключевых. Цель описания лингвокультуры питания и питья в пределах предлагаемой парадигмы – не только найти в каждой языковой форме ее когнитивный аналог, описать ее концептуальную структуру, но и определить процесс формирования наименования и процесса коагуляции. Специфика предлагаемого исследовательского метода состоит в ориентации на когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики, вступающую в диалогические научные связи с лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой, семиотикой, лексической семантикой. Таким образом, междисциплинарная природа изучения культуры питания и питья объясняется, с одной стороны, самим характером объекта (связь материального и идеального, языка и сознания в культуре питания и питья), с другой стороны, современным этапом развития гуманитарных наук: их активной конвергенцией, синтезом, пересечением исследовательских областей.

Ключевые слова: концепт, лингвоконцептология, лингвокультурология, лингвокуль-

---

Пожидаева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Козько Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

тура питания, лингвокультура питания, семантическое поле, концептосфера, мультикультурализм

Введение

Лингвоконцептология – это вполне состоявшееся и активно развивающееся научное направление с устоявшимся категориальным аппаратом с выходом в лексикографическую практику, о чем свидетельствует появление словарей концептов, практики перевода и лингводидактики.

По мнению В. Телия, лингвокультуралогия на сегодняшний день является самым молодым ответвлением этнолингвистики¹.

Лингвоконцептология или, вслед за В.И. Теркуловым, лингвальная когнитология, когнитивная лингвальная семиотика² – отрасль научного знания, которая, по мнению известного лингвоконцептолога Воркачева С.Г., «синтезирует в себе идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования действительности, культурологического описания этнической и социально-групповой специфики миропонимания, семантического структурирования реальности»³.

Базовая единица лингвокогнитологии – концепт. Наиболее авторитетная, но в то же время наиболее широкая трактовка концепта определяет его как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁴.

Базовый постулат методологии лингвоконцептологии был выведен Е.С. Кубряковой, по словам которой: «каждое языковое явление можно считать адекватно описанным только в том случае, если оно рассмотрено на пересечении когнитивной и коммуникационной»⁵. Под языком же понимается «обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании каждого индивида знание о мире, проявляющееся в коммуникативной деятельности»⁶. Действительно, диалектика стереотипного и индивидуального принципиально важна в понимании эпистемологической природы концепта: индивиды являются носителями концептуальных воззрений, но сами они имеют коллективное, архетипическое происхождение.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, концепт формируется «как единица универсального кода, т.е. как индивидуальный чувственно-предметный образ», затем с течением временем сформированный образ абстрагируется от реального объекта, поэтому правомерно сделать вывод, что личностные образы связаны с этнокультурными представлениями и, в итоге, становятся или личными, или групповыми, или общезначимыми⁷.

¹ Воркачев 2002, 79–95.

² Теркулов 2011, 245.

³ Воркачев 2007, 24–25.

⁴ Кубрякова 1997, 90.

⁵ Кубрякова 2004, 16.

⁶ Карасик 2007, 4.

⁷ Алефиренко 2006, 47.

Отечественная лингвистика разрабатывает несколько направлений исследований, связанных с изучением сущностных характеристик концепта:

- философско-логическое направление, в рамках которого изучаются когнитивные основы знаковости, проводится концептуальный анализ логическими методами без учета их языковой формы (А.В. Кравченко, Н.Д. Арутюнова);
- семантико-когнитивное направление, представляющее исследование семантики путем моделирования как способа описания содержания концепта (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин);
- лингвокультурологическое направление, включающее междисциплинарное исследование концепта, его реализации в языке как элементов национальной лингвокультуры в его связи с национально-культурной спецификой (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов).

Несмотря на значительное количество опубликованных исследований, посвященных проблеме описания содержания культурных концептов, в специализированной литературе до сих пор нет списка ключевых концептов культуры и все еще не определены критерии их описания.

А. Вежбицкая утверждает, что наилучшим индикатором констант культуры являются «ключевые слова», под которыми понимаются «общеупотребительные, а не периферийные слова, очень часто находящиеся в пословицах, изречениях, песнях, заголовках газет и т.п.»⁸. По этой причине особый интерес вызывают исследования современной новомосковской школы концептуального анализа «ключевых слов культуры» (А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев).

Лингвоконцептология своей целью ставит описание концептов, названных в языке при помощи лингвистических средств. Язык при таком подходе является не только средством коммуникации, но и мировоззрением народа-носителя этого языка, в нем зафиксирована биография нации.

Национально-культурные обычаи и жизненный уклад народа находят свое отражение в базовых концептах, в которых находит свое отражение культурное самосознание индивида, признание его принадлежности к общей культуре. В свете идей Л.Н. Гумилева видится возможным определять концепты как «стандарты поведения членов этнической системы»⁹. Отсюда следует, что с точки зрения этногенеза концепты как маркеры наследственности восходят к традиции и отражают процесс адаптации этноса к окружающему миру. Особенности национальной культуры в процессе развития народа проходят переосмысление, входя в мир мысли данного этноса, становясь частью его национальной концептосферы.

Гастрономическая и вакхическая концептосферы являются аксиологически значимыми для характеристики национального менталитета. При таком подходе лингвокультура питания и питья рассматривается как часть общей национальной лингвокультуры, которая обладает способностью оказывать влияние на формирование и развитие этнокультуры в целом, что особенно актуально в рамках современной тенденции исследования ментальных механизмов созидания материальных ценностей, когда национальная идентичность подвержена деконструкции, мультикультурному рассеиванию.

⁸ Вежбицкая 1996, 36.

⁹ Гумилев 1994, 109.

Одной из центральных проблем лингвистической аксиологии является соотношение ценностно-культурных компонентов *global* и *local*, то есть глобального (мультикультурного, универсального, межнационального) и локального (национального, этнического, регионального). Состав мировоззренческих, эмотивных, этических и других концептов трансформируется под влиянием ускоренных исторических процессов, видоизменяя традиционные картины мира.

Именно семиотика потребления как такового как область символического означивания социальных процессов развивается сегодня наиболее стремительно. Исследование лингвистической репрезентации культуры питания и питья позволяет выявить базовые стереотипы нации в сенсорно-материальной области вкуса, эмотивно-эстетического восприятия пищи и напитков, традиций их употребления и др.

Быт и бытие нации формируются как комплекс базовых культурных кодов – одежды, оружия, кухни, агрикультуры, письма, художественных кодов, литургии, развлечений и пр. Пищевому коду, формирующему культуру, принадлежит приоритетная функция. Понятие «пищевой код» используется в работах семиотического, лингвoseмиотического и лингвокультурологического направлений: Захарова С.В.¹⁰, Гашимова Э.А.¹¹, Воробьевой С.В.¹², Рапай К.¹³, Беленко Е.В.¹⁴, Мироновой И.К.¹⁵ В последнее десятилетие в этом направлении наиболее распространены компаративистские исследования двух и более лингвокультур. Исследовательские работы О.В. Беляковой¹⁶, Н.П. Головницкой¹⁷, Л.Р. Ермаковой¹⁸, М.В. Ундрицовой¹⁹ и др. включают разработку лингвокультурологического инструментария и моделирование актуальной лингвокультурной ситуации, определяемой процессами заимствования лексики, ее адаптации, создания неологизмов, мультикультурной интеграции лексики, заимствование фразеологии и словообразовательных схем и др. В отдельных случаях для детализированного рассмотрения современной лингвокультурной ситуации авторы обращаются к диахроническому срезу, т.е. этимологии, истории языка на всех уровнях его структуры, взятых в культурном контексте.

Среди отечественных исследований, посвященных феноменологии питания одной лингвокультуры, следует отметить трехтомную монографию М.В. Загидуллиной о рационе русской нации²⁰. Данное масштабное междисциплинарное исследование претендует на создание модели национальной идентичности, включающей базовые предпочтения в области питания и питья. Автор полагает, что национальная суть скрывается в самых базовых потребностях и с этой точки зрения анализирует ежедневный прием пищи.

¹⁰ Захаров 2008.

¹¹ Гашимов 2005.

¹² Воробьева 2010.

¹³ Рапай 2008.

¹⁴ Беленко 2006.

¹⁵ Миронова 2002.

¹⁶ Белякова 2007.

¹⁷ Головницкая 2007.

¹⁸ Ермакова 2010.

¹⁹ Ундрицова 2012.

²⁰ Загидуллина 2007.

Параллельно с лингвокультурными исследованиями гастрономической концептосферы ведутся исследования и лингвокультуры питания. В рамках этих исследований в центре внимания оказываются вакхический дискурс и вакхические номинации²¹ лингвокультурные особенности номинации напитков в различных языках²².

В рамках лингвоконцептологии сформировалось два направления: лингвокогнитивное и лингвокультурное.

Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к анализу данных и наблюдений за культурой питания и питья в различных дисциплинах и в их комплексах позволяет понять ее как ключ, код к пониманию национальной культуры в целом, становятся средством реконструкции национальной картины мира. Лингвокультура питания и питья, таким образом, исследуется с точки зрения методологически смежных дисциплин – лингвистики, культурологии, когнитивной лингвистики, теории дискурса, что отражает общую тенденцию современной гуманитарной науки к синтезу методов, созданию кросскультурной и кроссдисциплинарной парадигмы. В русле вышеуказанного подхода наибольший интерес для нашего исследования представляют лингвокультурологические или концептуальные поля. Концепт, будучи ментальным образованием, вербализуется с помощью языковых единиц. Вокруг концепта формируется концептуальное поле, которое представляет собой некую идеальную основу. Языковые единицы, при помощи которых происходит вербализация данного поля, образуют лексико-семантическое поле. Концептуальное поле, как глубинный уровень, и лексико-семантическое поле, как внешний уровень, взаимосвязаны.

Что касается лингвокультурологического поля, лингвисты, как правило, представляют его в виде определенного комплекса единиц, в которых отражается соответствующий фрагмент национальной культуры. В лингвокультурологическом поле, как и в других типах полей, выделяют ядерную лексему-понятие, центр, включающий классы основных понятий, и периферийную область как систему смежных полей. Парадигматические и синтагматические характеристики лингвокультурологического поля являются его неотъемлемыми частями, отражающими коммуникативную направленность языка.

Лингвокультурологическое поле соединяет лингвистическое содержание с экстралингвистическим (культурологическим). Понятие концептуального поля является одним из основных в лингвокультурологии. Доказано, что в процессе полевого структурирования концепта/концептосферы обнаруживаются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, определяются особенности языкового сознания, в том числе его национально-культурные особенности. В концептуальном поле выделяется большинство полевых структур: семантические, ассоциативные, тематические, а также лингвокультуремы. Следовательно, описание концепта включает описание его понятийно-дефиниционных, коннотативных, образных, оценочных и ассоциативных характеристик.

Концепт как минимальная единица описания концептуального поля определяется как ментальная структура, отражающая знание и опыт человека, как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной

²¹ Реймер 2011; Олянич 2004.

²² Морель Морель 2012; Реймер 2011; Козько 2012.

системы, картины мира, которая закреплена в психике индивида. Концептуальное поле характеризуется открытостью, под которой понимается способность изменяться и взаимозаменять элементы, а также дополняться другими элементами системы. Взаимозависимость содержания определяет наличие общих элементов, соединяющих компоненты в узлы в рамках одного концептуального поля, и шире – различные концептуальные поля – в единое концептуальное пространство. Концептуальное поле является наиболее масштабным ментальным образованием, включающим разного типа когнитивные структуры и разнообразные формы ментальных репрезентаций. Концептообразующее содержание того или иного концепта создает некое концептуальное пространство, в рамках которого актуализируются составляющие его образы, что фактически и образует концептуальное поле. В концептуальном пространстве подобных концептообразующих составляющих определяется конфигурация базиса как понятийного ядра концепта, которое формирует поле, определяются зоны его пересечения с другими полями в рамках концептуального пространства. Под базисом понимается набор составляющих поля, через который можно передать любой другой элемент, входящий в него.

Анализ и обобщение существующих точек зрения на проблему понимания сущности концепта в современной лингвистике с учетом характерных особенностей предмета исследования позволили определить ряд базовых инструментальных понятий, которыми необходимо пользоваться в ходе концептуального анализа культуры питания и питья: 1) языковая картина мира; 2) концепт, концептуальное поле (концептосфера), ядро и периферия концептосферы; 3) метафора; 4) заимствование, неологизм.

В связи с этим цель описания лингвокультуры питания и питья в пределах предлагаемой концептосферы питания и питья – не только найти к каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуры, но и аргументировать критерии выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания²³, иными словами, установить тактику формирования наименования и процессов коагуляции. Для построения концептуально-семантической системы в рамках их вербальной и дискурсивной реализации, общей для представителей отдельно взятого языкового сообщества, то есть специфичной, национально-детерминированной системы, характеризующей членов одного лингвокультурного сообщества, требуется обращение к когнитивно-дискурсивному подходу. Такой подход позволяет изучать лингвокультурные реалии и универсалии (концепты) во всей полноте речевых репрезентаций.

Специфика предлагаемого исследовательского метода состоит в ориентации на когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики, вступающую в диалогические научные связи с лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой, семиотикой, лексической семантикой. Таким образом, междисциплинарная природа изучения культуры питания и питья объясняется, с одной стороны, самим характером объекта (связь материального и идеального, языка и сознания в культуре питания и питья), с другой стороны, современным этапом развития гуманитарных наук: их активной конвергенцией, синтезом, пересечением исследовательских областей.

²³ Кубрякова 2004.

Лингвоконцептология является одним из наиболее перспективных направлений, позволяющих использовать различные методологические подходы, которые с учетом существенной дифференциации предмета объединены одним фундаментальным принципом: язык – это и процесс, и, одновременно, продукт человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф. 2006: *Язык, познание, культура: Конитивно-семиологическая синергетика слова*. Волгоград.
- Беленко, Е.В. 2006: *Концептосфера «Продукты питания» в национальной языковой картине мира*. Челябинск.
- Белякова, О.В. 2007: *Лингвокультурный аспект языковой номинации: на материале англоязычных лингвокультурных сценариев «Посещение ресторана», «Посещение кинотеатра», «Бытовое обслуживание»*. Самара.
- Вежбицкая, А. 1996: *Язык. Культура. Познание*. М.
- Воркачев, С.Г. 2002: Методологические основания лингвоконцептологии. *Теоретическая и прикладная лингвистика* 3, 79–95.
- Воркачев, С.Г. 2007: К плюрализму в лингвистике: концепт концепта. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики* 15, 19–24.
- Воробьева, С.В. 2010: Лингвосемиотическая специфика англоязычного средневекового гастрономического дискурса. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова* 12, 32–43.
- Гашимов, Э.А. 2005: *Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода: на материале лексико-фразеологического поля «продукты питания»*. Самара.
- Головницкая, Н.П. 2007: *Лингвокультурные характеристики немецкого гастрономического дискурса*. Волгоград.
- Гумилев, Л.Н. 1994: *Этногенез и биосфера Земли*. М.
- Ермакова, Л.Р. 2010: *Глоттоническая номинация в этнокультурном аспекте*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm
- Загидуллина, М.В. 2007: *Рацион: Национальная идея*. Челябинск.
- Захаров, С.В. 2008: *Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глоттонии*. Волгоград.
- Карасик, В.И. 2007: *Языковые ключи*. Волгоград.
- Козько, Н.А. 2012: Лингвокультурные особенности концепта «спиртные напитки» в английском языке. *ПИФК* 1, 334–343.
- Кубрякова, Е.С. 1997: *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.
- Кубрякова, Е.С. 2004: Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. *Известия АН* 3 (63), 3–12.
- Миронова, И.К. 2002: *Концептосфера «еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации*. Екатеринбург.
- Морель Морель, Д.А. 2012: *Наименования напитков в национальных картинах мира: сопоставительный аспект исследования (на материале русского, французского и английского языков)*. М.
- Олянич, А.В. 2004: *Презентационная теория дискурса*. Волгоград.
- Рапай, К. 2008: *Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему*. М.

- Реймер, Ю.В. 2011: *Лингвосемиотика вакхической лингвокультуры в русском и немецком языках*. Волгоград.
- Теркулов, В.И. 2011: *Лингвальная когнитология*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ifl.uspu.ru/images/stories/books/sbornik_1_2011.pdf
- Ундрицова, М.В. 2012: *Гастрономический дискурс: лингвокультурологический и переводческий аспекты*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/uploaded/800/dvd/structure_25_1863.htm

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. 2006: *Yazyk, poznanie, kul'tura: Kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova*. Volgograd.
- Belenko, E.V. 2006: *Kontseptosfera «Produkty pitaniya» v natsional'noy yazykovoy kartine mira*. Chelyabinsk.
- Belyakova, O.V. 2007: *Lingvokul'turnyy aspect yazykovoy nominatsii: na materiale angloyazychnykh lingvokul'turnykh stsenariyev «Poseshchenie restorana», «Poseshchenie kinoteatra», «Bytovoe obsluzhivanie»*. Samara.
- Ermakova, L.R. 2010: *Glyuttonicheskaya nominatsiya v etnokul'turnom aspekte*, http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm
- Gashimov, E.A. 2005: *Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki angliyskogo lingvokul'turnogo koda: na materiale leksiko-frazeologicheskogo polya «produkty pitaniya»*. Samara.
- Golovnitskaya, N.P. 2007: *Lingvokul'turnye harakteristiki nemetskogo gastronomicheskogo diskursa*. Volgograd.
- Gumilyev, L.N. 1994: *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moscow.
- Karasik, V.I. 2007: *Yazykovye klyuchi*. Volgograd.
- Koz'ko, N.A. 2012: Lingvokul'turnye osobennosti kontsepta «spirtnye napitki» v angliyskom yazyke. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1, 334–343.
- Kubryakova, E.S. 1997: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow.
- Kubryakova, E.S. 2004: Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki. *Izvestiya AN* 3 (63), 3–12.
- Mironova, I.K. 2002: *Kontseptosfera «eda» v russkom natsional'nom soznanii: bazovye kognitivno-propozitsionnye struktury i ih leksicheskie reprezentatsii*. Ekaterinburg.
- Morel' Morel', D.A. 2012: *Naimenovaniya napitkov v natsional'nykh kartinakh mira: sopostavitel'nyi aspect issledovaniya (na material russkogo, frantsuzskogo i angliyskogo yazykov)*. Moscow.
- Olyanich, A.V. 2004: *Prezentatsionnaya teoria discursa*. Volgograd.
- Rapay, K. 2008: *Kul'turnyy kod: Kak my zhivym, chto pokupaem i pochemu*. Moscow.
- Reymer, Yu.V. 2011: *Lingvosemiotika vakhicheskoy kul'tury v russkom i nemetskom yazykah*. Volgograd.
- Terkulov, V.I. 2011: Lingval'naya kognitologiya, http://ifl.uspu.ru/images/stories/books/sbornik_1_2011.pdf
- Undritsova, M.V. 2012: Gastronomicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskii i perevodcheskiy aspekty, http://lomonosov-msu.ru/uploaded/800/dvd/structure_25_1863.htm
- Vezhbitskaya, A. 1996: *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow.
- Vorkachyev, S.G. 2002: Metodologicheskie osnovaniya lingvokontseptologii. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* 3, 79–95.
- Vorkachyev, S.G. 2007: K plyuralizmu v lingvistike: kontsept kontsepta. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* 15, 19–24.

- Vorob'yeva, S.V. Lingvosemioticheskaya spetsifika angloyazychnogo srednevekovogo gastronomicheskogo diskursa. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarsvennogo lingvisticheskogo un-ta im. N.A. Dobrolyubova* 12, 32–43.
- Zagidullina, M.V. 2007: *Ratsion: Natsional'naya idea*. Chelyabinsk.
- Zaharov, S.V. 2008: *Lingvosemiotika anglosaksonskoy institutsional'noy glyuttonii*. Volgograd.

GASTRONOMIC AND BACCHIC CONCEPTUAL SPHERES AS A REFLECTION OF NATIONAL MENTALITY (LINGUISTIC AND CONCEPTUAL APPROACH)

Elena V. Pozhidaeva*, Natalia A. Koz'ko**

*Pushkin State Russian Language Institute, Russia,
elenabelenko@mail.ru

**Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
kozko_natalia@mail.ru

Abstract. The article analyses basic concepts of any linguistic culture. The authors consider that gastronomic and Bacchic conceptospheres are axiologically significant for national mentality characteristic. Linguistic culture of food and drink is regarded as a part of the national linguistic culture that can influence the formation and development of ethnoculture. Linguistic cognitive and linguistic cultural approaches to data analysis and observation of culture of food and drink in different spheres allow to consider it as the key factor of the national culture understanding as a whole, they become a means of the national picture of the world reconstruction. Within these approaches the authors concede linguistic cultural or conceptual fields to be the most important. Linguistic cultural field combines linguistic and extralinguistic (cultural) information. The notion “conceptual field” is one of the key notions in cultural linguistics. The aim of linguistic culture of food and drink description within the given paradigm is not only to put every linguistic form in line with its cognitive analog, its conceptual or cognitive structure, but also to set tactics of name forming and processes of coagulation. The peculiarity of the proposed method involves its focus on linguistic cognitive-discursive paradigm that is engaged in scientific relations with cultural linguistics, cognitive linguistics, social linguistics, semiotics and lexical semantics. Thus, interdisciplinary nature of food and drink culture studies is determined, on the one hand, by the character of the object itself (the connection between the material and the ideal, between the language and the consciousness in food and drink culture), on the other hand, by the modern stage of the humanities development: by their active convergence, synthesis and interaction of research areas.

Key words: concept, linguistic conceptology, linguistic culturology, linguistic culture of food, linguistic culture of drink, semantic field, conceptosphere, multiculturalism

---

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ С КОРНЕМ *-БЛАГ-*, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ВЕРШИНАМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

С.Л. Андреева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
216zamsv@mail.ru*

Аннотация. Статья написана в русле исследования пропозиционально-фреймовой структуры концепта «Благо» – ключевого концепта культуры. Анализу подверглось базовое имя концепта, зафиксированное в русском языке в виде лексического гнезда с корневой морфемой *-благ-*. Принципиальной позицией автора является отношение к базовому имени концепта не как научной условности, а как комплексному продукту словесно-логического мышления и факту языковой системы. С помощью базового имени носитель языка возбуждает в сознании собеседника основное содержание концепта – знания, представления, оценки. Подбор базового имени может представлять собой длительный процесс, пока не будет найдена и закреплена в языковом сознании народа нужная лексема, внутренняя форма которой соответствует тематическим линиям данного концепта, и пока фрейм базового имени не будет совпадать с образной схемой, архетипом концепта. Для выстраивания когнитивной структуры базового имени концепта «Благо» в статье использовался пропозиционально-фреймовый анализ гнезда однокоренных слов. В основу данного метода положена идея о фреймовой целостности гнезда – своеобразной «памяти фрейма», закладывающей траекторию дальнейшего развития данного гнезда и его функционирования в речи. Корень *-благ-* (с учетом морфов) в современном русском языке обнаруживается в 32-х словообразовательных гнездах, сформировавших единое семантическое пространство, удерживаемое в рамках лексического гнезда общностью фрейма. Единство гнездового фрейма «Благо» прослеживается в повторяющихся пропозициях вершин словообразовательных гнезд и обеспечивается общим фреймом «Оценка» и производным от него фреймом «Норма». Применив пропозиционально-фреймовый анализ к единицам современного русского языка, автор статьи видит широкие возможности его применения к историческому материалу. Пропозиции позволяют формализовать, спроектировать и сравнить внутреннюю форму корневой морфемы базового имени концепта на разных исторических этапах его развития.

Ключевые слова: концепт, внутренняя форма, корень, пропозиционально-фреймовый анализ, словообразовательное гнездо, оценка

Андреева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии, документоведения и архивоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Введение

Современные исследователи технологий речевого и неречевого воздействия, технологий манипуляции общественным сознанием стали все чаще говорить о «дежурных» концептах, которые стабильно используются коммуникаторами. Такие концепты предсказуемо «активируют» в сознании реципиентов нужные смыслы, притом что общепризнанная ценность данных концептов практически не подвергается критике ни в индивидуальном, ни в общественном сознании. Одним из таких концептов является концепт «Благо», что определяет интерес к особенностям его языковой объективации.

Благо – абсолютная оценочная категория, не сопряженная с одной конкретной ситуацией, кроме самого факта оценки: посредством категории «Благо» что-либо определяется субъектом как положительная ценность. Понятие «благо» включено в глобальный фрейм¹ «Оценка». Логическая структура оценочного высказывания обычно представлена в 4-х логических элементах: *субъект* оценки (subjectum – S) – это лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому объекту; *предмет* оценки (objectum – O) – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются; *основание* оценки (aspectus – Asp) – это то, с какой точки зрения производится оценка, шкала оценок, негласные стереотипы, стандарты, нормы, на которые ориентирована оценка; *характер* оценки – абсолютный или сравнительный². В логической схеме абсолютной оценки, к которой относится категория «благо», характер представлен *результатом выбора* (inference – Inf) – «хорошо»-positivus / «плохо»-negativus / «безразлично»-indifferens. Базовая пропозиция фрейма «Оценка» будет представлена так: «Некто оценивает объект с определенной точки зрения как ценное / неценное / безразличное» (S – оценивает – O – Asp – Inf (positivus/ negativus/ indifferens)). Применительно к категории «благо», которой обозначается все положительно ценное, пропозиция уточняется до формулы: S – оценивает – O – Asp – Inf = positivus. В акцентологической логике к абсолютным положительным оценкам относится категория «норма», которая выступает как общественная оценка: «Нормы – это частный случай оценок, а именно групповые оценки, поддержанные угрозой наказания. Нормативные понятия “обязательно”, “разрешено” определимы в терминах абсолютных оценочных понятий: “Обязательно А” равносильно “А позитивно ценно, и хорошо, что уклонение от А ведет к наказанию”. Нормативное высказывание является сокращенной формулировкой оценочного высказывания»³. Фрейм «Норма» сформировался на основе фрейма «Оценка»: сначала нечто оценивается как положительное, затем, то, что оценено как положительное, рассматривается как основание оценки (Asp = norma N) в последующих ситуациях оценки. Заметим, что концепт «Норма», будучи самостоятельным культурным концептом, не менее значим. Он стал одним из ключевых концептов утопического типа сознания, начиная с середины XIX в.

¹ При использовании термина «фрейм» мы придерживаемся трактовки М. Минского, определяющего его как «структуру данных для представления стереотипной ситуации», с которой «ассоциирована информация разных видов» (Минский 1979, 7).

² Ивин 2004.

³ Ивин 2004.

Связь между концептами «Благо» и «Норма», как и другими концептами утопий, просматривается в когнитивной структуре базового имени концепта – лексеме *благо*, точнее, в корневой морфеме *-благ-* (*-блаж-*). В процессе речевой деятельности для «возбуждения» концепта в сознании не нужна грамматическая оформленность имени, достаточно сигнала в виде морфемы или сочетания морфем, способных передать внутреннюю форму слова, а точнее, целого словообразовательного гнезда (далее – СГ). Мы решили «измерить» структурные границы внутренней формы корневой морфемы *-благ-* /*-блаж-* (ее фрейм, пропозиции, которые транслируются ею). Это поможет выявить модели развития событий, ситуации, которые рассматриваются носителями языка как привычные, типичные для концепта «Благо». Такая возможность заложена и внутренней формой, и глубинным механизмом языковой мотивации (лексической, словообразовательной), и самим процессом категоризации действительности.

Формально-семантические межлексемные связи однокоренных слов позволяют, по нашему мнению, наблюдать «траектории» категоризации. Для одних корневых морфем эти связи ограничиваются рамками одного СГ, для других спектр однокоренных связей захватывает несколько СГ, формирующих в итоге лексическое гнездо (далее – ЛГ), которое «объединяет все однокоренные слова, независимо от того, находятся ли они в словообразовательных отношениях или нет⁴». Это принципиальный для нас момент, поскольку на современном этапе развития русского языка корень *-благ-* обнаружен далеко не в одном СГ. В двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова⁵ нами выявлено 32 СГ с корнем *-благ-* (*-блаж-*). Данный корень вошел непосредственно в вершины 25-ти СГ: «Благо» 118⁶, «Благовест» 10, «Благовидный» 4, «Благоволить» 6, «Благоговеть» 4, «Благодарить» 15, «Благодарствовать» 2, «Благодарять» 3, «Благоденствовать» 4, «Благодушный» 6, «Благолепный» 2, «Благонадежный» 10, «Благообразный» 24, «Благополучный» 13, «Благоприличный» 2, «Благоприятный» 14, «Благорастворение» 2, «Благосклонный» 8, «Благословить» 9, «Благотворить» 22, «Благоухать» 5, «Благочестивый» 2, «Благочинный» 3, «Блаженный» 12, «Блажь» 14. Кроме того, производные с указанным корнем были выявлены еще внутри 7-ми СГ: «Верный» 3; «Обрести» 5; «Пристойный» 8; «Смотреть» 1; «Строить» 13; «Заблаговременный» 2; «Заблагорассудить» 2. Слова в каждом из 32-х СГ находятся в собственно словообразовательных отношениях⁷, а все вместе они формируют в сознании носителя русского языка одно ЛГ «Благо» общей численностью 338 однокоренных слов⁸.

Наличие большого количества СГ с корнем *-благ-* / *-блаж-* связано с происхождением морфемы. Большинство слов, составивших вершины указанных выше СГ, заимствованы русским языком из старославянского, в том числе в виде калек и полукалек с греческих сложных слов с корнем *εὖ-*: Ср. *благочестивый* – *εὐσεβής*, *благодарный* – *εὐχάρης*, *благородный* – *εὐγενής* и т.д. Создание сложных слов по

⁴ Тихонов, Хашимов, Журавлева 2008/1, 537.

⁵ Тихонов 1985.

⁶ Цифрами указано количество членов с корнем *благ-* в каждом СГ.

⁷ «Собственно словообразовательными являются те формально-семантические межлексемные связи, за которыми стоят непосредственные акты образования слов (в диахроническом или синхроническом их понимании)» (Михайлов 1976, 14).

⁸ Тихонов 1985.

образцу греческих для передачи новых христианских понятий активизировало в русском языке модели словосложения⁹. Каждое заимствование сформировало в свое СГ, но сохранило семантическое и смысловое сходство корневой морфемы языка-донора.

Для исследования когнитивной структуры ЛГ «Благо» мы применяем метод пропозиционально-фреймового анализа. Его разработчиком применительно к комплексным единицам словообразования стала Кемеровская дериватологическая школа (Л.А. Араева, Е.В. Белгородцева, К.А. Демиденко, И.В. Евсеева, Т.В. Жукова, Т.В. Ковалева, М.С. Косырева, А.М. Кыртепэ, М.Н. Образцова, М.А. Осадчий, А.Н. Шабалина, М.Г. Шкуропацкая и др.). В основе предлагаемых кемеровскими учеными методик анализа СГ лежит гипотеза о том, что сам феномен гнезда порожден не научной абстракцией, а «сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мировидения¹⁰. Фрейм СГ структурируется и развивается в результате сложного взаимодействия полисемии лексем и собственно деривационных процессов. Единицей структурирования фрейма является элементарная схема ситуации, ситуация в отвлечении от субъективного смысла, или пропозиция – семантическая константа, инвариант, смысл, отделенный (по Г. Фреге¹¹) от вербальных способов его выражения. Мы провели пропозиционально-фреймовый анализ лексем с корнем *-благ-*, ставших вершинами 25-ти СГ в современном русском языке (см. таблицу 1). Для описания мы использовали традиционную для данного метода номенклатуру¹².

Как можно видеть, внутренняя форма корневой морфемы *-благ-* /*-благж-* в русском языке хранит возможности реализации в речи 36-ти пропозиций, которые будут восприниматься носителями как нормальные, привычные. Ряд пропозиций повторяются и развиваются от вершины к вершине, что обеспечивает связь СГ в рамках ЛГ и формирует единое когнитивное пространство базового имени концепта. Рамки статьи не позволяют увидеть связи, обнаруживающиеся в дальнейшем при анализе производных внутри СГ, то есть те ситуации, в которых применялась категория «благо» для собственно русского деривационного процесса.

Любопытно, что корневая морфема *-благ-* используется не только как исключительно положительная оценка, но и как отрицательная (наблюдается корневая энантиосемия). Это интересный факт, который заслуживает отдельного рассмотрения. Также в пропозиционально-фреймовой структуре (далее – ПФС) корня *-благ-* мы обнаруживаем нормативные оценки «соответствует норме» и «не соответствует норме», что демонстрирует наличие фрейма «Норма» и возможность связи концептов «Благо» и «Норма» в речи.

⁹ Петрухина 2014.

¹⁰ Осадчий 2007, 5

¹¹ Frege 1952, 6.

¹² S (субъект) – совершитель действия; O (объект) – объект направленного действия; O' (косвенный объект) – объект параллельного воздействия; P (предикат) – действие, совершаемое субъектом; Mod (модус) – способ совершения действия; L (локус) – место совершения действия; K (конъюнктор) – условная единица, не обозначающая участника ситуации и символизирующая ситуацию в целом (Осадчий 2007, 11); Scop (Scorum) – цель/назначение (Андреева 2016).

Таблица 1

Пропозиционально-фреймовый анализ лексического значения вершин СГ с
корнем *благ-*

Лексема-вершина СГ количество членов СГ	Значение производящей основы ¹³	Состав пропозиций производящей основы
<i>Благо</i> – 118.	‘Нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу’; ‘Оценка чего-л. как хорошего’; ‘О ком-чем-н. плохом, негодном’; ‘Добрый поступок’; ‘Счастье’, спокойное и счастливое состоя- ние’; ‘Жизнь в довольстве, полная обеспеченность’; ‘То, что служит к удовлетворению потребностей’; ‘Имущество, вещи’; ‘Материаль- ные утехи жизни’.	П-1 «Некто оценивает объект (пред- меты, поведение, состояние, жизнь, чувство) с определенной точки зре- ния как ценное / неценное» (S – оце- нивает – O – Asp – Positiv)=K ₁). П-2 «Некто оценивает объект (пред- меты, поведение, состояние, жизнь, чувство) с определенной точки зре- ния как неценное» (S – оценивает – O – Asp – Negativ). П-3 «Некто ведет себя таким обра- зом, что вызывает положительную оценку у себя и у других» (S(=O ₁) – ведет себя (Asp ₁) – Mod. (+K ₁)). П-4 «Некто находится в состоянии, которое вызывает положительную оценку у себя и у других» (S – на- ходится в состоянии – Mod (=O ₁)). П-5 «Некто живет в условиях, кото- рые положительно оцениваются им и другими людьми» (S – живет (=O ₁) – Mod. (+K ₁)). П-6 «Некто удовлетворяет потреб- ности людей, поэтому оценивается как положительное» (O (=O ₁) – удов- летворяет потребности (Asp ₁) – O (=S) (+K ₁)). П-7 «Некто владеет предме- тами» (S – владеет – O (=O ₁)). //Корневая морфема обозначает саму ситуацию оценки целиком; информи- рует об объекте оценки (O – людях, материальных предметах, поступках, эмоциях, состоянии, жизни); об осно- ваниях оценки (Asp – материальном обеспечении жизни, условиях жизни, способности удовлетворять потребно- сти людей, доставлять удовольствие, наличии счастья, довольства, покоя); о результатах оценки (Inf – позитивное и негативное).
<i>Благовест</i> – 10	‘Колокольный звон перед нача- лом церковной службы, а также перед началом важнейшей части литургии’.	П-8 «Некто извещает кого-либо о чем-либо положительном» (S – из- вещает – O (=S ₁) – об O (=O ₁) (+K ₁)). // O ₁ может быть информация.

¹³ Значения приводятся в первую очередь по словарю Ожегов, Шведова 1985. Если в других толковых словарях отмечаются иные значения, то они указываются ниже со ссылкой на источник. Если значение толкуется синонимами, то приводятся толкования синонимов по данному словарю.

Благовидный – 4	‘Приличный с виду’. Имеющий приятную внешность; миловидный (о человеке). (Перен.) ‘Приличный; пристойный’ ¹⁴ .	П-9 «Некто выглядит таким образом, что вызывает положительную оценку других людей» (S (O ₁) – выглядит (Asp ₁) – Mod (+K ₁ .)=K ₉). / П-1 + новый Asp – внешний вид человека.
Благоволить – 7	‘Быть расположенным, относиться доброжелательно к кому-нибудь’. (Устар.) ‘Оказывать милость, любезность, соглашаясь на что-нибудь’. ‘Быть доброжелательным, благосклонным, расположенным по отношению к кому-либо’ ¹⁵ .	П-10 «Некто относится к другому человеку» (S – относится – к O – Mod (+K ₁)) = K ₁₀ . П-11 «Некто стремится относиться к объекту положительно» (S стремится к K ₁₀). П-12 «Некто просит о чем-нибудь кого-нибудь» (S – просит – O – об O). П-13 «Некто соглашается на что-нибудь» (S – соглашается на O – Mod). //П-1 новое Asp ₁ – отношение к другому человеку; стремление позитивно относиться к другому человеку; нов. O – ситуация просьбы.
Благоговеть – 4	‘Глубочайшее почтение, стилистически окрашено’ (высок.).	П-10 → П-14 «Некто уважает объект в высокой степени» (S – уважает – O – Mod). П-10 → П-15 «Некто испытывает чувство к другому человеку» (S – испытывает чувство – к O).
Благодарить – 15	‘1. кого (что) за что. Будучи внутренне обязанным кому-н., испытывать и выражать чувство благодарности, признательности; 2. кого (что). Вежливыми словами, жестами выражать свою признательность за что-н.’	П-16 «Некто испытывает положительное чувство к другому человеку в связи с ранее совершенным этим человеком поступком» (S – испытывает чувство – к O – Scop = K _{3, 11, 13}). П-10 → П-17 «Некто демонстрирует другому человеку положительное чувство по отношению к нему за ранее совершенным этим человеком поступком» (S – демонстрирует K ₁₆).
Благодарствовать – 2	‘То же, что благодарить’. <i>Благодарствуйте</i> . ‘Спасибо, благодарю’.	П-16 П-17
Благодать – 3	‘О чем-н. хорошем, имеющемся в изобилии’ (разг.). ‘Очень хорошо, прекрасно (где-н.)’. ‘В религиозных представлениях: сила, ниспосланная человеку свыше (первоначально – для исполнения воли Бога)’.	П-6 // нов. Asp – большое количество ч.-л., изобилие. П-4 // новый слот «место» (locus) (S – находится в состоянии (P) – Mod(=O ₁) – Loc). П-18 «Бог наделил человека силой с определенной целью» (S – наделил силой – O – Scop)
Благодействовать – 4	‘Жить, пребывать в благоденствии’	П-4; П-5
Благодушный – 6	‘Спокойно-беззаботный и радостный’; ‘Расположенный к людям; мягкосердечный, доброжелатель-	П-4; П-10; П-11; П-13; П-15

¹⁴ Ефремова 2000.¹⁵ Ефремова 2000.

	ный'/ 'Находящийся в хорошем расположении духа; довольный'. 'Проникнутый умиротворенностью, снисходительностью' ¹⁶	
Благолепный – 2	'Величественно, торжественно красивый' ¹⁷	П-1 // новый Asp – внешний вид чего-л.; П-15
Благонадежный – 10	'Заслуживающий доверия' (книжн.). 'То же, что благонамеренный' (устар.). 'Не заподозренный в противоправительственной деятельности' (дорев. офиц.) ¹⁸ . 'Не представляющий опасности для существующего политического строя, общественного уклада, заслуживающий политического доверия: б) Не ставящий цели изменения существующего политического строя, лояльный по отношению к действующему порядку. в) Свойственный такому человеку'; 'Обеспечивающий достижение цели'; 'Благопристойный' ¹⁹ .	П-19 «Некто доверяет другому человеку по причине его позитивного поведения» (S – доверяет – O – Scop (= П-3)). П-19 → П-20 «Государство доверяет человеку по причине его позитивного поведения» (S – доверяет – O – Scop (= K ₃)). П-1 → П-21 «Государство оценивает поведение человека» (Государство – оценивает – O – Asp – Positiv – Scop) // нов. S ₁ – государство; нов. Asp ₁ – отсутствие цели изменить политический строй; потенциальная опасность П-22 «Некто НЕ меняет государственный строй» (S – не меняет – O)=K ₂₂). П-23 «Некто опасен для государства» (S – опасен – для O – Scop=K ₂₂) = K ₂₃ . П-24 «Некто не опасен для государства» (S – не есть K ₂₃). П-10 → П-25 «Некто доверяет другому человеку по причине его позитивных целей» (S – доверяет – O – Scop) // Нов. O ₁ оценки – цель человеческой деятельности. П-26 «Некто обеспечивает достижение цели» (S – обеспечивает достижение – O (=Scop)).
Благообразный – 24	'Приятный по внешнему виду, внушающий уважение своей наружностью'.	П-19 // нов. Scop = K ₉ .
Благополучный – 13	'Удачный, успешный, вполне удовлетворяющий'. '1. соотн. с сущ. <i>благополучие</i> , связанный с ним'; 2. Протекающий без осложнений, неприятностей, потрясений. Сопровождаемый успехом, удачей. Не вызывающий тревоги, волнений за свое положение, состояние. 3. Не испытывающий неприятностей, тревог, неудач. Выражающий отсутствие каких-либо тревог, не-	П-6; П-27 «Нечто не мешает протекать процессам» (S – не мешает протекать – O (процесс)). // нов Asp ₁ – наличие помех, препятствий на пути достижения результата, цели. П-25; П-26; П-24 //нов. Asp ₁ – отсутствие тревоги, страха; П-6 //нов Asp ₁ – отсутствие недостатка в чем-л.

¹⁶ Толковый словарь Ефремовой 2000.¹⁷ Евгеньева 1988.¹⁸ Ушаков 1935.¹⁹ Толковый словарь русского языка.

Благополучный – 13	приятностей, неудач. ²⁰ '1. Невредимый. 2. по чему или в отношении чего. Не испытывающий недостатка в чем-нибудь, удовлетворительный в каком-нибудь отношении (газет).' ²¹	
Благоприличный – 2	'Благонравный, приличный' ²² . ПРИЛИЧНЫЙ '1. Соответствующий приличиям, пристойный. 2. кому-чему. Подходящий, соответствующий (устар.). 3. Хороший, удовлетворительный (разг.)' ²³ . БЛАГОНРАВНЫЙ 'Отличающийся хорошим поведением'. 'Хорошими манерами, хорошим воспитанием и свидетельствующий о таких качествах' ²⁴ .	П-3; П-6; П-28 «Некто ведет себя в соответствии с нормой» (S – ведет себя – Mod (=N))=K ₂₈). П-3 // нов. Asp = Norma.
Благоприятный – 14	'Способствующий чему-н., хороший'. '1. Способствующий, содействующий чему либо; благотворный'. '2. Оказывающий положительное воздействие; полезный'. '3. Содержащий положительную оценку чего либо, согласие с чем-либо; одобрительный' ²⁵ .	П-1 // нов Asp ₁ – полезность. П-26 П-29 «Нечто воздействует на объект положительно» (О – воздействует – на О – Mod +K ₁).
Благорастворение – 2	(Фразеол. связанное значение в «благорастворение воздуха») 'О легком, приятном воздухе, теплой погоде'. 'Состояние умиротворенности' ²⁶ .	П-4; П-1 //нов. О ₁ – состояние среды, воздуха, погода.
Благосклонный – 8	'Доброжелательный, благожелательный'. '1. Относящийся благожелательно по отношению к кому-либо; доброжелательный. Преисполненный доброжелательности, снисхождения. 2. перен. Расположенный в чью либо пользу, складывающийся благоприятно для кого-либо (о жизни, судьбе)' ²⁷ .	П-6; П-11; П-10; П-13
Благословить – 9	'1. У христиан: осенить крестным знаменем, выражая этим покровительство, согласие. 2. перен. То же, что напутствовать (высок.). 3. Воздать благодарность кому-/чему-н. (устар.)'.	П-13; П-17

²⁰ Ефремова 2000.²¹ Ушаков 1935.²² Абрамов 1999.²³ Ушаков 1935.²⁴ Ефремова 2000.²⁵ Ефремова 2000.²⁶ Ефремова 2000.²⁷ Ефремова 2000.

Благотворить – 22	‘(книжн. устар.). Делать добро, благотворительствовать’.	П-3
Благоухать – 5	‘Приятно пахнуть, издавать аромат’.	П-30 «Некто/нечто хорошо пахнет» (O – пахнет – Mod). П-31 «Некто чувствует запах» (S – чувствует запах). П-1 // нов. O – запах.
Благочестивый – 2	‘Соблюдающий предписания религии, церкви’.	П-32 «Некто предписывает нормы поведения» (S предписывает – N); П-28
Благочинный – 3	‘1. Приличный, благопристойный. Благочинное поведение. 2. В православном церковном управлении: священник, выполняющий административные обязанности по отношению к нескольким церквам’.	П-3; П-28; П-33 «Некто управляет объектами» (S – управляет – O).
Блаженный – 12	‘1. В высшей степени счастливый. 2. полн. ф. Не совсем нормальный [первонач. юридический] (разг.). 3. То же, что святой (в 1 знач.) (устар.). Храм Василия Блаженного. *В блаженном неведении (ирон.) – в полном неведении (о чем-н. плохом, неблагоприятном)’. СВЯТОЙ. ‘1. В религиозных представлениях – обладающий абсолютным совершенством и чистотой, божественный (рел.). 2. В тех же представлениях – праведный, непорочный, отвечающий религиозному идеалу (рел.). 3. в знач. сущ. В христианском культе – человек, проведший свою жизнь в защите интересов церкви и религии и после смерти признанный непререкаемым образцом христианской жизни и покровителем верующих (церк.). 4. В христианском культе – прил., по знач. связанное с таким человеком (церк.). 5. в знач. сущ. Иконы с изображениями таких людей (рел. устар.). 6. В христианском культе – наделенный божественной благодатью, являющийся источником божественной силы (церк.). 7. перен. Проникнутый чем-нибудь высоким, возвышенным, идеальным’ ²⁸ .	П-4; П-34 «Некто НЕ ведет себя таким образом, что вызывает положительную оценку у себя и у других» (S не K ₃). П-35 «Некто защищает интересы сообщества» (S – защищает интересы – O)=K ₃₅). П-36 «Некто рисует тех, кто защищает интересы сообщества» (S – рисует – O=S ₃₅). П-37 «Некто является источником божественной силы» (S – источник – O).

²⁸ Ушаков 1935.

Блажь – 14	‘Нелепая причуда, дурь’. ‘Нелепая причуда, болезненное своеобразие, сумасбродство, дурь’ ²⁹ . СУМАСБРОДСТВО СУМАСБРОД. ‘Человек, поступающий безрассудно, противно здравому смыслу, по случайной прихоти’ ³⁰ .	П-34; П-35 «Некто НЕ ведет себя в соответствии с нормой» (S – не K ₂₈). П-36 «Некто ведет себя по своей прихоти, непредсказуемо» (S – ведет себя – Mod).
------------	--	--

История формирования лексического гнезда «Благо» в русском языке до конца не определена: по-разному оцениваются его связи с лексемами, включавшими на разных этапах развития языка элементы *-болог- / -блаж- / *болож- / *-болоз-/*-блаз- / -блаз- /-блазн-. Безусловно, ст.-сл. по своим фонетическим и словообразовательным особенностям корень -благ- на момент вхождения в русский язык «соперничал» с др.-рус. -болог- ‘добро’, так как оба они восходили к праславянскому корню *-bolgo-³¹, и.-е. основа которого пока достоверно не установлена. Остались за рамками данной статьи реконструкция ПФС заимствованной ст.-сл. части ЛГ «Благо» и ее сравнение с исконно русской ПФС. Пропозиционально-фреймовый анализ, который планируется провести в дальнейшем на историческом материале, позволит реконструировать ПФС устаревшего ЛГ «Благо», который в период с XI–XVII вв. включал 563 сложных слова с компонентом -благ-³².

Сегодня отмечается сокращение активного запаса ЛГ «Благо» до 80-ти слов³³. Какие когнитивные «траектории» русский язык оставит активными в базовом имени концепта «Благо», покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов, Н. 1999: *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. М.
 Андреева, С.Л. 2016: *Судьба оборота «хрустальный дворец»: методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций*. Магнитогорск.
 Боченкова, О.В. 2013: Слова с корнем благо в церковнославянском и русском языках в их соотношении с греческими аналогами. *Приволжский научный вестник* 10, 74–79.
 Евгеньева, А.П. (ред.) 1988: *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1. А–Й. М.
 Ефремова, Т.Ф. (ред.) 2000. *Современный толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/142307>.
 Ивин, А.А. 2004: *Философия: Энциклопедический словарь*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://disus.ru/knigi/3881-43-ihiklibru-ihik-filosofiya-enciklopedicheskiy-slovar-pod-red-ivina-m-gardariki-2004-1072-isbn-5-8297-0050-6-v-per.php>.
 Минский, М. 1979: *Фреймы для представления знаний*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/ch1.htm>
 Михайлов, М.А. 1976: *Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в морфологических процессах)*. Варшава–Вроцлав.
 Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 1999: *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. М.

²⁹ Ушаков 1935.

³⁰ Ушаков 1935.

³¹ Трубачев 1975/2, 173.

³² Чернышева 2009, 72.

³³ Боченкова 2013, 75.

- Осадчий, М.А. 2007: *Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров)*. Кемерово.
- Петрухина, Е.В. 2014: *Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке (в сопоставлении с сербским языком)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47638.php>
- Тихонов, А.Н. 1985: *Словообразовательный словарь русского языка*: в 2 т.: ок. 145 000 слов. М.
- Тихонов, А.Н., Хашимов, Р.И., Журавлева, С.Г. и др. 2008: *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык*: в 2 т. Т. 1. М.
- Толковый словарь русского языка 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/expdic/>
- Трубачев, О.Н. 1975: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 2. М.
- Ушаков, Д.Н. 1935: *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1. А–Кюрины. М.
- Чернышева, М.И. 2009. *Уходящие слова, ускользающие смыслы*. М.
- Frege 1952: On Concept and Object. In: P. Geach, M. Black (ed.), *Translations from Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford, 56–78.

REFERENCES

- Abramov, N. 1999: *Slovar' russkikh sinonimov i shodnykh po smyslu vyrazheniy*. Moscow.
- Andreeva, S.L. 2016: Sud'ba oborota «hrustal'nyy dvorets»: metodika prognozirovaniya i interpretatsiy frazeologicheskikh transformatsiy. Magnitogorsk.
- Bochenkova, O.V. 2013: Slova s kornem *blago* v tserkovnoslavyanskom i russkom yazykah v ih sootnoshenii s grecheskimi analogami. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik* 10, 74–79.
- Efremova, T.F. (red.) 2000. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/142307>.
- Evgen'eva, A.P. (red.) 1988: *Slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. Т. 1. А–У. Moscow.
- Ivin, A.A. 2004: *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'*, <http://disus.ru/knigi/3881-43-ihitklibru-ihitk-filosofiya-enciklopedicheskiy-slovar-pod-red-ivina-m-gardariki-2004-1072-isbn-5-8297-0050-6-v-per.php>
- Mihaylov, M.A. 1976: *Voprosy morfologicheskogo analiza (proyavlenie vydelimosti morfem v morfologicheskikh protsessah)*. Varshava–Vroclav.
- Minskiy, M. 1979: Freymy dlya predstavleniya znaniy, <http://www.miai.narod.ru/Minsky/ch1.htm>
- Osadchiy, M.A. 2007: *Propozitsional'no-freymovoe modelirovanie gnezda odnokorenykh slov (na materiale russkikh narodnykh govorov)*. Кемерово.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. 1999: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. Moscow.
- Petrukhina, E.V. 2014: *Ispol'zovanie slovoobrazovatel'nykh resursov tserkovnoslavyanskogo yazyka v sovremennom russkom yazyke (v sopostavlenii s serbskim yazykom)*, <http://www.portal-slovo.ru/philology/47638.php>.
- Tihonov, A.N. 1985: *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka*: v 2 t.: ok. 145 000 slov. Moscow.
- Tihonov, A.N., Hashimov, R.I., Zhuravleva, S.G. i dr. 2008: *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk*: v 2 t. Т. 1. Moscow.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka 2014, <http://www.vedu.ru/expdic/>
- Trubachev, O.N. 1975: *Etimologicheskii slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Vyp. 2. Moscow.
- Ushakov, D.N. 1935: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. Т. 1. А–Кюрины. Moscow.

Chernysheva, M.I. 2009: *Uhodyashchie slova, uskol'zayushchie smysly*. Moscow.

Frege 1952: On Concept and Object. In: P. Geach, M. Black (ed.), *Translations from Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford, 56–78.

PROPOSITIONAL FRAME ANALYSIS OF LEXICAL MEANINGS OF WORDS WITH THE ROOT “BLAGO (GOOD)”, WHICH ARE THE “PEAKS” OF FAMILIES OF WORDS

Svetlana L. Andreeva

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
216zamsv@mail.ru*

Abstract. The article is in the line with the studies of the propositional frame structure of the concept “Blago (Good)” – the key concept of Russian culture. The author analyzed the basic concept of the name that is presented in the language in the form of a lexical nest with a root morpheme *-blag-*. From the point of view of the author, the basic concept of the name is not a scientific abstraction, but a complex product of verbal-logical thinking and a fact of the language system. With the help of the base name concept, a communicator arouses in the mind of the interlocutor the main content of the concept – the knowledge, views and estimations. The selection of the base name of the concept can be a lengthy process: a word must be found, which inner form will correspond to the thematic lines of the concept, and it will reflect the archetype and imaging system. The paper used propositional-framing method for analyzing family of words, because the method is based on the frame integrity of the family of words. Root *blag-* and its variants form 32 “families of words” in the modern Russian language. The overall structure of the propositional frame retains the lexical link between the words belonging to the individual families of words. The unity of the frame family of words “Blago (Good)” is evident in repeated propositions of words that make up the «peak» of each family of words. The propositions that are common to several families are based on a common frame «Estimation» and a derivative frame «Norma» from it. The author considers it to be appropriate to apply the propositional-framing method to modern and ancient historical linguistic material. Schemes of propositions allow to formalize, to design the inner form of the root morpheme, making it possible to observe the structure of the base name of the concept.

Key words: Concept, inner form, root, propositional frame analysis, family of words, estimation

---

МОТИВОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ФИТОНИМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

М.М. Хошимхуджаева

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент,
sakurajapan9@gmail.com*

Аннотация. Антропонимы каждого языка являются важным средством отражения картины мира, менталитета, национальной культуры и истории народа. Кроме того, как результат вторичной номинации антропонимы служат богатой мотивологической базой для многих названий, передавая при этом свои коннотативные значения этим названиям. Следовательно, изучение антропонимов в составе других названий, в частности, в составе фитонимов проливает свет на многие малоизученные стороны как фитонимов, так и самих антропонимов. Целью данной работы является определение национальной специфики антропонимов в составе фитонимов английского, русского и узбекского языков. Для достижения этой цели фитонимы с именами собственными, источниками которых являются античные и библейские легенды, мифы, литературные произведения и типичные имена, связанные с бытом и фольклором англичан, русских и узбеков, анализируются с номинативно-мотивологической точки зрения в сопоставительном аспекте. Анализ производится путем разделения фитонимов с антропонимами на особые мотивационные группы: имена религиозных деятелей; имена мифологических персонажей; наиболее типичные имена. Посредством такого анализа выявляются своеобразные свойства антропонимов, перенесенных в состав фитонимов в рассматриваемых языках. Подобное исследование поможет выявить уникальные и своеобразные свойства фитонимов в каждом языке и понять, как культура и история каждого народа отражается в языке путем переноса антропонимов в фитонику.

Ключевые слова: антропонимы, фитонимы, национальная специфика, английский, русский и узбекские языки

Введение

Как известно, важнейшими чертами лексического значения имени собственного-антропонима признается его формирование в ходе исторического развития языка, его объективность и общепонятность. Исторический потенциал, заключенный в имени собственном, проявляется в том, что оно неразрывно связано с разнообразными сферами человеческой деятельности¹. «Имя – это один из продуктов человеческой культуры. Оно возникает в коллективе, из потребностей коллектива

Хошимхуджаева Мохирух Музаффаровна – соискатель кафедры английского языка и теории перевода Узбекского национального университета.

¹ Кучешева 2012, 10.

и отражает черты, значимые для коллектива. Эпоха и уровень знания человечества накладывают свой отпечаток на имя»². Культурно-историческое развитие имен собственных играет важную роль в их переносе в другие лексические слои, т.к. это показывает их значение и связь определенного исторического, мифологического или религиозного персонажа с развитием разных лексических слоев языка. Это, в свою очередь, превращает антропонимы в мощную мотивологическую основу для формирования новых лексических единиц. В этом смысле особенный интерес вызывают антропонимы в составе фитонимов, где антропонимы представляются как главный мотив для номинации.

Как известно, мотивационно-номинативные свойства фитонимов в разных аспектах были объектами работ многих исследователей. В частности, фитонимы, образованные от антропонимов, были проанализированы в работах А.В. Берестневой³, В.Б. Колосовой⁴, С.Ю. Дубровиной⁵. Но стоит отметить, что в этих работах антропонимы в составе фитонимов в основном были рассмотрены в рамках русского и (в малой части) в английском языках. Антропонимы как часть фитонимов в узбекском языке вообще не были изучены в специальных работах, и поэтому сопоставительный анализ фитонимов с антропонимами в английском, русском и узбекском языках заслуживает быть объектом специального исследования. Оно поможет выявить уникальные и своеобразные свойства фитонимов в каждом языке и понять, как культура и история каждого народа отражается в лексике, в данном случае – в названиях растений.

Данная работа выполнена в рамках сопоставительной мотивологии, ее целью является определение национальной специфики английского, русского и узбекского языков, в частности, посредством анализа фитонимов с именами собственными, источниками которых являются античные легенды и мифы, библейские легенды, литературные произведения и типичные имена, в которых имя собственное связано с бытом и фольклором англичан, русских и узбеков.

Анализ производится путем разделения фитонимов с антропонимами на особые мотивационные группы:

- 1) антропонимы – имена религиозных деятелей;
- 2) антропонимы – имена мифологических персонажей;
- 3) антропонимы – наиболее типичные имена.

Антропонимы – имена религиозных деятелей в фитонимии рассматриваемых языков

Большинство номинаций фитонимической лексики возникло под влиянием метафорического переноса, в основе которого лежат ассоциативные связи между объектами, отражаемые в коннотативных смыслах и отражающие языковой опыт носителей языка.

По мнению С.Ю. Дубровиной, «народное сознание предполагает, что все внутренние перемены, происходящие в событийном ряду традиционного текста,

² Суперанская 1977, 5.

³ Берестнева 2007.

⁴ Колосова 2008а.

⁵ Дубровина 1999.

обязательно найдут реальный образ, приобретут видимую форму»⁶, т.к. люди интуитивно, на подсознательном уровне называют предметы, реалии теми именами, которые отражают их внутреннее мироощущение, отношение к называемому объекту⁷. Одними из таких продуктивных образов являются образы из Священных писаний.

Фитонимы религиозного происхождения представляют собой особую группу наименований, установленных по тексту Библии или Корана. Образность в подобных фитонимах возникает благодаря тому, что при переносе религиозное имя собственное становится неким символом, олицетворяющим те качества растения, которые считались необычными, непонятными или сверхъестественными.

Так как англичане и русские исповедуют одну религию – христианство, фитонимы с элементами духовной и религиозной жизни у них во многом схожи. В фитонимах обоих языков мотивационной основой для их формирования выступают библейские персонажи, святые или духовные наставники. Такая ассоциация во многих случаях связана с лечебными свойствами или необычной формой растения. К примеру, *Jacob's - ladder* (букв. «лестница Иакова» – синюха голубая). Основой для номинации является лечебное свойство (растение использовалось для лечения дизентерии) и лестницеобразная форма листьев, которые ассоциируются с лестницей из сна святого Иакова; *Saint-Andrew's-cross* (букв. «крест св. Андрея» – асцирум зверобойный) – расположение листьев и цветка очень напоминают форму креста, а само растение использовалось для лечебных ванночек у слабых детей, которые не могли своевременно научиться ходить. Необычная форма растения и его лечебные свойства стали основой для ассоциации со святым Андреем; *Saint-Peter's bell* (букв. «колокол св. Петра» – нарцисс желтый) – внутренняя часть цветка напоминает форму, похожую на колокол, это и стало основой для номинации; *Aaron's-rod* (букв. «трость Аарона» – коровяк обыкновенный/медвежье ухо) – длинный стебель, желтые соцветия на верхушке растения и лечебные свойства стали основой для ассоциации с прутьем или тростью Аарона, который, по поверьям, обладал сверхъестественной силой; *Job's tears* (букв. «слезы Иова» – коикс): по библейским рассказам, слезы мученика Иова превратились в плоды коикса и поэтому имеют блестящую каплевидную форму, название растения происходит от этой легенды; *Samson's snakeroot* (букв. «змеиный корень Самсона» – копеечник цветоножковый). Растение используется в народной медицине для увеличения мужской силы, что легло в основу ассоциации с Самсоном, который, по легенде, обладал сверхчеловеческой силой; *Saint-John's-bread* (букв. «хлеб св. Иоанна» – рожковое дерево). Плоды растения похожи на обычные стручки с горохом, только красноватого цвета и горьковатые на вкус. По преданию, именно ими питался св. Иоанн Креститель в пустыне; *Saint - John's - wort* (букв. «трава святого Джона» – зверобой пронзенный). Эту траву собирают в день Святого Джона – 24 июня и подвешивают над дверями как оберег; *Saint Lucie-cherry* (букв. «вишня св. Луиса» – черешня антипика) – название растения происходит от названия острова, откуда оно из родом (остров Святой Люсии); *Saint-Mary-thistle* (букв. «чертополох св. Марии» – остро пестро): в ранней христианской традиции это растение предписывали к Деве Марии оттого, что оно отлично подходит для защиты печени;

⁶ Дубровина 2006, 19.

⁷ Зиновьева 2014, 132.

Saint-Peter's-wort (букв. «трава св. Петера» – асцирум прямостоячий) – растение названо так из-за сходства с символом Святого Петра – пучком ключей от Райских ворот.

Кроме того, надо отметить, что в английском языке есть отдельная группа растений, названия которых восходят к образу Девы Марии, например, ср. наименования медуницы: *Aunt Mary's Tree* (букв. «дерево тети Мэри» – падуб); *Virgin Mary* (букв. «Девы Марии»), *Virgin Mary's Honey suckle* (букв. «жимолость Марии»), *Virgin Mary's Milkdrops* (букв. «капли молока Девы Марии»), *Lady's Milk-sile* (букв. «молочный дождь леди»). Все эти названия восходят к легенде, в которой капли молока Девы Марии попали на листья растения, когда она кормила маленького Иисуса во время полета над Египтом, и после этого на листьях появились белые пятна. Иногда медуницу называют *Mary's Tears* (букв. «слезы Марии»): по легенде, пятна на листьях – это след от слез Девы Марии, пролившихся во время распятия Христа⁸.

Помимо этих названий, встречаются и другие, ассоциирующие с образом Девы Марии: «Old Lady's bedstraw (*Galium*), Lady's candlesticks (*Primula*), Old Lady's cushion (*Armeria*), Old Lady's hands (*Lamium maculatum*), Lady's mantle (*Alchemilla*), Lady's seal (*Polygonatum multi florum*), Lady's smock (*Carda mine pratensis*), Old Lady's gloves (*Digitalis purpurea*), Old Lady's purse (*Portulacacae leracea*) and Old Lady's ribbons (*Phalaris*). Lady's thistle (*Silybum marianum*)...»⁹. Во всех этих фитонимах компоненты *Lady* и *Mary* присутствуют как подтверждение того, что образ Девы Марии имеет большое значение в культуре англичан. Но есть и другое предположение. Некоторые этимологи считают, что компонент *Old* – «старая» дает понять, что речь идет не о Деве Марии, а о пожилой женщине и ее бытовых принадлежностях, с которыми ассоциируется форма растений.

В русском языке персонажи христианской мифологии также очень продуктивны, но в отличие от английского языка в русской фитонимике более популярен образ Адама. С ним связано большое число фитонимов неординарной формы, свойств, способов произрастания, в основном сформированных на основе ассоциации с образом Адама. К примеру, фитоним *адам-трава* (растение используется как болеутоляющее средство при болезнях органов пищеварения)¹⁰; *адамов корень* (ядовитая трава, использовалась в составе знахарских настоев как обезболивающее)¹¹. Очень интересным в этом плане является фитоним *адамова свеча* (травянистое растение, по форме напоминающее свечи, в пыльце у него содержатся горючие компоненты)¹².

Немало названий растений из-за их лечебных свойств связывают с именем Иисуса Христа, ср.: *христова роса*, – вероятно, образовалось в результате контактирования с выражением *божья роса*: «Со христовой росой глазки промывают, благостна трава...»; *христа прикрыть* – «...широко используется в народной медицине при нарушениях обмена веществ, ревматизме, простудных заболеваниях»¹³.

⁸ Райт 2014, 333.

⁹ Gottlieb и др. 2002, 22.

¹⁰ Коновалова 2000а, 17.

¹¹ Коновалова 2000а, 18.

¹² Коновалова 2000а, 18.

¹³ Коновалова 2000б, 200–201.

Так же, как и в английском языке, образ Богородицы служит важной мотивационной базой для многих названий растений. В.Б. Колосова считает, что с Богородицей связано большее количество названий растений, чем с любым другим персонажем Библии. Автор анализирует самые главные признаки номинации на основе ассоциации с Богородицей. «Важнейшим признаком, влияющим на формирование фонда диалектной фитонимики, является форма различных органов растений. Так, растение иерихонская роза получило название богородицкая ручка, так как оно напоминает сжатые пальцы, а при опускании в воду раскрывается, как ладонь; богородицкины слезы в значении трясунка средняя, название появилось оттого, что соцветие трясунки выглядит как множество плоских темных капелек на тонких стебельках, отходящих от основного стебля. Название также может относиться и к бусеннику обыкновенному – его плоды походят на слезы и по форме, и по цвету»¹⁴.

По мнению В.Б. Колосовой, «... к богородичным травам относятся почти все растения полезные, лекарственные или медоносные, а также обладающие приятным запахом. К признакам, важным для сопоставления растений с богородичными травами, относится и их форма, а в качестве гипотезы к ним можно добавить цвет лепестков, в данном случае синий или голубой создания “богородичного” фонда народной ботаники используются антропоморфный код (названия частей тела), предметный (названия предметов одежды), а также языковые клише. Для формирования представлений о богородичных травах важна связь с “народной библией”, в том числе и с апокрифическими текстами, а также иконографическая традиция»¹⁵.

Как видно из вышеуказанных примеров, английская и русская фитонимия имеет много общего в плане названий растений, сформированных от антропонимов – религиозных персонажей. Это также объясняется в первую очередь христианской историей и легендами на основе историй из Библии. Особенно это касается антропонима Дева Мария, который очень часто встречается в фитонимах английского и русского языков.

В узбекском языке растения никак не ассоциируются с религией. Есть лишь несколько фитонимов с религиозными элементами, ср.: *гулидовид* (букв. цветок Давида – бархатцы) – этимология наименования неясна.

Однако в этимологии фитонимов *хассомусо* и *абужахлтарвузи* можно увидеть прямую связь с религиозными реалиями: *хассомусо* (букв. «посох Моисея» – абелия) – расположение веточек на стебле растения напоминает форму посоха; *абужахлтарвузи* (букв. «арбуз Абу Жахила» – бриония двудомная): Абу Жахил поначалу был злейшим врагом пророка Мухаммеда, став позже его последователем, – эта история ассоциируется с ядовитыми и в то же время лечебными свойствами данного растения. Но необходимо отметить, что данные фитонимы являются арабско-персидскими заимствованиями. На наш взгляд, факт большого количества подобных названий в английской и русской фитонимике и очень незначительного – в узбекской может свидетельствовать о более устойчивой христианской традиции в истории и культуре английского и русского народов.

¹⁴ Колосова 2010б, 99.

¹⁵ Колосова 2010б, 103.

*Антропонимы – имена мифологических персонажей в фитонимии
рассматриваемых языков*

«Фитонимия – одна из самых древних микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы. Эти представления фиксируются внутренней формой наименований, отражающих важные для опознания растений признаки. Поскольку номинативный процесс имеет ярко выраженный антропоцентрический характер, признаки, положенные в основу наименований, могут отражать не только объективные свойства растений, но и такие, которыми они не обладают, которые приписывает этому растению номинатор, в частности его впечатления от мифов, сказок, легенд и рассказов, которые он ассоциирует с тем или иным растением»¹⁶.

Античная мифология является очень важным ресурсом для формирования названий растений. Мифонимы, как часть ономастического пространства языка, представляют собой именования персонажей, известных нам из сказок, мифов и легенд, созданных фантазией человека. Имена этих персонажей, а именно имя собственное мифического происхождения, имеет коннотативное значение во многих языках мира и играет историческую и культурную роль. «Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира»¹⁷.

Фитонимы, образованные от имен античных героев, формируются в ботанической терминологии для создания ассоциативных связей с персонажами, их особенностями, деяниями, манерами поведения, которые служат основой для перехода. «Переход имен античных героев происходит путем обобщения значения исходного имени собственного. При этом устанавливается постоянная связь между новым нарицательным словом и представлением о конкретном античном герое. Имя, взятое из мифологии, употребляется в речи в качестве обобщенного нарицательного обозначения определенных физических и моральных характеристик или действий, свойственных данному персонажу, взятому из античности»¹⁸.

Спецификой английских фитонимов с мифонимами является то, что многие из них связаны с персонажами античной мифологии или разнообразными понятиями, содержащими в себе элементы культуры. Например, некоторые растения, имеющие форму, напоминающую атрибуты женского мира, ассоциируются с богиней красоты – Венерой, ср.: *venushair fern* (букв. «папоротник венерин волос» – адиантум венерин волос): длинные свисающие стебли растения ассоциируются с волосами Венеры; *venus` shoes* (букв. «венерин башмачок» – орхидея венерин башмачок): форма цветка напоминает форму женских туфель. В некоторых фитонимах мифологические имена собственные связаны с другими свойствами растений: *hercules`-club* (букв. «дубинка Геркулеса» – аралия колючая): лечебные свойства растения легли в основу ассоциации с Геркулесом; *jupiter`s-beard* (букв. «борода Юпитера» – молодило кровельное): форма растения напоминает бороду бога Юпитера.

¹⁶ Коновалова 2001, 208.

¹⁷ Кучешева 2012а, 152.

¹⁸ Кучешева 2012б, 152.

Встречаются и переносы имени без атрибутов. В таких случаях из античных антропонимов наиболее известен мотив из греческой мифологии превращения людей в растения (мифы о Нарциссе, Гиацинте, Дафне и др). К примеру, *daphne* – волчеягодник, образовано от женского греческого имени Дафна (*Daphne*), которое переводится как «лавр». В мифологии Дафна – дочь реки Пеней, которая превратилась в лавр, чтобы спасти преследуемую Аполлоном Гайю; *iris* – ирис, свое имя цветок получил в древней Греции благодаря имени богини Ириды (*Iris*)¹⁹; *hyacinth* – гиацинт в греческой мифологии прекрасный юноша, любимец Аполлона, из тела или крови мертвого Гиацинта Аполлон вырастил цветок – гиацинт²⁰; *narcissus* – нарцисс, в древнегреческой мифологии – прекрасный юноша, влюбившийся в свое собственное отражение в воде и заколовшийся от этой безнадежной любви (из капель крови вырос цветок, названный по имени красавца).

Названия растений, сформированные путем прямого переноса имен собственных с мифологическим происхождением, встречаются в той же форме во многих языках мира, в том числе в русском и узбекском языках. Это объясняется влиянием античной культуры на развитие науки, в частности, ботаники и ботанической номенклатуры и на развитие языков в целом, так как многие названия растений ранее появились на латыни и только затем посредством латинских названий распространились по миру, меняя форму и становясь нарицательными.

Антропонимы – наиболее типичные имена собственные в фитонимии рассматриваемых языков

Личные имена являются одним из важнейших мотиваторов номинации фитонимов в рассматриваемых языках. Как правило, такими мотиваторами являются самые типичные личные имена, которые переносятся в фитонимы, обозначая что-то очень обычное, повседневное, но вместе с тем связанное с человеком или со свойствами человека.

В английском языке типичные личные имена участвуют во многих фитонимах. Мотив ассоциации разнообразен. Это обуславливается в основном значением того или иного имени собственного в культуре английского языка. Например, имя Jack переносится на названия растений, олицетворяя что-то очень обычное и неприятное: *jack-by-the-hedge* (букв. «Джек за забором» – чесночница черешчатая): название связано с неприятным запахом этого растения; *butteryjack* (букв. «маслиновый Джек» – очиток едкий): ядовитость растения послужила для ассоциации с именем Джек; *jack-in-the-bush* (букв. «Джек в кустах» – хромолена душистая) – сорный кустарник с маленькими цветками ассоциируется с Джеком, сидящим в кустах; *jack-jump-about* (букв. «Джек спрыгнул» – сныть обыкновенная) – очень прожорливое и терпеливое сорное растение, которое растет повсеместно; указанное его свойство легло в основу номинации.

Есть и другие виды ассоциаций, например, очень популярное мужское имя John встречается в составе более 10 фитонимов (*pink-eyed-John*, *john-that-goes-to-bed-at-noon*, *kiss-me-john*, *dirty-john*, *little-john-robin-hood*, *kiss-me-john-at-the-garden-gate*, *john-apple*, *silk-and-silver-johns*, *fine-john* и др.). Во многих подобных названиях компонент John обозначает определенные свойства растений, ассоциирующиеся с признаками человека. К примеру, *john-that-goes-to-bed-at-noon* (букв.

¹⁹ Умралиева 2016.

²⁰ Кун 1922.

«Джон, который идет спать в полдень» – козлобородник луговой) – цветки этого растения раскрываются только утром и закрываются в полдень, отсюда происходит название; фиалка трехцветная имеет несколько названий с именем Джон, обозначающим что-то хорошее и красивое, отсюда и название: *pink-eyed-John* (букв. «розовоглазый Джон»), *kiss-me-john at the garden-gate* (букв. «поцелуй меня, Джон, у ворот сада»), *kiss-me-john* (букв. «поцелуй меня, Джон»). Но иногда встречаются и другие случаи, где данное имя обозначает дурные признаки человека или заменяется другим не менее типичным именем, ср.: *dirty-john* (букв. «грязный Джон» – марь вонючая): растение получило свое название из-за специфического запаха; *creepin gjenny* (букв. «ползучая Дженни» – вербейник монетный): имя Дженни здесь обозначает что-то очень обычное; *rosemary* (розмарин): фитоним образовался от *rose* («цветок розы») и собственного имени *Мэри*.

Итак, из вышеуказанных примеров мы видим, что во многих случаях англичане предпочитают называть растения самыми типичными именами, чтобы обозначить человеческие свойства, которые присутствуют в растении (запах, форма, образ произрастания), или же чтобы показать, что тот или иной цветок или трава встречаются очень часто в Англии, как и люди с именами Джон, Джек или Дженни.

Это явление характерно и для русского языка, но здесь место антропонима John занимает очень типичное для русского народа имя Иван. Такие фитонимы относятся к тем растениям, которые имеют какие-либо свойства, схожие с человеческими (типичность, цвет и др.): *иван чай* – до появления китайского чая из листьев этого растения заваривали чай, популярность его среди простых людей стало основой для ассоциации с типичным русским именем Иван; *иван-да-марья* – растение названо так по причине двух резко отличающихся друг от друга окрасок одного цветка.

Обратим внимание и на другие названия растений с типичными именами: *тимофеевка* – травянистое растение, обитающее повсеместно, вероятно, типичное имя ассоциируется здесь с простотой и обычностью растения; *анютины глазки* – своеобразная форма цветка и его окраска ассоциируются с изображением лица человека, на котором застыли любопытство и удивление; *варварка* – ядовитое растение, название происходит от латинского названия *Barbarea vulgaris*; *вероника* – название происходит от латинского названия этого растения *Veronica officinalis*; *аграфена-купальница* – растение, цветущее в день Аграфены-купальницы, к началу купального сезона²¹.

В узбекском языке фитонимы, связанные с именами собственными, почти не встречаются. В нашем материале зафиксировано лишь несколько подобных фитонимов: *мажнун тол* (букв. «ива Мэжнуна» – ива вавилонская): название связано с поникшей формой дерева, которая ассоциируется с очень пессимистичным характером Мэжнуна – главного героя эпоса А. Наваи «Лейли и Мэжнун»; *мирза терак* (букв. «тополь мурзы» – тополь пирамидальный): возможно, величественная удлиненная форма дерева легла в основу его названия; *гулидовид* (букв. «цветок Давида» – бархатцы). Другие узбекские имена встречаются только в составе наименований сортов разных растений (*хусайни* – сорт винограда, *бузрукхони* –

²¹ Коновалова 2000б, 16.

сорт абрикоса и др.). Так было вычислено около 15 сортов дыни в узбекском языке с именами собственными и лишь несколько сортов других растений (*амири, бекзоди, камоли, дониерий, хожиковун, давлатбой, мулласано, дорои* и др.). Повидимому, это обусловлено тем, что в узбекской культуре растения не ассоциируются с человеческими признаками, и лишь сорта разных растений называются в честь того, кто их вывел и распространил.

ЛИТЕРАТУРА

- Берестнева, А.В. 2008: *Названия экзотических растений в английском и русском языках: структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп.
- Дубровина, С.Ю. 2006: *Христианская лексика в диалектах русского языка*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов.
- Зиновьева, Е.М. 2014: Символика благословения в номинации народных названий растений. *Современная лингвистика и литературоведение* 4 (062), 132–138.
- Колосова, В.Б. 2008а: Антропонимы в славянской фитонимике. *Антропологический форум* 9, 263–276.
- Колосова, В.Б. 2010б: Богородичные травы в русской культуре. *Русская речь* 4, 98–104.
- Коновалова, Н.И. 2000а: *Словарь народных названий растений Урала*. Екатеринбург.
- Коновалова, Н.И. 2000б: Словесные образы как кумуляция культурно-мифологических представлений в системе народной фитонимии. В сб.: Н.И. Коновалова (ред.), *Изменяющийся языковой мир: материалы докладов международной научной конференции*, Пермь, 12–17 ноября 2000 г. Пермь, 208–210.
- Кун, Н.А. 1922: *Легенды и мифы Древней Греции*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mify.org/kun/115.shtml>
- Кучешева, И.Л. 2012а: *Имена собственные как термины в подъязыке английской лингвокультуры*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск.
- Кучешева, И.Л. 2012б: Лингвокультурная специфика терминов-мифонимов (на материале английского языка). *Филологические науки. Омский научный вестник* 5 (112), 152–154.
- Суперанская, А.В. 1977: *Историческая ономастика*. Институт языкознания. М.
- Умралиева, Р.Д. 2016: Этимологический анализ английских фитонимов с компонентом «имя». В сб.: *XXXVIII Международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные Науки»*. Новосибирск.
- Gottlieb, H., Mogensen, J.E., Zettersten, A.W. 2002: Symposium on Lexicography X. In: *Proceedings of the Tenth International Symposium on Lexicography May 4–6, 2000*. Copenhagen.
- Wright, E.M. 2014: *Rustic Speech and Folk-Lore*. Oxford.

REFERENCES

- Berestnyeva, A.V. 2008: *Nazvaniya ekzoticheskikh rasteniy v angliyskom i russkom yazykah: strukturno-slovoobrazovatel'nyy i nominativno-motivacionnyy aspekty*. Maykop.
- Dubrovina, S.Yu. 2006: *Hristianskaya leksika v dialektah russkogo yazyka*. Tambov.
- Gottlieb, H., Mogensen, J.E., Zettersten, A.W. 2002: Symposium on Lexicography X. In: *Proceedings of the Tenth International Symposium on Lexicography May 4–6, 2000*. Copenhagen.
- Kolosova, V.B. 2008a: Antroponimy v slavyanskoy fitonimike. *Antropologicheskii forum* 9, 263–276.

- Kolosova, V.B. 2010b: *Bogorodichnye travy v russkoy kul'ture. Russkaya rech'* 4, 98–104.
- Konovalova, N.I. 2000a: *Slovar' narodnyh nazvaniy rasteniy Urala*. Ekaterinburg.
- Konovalova, N.I. 2000b: Slovesnye obrazy kak kumulyaciya kul'turno-mifologicheskikh predstavleniy v sisteme narodnoy fitonimii. In: N.I. Konovalova (red.), *Izmenyayushchiysya yazykovoy mir: materialy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, Perm', 12–17 noyabrya 2000 g.* Perm', 208–210.
- Kuchesheva, I.L. 2012a: *Imena sobstvennye kak terminy v pod'yazyke angliyskoy lingvokul'tury*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk.
- Kuchesheva, I.L. 2012b: Lingvokul'turnaya spetsifika terminov-mifonimov (na materiale angliyskogo yazyka). *Filologicheskie nauki. Omskiy nauchnyy vestnik* 5 (112), 152–154.
- Kun, N.A. 1922: *Legendy i mify Drevney Gretsii*, [http://http://mify.org/kun/115.shtml](http://mify.org/kun/115.shtml)
- Superanskaya, A.V. 1977: *Istoricheskaya onomastika*. Institut yazykoznaniya. Moscow.
- Umralieva, R.D. 2016: Etimologicheskii analiz angliyskikh fitonimov s komponentom «imya». In: *XXXVIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye Nauki»*. Novosibirsk.
- Wright, E.M. 2014: *Rustic Speech and Folk-Lore*. Oxford.
- Zinov'eva, E.M. 2014: Simvolika blagosloveniya v nominatsii narodnyh nazvaniy rasteniy. *Sovremennaya lingvistika i literaturovedenie* 4 (062), 132–138.

MOTIVATIONAL ANALYSES OF ENGLISH, RUSSIAN AND UZBEK PHYTONYMS WITH ANTHROPONYMS

Mokhirukh M. Khoshimkhujayeva

*National University of Uzbekistan, Uzbekistan,
sakurajapan9@gmail.com*

Abstract. Anthroponyms are an important means of reflection of worldview, mentality, national culture and history of a nation. Moreover, anthroponyms as a result of secondary nomination, function as a rich motivational base for other names, transferring at the same time connotative value to these names. Therefore, the study of personal names as a part of other names, in particular, as part of phytonyms sheds light on many insufficiently studied issues of both phytonyms and anthroponyms. The aim of this article is to determine the national specific features of anthroponyms as a part of phytonyms in English, Russian and Uzbek languages. To attain this goal, phytonyms with anthroponyms sourced from ancient and biblical legends, myths, literary works and typical names closely associated with British, Russian, Uzbek folklore and life are analyzed from nominative and motivational viewpoint in comparative aspect. The analysis is done by dividing phytonyms with anthroponyms into special motivational groups (1. Anthroponyms – the names of religious figures; 2. Anthroponyms – the names of mythological characters; 3. Anthroponyms – the most common names). By carrying out the analysis, unique features of anthroponyms transferred into plant names are clearly identified in the compared languages. The way culture and history of every nation is reflected in the language by anthroponym transformation into phytonym is also shown.

Key words: English, Russian and Uzbek phytonyms, anthroponyms, national identity

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 379–390
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 379–390
©Автор(ы) 2017

ТУРЕЦКАЯ МЕЧЕТЬ: ОБРАЗ И БРЕНД

Е.И. Кононенко

*Государственный институт искусствознания, Москва,
j_kononenko@inbox.ru*

Аннотация. В результате аккумуляции конструктивных и композиционных достижений анатолийской архитектуры к середине XV в. в турецком зодчестве сложился особый тип мусульманских культовых зданий – «большая османская мечеть». Наивысшего расцвета тип зальной купольной мечети достиг в работах зодчего Синана и его последователей, ассоциируясь с «великолепным веком» Османского государства. «Большие османские мечети» отличаются образным единством и на уровне эмблемы используются для визуального маркирования сразу нескольких смысловых рядов. Постоянное тиражирование (вплоть до начала XXI в.) и использование в качестве инструмента политической риторики превратили архитектурный образ турецкой купольной мечети в международный бренд, закрепленный в литературе и в официальной символике, служащий узнаваемым индикатором османской государственности и культуры. Архитектурные достоинства турецкой мечети и визуальная эффектность ее образа привели к его активному использованию в современной мусульманской архитектуре вне Турции, в том числе и в России, часто без учета связанных с ним идеологических коннотаций.

Ключевые слова: архитектура Турции, Стамбул, мечеть, Синан, политическая риторика, брендинг

Под «турецкой мечетью» чаще всего понимается не любое мусульманское культовое здание на территории Анатолии либо же возведенное турками на некогда принадлежавших Османской империи землях, но определенный архитектурный образ. Этот образ, рожденный самой конструкцией здания, лаконично описал Ле Корбюзье: «Огромный куб с маленькими окнами, откуда возвышаются четыре

Кононенко Евгений Иванович – кандидат искусствоведения, зав. сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания.

гигантских щеки, образующих сводчатое покрытие <...> Еще выше пространство, форму которого трудно ухватить, ибо прелесть полусферы заключается в отклонении от меры <...> Перед храмом обязательно предусматривается выложенный мрамором дворик, окруженный галереей <...> Элементарная геометрия дисциплинирует массы – квадрат, куб, шар. В плане это прямоугольный ансамбль с единственной осью»¹.

Подобный образ зданий, сводимый к «элементарной геометрии», часто связывают с османским монаршим заказом, определяя большие купольные мечети как «государственные», «султанские», «имперские»². Действительно, формирование типа большой зальной мечети, внутреннее пространство которой перекрыто центральным куполом и предварено двором, окруженным галереями, связано с ростом и усилением Османского государства; создание наиболее показательных, хрестоматийных образцов «большой османской мечети», принадлежащих архитектору Синану, приходится на «великолепный век» Сулеймана I; купола мечетей, фланкированные иглами минаретов с высокими коническими завершениями, визуализировали вхождение в состав Империи городов Балкан, Ближнего Востока, Северной Африки.

Необходимо добавить, что мусульманские культовые здания, соответствующие типу «большой османской мечети», появлялись на территориях, политически зависимых от Османской Турции (Крым, Сирия, Египет) или же духовно «окармливаемых» именно «турецким исламом» (Поволжье, Кавказ), поскольку османский султан считался легитимным повелителем правоверных (во всяком случае, суннитов), и его духовное покровительство «яко Верховного Калифа Магометанского закона» мусульманам Российской империи признавалось, например, Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г.³ Таким образом, выделяемый образ воспринимался как визуальный маркер османского «присутствия» – политического и/или идеологического.

Целый ряд факторов предопределили узнаваемость и типичность образа османской мечети. Во-первых, это масштаб, превращающий здания в очевидные городские доминанты и позволяющий прокладывать маршруты в застройке кварталов от одного окруженного минаретами купола к другому. Во-вторых, уже указанная лаконичная «элементарная геометрия» композиции ее объемов, впечатлившая Ле Корбюзье и сводящаяся в подавляющем большинстве случаев к комбинации прямоугольников и полукругов в плане и платоновых тел и полусфер в пространстве. В-третьих, градообразующая функция культовых зданий, – они служат доминантами не только высотными, но и планировочными, требуя высвобождения вокруг себя площадей (часто за счет перестройки или уничтожения жилых кварталов), замыкая транспортные магистрали, становясь центрами старых районов или организуя вокруг себя новую застройку⁴. Масштаб построек подчеркнут их необходимой пространственной изоляцией: «Турецкая правитель-

¹ Ле Корбюзье 1991, 51–52.

² Стародуб 2004, 227.

³ Юзефович 1869, 26–27.

⁴ Кононенко 2014в, 73–79.

ственная мечеть подобна горе, властно господствующей в городском ландшафте среди освобожденного для нее пространства»⁵.

Как ни странно, в качестве одной из характеристик образа турецкой мечети следует выделить его навязчивость. И в силу размера, и из-за количества зданий, эксплуатирующих один и тот же образ, эти сооружения никак не могут остаться незамеченными. В Стамбуле с любой высокой точки видна цепочка огромных куполов, маркирующая водораздел Золотого Рога и Мраморного моря и отмечающих районы Исторического полуострова – Султанахмет, Баязид, Шехзаде, Сулеймание, Фатих и др. Герой плутовского романа, написанного британским дипломатом Дж. Мориером в начале XIX в., восхищался: «Эти горы блестящих куполов, сливающихся в одну массу; этот лес легких и высоких минаретов, населяющий всю воздушную страну, представили глазам моим картину, которую довольно увидеть однажды, чтобы навсегда сохранить в памяти»⁶. Доминанта больших мечетей закрепляется на старых картах и миниатюрах с видами Стамбула, и мало кто из путешественников, писавших об османской столице, смог избежать описаний грандиозных построек – либо конкретных зданий, либо полученного обобщенного представления. Правда, настроение этих описаний бывало разным – от восхищения «безупречной конструкцией» (Ле Корбюзье) до разочарования однотипностью и сохранностью памятников (В. Смирнов⁷). Если тот же Корбюзье уподоблял обнесенные галереями дворы перед купольными залами мечетей «лапам огромного сфинкса <...> на вершине Стамбульского холма»⁸, то И. Бродский нашел для куполов турецких мечетей иное сравнение: «Эти гигантские, навесившие на землю, не в силах от нее оторваться застывшие каменные жабы! Только минареты, более всего напоминающие – пророчески, боюсь, – установки класса земля-воздух, и указывают направление, в котором собиралась двинуться душа. Их плоские, подобные крышкам кастрюль или чугунных латок, купола, понятия не имеющие, что им делать с небом: скорей предохраняющие содержимое, нежели поощряющие воздеть очи горе»⁹.

Нас, однако, интересуют не эмоциональные метафоры, а лишь констатация существования определенного образа турецкой мечети. Составляющие этого образа сформулированы великим архитектором: «Нужен обильный рассеянный свет, чтобы не было никакой тени, и идеальная простота ансамбля, все формы которого должны быть проникнуты необъятностью. Внутренность должна быть просторнее, чем площадь, <...> чтобы несколько человек, пришедшие помолиться, почувствовали благоговение и радость находиться в таком большом здании. Ничто не укрывается от взгляда:ходишь и видишь огромный квадрат <...>; одним взглядом видишь четыре угла, ясно чувствуешь огромный куб с маленькими окнами, откуда возвышаются четыре гигантских щеки, образующих сводчатое покрытие <...> Еще выше пространство, форму которого трудно ухватить, ибо прелесть полусферы заключается в отклонении от меры»¹⁰.

⁵ Стародуб 2004, 227.

⁶ Мориер 1970, XXII.

⁷ Смирнов 1876, 564.

⁸ Ле Корбюзье 1991, 51.

⁹ Бродский 1985, 72.

¹⁰ Ле Корбюзье 1991, 50–51.

В этом образе исчезают детали, позволяющие отличить одну «большую османскую мечеть» от другой: безусловно, каждый памятник в пределах типа индивидуален, обладает собственными конструктивными решениями, пропорциями планировочных частей и пространственных объемов, количеством минаретов и т.д. Однако зрительское восприятие акцентирует в первую очередь узнаваемые общие, типовые черты – низкий купол, окруженный полукуполоми, огромные арки фасадов, горизонтальные ряды световых проемов и вертикали минаретов, фиксирующие композицию. Этот образ давно уже приобрел качества эмблемы, причем с разным успехом может использоваться для обозначения нескольких понятийных рядов.

Прежде всего, образ большой купольной мечети активно насаждался в качестве неотъемлемого признака Стамбула. Начало подобной визуальной метонимии, основанной в первую очередь на грандиозном масштабе культовых зданий, определяющих панораму османской столицы, было положено еще в миниатюрах XVI в., – например, на схематичных картах Насуха Матракчи, использовавшего изображения мечетей как маркеры городских кварталов. В гравюрах XIX в. виды Стамбула невозможны без больших мечетей: в частности, в работах Антуана-Игнаса Меллинга и Томаса Аллома фасады известных культовых построек выступают не только в роли экзотических реперов, но и в качестве фона для романтизированных сцен городской жизни. Если в «босфорских пейзажах» Э. Кернера гигантские силуэты куполов и минаретов лишь обозначали «привязку к местности», то на знаменитых фотографиях А. Гюлера мечети из фона превращаются в «портретируемых», свидетелей изменений, тяжело переживавшихся стамбульцами, «напоминание о том, что бывшее величие, богатство и культура ушли в прошлое, оставив нам бедность и растерянность»¹¹ (один из альбомов Гюлера назван «Потерянный Стамбул»).

Эмблематичность стамбульских мечетей закреплена в современном гербе города – «семь холмов» в круге, фланкированные полукуполоми и увенчанные четырьмя минаретами. Несмотря на расхожие объяснения, что речь идет в первую очередь о Св. Софии Константинопольской, такое схематичное изображение подразумевает именно образ характерных стамбульских мечетей вне зависимости от реального количества минаретов в их ансамблях. Из дуг, ассоциирующихся с полусферами куполов, был составлен логотип «Стамбул – столица европейской культуры 2010 г.».

Кроме того, обобщенное изображение купольной мечети воспринимается как «отсылка» к представлению о турецкой государственности. Гербом Эдирне – крупнейшего (после Стамбула) города европейской части Турции и старой османской столицы – является «петля» из линий, трактуемая как комбинация образов «моста» (в Европу), купола и четырех минаретов синановской мечети Селимие – главной местной достопримечательности. Официальной эмблемой Анкары, объявленной в 1923 г. столицей Турецкой республики, несколько десятков лет служил орнамент «солнечного диска» – бронзового изделия, хранящегося в местном Музее анатолийских цивилизаций, и весьма показательно, что в 1995 г. «археологический» герб, символизировавший историко-территориальную преемственность,

¹¹ Памук 2006, 134.

был заменен на европеизированный щит с силуэтом мечети Коджатепе – современного варианта «большой османской мечети»¹².

Наконец, еще один смысловой ряд, более-менее успешно маркируемый турецкой мечетью, – не только османская или анатолийская, турецкая культура, но вся мусульманская цивилизация. В 2014 г. именно силуэт купольной мечети, окруженной иглами минаретов, стал эмблемой Международной конференции «Мир ислама: история, общество, культура». Правда, при внимательном рассмотрении фрагмента гравюры, использованного для логотипа, по контрфорсам можно узнать константинопольскую Св. Софию. Образ грандиозного византийского храма, сознательно включенного в «мир ислама», превращенного в стамбульскую соборную мечеть и значительно повлиявшего на османскую культовую архитектуру¹³ (прежде всего – именно на образ «султанской мечети», каким его создал Синан), способен полноценно выражать тему культурных связей и взаимовлияний, не ограниченных лишь византийско-мусульманскими отношениями¹⁴.

Следует, однако, оговорить, что все элементы той модели турецкого здания, которая усилиями лучших умов и рук империи превратилась в «большую османскую мечеть», появились в анатолийской архитектуре задолго до Синана и Сулеймана Великолепного. Шаг к созданию нового планировочного типа зальной мечети был сделан в Анатолии одновременно с формированием четырехайванной мечети в Иране¹⁵ – видимо, в обоих случаях речь должна идти о приспособлении типа арабской дворовой мечети к местным условиям, происходившем под сельджуцким патронажем. Механизм этого процесса нас здесь интересовать не будет; отмечу лишь, что уже в первых мусульманских зданиях, возведенных после завоевания тюрками-сельджуками Юго-Восточной Анатолии на рубеже XI–XII вв., проявился интерес к купольному перекрытию центральной части поперечно-базиликального зала, унаследованного от омейядских прототипов¹⁶.

Тюркские династии анатолийских правителей – Артукидов, Данишмендидов, Сельджуков Рума – продолжили эксперименты с пространством зальной мечети, используя культовую архитектуру для выражения идеи государственного покровительства исламу¹⁷. Одним из результатов этих экспериментов в XIII в. стала «официальная сельджукская мечеть» – модель продольно-базиликального здания с куполом над михрабом и световым колодцем в центре молитвенного зала, заменившим открытый двор арабских и иранских мечетей.

Создание зального пространства, перекрытого куполами, было продолжено и в османском зодчестве. В течение первого столетия существования Османского государства (II пол. XIV – I пол. XV в.) активно разрабатывались несколько архитектурных композиций культовых сооружений – небольшие квартальные мечети и залы медресе с квадратом в плане, мемориальные айванные мечети с Т-образным пересечением осей («тип Бурсы»), составление зальных пространств

¹² См.: Кононенко 2014а, 64–66.

¹³ См.: Шукуров 2002, 325–350; 2007, 106–120.

¹⁴ В англоязычной литературе существует термин *byzlamic* (*Byzantium + Islamic*), применительно к архитектуре используемый для характеристики раннеосманских зданий; см., например: Crane 1987, 43–58; Lindner 2009, 124.

¹⁵ Подробнее см.: Кононенко 2015б, 69–71.

¹⁶ См.: Кононенко 2015а, 140–160.

¹⁷ См. подробнее: Кононенко 2015в; 2016а.

из одинаковых планировочных ячеек¹⁸. Несколько оригинальных по конструкции памятников, прежде всего Улу-джами в Манисе (1376) – «самая важная и интересная по планировке анатолийская мечеть XIV в.»¹⁹ – и Юч Шерефели-джами в Эдирне (1447) – «величайшее архитектурное предприятие на Балканах со времен Юстиниана»²⁰ – предопределили не только доминанту купола в интерьере мечети, но и возвращение в ее комплекс окруженного галереями двора, тем самым обусловив плановую и пространственную композицию «большой османской мечети»²¹.

Однако Юч Шерефели-джами продемонстрировала не только собирание воедино всех элементов будущей «султанской» мечети, но и новый, «имперский» масштаб культовой архитектуры. Такой масштаб требовал и соответствующей «стройплощадки», каковой стал Константинополь, взятый османами в 1453 г. Превращение в мечеть храма Св. Софии и появление именно здесь, в новой османской столице, полноценных «больших османских мечетей» – комплексов Эйюп Султан (1458), Фатих (1470), Атик Али-паша (1497) и Баязид (1506) – визуализировало сложение имперской идеологии турок.

«Храм Юстиниана был тем образом, который едва ли могли игнорировать оттоманские архитекторы. Он побуждал их к интенсивному освоению аналогичного метода строительства, в том же масштабе и теми же средствами адаптации пространства по отношению к литургическим требованиям ислама»²². «Великолепный век» Османского государства позволил аккумулировать конструктивные, строительные, финансовые, а также интеллектуальные возможности, без которых невозможно было осознать символику Св. Софии Константинопольской, ставшей прообразом мечетей Синана. Отныне представление о собственно османской архитектуре будет связано именно с работами Синана, ознаменовавшими зрелый, классический этап ее истории²³. Опыт Синана как военного инженера, участие в реставрационных работах (в т.ч. в храме Св. Софии) и практика в разных районах империи позволили ему изучить, оценить и взять на вооружение строительные приемы и визуальные эффекты лучших памятников. Здания «архитектурного бюро» Синана становятся визуальными маркерами предельного могущества Османов, превращаются в монументы, увековечивающие великих султанов-халифов, и в результате придания месту молитвы монументального образа и мемориальной функции рождается, по некоторым оценкам, новый тип исламского культового здания²⁴.

Влияние Синана оказалось столь велико, что несколько поколений османских зодчих лишь варьировали и рафинировали использованные им конструктивно-композиционные схемы, эксплуатируя созданный образ «большой османской мечети» и экспериментируя только с производимым им впечатлением. Можно говорить о том, что «большая османская мечеть» превращается в *бренд*, – сформированный набор восприятий, обладающий определенной репутацией и об-

¹⁸ Kuran 1968, 202–213.

¹⁹ Crane 2009, 289.

²⁰ Kiel 2009, 179.

²¹ Подробнее см.: Кононенко 2016б, там же литература.

²² Буркхардт 2010, 215.

²³ Историография творчества Синана весьма обширна. Укажу лишь наиболее значительные работы последних десятилетий: Kuran 1987; Necipoglu 2005; Ozgules 2008; Kuban 2011.

²⁴ См.: Стародуб 2004, 227.

разными представлениями, сохраненными в памяти и выполняющими функции идентификации и дифференциации²⁵.

Представление о «большой османской мечети» отвечает основным критериям бренда. Узнаваемость и характерность этих зданий позволила их изображениям стать не только сувенирной продукцией, но и оправданным маркером и всей османской архитектуры, и даже турецкой культуры в целом, – это демонстрируют, например, суперобложки книг, посвященных истории, искусству, кухне Турции. Такая тиражируемость образа без акцентирования деталей позволила установить в массовом сознании прочную метонимическую связь «купольная мечеть = Турция», аналогично тому как пирамиды неразрывно связаны с Египтом, Тадж Махал способен (с некоторыми натяжками) символизировать Индию, а пагоды с загнутыми углами крыш воспринимаются как визуальные «визитные карточки» Дальнего Востока.

Как мы видим, «большая османская мечеть» маркирует (в т.ч. в официальной символике) представления (реальные или ожидаемые, даже мифологизированные) о расцвете турецкого государства и его бывшей столицы, т.е. обладает набором хронологических и географических «привязок». Этот образ (имидж) формировался в течение определенного времени, оказался связан с «добавочными» ментальными ценностями и приобрел способность распространять их во времени и пространстве²⁶. К числу таких ценностей относится идея сильного османского (турецкого) государства, позиционирующего себя (в т.ч. через идею преемственности Халифата) в качестве покровителя ислама: именно как «знак присутствия» и инструмент визуализации этой государственно-религиозной идеи османские мечети появлялись в крупных городах подвластных и зависимых территорий, часто резко контрастируя с местной архитектурой. Правда, тот же образ мог использоваться и «в пику» турецким властям, легитимизируя претензии на автономию от Стамбула («Алебастровая мечеть» Мухаммеда Али в Каире, 1848) или же символизируя силу и роль ислама уже без турецкого патроната (проект «реставрации» мечети Аль-Акса, 1920-е гг.).

Необходимо отметить, что и архитектура Турецкой республики, несмотря на постоянный интерес к новейшим западным трендам, воспользовалась консервативным образом «большой османской мечети» именно как брендом, напоминающим о «золотом веке». Возвращение в турецкое зодчество темы мечети после II мировой войны приняло вид осовремененной версии работ Синана (мечеть Шишли в Стамбуле, 1949; Мальтепе-джами в Анкаре, 1959²⁷), и с этого момента любое участие государства в культовом мусульманском строительстве, не говоря уже о прямом госзаказе, приводило к обращению к наработанному бренду. Наиболее показательными примерами такого процесса являются судьба мечети Коджа-тепе в Анкаре²⁸ и строительство Шакирин-джами в Стамбуле (2009), авторы которой сочли необходимым предварительно согласовывать замысел с чиновниками,

²⁵ См., например: Буланов 2013, 496; Капферер 2007, 448.

²⁶ Ср.: Панкрухин 2010, 29.

²⁷ Подробнее см.: Кононенко 2014б, 157–160.

²⁸ Ультрасовременный для 1950-х гг. проект В. Далокая к 1980-м годам был реализован в виде очередной огромной «нео-османской» мечети работы Х. Тайла; подробнее см.: Кононенко 2014б, 161–168.

социологами, теологами и будущими прихожанами²⁹. Сколь-либо серьезные отступления от знакомого образа в сторону архитектурного модернизма оказываются возможны только в культовых зданиях, возводимых в Турции по частному заказу³⁰.

Образ османской мечети закрепил и сохранил представления о высшем расцвете государства, о политических, финансовых, инженерных, интеллектуальных, культурных достижениях. Тиражируя этот образ с незначительными вариациями, зодчие и их заказчики сделали «большую османскую мечеть» элементом политической риторики, эффективность которой прослеживается до сего дня. Многослойные коннотации, связанные с этим образом, превратили стандартизированное представление о турецкой мечети в полноценный визуальный бренд, воспринятый как «своими» (т.е. носителями локальной традиции), так и «чужими» («международный бренд»³¹).

Однако необходимо заметить, что если удачные воспроизведения некогда созданного образа «большой османской мечети» превратили его в бренд, то в настоящее время именно «брендовость» заставляет создавать однотипные, часто упрощенные реплики в пределах некоего ожидаемого типа. Подобные реплики, лишенные индивидуальности, ведут к оценке всей архитектуры современной турецкой мечети как «иконографически унылой»³². Показателен пример Российской Федерации, где в «традиционно мусульманских районах» наблюдается активность культового строительства, и заказчики по разным причинам (не столько эстетическим и/или идеологическим, сколько экономическим) предпочитают обращаться к турецким типовым проектам. Достаточно упомянуть Пятничную мечеть в Махачкале (1997), мечеть им. Исмаила аль-Бухари в Верхней Пышме (2002), «Сердце Чечни» в Грозном (2008), мечеть им. С. Делимханова в Джалке (2011), прямо отсылающие к османским прототипам; многие новые мечети аккуратно «цитируют» известные проекты турецких архитекторов, в свою очередь вдохновлявшихся османской «неоклассикой»³³. «Складывается такое впечатление, что для современной [мусульманской – Е.К.] архитектуры России не существует других архитектурных стилей, кроме турецкого. Когда во многих странах Ближнего Востока мы видим отчетливые следы этого архитектурного стиля, в этом нет ничего странного. Османская империя внедряла свой архитектурный стиль. Россия никогда не была покорена Турцией, но тем не менее османский архитектурный стиль твердо закреплен в появляющихся мечетях»³⁴.

Впрочем, речь не о российском восприятии турецкой мечети, а о ней самой. Мастера, создававшие мусульманские культовые сооружения, сумели решить целый ряд конструктивных, пространственных, композиционных задач и удачно приспособить к условиям Анатолии решения сирийских, иранских, византийских архитекторов. Обобщив имевшиеся наработки, османские зодчие XV–XVI вв.

²⁹ Кононенко 2014б, 176–178.

³⁰ В качестве заказчиков «авангардистских» мечетей часто выступают промышленные корпорации и учебные заведения, позиционирующие таким образом претензии на автономность и свободу мысли; правда, во многих случаях подобные молитвенные здания не являются общедоступными.

³¹ См.: Грошев, Краснослободцев 2013, 205–211.

³² Шукуров 2014, 46.

³³ Ибрагимов 2011, 53–58.

³⁴ Шукуров 2014, 46.

создали образ «большой османской мечети», который можно рассматривать как квинтэссенцию всей мусульманской архитектуры. Этот образ был использован как идеологический инструмент, оброс коннотациями для «своих» и закрепился на правах метонимии власти Османского государства; размеры купольных зданий и место в панораме Стамбула заставили «чужих» воспринимать их как эмблему столицы Халифата и ислама в целом. Все это позволило образу турецкой мечети превратиться в бренд, положенный в основу нео-османского стиля, с равным успехом использованного несколькими волнами турецкого «национального архитектурного движения» и для выражения подчас противоположных политических идей, – например, «имперской» доктрины младоосманов и националистических взглядов младотурок и кемалистов³⁵.

Такая «внехудожественная» судьба визуального образа, его трансформация в бренд является удачным примером не только архитектурного выражения политической риторики, но и государственного брендинга в целом. Однако воспроизведение безусловных архитектурных достижений турецкой мечети, перенос образа на чужую почву должны сопровождаться критическим анализом возможных идеологических составляющих бренда.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский, И. 1985: Путешествие в Стамбул. *Континент* 46, 67–111.
- Буланов, А.В. 2013: *Бренд 2.0. От философии к практике*. М.
- Буркхардт, Т. 2010: *Искусство ислама. Язык и значение*. Таганрог.
- Грошев, И.В., Краснослободцев, А.А. 2013: Особенности создания и продвижения бренда на международном рынке. *Проблемы современной экономики* 2, 205–211.
- Ибрагимов, И.А. 2011: Архитектура современных российских мечетей. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН* 2, 53–58.
- Капферер, Ж.-Н. 2007: *Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда*. М.
- Кононенко, Е.И. 2014а: В ожидании «суперпроекта»: ориентиры турецкой мечети. *Азия и Африка сегодня* 4, 63–68.
- Кононенко, Е.И. 2014б: Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой. *Искусствознание* 3–4, 155–182.
- Кононенко, Е.И. 2014в: Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении. *Исламоведение* 4, 73–79.
- Кононенко, Е.И. 2015а: Анатолийские мечети Великих Сельджуков: архитектурные и политические ориентиры. *Искусствознание* 3–4, 140–160.
- Кононенко, Е.И. 2015б: Еще раз о «проблеме сельджукского искусства». *Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение* 3, 66–77.
- Кононенко, Е.И. 2015в: Мечети Артукидов: почти забытая страница анатолийской архитектуры. *Художественная культура* 2, 136–155.
- Кононенко, Е.И. 2016а: Архитектурный заказ Сельджуков Рума как инструмент политической риторики. *Вестник СПбГУКИ* 2, 173–176.
- Кононенко, Е.И. 2016б: Мечеть Юч Шерефели в Эдирне и ее место в османской архитектуре. *Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение* 4, 36–51.
- Кононенко, Е.И. 2016в: Османский архитектурный историзм и поиски национального стиля. *Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение* 1, 92–103.

³⁵ Кононенко 2016в, 99–102.

- Ле Корбюзье, 1991: *Путешествие на Восток*. М.
- Мориер, Дж. 1970: *Похождение Хаджи Бабы из Исфагана*. М.
- Памук, О. 2006: *Стамбул. Город воспоминаний*. М.
- Панкрухин, А.П. (ред.) 2010: *Маркетинг. Большой толковый словарь*. М.
- Смирнов, В.Д. 1876: Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь, летом 1875 г. *Вестник Европы* 8, 26–30.
- Стародуб, Т.Х. 2004: *Сокровища исламской архитектуры*. М.
- Шукуров, Ш.М. 2002: *Образ Храма*. М.
- Шукуров, Ш.М. 2007: Византия и Ислам. Преодоление чуждости. Формирование цивилизационных отношений. В кн.: Т.Е. Морозова (ред.), *Искусство Востока. Вып. 3. Сравнительное изучение традиций*. М., 106–122.
- Шукуров, Ш.М. 2014: *Архитектура современной мечети. Истоки*. М.
- Юзефович, Т. 1869: *Договоры России с Востоком, политические и торговые*. СПб.
- Crane, G. 2009: Art and Architecture 1300–1453. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 266–352.
- Crane, H. 1987: Some Archaeological Notes on Turkish Sardis. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 4, 43–58.
- Kiel, M. 2009: The incorporation of the Balkans into the Ottoman Empire. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 138–191.
- Kuban, D. 2011: *Sinan's Art and Selimiye*. Istanbul.
- Kuran, A. 1968: *The Mosque in Early Ottoman architecture*. Chicago.
- Kuran, A. 1987: *Sinan, The Grand Old Master of Ottoman Architecture*. W.–Istanbul.
- Lindner, R.P. 2009: Anatolia 1300–1451. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 102–137.
- Necipoglu, G. 2005: *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire*. L.
- Ozgules, M. 2008: *Sinan's Sculptural Architecture in Istanbul*. Karlsruhe.

REFERENCES

- Brodskiy, I. 1985: Puteshestvie v Stambul. *Kontinent* 46, 67–111.
- Bulanov, A.V. 2013: *Brend 2.0. Ot filosofii k praktike*. Moscow.
- Burkhardt, T. 2010: *Iskusstvo islama. Yazyk i znachenie*. Taganrog.
- Crane, G. 2009: Art and Architecture 1300–1453. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 266–352.
- Crane, H. 1987: Some Archaeological Notes on Turkish Sardis. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 4, 43–58.
- Groshev, I.V., Krasnobaev A.A. 2013: Osobennosti sozdaniya i prodvizheniya brenda na mezh-dunarodnom rynke. *Problemy sovremennoy ekonomiki* 2, 205–211.
- Ibragimov, I.A. 2011: Arhitektura sovremennyh rossiyskikh mechetey. *Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN* 2, 53–58.
- Kapferer J.-N. 2007: *Brend navsegda: sozдание, razvitie, podderzhka tsennosti brenda*. Moscow.
- Kiel, M. 2009: The incorporation of the Balkans into the Ottoman Empire. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 138–191.
- Kononenko, E.I. 2014a: V ozhidanii “superproekta”: orientiry turetskoy mecheti. *Aziya i Afrika segodnya* 4, 63–68.
- Kononenko, E.I. 2014b: Turetskaya mechet’: mezhdru neoklassikoy i ne-klassikoy. *Iskusstvoznanie* 3–4, 155–182.

- Kononenko, E.I. 2014c: Faktor islamskoy blagotvoritel'nosti v turetskom gradostroenii. *Is-lamovedenie* 4, 73–79.
- Kononenko, E.I. 2015a: Anatoliyskie mecheti Velikih Sel'dzhukov: arhitekturnye i politicheskie orientiry. *Iskusstvoznanie* 3–4, 140–160.
- Kononenko, E.I. 2015b: Eshche raz o “probleme sel'dzhukskogo iskusstva”. *Vestnik SPbGU. Seriya 15. Iskusstvovedenie* 3, 66–77.
- Kononenko, E.I. 2015c: Mecheti Artukidov: pochti zabytaya stranitsa anatoliyskoy arhitektury. *Hudozhestvennaya kul'tura* 2, 136–155.
- Kononenko, E.I. 2016a: Arhitekturny zakaz Sel'dzhukov Ruma kak instrument politicheskoy ritoriki. *Vestnik SPbGUKI* 2, 173–176.
- Kononenko, E.I. 2016b: Mechet' Uch Sherefeli v Edirne i eye mesto v osmanskoy arhitekture. *Vestnik SPbGU. Seriya 15. Iskusstvovedenie* 4, 36–51.
- Kononenko, E.I. 2016c: Osmanskiy arhitekturnyy istorizm i poiski natsional'nogo stilya. *Vestnik SPbGU. Seriya 15. Iskusstvovedenie* 1, 92–103.
- Kuban, D. 2011: *Sinan's Art and Selimiye*. Istanbul.
- Kuran, A. 1968: *The Mosque in Early Ottoman architecture*. Chicago.
- Kuran, A. 1987: *Sinan, The Grand Old Master of Ottoman Architecture*. Washington–Istanbul.
- Le Korbyuz'e. 1991: *Puteshestvie na Vostok*. Moscow.
- Lindner, R.P. 2009: Anatolia 1300–1451. In: K. Fleet (ed.), *The Cambridge History Of Turkey. Volume I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, 102–137.
- Morier J. 1970: *Pohozhdenie Hadzhi Baby iz Isfagana*. Moscow.
- Necipoglu, G. 2005: *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire*. London.
- Ozgules, M. 2008: *Sinan's Sculptural Architecture in Istanbul*. Karlsruhe.
- Pamuk, O. 2006: *Stambul. Gorod vospominaniy*. Moscow.
- Pankruhin, A.P. (ed.) 2010: *Marketing. Bolshoy tolkovyy slovar'*. Moscow.
- Shukurov, Sh.M. 2002: *Obraz Hrama*. Moscow.
- Shukurov, Sh.M. 2007: Vizantiya i Islam. Preodolenie chuzhdosti. Formirovanie tsivilizatsionnyh otnosheniy. In: T. Morozova (ed.), *Iskusstvo Vostoka. Vyp. 3. Sravnitel'noe izuchenie traditsiy*. Moscow, 106–122.
- Shukurov, Sh.M. 2014: *Arhitektura sovremennoy mecheti. Istoki*. Moscow.
- Smirnov, V.D. 1876: Turetskaya tsivilizatsiya, eye shkoly, softa, biblioteki, knizhnoe delo. Iz poezdki v Konstantinopol', letom 1875 g. *Vestnik Evropy* 8, 26–30.
- Starodub, T.H. 2004: *Sokrovishcha islamskoy arhitektury*. Moscow.
- Yuzefovich, T. 1869: *Dogovory Rossii s Zapadom, politicheskie i torgovye*. Saint-Petersburg.

TURKISH MOSQUE: IMAGE AND BRAND

Evgenii I. Kononenko

State Institute of Arts Studies, Russia,
j_kononenko@inbox.ru

Abstract. Because of the accumulation of structural and compositional achievements of the Anatolian monument, the Turkish architecture had developed a special type of Muslim religious buildings – the “great Ottoman mosque” – to the mid – 15th century. The type of the domed hall mosque reached its highest flowering point in the works of the architect Sinan and his followers, being associated with the “Magnificent Age” of the Ottoman Empire. “Great Ottoman mosques” differ by the unity of shapes and as the emblem are used for visual marking of several semantic series. Continuous replication (until the beginning of the 21st century) and the use as a tool of

---

political rhetoric transformed the architectural image of the Turkish domed mosque into the international brand fixed in literature and official symbols serving as a recognizable indicator of the Ottoman state and culture. Excellent architecture of Turkish mosques and visual impact of its image led to its extensive usage in modern Muslim architecture outside Turkey, including Russia, often without taking into account the related ideological connotations.

Key words: architecture of Turkey, Istanbul, mosque, Sinan, political rhetoric, branding

---

МИНБАР МЕЧЕТИ АЛААДДИНА В КОНЬЕ

Л.И. Саттарова

Свободный исследователь, Анкара,
Liliya.sattarova@hotmail.com

Аннотация. В мечети Алааддина в Конье – бывшей соборной мечети столицы Сельджукидов Анатолии – сохранился средневековый минбар, который является редчайшим образцом мусульманской деревянной кафедры домонгольского времени.

Орнаментальный декор и техники резьбы минбара, впервые ставшие предметом искусствоведческого анализа, свидетельствуют о путях и формах проникновения в Анатолию приемов и мотивов исламского искусства восточных регионов, находившихся в рассматриваемый период под властью Великих Сельджукидов. Минбар мечети Алааддина в Конье, являясь одним из немногих сохранившихся памятников сельджукского искусства Малой Азии XII в., несет на своих поверхностях орнаменты из словаря архитектурного декора, сформировавшегося на различных территориях Дар-уль-Ислама уже в XI столетии. Как свидетельствует ряд памятников, минбар был своего рода антологией как мотивов, так и приемов их интерпретации, к которой обращались мастера деревянной и каменной резьбы сельджукской Анатолии.

В статье дано описание состояния минбара, охарактеризованы техники резьбы, использованные для создания декорированных поверхностей кафедры, рассмотрены особенности ее орнаментального убранства.

Ключевые слова: мечеть Алааддина, Конья, деревянная резьба, сельджукские минбары, мусульманское искусство

Введение

Мечеть Алааддина в Конье – культовый комплекс, который сформировался в XII–XIII вв. в несколько этапов на историческом холме города; с XIV по XX вв. он пережил несколько значительных поновлений. На период правления сельджукских султанов Анатолии Масуда I (1116–55) и Кылыч Арслана II (1155–92) приходится первый этап строительства мечети, когда был возведен колонный молитвенный зал с параллельными стене киблы нефами. Мечеть отличалась слегка трапецевидным планом, необычной кладкой кирпичных стен, раскрепованных стрельчатыми арками. С севера к мечети примыкал двор, обнесенный реваками. В этот период столичная мечеть Сельджукидов была, по-видимому, частью дворцового комплекса Внутренней крепости в Конье¹. В течение последующих столе-

---

Саттарова Лилия Илевна – искусствовед, свободный исследователь.

¹ Oral 1956, 46; Konyalı 1964, 312.

тий мечеть оставалась архитектурным ансамблем, доминирующим над средневековым городом, и служила Соборной мечетью города; в источниках XII–XIII вв. она упомянута как Масджид уль-Джами уль-Атик и Джами уль-Кабир². Уже при Масуде I в ней был воздвигнут деревянный резной минбар, который несет самую раннюю надпись мечети с датой смерти султана-заказчика – 550 г.х./1155 г. Первоначально он находился в восточном крыле мечети, в гипостильном зале XII в., и стоял справа от михраба (утрачен), который можно видеть на фотографии, сделанной Ф. Зарре в начале XX в.³ В дальнейшем, при Кейкавусе I (1211–19) и Кейкубаде I (1219–1237), расширения мечети привели к появлению обширного западного крыла с купольным и колонным залами⁴, при этом была исправлена погрешность в определении направления киблы, допущенная на первом этапе строительства, в связи с чем стена киблы получила заметный излом⁵, а комплекс в целом приобрел асимметричный план. На всех этапах строительства заказчики активно привлекали мастеров с Востока: надписи различного времени сохранили имена строителя мавзолея (а, возможно, и мечети) Йусуфа бин Абдулгаффара из Ходжана близ Нишапура; мастера Мухамада Хаулана ал-Димашки из Дамаска, которому приписывают авторство порталов и расширения мечети при Алааддине Кейкубаде в 1220-е гг.; керамиста Карим ад-дина Ардишаха, автора майоликового декора михраба и купола перед ним. Великолепный михраб высотой 6,90 м⁶ является доминантой просторного купольного зала. Резной минбар Масуда I, который едва вписывался в ширину травеи многоколонного зала, был перемещен к новому михрабу, и по сей день он находится справа от подкупольной арки.

Минбар: религиозный и политический смысл.

Минбар остается одним из наиболее важных элементов мечети, необходимой принадлежностью сакрального пространства молитвенного зала. Это кафедра, которая превращает обычную мечеть в место собраний мусульманской общины по пятницам для совместной молитвы и слушания хутбы – проповеди с упоминанием имени правителя. Традиция установления минбара в городской соборной мечети стала одной из норм ислама уже во втором веке хиджры⁷. О важном политико-административном значении, которое придавалось минбару в XI–XII вв., красноречиво свидетельствует фрагмент из анонимной хроники «Сельджукнаме», в котором говорится о третьем походе султана Меликшаха (1072–1092) в Малую Азию, когда, «после того, как войска Эмира Бозана и Эмира Порсука привели в повиновение большую часть Анатолии, он установил в завоеванных областях пятьдесят минбаров, и в пятидесяти местах хутба провозглашалась с именем Великого Султана Меликшаха»⁸.

Арабский географ XIII в. Ибн Саид свидетельствует, что в XII столетии в Анатолии только в 24-х соборных мечетях могла произноситься пятничная проповедь

² Karamağaralı 1982, 121.

³ Oral 1956, şekil 3.

⁴ Преобразования мечети, внесенные при Алааддине Кейкубаде I, закрепили за ней имя прославленного сельджукского султана XIII в.

⁵ Karamağaralı 1982, 123.

⁶ Bakırer 1976, 142.

⁷ Pedersen 1993, 73.

⁸ Цит. по: Turan 1984, 60. Перевод автора (с турецкого).

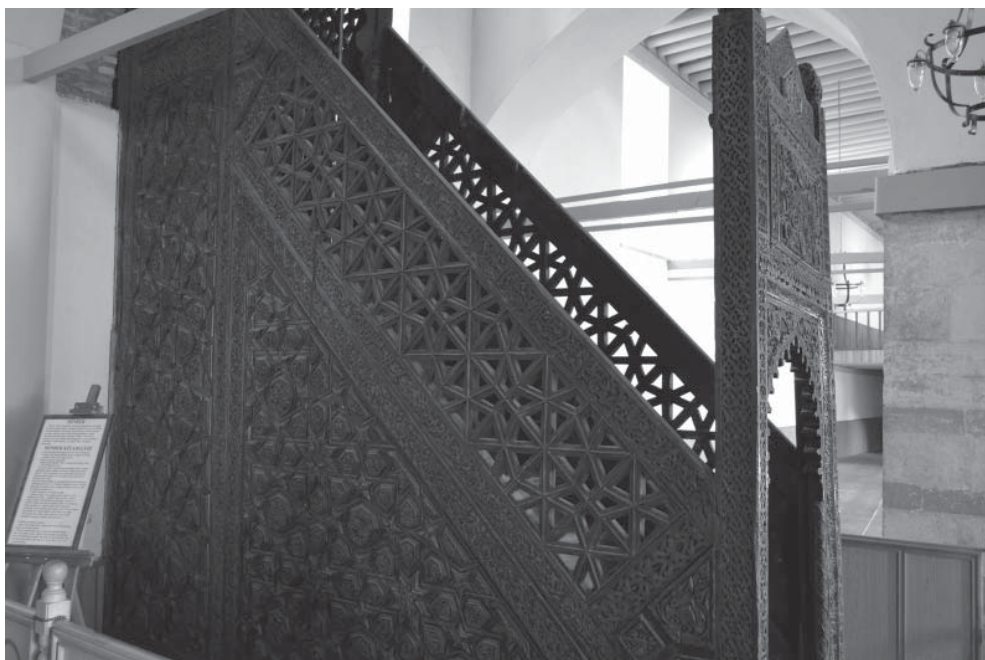

Рис. 1. Минбар мечети Алааддина. 550/1155. Конья, Турция.
Вид восточной стороны. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Рис. 2. Минбар мечети Алааддина в Конье.
Западная сторона, фрагмент. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

*хутба*⁹, то есть был установлен минбар. Между тем, нам известно всего шесть дошедших до наших дней сельджукских деревянных кафедр, датированных или датируемых XII в.; четыре из них продолжают нести свою службу в молитвенных залах мечетей Центральной и Восточной Анатолии¹⁰. Возможно, этим следует объяснить малоизученность анатолийских минбаров, подавляющее большинство которых по сей день находится *in situ*, в городах, далеких от туристических маршрутов, а порой и вовсе труднодоступных. Монументальные минбары, которые составляют значительный корпус памятников деревянной резьбы сельджукской Малой Азии XII–XIII вв., несомненно, заслуживают самого пристального изучения. Можно утверждать, что кафедра мечети Алааддина в Конье занимает эталонное место в этом ряду.

Состояние минбара.

Подробное визуальное обследование и фотофиксация минбара были произведены автором в сентябре 2015 г.¹¹. Минбар помещен на дощатую платформу, немного выступающую за границы его основания; боковые стенки кафедры продолжены досками более светлого оттенка, которыми в настоящее время осуществляется крепление к стене киблы. В позднейший период взамен утраченного купола над тронем был возведен дощатый шестигранный пирамидальный купол на шестигранном основании, который не имеет декора. Кроме того, по-видимому, в XIX в. прямоугольный проем в западной стороне был закрыт двустворчатой дверцей¹². Одно из резных полотнищ двустворчатой двери, принадлежавшей portalу минбара, ныне экспонируется в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле (инв. № 246)¹³. Состояние каркаса, портала и резных панелей кафедры хорошее; все детали пригнаны настолько тщательно, что за прошедшие восемь с половиной столетий не возникло необходимости в укреплении обшивки минбара: он практически не имеет металлических скреп. Лестница минбара имеет девять ступеней (вместе с верхней площадкой); раньше она застилалась узкими безворсовыми коврами – килимами, которые можно видеть на старых фотографиях интерьеров мечети¹⁴. На шестой ступени установлен микрофон на стойке; и в наши дни имам читает проповедь с древнего минбара.

Структура и декор.

⁹ Cahen 1968, 189.

¹⁰ Улу Джами в Аксарая (первая половина XII в.), мечети Алааддина в Конье (1155), мечети Алааддина в Анкаре (1178), Куршунлу Джами в Элязыге (минбар Соборной мечети Харпута, XII в.); исключение составляют хранящиеся в музеях минбар Соборной мечети Малатья (Анкарский Этнографический музей) и дошедшая до наших дней во фрагментах деревянная кафедра Кале Джами в Диврии (XII в.) (Музей вакфов, Анкара).

¹¹ Первое знакомство автора с мечетью Алааддина и минбаром состоялось в 1996 г., во время стажировки в Сельджукском Университете (Конья). Визуальное исследование и фотографирование минбара производилось также во время поездок в Конью в 2011–2012 гг.

¹² Konyalı 1964, 311. Аналогичный проем имеет западная прямоугольная панель минбара Аксарая.

¹³ З. Орал (Oral 1962, 29), вслед за ним и другие авторы ограничиваются указанием на отсутствие дверных створок минбара. В то же время в экспозиции Музея турецкого и исламского искусства (Стамбул) находится резная дверная створка (Инв. № 246). Этикетка гласит: «Дверь минбара мечети Алааддина, Конья». Техника и орнамент двери аналогичны декору боковых панелей минбара. Второе полотнище было утрачено, на что указывает Н. Ибрагим в публикации 1927 года (Özlük 2008, 452).

¹⁴ Karamağaralı 1982; resim 13.

Рис. 3. Минбар мечети Алааддина в Конье.
Верхняя часть портала. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Рис. 4. Минбар мечети Алааддина. Ограждение павильона с западной стороны.
Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Конийская кафедра, отражающая сформировавшуюся к первой половине XII в. структуру монументального минбара, имеет обязательные конструктивные элементы: основание; портал в виде арки, заключенной в массивную прямоугольную раму, с двумя дверными створками; тулово – главный объем с лестницей; павильон, увенчанный пирамидальным балдахином. Четкой структуре соответствует членение резных панелей, закрывающих мощный каркас. Довольно внушительные размеры (длина 3,70 м, ширина 1,10 м)¹⁵ придают кафедре монументальность, соразмерность с грандиозным михрабом и внутренним пространством соборной мечети.

Вход на кафедру оформляет торжественный портал в виде прямоугольной рамы из квадратных в сечении стоек, в которую заключена арка с фестончатым краем (17 фестонов). Верхняя часть портала усилена горизонтальными панелями с узорами и надписями, его устои завершены массивными шишкообразными навершиями с глубокой резьбой. Используемая здесь схема имеет множество аналогий в других минбарах Анатолии XII–XIII вв.¹⁶

В верхней части портала над аркой помещена прямоугольная наборная панель со звездчатой сеткой (основа – три шестилучевые звезды), П-образно обрамленная узкими бордюрами. Фигуры заполнены стилизованными растительными мотивами; резьба нескольких элементов осталась незавершенной. Над панелью расположена лента орнамента, а также фигурная панель с куфической надписью по краю и симметричной арабесковой композицией в центре. Прямоугольная рама арки завершается горизонтальной лентой надписи почерком куфи. Боковые бордюры рамы вырезаны в устоях портала; рисунок этих лент сходен с бордюрами в торцевых сторонах устоев и построен на наложении двух сеток, образованных двумя и четырьмя побегами, синусоиды которых соприкасаются в шахматном порядке.

Обратимся к программе эпиграфики минбара, которая складывается из двух исторических надписей и трех обширных коранических цитат, а также содержит надпись с именем мастера и датой. Так называемые строительные надписи, помещенные на портале кафедры, свидетельствуют о том, что в Соборной мечети Коньи минбар был объектом, прокламировавшим власть династии Сельджукидов на недавно завоеванных землях. Важнейшее значение надписи с именем султана Масуда I подчеркнуто ее центральным положением в композиции портала и необычностью декоративного оформления. Краткий текст славословий султану, занимающий одну треть высоты бордюра, выполнен буквами округлого профиля на фоне тонкой резьбы растительных мотивов. Всю оставшуюся высоту занимают «плетенки», которыми прорастают буквы куфического письма. Композиция состоит из 15 «узлов счастья», которые завершаются пальметтами; связки между узлами имеют навершия в виде кружков. Другая историческая надпись, выполненная скорописью на гладком фоне, заполняет узкий, с вогнутым профилем, бордюр П-образной рамы входной арки. Надпись содержит пространственные славословия в адрес сына и преемника Масуда I – султана Кылычарслана II (1155–1192) – с подробным указанием его титулатуры.

¹⁵ Размеры по: Konyalı 1964, 311. Высота до верхнего края ограждения павильона составляет примерно 4,35 м, высота с балдахином – более 5,50 м.

¹⁶ Oral 1962, resim 1, 3, 4, 20, 20, 24.

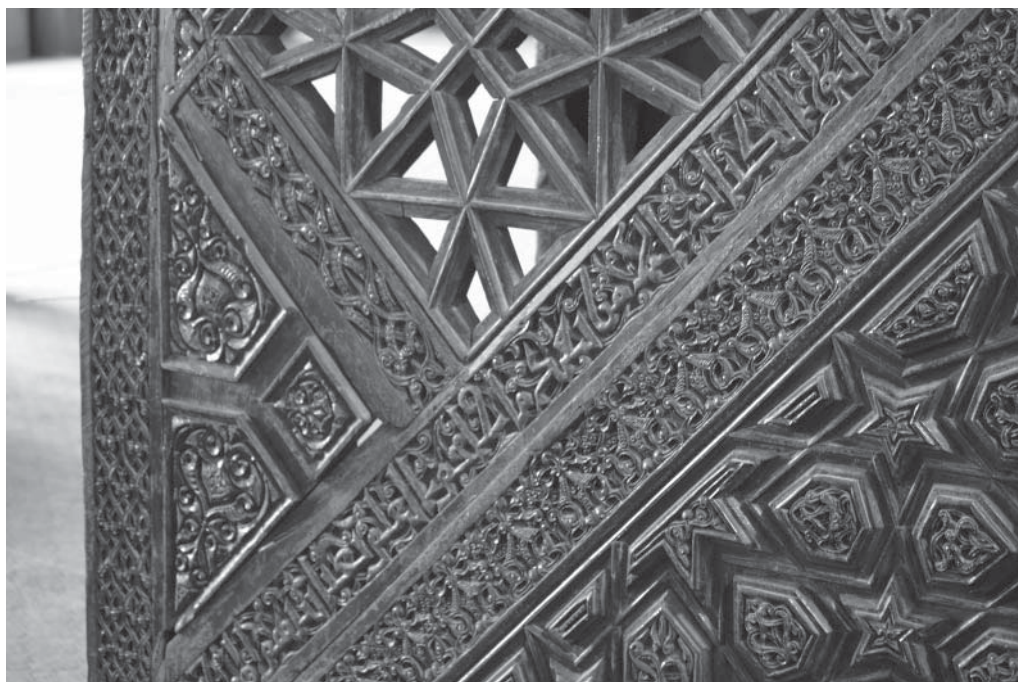

Рис. 5. Минбар мечети Алааддина в Конье. Фрагмент резьбы. Западная сторона.
Фотография Л.И.Сагтаровой. 2015 г.

Минбары дают наиболее ранние примеры коранических надписей, впоследствии широко использовавшихся в керамическом архитектурном декоре и каменной резьбе Анатолии XII–XIII вв. В венце портала помещен коранический текст «Кому царство в тот день? Аллаху единому, могучему!» (40:16), утверждающий единственность власти Всевышнего. Другие коранические цитаты представлены в резьбе наружной стороны перил и оснований балюстрады лестницы. На восточной стороне это фрагмент суры «Корова» ((2: 255–256), включающий «Тронный стих» (2:255)). В нижнем и верхнем фризе правой (западной) балюстрады приведены айаты суры «Семейство Имрана» (3: 17–19)¹⁷. Следует отметить, что надписи деревянных кафедр формируют основной корпус монументальной эпиграфики Малой Азии XII в. вместе с весьма редкими дошедшими до нас надписями в культовой архитектуре этого времени, и свидетельствуют о художественных исканиях в сельджукской эпиграфике. В конийском минбаре можно видеть одновременное использование как монументального куфического стиля, так и скорописного насха. Большинство надписей выполнено куфическим шрифтом на фоне растительного побега. Обращает на себя внимание характер отношений фона и букв: завитки побега не создают основного ритма, они подчиняются расположению букв и заполняют фон между ними.

Эпиграфика, растительный и геометрический орнаменты создают гармоничное единство в орнаментальном строе минбара. На боковых сторонах, разделен-

¹⁷ Прочитаны З. Оралом (Oral 1962, 30). Коранические цитаты приводятся в переводе И.Ю. Крачковского.

Рис. 6. Минбар мечети Алааддина в Конье. Фрагмент треугольной панели. Западная сторона. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Рис. 7. Минбар мечети Алааддина в Конье. Прямоугольная панель западной стороны. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

ных на несколько основных полей (треугольная обшивка лестницы, прямоугольная панель под тронном, парапет), ведущая роль принадлежит геометрическим рисункам, выполняющим структурирующую функцию. Парапет лестницы имеет строение, типичное для сельджукских минбаров: решетка балюстрады заключена в прямоугольный каркас, образованный перилами, основанием балюстрады и двумя отрезками, перпендикулярными перилам. Таким образом, в сторонах примыкания балюстрады к стойкам портала (внизу) и стойкам павильона (вверху) образованы треугольные плоскости, которые здесь заполнены наклонной резьбой. Рисунок решетки ограждения, выполненной из профилированных планок, основан на квадратной сетке (сторона квадрата 0,25 м). Два ряда из 11 квадратов пересечены короткими отрезками, с образованием восьмиугольников и четырехконечных звезд, которые делятся, в свою очередь, на треугольники и неправильные ромбы.

В вертикальных прямоугольных панелях под павильоном и треугольных стенках обшивки лестницы господствуют звездчатые композиции, заключенные в орнаментальные бордюры. Орнамент треугольных панелей (сторона треугольника – 2,47 м) основан на квадратной сетке и состоит из 135 резных фигур¹⁸.

¹⁸ За исключением профилированных переходных деталей.

Пересечение линий, образующих звездчатые и восьмиугольные розетки, выявляет и другие фигуры, составленные из мелких многоугольников. Ясно читаются квадраты, центрами которых становятся восьмиугольники. Рисунок, состоящий из 4-х видов многоугольников – восьмилучевая звезда, восьмиугольник, пятиконечная звезда и неправильный шестиугольник, построения которых дополнены неправильными пятилучевыми звездами, неправильными трапециями, ромбами, полужестрами и полувосьмиугольниками, богат перестроениями ритма и не создает монотонности¹⁹.

Прямоугольная панель восточной стены (ширина 0,89 м с бордюрами обрамления – 1,08 м, высота – 3,10 м, высота с орнаментальной рамкой – 3,45 м) охватывает высоту от пола до ограждения павильона, состоит из 173 резных деталей – ясно читаются два ромбовидных медальона с десятилучевыми звездами в окружении неправильных шестиугольников, пятилучевых звезд и ромбоидов. Орнамент панели, основанный на сетке из десятилучевых звезд, относится к самым ранним примерам этого типа²⁰. Композиция западной панели представляет собой фрагмент восточной, она состоит из 100 многоугольных фигур.

Как и во многих других известных нам примерах, декор западной и восточной стенок кафедры имеет некоторые различия в мотивах и деталях резьбы. Однако и в целом резьба минбара разнообразна по мотивам, особенно это проявляется в орнаментике бордюров и заполнениях многоугольных фигур. Так, арабески основных фигур наборных панелей – трех десятилучевых звезд (в прямоугольных панелях), шести восьмилучевых звезд и двенадцати восьмиугольных розеток (в треугольных панелях) – не имеют ни одного повторения, оригинален рисунок каждой из 21-й композиции. Однотипными мотивами (трилистники, полупальметты) заполнены только мелкие многоугольники, дополняющие рисунок; исключение составляют половинки розеток и шестиугольников, срезанных краем панели, – здесь также можно видеть различные арабесковые комбинации.

Однако этим не исчерпывается орнаментальное разнообразие панелей: из 184 неправильных шестиугольников только 10 фигур, расположенных в верхнем медальоне левой прямоугольной панели, имеют идентичный рисунок арабесок. Остальные шестиугольники, преобладающие в рисунке каждой из четырех панелей, дополняя медальоны вокруг восьми- и десятилучевых звезд и восьмиугольников, имеют оригинальные композиции. Фигура шестиугольника, стремящаяся к вытянутому пятиугольнику, задает границы арабески и ее динамичную структуру, построенную по принципу зеркальной симметрии. Можно заметить также геометрическую строгость композиций, имеющих по меньшей мере около 150 различных вариаций.

¹⁹ Как можно судить по рисункам из альбома Бухарского музея, датированного XVI столетием, данный орнамент, называемый хашт-и-панджнок (восьмиугольник и пятиугольник), был одним из основных типов построений в среднеазиатском орнаменте позднего средневековья (Гаганов 1958, 194, табл. 12).

²⁰ Как показал А. Дж. Ли, геометрические розетки с десятью лучами впервые отмечены в декоре северного купольного зала Масджид-и Джума в Исфахане (1088), и деревянные минбары мечети Алааддина в Конье (1155) и мечети Аль-Акса в Иерусалиме (1168) дают самые ранние сохранившиеся примеры использования восьми- и десятилучевых розеток в декоре памятников XII столетия (Lee 1987, 189).

Рис. 8. Минбар мечети Алааддина в Конье. Арабеска прямоугольной панели восточной стороны. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Рис. 9. Минбар мечети Алааддина в Конье. Бордюры с арабесками. Восточная сторона. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

Все арабески выполнены в технике глубокой резьбы; фон вынут глубоко и неразличим, а резьба пересекающихся листьев и стеблей выполнена в двух и трех уровнях. Это сообщает резьбе арабесок, насыщенных по рисунку, наполненность воздухом, легкость и некоторую ажурность. Для одной группы мотивов характерно подчеркивание стеблей и края листьев глубоким желобком, который служит выявлению рисунка. Можно отметить, что эта особенность присуща также резьбе арабесок минбара мечети ал-Акса (1168) и Большой мечети Аксарая (первая половина XII в.), а также чуть более позднего минбара из Сиирта (1214, Анкарский этнографический музей). Характерной чертой другой группы арабесок являются раздвоенные листья с «пальмовыми» насечками в широкой части, завершающиеся завитком с шарообразной волютой. Композициям присуща компактность, рисунку – четкость линий и отсутствие излишней дробности в деталях.

Арабески правильных многоугольников – звезд с десятью и восемью лучами и восьмиугольников – представляют собой розетки с лучевым раппортом. Мотивы, построенные на сложнейших переплетениях радиально расходящихся линий, образуют в центре звездчатые фигуры и завершаются по контуру пальметтами. Они имеют различную пластическую трактовку; в большинстве восьмиугольников узор начинается в центре фигуры сплетением нескольких стеблей, завершаю-

щихся в углах восьмиугольника листьями и арочными мотивами. Однако в двух случаях (верхняя десятилучевая звезда и восьмилучевая звезда на восточной стороне) резьба арабески выполнена в высоком рельефе, переходящем в ажурную резьбу. Подобные элементы встречаются также в упомянутом минбаре Большой мечети Аксарая. В обоих памятниках резьба верхней части арабески повреждена, в результате чего обнажились подлежащие слои резьбы со сплетенными стеблями. По-видимому, эти элементы в высоком рельефе представляют собой развитие идеи кабошона, служащего, например, выразительным акцентом панелей минбара мечети ал-Акса, где они помещены как в боковых панелях, так и в наборных дверных створках. В более поздних анатолийских кафедрах из Большой мечети Сиирта (1214 г.) и мечети Эшрефоглу в Бейшехире (XIII в.) усилена композиционная роль резных рельефных полусфер.

Сочная пластика арабесок в панелях минбара соотносится с выразительной резьбой горизонтальных фризов и вертикальных бордюров, которыми ограничены панели с геометрическим узором, а также решетки ограждений и арка портала. В орнаментальной системе минбара насчитывается всего 37 бордюров, семь из которых – эпиграфические фризы с упомянутыми кораническими цитатами. Что касается орнаментальных фризов конийского минбара, то они ломают сложившиеся представления о классических бордюрах с обязательным мотивом переплетающихся побегов и «сельджукским» листом.

Восемнадцать вертикальных бордюров, обрамляющих орнаментальные плоскости кафедры, заполнены узорами с прямым ленточным раппортом; среди них выделяются десять лент с оригинальным узором; только два узора повторены четырежды (4 коротких бордюра балюстрады) и четыре мотива использованы дважды (8 лент устоев портала). Примером может служить бордюр, вырезанный в торцевой стороне стойки павильона и ограничивающий его парапет с левой стороны, в котором основу узора составляют арочные мотивы, образованные лентами перлов. Повтор арочек составляет каркас, на который наложен другой орнаментальный мотив – пальметта с проросшими вверх листьями, являющими собой ростки следующего аналогичного мотива.

Особого внимания заслуживают двенадцать горизонтальных бордюров с обратным ленточным раппортом, при этом только четыре из них совпадают по рисунку. Интересны как элементы, так и приемы создания орнаментальных полотен, которые напоминают резные панели газневидских дворцов XI в. Их жесткую структуру образует архитектурный мотив – многолопастная арка с килевидным завершением, повторы которой становятся организующим и ритмизирующим элементом композиции. Рассмотрим резьбу верхнего и нижнего бордюров парапета с западной стороны: основу раппорта, повторяющегося по горизонтали, составляет мотив четырехлопастной арки, которую образуют пересечения плоских тяг, прорезанных перлами. Продолженные из вершины арки влево и вправо, они объединяют по два раппорта. Этот архитектурный мотив дополнен классическим трилистником, помещенным в центре арки. Спокойствие классической композиции оживлено мотивом сельджукского «раздвоенного листа», который превращает трилистник в пальметту с прорастающими вверх листьями. Отягощенные сочными волютами, они смыкаются внизу у пяты арки и вверху – под тягой, соединяющей две смежные арки. Идущие от основания пальметт тонко вырезанные усики,

Рис. 10. Минбар мечети Алааддина в Конье. Вертикальный бордюр восточной стороны. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

соединяющие листья и арки, сообщают пружинящее движение всей орнаментальной связке. В энергичной порезке волют и листьев желобками видны уроки «наклонной резьбы».

Замечательны два горизонтальных фриза в обрамлении парапета трона на восточной стороне, а также широкий фриз, венчающий прямоугольную панель. На каркас из пересекающихся арок с порезкой перлами, представляющий второй план резьбы, нанизаны S-образные стебли с разнообразной формы раздвоенными листьями, завитками, закруглениями, нарезками. Этот арсенал мотивов в каждой панели выстроен в другом ритме и с разным аккомпанементом. Следует отметить, что многосложные горизонтальные бордюры и фризы были характерным элементом декоративной программы сирийских минбаров XII в.; так, в несохранившемся минбаре мечети ал-Акса они располагались аналогично бордюрам конийского минбара. Большое сходство с конийским по структуре и ритму имеет арабесковый фриз под троном минбара

Джами' Нури в Хаме (559/1163–64), который, по мнению Э. Херцфельда, «больше не является обрамлением, но мелодией, проходящей через всю фугу»²¹. Впрочем, если искать соответствие фризам конийского минбара в музыкальных формах, то уместно вспомнить, скорее, орнаментальную мелодику восточного макама.

Материал и техники резьбы.

Древесина, послужившая материалом для конийского минбара, к сожалению, не была исследована. В литературе встречаются разные мнения по этому поводу; в частности, в некоторых публикациях говорится, что он вырезан из эбенового (черного) дерева или тика²². Действительно, весь минбар покрыт защитным составом темно-коричневого, почти черного цвета, однако необработанные участки брусков каркаса и края поврежденных арабесок обнаруживают срезы однородной древесины светлого розоватого цвета. Таким образом, минбар мог быть вырезан из граба, тика или груши, обладающих плотной и прочной, устойчивой древесиной, используемой в имитациях черного дерева. В минбаре мечети Алааддина в Конье поверхность древесины обработана так, что ее текстура не читается, не участвует в создании образа. Ощущается некая монолитность кафедры, словно соз-

²¹ O'Kane 2013, 323, fig. 32.8.

²² Oral 1962, 30.

данной из единого куска темного камня. Несмотря на то, что кафедра вырезана из древесины высокой плотности, эстетическое своеобразие различных технических приемов деревянной резьбы выявлено здесь с большим мастерством. Резьба разной высоты, покрывая все без исключения панели и бордюры, наполняет четкие геометрические плоскости кафедры ритмом и пластикой; этому способствует использование различных техник художественной резьбы: наборной работы (стенки минбара; панель над порталом, дверные полотнища), «наклонной резьбы» (4 треугольные панели в завершениях балюстрады), резьбы с глубоко вынутым фоном (надписи, обрамляющие балюстраду; тимпан арки портала; орнаментальные бордюры боковых панелей), двуслойной (надписи; заполнения многоугольных фигур) и ажурной резьбы (заполнения розеток боковых панелей).

Как уже было упомянуто, декор боковых панелей и дверных полотнищ минбара построен на сетчатой полигональной системе орнамента. Излюбленная анатолийскими мастерами техника ее воспроизведения в дереве, использовавшаяся в изготовлении михрабов, минбаров, дверей и саркофагов, в османский период получила название *кюндекари* (тур. Kündekari)²³. Этим термином в турецкой истории искусства обозначена техника набора панелей из элементов звездчатой и многоугольной формы путем соединения их с помощью шпунтов, без использования клея или гвоздей. Долговечность панелей *кюндекари* обусловлена не в последней степени исключительной жесткостью и прочностью используемого способа соединений деревянных деталей, в результате образуются плоскости, устойчивые к изменениям влажности, не подверженные растрескиванию, способные столетиями сохранять свою форму. Благодаря своим техническим и декоративным качествам наборно-каркасная работа была распространенной в турецкой деревянной резьбе и имела большое значение в развитии сельджукского архитектурного декора.

Эстетические возможности панелей *кюндекари* выявлены в конийском минбаре с большой силой выразительности; четкие геометрические формы полигональных фигур смягчены рельефными орнаментальными композициями из листьев и пальметт; сложная профилировка переходных деталей, участвующих в соединении многоугольников и звезд, также служит обогащению резной поверхности.

Конийский минбар обладает также выразительной наклонной резьбой: 4 треугольные панели, которые служат завершениями балюстрады минбара, симметрично кассетированы на квадрат и два неравносторонних ромба, заполненных плотной и сочной композицией из стилизованных листьев с глубоким контуром и глубоко прорезанными глазками волют. Листья полупальметт подчеркнуты легкими бороздками; резьба в целом характеризуется энергией и пластической выразительностью. Минбары XII в. хорошо иллюстрируют развитие в Анатолии своеобразного стиля наклонной резьбы, что впервые показал Р. Эттингхаузен на примере панелей минбара Малатьи²⁴. Наклонная резьба конийского минбара вновь вводит этот памятник в круг сиро-палестинской резьбы по дереву XII–XIII вв.,

²³ Основа термина восходит к персидским корням кенде – вырезать, кари – работа. Термин, появившийся в староосманском языке, преобразовался в «кюндекари» под влиянием другого персидского корня – кюнде – массив дерева, деревянная колода (Yücel 2002, 553–554).

²⁴ Ettinghausen 1952, 82.

Рис. 11. Минбар мечети Алааддина в Конье. Узорные фризy под павильоном. Восточная сторона. Фотография Л.И.Саттаровой. 2015 г.

где отзвуки искусства аббасидской Самарры продолжены в орнаментальном строе максуры из Мусалла ал-Идайин (Сирия, 1104, Дамаск, музей), а также в резьбе из Медресе ал-Марданийя²⁵. Еще более близкие аналогии можно найти в иранских минбарах XI–XII вв., например, в манере и мотивах резьбы прямоугольных наборных панелей сельджукского минбара из Абьяна (466/1073), в трехчастной структуре треугольных панелей кафедры из Имамзаде Исмаил (543/1148)²⁶.

Однако рельефная резьба с глубоким фоном, которой выполнены поверхности, заполненные надписями и растительно-арабесковыми орнаментами, остается основным приемом, характеризующим пластику конийского минбара. Можно утверждать, что такая глубокая резьба не встречается в известных нам сиро-палестинских образцах; даже для анатолийских памятников этот стиль резьбы представляет исключение. Два рельефных слоя, один над другим, составляют две орнаментальные основы резьбы; в эпиграфических бордюрах это надписи (главная тема, выполненная в высоком рельефе) и бегущий побег с равновеликими завитками (тема-фон), высота резьбы которых доходит до половины высоты букв. На западной стороне кафедры буквы надписей даны на глубоко вырезанном фоне, занимают всю высоту бордюра (высота верхнего бордюра – 0,15 м), «лежат» на его

²⁵ Moaz 2008, 444–445.

²⁶ Golmohammadi 1988, Pl. XLVI, XLIX, XCVI.

нижней границе. Побег в нижнем слое резьбы имеет глубокий желобок; неглубокими насечками прорезаны трилистники и раздвоенные листья, завершающиеся волутами, которые иногда имеют сквозные отверстия.

Мастер Конийского минбара и его эпоха.

Надпись в левом устье павильона кафедры содержит имя мастера и дату: «Работа мастера («камал-и устад») Менгиберти (Менгумберти) аль-Хаджи аль-Ахлати в Раджабе 550 (1155) г.х.». Несмотря на существующие разногласия в чтении имени мастера²⁷, исследователи единодушны в трактовке его нисбы – «аль-Хилати/аль-Ахлати» – «из Ахлата». Древний город на северо-западном берегу озера Ван – Ахлат – после завоевания в XI в. турками-сельджуками оставался крупным торгово-ремесленным центром Восточной Анатолии, пришедшим в упадок в османский период. Именно к сельджукскому правлению относится расцвет Ахлата, который в XIII–XIV вв. стал также значимым религиозным центром; город был фактически уничтожен землетрясением в 674/1275–76. О мощной школе резьбы по камню свидетельствуют не только его архитектурные памятники, но прежде всего множество намогильных камней исторических кладбищ города. Исследованиями выявлены имена двадцати двух мастеров, оставивших свои подписи на надгробиях Ахлата²⁸; известны также местные мастера, возводившие каменные сооружения по всей Анатолии, в числе которых выдающиеся памятники сельджукской архитектуры с замечательным резным декором²⁹.

Мастер из Ахлата использовал в своем творении достижения сирийской, а конкретнее – халебской школы деревянной резьбы, которая в XII в. наиболее ярко представляла традиции Среднего Востока в области художественной обработки дерева. До наших дней дошло всего несколько резных ближневосточных кафедр XI–XII вв. Воплощением нового стиля деревянной резьбы стали сиро-палестинские произведения XI в., в частности, самый ранний пример наборной работы³⁰ – минбар, заказанный в 484 г.х./1091–92 гг. для усыпальницы в Аскалоне³¹. В фатимидский период эта техника была завезена в Египет³², где она нашла особое распространение во время правления мамлюкских династий. Новый импульс к развитию деревянной резьбы дала активная строительная политика зангидского правителя Нур ад-Дина Махмуда (541–69 /1146–74), который с приходом к власти в Сирии и Джазире заказал лучшим мастерам Алеппо несколько минбаров как свидетельство своей религиозности. Один из них, с богатой декоративной

²⁷ Другое чтение имени мастера – «аль-Хаджж Макки бин аль-Хилати» (OraI 1956, 53; Konyalı 1964, 311).

²⁸ Karamağaralı 1972.

²⁹ Хуршах аль-Хилати (мечеть и госпиталь в Диврии, 1228), Абу-н-Нема бин Муфаддал уль-Ахвал аль-Хилати (тюрье Мама Хатун в Терджане, ок. 1225), Асад бин Хаван(д) аль-Хилати (кюмбет Халиме (Джелме) Хатун в Геваше, 1335–36). Имя последнего вырезано на многих созданных им надгробиях Ахлата; другой художник, Касым бин Устад Али, известен и как декоратор намогильных камней и как строитель мавзолея Эрзен Хатун в Ахлате. Karamağaralı 1972.

³⁰ В арабском мире эта техника набора имеет название «та'шик» (ta'sheeq) (Singer 2008, 155). Та'шик (قیش عت) – соединение (досок в замок). От арабского корня قشع ('ашшака) – соединять в замок (доски – о столяре).

³¹ O'Kane 2013, 320–321, fig. 32.7.

³² Самые известные примеры из памятников Каира: михраб мечети Саиды Нафисы (1138–45, Музей исламского искусства, Каир), михраб мавзолея Саиды Рукайи (1154–60, Музей исламского искусства, Каир), дверь мечети Салиха Талаи (1160), минбар мечети Амра в Кусе (550/1155–6).

программой, надписями сульсом, сложными растительными и геометрическими орнаментами, принадлежал мечети Джами Нури в Хаме 559/1164 г. (сохранился частично; ныне – в Музее Хамы). Четырьмя мастерами из Алеппо подписан минбар мечети аль-Акса, или «минбар Саладина»³³ – одна из самых известных кафедр мусульманского мира. Боковые стенки монументального минбара (высота 6 м, длина 4 м) членятся на несколько панелей, наборная работа сочетается с ажурной резьбой, массивными сталактитовыми карнизами портала и балдахина, неглубокой резьбой растительных арабесок и надписей сульсом. Предпринятое в 1990–2000-х гг. воссоздание минбара, сопровождавшееся научным изучением его орнаментальной системы, выявило в том числе некоторые количественные характеристики выдающегося памятника мусульманского искусства. Так, известно, что наряду с надписями, сталактитами, ажурной резьбой, его орнаментальный строй включает 25 различных геометрических мотивов, а сам минбар создан из более чем 16 000 резных деталей³⁴.

Развитие сирийской деревянной резьбы представляется важным в контексте политических и культурных связей Анатолии с Сирией и Джазирой, которые не могли не повлиять на формирование художественной атмосферы городских центров тюркских султанатов Малой Азии. Уже при первом знакомстве с сельджуками кафедрами Малой Азии XII в., которые в двух случаях – минбарах из Коньи и Аксарая – имеют более раннюю датировку, чем упомянутый выше «минбар Саладина», обнаруживается близкая связь анатолийской традиции с известными минбарами из Сирии. Воспринята, в частности, структура минбара, принцип распределения декорированных плоскостей, варианты геометрических сеток, принцип композиции горизонтальных фриз и т.п. В то же время минбар мечети Алааддина в Конье свидетельствует о проникновении в художественную обработку дерева приемов каменной резьбы, известных по некоторым памятникам Сирии и Джазире XII в. с ее сочными, насыщенными ритмом и пластикой арабесками³⁵. Скульптурная трактовка поверхностей конийского минбара, возможно, говорит о принадлежности его автора к плеяде ахлатских мастеров по камню.

Минбар мечети Алааддина в Конье, являясь самым ранним датированным памятником искусства сельджукского периода в Малой Азии, представляет этап высокого развития стиля и техники художественной резьбы по дереву. В конийской мечети эта кафедра, декоративный строй которой воплотил достижения орнаментального искусства эпохи, была главным сакральным объектом, выражающим эстетические идеи ислама. Как свидетельствует ряд памятников, минбар стал своего рода антологией как мотивов, так и приемов их интерпретации, к которой обращались мастера деревянной и каменной резьбы Анатолии периода сельджукского султаната и пост-сельджукских княжеств.

³³ Минбар, заказанный Нураддином Занги для мечети аль-Акса в Иерусалиме, датирован дважды (564/1168; 572/1176). Он был установлен в мечети, для которой был создан в 1187 г. Салах ад-Дином Айюби (Саладином). В 1969 г. минбар полностью сгорел в результате пожара, устроенного в мечети религиозным фанатиком. Был воссоздан в 2006 г. (Singer (ed.) 2008).

³⁴ Singer (ed.) 2008, 172.

³⁵ Например, резьба карниза Касталь аль-Шуайбийя в Алеппо (1150) и капители Большой мечети в Харране (1180).

ЛІТЕРАТУРА

- Гаганов, Г.И. 1958: Геометрический орнамент Средней Азии. *АН* 11, 181–208.
- Bakırer, Ö. 1976: *Onüç ve ondördüncü yüzyıllarda Anadolu mihrapları*. Ankara.
- Cahen, Cl. 1968: *Pre-Ottoman Turkey*. L.
- Ettinghausen, R. 1952: “The Bevelled Style” in the Post-Samarra Period. *Archaeologica Orientalia. In Memoriam Ernst Herzfeld*. New York, 72–83.
- Golmohammadi, J. 1988: *Wooden Religious Buildings and Carved Woodwork in Central Iran. Thesis (Ph. D.)*. L.
- Karamağaralı, B. 1972: *Ahlat mezartaşları*. Ankara.
- Karamağaralı, H. 1982: Konya Ulu camii. *RvRD* 4, 121–128.
- Konyalı, İ.H. 1964: *Abideleri ve kitabeleriyle Konya tarihi*. Konya.
- Lee, A.J. 1987: Islamic Star Patterns. In: Oleg Grabar (ed.), *Muqarnas* IV, 182–197.
- Moaz, Abd al-Razzaq 2008: The Minbar of the Aqsa Mosque. The Woodwork in 12th Century Syria-Palestine. In: *Arts and Crafts in the Muslim World. IRCICA*. Istanbul, 444–445.
- O’Kane, B. 2013: A Tale of Two Minbars: Woodwork in Egypt and Syria in the Ave of the Ayyubids. In: R. Hillenbrand, A.C.S. Peacock, Firuza Abdullaeva (eds.), *Ferdowsi, the Mongols and the History of Iran. Art, Literature and Culture from the Early Islam to the Qajar Period*. L.–New York, 316–325.
- Oral, M.Z. 1956: Konya’da Ala üd-din camii ve türbeleri. I. Yapılar, kitabeler. *YAD* I, 45–62.
- Oral, M.Z. 1962: Anadolu’da sanat değeri olan ahşap minberler, kitabeleri ve tarihçeleri. *VD* V, 23–77.
- Özlük, N. 2008: Nurettin İbrahim, „Anadolu’da Selçuk Sanatı”. *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi* 24, 439–472.
- Pedersen, J. 1993: Minbar. *EI. New Edition* VII, 73–76.
- Singer, L. (ed.) 2008: *The Minbar of Saladin: Reconstructing a Jewel of Islamic Art*. L.
- Turan, O. 1984: *Selçuklular zamanında Türk Tarihi*. İstanbul.
- Yücel, E. 2002: Kündekari. *TDV İA* 26, 553–554.

REFERENCES

- Bakırer, Ö. 1976: *Onüç ve ondördüncü yüzyıllarda Anadolu mihrapları*. Ankara.
- Cahen, Cl. 1968: *Pre-Ottoman Turkey*. London.
- Ettinghausen, R. 1952: “The Bevelled Style” in the Post-Samarra Period. *Archaeologica Orientalia. In Memoriam Ernst Herzfeld*. New York, 72–83.
- Gaganov, G.I. 1958: Geometricheskiy ornament Sredney Azii. *Arhitekturnoe nasledstvo* 11. Moscow, 181–208.
- Golmohammadi, J. 1988: *Wooden Religious Buildings and Carved Woodwork in Central Iran. Thesis (Ph. D.)*. London.
- Karamağaralı, B. 1972: *Ahlat mezartaşları*. Ankara.
- Karamağaralı, H. 1982: Konya Ulu camii. *RvRD* 4, 121–128.
- Konyalı, İ.H. 1964: *Abideleri ve kitabeleriyle Konya tarihi*. Konya.
- Lee, A.J. 1987: Islamic Star Patterns. In: Oleg Grabar (ed.), *Muqarnas* IV, 182–197.
- Moaz, Abd al-Razzaq 2008: The Minbar of the Aqsa Mosque. The Woodwork in 12th Century Syria-Palestine. In: *Arts and Crafts in the Muslim World. IRCICA*. Istanbul, 444–445.
- O’Kane, B. 2013: A Tale of Two Minbars: Woodwork in Egypt and Syria in the Ave of the Ayyubids. In: R. Hillenbrand, A.C.S. Peacock, Firuza Abdullaeva (eds.), *Ferdowsi, the Mongols and the History of Iran. Art, Literature and Culture from the Early Islam to the Qajar Period*. London–New York, 316–325.
- Oral, M.Z. 1956: Konya’da Ala üd-din camii ve türbeleri. I. Yapılar, kitabeler. *YAD* I, 45–62.

- Oral, M.Z. 1962: Anadolu'da sanat değeri olan ahşap minberler, kitabeleri ve tarihçeleri. *VD V*, 23–77.
- Özlük, N. 2008: Nurettin İbrahim, "Anadolu'da Selçuk Sanatı". *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi* 24, 439–472.
- Pedersen, J. 1993: Minbar. *EI. New Edition* VII, 73–76.
- Singer, L. (ed.) 2008: *The Minbar of Saladin: Reconstructing a Jewel of Islamic Art*. London.
- Turan, O. 1984: *Selçuklular zamanında Türk Tarihi*. İstanbul.
- Yücel, E. 2002: Kündekari. *TDV İA* 26, 553–554.

THE MINBAR OF ALAADDIN MOSQUE IN KONYA

Liliya I. Sattarova

Independent scholar, Turkey,
Liliya.sattarova@hotmail.com

Abstract. A medieval minbar is preserved in the Alaaddin Mosque in Konya (the former mosque of Anatolian Seljuk capital), which is a rare example of Muslim wooden pulpit of the pre-Mongol period.

The ornamental decorations and carving techniques of the minbar have become a subject of the art criticism analysis for the first time; they indicate the ways and forms of penetration to Anatolia the techniques and motives of Islamic art of east regions.

The Konya Minbar is one of the few surviving monuments of Seljuk art of the 12th century in Asia Minor. There are some patterns from the architectural decor on its surface formed in various territories of Dar-ul-Islam in the 11th century. A number of monuments shows that the pulpit was a kind of anthology of both motives and methods of interpretation, to which wooden and stone carvers in Anatolia in Seljuk and post-Seljuk period were addressed.

The article contains a description of the minbar's condition, characterizes carving techniques used to create the decorated surfaces of the pulpit, and deals with peculiarities of its ornamental decoration.

Key words: Alaaddin Mosque, Konya, woodwork, Seljuk minbars, Islamic Art

СОБОР СВ. СВИТУНА В СТАВАНГЕРЕ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК НОРВЕЖСКОЙ КАМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ XII–XIV вв.

К.Е. Чемезова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
ksuisk@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы, касающиеся генезиса каменной архитектуры соборов средневековой Норвегии на примере собора св. Свитуна в Ставангере. В публикации воссоздаются этапы строительства собора св. Свитуна в Ставангере и выявляется связь между норвежским зодчеством и иноземными архитектурными школами. Кроме того, определяются иностранные прототипы, которыми могли руководствоваться зодчие. В статье выделяется несколько регионов влияния. Значительное внимание уделено изучению английской архитектурной школы и ее выдающихся примеров, таких как, соборы в Или, Линкольне и Винчестере и т.д. В публикации осуществляется тщательный стилистический анализ архитектурных элементов, который выявляет взаимосвязь с другими региональными школами, такими как ломбардская архитектура. Автор предпринимает попытку объяснить механизм воздействия итальянского зодчества на норвежский собор и выявляет посредника между ними. В качестве источника влияния явился собор в Лунде, над строительством которого трудились ломбардские мастера Донатус и Регнерус. Помимо этого, автор рассматривает оригинальные черты собора св. Свитуна. К числу таких особенностей относятся: арочная перегородка в боковых нефах собора, оформление восточного фасада, устройство капителей центральной аркады, алтарная арка, а также наличие фигуративных изображений в основаниях колонн в интерьере собора. Автор определяет значимость архитектуры бенедиктинского ордена в сложении соборного зодчества Западной Норвегии. Глубокий анализ истории строительства и архитектурных особенностей собора св. Свитуна позволяет выделить его среди многочисленных архитектурных памятников Европы XII–XIV вв.

Ключевые слова: скандинавское искусство, Средневековье, Норвегия, соборная архитектура, Ставангер

Введение

Формирование норвежской средневековой архитектуры – процесс сложный и отнюдь не односторонний. Он не был и автохтонным, так как культура Норвегии не могла развиваться изолировано от соседних стран. Появление христианства в языческой Норвегии стало определяющим фактором коренных изменений

Чемезова Ксения Евгеньевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

в искусстве средневекового периода. С распространением новой веры искусство получило иные характеристики и формы, которые существенно отличались от предшествующей эпохи. С христианизацией связывают и появление каменной архитектуры. Традиция строительства каменных культовых сооружений со стремительной скоростью распространилась по всей Скандинавии, в том числе и в Норвегии. Расцвет каменного строительства в Норвегии связан, прежде всего, с появлением епископств, среди которых важным духовным центром на юго-западе Норвегии стало епископство в Ставангере, оформившееся в 1125 г.

Географическая близость Ставангера с Англией во многом обусловила сложение тесных контактов между ними. Важно отметить, что в период становления норвежской христианской Церкви огромную роль сыграли английские миссионеры, ставшие проводниками традиции каменного зодчества. Первым упомянутым Ставангерским епископом был Рейнальд, выпускник монастырской школы Винчестерского собора, который привез с собой частицы мощей английского святого Свитуна. Известно, что св. Свитун являлся епископом Винчестерским с 852 до 863 гг., а также вел активную политическую деятельность.

Началом строительства собора св. Свитуна в Ставангере нередко считают 1125 г., когда было основано епископство¹. Отметим, что храму предшествовала деревянная церковь, построенная по заказу Эрлинга Скалссона около 1015 г.². Однако история возведения собора до сих пор не ясна и вызывает множество вопросов. Версию о более раннем основании собора высказывает норвежский исследователь И. Брюланд, который полагает, что «строительство самой ранней части собора, возможно, началось в 1100 г. Вероятней всего, что с возникновением епископства план собора был изменен»³. Мы придерживаемся данного предположения о том, что на месте собора уже существовала небольшая каменная церковь, возможно, повторявшая планировку деревянного предшественника.

Предполагается, что заказчиком собора выступил епископ Рейнальд. При нем храм представлял собой прямоугольный трехчастный объем, центральный неф которого имел плоское деревянное перекрытие, в то время как боковые проходы – каменные цилиндрические своды. Интерьер был разделен на три нефа тяжеловесными опорами, которые соединялись между собой арками. Это создавало характерный для романской архитектуры дух приземистой мощи и устойчивости. Верхний ряд узких окон в центральном нефѐ освещали основное пространство здания. Доминантой собора являлась башня на западном фасаде, разрушенная в XIII в. Фасады храма украшали орнаментальные композиции, находившиеся преимущественно на порталах. В интерьере собора также сохранились примеры романской декоративной пластики: на капителях колонн центральной аркады и арочных перегородках в боковых нефѐх. Тематика резных сцен довольно разнообразна: фантастические и человеческие головы, причудливые животные и разнообразные растительные и геометрические орнаменты.

В 1272 г. после крупного пожара храм претерпел существенные изменения: появились новые как архитектурные, так и декоративные элементы, отвечающие основным идеям готического стиля. На месте башни на западном фасаде был воз-

¹ Ekroll 2000, 116.

² Bruland 1999, 21.

³ Bruland 1999, 31.

веден большой нартекс, окна которого освещали темное пространство центрального нефа. Боковые нефы разделены на три секции двумя арочными перегородками, которые поддерживаются пилястрой с капителью, украшенной декоративной резьбой в виде растительных, геометрических и зооморфных композиций. Исходя из натурных наблюдений, можно заключить, что оформление капителей аркады центрального нефа планировалось сделать с четырех сторон для возможности кругового обхода. Однако добавленные боковые перегородки в нефах помешали воплотить первоначальный замысел. Данный факт указывает на стремительные изменения в ходе строительства храма, причины которых нуждаются в дальнейших исследованиях.

После пожара была заметно перестроена восточная часть храма. Возведение нового хора связывают со временем епископа Арне (1277–1303) и датируется приблизительно 1300 г.⁴ Старый хор был значительно расширен, его длина стала составлять две трети от длины нефа церкви. Он представляет собой прямоугольный объем, вытянутый по оси восток-запад. Интерьер хора отличается от основного пространства легкостью и утонченностью форм, которые были достигнуты благодаря применению готических конструкций в виде многочисленных стрельчатых арок, системы нервюрных сводов, больших стрельчатых окон. Плавная линия многопрофильных ребер сводов, спускающихся на стены, придают еще большую стройность всей композиции. Примечательно, что крестовый свод хора является аутентичным и датируется концом XIII – начала XIV в.

Значительные изменения коснулись и экстерьера храма. Собор лишился квадратной башни на западном фасаде, появились пинакли, которыми обозначался переход от нефа к хору. Стены хора, в свою очередь, являют конструктивную основу готической архитектуры, которая строится на системе контрфорсов. Оригинальное завершение получил восточный фасад, аналогов которому нигде не обнаруживается. Таким образом, перестройка XIII – н. XIV вв. объединила в пространстве одного собора разновременные элементы и неоднородные по стилистике конструкции, которые не соперничают, но дополняют друг друга.

Основная группа вопросов, отраженная в статье, связана не только с воссозданием истории строительства, но и с уточнением регионов средневековой Европы, культурные связи с которыми могли в наибольшей мере повлиять на строительство собора св. Свитуна.

Исходя из многочисленных исследований и натурных наблюдений, можно утверждать, что в строительстве собора св. Свитуна принимали участие мастера английского происхождения. Подобное заключение имеет под собой ряд оснований. Во-первых, географически близкое расположение норвежского региона с английскими землями создало благоприятные условия для культурного взаимодействия. «Церкви были возведены иностранными каменщиками, которые принесли с собой свои методы возведения церквей. В Восточную и Южную Норвегию они приехали из Дании и Германии; в Западную Норвегию и Тронделаг – из Англии и Нормандии. Результатом этого взаимодействия стало появление разновидностей строительной техники и стиля каменных церквей в разных частях страны»⁵. В восточной области немецкие миссионеры появились еще в конце X в. по рас-

⁴ Kalvi 1958, 38.

⁵ Abrahamsen 1959, 13.

поряжению короля Харальда Синезубого. Во-вторых, главными заказчиками норвежских соборов являлись короли, которые воспитывались при английских королевских дворах и монастырях, а также епископы, прибывшие преимущественно из Англии. Соответственно, их вкусы и предпочтения опирались, прежде всего, на английские образцы. Этот факт важен для данного исследования, так как именно благодаря первым лицам государства и Церкви в норвежском зодчестве стали транслироваться передовые идеи европейского строительства. К тому же, строительство собора св. Свитуна в Ставангере связывают с деятельностью английского епископа Рейнальда. В-третьих, архитектура и многочисленные декоративные элементы собора св. Свитуна имеют ряд аналогий с английскими культовыми постройками, такими, как, соборы в Норидже, Линкольне, Винчестере, Или и др.

Архитектура и скульптурное убранство храма на первом строительном этапе являют собой англо-нормандские образцы: приземистый центральный объем с мощными круглыми опорами, над которыми располагались узкие световые окна. Кроме того, рельефы главной аркады во многом повторяют формы англо-нормандских церквей. Внешний облик здания также соответствовал представлением нормандского зодчества: гладкий монолитный объем, частично прерывающийся узкими оконными проемами, орнамент в форме шеврона.

Главная аркада храма также отмечена печатью английского искусства. Романские капители в форме куба с закругленной нижней опорной поверхностью и четко выступающие плиты абак, напоминают конструкцию в северном трансепте Винчестерского собора (1079–1093)⁶. Сравнительный анализ многих английских построек с норвежским собором позволил нам утверждать его определенную связь с церквями в Мелбурне и Нортгептоне. Столбы центрального нефа церкви в Мелбурне имеют сходства с центральной аркадой собора св. Свитуна: довольно широкие круглые опоры с квадратной абаккой, которые соединяются арками с шевронным орнаментом. Кроме того, фестонные капители церкви Гроба Господня в Нортгептоне стилистически близки к капителям норвежского собора.

Помимо кубической формы, существуют другие детали английского происхождения – клиновидные камни с шевронным полуваляком, вдавленные звезды, неглубокий колончатый пояс. Вдавленные звезды появляются в Нормандии и англо-нормандской архитектуре конца XI – начала XII в.⁷ Подобный орнамент использовали в Тронхейме и Тронделаге в течение XII в.⁸ В отличие от вдавленных звезд, шевронный полуваляк не так часто встречается в европейском зодчестве. В английской архитектуре, по наблюдениям К. Холера, это северо-западный трансепт собора в Или, неф Нориджского собора и интерьер нефа монастыря Касл-Акр⁹. Кроме того, «прототипы тисненого шеврона между “вдавленными” выкружками южного портала можно найти в нефе Вальтхэмского аббатства. Дверной проем в церкви в Хеллингтоне, Норфолк, хоть он и датируется позже, – возможно, более подходящий аналог»¹⁰. Подобные формы шевронного орнамента также можно обнаружить в трансепте Трондхеймского собора.

⁶ Donnelly 1992, 46.

⁷ Liepe 2001, 53.

⁸ Liepe 2001, 53.

⁹ Hohler 1964, 109.

¹⁰ Hohler 1964, 109.

Среди декоративных деталей интерьера собора отмечаются рельефы ломбардского происхождения. Связь Норвегии с северным регионом Италии осуществлялась через немецкое государство. Начиная с официального принятия христианства вплоть до 1104 г., Норвегия находилась под непосредственным влиянием немецкого архиепископства в Гамбурге-Бремене. Период с 1104 по 1152 гг. в церковной истории Норвегии связан с архиепископством в Лунде. Тесное сотрудничество духовных центров стало благодатной почвой для распространения на территории Норвегии в той или иной степени традиций немецкой архитектурной школы. В свою очередь немецкая школа отнюдь не была однородной и активно впитывала иноземные влияния. Известно, что на тот момент в Германии работали итальянские мастера, преимущественно из Ломбардии. Примером таких взаимодействий является оформление восточных частей соборов в Шпайере и Майнце. Их стилистическое родство наводит на мысль о работе близких по духу и выучке мастеров. Исследователи полагают, что они были выполнены Донатусом и Регнерусом, прибывшими из Ломбардии. Кроме того, важным архитектурным памятником для понимания норвежского зодчества является собор в Лунде, один из самых грандиозных культовых сооружений в Скандинавии. Стилистический анализ восточных частей немецких храмов и Лундского собора показывают тесную связь с итальянскими зодчими: «порталы, фризy, капители и пр., показывают черты ломбардской стилистики»¹¹.

Примерами итальянского влияния в интерьере собора св. Свитуна служат рельефные изображения в виде пальметт. Кроме того, классический профиль на базах цилиндрических опор центральной аркады имеет много общего с архитектурой Италии и Германии¹². Проводником рейнско-ломбардской стилистики в Западной Норвегии являлся Берген. Известно, что в романский период там над строительством церкви св. Марии работали мастера из Лунда¹³. Поэтому мы предполагаем, что в строительную артель Ставангерского собора входили мастера из Лунда, которые были знакомы как с архитектурой Ломбардии, так и с зодчеством Рейнского региона.

В XIII в. собор приобретает готические черты. Центральный вход был значительно перестроен и увеличен, так же, как и хор собора. Предполагается, что мастера, работавшие над хором, руководствовались традициями северной Англии, беря за образец Линкольнский собор¹⁴. На это указывают многочисленные детали и конструкции, встречающиеся в норвежском соборе. Консоли в готическом хоре, состоящие из трех коротких столбов с мощными базами, богато украшенные листвой, появляющейся из поверхности стены, являются типичным английским решением, которое мы можем видеть в соборе в Или и особенно в Линкольне¹⁵.

Другой, не менее важный круг вопросов, связан со спецификой каменной архитектуры норвежских соборов на примере уникального памятника собора св. Свитуна в Ставангере. Помимо деталей и конструкций, которые указывают на иноземные влияния, собор обладает рядом необычных черт, не имеющих анало-

¹¹ Hahr 1938, 16.

¹² Fischer 1964, 36.

¹³ Liden 2000, 8.

¹⁴ Bruland 1999, 49.

¹⁵ Fischer 1964, 65.

гов за рубежом. К их числу относятся вышеупомянутые арочные перегородки в боковых неффах. В английской архитектуре подобные конструкции появлялись над трибунами, которые можно интерпретировать, как доказательство намерения возвести свод. Любопытно отметить несогласованность между конструкцией перегородок и аркадой центрального нефа. Базы и капители пилястр восточной пары боковых перегородок соответствуют центральной аркаде, в то время как, арочные проемы и капители другой пары пилястр находятся на разной высоте, что создает некоторую диспропорцию внутреннего пространства.

Найти истоки такой архитектурной конструкции довольно проблематично. Однако есть предположение о наличии подобного рода арочных перегородок в каменной церкви св. Альбана – монастыря на острове Селье (Selje)¹⁶. Известно, что около 1100 г. бенедиктинские монахи из Винчестера, возможно, из Гластонбери и Абингдона на этом месте основали монастырь¹⁷. К сожалению, монастырь был разрушен в XVI в., поэтому сохранившиеся части данного комплекса позволяют воссоздать примерный облик церкви. Благодаря этому мы можем говорить о ряде сходств этой постройки с собором св. Свитуна, но мы не можем окончательно согласиться с К. Холером о том, что арочные перегородки были известны уже в ранней каменной архитектуре Норвегии. Данный тезис является весьма привлекательным, но не вполне доказуем в силу неполноценной сохранности церкви на о. Селье. Однако связь между этими памятниками, безусловно, была. Определенную роль в преемственности архитектурных деталей, на наш взгляд, сыграл тот факт, что эти сооружения построены для одного монашеского ордена. Следует напомнить, что первый епископ Ставангера был членом бенедиктинского ордена, так же, как и монахи монастыря на о. Селье. Здания в плане представляют собой трехнефные базилики с повышенным центральным нефом без трансепта, с квадратной башней на западе, выделенным нартексом и квадратным завершением алтарной части без обхода хора и венка капелл.

Такой же план имел собор Христа в Бергене до его перестройки, осуществленной в XIII в. Важно подчеркнуть, что до оформления епархии в Ставангере, город и прилегающие к нему территории относились к Бергенскому епископству, поэтому, на наш взгляд, архитектура Бергена и его окрестностей также могли повлиять на облик собора в Ставангере. Аббатства бенедиктинцев в Западной Норвегии существовали с начала XII в. и, как нам кажется, монахи данного ордена прибыли туда вместе с зодчими, которые возвели крупные монастырские комплексы, показали новую технологию строительства. Вплоть до середины XII в., когда в Норвегии появились цистерцианские монастыри, архитектура бенедиктинцев играла ключевую роль.

Еще одной особенностью является устройство капителей центрального нефа. Они в большинстве своем представляют собой выпуклую форму без отделки фестоном, так называемые «многокубиковые» капители, не обрамленные фестонами¹⁸. В таких капителях нет конусов между шейкой и абакой капители, а люнеты гораздо менее многочисленны и распространяются на всю или почти всю ее глу-

¹⁶ Hohler 1964.

¹⁷ Djupedal 1996, 44.

¹⁸ Hohler 1964, 102.

бину¹⁹. Кроме того, Холер выделяет квадратные абаки в качестве отличительной черты, полагая, что в английских храмах данная деталь была многоугольной, круглой или крестообразной. Однако тщательное исследование английской романской архитектуры позволяет утверждать, что вплоть до третьей четверти XII в. абаки были квадратные в плане, не считая больших опор, абаки которых были круглыми. Подтверждает данный тезис вывод английского ученого А. Клэфема, в труде которого произведен детальный анализ форм различных абак на протяжении XII в.²⁰

Необычной деталью стало наличие грифов в основаниях опор колоннады. В их нижней части получал с углом плинта соединяются скульптурными изображениями. Обнаруженный гриф в виде головы с двумя руками исследователи рассматривают как результат развития норвежского камнетесного искусства XI в., так как подобные формы встречаются в соборе св. Олава в Тронхейме. Заметим, что подобные фигуративные элементы не встречаются в английских памятниках, однако мы можем обнаружить орнаментальное оформление баз в виде шпоры или зубца, которые встречаются в церквях в Херефорде (Hereford) и Базе (Bath).

В ряд отличительных черт входит алтарная арка, фланкируемая двумя проемами с нижними балками на высоте около 6 футов²¹. Данная конструкция не давала продлить хор в неф, поэтому духовенству приходилось располагаться восточнее от этого барьера. В английских постройках каменная алтарная преграда была скорее дополнительной конструкцией, нежели основной. В 1869 г. во время реставрационных работ заалтарная арка была разрушена. Возможно, она располагалась ниже главной аркады собора и была украшена скромным декором в виде геометрических узоров на импостах. Боковые арки являлись дверными проемами, через которые с восточной стороны можно было попасть в основное пространство здания.

Особый интерес представляет восточный фасад собора. Данная композиция является единственной в Норвегии. Более того, нам неизвестны аналогичные европейские модели. Фасад фланкирован двумя башнями с высоким окном между ними. По обе стороны от большого ажурного окна располагаются четыре скульптурных ниши с фигурами святых: Екатерины, Бригитты, Свитуна и Винсента. Скульптуры заняли свои законные места только после реставрации 1960 г.

Под центральным окном располагается фриз, состоящий из двенадцати портретных изображений, часть из которых была изготовлена в 1870-х гг. Среди них стоит отметить портрет епископа. Предполагается, что это изображение епископа Арне (1276–1303), которому приписывается строительство хора собора. Чуть ниже главы епископства размещается портрет короля, возможно, Магнуса Законодателя, во время правления которого началось возведение хора. Ниже королевского портрета располагаются портреты его сыновей, будущих королей Норвегии Эйрика и Хакона. Отметим, что вышеперечисленные портретные изображения координируются с внутренним пространством и связаны с ним скульптурами в интерьере храма в тех же местах, что и на восточном фасаде. Высокое качество обработки материала и тонкая моделировка скульптур свидетельствуют о работе

¹⁹ Hohler 1964, 102.

²⁰ Clapham 1930, 100.

²¹ Hohler 1964, 102.

английских мастеров периода высокой готики. Согласно исследованию Брюланда И., при епископе Арне над строительством собора работали три мастера, чьи имена нам известны: кузнец Кольбейн Смит, каменщик Торкел Гротсвейн и живописец Климент Пентур²². Если имя Торкел выдает скандинавское происхождение, остальные имена несут английский отпечаток, прежде всего, фамилии мастеров, напрямую связанные с их профессией. Данные контакты показывают наличие не косвенных заимствований, а прямого влияния со стороны Англии.

Башни на восточном фасаде немного выступают относительно центральной части, тем самым отделяются от нее и создают четкую трехчастную структуру с двумя вертикальными доминантами. В свою очередь, каждая из башен горизонтальными карнизами разделяется на три яруса. Стрельчатый оконный проем по бокам обрамлен полуколонками с резными капителями. На центральной оси окна также располагается полуколонка, над которой находится восьмилистник. Данную композицию венчает вимперг с небольшим краббом.

Анализ архитектурных форм восточного фасада Ставангерского собора отсылает нас к подобному фасаду собора в Линкольне, поскольку, как было отмечено выше, епархия в Ставангере имела тесные контакты с английской Церковью. Натурные наблюдения и сравнительный анализ позволяют нам утверждать, что Линкольнский собор был образцом, своего рода, источником вдохновения. Подобие заключается, прежде всего, в композиционном решении: фасад имеет трехчастную структуру с остроконечным окном в центре, в верхней части которого располагаются три шестилистника, вписанных в круг. В английской литературе данное оформление окон получило название «Y-образное»²³. Кроме того, два памятника имеют плоское завершение восточной части без обхода хора и венца капелл. Тем не менее перечисленные сходства не позволяют в полной мере говорить о слепом копировании. Творческое переосмысление существующих конструкций позволило строителям норвежского собора создать оригинальное сооружение, не имеющее точных аналогов за рубежом.

Характер глубинных многосторонних связей, их устойчивость на протяжении нескольких веков указывает на развитие норвежского зодчества в рамках общих традиций романской, а затем и готической архитектуры, внутри которых сформировались оригинальные черты, присущие норвежскому зодчеству. Анализ основных архитектурных форм и декоративных элементов собора св. Свитуна в Ставангере показывают связь с английским, отчасти немецким и ломбардским зодчеством. При этом влияние первого, безусловно, велико и является главным элементом в формообразовании, в то время как второе обогатило сюжетную линию декоративных композиций.

Разумеется, каменная средневековая архитектура норвежских соборов имеет множество оттенков. Сравнивая собор св. Свитуна с другими, более ранними норвежскими постройками, такими, как церковь св. Альбана на Селье, собор Христа в Бергене, нам кажется возможным утверждение о наличии генетической связи между этими сооружениями, которые были построены, предположительно, артелью английских мастеров, связанных с бенедиктинским орденом. Монастырская церковь входила в состав островного комплекса, основанного английскими

²² Bruland 1999, 49.

²³ Bony 1979, 11.

монахами бенедиктинского ордена. Вероятность участия английских мастеров в строительстве Бергенского собора также велика в силу географической близости, тесных культурных и политических контактов, а также наличия сохранившейся монастырской архитектуры вблизи собора, в основе которой лежали английские прототипы.

Дошедшие до нас декоративные элементы Ставангерского собора романского периода отсылают к англо-нормандскому зодчеству. Готические конструкции также несут следы английского влияния, на что указывают многочисленные сходства: крестовые своды, стрельчатые арки и окна «У-образной» формы, готический характер обработки материала в портретных изображениях. Любопытным является появление деталей рейнско-ломбардской стилистики, вероятно, проникших через Берген.

Заключение

Несмотря на активные иноземные влияния, собор наделен рядом особенностей, которые не имеют аналогов в европейской строительной практике. Пересмотр устоявшихся мнений позволяет нам привнести некоторые коррективы в список оригинальных черт норвежского памятника. На наш взгляд, ориентация зодчих на Линкольнский собор привела к появлению оригинального оформления восточного фасада собора св. Свитуна. Однако собор св. Свитуна не является точной копией английского сооружения. Опираясь на архитектурные традиции различных европейских государств, зодчим удалось создать неповторимый образ, который позволяет говорить о своеобразии данной постройки в рамках развития общей средневековой каменной архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Abrahamsen, H. 1959: *Building in Norway. An architectural outline*. Oslo.
- Bony, J. 1979: *English Gothic Decorated Style. Gothic architecture transformed 1250-1350*. Ithaca–New York.
- Bruland, I. 1999: *Stavanger Cathedral: a unique national religious monument*. Stavanger.
- Clapham, A. 1930: *English Romanesque architecture after the Conquest*. Oxford.
- Djupedal, T. 1996: *Selja: kulturhistorisk hanbok*. Selja.
- Donnelly, M. C. 1992: *Architecture in the Scandinavian Countries*. Cambridge.
- Ekroll, Ø. 2000: *Kirker i Norge. Middelalder I stein*. Bd. 1. Oslo.
- Fischer, G. 1964: *Domkirken i Stavanger. Kirkebygget i middelalderen*. Oslo.
- Hahr, A. 1938: *Architecture in Sweden*. Stockholm.
- Hohler, C. 1964: The Cathedral of St. Swithun at Stavanger in the Twelfth Century. *Journal British Archaeological Association* 27, 92–118.
- Kalvi, G. 1958: *Norwegian Architecture, past and present*. Oslo.
- Liden, H.-E. 2000: *Mariakirken i Bergen*. Mangschou–Oslo.
- Liepe, L. 2001: *Medieval stone churches of Northern Norway. The interpretation of architecture as a historical process*. Tromsø.

REFERENCES

- Abrahamsen, H. 1959: *Building in Norway. An architectural outline*. Oslo.
- Bony, J. 1979: *English Gothic Decorated Style. Gothic architecture transformed 1250-1350*. Ithaca–New York.
- Bruland, I. 1999: *Stavanger Cathedral: a unique national religious monument*. Stavanger.
- Clapham, A. 1930: *English Romanesque architecture after the Conquest*. Oxford.
- Djupedal, T. 1996: *Selja: kulturhistorisk hanbok*. Selja.
- Donnelly, M. C. 1992: *Architecture in the Scandinavian Countries*. Cambridge.
- Ekroll, Ø. 2000: *Kirker i Norge. Middelalder I stein*. Bd. 1. Oslo.
- Fischer, G. 1964: *Domkirken i Stavanger. Kirkebygget i middelalderen*. Oslo.
- Hahr, A. 1938: *Architecture in Sweden*. Stockholm.
- Hohler, C. 1964: The Cathedral of St. Swithun at Stavanger in the Twelfth Century. *Journal British Archaeological Association* 27, 92–118.
- Kalvi, G. 1958: *Norwegian Architecture, past and present*. Oslo.
- Liden, H.-E. 2000: *Mariakirken i Bergen*. Mangschou–Oslo.
- Liepe, L. 2001: *Medieval stone churches of Northern Norway. The interpretation of architecture as a historical process*. Tromsø.

ST. SWITHUN CATHEDRAL OF STAVANGER AS A UNIQUE MONUMENT OF THE NORWEGIAN STONE ARCHITECTURE OF THE 12th – 14th CENTURIES

Kseniya E. Chemezova

Saint-Petersburg State University, Russia,
ksuisk@mail.ru

Abstract. The article considers the issues related to the genesis of the stone cathedrals of Medieval Norway by an example of St. Swithun Cathedral of Stavanger. The publication reconstructs the stage of cathedral building and identifies the connection between the Norwegian monuments and foreign architectural schools. Moreover the author defines the foreign architectural samples followed by Norwegian builders. The article identifies a number of regions of this influence. In the article a considerable attention is paid to the study of the English architectural school and its outstanding examples, such as cathedrals in Ely, Lincoln, Winchester and etc. The author carries out a thorough stylistic analysis of the architectural elements identifying a relationship with other regional schools, such as Lombard school. An attempt to explain the way the Italian architecture impacted on the Norwegian Cathedral is made. The author reveals an intermediary between them. Lund Cathedral was an influence source. It was built by Lombard architects Donatus and Regnerus. In addition the researcher raises a question related to specific features of the Stavanger Cathedral. They include diaphragm arches in the aisles, the design of the Eastern façade, the design of the capitals of the central arcade, chancel arch and the present of the figurative images in the bases of the columns of the Cathedral. The significance of the architecture of the Benedictine Order in the development of cathedrals in Western Norway is also determined. The analysis of the building history and architectural features of the Cathedral of Stavanger allows to distinguish it among European architectural monuments of the 12th – 14th centuries.

Key words: Scandinavian art, cathedrals, Medieval Norway, St. Swithun Cathedral of Stavanger

ПОРТРЕТ БРИГАДНОГО ГЕНЕРАЛА А.-Ш.-Л. ЛЁ ЛЬЭВРА
ДЕ ЛЯ ГРАНЖА РАБОТЫ Л.-Л. БУАЛЬИ ИЗ СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА:
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Д.И. Горшков

*Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина,
Большие Вяземы,
le84e-regiment@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу портрета работы Луи-Леопольда Буальи, т.н. «Портрет Мишеля Дюрока, обер-гофмейстера Императорского двора», из собрания Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия). Рассматривается вопрос об изменении существующей ныне легенды этого изобразительного источника, исходя из многочисленных противоречий (показанных эмблематов и дифференцированных знаков отличия, определявших статус М. Дюрока), и устанавливается утраченное в процессе бытования имя изображенного: Арман-Шарль-Луи Лё Льэвр де ля Гранж. В работе также, на примере личности А.-Ш.-Л. Лё Льэвра де ля Гранжа, затрагиваются вопросы, связанные с возникновением новых патерналистских отношений в среде высшего офицерства 1-й Империи. Таким образом, с одной стороны, в научный оборот вводится фактически заново открытый иконографический источник, а с другой – через яркий портретный образ предпринимается попытка анализа отдельных историко-социальных процессов периода 1808–1814 гг.

Ключевые слова: Л.-Л. Буальи, М. Дюрок, источниковедение, иконография, униформология, А.-Ш.-Л. Лё Льэвр де ля Гранж, французская армия 1804–1815 гг.

Введение

Творчество Луи-Леопольда Буальи (1761–1845) для исследователя эпохи 1-й Республики, 1-й Империи и Реставрации представляет исключительный интерес. На своих полотнах Л.-Л. Буальи смог через призму повседневного запечатлеть, донести и показать чувственное восприятие большинства сложнейших историко-социальных процессов.

Однако, несмотря на постоянное внимание к личности художника и его работам, сегодня необходимо провести определенную ревизию его творчества, исправив неверные интерпретации, что позволит лучше понять сами произведения и задать по-новому старые вопросы. Например, насколько Л.-Л. Буальи двойственен в

Горшков Дмитрий Игоревич – старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

своих работах периода Империи? Ведь он, как и многие другие, с одной стороны, создавал и укреплял наполеоновскую легенду, а с другой стороны, вводя смешное, фактически дискредитировал ее¹. Или вновь поставить вопрос, сформулированный почетным главным хранителем департамента живописи музея Лувра Жаком Фукаром: «Буальи – великий или второстепенный мастер»?²

Но начать данную «ревизию» стоит, как нам представляется, не с хорошо известных жанровых произведений художника, а с созданных им портретных образов, учитывая не только многочисленные ошибки в датировке и в описаниях к ним, но и то, что именно в жанре портрета Л.-Л. Буальи оттачивал свое мастерство художника³. В этом ракурсе представляет особый интерес портрет из собрания Государственного Эрмитажа, проходящий в каталоге музея, как Портрет Жеро-Кристофа-Мишеля Дю Рока, прозванного Мишелем Дюроком (1772–1813), герцога Фриульского и обер-гофмейстера Императорского двора, работы Луи-Леопольда Буальи⁴.

К сожалению, данное описание не выдерживает критики по целому ряду причин. Прежде всего, Дюрок получил чин дивизионного генерала еще 27 августа 1803 г., а 25 мая 1805 г. он был награжден крестом Большого орла Почетного Легиона⁵. Следовательно, Л.-Л. Буальи должен был бы изобразить второй ряд шитья на воротнике, три звезды на эполетах, большую орденскую ленту через правое плечо, а также звезду Большого орла и знак ордена на левой груди, не касаясь других элементов, характерных только для униформы обер-гофмейстера Императорского двора⁶. Основанием же для возникновения этой версии стала старая надпись на обороте подрамника: «Général Duroc par Boilly», т.е. «[Портрет] Генерал[а]

¹ См., прежде всего, его работу 1807 г. «Чтение бюллетеня Великой армии»: Louis-Léopold Boilly (1761–1845). The Reading of the Bulletin of the Grand Army, 1807 (oil on canvas; 18 1/2 x 23 5/8 in. (47 x 60 cm); framed: 23 1/8 x 28 1/4 in. (58.7 x 71.8 cm)). Saint Louis Art Museum (Missouri); Object Number: 74:1989; Signed: l.r., in black paint: L. Boilly 1807; Funds given by Mr. and Mrs. R. Crosby Kemper through the Crosby Kemper Foundations; Marmottan 1913, 68.

² Foucart 2011, 23–33.

³ Приведем здесь только один самый распространенный пример неверной легенды, связанной с работой Л.-Л. Буальи. Так, в коллекции музея Мармottан-Моне (Париж, Франция) хранится любопытный портрет 1814 г. генерала от кавалерии, графа Матвея Ивановича Платова (1753–1818), на котором он изображен Л.-Л. Буальи в генеральском казачьем мундире образца 1814 г. Тем не менее, в каталоге музея данный портретный образ идентифицирован как: «Потрет Людвига Адольфа Петера фон Витгенштейна», несмотря на противоречия с наградным рядом и то, что Витгенштейн никогда не был командующим в казачьих войсках. Louis-Léopold Boilly (1761–1845). Portrait du général Ludwig Adolf Peter de Wittgenstein (1814, huile sur toile, 21.7x16.2 cm). Paris, Musée Marmottan Monet. Fonds : Peintures, № d'invent. : 1125 ; Голомбиевский 1912, 41–42, № 42; 187 (№ 212).

⁴ Луи-Леопольд Буальи (1761–1845). Портрет Ж.-К.-М. Дюрока, герцога Фриульского, 1806–1809 гг. (холст, масло; 21,5 x 17 см). Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись (Франция). Инв. № ГЭ-7468. На обороте, на подрамнике, имеется помета: Général Duroc par Boilly. В Эрмитаж портрет поступил, предположительно, в начале 1920-х гг. из Государственного музейного фонда (ГМФ). См. также: Отдел 1958/1, 363; Левинсон-Лессинг 1976, 241, Кат. 1.

⁵ Подробнее о нем см., например: S.H.D./GR, Sous-série 7 Yd 390 (DUROC, duc de FRIOUL, Géraud, Christophe, Michel); [Lacombe] La Tour 1913.

⁶ См., например, классическую иконографию Дюрока: François-Pascal-Simon Gérard, baron (1770–1837). Bataille d'Austerlitz, 2 décembre 1805, 1808 (huile sur toile ; 5.1 x 9.58 m). Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon, Fonds : Peintures, № d'invent. : MV2765 ; Antoine-Jean Gros, baron (1771–1835). Géraud-Christophe-Michel Duroc (1772–1813), duc de Frioul (huile sur toile ; 2.18 x 1.42 m). Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon, Fonds : Peintures, № d'invent. : MV4719 ; Description : Général de division en 1803, en habit de Grand maréchal du palais en vue de la colonne Vendôme.

Дюрок[а] работы Буальи»⁷. Этого оказалось достаточно, чтобы породить целую легенду вокруг портрета и сформировать неверное его восприятие⁸.

Таким образом, главной целью данной работы является идентификация изображенной персоналии, основанная на широком инструментарии историко-сравнительного подхода, и исправление устоявшегося неверного обозначения.

Стоит подчеркнуть, что сегодня мы вынуждены отказаться от понятия историко-предметного метода атрибуции иконографического материала, несмотря на широкое и скорее инертное распространение в последние годы данного пространного определения, предложенного Б.А. Косолаповым, под «обаяние» которого попало целое поколение специалистов⁹. Ведь в целом речь идет не об анализе

⁷ Березина 1980, 39.

⁸ См., например: Соколов 1999, 270.

⁹ Сам Б.А. Косолапов пространно писал о предлагаемом методе: «Под историко-предметным методом изучения произведений искусства подразумевается способ использования сведений из некоторых областей истории материальной культуры (главным образом о партикулярной и регламентированной одежде, орденах, геральдике и т.п.) в совокупности с данными биографического, генеалогического и исторического характера» (Косолапов 1983, 91). Но с течением времени при обращении к этой формулировке все чаще возникают сомнения: вопрос, видимо, был поставлен и сформулирован неверно. Фактически сам Б.А. Косолапов бессознательно и упрощенно описывает работу одного из подходов исторической компаративистики, включенную в пространство междис-

предмета материальной культуры. Исследователю приходится иметь дело всего лишь с изображением предмета, подчас условным. Сам же носитель (холст, кость, картон, бумага и пр.) в данном случае не рассматривается или играет второстепенную роль. Иначе говоря, повторяя за Альфредом Коржибски «карта не есть территория, которую она передает» («A map is not the territory <...>»)¹⁰, или более провокационно – за Рене-Франсуа-Гисленом Магриттом – «это не трубка» («Ceci n'est pas une pipe»)¹¹. Безусловно, данные постулаты не следует воспринимать как исторические определения, но лишь как понимание изображения в настоящий момент. Между тем, исследователь, работающий с тем или иным изобразительным материалом, не имеет возможности еще раз, это особо выделим, напрямую обратиться к анализируемому предмету, например, ордену или мундиру. Последнее обстоятельство формирует отношение к иконографии, заставляя смотреть на нее, как ни на какой другой источник, исключительно с критической стороны и вынуждая постоянно искать аналогии среди предметов материальной культуры и в письменных источниках, учитывая также разные периоды в истории живописи, стили, направления, жанры и манеры художников. Сам же анализ изображения строится на хорошо известных принципах историко-сравнительного подхода, входящего в систему методов исторической компаративистики, давая возможность на основе всех имеющихся фактов выявить, с одной стороны общее и закономерное, а с другой, – качественные отличия, маркеры, характерные только для конкретного лица или группы лиц, что и позволяет, в итоге, установить утраченное в процессе бытования имя изображенного.

На наш взгляд, в данном контексте неправомерно использовать в условиях глобального мира понятие «атрибуция», особенно после установления имени изображенного, и, значит, обретения полноценного восприятия источника. Атрибуция же подразумевает приписывание, предположение, возможное отнесение к кому-то или чему-то и т.д. Только так и в таком значении некоторой неуверенности данное слово применяется в западной исследовательской и музейной практике. Об атрибуции можно говорить лишь в том случае, когда нет твердых оснований для обозначения, датировки и пр. иконографии. Во всех остальных случаях наиболее правомерно употреблять понятие «идентификация».

Возвращаясь к работе Л.-Л. Буальи, начать стоит с ее датировки. Итак, датировать портрет позволяет, прежде всего, 4-й тип (по традиционной классификации) Офицерского, Каманданского¹² или Высшего офицера креста ордена Почетного легиона с императорской короной и шариками на концах лучей, появившийся в

циплинарного диалога. Любопытно, что и В.М. Глинка, и В.П. Старк, т.е. те, кто еще в советские годы стал смотреть на изобразительный материал, прежде всего, на портрет, как на исторический источник, пытаясь понять сложный язык эмблематов эпохи, всячески избегали данного определения. См., например: Глинка 1985; Старк 1994. Последующие работы подчас просто обходили сам вопрос стороной, несмотря на заявленные темы, и на практике рассматривали эволюцию взглядов на изобразительный источник в России и способы его изучения в разные периоды на примере портретного жанра. Но никаких иных попыток иначе объяснить и уж тем более обосновать т.н. историко-предметный метод даже не предпринималось.

¹⁰ Korzybski 1994, 750.

¹¹ См., прежде всего: Foucault 1973.

¹² Французское написание – commandant; термин «командорский крест» появиться лишь 26 марта 1816 г. См. подробнее: Bulletin 1816, 442, № 79; 7e série. T. 2. № 56 à 96.

1808 г.¹³. Напомним, что до выхода королевского ордонанса от 19 июля 1814 г. (Париж) не существовало различий в ношении Каманданских и Офицерских крестов, а также крестов Высших офицеров. И только ордонанс 1814 г. предписал Каманданам носить свой орденский знак на шее (Арт. 9), а Высшим офицерам обозначать свою степень широкой орденской лентой и офицерским крестом (Арт. 8)¹⁴. Ненадолго, в период «Ста дней», старая имперская система была вновь возвращена, но с началом 2-й Реставрации положения ордонанса 1814 г. окончательно зафиксировали новые правила ношения ордена. Отметим и то, что показанная здесь розетка на орденской ленте сменил бант только в конце 1811– начале 1813 г.¹⁵ Таким образом, есть возможность обозначить крайние даты написания портрета, исходя не только из вышеприведенных положений, но также из кроя, цвета и высоты воротника и ширины показанного шитья, идущего по борту мундира, а именно: 1811–1823 гг.

На чин данного персонажа указывает один ряд шитья на воротнике мундира и две звезды на полях эполет: перед нами – бригадный генерал или генерал-майор императорской или королевской армии¹⁶. Если принимать версию, что портрет был создан в период существования 1-й Империи, то здесь изображен мундир т.н. малой или же полной парадной формы образца 1803 г. или XII г. Республики. Поскольку фалд мы не видим, соответственно, у нас нет возможности точно обозначить тип мундира¹⁷. Отталкиваясь от другой датировки полотна, относящей рассматриваемый портрет к 1-й или 2-й Реставрациям, можно говорить, в таком случае, о генерал-майоре в мундире для церемоний модели 1816 г. или в старом имперском мундире, но уже с новой королевской символикой, в т.н. мундире 1814 г.¹⁸

¹³ Подробнее см.: Daniel 1957, 69.

¹⁴ Liévyns, Verdout, Bégat 1845/1, 114.

¹⁵ См., например: Stiot 1989, 15–16. Ярким примером может служить миниатюрный портрет полковника 12-го конного-егерского полка, барона Империи Шарля-Этьенна Гиньи [Ghigny] (1771–1844) работы Николя Жака [Jacques] (1780–1844) идентифицированный нами для одной частной венской коллекции. См. подробнее: Горшков 2015, 33–34.

¹⁶ Чин, бригадный генерал, появился во французской армии после публикации декрета от 21 февраля 1793 г. и просуществовал до выхода королевского ордонанса от 16 мая 1814 г. См. подробнее: Rondonneau 1818, 187 (№ 452 ; Т. 4 (Convention Nationale)) ; Recueil complet 1820, 83. Согласно данному ордонансу 1814 г. в армию возвращалось прежнее его наименование: генерал майор (maréchal de camp). В период «Ста дней», в соответствии с декретом от 22 марта 1815 г., генерал-майор, тем не менее, был сохранен, а бригадный генерал так и не был восстановлен. Bulletin 1815, 31 (№ 31; 6e série. Tome unique. № 1er à 42).

¹⁷ Règlement an XII = 1803, 1-4. Проект регламента 1812 г. практически полностью повторил регламент от 1 вандемьера XII г. (24 сентября 1803 г.), учтя, тем не менее, новый крой мундира в соответствии с модой 2-й половины 10-х гг. и массовое распространение синих воротников на генеральских мундирах разных видов форм. Последние было позаимствовано у малой формы. Règlement sur l'habillement, la coiffure, les marques distinctives, le grand et le petit équipement et l'armement des troupes de terre de l'armée française, ainsi que le harnachement des chevaux des officiers de la cavalerie de toutes armes. Vol. I. Paris, [manuscrit], 1812. 8me chapitre. 1re-2me sections. Musée de l'Armée, Fonds : Manuscrits et imprimés, № d'invent. : 10870 BIB ; A1 J25 ; Ibid. Vol. IV. Paris, [manuscrit], 1812. Pl. 5 (Généraux de division, petit uniforme). Paris, musée de l'Armée. Fonds : Manuscrits et imprimés, № d'invent. : 10873 BIB ; A1J 25.

¹⁸ S.H.D./GR, Sous-série Xs 529. B. Uniformes officiers. Bh – Uniforme des officiers généraux ; Ibid. Xs 541. Règlement sur l'uniforme de l'armée de terre, par le colonel Bardin : registres manuscrits et imprimés, 1818. Cahier № 6. Titre 3. Etat-major général. Chapitre deux. Officiers généraux; Ibid. Xs

Подчеркнем, что аксельбант на правом плече свидетельствует о принадлежности генерала к Императорской или Королевской Гвардии, Военной свите Наполеона или Королевского дома Бурбонов и что запечатленный Л.-Л. Буальи персонаж мог быть определен в качестве начальника штаба в штаб армии, корпуса или военной дивизии¹⁹. Отталкиваясь от чина, генерал-полковников Империи и Королевства мы в этом конкретном случае попросту опускаем²⁰. Но определяющими элементами, помогающими идентифицировать образ, безусловно, являются показанные здесь иностранные нефранцузские награды: командорский крест баварского военного ордена «За военные заслуги» Максимилиана Иосифа (Militär-Max-Joseph-Orden) на шее и рыцарский крест австрийского императорского ордена Леопольда (Österreichisch-Kaiserliche Leopold-Orden), из-за выбранного ракурса художником наполовину закрытый Почетным легионом²¹.

528. Ministre de la guerre. Bureau de l'inspection. Aux généraux commandant les armées et les divisions militaires, le 23 avril 1814 (Paris).

¹⁹ Bardin 1841–1844, 147–149 (Т. 1); S.H.D./GR, Sous-série Xs 528. Ordonnance du Roi du 12 septembre 1814, № 346.

²⁰ См., например: Pigeard 2002, 167–168. То же самое в полной мере относится и к помощникам (lieutenant) Императора. См. подробнее: S.H.D./GR, Sous-série Xem 131. Lieutenants de l'Empereur.

²¹ Традиционно в различных эрмитажных каталогах и публикациях данные награды ошибочно идентифицируют, как командорский крест баденского ордена Верности (Hausorden der Treue), на шею, и крест 3-го класса прусского ордена Красного орла (Roter Adlerorden). Но орден Верности

Особо подчеркнем, что искать изображенного, опираясь лишь на материалы, связанные с жизнью и творчеством Л.-Л. Буальи, не представляется в данном случае возможным, даже если предположить, что сохранился неизвестный нам источник: полный регистр его работ. Дело в том, что для этого художника портретный жанр был основным видом дохода, и он охотно и много работал в этом направлении. Например, в известном справочнике «Альманах 25 000 адресов видных жителей Парижа» за 1835 г. отмечается, что Л.-Л. Буальи написал «свыше 5 000 портретов»²².

В итоге точно идентифицировать данного генерала позволил анализ наградных листов из коллекции Service Historique de la Défense (S.H.D.)²³. В процессе работы с письменными источниками были выявлены две персоналии, полностью соответствующие всем атрибутам данного портрета²⁴. Ими оказались Александр-Эдмон-Аршамбо де Талейран-Перигор [Alexandre Edmond Archambault de Talleyrand-Périgord] (1787–1872), офицер ордена Почетного Легиона (с 29 июля 1814 г.), командор (иногда в источниках указывается только кавалерский крест) военного ордена «За военные заслуги» Максимилиана Иосифа и рыцарь императорского ордена Леопольда (с 4 апреля 1810 г.), и Арман-Шарль-Луи Лё Льэвр, граф Империи (с 26 апреля 1811 г.) де ля Гранж [Armand Charles Louis Le Lièvre (ou Lelièvre) de La Grange] (1783–1864), офицер (с 24 июля 1809 г.), потом камандан (с 30 ноября 1813 г.) ордена Почетного Легиона, командор (до этого с 24 марта 1806 г. кавалер) военного ордена «За военные заслуги» Максимилиана Иосифа (30 июня 1807 г. или, по другим источникам, 13 июля 1807 г.) и рыцарь императорского ордена Леопольда (с 4 апреля 1810 г.)²⁵.

имел оранжевую с серебряной каймой ленту, также командоры должны были носить орденский знак не только на шею, но и на левой стороне груди. Что же касается ордена Красного орла, то он представлял собой крест белой эмали на белой ленте с двумя оранжевыми полосками по краям. См., например: Березина 1983, 47 (№).

²² Dulac 1835, 61.

²³ S.H.D./GR, Sous-série Xq 48. 1re. Division Mre. Décorations étrangères. Etat des titulaires qui ont produit des copies d'autorisations ; Ibid. Etat des officiers français décorés de l'ordre du Mérite militaire de Maximilien Joseph... ; Ibid. Liste des officiers français membres de l'ordre bavarois de Maximilien-Joseph... К сожалению, опубликованные списки являются неполными. См., например: Testu 1808, 153; 1809, 162–163; 1810, 167–168; 1811, 179; 1812, 182; 1813, 176; 1814–1815, 412–413; 1816, 454; 1817, 479; 1818, 495; 1819, 455; 1820, 484–485; 1821, 519; 1822, 527; 1823, 527; Hof= und Staats-Schematismus 1811, 27 ; Hof= und Staats-Schematismus 1817, 37–40 ; Gottschalck 1819, 58–64, 200–201 (Bd. 3); Hof= und Staats-Handbuch 1848, 33–37 ; Schrettinger 1882, 55–61 и др.

²⁴ Луи-Франсуа Лёжэна [Lejeune] (1775–1848), исходя из его послужного списка и серии известных портретов, и Александра-Луи-Робера де Жирардена д'Ерменонвиля [Girardin d'Ermenonville] (1776–1855), принимая во внимание его ранения в голову и послужной список, мы намеренно не стали здесь рассматривать. См., прежде всего: Guérin Jean-Urbain (1760–1836) (d'après); Lejeune Louis-François (1775–1848) (d'après). Le baron Louis-François Lejeune (1776–1848), colonel aide de camp du maréchal Berthier, vers 1810 (réalisé par madame Chassaignac ; Hauteur : 1.14 m, huile sur toile). Paris, musée de l'Armée. Fonds: Peintures, № d'invent. : 8938 ; Ea 151 ; S.H.D./GR, Sous-série 8 Yd 1417 (LEJEUNE, Louis, François); 7 Yd 627 (GIRARDIN d'ERMENONVILLE, Alexandre, Louis, Robert, de); Six 1934, 505–506 (T. I (A–J)), 101–102 (T. II (K–Z)) и др.

²⁵ См., например: S.H.D./GR, Sous-série 7 Yd 1031 (TALLEYRAND-PERIGORD, duc de DINO, Alexandre, Edmond, Archambault, de); 7 Yd 645 (LELIEVRE de LA GRANGE, Armand, Charles, Louis); Courcelles DCCC.XXII, 329–330 (T. 6 (FAB-JEANN)); Robert, Bourlonton, Cougny 1891/III, 530–531, (Fes-Lav)) ; Six 1934, 521–522 (T. I (A–J)) ; Pigeard 1996, 380–381 ; Lapray 2008, 153 ; Quintin 2013, 806 и др.

Если исходить из предположения, что перед нами Талейран-Перигор, то портрет мог быть написан Л.-Л. Буальи между 29 июля 1814 г. (дата получения офицерского креста Почетного легиона) и 13 августом 1814 г. 26 апреля Талейрану-Перигору был присвоен чин генерал-майора, а 13 августа он был награжден кавалерским крестом ордена Святого Людовика. На первый взгляд, данная предварительная версия является самой предпочтительной, особенно, с учетом того, что Талейран-Перигор был женат в первом браке (с 23 апреля 1809 г.) на Иоганне Доротее фон Бирон [Dorothea von Biron; во французских источниках часто встречается следующее написание: Dorothee de Biren] (1793–1862), герцогине Курляндской и Семигальской, что, с одной стороны, возможно, проливает свет на появление рассматриваемого портрета в России. Но данная информация не объясняет наличие аксельбанта у изображенного. Только в период 2-й Реставрации 8 сентября 1815 г. Талейран-Перигор получит командование 2-й бригадой 1-й кавалерийской дивизии Королевской Гвардии. В начале же 1-й Реставрации, вернувшись из прусского плена в апреле 1814 г.²⁶, он лишь возглавит 1 июня 1814 г. 2-ю бригаду сводной кавалерийской дивизии, состоящей из армейских полков конных егерей и гусар короля и расквартированной. Все это, как и выявленные в период анализа портретные образы Талейрана-Перигора, вынуждают нас отклонить данный вариант²⁷.

Арман-Шарль-Луи Лё Льэвр де ля Гранж стал бригадным генералом накануне русской кампании 1812 г., 31 января 1812 г., и лишь 4 июня 1814 г., в эпоху 1-й Реставрации, получил эполеты генерал-лейтенанта. Во время кампании во Франции 1814 г., 12 января 1814 г., он был сначала определен в состав 7-й дивизии Молодой Гвардии (Шарпантье [Charpentier]), а потом с 14 марта 1814 г. был направлен в 1-ю дивизию Молодой Гвардии (Кюриаль [Curial]). Совокупность показанных элементов (награды, мундир и его детали), а также серия литографированных портретов Лё Льэвра де ля Гранжа эпохи Июльской монархии, позволяет нам говорить, что на портрете работы Л.-Л. Буальи именно этот французский генерал в 1814 г.²⁸ Сам же портретный образ создан либо после сражения под Фер-Шампенуазом 25 марта 1814 г., когда дивизия Молодой Гвардии дивизионного генерал, графа Империи Филибера-Жана-Батиста-Франсуа-Жозефа Кюриала (1774–1829) была направлена на Париж, либо в первых числах февраля 1814 г. – в период формирования в Париже дивизии дивизионного генерала, графа Империи Анри-Франсуа-Мари Шарпантье (1769–1831)²⁹.

Что же касается надписи на обороте подрамника «Général Duroc par Boilly», то, по всей вероятности, она появилась во 2-й половине XIX в. К тому же в 1887 и в 1892 гг. портрет Л.-Л. Буальи под предположительным названием «Генерал Дюрок» выставлялся на французских аукционах³⁰. Вероятно также, что вместе с пор-

²⁶ Талейран-Перигор был взят в плен 19 сентября 1813 г. во время рекогносцировки около Мюльберга отрядом генерал-майора Леопольда Вильгельма фон Добшютца [Leopold Wilhelm von Dobschütz] (1763–1836).

²⁷ François-Joseph Kinson (1770–1839). Edmond de Périgord, duc de Talleyrand-Périgord (1787–1872), lieutenant général (huile sur toile ; 0.65 x 0.55 m). Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon, Fonds: Peintures, № d'invent.: MV6729.

²⁸ См., например: Pigeard 1996, 380; Bajou 2012, 193.

²⁹ Correspondance 2006, 120 (21193).

³⁰ Harris 1898, 150 (722).

третом 1796 г. дивизионного генерала Жана-Батиста Клебера [Kléber] (1753–1800) работы все того же Л.-Л. Буальи (ныне собрание Эрмитажа) портрет³¹ Лё Льэвра де ля Гранжа был приобретен в 90-е гг. XIX в. для коллекции великого князя Николая Михайловича³².

Возвращаясь к фигуре Армана-Шарля-Луи Лё Льэвра де ля Гранжа, нами было принято решение опустить этапы его службы и не повторять известные данные, поскольку Жорж Сис практически полностью опубликовал его послужной список из коллекции современного S.H.D.³³. Исходя также из разнообразия источников³⁴, хранящихся в Национальном архиве Франции и связанных с именем Лё Льэвра де ля Гранжа и его семьей, в рамках одной определенной публикации не представляется возможным показать и проанализировать отдельные страницы его жизни: все это требует самостоятельного и детального исследования. Однако, благодаря выявлению утраченного имени на портрете работы Л.-Л. Буальи, у нас есть возможность остановиться и с иной позиции рассмотреть любопытный вопрос, связанный с изображенным: протекция в армейской среде периода Империи.

Стоит особо подчеркнуть, что Лё Льэвр де ля Гранж получил свой первый генеральский чин в 1812 г., т.е. в 28 лет, за несколько месяцев до своего 29-летия, попав в небольшое число офицеров, начавших свою карьеру в период Консулата, дослужившихся до генеральских чинов и составляющих менее 1 % (26 человек в возрасте от 25 до 38 лет) от общего числа генералов³⁵. Подобный карьерный рост обычно был связан с двумя факторами: будущий генерал был сыном или приходился родственником тому или иному высшему сановнику Империи, либо был отпрыском видной фамилии старого дворянства. Тем не менее, в данном случае речь не идет о массовом, в широком смысле слова, фаворитизме в стиле Старого Порядка³⁶. Все-таки армия Империи к середине 1810-х гг. все более или более трансформировалась в высокопрофессиональную армию, а с другой стороны, со-

³¹ Луи-Леопольд Буальи (1761–1845). Портрет Ж.-Б. Клебера, середина 1790-х гг. (холст, масло; 53,5 x 39 см). Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись (Франция). Инв. № ГЭ-4647. Передан в 1924 г. через ГМФ из Ново-Михайловского дворца в Ленинграде. На обороте холста наклеена вырезка из французского каталога.

³² Березина 1983, 45 (№). Портрет попал в частные руки, видимо, из-за того, что Арман-Шарль-Луи Лё Льэвр де ля Гранж, несмотря на долгую жизнь (скончался в возрасте 81-го года), так и не создал свою семью. Особо подчеркнем, что Лё Льэвр де ля Гранж умер воскресным утром в 7 часов 30 минут 31 июля 1864 г. в Париже в своем доме, располагавшемся на Бульваре Итальянцев № 26, а не 2 августа 1864 г., как проходит во многих справочниках. А.Р., Sous-Série V4E/1009. Département de la Seine. Ville de Paris. 9e arrondissement municipal. 2e registre double des actes de décès de l'année 1864, le 31 juillet 1864, № 1 041 (Le Lièvre Comte de La Grange, Armand, Charles, Louis). Заметим также, что останки Армана-Шарля-Луи Лё Льэвра де ля Гранжа были преданы земле на кладбище Гризи-Сюин (Grisy-Suisnes), департамент Сены и Марны; место погребения и семейный склеп сохранились.

³³ К сожалению, мы не смогли найти характеристик личности Лё Льэвра де ля Гранжа, кроме незначительных упоминаний. К тому же, часто из несинхронных ретроспективных источников не совсем ясно об Армане-Шарле-Луи Лё Льэвре де ля Гранже в них идет речь, либо о ком-то из членов его семьи. См., например: Goriaïnow 1913, 125–126; Potocka 1897, 111; Löwenstern 1903/1, 109 и др.

³⁴ С.А.Р.А.Н. 341 AP/1-28. Généalogie et papiers personnels de la famille Lelièvre de La Grange: magistrats sous l'Ancien Régime, généraux et colonels sous les Premier et Second Empire, 1334–1875; Ibid. 341 AP/29-43. Papiers de familles alliées. Papiers personnels et de fonction de Blaise Méliand, intendant de Soissons; Ibid. 341 AP/44-52. Terre de Fourilles, la Grange (les Granges-le-Roi) et autres de la légion parisienne et de Bretagne, 1512–1830; 341 AP/53. Supplément non classé.

³⁵ Bodinier 2014, 131–133.

³⁶ См., например: Bodinier 1983, 54–64, 72–75, 100–104, 115–123.

храняла национальные черты, учитывая революционную практику³⁷. Последнее также хорошо видно на примере полковников. Только 5,2 % (58 человек) получили эполеты полковника в возрасте от 25 до 29 лет, тогда как основная масса, 43, 61 % (485 человек), находилась в возрасте от 40 до 49 лет, на момент присвоения им данного чина³⁸.

На продвижение Лё Льэвра де ля Гранжа повлияло несколько очень важных причин. Прежде всего, он был адъютантом у маршала Империи Луи-Александра Бертье [Berthier] (1753–1815) (с 12 сентября 1805 г.)³⁹, который всячески оказывал протекцию своим офицерам, учитывая, что последнему нужны были свои люди на местах, для лучшего функционирования армейских штабов и различных соединений⁴⁰. Во-вторых, его лично знал Император французов. Об этом свидетельствует не только придворный чин шталмейстера Императорского двора, присвоенный

³⁷ См., например: Bertaud 1979; 2006.

³⁸ Quintin 2013, 17–19.

³⁹ См. также: S.H.D./GR, Sous-série C2 505. Maison de l'Empereur, du 15 juillet 1809 au 15 juillet 1810.

⁴⁰ Dumas 1839, 387; Montesquieu-Fezensac 1870, 100; Philip 1900, 32–33; Lejeune 2001, 363, 365–366; Six 2002, 125–126.

ему по декрету от 18 января 1810 г.⁴¹, но и участие в качестве 2-го секретаря в дипломатической миссии в Вене (с 3 марта 1806 г.), во время которой он должен был собирать сведения об австрийской армии⁴², в переговорах с австрийцами 11 мая 1809 г. выступал в роли парламентаря и в составе сопровождения Бертье во время поездки в Вену при заключении брака с Марией-Луизой⁴³. Не менее важным обстоятельством в этом деле было то, что его старший брат, Аделаид-Блэз-Франсуа, маркиз де Ля Гранж и де Фурий (1766–1833), уже был известным бригадным генералом (с 25 июня 1807 г.), протестовавшим против капитуляции дивизионного генерала, графа Империи Пьера Дюпона де Л'Етана [Dupont de l'Étang] (1765–1840) и служившим под началом блистательного дивизионного генерала, графа Империи Антуана-Шарля-Луи де Ляссаля [Lasalle] (1775–1809). К тому же Аделаид-Блэз-Франсуа 21 мая 1809 г. потерял руку под Эсслингом. Ранения, увечья или смерть становились причиной не только выплаты пенсионера семье, но и способствовали в эпоху Империи продвижению по служебной лестнице других членов семьи раненного или убитого офицера⁴⁴. И, наконец, Наполеон, породнившись с Габсбург-Лотарингским домом, все чаще для укрепления и легитимации своей власти в глазах иностранных суверенов поддерживал старые французские фамилии, готовые служить новой Франции. В последнем случае все члены семьи Лё Льэвр де ля Гранж по мужской и женской линиям тесно были связаны с французской армией Старого Порядка, Республики и Империи⁴⁵. Ко-

⁴¹ C.A.R.A.N. Sous-série AF/IV/ 883. Minutes des lettres de l'Empereur. Janvier 1810. Décret № 120, le 18 janvier 1810 (Paris), 121; Napoléon 2013, 1616 (22892; T. 9).

⁴² Correspondance 2006, 127 (9919; Vol. XII).

⁴³ C.A.R.A.N. Sous-série AF/ IV 1675 (Correspondance diplomatique, Autriche). Plaq. 6 I et 6 II. Mariage de l'archiduchesse Marie-Louise et de l'Empereur, 1810 ; Nouvelles littéraires et politiques (Mannheim) 28.01.1810, 2 (59); Chanteranne 2010, 37.

⁴⁴ Причем чин убитого или раненного играл довольно важную роль: чем выше звание, тем больше преференций он или его близкие получали. Недаром, например, 7 июля 1809 г. дивизионный генерал, граф Империи Габриэль-Жан-Жозеф Молитор [Molitor] (1770–1849) просил у маршала Империи, герцога Риволи Андре Массена [Masséna] (1758–1817) о ходатайстве перед Наполеоном за полковника 2-го линейного полка Жака Дельга [Delga] (1771–1809), чтобы последнему был присвоен новый чин: бригадный генерал. Дельга получил смертельное ранение во время сражения при Ваграме 6 июля 1809 г., будучи во главе 1-го батальона 2-го линейного полка в деревне Герасдорф [Gerasdorf] (в оригинале – Gerodorf. –Д.Г.), и скончался 20 июля 1809 г. См. подробнее: S.H.D./GR, Sous-série C2 93. Bataille de Wagram, les 5 et 6 juillet 1809. A Mr. le Maréchal, Duc de Rivoli du général de division Molitor (au bivouac près Léopoldau, le 7 juillet 1809 [101]); Quintin 2013, 256.

⁴⁵ Глава семьи – Франсуа-Жозеф Ле Льэвр, маркиз де Ля Гранж и де Фурий (1726–1808), генерал-лейтенант (с 1 января 1784 г.), командор ордена Святого Людовика (с 21 апреля 1777 г.), франк-масон (член ложи «Святой Иоанн Шартрский»; великий хранитель печатей Великого Востока с 1773 по 1786 гг.) и известный повеса эпохи Людовика XV, его жена – Анжелик-Аделаид де Ля Гранж и де Фурий, урожденная Мельян [Méliand], (1745–1828), дочь Шарля-Блэза Мельяна, сеньора де Шуази [Choisy], главного интенданта Алансона, и Мари-Луиз-Аделаид Мельян, урожденной дю Кенуа [du Quesnoy]. От этого союза, закрепленным брачным контрактом от 11 января 1766 г., на свет появилось семеро детей, включая Шарля-Луи-Армана, который стал последним их ребенком: Аделаид-Блэз-Франсуа, маркиз де Ля Гранж и де Фурий, с 13 июня 1813 г. граф Империи де Ля Гранж, дивизионный генерал (с 29 июня 1809 г.) армии Империи; Аделаид-Луиз Ле Льэвр, маркиза де Ля Гранж (1768-?), 16 января 1793 г. она вышла замуж за Адриана-Жака-Мориса графа де Камбиса [Cambis] (1764-1812), будущего полковника штаба (с 25 сентября 1800 г.) и будущего начальника штаба 26-й пехотной дивизии 9-го корпуса Великой армии (с 25 февраля 1812 г.); Арман-Мари-Жозеф, маркиз де Ля Гранж (1770-?), по всей видимости, умер в младенчестве; Аделаид-Франсуаз Ле Льэвр, маркиза де Ля Гранж (1774-1820), 5 февраля 1810 г. она вышла замуж за барона Империи Жана-Луи Мате-

нечно, знатный род способствовал продвижению по службе членов данной семьи в рассматриваемый период. Но никакая протекция, старые и новые титулы, чины и различные дипломатические миссии не сыграли бы никакой роли при определении в ряды Императорской Гвардии, на командные посты, Армана-Шарля-Луи, тем более, в тяжелейший период 1814 г., если бы не его организационные способности, военный талант, проявившийся в период русской и саксонской кампаниях 1812–1813 гг.⁴⁶, отвага и опыт (с апреля 1800 г. на действительной военной службе). В целом же наш случай все-таки является исключением и, соответственно, его необходимо рассматривать отдельно и более детально, принимая во внимание не только военные способности Лё Льэвра де ля Гранжа, но и его явные дипломатические задатки, что особенно ярко проявит себя в период Июльской монархии и 2-й Империи.

Перечисленные выше вопросы выводят нас на совершенную иную проблему: причины складывания новых патерналистских отношений в среде высшего офицерства 1-й Империи, а также взаимодействие двора и армии. Как нам представляется, решить эту задачу в дальнейшем можно будет лишь на микроисторическом уровне, выделив, на первый взгляд, незначительные различия и объединяющее начало, рассмотрев отдельно каждую персоналию, например, все того же Лё Льэвра де ля Гранжа и бригадного генерала в 27 лет (с 4 декабря 1812 г.) Огюста-Шарля-Жозефа де Флао де Ля Биллярдери [Flahaut de La Billarderie] (1785–1870). Не менее важно посмотреть на схожие процессы в других европейских армиях, особенно, в период их трансформации в национальные армии⁴⁷.

В конце же нашего исследования хотелось бы подчеркнуть следующее. Как мы могли убедиться, анализируя историческую портретную живопись, помимо практических конкретных задач, лежащих в поле скорее источниковедения, у исследователя есть возможность через яркий портретный образ сделать робкий шаг к пониманию конкретной личности и в целом людей той эпохи. Подобное обращение как нельзя лучше помогает без выстраивания той или иной социологической шкалы представить исторические процессы, протекавшие в обществе, а также вычленив то неповторимое и исключительное, что и определяет жизнь каждого человека.

вона де Кюрньё [Mathevon de Curnieu] (1776–1813), будущего полковника 12-го кирасирского полка (с 3 августа 1812 г.); Анж-Франсуа Ле Льэвр, маркиз де ля Гранж (1778–1816) полковник штаба (с 15 декабря 1810 г.) армии Империи; Огюст-Франсуа-Жозеф Ле Льэвр, маркиз де ля Гранж (1780–1826) полковник 20-го конно-егерского полка (с 23 ноября 1811 г.) армии Империи; и Арман-Шарль-Луи (в основном, использовал свое второе имя: Шарль) Лё Льэвр, маркиз, барон Империи в 1808 г., с 26 апреля 1810 г. граф Империи де ля Гранж (1783–1864), лейтенант командующий эскадроном, в чине генерал-лейтенанта, 2-й роты Корпуса Мушкетеров Военной свиты Короля (с 1 июля 1814 г.), будущий пэр Франции (с 11 октября 1832 г.), сенатор 2-й Империи (с 14 ноября 1859 г.), франкмасон 30° градуса (высший сановник капитула Верховного Совета шотландского устава с 1 марта 1818 г.). *Armorial M DCCC LXVIII*, 145–146 (Vol. 11); *Six* 1934, 521–522 (T. I (A–J)); Quintin 2013, 166, 520–521, 582; Bodinier 2014, 220–221 (T. III (L–O)); BnF. Département des Manuscrits. Fonds maçonnique. Fichier Bossu. Cote 175 (La Framboisière-La Mahotièrre), La Grange, Charles, comte de.

⁴⁶ Napoléon 2012, 239 (29979; T. 12 (La Campagne de Russie 1812)).

⁴⁷ См., например: Целорунго 2002, 135–168.

ЛИТЕРАТУРА

- Березина, В.И. 1980: *Французская живопись XIX века в собрании Государственного Эрмитажа*. М.
- Березина, В.[И.] 1983: *Французская живопись первой половины и середины XIX века в Эрмитаже. Научный каталог*. Л.
- Глинка, В.М. 1985: Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала. *Панорама искусств* 8, 330–343.
- Горшков, Д.И. 2015: «И новыми все наречь именами...». Портреты маршалов, генералов и полковников Наполеона. *Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования* 6–8 (127), 28–35.
- Голомбиевский, А.А. (ред.) 1912: *Военная галерея 1812 года: Издано по повелению государя императора*. СПб.
- Косолапов, Б.А. 1983: Некоторые примеры использования историко-предметного метода при исследовании портретов. *Геральдика. Материалы и исследования. Сборник научных трудов*. Л., 91–95.
- Левинсон-Лессинг, В.Ф. (ред.) 1976: *Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. 2-е изд., доп. и перераб.*: Кат. 1-2. Л.
- Соколов, О.В. 1999: *Армия Наполеона*. СПб.
- Старк, В.П. 1994: *Портреты и лица. XVIII – середина XIX века*. СПб.
- Целорунго, Д.Г. 2002: *Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование*. М.
- Bajou, V. (réd.) 2012: *Les guerres de Napoléon. Louis François Lejeune, général et peintre*. Paris.
- Bardin, E.-A. 1841-1851: *Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes*. Vol. 1–17. Paris.
- Bertaud, J.-P. 1979: *La Révolution armée, les soldats-citoyens et la Révolution française*. Paris.
- Bertaud, J.-P. 2006: *Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au cœur de la France de Napoléon*. Paris.
- Bodinier, G. 1983: *Les officiers de l'armée royale combattants de la guerre d'Indépendance des Etats-Unis, de Yorktown à l'an II*. Vincennes–Paris.
- Bodinier, G. 2014: *Les officiers du Consulat et de l'Empire*. Paris.
- Bodinier, G. 2009-2014: *Dictionnaire des officiers généraux de l'armée royale, 1763–1792*: T. I-III. Paris.
- Chanteranne, D. 2010: Les cérémonies du mariage. 1810. *Le tournant de l'Empire/ sous la direction de Thierry Lentz. Actes du colloque des 8 et 9 juin 2010*. Paris, 37–50.
- Courcelles, J.-B.-P.-J., de 1820-1823: *Dictionnaire historique et biographique des généraux français...* Vol. 1–9. Paris.
- Daniel, J. 1957: *La légion d'honneur*. Paris.
- Dulac, H. (Éditeur) 1835: *Almanach des 25000 adresses des principaux habitan[t]s de Paris*. Paris.
- Dumas, M. 1839: *Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas : de 1770 à 1836/ publiés par son fils*: T. 1-3. Paris.
- Foucart, J. 2011: Boilly, grand ou petit maître ? Boilly (1761–1845). *Catalogue de l'exposition organisée au Palais des Beaux-Arts de Lille, 4 novembre 2011-6 février 2012, sous la direction d'Annie Scottez-De Wambrechiest et Florence Raymond*. Paris, 23–32.
- Foucalt, M. 1973: *Ceci n'est pas une pipe : deux lettres et quatre dessins de René Magritte*. Montpellier, 1973.
- Goriañnow, E.M. 1913: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. Paris.
- Gottschalck, K.F. 1819: *Almanach der Ritter-Orden*. Bd. 3. Leipzig.

- Harris, H. 1898: *L.-L. Boilly, peintre, dessinateur et lithographe: sa vie et son œuvre, 1761–1845 : étude suivie d'une description de treize cent soixante tableaux, portraits, dessins et lithographies de cet artiste*. Paris.
- Korzybski, A. 1994: *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics/ Preface by Robert P. Pula*. New York.
- [Lacombe] La Tour, J.-C.-G., de 1913: *Duroc : duc de Frioul, grand maréchal du Palais impérial, 1772–1813*. Paris.
- Lapray, O. 2008: *Dictionnaire des officiers de cuirassiers du Premier Empire, 1804–1815*. Paris.
- Lejeune, L.-F. 2001: *Mémoires du général Lejeune, 1792–1813*. Paris.
- Liévyns, A., Verdot, J.-M., Bégat, P. 1844-1847: *Fastes de la légion-d'honneur : biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre*. T. 1-5. Paris.
- Löwenstern, W. 1903: *Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern (1776-1858). Publiés d'après le manuscrit original et annotés par M.-H. Weil*. T. 1-2. Paris.
- Marmottan, P. 1913: *Le Peintre Louis Boilly*. Paris.
- Montesquieu-Fezensac, R.-E.-P.-J., de 1870: *Souvenirs militaires de 1804 à 1814/ par M. le duc de Fezensac*. Paris.
- Philip, R.-M.-A., de 1900: *Etude sur le service d'Etat-major pendant les guerres du Premier Empire*. Paris.
- Pigeard, A. 1996: *Les étoiles de Napoléon*. Paris.
- Pigeard, A. 2002: *Dictionnaire de la Grande Armée*. Paris.
- Potocka, A. 1897: *Mémoires de la Ctesse Potocka: 1794–1820/ publiés par Casimir Stryenski*. Paris.
- Quintin, D. et B. 2013: *Dictionnaire des colonels de Napoléon. Edition revue et corrigée*. Paris.
- Robert, A., Bourlonton, E., Cougny, G. (réd.) 1889–1891: *Dictionnaire des parlementaires français...* T. 1-5. Paris.
- Rondonneau, L. (Éditeur) 1817-1820: *Collection générale des lois, décrets, arrêtés, sénatus-consultes, avis du Conseil d'Etat et règlements d'administration publiés depuis 1789 jusqu'au 1er avril 1814...* 16 tomes en 28 vol. Paris.
- Schrettinger, B. 1882: *Der Königlich-Bayerische Militär-Max-Joseph-Orden und seine Mitglieder*. München.
- Six, G. 1934: *Dictionnaire biographique des Généraux & Amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814)*. T. I-II. Paris.
- Six, G. 2002: *Les généraux de la Révolution et de l'Empire. Etude*. Paris.
- Stiot, R.D. 1989: L'Ordre de la Légion d'honneur ses insignes. 3e partie. *Tradition magazine* 33, 15–17.
- Testu, L.-É. (Éditeur) 1808–1813: *Almanach impérial*. Paris.
- Testu, L.-É. (Éditeur) 1814–1815–1823: *Almanach royal*. Paris.

REFERENCES

- [Lacombe] La Tour, J.-C.-G., de 1913: *Duroc: duc de Frioul, grand maréchal du Palais impérial, 1772–1813*. Paris.
- Bajou, V. (réd.) 2012: *Les guerres de Napoléon. Louis François Lejeune, général et peintre*. Paris.
- Bardin, E.-A. 1841–1851: *Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes*. Vol. 1–17. Paris.
- Berezina, V. [I.] 1983: *Francuzskaya zhivopis pervoj poloviny I serediny XIX veka v Ehrmitazhe. Nauchnyj katalog*. Leningrad.

- Berezina, V.I. 1980: *Francuzskaya zhivopis XIX veka v sobranii Gosudarstvennogo Ehrmitazha*. Moscow.
- Bertaud, J.-P. 1979: *La Révolution armée, les soldats-citoyens et la Révolution française*. Paris.
- Bertaud, J.-P. 2006: *Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au cœur de la France de Napoléon*. Paris.
- Bodinier, G. 1983: *Les officiers de l'armée royale combattants de la guerre d'Indépendance des Etats-Unis, de Yorktown à l'an II*. Vincennes–Paris.
- Bodinier, G. 2009-2014: *Dictionnaire des officiers généraux de l'armée royale, 1763–1792*: T. I-III. Paris.
- Bodinier, G. 2014: *Les officiers du Consulat et de l'Empire*. Paris.
- Celurungo, D.G. 2002: *Oficery russkoj armii-uchastniki Borodinskogo srazheniya: Istoriko-sociologicheskoe issledovanie*. Moscow.
- Chanteranne, D. 2010: Les cérémonies du mariage. 1810. *Le tournant de l'Empire/ sous la direction de Thierry Lentz. Actes du colloque des 8 et 9 juin 2010*. Paris, 37–50.
- Courcelles, J.-B.-P.-J., de 1820-1823: *Dictionnaire historique et biographique des généraux français...* Vol. 1–9. Paris.
- Daniel, J. 1957: *La légion d'honneur*. Paris.
- Dulac, H. (Éditeur) 1835: *Almanach des 25000 adresses des principaux habitan[t]s de Paris*. Paris.
- Dumas, M. 1839: *Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas : de 1770 à 1836/ publiés par son fils*: T. 1-3. Paris.
- Foucart, J. 2011: Boilly, grand ou petit maître ? Boilly (1761–1845). *Catalogue de l'exposition organisée au Palais des Beaux-Arts de Lille, 4 novembre 2011-6 février 2012, sous la direction d'Annie Scottez-De Wambrechiest et Florence Raymond*. Paris, 23–32.
- Foucault, M. 1973: *Ceci n'est pas une pipe : deux lettres et quatre dessins de René Magritte*. Montpellier, 1973.
- Glinka, V.M. 1985: Eshche raz ob izobrazheniyah pradedy Pushkina Abrama Gannibala. *Panorama Iskusstv* 8, 330-343.
- Golombievskiy A.A. (red.) 1912: *Voennaya galereya 1812 goda/ izdano po povelenu gosudarya imperatora*. Saint-Petersburg.
- Goriañnow, E.M. 1913: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. Paris.
- Gorshkov, D.I. 2015: "I novymi vse narech imenami". *Portrety marshalov generalov I polkovnikov Napoleona. Antikvariat predmety iskusstva I kollekcionirovaniya 6-8 (127)*, 28-35.
- Gottschalck, K.F. 1819: *Almanach der Ritter-Orden*. Bd. 3. Leipzig.
- Harrisse, H. 1898: *L.-L. Boilly, peintre, dessinateur et lithographe : sa vie et son œuvre, 1761–1845 : étude suivie d'une description de treize cent soixante tableaux, portraits, dessins et lithographies de cet artiste*. Paris.
- Korzybski, A. 1994: *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics/ Preface by Robert P. Pula*. New York.
- Kosolapov, B.A. 1983: Nekotorye primery ispolzovaniya istoriko-predmetnogo metoda pri issledovanii portretov. *Geraldika materialy i issledovaniya. Sbornik nauchnyh trudov*. Leningrad, 91–95.
- Lapray, O. 2008: *Dictionnaire des officiers de cuirassiers du Premier Empire, 1804–1815*. Paris.
- Lejeune, L.-F. 2001: *Mémoires du général Lejeune, 1792–1813*. Paris.
- Levinson-Lessing, V.F. (red.) 1976: *Gosudarstvennyj Ehrmitazh zapadnoevropejskaya zhivopis*. 2-e izd. dop. i pererab. Kat. 1-2. Leningrad.
- Liévyns, A., Verdot, J.-M., Bégar, P. 1844-1847: *Fastes de la légion-d'honneur : biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre*. T. 1-5. Paris.

- Löwenstern, W. 1903: *Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern (1776–1858). Publiés d'après le manuscrit original et annotés par M.-H. Weil*. T. 1–2. Paris.
- Marmottan, P. 1913: *Le Peintre Louis Boilly*. Paris.
- Montesquoui-Fezensac, R.-E.-P.-J., de 1870: *Souvenirs militaires de 1804 à 1814/ par M. le duc de Fezensac*. Paris.
- Philip, R.-M.-A., de 1900: *Etude sur le service d'Etat-major pendant les guerres du Premier Empire*. Paris.
- Pigeard, A. 1996: *Les étoiles de Napoléon*. Paris.
- Pigeard, A. 2002: *Dictionnaire de la Grande Armée*. Paris.
- Potocka, A. 1897: *Mémoires de la Ctesse Potocka : 1794-1820/ publiés par Casimir Stryiński*. Paris.
- Quintin, D. et B. 2013: *Dictionnaire des colonels de Napoléon. Edition revue et corrigée*. Paris.
- Robert, A., Boulton, E., Cougny, G. (réd.) 1889–1891: *Dictionnaire des parlementaires français...* T. 1-5. Paris.
- Rondonneau, L. (Éditeur) 1817-1820: *Collection générale des lois, décrets, arrêtés, sénatus-consultes, avis du Conseil d'Etat et règlements d'administration publiés depuis 1789 jusqu'au 1er avril 1814...* 16 tomes en 28 vol. Paris.
- Schrettinger, B. 1882: *Der Königlich-Bayerische Militär-Max-Joseph-Orden und seine Mitglieder*. München.
- Six, G. 1934: *Dictionnaire biographique des Généraux & Amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814)*. T. I–II. Paris.
- Six, G. 2002: *Les généraux de la Révolution et de l'Empire. Etude*. Paris.
- Sokolov, O.V. 1999: *Armija Napoleona*. Saint-Petersburg.
- Stark, V.P. 1994: *Portrety i lica XVIII-seredina XIX veka*. Saint-Petersburg.
- Stiot, R.D. 1989: L'Ordre de la Légion d'honneur ses insignes. 3e partie. *Tradition magazine* 33, 15–17.
- Testu, L.-É. (Éditeur) 1808–1813: *Almanach impérial*. Paris.
- Testu, L.-É. (Éditeur) 1814–1815–1823: *Almanach royal*. Paris.

THE PORTRAIT OF BRIGADE GENERAL A.-C.-L. LE LIÈVRE DE LA GRANGE BY L.-L. BOILLY IN THE STATE HERMITAGE: IDENTIFICATION PROBLEMS

Dmitriy I. Gorshkov

Pushkin's State Historico-Literary Memorial Estate, Russia,
le84e-regiment@mail.ru

Abstract. This article analyses the portrait by Louis-Léopold Boilly or so-called “Portrait of Michel Duroc, grand maréchal du Palais imperial” from the State Hermitage collection (St.-Petersburg, Russia). The question of changing of an old legend of this source due to many controversies (shown emblems and badges of rank of Duroc's status) is considered. The real name of Armand Charles Louis Le Lièvre de La Grange, which was lost during long process, is established. The author also takes into consideration some questions about new relations between high officers of the First Empire. A.-C.-L. Le Lièvre de La Grange is to be taken as an example. Key words: L.-L. Boilly, M. Duroc, iconography, uniformology, historiography and source study, A.-C.-L. Le Lièvre de La Grange, French Army (1804–1815).

Key words: L.-L. Boilly, M. Duroc, iconography, uniformology, historiography and source study, A.-C.-L. Le Lièvre de La Grange, French Army (1804–1815)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века. Екатеринбург
АН	–	Архитектурное наследство. Москва
АО	–	Археологические открытия. Москва
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БИАС	–	Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВИ	–	Вопросы истории. Москва
ГАОО	–	Государственный архив Оренбургского области
ГАПК	–	Государственный архив Пермского края
ГАТО	–	Государственный архив г. Тюмени
ГБУТО ГА	–	Государственный архив г. Тобольска
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ИАК	–	Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИТОИАЭ	–	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). Москва.
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (РАН). Москва
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НА ЧГИГН	–	Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
ОАК	–	Отчеты Императорской Археологической Комиссии
ОЕВ	–	Оренбургские епархиальные ведомости
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	–	Российская археология. Москва
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
СА	–	Советская археология. Москва
СГЭ	–	Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
СЭ	–	Советская этнография. Москва
ХА	–	Хазарский альманах. Киев–Харьков
ХСб	–	Херсонесский сборник. Севастополь
ЭО	–	Этнографическое обозрение. Москва
А.Р.	–	Archives de Paris
ACSS	–	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
BnF, Département des Manuscrits	–	Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits
C.A.R.A.N.	–	Centre d'Accueil et de Recherche des Archives Nationales, Archives Nationales
Chil.	–	Iohannes Tzetzes. Chiliades
CQ	–	The Classical Quarterly. Oxford–London–New York
CTh	–	Codex Theodosianus
EI	–	Encyclopaedia of Islam. Leiden

GRBS	–	Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham
JGS	–	Journal of Glass Studies. New York
JRS	–	Journal of Roman Studies. London
Manetho	–	Waddel, W.G. Manetho. London, 1980.
PG	–	Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866.
PLRE-2	–	Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2: A.D. 395–527. Cambridge, 1980.
RvRD	–	Rölöve ve Restorasyon Dergisi. Ankara
S.H.D.	–	Service Historique de la Défense
Suidae	–	Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Vol. 1-5. Leipzig, 1928–1935.
TDV İA	–	Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara
Urk. I	–	Sethe, K. Urkunden des Alten Reiches. Erster Band. Leipzig, 1933.
VD	–	Vakıflar Dergisi. Ankara
VM	–	Gerontius, Vita Melaniae Minoris
VS	–	Vita Symeonis Stylitae
YAD	–	Yıllık Araştırmalar Dergisi

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОК

<i>Орехов Р.А.</i> (Москва) – Новый взгляд на «Пророчество Неферти»	5
---	---

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера	19
<i>Клейменов А.А., Бутковский А.Ю.</i> (Тула) – Военное дело европейских скифов и македонское военное искусство эпохи Филиппа II и Александра Великого: к проблеме точек соприкосновения	35
<i>Шашлова Т.Ю.</i> (Саратов) – Источниковедческие замечания об одном сообщении Ктесия Книдского	50
<i>Литовченко Е.В.</i> (Белгород) – Некоторые традиционные общественные праздники и увеселения на латинском Западе в V в. н.э.	58
<i>Чуева Ю.Ю.</i> (Белгород) – Святая Олимпиада Диаконниса: жизнь без тщеславия	70
<i>Александрова Т.Л.</i> (Москва) – Императрица Афинанаида-Евдокия: путь к трону	75

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Шабанов С.Б.</i> (Симферополь) – Клейма на стеклянных сосудах римского времени из Северного и Северо-Западного Причерноморья	88
<i>Винокуров Н.И.</i> (Москва), <i>Пономарев Л.Ю.</i> (Керчь) – Культовые комплексы Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.)	105
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – «Ворота» на Тарханкут. Новые археологические памятники в верховьях озера Донузлав в Северо-Западном Крыму	149

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Боталов С.Г.</i> (Челябинск), <i>Байоглу А.</i> (Екатеринбург), <i>Маслюженко Д.Н.</i> (Курган) – Письменные традиции и языковые заимствования в среде тюркоязычных кочевников урало-казахстанских степей	174
<i>Ганиев Р.Т.</i> (Екатеринбург) – Политика первых каганов и возвышение древних тюрков в Центральной Азии (534–572 гг.)	189
<i>Гарустович Г.Н.</i> (Уфа) – Волго-Уральский степной коридор в эпоху средневековья: история начинается в X веке... Или, все-же, нет?	202
<i>Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) – Дюрбе Гайдар-Хана на Чуфут-Кале: утраченный памятник или историографический миф	216

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Чепель А.И.</i> (Санкт-Петербург) – Разведка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира	228
---	-----

<i>Трифонов А.В.</i> (Тюмень) – Монастыри Тюмени в XVII–XVIII веках	237
<i>Трифонов А.В.</i> (Тюмень), <i>Усанов В.И.</i> (Сургут) – Благотворительность в деятельности тюменских церковных учреждений в XIX – начале XX веках	

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Магнитогорск) – Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтническом окружении)	260
<i>Белоруссова С.Ю.</i> (Екатеринбург) – Нагайбаки-бакалы: страницы этноистории	269
<i>Панченко А.Б.</i> (Сургут) – Между гражданской и этнической нацией: национальные проекты в российской империи в первой трети XIX в.	282
<i>Медведев В.В.</i> (Сургут) – «Нарспи» К.В. Иванова: традиции чувашей на страницах поэмы	294
<i>Хаховская Л.Н.</i> (Магадан) – Этнографические проблемы в научно-исследовательской программе Н.Н. Дикова	304

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т.Е.</i> (Магнитогорск) – Философия счастья в творчестве Н.М. Карамзина: в поисках истинного блаженства	319
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

<i>Иванников Е.Б.</i> (Санкт-Петербург) – Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву	337
<i>Пожидаева Е.В.</i> (Москва), <i>Козько Н.А.</i> (Магнитогорск) – Гастрономическая и вакхическая концептосферы как зеркало национального менталитета (лингвоконцептуальный подход)	348
<i>Андреева С.Л.</i> (Магнитогорск) – Пропозиционально-фреймовый анализ лексического значения слов с корнем <i>-благ-</i> , являющихся вершинами словообразовательных гнезд	357
<i>Хошимхуджаева М.М.</i> (Ташкент) – Мотивологический анализ английских, русских и узбекских фитонимов с компонентом антропоним	369

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Кононенко Е.И.</i> (Москва) – Турецкая мечеть: образ и бренд	379
<i>Саттарова Л.И.</i> (Анкара) – Минбар мечети Алааддина в Конье	391
<i>Чемезова К.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Собор св. Свитуна в Ставангере как уникальный памятник норвежской каменной архитектуры XII–XIV вв.	409
<i>Горшков Д.И.</i> (Жуковский) – Портрет бригадного генерала А.-Ш.-Л. Лё Льэвра де ля Гранжа работы Л.-Л. Буальи из собрания государственного Эрмитажа: проблемы идентификации	419

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

THE ANCIENT ORIENT

- R.A. Orekhov* (Moscow) – Re-Examination of “The Prophecy of Neferti” 5

ANCIENT GREECE AND ROME. HELLENISM

- I.E. Surikov* (Moscow) – Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical Periods:
I. Preliminary Thoughts of General Theoretical Nature..... 19
- A.A. Kleymentov, A.Y. Butovskiy* (Tula) – European Scythians’ Warfare and Macedonian
Military Art of Philip II and Alexander the Great’s Reign: to the Issue of the Common
Ground 35
- T.Yu. Shashlova* (Saratov) – Source Study Remarks on the One Ctesias of Cnidus’
Message..... 50
- E.V. Litovchenko* (Belgorod) – Some Traditional Public Feasts and Entertainments in the
Latin West of the 5th Century AD..... 58
- Yu.Yu. Chueva* (Belgorod) – Holy Deaconess Olympias: Life without Vanity 70
- T.L. Aleksandrova* (Moscow) – The Empress Athenais-Eudocia: the Path to the Throne 75

THE NORTH BLACK SEA REGION

- S.B. Shabanov* (Moscow) – Marks on the Glass Vessels from the Roman Period in the
Northern and Northwest Black Sea Region 88
- N.I. Vinokurov* (Moscow), *L.Y. Ponomarev* (Kerch) – Cult Complexes of the Saltovo-Mayaki
Settlement at the Site of Fortified Settlement Artezian (1994–2010 Excavations) 105
- T.N. Smekalova* (Simferopol) – The “Gate” on Tarkhankut. New Archeological Sites in the
Upper Reaches of the Lake Donuzlav in the Northwestern Crimea 149

THE MIDDLE AGES

- S.G. Botalov* (Chelyabinsk), *A. Bayoglu* (Yekaterinburg), *D.N. Maslyuzhenko* (Kurgan) –
Written Traditions and Linguistic Borrowings in Medium of Turkic-Speaking Nomads
in the Ural-Kazakhstan Steppes 174
- R.T. Ganiev* (Yekaterinburg) – The First Qaghan’ Policy and the Rise of Ancient Turks in
Central Asia (AD 534–572)..... 189
- G.N. Garustovich* (Ufa) – Volga-Ural Steppe Corridor in the Middle Ages: Was there the
History to Begin in the 10th Century...Or Not All the Same? 202
- A.G. Gertsen, Yu.M. Mogarichev* (Simferopol) – The Dürbesi of Haidar-Khan on Chufut-
Kale: the Lost Monument or Historiography Myth 216

RUSSIAN HISTORY

- A.I. Chepel’* (Saint-Petersburg) – Intelligence in the Swedish-Russian Borderland after the
Treaty of Stolbovo 228
- A.V. Trifonov* (Tyumen) – Monasteries in Tyumen in the 17th – 18th Centuries 237

<i>A.V. Trifonov</i> (Tyumen), <i>V.I. Usanov</i> (Surgut) – Church Charity in Tyumen in the 19 th – Early 20 th Century	248
--	-----

ETHNOLOGY

<i>I.R. Atnagulov</i> (Magnitogorsk) – Kazakhs of Chelyabinsk Region: a Brief Ethno-Cultural Characteristics (to the Problem of Ethnic Identity in the Multiethnic Environment)	260
<i>S.Yu. Belorussova</i> (Yekaterinburg) – Nagaybaks-Bakals: Chapters of Ethno-History	269
<i>A.B. Panchenko</i> (Surgut) – Between Civil and Ethnic Nation: National Projects in the Russian Empire in the First Third of the 19 th Century	282
<i>V.V. Medvedev</i> (Surgut) – K.V. Ivanov's "Narspi": Chuvashes' Traditions in the Poem	294
<i>L.N. Khakhovskaya</i> (Magadan) – Ethnographical Issues in the Scientific Research Program by N.N. Dikov	304

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

<i>T.E. Abramzon</i> (Magnitogorsk)– The Philosophy of Happiness in Karamzin's Works: in Search of True Bliss	319
---	-----

LINGUISTICS

<i>E.B. Ivannikov</i> (Saint-Petersburg) – Language Reflexion: from Metatext to Reflexive.....	337
<i>E.V. Pozhidaeva</i> (Moscow), <i>N.A. Koz'ko</i> (Magnitogorsk) – Gastronomic and Bacchic Conceptual Spheres as a Reflection of National Mentality (Linguistic and Conceptual Approach).....	348
<i>S.L. Andreeva</i> (Magnitogorsk) – Propositional Frame Analysis of Lexical Meanings of Words with the Root "Blago (Good)", which are the "Peaks" of Families of Words	357
<i>M.M. Khoshimkhujayeva</i> (Tashkent) – Motivational Analyses of English, Russian and Uzbek Phytonyms with Anthroponyms.....	369

CULTURE

ART CRITICISM

<i>E.I. Kononenko</i> (Moscow) – Turkish Mosque: Image and Brand	379
<i>L.I. Sattarova</i> (Ankara) – The Minbar of Alaaddin Mosque in Konya.....	391
<i>K.E. Chemezova</i> (Saint-Petersburg) – St. Swithun Cathedral of Stavanger as a Unique Monument of the Norwegian Stone Architecture of the 12 th – 14 th Centuries	409
<i>D.I. Gorshkov</i> (Zhukovsky) – The Portrait of Brigade General A.-C.-L. Le Lievre de la Grange by L.-L. Boilly in the Hermitage: Identification Problems	419

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@mail.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный **договор**.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **References**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. London–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980-1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960-1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в references указывается полное название журнала

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже). Сайт translit.net

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya vojna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: Pis'ma s fronta [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	"		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	hr	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	gg'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956.

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2017

Сдано в набор 21.02.2017. Подписано в печать 15.03.2017.

Дата выхода 31.03. 2017.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.